

SEATTLE PUBLIC LIBRARY

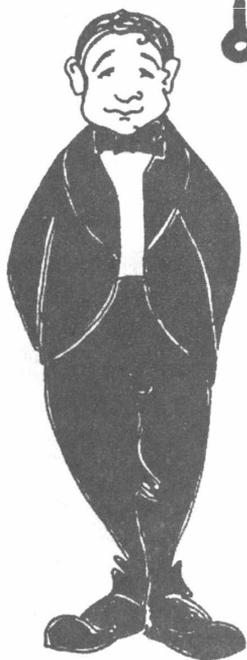

0 01 00 3905525 5

**Проще
конференсье!**

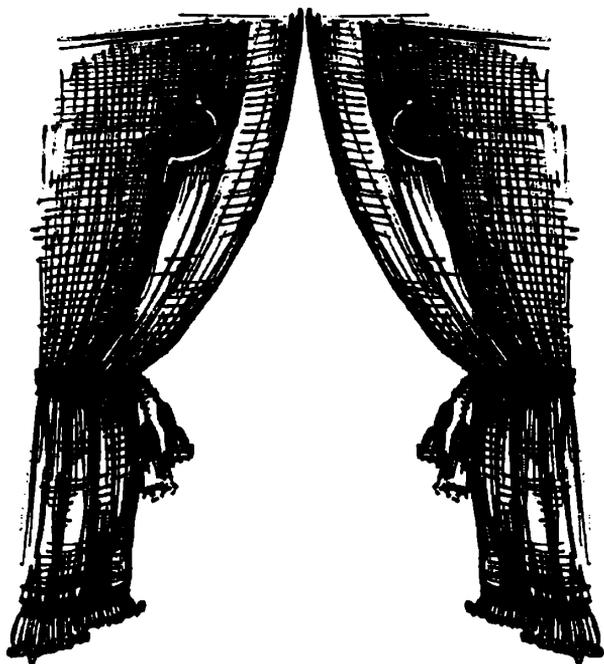

**Григорий
Горин**

ГРИГОРИЙ ГОРИН

*ПРОЩАЙ,
КОНФЕРАНСЪЕ!*

Издательство "Стоок"
Москва
1997

Дорогие читатели!

В первую книгу избранных произведений Григория Горина включены иронические мемуары, юмористические монологи, рассказы, широко известные сценарии и пьесы: "О бедном гусаре замолвите слово", "Кот домашний средней пушистости", "Трехрублевая опера", "Счастливцев-Несчастливцев" и др.

ISBN 5-89549-010-7

© Григорий Горин, 1997.

© "Стоок", оформление,

составление, название серии, 1997.

От автора:

Как-то выступая на одном очень важном собрании, я вышел на трибуну и от волнения выпалил: “Перед тем как начать говорить, я хотел бы сказать...”

Зал засмеялся нелепости этой фразы.

Я сначала вздрогнул, а потом обрадовался, поскольку вспомнил правило, что для выступающего всегда важно сразу овладеть вниманием аудитории и настроить ее на определенный лад.

То же самое хорошо бы проделать и с читателем, который начал читать эту книгу или хотя бы ее листать.

— Дорогой читатель (листатель)! Ты держишь в руках второе издание собрания моих сочинений. Первое вышло давно, лет пятьдесят назад... Мало кто про это знает. Тогда я был школьником начальных классов. И первый раз с мамой приехал в Одессу. Проходя мимо книжного киоска, я из озорства спросил у продавца: “Скажите, пожалуйста, собрание сочинений Горина к вам не поступало?”

Старый киоскер посмотрел на меня сквозь очки, потом презрительно ответил: “Хватились, молодой человек! Уже давно распродано!”

Этому доброму киоскеру-одесситу я и хочу первому сейчас высказать слова благодарности за тот щедрый аванс, который он выдал на издания моих книг.

А еще я бы хотел сердечно поблагодарить всех замечательных актеров, которые в течение многих-многих лет исполняли мои произведения на эстраде, на радио и телевидении, в театрах и кино.

Без них никогда бы не появились бы и мои книги.

А еще я хочу поблагодарить всех своих поклонников и читателей, кто помнит мои сочинения с давних пор и, встретив знакомые названия, согласен вновь улыбнуться тому, над чем смеялся много лет назад.

Но мне хочется поблагодарить и тех многочисленных читателей и зрителей, которые меня никогда не читали, не видели и, вообще, не имеют обо мне никакого понятия.

Им — особая благодарность! И я убедительно прошу всех моих читателей передавать эту благодарность каждому неведующему о моем существовании. (Это можно делать вежливо и ненавязчиво. Например, просто подойти к любому прохожему и спросить: “Вы слышали про писателя Горина?” Если прохожий удивленно пробормочет: “Нет! А что?”, — сразу добавлять: “Он велел вам передать за это огромное спасибо!”)

А еще я хочу поблагодарить всех работников издательства, выпустивших этот мой двухтомник. Им, бедным, пришлось читать мои сочинения с особой тщательностью, выверяя каждую запятую. (И если в книгах встретятся опечатки и ошибки, то это, безусловно, моя вина. Просто издатели так безмерно меня уважают, что не рискнули исправлять даже явные безграмотности, встречавшиеся в рукописи.)

И я просто обязан поблагодарить всех своих близких: отца и мать, давших мне жизнь, мою жену Любу Горину, с которой мы живем вместе уже тридцать лет, и все тридцать лет я проверяю на ней свои шутки и остроты, а она сохранила в себе силы иногда им улыбаться.

Но главная моя благодарность, безусловно, Господу Богу!

“Господи, Боже мой! — часто повторяю я мысленно. — Спасибо Тебе, что однажды выпустил меня в этот прекрасный и трагический мир, сделав человеком, то есть наделил способностью смеяться и плакать!”

Эти слова я советую повторять почаще своему читателю.

А теперь, помолясь, можно двигаться дальше!..

АВТОБИОГРАФИЯ

Насколько мне не изменяет память, я родился в Москве 12 марта 1940 года ровно в двенадцать часов дня. Именно в полдень по радио начали передавать правительственное сообщение о заключении мира в войне с Финляндией. Это известие вызвало, естественно, огромную радость в родовой палате. Акушерки и врачи возликовали и некоторые даже бросились танцевать. Роженицы, у которых мужья были в армии, позабыв про боль, смеялись и аплодировали.

И тут появился я. И отчаянно стал кричать...

Не скажу, что помню эту сцену в деталях, но то странное чувство, когда ты орешь, а вокруг все смеются — вошло в подсознание и, думаю, в какой-то мере определило мою судьбу...

Писать я начал очень рано. Читать — несколько позже. Это, к сожалению, пагубно отразилось на моем творческом воображении. Уже в семь лет я насочинил массу стихов, но не про то, что видел вокруг, скажем, в коммунальной квартире, где проживала наша семья, а, в основном, про то, что слышал по радио. Радио в нашей квартире не затихало. По радио шла холодная война с империалистами, в которую я немедленно включился, обрушившись стихами на Чан-Кай-ши, Ли-сын-мана, Адэнауэра, Де Голя и прочих абсолютно неизвестных мне политических деятелей. Нормальные дети играли в казаков-разбойников или боролись во сне со Змеем Горынычем. Я же вызывал на смертный бой НАТО и Уолл-стрит!..

Воротилы Уолл-стрита,
Ваша карта будет бита!
Мы, народы всей земли,
Приговор вам свой произнесли!..
и т.д.

Почему я считал именно себя “народами всей земли”, даже и не знаю.

Но угроза подействовала! Стихи политически грамотного вундеркинда стали печатать в газетах.

В девять лет меня привели к Самуилу Яковлевичу Маршаку.

Старый добрый поэт слушал мои стихи с улыбкой, иногда качал головой и повторял: “О, господи, господи!..”

Это почему-то воспринималось мною как похвала.

— Ему стоит писать дальше? — спросила руководительница литературного кружка, которая и привела меня к поэту.

— Обязательно! — сказал Маршак. — Мальчик поразительно улавливает все штампы нашей пропаганды. Это ему пригодится. Если поумнеет, станет сатириком! — и вздохнув, добавил: — Впрочем, если станет сатириком, то, значит, поумнеет не до конца...

Так определился мой литературный жанр.

К четырнадцати годам, убедившись в незыблемости империализма, я порвал с международной тематикой и перешел к внутренним проблемам. Стал писать фельетоны, сценки, рассказы на школьные темы. В восьмом классе, после исполнения на вечере куплетов о хулиганах, меня здорово отлупили...

Это и был мой первый настоящий успех на выбранном пути. И позже бывали удачи — закрывали мои спектакли, запрещали фильмы, но вот о такой живой и непосредственной реакции на меткие остроты приходилось только мечтать...

Заканчивая школу, я твердо решил, что стану писателем. Поэтому поступил в медицинский институт.

Это было особое высшее учебное заведение, где учили не только наукам, но и премудростям жизни.

Сегодня только ленивый не ругает нашу медицину. Я же остаюсь при убеждении, что советский врач был и остается самым уникальным специалистом в мире, ибо только он умел лечить, не имея лекарств, оперировать без инструментов, протезировать без материалов...

Поставить бы в такие условия выпускников Бостонского и Калифорнийского университетов, хотел бы я на них посмотреть... Как бы они справились с нашими многоразовыми шприцами и одноразовыми градусниками...

То, что за рубежом пробовали лишь на мышках, мы проверяли на себе!

И как, например, мне забыть нашего заведующего кафедрой акушерства профессора Жмакина, который ставил перед студентами на экзаменах такие задачи:

— Представьте, коллега, вы дежурите в приемном отделении. Привезли женщину. Восемь месяцев беременности. Начались схватки... Воды отошли... Свет погас... Акушерка побежала за монтером... Давление падает... Сестра-хозяйка потеряла ключи от процедурной... Заведующего вызвали в райком на совещание... Вы — главный! Что будете делать, коллега? Включаем секундомер... Раз-два-три-четыре... Женщина кричит! Думайте! Пять-шесть-семь-восемь... Думайте! Все! Женщина умерла! Вы — в тюрьме! Освободитесь — приходите на перезкзаменовку!..

Тогда нам это казалось иезуитством. Потом, на практике, убедились, что жизнь ставит задачки и потрудней, и сделали для себя главный вывод: не бывает бесплатной медицины! За все медик и пациент поровну платят своими нервами и здоровьем...

Учась в институте, а позже работая врачом “Скорой помощи” в Москве, я продолжал писать рассказы, фельетоны, монологи, сценки. Одним словом, стал тем, что у нас называется “писатель-сатирик”.

(Один американский исследователь справедливо заметил, что советский сатирик был самым изобретательным в мире, поскольку только он, имея всего две-три разрешенные властями темы для творчества, был способен сочинять бесчисленное количество вариантов.)

К началу семидесятых годов у меня вышло уже несколько книг рассказов и пьес, я был принят в Союз писателей и решил протиснуться с работой в “Скорой помощи”.

Антон Павлович Чехов писал: “Медицина — моя жена. Литература — моя любовница”. Я тоже долго метался между этими двумя дамами сердца, пока не возникли новые увлечения мужского и среднего рода —

Театр и Кино!

Эта компания завладела мной полностью, не оставляя времени ни на рассказы, ни на то, чтобы лечить других, ни на то, чтобы лечиться самому...

Начинались так называемые “застойные времена”. Я беру эти слова в кавычки, потому что в искусстве застоя вообще не бывает. Живая идея всегда пробивалась к жизни, как трава из-под асфальта...

Поэтому настоящие прозаики писали “в стол”, кинематографисты кляли готовые фильмы “на полки”, художники развешивали свои картины на кухнях...

Театру, может быть, было труднее всего! Ему нужен был зритель, и не будущий, а современник! И говорить хотелось в полный голос, не спотыкаясь о бесконечные запреты...

Я решил помочь зрительской фантазии. Стал сочинять пьесы-притчи, основанные на исторических и литературных легендах. Первая из них называлась "...Забить Герострата!" ...Древний греческий город Эфес, сожженный храм, беспородный хам, рвущийся к власти... Мне казалось, думающие люди меня поймут.

Пьеса имела успех. Люди все поняли. Цензоры тоже.

Работник Министерства культуры с выразительной фамилией Калдобин задал мне уникальный по изобретательности вопрос:

. — Григорий Израилевич, — сказал он мне, — вы же русский писатель? Так?! А зачем же вы тогда про греков пишете, а?

Я не нашелся, что сказать в ответ. Да и как можно было объяснить этому убогому чиновнику, что кроме его учреждения существует иное пространство, имя которому — Вселенная, и кроме его календарика с красными датами существует иное время, имя которому — Вечность. И если жить по этому летоисчислению, то получается, что все люди — и жившие, и живущие, и готовящиеся к жизни — современники.

И тогда фламандский шут Тиль Уленшпигель становится понятен своим московским сверстникам и призывает их к свободе, немецкий барон Мюнхгаузен учит русских людей ненавидеть ложь, а английский сатирик Джонатан Свифт — иронии и сарказму...

Я перечислил спектакли и фильмы, которые мы делали вместе с режиссером Марком Захаровым. А еще были пьесы, поставленные в Театре сатиры Андреем Мироновым... И фильм "О бедном гусаре...", снятый вместе с Э. Рязановым...

Короче, в застойные годы мне лично азартно и интересно работалось. Было много трудностей и препятствий, но сегодня как-то и не хочется о них вспоминать. Может, для сатирика необходим нажим и запреты, чтобы совершенствовать форму сопротивления?

А может, это время вспоминается так радостно потому, что я был просто моложе и наивней?!..

Перестройка круто изменила нашу жизнь.

Глоток свободы!.. Еще глоток! Еще! Мы упивались свободой! В России всегда пьют до одурения, забывая, что наступает похмелье...

Через несколько лет мы проснулись и протрезвели неизвестно в какой стране, неизвестно в какой исторической эпохе.

Одни говорят, что у нас "ранний капитализм", другие — "поздний феодализм". Третьи предпочитают термин "постсоциалистический ма-разм".

Трудно со всеми не согласиться!

Вообще, трудностей прибавилось всем, включая тех, кто занимается искусством. Искусство всегда требовало жертв или, по крайней мере, пожертвований... А где их взять в огромной, распавшейся державе?..

Впрочем, жалобы надоели! Хорошо сказал поэт, мой ровесник:

Времена не выбирают.
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете
Нет — на времена пенять...
Будто можно “те” на “эти”,
Как перчатки поменять!

И поскольку время поменять нельзя, можно поменять свое отношение к нему.

И не впадать в отчаяние. Что я и пытаюсь делать, сочиняя новые пьесы, выпуская новые книги, т. е. по мере сил работаю над продолжением собственной автобиографии...

РАССТАВЬ
(1960—1985 г.)

ПОЧЕМУ ПОВЯЗКА НА НОГЕ?

Есть такой анекдот.

Приходит больной к доктору. У больного забинтована нога.

— Что у вас болит? — спрашивает доктор.

— Голова, — отвечает больной.

— А почему повязка на ноге?

— Сползла...

Я как-то рассказал этот анекдот, сидя в гостях у знакомых. Просили рассказать что-нибудь смешное — вот я и рассказал.

Все засмеялись.

Только пожилой мужчина, сидевший за столом напротив, как-то странно посмотрел на меня, задумался и затем, перегнувшись через стол, сказал:

— Простите, я, вероятно, не понял... У больного что болело?

— Голова.

— А почему же повязка на ноге?

— Сползла.

— Так! — грустно сказал мужчина и почему-то вздохнул. Потом он снова задумался.

— Не понимаю! — сказал он через несколько минут. — Не улавливаю здесь юмора!.. Давайте рассуждать логически: ведь у больного болела голова, не так ли?

— Голова.

— Но почему же повязка была на ноге?

— Сползла!

— Странно! — сказал мужчина и встал из-за стола.

Он подошел к окну и долго курил, задумчиво глядя в темноту.

Я пил чай.

Через некоторое время он отошел от окна и, подсев ко мне, тихо сказал:

— Режьте меня — не могу понять соль анекдота! Ведь если у человека болит голова, на кой же черт ему завязывать ногу?

— Да он не завязывал ногу! — сказал я. — Он завязал голову!

— А как же повязка оказалась на ноге?!

— Сползла...

Он встал и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Ну-ка выйдем! — вдруг решительно сказал он. — Поговорить надо!

Мы вышли в прихожую.

— Слушайте, — сказал он, положив мне руку на плечо, — это действительно смешной анекдот, или вы шутите?

— По-моему, смешной! — сказал я.

— А в чем здесь юмор?

— Не знаю, — сказал я. — Смешной и все!

— Может быть, вы упустили какую-нибудь деталь?

— Какую еще деталь?

— Ну, скажем, больной был одноногим?

— Это еще почему?!

— Если считать возможным, что повязка действительно сползла, то она, проползая по всему телу, должна была бы захватить обе ноги!.. Или же это был одноногий инвалид...

— Нет! — решительно отверг я это предположение. — Больной не был инвалидом!

— Тогда как же повязка оказалась на ноге?

— Сползла! — прошептал я.

Он вытер холодный пот.

— Может, этот доктор был Рабинович? — неожиданно спросил он.

— Это в каком смысле?! — не понял я.

— Ну, в каком смысле можно быть Рабиновичем?.. В смешном смысле...

— Нет, — отрезал я. — В этом смысле он не был Рабиновичем.

— А кто он был в этом смысле?

— Не знаю! Возможно, англичанин или киргиз...

— Почему киргиз?

— Потому что папа у него был киргиз и мама — киргизка!

— Ну да, — понимающе кивнул он, — если родители киргизы, тогда конечно...

— Вот и славно! — обрадовался я. — Наконец вам все ясно...

— Мне не ясно, что же у больного все-таки болело!

— Всего хорошего! — сказал я, надел пальто и пошел домой.

В час ночи у меня зазвонил телефон.

— Это вам насчет анекдота звонят, — послышался в трубке его голос. — Просто не могу уснуть. Эта нога не выходит из головы!.. Ведь есть же здесь юмор?!

— Есть! — подтвердил я.

— Ну. Вот и я понимаю... Я же не дурак! Я же с образованием... Жене анекдот рассказал — она смеется. А чего смеется — не пойму... Это, случайно, не ответ армянского радио?

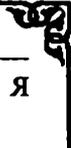
— Нет! — сказал я.

— Тогда просто не знаю, что делать, — захныкал он.

Он позвонил мне на следующий вечер.

— Я тут советовался со специалистами, — сказал он. — Все утверждают, что повязка сползти не могла!

— Ну и черт с ней! — закричал я. — Не могла так не могла! Что вы от меня-то хотите?!

— Я хочу разобраться в этом вопросе, — сердито сказал он. — Для меня это дело принципа! Я на ответственной работе нахожусь. Я обязан быть остроумным!..

Я бросил трубку.

После этого он в течение нескольких дней звонил мне по телефону, и даже приходил домой.

Я ругался, возмущался, гнал его — все безуспешно.

Он даже не обижался.

Он смотрел на меня своими светлыми чистыми глазами и бубнил:

— Поймите, для меня это необходимо... Я же за границу часто выезжаю... У меня должно быть чувство юмора...

Тогда я решил написать о нем рассказ.

О человеке, который таинственные законы смеха хочет разложить с помощью сухой таблицы умножения.

Свой рассказ я отнес в сатирический отдел одного журнала.

Редактор долго смеялся.

— Ну и дуб! — говорил редактор. — Неужели такие бывают?

— Бывают, — сказал я. — Сам видел.

— Что ж, будем печатать, — сказал редактор.

Потом он обнял меня и, наклонившись к самому уху, тихо спросил:

— Ну а мне-то вы по секрету скажете: что же у больного на самом деле болело?!

— Голова, еле слышно произнес я.

— А почему же повязка на ноге?..

Я понял, что этот рассказ вряд ли будет напечатан.

СЛУЧАЙ НА ФАБРИКЕ № 6

Все неприятности младшего технолога Ларичева происходили оттого, что он не умел ругаться. Спорить еще кое-как мог, хотя тоже неважно, очень редко повышал голос, но употребить при случае крепкое слово или, не дай Бог, выражение был просто не в силах. От этого страдал он сам, а главное — работа.

Работал Ларичев на обувной фабрике № 6, на которой, в силу вековых традиций (все-таки обувщики — потомки языкастых сапожников), ругаться умели все: от директора до вахтера. Ругались не зло, но как-то смачно и вовремя, отчего наступало всеобщее взаимопонимание, недоступное лишь младшему технологу Ларичеву. Он, со своей путаной, слегка шепелявой речью, выпадал из общего круга и вносил бесптолковщину. Мог, например, часами просить кладовщика выдать в цех “те”, а не “эти”, а кладовщик вяло говорил, что “тех” нет, и диалог был скучным и бессмысленным, пока, наконец, не приходил разгневанный

мастер и не начинал орать на кладовщика, тот орал в ответ, мастер посылал кладовщика “куда подальше”, тот шел и приносил именно те заготовки, которые и требовались.

Ларичев знал, что за глаза его все прозвали “диетическим мужиком”, что над ним посмеиваются, что его авторитет равен нулю, но не мог придумать, как это все изменить. И каждый раз, когда в конце месяца на фабрике наступал аврал и надо было ускорить темп работы, директор начинал кричать на своих заместителей, те — на старшего технолога, старший — на младшего, а тот, в свою очередь, должен был орать на мастеров, но не мог. И поскольку эта налаженная цепочка разрывалась именно на нем, то получалось, что в срыве плана виноват именно он, Ларичев, и тогда на него орал все. От этого у Ларичева начинало болеть сердце, он приходил домой бледный, сосал валлидол и жаловался жене.

— Женечка, — ласково говорила ему жена, — так нельзя, милый... Ты тоже спуску не давай. Ты ругайся!

— Я не умею, — вздыхал Ларичев.

— Научись!

— Не получается.

— Не может быть, — говорила жена, — ты способный! Ты — интеллигентный человек, с высшим образованием... Ты обязан это освоить! Занимайся вечерами.

— Пробовал, — грустно отвечал Ларичев.

Он, действительно, несколько раз пробовал. Наедине, перед зеркалом. Подбегал к зеркалу с решительным намерением выпалить все, что о себе думает, но каждый раз, видя свое хилое отражение, ему хотелось плакать, а не материться.

— Но это все вредно для здоровья, — говорила жена. — Мне один доктор объяснял, что брань — это выплескивание отрицательных эмоций. Все выплескивают, а ты не выплескиваешь! Если не можешь сам этому научиться, возьми репетитора.

— Ладно, — согласился однажды Ларичев, когда у него особенно сильно разболелось сердце. — Попробую учиться...

Шофер фабричной автобазы Егор Клягин долго не мог понять, чего от него хочет этот очкастый инженер в кожаной шляпке.

— Понимаете, Егор Степанович, — стыдливо опустив глаза, бормотал Ларичев, — я советовался со сведущими людьми, и все единодушно утверждают, что лучше вас этому меня никто не научит...

— Чему “этому”?

— Ну, вот этому... В смысле выражений... Все говорят, что вы их знаете бесчисленное множество...

— Кто говорит-то? — возмутился Клягин. — Дать бы тому по сулам, кто говорит!

— Нет-нет, они в хорошем смысле говорили! В смысле, так сказать, восхищения вашим словарным запасом...

— Слушайте! — сердито сказал Клягин. — Некогда мне с вами шутки шутить, Евгений Петрович! У меня здесь и так... — тут Клягин употребил несколько тех выражений, которые были так недоступны Ларичеву.

— Вот-вот, — обрадовался Ларичев. — Именно так! Ах, как вы это лихо! Ну, прошу вас... Всего несколько занятий. А я вам буду платить.

— Чего? — изумился Клягин. Он решил, что Ларичев просто издевается над ним, но тот смотрел серьезно и несколько печально. — Это как же платить?

— Почасово, — сказал Ларичев. — У меня есть товарищ, преподаватель английского языка... Он берет за час занятий пять рублей.

— Ну, он английскому учит, — усмехнулся Клягин, — а тут — родному... Хватит и трешника.

— Спасибо, — сказал Ларичев. — Вы очень любезны.

В субботу днем Ларичев отправил жену в кино, достал магнитофон, тетрадь, ручки. Задернул шторы.

Клягин пришел в назначенный час. Он был при костюме и галстуке, выглядел торжественно и чуть неуверенно. Оглядел квартиру, попросил запереть дверь, поинтересовался слышимостью через стены.

— А то, знаете, соседи услышат — еще пятнадцать суток склопочем.

Увидев магнитофон, Клягин заволновался:

— Это зачем? Уберите!

— Это для записей, — пояснил Ларичев. — Мне так запомнить будет проще и легче отрабатывать произношение...

— Уберите! — настаивал Клягин. — Это ж документ. И потом, на кой на эту гадость пленку переводить?

— Нет-нет, прошу вас, — взмолился Ларичев. — Без магнитофона мне сначала будет трудно...

— Зря я в это дело ввязался, — вздохнул Клягин, однако, уступив просьбам Ларичева, сел за стол. Нервно закурил.

— Начнем, Егор Степанович! — Ларичев сел напротив, открыл тетрадку. — Прошу вас!

— Чего?

— Говорите!

— Да чего говорить-то?

— Слова, выражения... Только помедленней... И если можно, поясните принцип их употребления...

Клягин задумался, напрягся, пошевелил губами, с удивлением обнаружил, что беспричинно вспотел, но так ничего из себя и не выдал.

— Как-то не могу без разгона, — сказал он, вытирая лоб. — Не идет как-то...

— Может, чаю выпьем? — спросил Ларичев. — Вы не волнуйтесь. Он принес чай, коржики.

— Если вам трудно, Егор Степанович, начните с более мягких слов... Попробуйте!

Клягин отхлебнул из чашки, снова задумался, наконец неуверенно произнес:

— Ну, например, “сука”...

— Так, — кивнул Ларичев, записывая слово в тетрадку, — хорошо. Ну и что?

— Ничего...

— Нет, я имею в виду, в каком смысле: “сука”?

— В обыкновенном, — пожал плечами Клягин. — Собака, значит, дамского полу...

— Это я знаю, — сказал Ларичев. — А как это употреблять?

— Да так и употребляйте...

— Нет, вы не поняли. Я хочу понять какую-то закономерность. Это слово употребляется в отношении одушевленного или неодушевленного предмета?

— Не знаю я...

— Ну, хорошо... Вот, например, отвертка... Она может быть этим... тем, что вы сказали?

— Отвертка? — удивился Клягин. — При чем здесь отвертка?

— Я в качестве примера... Вот, скажем, у рабочего вдруг потерялась отвертка... Может он ее так назвать?

— Если потерялась, тогда конечно...

— А если не потерялась?

— А если не потерялась, тогда чего уж... Тогда она просто отвертка!

— Понимаю, — обрадованно кивнул Ларичев. — Видите, как все любопытно... А о предмете мужского рода можно так говорить?

— Не знаю... Вроде бы нет.

— А вот у нас в цехе, когда сломался конвейер, то механики его тоже называли сукой. А ведь конвейер мужского рода, не так ли?

Клягин долго и внимательно смотрел на Ларичева, потом решительно встал из-за стола.

— Отпусти ты меня, ради Бога, Евгений Петрович! Ну тебя... У меня аж голова заболела! Брось дурью мучиться!

— Нет, что вы, пожалуйста... — Ларичев умоляюще схватил Клягина за рукав. — Ну, прервемся... Перекур!

— Не могу я так ругаться! — жалобно сказал Клягин. — Без причины у меня не получается. Куражу нет! Телевизор включите, что ли... Там сейчас хоккей.

Включили телевизор. Играли “Спартак” и “Химик”. “Спартак” проигрывал. Клягин несколько минут мрачно наблюдал за экраном, что-

то бормоча, а когда в ворота “Спартака” влетела пятая шайба, он побагровел, повернулся к Ларичеву и закричал:

— Ладно! Валяй, Евгений Петрович, записывай! Все по порядку. Начнем с вратаря... Знаешь, кто он?!

Последующие занятия проходили более гладко. Ларичев аккуратно записывал и запоминал все, чему его учил Клягин, потом наговаривал это на магнитофон и давал прослушать учителю. Браниться без помощи техники он пока не решался. Клягин понемногу стал входить во вкус педагогики, стал задавать домашние задания.

После десятого урока Клягин стал настаивать на практических занятиях.

— Ну, чего мы воду толчем? — возмущался он. — Сидим здесь, закрывшись, как уголовники, и шепотом лаем... А на людях ты, Петрович, уж извини, все такой же одуванчик: дунь — посыплешься! Ты применяй, чему научился, применяй.

— Повода пока не было, — вздыхал Ларичев.

— Какой тебе повод? Пришел на работу — вот и повод... А то что ж зря стараться? Я деньги зря брать не привык!

И тут на фабрике произошло очередное ЧП. Цех резиновой обуви запорол большую партию сапог. Впрочем, не то чтоб уж так запорол — просто голенища оказались припаянными к основанию несколько под углом, что придавало им забавный вид, хотя в носке это, возможно, и не очень бы мешало, если, конечно, приноровиться их надевать. Но ОТК сапоги не пропустил, и разразился скандал. Директор накричал на заместителя, тот, в свою очередь, — на старшего технолога, тот обругал младшего, а когда они пришли в цех, то старший мастер вдруг заявил, что с него спроса нет, поскольку все расчеты делал Ларичев, стало быть, он и виноват в неправильном смыкании голенища и подошвы.

— Это неправда! — сказал Ларичев. — Я вам докажу...

— А мне нечего доказывать, — сказал старший мастер.

— Я вам несколько раз объяснял...

— А мне нечего объяснять, — снова прервал его тот. — Молоды вы еще меня учить, товарищ Ларичев. Я здесь двадцать лет работаю! Я эти сапоги делал, когда вам мать еще сопли выгирала!

Ларичев побледнел и смолк. Старший мастер понял, что разговор окончен, повернулся и спокойно пошел прочь.

Наблюдавший эту сцену Клягин подскочил к Ларичеву и зашипел ему в ухо:

— Ну?! Чего ж ты... Ну?! Уйдет ведь! — Он даже подтолкнул Ларичева в спину.

Тот сначала нерешительно пошел, потом побежал, догнал старшего мастера и, нервно кусая губы, тихо сказал:

— Немедленно извинитесь!

— Чего? — не понял мастер.

— Немедленно извинитесь!!!

— Да идите вы, товарищ Ларичев, знаете куда?!

Лицо Ларичева сделалось красным, подбородок задрожал.

— Вы... вы...

— Ну же! — не выдержав, крикнул Клягин.

— Вы... вы, — продолжал бормотать Ларичев и, вдруг схватившись за грудь, стал медленно оседать на пол.

Его подхватили, положили на диванчик в коридоре. Через двадцать минут приехала “скорая”. Клягин помогал выносить Ларичева на носилках. Тот был бледен, слабо улыбался и все пытался что-то объяснить Клягину, но Клягин утрово сопел и не слушал.

Через два дня фотографию Ларичева повесили в красном уголке в черной рамке. На кладбище пришло много народа, выступал представитель фабкома, который охарактеризовал покойного как хорошего специалиста и человека, любимого коллективом.

Вечером Клягин пришел к вдове на поминки, и хотя пил мало, но был очень мрачен и ни с кем не разговаривал. Только попросил магнитофон и, выйдя с ним на лестничную площадку, долго курил.

На следующий день он пришел на фабрику с красными от бессонницы глазами, до одиннадцати работал, а потом зашел к дежурному вахтеру и попросил у него ключ от радиорубки.

Войдя в радиорубку, Клягин закрылся изнутри, сел за стол и включил микрофон. Когда в динамиках раздался треск, Клягин немножко оробел, но тут же взял себя в руки и глухо произнес:

— Аллю! Это Клягин говорит... Шофер Клягин Егор Степанович... Знаете, в общем...

Сквозь окно радиорубки он увидел, как работавшие в цехах люди удивленно подняли головы.

— Стало быть, вот что, — продолжал Клягин, — похоронили мы вчера, стало быть, нашего товарища... технолога... Ларичева Евгения Петровича. Это больно всем нам, что и говорить... Потому что, я вам скажу, замечательный он был человек, нежной души... и так далее... Очень хороший он был, Ларичев... Евгений Петрович...

В дверь радиорубки кто-то постучал, но Клягин даже не повернул головы.

— И вот что я вам теперь скажу, дорогие мои, — продолжал он, — конечно, здоровье у него было слабенькое, никто вроде не виноват, но я вам так скажу — на всех вина, а на мне, может, больше других... Он какой был человек?... Он — чуткий был человек, чистый... И он страдал от нашего с вами хамства. Он, можно сказать, ломал себя под нас... Понимаете?... Ну, сейчас поймете, кто не понимает... Слушайте сами... Женщинам разрешаю выйти!

Клягин достал из кармана пленку, поставил на магнитофон, включил. Раздалось шипение, а потом тихий голос Ларичева начал медленно

и неуверенно выговаривать тяжелые, неповоротливые, совсем чужие для него слова.

Клягин терпеливо ждал, пока пленка закончится. И все стоявшие молча ждали, а когда она кончилась, еще молчали несколько секунд.

— Вот так! — глухо сказал Клягин и выключил магнитофон. — Вот так!.. Все!

После этого случая Клягина обсуждали на местном комитете и вынесли ему порицание. Потом на фабрику № 6 приезжала специальная комиссия, директор получил выговор за слабую воспитательную работу. А потом фабрику № 6 объединили с фабрикой № 7 и переименовали ее в фабрику № 8. И поскольку фабрика № 6 перестала существовать, то теперь уже трудно установить, был ли на ней этот случай вообще...

ОБНАЖЕННЫЙ КУРЕНЦОВ

Воскресный день начинался прекрасно.

Василий Михайлович Куренцов проснулся рано, встал, позавтракал, надел белую нейлоновую рубашку, закатал у нее рукава, взял свою жену Зинаиду Ивановну Куренцову и направился в город на прогулку.

Они сели в такси, прокатились по центральным улицам Москвы, посмотрели Новый Арбат, Кутузовский проспект, потом приехали на Пушкинскую площадь, расплатились и вышли.

Здесь Куренцов и его супруга выпили пива, затем съели по стаканчику мороженого и, уже совсем сытые и довольные, пошли вниз по улице Горького. По дороге они разглядывали витрины магазинов, читали рекламы и афиши, улыбаясь смотрели на девушек в модных юбках, и вообще им было хорошо. Затем они свернули в один из переулков, потом в другой переулок, потом — в третий и тут увидели, возле низенького старинного дома, длинную очередь.

— Извиняюсь, что здесь? — спросил Куренцов у высокого парня в замшевой куртке, стоявшего в очереди последним.

— Выставка, — ответил тот.

— Это в каком смысле? — не понял Куренцов. — Выставка чего именно?

— Выставка живописи, — сказал парень, оглядывая Куренцовых, и добавил: — Современной живописи...

— А почему вход? — поинтересовалась Зинаида Ивановна.

— Двадцать копеек, — сказал парень. — А для школьников и солдат по пятаку! — И улыбнулся.

Если бы не эта улыбка, Куренцов, конечно, не пошел бы на эту злосчастную выставку, поскольку живописью он никогда не интересовался. Но снисходительная улыбочка этого парня, а также меркантильный разговор о двадцати копейках и пятаке его задела.

Василий Михайлович повернулся к супруге и спросил:

— Ну что, Зинуля, посмотрим?

— Посмотрим! — быстро согласилась Зинаида Ивановна. — А то чего без толку по городу шляться...

Через двадцать минут супруги Куренцовы уже бродили по залам выставки.

Народу здесь было много. Люди переходили от картины к картине, тихо переговаривались. Возле некоторых о чем-то спорили.

Куренцовы в споры не вступали. Василий Михайлович вел под руку Зинаиду Ивановну, и они чинно прогуливались, глядя по сторонам. Все картины в принципе нравились Василию Михайловичу, особенно пейзажи. Но больше всего ему нравилась обстановка выставки, такая торжественная, можно даже сказать, благоговейная.

— Надо бы нам дома какую-нибудь картину повесить, — тихо сказал жене Василий Михайлович. — А то надоело на обои глядеть...

— Верно, — согласилась Зинаида Ивановна. — У нас в хозяйственном эстампы продают...

— Вот! — обрадовался Куренцов. — Пейзаж какой-нибудь... Так, чтоб деревья были, лужок...

Он сделал рукой неопределенный жест, поясняющий, какой именно лужок хотелось бы видеть на эстампе, глянул по направлению руки на стену и замер от неожиданности.

На большой картине, висевшей в углу, Василий Михайлович Куренцов увидел СЕБЯ...

Картина называлась "Ночное купание". Изображен на ней был берег реки ночью. Светила луна. Двое молодых ребят нагишом бежали к воде. А третий человек, лет пятидесяти, только еще готовился к купанию: он наполовину снял трусы, обнажив левую ягодицу с крупной черной родинкой. Лицо этого человека было обращено к зрителю, и оно, это лицо, несомненно, было лицом Василия Михайловича Куренцова.

В первый момент Куренцову показалось, что это ему все чудится, но, увидев побледневшее лицо жены, он понял, что не ошибся.

— Что ж это такое? — тихо ахнула Зинаида Ивановна. — Васенька, это ж ты... голый!

Стоявшая впереди них девушка в очках при этих словах повернулась, посмотрела на Василия Михайловича, потом на картину и улыбнулась.

Холодный пот выступил на лбу Куренцова. Кулаки его сжались.

— Пошли, Зина! — хрипло скомандовал он. — Пошли к директору!

Главный администратор выставки долго слушал Куренцова, качал головой и растерянно улыбался.

— Вам это показалось, гражданин, — говорил главный администратор. — Вам это почудилось!

— То есть как — почудилось? — спрашивал Куренцов, и его левая бровь нервно дергалась от обиды. — Как это может почудиться, когда это я! И лицо, и фигура, и даже родинка... Могу показать!

— Нет-нет, спасибо! — отмахивался администратор. — Но даже если этот нарисованный мужчина и похож на вас, то вы же понимаете, что это случайное совпадение... Случайное, понимаете? Если, конечно, вы не позировали художнику...

— Ничего я не позировал, — зло говорил Куренцов. — Я этого художника в глаза не видел... И тех двух ребятшек, что со мной купаются, тоже не знаю... И речка незнакомая...

— Конечно! — вторила мужу Зинаида Ивановна. — Разве станет Василий Михайлович так купаться? У него плавки есть, японские, в полосочку... Я ему прошлым летом купила...

— Товарищи, что вы от меня хотите? — наконец спросил администратор.

— Снимайте картину! — твердо сказал Куренцов. — Снимайте и — точка! Здесь люди ходят, дети... Могут прийти сотрудники... Стыд какой! Снимайте ее к чертям!

— Это невозможно, — сказал администратор. — Картина одобрена выставочной комиссией... Снимать ее никто не имеет права!

— А я говорю — снимайте! — угрюмо повторил Куренцов. — Не доводите дело до скандала!

— Вы мне не угрожайте, гражданин! — сказал администратор и перестал улыбаться. — Все претензии предъявляйте художнику, хотя я уверен, что он их тоже не примет...

— Соедините меня с ним! — властно сказал Куренцов.

Администратор внимательно посмотрел на Василия Михайловича, пожал плечами и, сняв трубку телефона, набрал номер.

— Товарищ Егоров?.. Здравствуйте! Это с вами говорит администратор выставки. Здесь к нам пришел один товарищ. У него какие-то странные претензии к вашей картине. Сейчас передам ему трубку...

— Алло! Куренцов говорит, — сказал Василий Михайлович в трубку. — Товарищ художник, здесь такое дело получилось... я у вас на картине оказался... Ну, тот, который трусы снимает... Приношу протест!

— Не понимаю, — послышалось в трубке. — Какой протест?

— За искажение! — сказал Куренцов и с досадой понял, что говорит не то. — В общем, это получился вылитый я... Вы, товарищ, где-нибудь меня видели и зарисовали... А здесь люди ходят, дети...

— Какие дети? — недоуменно спросил голос в трубке. — Я вас, товарищ, никогда в глаза не видел и не рисовал...

— Может, и не видели, а получился я, — сказал Куренцов. — Даже родинка та же...

— При чем здесь родинка? Какая родинка? — Голос в трубке заметно нервничал.

— Обыкновенная родинка... На этом самом... Короче, снимайте картину, а то будет скандал! — хрипло сказал Куренцов.

— Вы выпили, товарищ, — спокойно произнес голос в трубке. — А потому оставьте меня в покое...

Куренцов несколько секунд слушал короткие гудки, потом положил трубку на стол и, не глядя на администратора, мрачно произнес:

— Ну, ладно!.. Пошли, Зина!

Они быстро шли по залам, не оглядываясь и не обращая внимания на людей. Зинаида Ивановна испуганно держала Куренцова за руку, а он шумно дышал носом, втянув голову в плечи, и иногда вздрагивал всем телом, словно кто-то сзади тыкал ему пальцем в спину.

В этот вечер Василий Михайлович Куренцов выпил много водки. Пил он один. Пил медленно, задумчиво, молча, почти не закусывая.

Зинаида Ивановна грустно смотрела на него, вздыхала, иногда пыталась утешать.

— Плонь, Вася! — говорила она. — Ну зачем ты страдаешь? Чего особенного? Никто и не знает... Ну кто туда пойдет? Никто из знакомых не пойдет... И на работе объясни: мол, не ходите...

— Дура ты! — сердито отвечал Куренцов. — А вдруг по телевизору покажут? Или, того хуже, открыток наделают... Пять копеек штука...

— А ты отрицай все! Мол, это не я...

— “Отрицай”! — сердито перебивал Куренцов. — Чего ж отрицать, когда физиономия моя... Здесь отрицать глупо!

Он замолчал, курил, и кожа на его лбу, собиравшаяся морщинка-ми в гармошку, говорила о мучительных раздумьях, терзавших мозг.

Наконец Куренцов встал, надел пиджак и, не глядя на жену, хмуро сказал:

— Я пройду, Зина!

— Куда это ты — на ночь глядя? — испугалась Зинаида Ивановна.

— Пройду, и все! — повторил Куренцов. — Развеюсь...

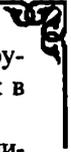
Он вышел из дома, постоял несколько минут у подъезда, проверяя, не следит ли за ним супруга, и, убедившись, что слежки нет, быстро направился к стоянке такси.

Точного адреса выставки Куренцов не знал, поэтому он долго колесил по центру Москвы, пока, наконец, такси не подвезло его к знакомому старинному дому.

Куренцов расплатился, подождал, пока машина отъедет, и закурил.

Было около часа ночи. Переулок опустел.

Василий Михайлович несколько раз обошел здание выставки и, убедившись, что ни сторожа, ни постового милиционера здесь нет, остановился сзади дома у маленького окошка. Затем, еще раз оглядевшись, Куренцов достал перочинный ножик, отколупнул сухую замазку, отогнул гвоздики и вынул двойное стекло.

Вынув стекло, Куренцов залез на невысокий подоконник и, с трудом протискивая свое грузное тело через узкие рамки окна, проник в помещение. Жуткая темнота окружила его со всех сторон.

Поначалу Куренцов очень испугался и с ужасом подумал, что никогда не найдет в такой тьме того, что ищет, но потом сообразил, что находится в каком-то подсобном помещении, а залы где-то впереди, и в них, возможно, будет посветлее.

Он долго шел по какому-то длинному коридору. Было очень темно и очень тихо, но алкогольное опьянение, в котором продолжал пребывать Куренцов, отгоняло страх и помогло ему всего с двумя падениями добраться до двери, толкнув которую Василий Михайлович оказался в выставочном зале.

Здесь уже было гораздо светлее. Сквозь громадные окна проникал слабый свет уличных фонарей, и черные квадраты картин на стенах обозначались довольно четко.

“Ночное купание” Куренцов нашел быстро. Он еще несколько минут постоял перед полотном, вглядываясь в свое лицо, которое в этом полумраке показалось ему еще более похожим, потом подставил стул и снял картину с крюка.

И тут Куренцову стало страшно. За всю свою жизнь он никогда не делал ничего противозаконного, и теперь душа его заныла. Сердце бешено заколотилось, и его удары эхом разнеслись по пустым залам.

Однако Василий Михайлович быстро взял себя в руки, еще раз огляделся по сторонам, затем вынул холст из рамы, свернул его в трубочку, а рамку повесил на место.

И тут Куренцову опять стало очень страшно. Но совесть уже была ни при чем. Просто Василию Михайловичу показалось, что из дальнего угла кто-то наблюдает за ним. Куренцов задрожал от этого взгляда, но не побежал, а, наоборот, сам не зная почему, медленно пошел в этот дальний угол. Подойдя ближе, он увидел белую обнаженную женщину, стоявшую на коленях и протягивающую к нему, Куренцову, руки.

— Статуя! — догадался Куренцов, но от этого страх его не улетучился, а даже усилился. Потому что, чем ближе он подходил, тем до жути знакомыми становились ее черты. И когда Василий Михайлович подошел совсем близко и взглянул в лицо этой каменной бабы, то из груди его вырвался какой-то странный хриплый звук.

Перед ним, на коленях, обнаженная, стояла его жена Зинаида Ивановна Куренцова.

От неожиданности ноги Василия Михайловича подкосились, и он шлепнулся на пол, но тут же вскочил, как-то странно застонал и, схватив скульптуру за выгнутые руки, попытался сдвинуть ее с места.

Однако скульптура была удивительно тяжелой, гораздо тяжелее живой Зинаиды Ивановны. Куренцов все-таки протащил ее по полу метра два, но затем устал, отчаянно пнул ее ногой, ушиб палец и заплакал от тоски.

В этот момент мимо окон проехал автомобиль, и желтые лучи его фар осветили большую картину на стене. На картине Василий Михайлович увидел своего брата Виктора Михайловича Куренцова, проживавшего в настоящий момент в городе Калуге. Виктор Михайлович Куренцов был изображен почему-то в бескозырке, тельняшке, а за поясом у него торчал огромный пистолет.

Василий Михайлович оторопело посмотрел на него и, обреченно махнув рукой, пошел по залу.

Уже не удивляясь и не вздрагивая, он бродил по полутемным залам выставки и с каким-то тупым безразличием разглядывал картины.

Со всех стен на него смотрели Куренцовы.

Здесь были изображены его дядя Алексей Куренцов, двоюродный брат Сергей, крестный Андрей Степанович Жмакин, сестра Зины — Ольга, шурин Брюкин, племянница Клава Спиридонова, бабушка Анна Степановна, тетьа по материнской линии Раиса Григорьевна.

Обнаженные или одетые в какие-то нелепые костюмы, с красными, синими, зелеными лицами, Куренцовы со всех сторон разглядывали Василия Михайловича, который кругами бродил по залам, пока не ткнулся лбом в какую-то большую дверь.

Здесь, точно очнувшись от сна, Куренцов с силой рванул ручку двери, потом забарабанил по ней кулаками и громко стал звать на помощь.

Через час милицейская машина везла Василия Михайловича Куренцова. Он сидел на железной лавочке между двумя милиционерами и тупо глядел в маленькое окошечко, разлинованное на квадраты стальными прутиками. Когда машина проезжала мимо памятника Юрию Долгорукому, Куренцов неожиданно улыбнулся, тронул одного из милиционеров за рукав и, кивнув на памятник, тихо сказал:

— О, видал?! Дядя мой, Михаил Степанович Куренцов... На коне изобразили, гады!

ИЗМЕНА

Виктор Андреевич Корюшкин прожил со своей женой Ниной в любви и согласии семь лет, и это обстоятельство его очень тяготило. Собственно говоря, мужской темперамент, отпущенный природой Корюшкину, и не требовал никакой побочной жизни, а вполне удовлетворялся законной, семейной, но, будучи человеком современным и в какой-то мере интеллигентным, Корюшкин не мог не понимать, что в таком безоблачном размеренном семейном существовании есть что-то провинциальное и ущербное.

Корюшкин смотрел фильмы, читал книги, беседовал со знакомыми и всякий раз убеждался, что на свете бушуют страсти, люди смело ныряют в море острых ощущений, на Западе уже придуман “группен-

секс” (о нем рассказывал Корюшкину один институтский товарищ, который собственными глазами видел этот самый “групенсекс” в шведской авторучке), и получалось так, что только он, Виктор Андреевич Корюшкин, оказался за бортом, сидит, пьет чай и коротает знойные июньские вечера с женой и телевизором.

Особенно мучительными для Корюшкина были рассказы сослуживцев, когда в курилке учреждения, в котором работал Виктор Андреевич, после обеденного перерыва собирались мужики и, поболтав о начальстве или футболе, выходили на “живую” тему и когда какой-нибудь Монюков (толстый, лысоватый, ни рожи, ни кожи) вдруг со смаком начинал повествовать о своей трехдневной командировке в Тулу, где он в гостинице познакомился с очаровательной девушкой, почему-то эстонкой (снежные волосы, нос в веснушках и шепчет эдак с акцентом: “Милый мой Моньюкоф...”), и какие сумасшедшие были эти три дня. И тут же тему подхватывал следующий: “Это что! А вот у меня был случай...”

И загорались глаза, и каждый спешил захватить площадку, и только Корюшкин стыдливо моргал ресницами, потому что нечего ему было рассказывать. Не было в его жизни никого, кроме Нины, а до Нины были-то всего Зина да Томка в институте, и более никого, не то что, скажем, загадочной эстонки белоснежной, но вообще — ничего, хотя бы и менее экстравагантного. И Корюшкин со вздохом уходил из курилки в рабочую комнату, садился за свой стол и свирепо переключал папки из одного ящика в другой, чтобы забыть.

Главное, Корюшкин чувствовал, что он в принципе может понравиться женщинам (рост — выше среднего, глаза — серые и в зубах — расщелина, что свидетельствует о тайных пороках), ему улыбалась секретарша Клара, и в автобусах он иногда ловил на себе пугливые оценивающие взгляды, но как перевести эти едва ощутимые признаки благосклонности во что-то более реальное, Корюшкин не знал.

Нина не то чтобы была ревнива, но, как всякая жена, чуть насто-роже. Из дому она никуда не уезжала, отдыхать супруги всегда ездили вместе, в командировки Корюшкина не посылали. Так что для легкой кратковременной связи просто не было элементарных условий. Пускаться же в длительный затяжной роман, скажем, с той же Кларой, Корюшкин боялся. Это пахло крупными неприятностями и разводом, а разрушать семью ему не хотелось: во-первых, был сын, во-вторых, Нина хорошая, в-третьих, не хотелось, и все...

Так шли дни, и на седьмом году совместной жизни вдруг наступил такой знойный июнь, когда все женщины надели модные кофточ-ки-майки и такие короткие юбки, что Корюшкин вдруг понял: пора кончать с голубиным семейным воркованьем и свершить что-нибудь эдакое, возмутительное. А тут как раз и выдался случай: местком закупил путевки в двухдневный дом отдыха на водохранилище, и путевки распределили в учреждении, в котором работал Виктор Андреевич, и в соседнем, в ко-

тором он не работал, и еще в соседнем... И, покупая путевку, Корюшкин видел, что такие же путевки покупают малознакомые женщины в кофточках-майках.

Дома был трудный разговор. Нина очень обиделась, что Корюшкин не берет ее с собой, хотя он подготовил вполне логичные доводы: в доме пора провести генеральную уборку, поэтому он и сматывается, чтоб не мешать, и вообще ему хочется побыть в полном одиночестве, чтобы собраться с мыслями. Это "собраться с мыслями" особенно возмутило Нину.

— С какими еще мыслями? — зло спросила она. — Девизу себе наметил?

Корюшкин искренне обиделся, поскольку Нинины слова были правдой. Он закричал, что ему надоел этот домострой и вечные подозрения, на которые он не давал повода, и что трудно жить с женщиной, у которой такие мешанские представления о других. Потом он уложил в чемоданчик несколько рубаш, шорты, плавки, надел новые фирменные белые трусы в сеточку и лег спать отдельно, на раскладушке...

От учреждения отдыхающих вез огромный автобус. Водитель включил музыку, все громко разговаривали, неугомонный Монюков рассказывал анекдоты и всех смешил. Корюшкин тоже смеялся и победным взглядом оглядывал женщин, словно эти анекдоты придумал он. Женщины улыбались Корюшкину, и от этих перспективных улыбок его охватывало радостное волнение.

В доме отдыха селили по двое. Корюшкин оказался в одной комнате с Монюковым и чрезвычайно этому обрадовался, потому что Монюков был мужиком компанейским. Монюков тоже обрадовался соседству с Корюшкиным и сразу предупредил:

— Старик, очень хорошо, что мы с тобой... Ты тогда вечером подышишь на улице часов до двенадцати, ладно? У меня тут намечается маленькое суаре!

Корюшкин не знал, что такое суаре, но все равно обиделся, что его выпроваживают. Корюшкин надулся, заморгал ресницами и сказал:

— Сам дыши! У меня тоже суаре!

— У тебя? — Монюков оскорбительно хмыкнул.

— А что, не имею права? — Корюшкин решил твердо отстаивать свои права на комнату.

— Имеешь, конечно, — задумался Монюков. — Но на кой же черт я с тобой селился? Ты ведь у нас всегда был пайнкой. А с кем у тебя?

— Пока секрет! — сказал Корюшкин.

— Уважаю, — сказал Монюков. — Я сам молчун. Ладно! Тогда давай кинем жребий: кому дышать, кому не мешать... Орел или решка?

Корюшкин выбрал "орла" и угадал. Монюков расстроился, а Корюшкин понял, что это знамение судьбы, тут же сбегал в буфет, купил бутылку коньяка и плитку шоколада...

Потом все пошли на реку. Корюшкин тоже пошел на реку, плавал вдоль берега баттерфляем, разбрасывал брызги и привлекал внимание. Потом он надел шорты, темные очки и с независимым видом фланировал по пляжу, подсаживаясь к разным компаниям и осторожно вступая в разговор. Парой слов он перекинулся с секретаршей Кларой и пригласил ее вечером в кино (это на всякий случай), познакомился с одной блондинкой (Люся из научно-исследовательского института, лаборантка, не замужем), пригласил ее после обеда погулять по аллеям, “чтоб не толстеть”. Люся хотя и была совсем не толстая, но погулять вроде бы согласилась, во всяком случае, кивнула и улыбнулась...

За обедом Корюшкин подсел к столу, за которым сидел Монюков и четыре женщины, две — незнакомые. Монюков, как всегда, хохмил, а Корюшкин ухаживал за незнакомками, подавал им горчицу и в конце обеда, допивая компот, написал одной из них, Рае (полная брюнетка, инженер-экономист, разведена), записку на бумажной салфетке: “Давайте встретимся в 20.00 у клумбы”. Прямо передать записку ей в руки он постеснялся, но положил ее перед Раей так, чтоб когда она вздумает вытереть губы, то прочла бы. После обеда Монюков завалился спать, а Корюшкин, глотнув для храбрости коньяку, выбежал на улицу. Он был бодр, весел и энергичен.

И вот тут в четко расписанном графике Корюшкина начало что-то заедать. Во-первых, не вышла худеть блондинка Люся. Корюшкин два часа бродил по аллеям, высматривая ее, но она не появилась. Правда, гуляя, Корюшкин заговорил с какими-то двумя студентками и, как ему показалось, сумел их к себе расположить, но к концу разговора выяснилось, что студентки вообще не из этого дома отдыха, просто приехали сюда на субботу, живут в лесу в палатке, где кроме них есть еще два студента. Проклиная себя за бессмысленно потраченное время, Корюшкин помчался к кинозалу и там увидел Клару с какой-то компанией незнакомых мужчин. Клара сказала, что встретила здесь случайно старых друзей, извинилась и ушла в кино с ними. А в 20.00 Рая не пришла к клумбе. Корюшкин прождал ее целый час, мучительно раздумывая, в чем причина неудачи: салфетка не дошла или Рая не захотела? Впрочем, теперь уже это не имело значения. Начинался вечер, время безвозвратно уходило.

Он быстро побежал к себе в комнату. Монюкова не было, на столе лежала записка: “Старик, желаю успеха! Вернусь в полночь, постарайся уложиться!” Виктор Андреевич посмотрел на часы — шел десятый час, теперь каждая минута была на счету. Корюшкин надел свежую рубашу, быстро побрился, глотнул еще для храбрости коньяку, вышел в коридор и начал бессмысленно бродить по этажам дома отдыха, прислушиваясь к звукам, доносящимся из-за закрытых дверей. Это были манящие звуки: смех, обрывки фраз, музыка, а за некоторыми дверями стояла тишина, — эта таинственная тишина больше всего волновала Виктора Анд-

реевича. Погуляв полчаса и ничего не нагуляв, Корюшкин почувствовал себя бесконечно несчастным, вернулся в свою комнату, выпил весь коньяк и съел весь шоколад.

Он опьянел, и его охватила такая тоска, что он чуть не заревел. Положение и вправду выглядело идиотским: поругался с женой, рванулся ни свет ни заря в этот дурацкий дом отдыха, отвоевал отдельную комнату и теперь сидит и пьет один, как последний алкоголик! Корюшкин сидел, кусал губы, и в его душе зрело отчаянное желание выбежать в коридор, врываться в закрытые комнаты, орать и требовать, чтоб и его приняли в какой-нибудь загул...

И тут произошло нечто странное — погас свет. Корюшкин подумал, что это только в его комнате, но, выйдя на ощупь в темный коридор, он понял, что свет перегорел во всем доме. Люди чиркали спичками, весело переговаривались, отпускали сомнительные шутки, которые всегда легко говорить, когда не видно лица, кто-то сердито требовал позвонить на электростанцию... В вестибюле первого этажа ходила горничная и шепотом просила отдыхающих не волноваться. В длинном халате, в платочке, со свечой в руке, она была похожа на монашку, шептавшую молитву.

Темнота немножко развеселила Корюшкина. Он побродил по вестибюлю, давая советы по исправлению линии, потом на лестнице столкнулся с какой-то женщиной и в темноте пытался схватить ее за руку, игриво произнес: “Пардон, мадам!”, но тут же его кто-то толкнул в плечо и строгий мужской голос произнес: “А ну проходи!..” Затем Корюшкин поднялся к себе на этаж, с трудом нашел свою комнату и, быстро раздевшись, рухнул на постель. От выпитого коньяка его потянуло в сон, а главное, он понял, что в темноте уж точно ни с кем не познакомишься, разве что схлопочешь по роже. Корюшкин закрыл глаза, и его воспаленный мозг начал понемножку гаснуть, и разные мысли стали медленно расплываться по извилинам, сворачиваясь в клубок и затихая...

Но тут скрипнула дверь, и в комнату вошла женщина. Корюшкин сразу понял, что это женщина, и проснулся. Сердце бешено застучало у него внутри, а мысли забегали в голове, сталкиваясь и ударяясь друг о друга. Женщина сделала несколько неуверенных шагов по комнате, наткнулась на стул. Корюшкин затаил дыхание, но надолго не смог, и зажатый в легких воздух, наконец, вырвался из него с каким-то стоном.

— Ой!.. Здесь кто-то есть... Простите, это какой номер? — спросила женщина.

— Семьдесят второй! — прошептал Корюшкин и резким движением выскочил из-под одеяла.

Женщина вскрикнула и отскочила, уронив стул, а Корюшкин в темноте поймал ее руку, притянул к себе и в каком-то дурмане начал страстно целовать ее, попадая губами то в плечо, то в лоб, то в шею, то вообще в никуда, потому что женщина отворачивалась и было темно...

— Прекратите! Прекратите! Я буду кричать! Кто вы?!

— Милая моя! Единственная! О! — страстно шептал Корюшкин, пытаясь перехватить ее вторую руку, которой она толкала его в грудь. — Это я! Корюшкин из отдела статистики... О!.. Дивная моя!.. Я женюсь, честное слово, женюсь!.. Прекрасная моя!.. Я женюсь, честное слово, женюсь!.. Прекрасная моя!.. О чудное мгновенье!

Корюшкин быстро-быстро говорил, переходя то на высокопарный стиль, то на какое-то суетливое бормотание с обещаниями завтра же расписаться, и все время выкрикивал: “О!.. О!..”, а женщина твердила: “Перестаньте!” — и сопротивлялась, и отталкивала его, но Корюшкин чувствовал, что под его мощным напором толчки становятся все слабее, а сопротивление стихает, признавая себя бессмысленным...

Потом Виктор Андреевич, не одеваясь, вышел на балкон покурить. Он стоял в своих фирменных белых трусах в сеточку, его обдувал ночной ветерок, он курил и смотрел на небо, где не было луны, но очень ярко горели звезды, и он подумал, что звезды в июне очень красивы и как это прекрасно, что на них тоже есть жизнь...

Когда Корюшкин вернулся с балкона, то с удивлением обнаружил, что в комнате никого нет. Виктор Андреевич зажег спичку, огляделся, потом выглянул в коридор, надеясь, что она там, но коридор был пуст. Корюшкин хотел позвать ее, но тут сообразил, что не знает ее имени, и, даже если она где-то рядом и спряталась, непонятно, как к ней обращаться.

— Эй! — негромко позвал Корюшкин. — Эй, товарищ! Где же вы?

Ему никто не ответил. Корюшкин вернулся в комнату, снова закурил и сел за стол. Ему вдруг сделалось очень весело...

Вскоре зажегся свет, а ровно в полночь вернулся Монюков. Корюшкин, волнуясь и опуская малозначительные подробности, поспешно рассказал ему все. Он не стал ничего приукрашивать, ибо и правда была настолько невероятна, что он боялся, как бы Монюков ему не поверил. Однако Монюков поверил. Он усмехнулся, задумчиво почесал в затылке и спросил:

— И ты, стало быть, не знаешь, кто это был?

— Понятия не имею!

— Ну хоть приметы какие-нибудь?

— Какие там приметы? Темно было — хоть глаз коли...

— Толстая? Тонкая?

— Средняя, — подумав, сказал Корюшкин. — Плотная такая... А может, и худая. — Он растерянно заморгал ресницами.

— Так, — подытожил Монюков, — стало быть, ясно, что ничего не ясно! Однако кое-какие приметы все-таки есть... Во-первых, она мажется польской розовой помадой. — Он ткнул пальцем в щеку Корюшкину, и тот, подскочив к зеркалу, обнаружил на левой щеке две розовые полоски. — Во-вторых, — продолжал Монюков, сняв с одеяла длинный

светлый волос, — она блондинка! Причем натуральная! Вот так-то, обвиняемый!

— Почему “обвиняемый”? — поморщился Корюшкин. — Не шути так... Лучше скажи, что теперь делать-то?

— А ничего не делать, — зевнул Монюков. — Спать надо. Завтра найдем.

— А вдруг она постесняется подойти?

— Все равно выдаст себя, — уверенно сказал Монюков. — Взглядом, улыбкой... Покраснеет. Тут много нюансов. Сам почувствуешь! Это, старик, флюидами передается... Вот у меня был аналогичный случай: загулял как-то в командировке в Калуге, проснулся в чужом доме, не помню, как туда попал, не помню, с кем... Входит какая-то женщина, приглашает завтракать... А я ни имени ее не знаю, ни фамилии и не пойму: она или не она?

— Ну и что?

— Оказалось — она!

— Как догадался?

— Спросил просто: мол, вы или не вы? Она говорит — я! Так и догадался.

— А что потом?

— А ничего! Позавтракал, уехал... Да чего ты нервничаешь-то?.. Ну, было и было... Закон природы: ты — фавн, она — пастушка! Вспышки страстей... — Монюков еще раз смачно зевнул и пошел спать.

Утром Корюшкин проснулся рано, принял душ, побрился, тщательно причесался и стал будить Монюкова:

— Сережа! Вставай. Пойдем!

— Чего? Куда? — не понял со сна Монюков.

— Найти ее надо... Объясниться...

— Кого?.. Ах да, — потягиваясь, вспомнил Монюков. — Земфиру твою... Да чего ты спозаранку-то?.. Ай, Корюшкин! Прямо супермен какой-то... Кто бы мог подумать?

Через полчаса они спустились в столовую на завтрак. Корюшкин шел робко, пугливо оглядывался по сторонам, бессмысленно улыбался и здоровался со всеми женщинами.

— Не суетись! — строго сказал ему Монюков, садясь за стол. — Не зыркай глазами... Ешь спокойно, а когда уж почувствуешь флюиды...

— Да как почувствую?

— Ну, посмотрит она на тебя... по-особому! Ешь!

Корюшкин принялся жевать котлету и тут же почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он резко обернулся и вздрогнул: на него смотрела бухгалтер Вера Михайловна, чей шестидесятилетний юбилей они недавно торжественно отметили у себя в учреждении. Корюшкина прошиб пот, но он все-таки сумел взять себя в руки и улыбнуться. Вера

Михайловна улыбнулась ему в ответ. Монюков заметил эту улыбку и так непристойно заржал, что Корюшкин чуть не выронил вилку.

— Она, что ли? — давясь от смеха, зашептал Монюков. — Ты что, Витя? У нее же внуки в армии...

— Прекрати немедленно! — зашипел Корюшкин. — Прекрати! Что я, рехнулся? Это не она... Она помадой не пользуется!

— Все равно смешно. — Монюков вытер слезы бумажной салфеткой. — Сдохнуть от тебя можно... Ну-ну, извини... Не буду. Сосредоточься! Вон в углу блондинка на тебя поглядывает. Тебе интуиция ничего не подсказывает?

Корюшкин внимательно посмотрел на пухлую блондинку с орлиным носом, на всякий случай улыбнулся ей и тихо сказал:

— Нет, чувствую — не она.

— У нее помада розовая.

— Все равно! Чувствую — не она. И потом, у нее нос большой. А там... вроде бы... поменьше был.

— И сколько сантиметров?

— Слушай, — обиделся Корюшкин, — ты не издевайся! Если ты мне друг — помоги, а издеваться...

— Ладно, ладно! — перебил Монюков. — Не она так не она... Я не навязываю... Обсудим следующую кандидатуру...

Они перехватили взгляды еще нескольких блондинок. Корюшкин всем улыбнулся и всем кивнул, в смысле — поздоровался, но в отношении ни одной из них у него не возникло чувства уверенности. Вообще, от этой неопределенной напряженности он начал уставать и нервничать.

И тут Монюков вдруг резко толкнул его локтем — в столовую вошла Ксения Вячеславна Волохова, начальник управления при главке. Одета она была в белый летний костюмчик, ее светлые волосы, как всегда, были уложены пучком сзади. Она благосклонно кивала сотрудникам, чуть улыбаясь своими тонкими губами, слегка покрытыми розовой помадой...

— Ну что? Она?

Корюшкин не отвечал, а только смотрел на Волохову завороченным взглядом, и она тоже посмотрела на него, и даже дольше, чем на других, и улыбнулась...

— Ну? Она, что ли? — не унимался Монюков.

— Кажется! — сказал Корюшкин, и его зубы забили дробь о край стакана.

— Вот это да! — многозначительно присвистнул Монюков. — Это ты, старик, зря... Начальство в этом смысле лучше не трогать! Ну-ну, спокойней! — добавил он, видя, что лицо Корюшкина приобретает бледно-сиреневый оттенок. — Ничего страшного... Она тоже человек. Как говорится, закон природы, взрыв страстей: ты — фавн, она — пастушка! Да успокойся же!

Корюшкин не мог успокоиться и становился все сиреневей и сиреневей. Если себя он и мог в какой-то мере признать фавном, то Ксения Вячеславна была уж абсолютно не пастушкой, а начальником управления, и ее строгий суховатый голос приводил в трепет людей поважнее Корюшкина.

— Да не смотри ты на нее так, — шептал Монюков. — Это ж неприлично!

— Выйдем отсюда! — упавшим голосом сказал Корюшкин. — Мне что-то нехорошо...

— Пойдем, пойдем. — Монюков поддержал шатавшегося Корюшкина и осторожно повел его через столовую. — Держись, старина... Ох, господи, что ж ты с таким-то здоровьем на баб бросаешься?

Они вышли в сквер, сели на скамейку, закурили.

— Давай взвесим все “за” и все “против”, — рассуждал Монюков. — Она живет на том же этаже, что и мы, она блондинка и губы розовые. Все это говорит о том, что она могла заблудиться, попасть случайно в твою комнату, а тут ты и налетел, как вепрь...

— Я не налетал, — жалобно перебил Корюшкин.

— Налетал, налетал! — неумолимо говорил Монюков. — И в этом вообще ничего страшного нет, если соображать, на кого... Но, с другой стороны, Волохова не тот человек, которой слабеет в темноте... Ты же знаешь ее характер. Помнишь, на летучке она нашему заву какую головомойку устроила? А Игнатьева за аморалку с работы выпурила с такой характеристикой, что он год уже не может устроиться...

Корюшкин застонал.

— погоди ныть-то! — строго сказал Монюков. — Может, и не она... Эх, черт, зря я волос выкинул, могли бы сверить... Но даже если и она, все тоже не так страшно: в темноте она тебя могла тоже не признать.

— Я назвался, — обреченно сказал Корюшкин.

— Зачем?

— Не знаю... Спьяну. И жениться обещал.

— Вот это уже совсем пошло, — поморщился Монюков. — Тоже мне, подарок судьбы! На кой ты ей нужен, у нее муж — адмирал.

Корюшкин снова застонал и обхватил голову руками.

— Надо пойти к ней, — быстро заговорил он. — Пойти выяснить... Если что — чистосердечно извиниться... Так, мол, и так! Простите! Я не хотел.

— Что значит “не хотел”? — строго спросил Монюков. — Думай, что говоришь-то! Она все-таки женщина, и очень даже пикантная... Такого врага себе наживешь, не дай Бог!.. Впрочем, и друзьями вам теперь трудно оставаться... М-да! Положение щекотливое...

— Она мне характеристику должна подписать, — почему-то вдруг вспомнил Корюшкин. — Мы с Нинкой заявление на Варну подали...

— Погоди ты с Варной, — отмахнулся Монюков. — Не до Варны сейчас! Одно ясно: молчать тебе надо! Никаких намеков. Ты не в курсе! Пока сама не даст знать... А уж если даст, тогда другое дело... Тогда обращай внимание. С ней, старик, нельзя: поматросил — и бросил...

Он вдруг осекся — прямо к их скамейке медленно шла Ксения Вячеславна.

— Сидите, товарищи, сидите, — величественно сказала Волохова вскочившим мужчинам и сама села на скамью. — Как отдыхаете?

— Спасибо, хорошо, — быстро ответил Монюков. — Просто исключительно!

— Природа здесь великолепная, да? — Волохова чуть откинула голову назад и повела глазами, как бы приглашая полюбоваться природой.

— Великолепная! — подтвердил Монюков — Исключительная! Возникла пауза. Разговор не получался.

— Вечер вчера был теплый, — сказала Волохова и посмотрела на Корюшкина.

Корюшкин побледнел и вдруг выпалил:

— Не помню!

Волохова удивленно вскинула брови, а Монюков с силой придавил ногу Корюшкину, но тот не мог остановиться.

— Не помню! Ничего не помню! — почти выкрикнул он. — Пьян был в стельку! Я когда выпью, ничего не соображаю! Хоть стреляй в меня!.. Вот так! Вот я какой!

Волохова наморщила лоб, и ее глаза сделались маленькими и холодными.

— Пить нехорошо! — строго сказала она. — А хвастать этим и подавно!

— Абсолютно верно! — поддакнул Монюков.

Корюшкин опустил голову и молчал.

— Ну, ладно, товарищи, не стану вам мешать. — Волохова встала со скамейки и медленно пошла по аллее.

— Ненормальный! Что ты разорался? — налетел Монюков на Корюшкина. — Чего тебя вдруг понесло? “Пьяный”, “пьяный”!

— Домой хочу! — обреченно сказал Корюшкин. — Домой, немедленно.

— Погоди паниковать! Может, и не она...

— Все равно. Хочу домой! — Корюшкин так быстро зашагал к корпусу, что Монюков еле за ним поспевал. — Черт меня дернул сюда приезжать! Сидел же дома, все хорошо — и на тебе!.. А эта Волохова тоже хороша. Небось дача собственная есть, так нет, надо с коллективом на отдых... Демократизм проявляет, мерзавка! А люди за нее отвечай! А я не боюсь! Ничего она мне не сделает... Все по обоюдному согласию... Я насилия не проявлял... А с работы я и сам уволюсь... “по собственному

желанию, в связи с переходом”... И адмиралом меня пугать нечего! Адмирал — он в море адмирал, а мне он не адмирал...

Он долго ехал в душном автобусе до станции, потом час курил в тамбуре электрички, потом троллейбусом доехал до дома, открыл дверь, прошел в спальню и, не раздеваясь, рухнул на постель. Нина не вышла к нему, она гремела на кухне кастрюлями, и Корюшкину вдруг страшно захотелось пойти к жене, рассказать ей про все, посоветоваться... Но он понимал, что это невозможно, и оттого еще больше ощущал себя несчастным и бесконечно одиноким человеком.

УБИЙЦА

Кирюша Лапенков, высокий худой мужчина лет тридцати пяти, сидел в диетической столовой и обедал. Настроение у Кирюши было скверное. Мрачное было настроение.

Да и с чего, спрашивается, быть хорошему настроению у человека, болеющего гастритом, сидящего в душевной столовой и поедающего обед за пятьдесят три копейки в составе: суп овощной протертый, тефтели паровые с картофельным пюре, кисель молочный?

Какие мысли должна рождать в мозгу такая пища?

Грустные мысли. Протертые мысли. Паровые. Желеобразные. Бессолевые.

Но нет! Организм Лапенкова протестовал. И в тот момент, когда его желудок равнодушно принимал всю эту преснятину, мозг Кирюши вел активную, буйную деятельность. Мозг кипел. Он рождал острые, соленые мысли. Мысли, пересыпанные перцем и аджикой, мысли шипящие и дымящиеся, как шашлык на шампуре.

Вот они, мысли Кирюши Лапенкова, в кратком изложении:

1. “Повар — сволочь! Протираешь овощи — протирай, но не до дыр! Сам небось харчо жрет!

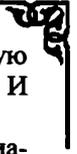
2. Участковый врач — халтурщик. Раз нашел у человека гастрит — так лечи. А он, кроме диеты, ничего не прописывает. За что им, коновалам, только зарплату платят?!

3. Председатель месткома Точилин — прохиндей! Не дал путевку в Кисловодск. У вас, говорит, товарищ Лапенков, всего-навсего гастритик, а у нас есть товарищи уже с язвочкой. Им путевочку в первую очередь надо. Мерзавец! На следующие выборы месткома не приду. В знак протеста!

4. Начальник отдела Корольков — убогий чинуша. И голос у него визгливый, как у бабы.

“Вы почему, товарищ Лапенков, не отправили запрос в Керчь по поводу трансформаторов?” — “Потому что забыл!” — “А зарплату вы получать не забываете?”

У, зануда! Тебе бы мою зарплату!

5. Сосед по квартире Рубинин — подонок и извращенец. Каждую ночь у него музыка орет и женщины повизгивают. Оргии устраивает! И хоть бы раз пригласил, каналья!

6. Лето нынче ужасное. Жара, духота! Говорят, солнечная радиация усилилась. Полысеем все к чертовой бабушке!

7. Вообще народ как-то измельчал... Стал хлипкий и пузатый... Сегодня шел по улице — ни одной красивой девушки не встретил... Вырождается род человеческий помаленьку.

8. В футбол наши играть определенно не умеют. Распустить бы команды, а Лужники огурцами засеять... Все же польза была бы...

9. По телевизору все время какую-то муру передают... В комиссионку отнести его, что ли?

10. Эх, жизнь!"

На десятом пункте мысли Лапенкова приостановились в своем развитии. Но произошло это вовсе не потому, что этот пункт был наиболее ярким и всеобъемлющим. Просто Лапенков вдруг заметил, что сидящий рядом за столиком бородач пристально его разглядывает. Кирюша этого не любил. Под чужим взглядом он терялся и нервничал. Поэтому, быстро допив кисель, Лапенков встал и направился к выходу. Однако спиной он почувствовал, что бородач тоже поднялся и идет за ним.

Так они прошли вместе по улице шагов десять, и все время Лапенков чувствовал на своем затылке сверлящий взгляд бородача. Тогда Лапенков остановился и обернулся.

— Извините, — сказал бородач, подходя к Лапенкову. — Извините. Разрешите представиться: Валабуев, художник!

— Лапенков, — тихо сказал Кирюша, слегка пожимая протянутую руку.

— Не сердитесь, что задерживаю вас, — сказал бородач, — но дело в том, что меня как художника поразило ваше лицо... Это то, что я искал...

— В каком смысле? — растерянно спросил Лапенков.

— В прямом! — сказал бородач. — У вас выдающееся лицо... Низкий скошенный лоб, тяжелые надбровные дуги, острый нос, губы тонкие, нервные... А скулы какие! Ведь это черт знает какие скулы!

— При чем здесь скулы? — начал нервничать Лапенков. — Что вы хотите, товарищ?

— Я хочу вас попросить позировать мне, — сказал художник. — Ваше лицо мне нужно для картины... Это не займет у вас много времени. Всего несколько сеансов. И я заплачу!

Приветливая улыбка на лице бородача и ласковое “заплачу” как-то успокоили Лапенкова. Он смутился и спросил:

— А кого же вы хотите с меня рисовать?

— Убийцу, — сказал художник и улыбнулся.

Наступила пауза.

— То есть, как это? — наконец осторожно спросил Лапенков. — Почему убийцу? С какой стати?

— Это не совсем убийца в обычном понимании этого слова, — продолжая улыбаться, сказал бородач. — Это браконьер. Понимаете, картина называется “Убийство”. Композиционно она решается так: опушка леса, а на переднем плане — косуля и охотник. Нежная, трепетная косуля, обогрелая кровью, лежит на траве, а над ней склонился охотник, браконьер с дымящимся ружьем. У него низкий скошенный лоб, тяжелые надбровные дуги, тонкие нервные губы искривились в садистской усмешке...

— Не-не! — запротестовал Лапенков. — Я отказываюсь... Что вы, на самом-то деле? Я люблю животных... И потом у меня семья, соседи...

— При чем здесь соседи? — поморщился художник. — А что касается животных, то именно из любви к ним я и взялся за это полотно. Я считаю охоту занятием аморальным! Моя картина будет публицистична от начала до конца. Это будет полотно-протест! Почему же вы отказываетесь помочь мне в этом благородном деле?

— Я не отказываюсь, — пробормотал Лапенков, — но как-то странно... Вы меня нарисуете, а что потом скажут? Лапенков — мерзавец, скажут...

— Ну зачем же так примитивно, — снова поморщился художник. — Картина — не фотография, это все прекрасно понимают... А если кто и узнает вас, то ничего, кроме уважения, к вам это не вызовет...

— Это почему? — не понял Лапенков.

— Потому что не каждого рисуют художники, — сказал бородач. — Это, если хотите, большая честь... Неужели вы этого не понимаете?

— Подумать надо, — вздохнул Лапенков.

— Хорошо! — сказал художник. — Пошли ко мне домой. Это пятнадцать минут ходу. Вот вам и время на раздумье.

Он взял Лапенкова под руку и повел по улице. Шел он быстро, широким, уверенным шагом. Лапенков едва поспевал за ним. Приходилось семенить ногами, и даже иногда подпрыгивать. Оттого и мысли в лапенковской голове были тоже какие-то семенящие и подпрыгивающие.

Вот они, мысли Кирюши Лапенкова, в кратком изложении:

“Откажусь! К черту!.. Почему?.. Потому!.. Зачем людей смешить?.. Почему смешить?.. Ну, не смешить — пугать?.. Зачем людей пугать?! Пусть знает! С кем! Имеют! Дело! Они все думают, что у меня лицо как лицо! Тьфу, лицо!.. А у меня лоб скошенный!.. Ага, задрожите, голубчики! И Точилин! И Корольков! И Рубинин!.. И все!.. С таким лицом шутики плохи!.. Попробуй! Обидь! А я с ружьем! На картине!.. Над косулей!.. Ничего! Они не дураки! Сегодня над косулей — завтра над тобой!.. Попробуй обхами! Попробуй не дай путевку!.. Ненавижу всех!.. И это фиксируем!.. Картина-протест!.. Смотрите, люди, до чего довели чело-

века!.. Всех на выставку свожу — звериный лик свой покажу!.. Да и самому на себя со стороны посмотреть интересно. Роковой мужчина!.. Девицы! Будут! Замирать! От! Страха! И! Любить!.. Эх!”

— Пришли! — сказал художник, остановившись перед подъездом большого кирпичного дома. — Ну как, согласны?

— Согласен! — вздохнул Лапенков.

— Я так и думал, — сказал художник. — Прошу вас...

Квартира у художника оказалась огромная и светлая. Три комнаты, через которые прошел Лапенков, были уставлены красивой старинной мебелью и книжными полками. Стены были увешаны картинами, иконами, какими-то диковинными масками. С потолка свешивались огромные старинные люстры с множеством стеклянных подвесок. Было очень уютно и, главное, прохладно.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал художник, пододвигая к Лапенкову огромное кожаное кресло. Кирюша робко сел и с удовольствием почувствовал спиной приятный холодок кожи.

— Коньяку выпьете? — спросил художник.

— Нельзя мне, — грустно сказал Лапенков. — Врачи...

— Пьюйте на них, — сказал художник, — мне тоже нельзя, а я принимаю понемножку — и ничего...

Он вышел в другую комнату и вскоре вернулся, везя перед собой на колесиках маленький деревянный столик. На столике стояли два больших бокала с каким-то желтым соком, блюдечко с нарезанным лимоном, коробочка шоколадных конфет, маленькие бисквитики, большая темная бутылка с яркой наклейкой и две пузатые рюмки.

Лапенков зачарованно смотрел на все эти прелести и, к своему удивлению, проглотил слюну, хотя ел совсем недавно.

— Пейте, не смущайтесь, — сказал художник, наливая рюмки. — Это “Камю”... Отличнейший коньяк... А сейчас я включу музыку. Я, знаете, люблю работать под музыку... Особенно Легран вдохновляет... Вы не возражаете?

— Нет, что вы... конечно, — смутился Лапенков.

Они выпили. Художник чуть-чуть пригубил, а Лапенков выпил всю рюмку коньяку и весь бокал с соком. Коньяк был крепкий и ароматный, сок — апельсиновый и холодный. Кирюше как-то сразу сделалось хорошо и радостно, тем более что он увидел, как художник вновь наполнил его рюмку.

— Курите, — сказал художник и положил на столик пачку сигарет в золотой обертке. — Это “Бенсон”... Я их очень люблю.

— Врачи запрещают, — робко сказал Лапенков, но потом обреченно махнул рукой и закурил.

Сигареты были удивительно приятные и крепкие. От них закружилась голова.

— Ну вот, а теперь за работу, — сказал художник.

Он включил магнитофон, достал большой альбом и толстый пластмассовый карандаш, а затем сел в кресло напротив Лапенкова.

Из динамиков, висевших на стенах, полилась музыка. Это была какая-то удивительно спокойная музыка, тихая и чуть-чуть печальная. Сам не понимая почему, Кирюша вдруг почувствовал в груди какое-то блаженное томление. Он выпил вторую рюмку коньяку и уже сам налил себе третью.

“Вот дурак-то я, — подумал про себя Лапенков. — Еще отказывался... Хорошо-то как, Господи!..”

Художник несколько минут внимательно смотрел на Лапенкова, потом неожиданно отложил блокнот, закурил, встал и прошелся по комнате.

— Послушайте, Лапенков, — наконец сказал он, глядя Кирюше прямо в глаза, — что у вас случилось с лицом?

— А что? — удивился Лапенков и провел рукой по щекам. — Чего случилось?

— У вас резко изменилось лицо, — сказал художник. — Черты, в общем-то, те же, а выражение совсем другое... Не то, что было там, в столовой...

— Не знаю, — сказал Кирюша. — Выпил потому что...

— Это я понимаю, — сказал художник. — Но мне-то необходимо именно то выражение... Жестокое, гневное и непреклонное. Вы помните, о чем вы думали там, в столовой?

— О разном думал, — тихо сказал Лапенков. — О людях, о жизни... Вообще, так сказать...

— У вас много неприятностей?

— Много, — вздохнул Лапенков.

— Ненавидите всех?

— Ненавижу, — опять вздохнул Лапенков.

— Очень хорошо, — сказал художник. — Тогда припомните все, о чем вы думали, о всех ваших врагах, и попытайтесь расправиться с ними мысленно...

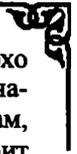
— То есть, как? — не понял Лапенков.

— Убейте их... Мысленно! Представьте: вам дали ружье в руки, разрешили стрелять в кого хочешь... Ожесточайтесь!.. Давайте, давайте... Проведем этот психологический опыт... Ну? Закройте глаза и сосредоточьтесь.

Лапенков послушно закрыл глаза и стал думать.

Сначала мыслей никаких не было. Просто в голове было какое-то приятное кружение, а во всем теле — сладкая ломота. Лапенков напрягся. Мелькнула мысль: выпить бы еще коньяку! Но это было не то. Потом снова мыслей не было. Потом наконец они появились.

Это были удивительные мысли, тягучие и ароматные, пахнувшие коньяком и сигаретами “Бенсон”... Вот они, мысли Кирюши Лапенкова, в кратком изложении:

“Убью повара! Он сволочь! Впро-чем, по-че-му?.. Ну, суп плохо готовит! Ну и что?.. Не нравится — не ешь. За что убивать? Лучше участкового доктора кок-ну!.. Он, бедняга, бегает целый день по вызовам, ночей недосыпает, а я его из ружья?.. Вот Точилина действительно стоит у-ко-ко-шить!.. Почему путевочку не даешь?! Потому что нет!.. Где он ее возьмет?.. Родит, что ли?.. А так он хороший человек, Точилин!.. И начальник отдела Корольков тоже хо-ро-ший человек!.. Если и кричит, то за дело! Запрос в Керчь я действительно забыл отправить! Пусть живет на радость людям!.. Ох, какая музыка! Легран? Хороший человек Легран!.. Надо посоветовать соседу Рубинину, пусть он эту музыку достанет... Хороший он парень, молодой, красивый... Его девушки любят... За что ж его убивать?.. Нет, я не на него злился... Я на лето злился!.. Жаркое лето! Радиации много!.. И ничего не много!.. В самый раз... Футболистов пострелять, что ли?.. Да их же тысячи! Патронов не наберешься... Да и как же без футбола?.. Одна радость... Почему одна?.. А телевизор вечером посмотреть — плохо, что ли?.. “А я иду, шагаю по Москве, и я еще пройти смогу...”. Это что, тоже Легран?.. Нет, это наша песня. Хорошая песня... “Ой ты, рожь вы-со-ка-я... Ой ты... хм... вт... бт... уз...”.

Лапенков уснул. Ему приснился красивый сон. Будто он идет по красивому городу, навстречу идут красивые люди, а у него прошел гастрит. Лапенкову стало так хорошо, что он достал ружье и, на радостях, пальнул в воздух... Выстрел получился громкий, и Лапенков проснулся.

Несколько секунд он изумленно смотрел на бородатого человека, сидящего в кресле напротив и что-то зарисовывающего в альбоме, а потом вспомнил, где он и что с ним.

— Послушайте, товарищ художник, — жалобно сказал Кирюша. — Не надо...

— Что не надо? — спросил художник, подняв голову.

— Не надо с меня — убийцу, — сказал Лапенков. — Не подхожу я... — И, сам не зная почему, Лапенков вдруг всхлипнул.

— Да не волнуйтесь вы, — сказал художник и улыбнулся. — Не расстраивайтесь... Я рисую с вас косулю...

ЧЕМ ОТКРЫВАЕТСЯ ПИВО?..

Вечер. Суббота. Конец июля.

Мы сидим в номере гостиницы “Украина”. Мы — это Наташа, Гизо, Виктор, Натан, Мила и я. Номер принадлежит Гизо. Каждый раз, когда Гизо приезжает в Москву поступать во ВГИК, он останавливается в этой гостинице, а мы, его друзья, вечерами собираемся у него в номере.

На столе — две бутылки водки, одна — почти пустая, другая не распечатана, несколько бутылок пива, вобла, батон хлеба, маслины, охотничья колбаса, сулугуни, транзистор “Банга”, в котором звучит ансамбль электроинструментов под управлением В. Мещерина.

Все курят. Гизо спорит с Натаном.

— Я не понимаю, — говорит Гизо, — почему тебе не нравится “Мужчина и женщина”! По-моему, исключительно замечательный фильм. Ты не станешь отрицать, что операторски Леллош там делает удивительные чудеса!

— А я говорю: пошлая картина! — Натан пускает колечки дыма к потолку; делает это он, надо сказать, мастерски. — Великолепная подделка... Обложка иллюстрированного журнала! Красиво, но к искусству не имеет никакого отношения!

— А я говорю, что это искусство! — Гизо сердито откусывает кусок колбасы. — Причем искусство интеллектуального порядка. Ты просто сноб! Всем нравится, поэтому тебе не нравится! А с цветом так никто никогда не работал. Я знаю, что если поступлю во ВГИК, — Гизо плюет через левое плечо, — то обязательно буду работать с цветом! Работать с цветом в нашей кинематографии еще ой как много надо! Я верно говорю, Мила?

— Верно! — соглашается Мила. — У Анук Эме в фильме дубленка красивая! Мне такую обещали достать. С белым мехом... — При этом она грустно смотрит на Виктора.

У Милы, все знают, есть две конкретные мечты: дубленка и Виктор. Пока, к сожалению, ни она, ни он ей не доступны.

— Вчера на ипподроме была выдача — шестьсот рублей, — задумчиво говорит Виктор. — Это от фаворита. Пришла такая темная лошадка по имени Гимнастика... Самое смешное, что я, дурак, думал о ней, но почему-то в последний момент не сыграл...

— Кстати, вчера в клубе МГУ выступал йог, — замечает Наташа, потом задумывается и добавляет: — Из Индии.

— Ну как? — спрашивает Мила.

— Ничего! Носом бокал шампанского выпил... Потом коньяку, но уже ртом... Забавно!

— Чуть! — решительно говорит Натан. — Я не верю в учение йогов... С точки зрения физкультуры это, может быть, и занятно, но все их философские выкладки — на уровне буквара...

Натан снисходительно улыбается. Мы тоже все снисходительно улыбаемся. Нам даже как-то неловко за йогов и за Наташу.

— Выпьем? — Виктор спрашивает всех и никого.

— Выпьем! — Мила соглашается раньше всех. — Пиво откройте кто-нибудь.

— А где открывалка? — Я вопросительно смотрю на Гизо. — У тебя в номере есть открывалка?

— Была где-то, потерял, — отвечает Гизо и сразу переводит взгляд на Натана.

Гизо любит говорить с Натаном. Все любят говорить с Натаном. Натан много знает и даже как-то написал небольшую статью в журнал "Наука и религия", в которой с блеском опроверг Библию.

— Нет открывалки! — говорю я Миле.

— Возьми у дежурной по этажу, — просит Мила. — Пива хочется.

Пива действительно хочется. Я встаю, выхожу в коридор. В конце его за столиком сидит дежурная и вяжет шарф.

— Простите, у вас есть открывалка для пива? — спрашиваю я.

— В номере должна быть, — отвечает дежурная, не переставая вязать.

— В номере нет. Потерялась, очевидно...

— У меня тоже нет, — говорит дежурная. — Спросите на втором этаже, в буфете...

Я спускаюсь на второй этаж. Буфет открыт, но в дверях стоит стул, обращенный спиной к коридору. Это значит, что буфет закрыт.

— До шести мы!.. — кричит мне официантка. — Все! Мы до шести...

— Мне бы открывалку, — неуверенно говорю я. — Пиво открыть...

Я сейчас же принесу...

— До шести мы!.. — снова кричит официантка. — Мы до шести!.. Ресторан до двенадцати...

Я вздыхаю и иду в ресторан. У входа в ресторан — очередь. Пожилой швейцар с бесцветным лицом прогуливается за стеклянной дверью. Я пробираюсь сквозь очередь, ловлю на себе недовольные взгляды и на ходу объясняю: "Мне на минутку, товарищи! На минуточку!.." Я стучу в стеклянную дверь. Швейцар смотрит на меня равнодушным взглядом и разводит руками.

— Мне на минуточку! — кричу я. — Мне только открывалку взять! Для пива!

Швейцар не понимает и всем своим видом дает понять, что понимать не хочет.

— На улице в палатке продают, — вдруг говорит мне кто-то в очереди.

— Что продают?

— Ну, открывалки эти. Двадцать копеек штука.

Говорящий смотрит на меня ехидным взглядом. Видно, он сомневается, что мне нужна открывалка.

— Где эта палатка? — зло спрашиваю я.

— Здесь, за углом гостиницы.

— Спасибо! — говорю я, выбираюсь из очереди и выхожу на улицу.

На улице душно. Весь западный край неба одет черными тучами, точно свитером. Будет дождь.

Справа стоят несколько палаток. В них продают помидоры, огурцы, мороженое. Открывалок для пива нет. Очевидно, тот тип в очереди что-то напутал. Я прохожу метров сто вдоль улицы, потом останавливаюсь, поворачиваю назад.

Неожиданно возле меня тормозит такси. В нем — Валька Беляев. Он несколько пьян и с огромным чемоданом.

— Привет! — кричит он. — Ты чего здесь?

— Открывалку хочу купить... для пива... А ты куда собрался?

— Во Внуково... В Ялту лечу... Садись!

— Чего — садись?

— Садись, довезу по пути до какого-нибудь магазина... Там купишь эту штуку...

— Не, — отказываюсь я. — Меня ждут...

— Да садись! — Валька тянет меня за руку. — Дождь начинается...

Дождь уже начался. Тяжелые капли отбивают дробь по крыше машины. Мы едем. Валька много курит, много треплется. Рассказывает про свою красавицу жену, про сына-вундеркинда, который в полтора года уже умеет считать до десяти, про новую квартиру, которую он получил в Мневниках, про то, как ему все это осточертело и он решил махнуть на юг — отдохнуть.

Я слушаю и забываю про магазин.

— Минутку! — кричу я, когда мы выезжаем на Внуковское шоссе. — Куда ты меня, к черту, везешь? Я же пошел за открывалкой...

— В аэропорту достанешь, — уверенно говорит Валька. — В буфете. У меня полтора часа до вылета. Я так рад тебя видеть, старик!

Мы сидим в буфете аэропорта и пьем коньяк.

— Ты не понимаешь, как это страшно — разочароваться в человеке! — кричит Валька и зло ерошит волосы. — Ты этого не можешь понять... Ты холостой! А я влип! Она злая! Господи, почему она такая злая?! Она даже кошек не любит... А мне она пожелала, чтоб я умер!

— Разведись! — решительно говорю я. — Лучше сейчас, пока пацан маленький... Пока он считает только до десяти...

— Это все очень трудно! — Глаза Вальки полны слез. — Я ее люблю... Я всех люблю... Я чокнутый!.. Слушай, полетим вместе в Ялту, а? Отдохнешь, загорись... Ну чего ты без толку в Москве болтаешься?

— Ты что, — смеюсь я. — Очумел? Меня там ребята ждут... И мама испугается...

— Дадим телеграмму, — говорит Валька. — Это ж здорово — так, не собираясь! Деньги есть, я одолжу.

Мы заказываем еще бутылку коньяку.

В Симферополе жарко и многолюдно. После выпивки и короткого сна в самолете немного болит голова. Пока Валька суетится в поисках такси до Ялты, я обхожу торговые ларьки, спрашиваю открывалку для пива. Нигде нет. Вернее, в одном есть, но нет сдачи с десяти.

— В Ялте купишь! — кричит Валька. — Поехали скорее, такси ждет.

В Ялту мы приезжаем совсем ночью. Останавливаемся у Валькиных родственников. Усталые, засыпаем...

Первая неделя пролетает незаметно. Я почернел, похудел немного. Раздражает отсутствие необходимых вещей, но как-то выкручиваюсь: кое-что одолжил Валька, кое-что купил — плавки, рубашку, темные очки. Открывалок для пива нет. Но ничего, не расстраиваюсь.

На пляже познакомился с продавщицей из местного универсама. Брюнетка, двадцать лет, зовут Ниной. Говорит, что через несколько дней к ним в отдел поступят какие-то импортные открывалки-сувениры. Можно открывать пиво и носить на груди вместо значка.

С Ниной съездили в Гурзуф и Коктебель. Она очень славная и, помимо, влюбилась в меня очень.

Однажды, когда мы с ней сидим в кафе “Магнолия”, она вдруг начинает плакать и говорит:

— Сегодня к нам поступили в продажу импортные открывалки... Теперь ты уедешь, да?

Я молчу. Мне, честно говоря, не хочется уезжать.

— Поедем в Одессу, — говорит Нина. — Там отец в пароходстве работает. У нас дом. Вишни растут... Поедем... В Одессе открывалки для пива в любом магазине... — Она плачет сильнее. Я улыбаюсь, глажу ее волосы...

В Одессу мы приезжаем в конце августа.

Свадьбу устраиваем скромную: с Нининой стороны — пять-шесть родственников, с моей — я и поздравительная телеграмма от мамы. На свадьбе много пьем, пивные бутылки открывают ударом о стол.

Устроился на работу радистом на прогулочном катере. Кручу магнитофон, довольные туристы танцуют на верхней палубе. На мне — форменка, зарплата — восемьдесят рублей. Нина поступила в политехнический институт, получает стипендию. На жизнь хватает. Во всяком случае, покупка открывалки для пива не проблема.

Осенью тесть помог мне устроиться на теплоход “А. П. Чехов”. Четырехпалубный гигант, ходит по международным линиям. В январе ушел на нем в Африку. В Александрии в порту белозубый арабочонк продавал открывалки для пива. Симпатичные открывалки — фараон Рамзес с открытым ртом — для пробок. Не купил, пожалел валюту.

Потом ходили на Мадагаскар, потом в Индию. Наконец, совсем дальний рейс — в Японию. В Японском море наткнулись на горящий австралийский танкер, помогали тушить пожар. Мне не повезло: упал с мостика, сломал голень. Ко мне в лазарет приходил капитан танкера, жал руку, благодарил. Спросил, какой бы подарок я от него хотел получить.

— Ничего не надо, — величественно сказал я. — Вот разве что открывалку для пива...

Капитан послал двух матросов, обшарили весь танкер, открывалок не нашли. Обещал обязательно прислать из Австралии...

Весь июль провалялся во Владивостоке в больнице. Получил от Нины письмо — у меня родился сын. Назвали Сергеем. Значит, полное имя — Сергей Сергеевич. Тоже красиво.

В конце июля выписался из больницы, сел в самолет, полетел в Москву. В Домодедове в ларьке купил открывалку для пива, взял такси, поехал в гостиницу “Украина”.

В номере Гизо все были в сборе: Наташа, Гизо, Натан, Виктор, Мила, стол, две бутылки водки, одна почти пустая, другая не распечатана, несколько бутылок пива, маслины, вобла, транзистор “Банга”. Звучал ансамбль электроинструментов под управлением В. Мещерина.

— Здорово, ребята! — кричу я с порога.

— Здорово, — приветствует меня Гизо. — Очень хорошо, что ты пришел. Ты только послушай, что здесь говорит Натан... Он говорит, что цветной кинематограф исчерпал себя в мировом кинематографе... А я говорю — никогда! Если я поступлю во ВГИК, — Гизо плюет через левое плечо, — то обязательно буду работать исключительно с цветом...

— Ну и будет пошло! — говорит Натан и пускает колечки дыма к потолку. Делает это он по-прежнему мастерски...

— Вчера на ипподроме была выдача — пятьсот рублей, — задумчиво говорит Виктор. — Я, дурак, знал лошадь — и не сыграл!

— Пятьсот! — ахает Мила и нежно глядит на Виктора. — Это же дубленка!..

— В МГУ еще выступает йог? — спрашиваю я Наташу.

— Недавно выступал, — говорит Наташа. — Ты был?

— Нет.

— А где ты пропадал? Что-то тебя не видно было...

— За открывалкой для пива ходил, — говорю я.

— Нашел? — заинтересованно спрашивает Мила.

— Нашел...

— Так чего ж ты тянешь? — возмущается Виктор. — Мы ждем, а он, оказывается, принес открывалку и молчит. Давай, давай, пива охота!

Я долго шарю по карманам.

— Нет! — говорю я. — Нету ее... В такси, наверное, обронил...

— У дежурной попроси, — советует мне Гизо и тут же поворачивается к Натану. — Значит, по-твоему, Натан, все, что делает Лелюш, — это тоже не искусство?

— Сережа, миленький принеси открывалку, — жалобно просит Мила. — Пива очень хочется...

Пива действительно хочется. Я встаю и выхожу из номера...

ЕЖИК

Папе было сорок лет, Славику — десять, ежику — и того меньше. Славик притащил ежика в шапке, побегал к дивану, на котором лежал папа с раскрытой газетой, и, задыхаясь от счастья, закричал:

— Пап, смотри!

Папа отложил газету и осмотрел ежика. Ежик был курносый и симпатичный. Кроме того, папа поощрял любовь сына к животным. Кроме того, папа сам любил животных.

— Хороший еж! — сказал папа. — Симпатяга! Где достал?

— Мне мальчик во дворе дал, — сказал Славик.

— Подарил, значит? — уточнил папа.

— Нет, мы обменялись, — сказал Славик. — Он мне дал ежика, а я ему билетик.

— Какой еще билетик?

— Лотерейный, — сказал Славик и выпустил ежика на пол. — Папа, ему надо молока дать...

— погоди с молоком! — строго сказал папа. — Откуда у тебя лотерейный билет?

— Я его купил, — сказал Славик.

— У кого?

— У дяденьки на улице... Он много таких билетов продавал. По тридцать копеек... Ой, смотри, папа, ежик под диван полез...

— погоди ты со своим ежиком! — нервно сказал папа и посадил Славика рядом с собой. — Как же ты отдал мальчику свой лотерейный билет?.. А вдруг бы этот билет что-нибудь выиграл?

— Он выиграл, — сказал Славик, не переставая наблюдать за ежиком.

— То есть, как это — выиграл? — тихо спросил папа, и его нос покрылся капельками пота. — Что выиграл?

— Холодильник! — сказал Славик и улыбнулся.

— Что такое?! — Папа как-то странно задрожал. — Холодильник?!.. Что ты мелешь?.. Откуда ты это знаешь?

— Как — откуда? — обиделся Славик. — Я его проверил по газете... Там первые цифирки совпали... и остальные... И серия та же!.. Я уже умею проверять, папа! Я же взрослый!

— Взрослый?! — Папа так зашипел, что ежик, который вылез из-под дивана, от страха свернулся в клубок. — Взрослый?!.. Меняешь холодильник на ежика?

— Но я подумал, — испуганно сказал Славик, — подумал, что холодильник у нас уже есть, а ежика нет.

— Замолчи! — закричал папа и вскочил с дивана. — Кто?! Кто этот мальчик?! Где он?!

— Он в соседнем доме живет, — сказал Славик и заплакал. — Его Сеня зовут...

— Идем! — снова закричал папа и схватил ежика гольми руками. — Идем, быстро!!

— Не пойду, — всхлипывая, сказал Славик. — Не хочу холодильник, хочу ежика!

— Да пойдем же, оболтус, — захрипел папа. — Только бы вернуть билет, я тебе сотню ежей куплю...

— Нет... — ревел Славик. — Не купишь... Сеня так не хотел меняться, я его еле уговорил...

— Тоже, видно, мыслитель! — ехидно сказал папа. — Ну, быстро!..

Сене было лет восемь. Он стоял посреди двора и со страхом глядел на грозного папу, который в одной руке нес Славика, а в другой — ежа.

— Где? — спросил папа, надвигаясь на Сеню. — Где билет? Уголовник, возьми свою колбочку и отдай билет.

— У меня нет билета! — сказал Сеня и задрожал.

— А где он?! — закричал папа. — Что ты с ним сделал, ростовщик? Продай?

— Я из него голубя сделал, — прошептал Сеня и захныкал.

— Не плачь! — сказал папа, стараясь быть спокойным. — Не плачь, мальчик... Значит, ты сделал из него голубя. А где этот голубок?.. Где он?..

— Он на карнизе засел... — сказал Сеня.

— На каком карнизе?

— Вон на том! — Сеня показал на карниз второго этажа.

Папа снял пальто и полез по водосточной трубе.

Дети снизу с восторгом наблюдали за ним.

Два раза папа срывался, но потом все-таки дополз до карниза и снял маленького желтенького бумажного голубя, который уже слегка размок от воды.

Спустившись на землю и тяжело дыша, папа развернул билетик и увидел, что он выпущен два года тому назад.

— Ты его когда купил? — спросил папа у Славика.

— Еще во втором классе, — сказал Славик.

— А когда проверял?

— Вчера.

— Это же не тот тираж... — устало сказал папа.

— Ну и что же? — сказал Славик. — Зато все цифирки сходятся...

Папа молча отошел в сторонку и сел на лавочку. Сердце бешено стучало у него в груди, перед глазами плыли оранжевые круги... Он тяжело опустил голову.

— Папа, — тихо сказал Славик, подходя к отцу. — Ты не расстраивайся! Сенька говорит, что он все равно отдает нам ежика...

— Спасибо! — сказал папа. — Спасибо, Сеня...

Он встал и пошел к дому.

Ему вдруг стало очень грустно. Он понял, что никогда уж не вернуть того счастливого времени, когда с легким сердцем меняют холодильник на ежа.

ВОСКРЕСНЫЕ ПРОГУЛКИ

Каждое воскресенье я провожу вместе с отцом. Обязательно. Несмотря на занятость, бросаю все дела и отправляюсь вместе с ним куда-нибудь — в парк, в кино или просто в сквер. Отец любит гулять со мной и не пропускает ни одного воскресенья.

Вот и сегодня, только я проснулся, он уже стоит в моей комнате.

— Здравствуй, — говорит он. — Куда мы сегодня?

— Сегодня в зоопарк, — говорю я. — Согласен?

Отец кивает головой. Он любит ходить в зоопарк. Мы бывали там много-много раз, и этот животный мир мне, честно говоря, уже поднадоел, но он любит.

Пока я чищу зубы, одеваюсь, пока бабушка поит меня молоком и пришивает бретельку к штанам, отец сидит в моей комнате и листает книги. Из кухни сквозь открытую дверь я вижу, как он рассматривает картинки и чему-то улыбается.

— Я готов! — кричу я.

— Булки для лебедей взял? — спрашивает отец.

— Взял.

В зоопарке никого нельзя кормить, кроме лебедей. Это отец знает. В первый раз, когда мы пришли с ним туда, он бросал обезьянам конфеты, и нас чуть не оштрафовали. А лебедей кормить можно. Они очень смешно толкаются в воде и ловят куски булки прямо на лету.

Мы едем в автобусе. Отца я посадил ближе к окну — он любит смотреть на дома. Я грызу яблоко. Если в автобусе грызть яблоко, дорога всегда кажется короче.

— Как дела на работе?

— Ничего, — говорит отец. — Все в норме.

— Звягинцев свирепствует?

— Немного... — отец сконфуженно улыбается и пытается обнять меня за плечи, но я не даюсь.

Звягинцев — начальник там, где работает отец. Он всегда придирается к отцу и делает ему разносы на совещаниях. Звягинцев — хам. Впрочем, отец тоже виноват — нельзя быть таким рохлей.

Мы долго идем мимо птичьих вольеров, смотрим на купающихся медведей, потом стоим возле загона, в котором ходят дикие олени.

— Почему они языки свесили? — спрашивает отец.

— Им жарко, — говорю я. — Необходима терморегуляция... Влага испаряется, понимаешь? А еще у оленя есть в сердце кость...

— Не может быть! — отец испуганно смотрит на меня.

— Я читал. Ну, может, и не совсем кость, но какая-то костная основа имеется. Поэтому олени такие выносливые.

Отец смотрит на меня выгаращенными глазами и, кажется, вот-вот расплчется.

— Нет кости, — говорю я. — Пошутил!

Мы уходим от загона и направляемся к повозкам с пони. Мне хочется покататься на пони. Отцу тоже хочется покататься на пони, но взрослым запрещено. Я пытаюсь уговорить билетера, объясняю, что отец — легкий и пони не надорвутся, но билетер не разрешает. Тогда я закатываю истерику. Это мой проверенный прием. Валюсь на землю, строю ужасные рожи и ору:

— Папочка! Я хочу с папочкой! Пустите моего папочку!

Собирается толпа. Меня поднимают с земли, вытирают слезы. Я мелко дрожу и всхлипываю. Кто-то кричит на билетера. Тот огрызается, но продает отцу билет.

Мы делаем на повозке два круга. Пони бегут быстро. Непонятно, откуда у них такие силы. Отец обнимает меня, смеется и на поворотах громко кричит: “И-эх!”

Когда повозка останавливается, он еще несколько минут не может прийти в себя, ерошит волосы и, глядя на меня молящими глазами, спрашивает:

— Хочешь еще?

Мне жалко его, но я решительно говорю:

— Хватит!

Печально, что приходится быть с ним строгим, но мама права — всему надо знать меру.

Потом мы идем в кафе, заказываем мороженое. Сегодня здесь богатый ассортимент: каждому приносят по три шарика — шоколадный, фруктовый и апельсиновый. Апельсиновый — самый вкусный, если его не глотать кусками, а понемногу слизывать с ложечки. А еще интересней совсем не глотать, а положить кусок мороженого в рот и ждать, пока оно само растает.

— Что у тебя с квартирой? — спрашиваю я.

— Был в райисполкоме, — поспешно говорит отец и кладет ложку.

— Ну что?

— Они обещали через пару лет...

— Ты же очередник! Надо взять письмо с работы!

— Давай в кино пойдем, — предлагает отец. — Новая серия “Ну, погоди!”

— Нет, — говорю я. — Пойдем в сквер.

Отец быстро доедает мороженое, и мы встаем.

Меня всегда бесит его отношение к квартире. В конце концов, при его стаже он имеет право получить квартиру и через свое министерство. У нас сосед так получил. Но разве отцу втолкуешь?

Бабочка пролетела. Странная какая-то бабочка, коричневая, а на крыльях — зеленые кружочки... Вот бы поймать! Но чем поймать — сачок не взял, а панамкой не накроешь... Кстати, насчет квартиры можно посоветовать отцу пожаловаться в газету. Все так делают...

Мы приходим в сквер. Это очень красивый сквер и недалеко от нашего дома. Здесь есть детская площадка с песком и много скамеек. Тут мы обычно гуляем с родителями.

Вижу Сашку Кулагина. Он ведет за руку своего отца. На отце — новенький джинсовый костюм с желтыми клепками. Сашка у нас знаменитость — поет в детском хоре при консерватории. В этом году Сашкин хор выезжал на гастроли за границу, вот он отца и одевает во все фирменное.

— Сашка! — кричу я. — Давай сюда!

Сашка увидел меня, замахал рукой.

— Знакомьтесь, это — мой папа, — говорю я.

— А это — мой! — говорит Сашка и подталкивает своего отца к моему.

Они пожимают друг другу руки, смущенно переминаются с ноги на ногу.

— Вы тут на скамейке посидите, а мы пошли играть, — говорит Сашка, и мы бежим к детской площадке.

Наши отцы некоторое время стоят молча, потом садятся на скамейку, закуривают.

— Сколько твоему? — спрашивает Сашка.

— Тридцать три. А твоему?

— А моему уже тридцать семь. Но он ничего выглядит, да?

— Твой — в порядке! — говорю я. — А мой что-то сдает. Бледный, не ест ничего...

Сашка наваливает лопаткой песок, а я ладонями прорываю туннель. Это метро. Сейчас здесь пройдет поезд.

— Осторожно! Двери закрываются! — писклявым голосом кричит Сашка, и я медленно двигаю вагончики.

Три часа дня. Пора обедать. Я поднимаюсь с земли, отряхиваюсь, иду к скамейке. Увидев меня, отец поспешно встает, гасит сигарету.

— Нам пора, — говорит он Сашкиному отцу. — Всего хорошего! Очень рад был познакомиться.

— До свидания! — говорит Сашкин отец и тоже встает. — До свидания, мальчик. Какой ты бутуз! — Он пытается ущипнуть меня за щеку, но, поймав строгий Сашкин взгляд, испуганно отдергивает руку.

Мы идем по направлению к дому. Это недалеко, но мы всегда проходим это расстояние медленным шагом. Видно, что отцу очень не хочется от меня уходить, но что поделаешь?

— До свидания, — говорит он, когда мы подходим к дому. — До свидания! — И целует меня в щеку.

— До свидания, папа, — говорю я. — До следующего воскресенья. Пойдем в кукольный театр, на “Чебурашку”! Мне обещали достать билеты. Ты ведь не видел “Чебурашку”?

Он улыбается, машет мне рукой и уходит по тротуару к остановке автобуса...

Они развелись пять лет назад. В чем там было дело, я пока не знаю.

Конечно, мне надо бы гулять с ним почаще, но что поделаешь, когда столько дел. А тут еще в детском саду к понедельнику велели склеить разноцветные кубики...

ОСТАНОВИТЕ ПОТАПОВА!

Ровно в семь утра звонок будильника вырвал Потапова из сна. Сон был цветной и приятный. Снилось Потапову море и маленькое кафе на скалах, где он сидел под пестрым зонтиком и кого-то ждал. Это ожидание было томительно и прекрасно.

Перелезая через жену и спуская босые ноги с постели, Потапов еще некоторое время не открывал глаз, надеясь досмотреть сон, но не получилось. Жена недовольно заворчала, холодный пол обжег ступни, и Потапов открыл глаза.

Будильник показывал пять минут восьмого. Потапов сунул ноги в тапочки и вышел в коридор. По дороге в туалет он вытащил газеты из почтового ящика, потом зашел на кухню, поставил воду для кофе. Сидя в туалете, он просмотрел результаты вчерашних хоккейных матчей. Выйдя оттуда, он засыпал кофе в кофейник, залил его кипятком, поставил кофейник на газ и начал делать гимнастику. Делая гимнастику, Потапов следил, чтобы кофе не убежал.

Выключив газ и закончив делать гимнастику, он взял транзисторный приемник и пошел в душ. Принимая душ, он прослушал “Последние известия”.

Затем Потапов снова прошел в кухню, достал из холодильника сыр и колбасу, потом взял с подоконника школьный дневник Алеши и, прожевывая бутерброды, начал его проверять.

За вчерашний день сын получил две двойки. Потапов недовольно покачал головой, расписался в дневнике и допил кофе.

— Если ты сегодня же не зайдешь в школу, я не знаю, что с тобой сделаю! — жена пришла на кухню и смотрела на Потапова сердитыми,

невыспавшимися глазами. — Завуч третий раз тебя вызывает! Ты отец или не отец?

— Отец! — сказал Потапов и посмотрел на часы. Было уже без двадцати минут восемь. — Не будем ссориться, Любаша, — сказал он и правой рукой обнял жену, а левой достал с полки электробритву.

— Отстань! — жена стряхнула его руку. — Если ты сегодня не зайдешь в школу, я с тобой не разговариваю.

— Честное слово, зайду! Клянусь, Любочка! — Потапов прижал левую руку к груди, а правой стал включать вилку в розетку.

— Андрей, это дело серьезное, поскольку... — Дальнейшие слова жены потонули в реве электробритвы. Потапов разглядывал свое лицо в зеркальце и кивал жене. Затем он выдернул вилку из розетки. — Или ты не отец? — закончила Люба.

— Отец! — снова сказал Потапов. — Но во всем остальном, Любаша, ты абсолютно права.

Он чмокнул жену в щеку, быстро прошел по коридору, завязывая на ходу галстук. Из своей комнаты вышел заспанный Алеша. Потапов, надевая пиджак, дал ему подзатыльник. Надевая пальто, сказал: “Я еще с тобой поговорю!” — схватил портфель, шапку и вышел.

На остановке, как всегда, было много народу. Потапов пропустил два автобуса и подышал свежим воздухом. Воздух был морозный, но уже какой-то пряный, вязкий, как бывает в начале весны. От него слегка закружилась голова и приятно застучало сердце.

И тут Потапов почему-то вспомнил Наташу. Он видел ее неделю назад, проезжая в такси по Тверскому бульвару. Наташа была одета в светлую дубленку с капюшоном. Потапов тогда же хотел остановиться, но передумал, потому что очень спешил. Он вспоминал о ней несколько раз с того дня, но сейчас, на остановке, вспомнил как-то очень сильно, физически ощутимо.

“Позвоню сегодня, — подумал Потапов. — Или лучше заеду без звонка... Нет, лучше все-таки позвонить”.

Он так и не успел решить, что надо сделать: позвонить или заехать просто так, — подошел автобус.

Потапов перестал думать о Наташе, рванулся вперед и с трудом влез в автобус. Влезая в автобус, он увидел знакомое лицо — соседа по дому, а может быть, и не соседа, — и поздоровался с ним кивком головы.

Пройдя в середину автобуса, Потапов громко выкрикнул: “Проездной!”, потом, изловчившись, сунул руку в портфель и достал журнал “Иностранная литература”. В журнале было напечатано продолжение романа Ремарка. Потапов открыл загнутую 144-ю страницу и прочитал: “Днем я отправился к Кану. Он пригласил меня отобедать с ним в ресторане...” Автобус тряхнуло, журнал выпал из руки Потапова, но он поймал его на лету и продолжал читать: “...миссис Уимпер приготовила к моему приходу мартини с водкой...” Это была уже 163-я страница. Пота-

пов попытался найти загнутую 144-ю, но в автобусе было слишком тесно, кроме того, Потапов вспомнил, что журнал все равно придется завтра отдавать, поэтому решил читать с этого места. “Мы говорили с ней о визите к Силверсу...” — прочитал Потапов, но тут водитель объявил его остановку. Потапов закрыл журнал, убрал его в портфель и стал пробираться к выходу. Пробираясь, он опять увидел знакомое лицо — соседа по дому, а может быть, и не соседа, — снова кивнул ему и крикнул: “Почему не заходишь, старик?”

Ровно в девять утра Потапов поднялся к себе в отдел. Поздоровавшись с сотрудниками, Потапов сел за свой рабочий стол, подвинул к себе папку с материалами по стандартизации и начал ее изучать. Все материалы были на месте, недоставало только титульного листа.

— Где титульный лист этой папки? — спросил Потапов у сидевшего за соседним столом Михайлова.

— Понятия не имею, — сказал Михайлов. — Может быть, отдали в отдел реализации?

— Этого еще не хватало! — заволновался Потапов и пошел в отдел реализации.

Титульный лист был необходим ему по двум причинам: во-первых, Потапов любил, чтоб в его папках все было на месте, во-вторых, на оборотной стороне этого титульного листа им была переписана шахматная задача из “Науки и жизни”, которую он сейчас собирался решить.

В отделе реализации Потапову сказали, что титульный лист передан в отдел учета, в отделе учета секретарша сообщила, что лист послан обратно в его отдел стандартизации. Придя на место, Потапов обнаружил титульный лист на своем столе, но задача уже была кем-то решена.

Тяжело вздохнув, Потапов убрал лист в папку, папку — в стол и посмотрел на часы. Было двенадцать часов дня.

“Через час — обед, — подумал Потапов и снова почему-то вспомнил Наташу. — Позвоню”, — решил он и подвинул к себе телефон. Однако телефон зазвонил раньше, чем Потапов успел снять трубку.

— Алло! — сказал Потапов.

— Потапов? — послышался в трубке сильный мужской голос. — Кондратьев говорит!

— Здорово, старик! — сказал Потапов, мучительно вспоминая, кто этот Кондратьев.

— Беда у нас, — сказал Кондратьев. — Сашка умер.

— Не может быть! — ахнул Потапов, мучительно вспоминая, кто такой Сашка.

— Сгорел. За два месяца сгорел, — печально сказал Кондратьев. — Такие, брат, дела. Сегодня похороны — на Востряковском, в три часа. Ты будешь?

— О чем разговор?! — сказал Потапов, мучительно вспоминая, где находится Востряковское кладбище.

После этого печального известия работать совершенно не хотелось. Потапов убрал со стола все бумаги и вышел в коридор покурить. В коридоре курило много народу. Увидев Потапова, секретарша директора стрельнула у него сигарету и сообщила:

— Сегодня у шефа, в четыре — общее совещание отделов. Всем быть!

— Само собой! — сказал Потапов, поднося ей горящую спичку. — Все хорошеешь, Сонечка?

— Ну вас! — кокетливо отмахнулась Соня и выпустила дым стружкой. — Все только комплименты говорите, а на “Гамлета” сводить никто не догадается.

— А где билеты?

— В месткоме, у Ермоленко. Только он не даст.

— Кому не даст, а кому... — Потапов сделал многозначительное лицо и пошел в местком...

— Слушай, Ермоленко, — сказал Потапов, входя в местком, — ты искал добровольцев-дружников?

— Ну? — Ермоленко подозрительно посмотрел на Потапова.

— Даешь мне два билета на “Гамлета”, я — дежурю.

— Не получится, — тяжело вздохнул Ермоленко. — “Гамлет” сегодня вечером, и дежурить надо сегодня вечером.

— Получится! — сказал Потапов. — “Гамлет” в семь начинается, а хулиганы — позже. После спектакля отдежурю, честное слово!

— До полночи будешь ходить! — предупредил Ермоленко.

— Как штык! — пообещал Потапов, взял билеты и пошел обещать...

Обедая, он вдруг опять вспомнил о Наташе, и у него почему-то случилось сердце.

“Приеду без звонка, — решил Потапов. — Приеду, и все! Полгода не видел любимую женщину. Это как?..” Он не докончил мысль. По радио стали передавать старинные русские романсы, и Потапов слушал их, пока не кончился обед.

Придя к себе в отдел, Потапов поглядел на часы. Было пятнадцать минут третьего. Он снял трубку и позвонил в министерство.

— Аллю, Сергачев, — сказал Потапов. — Это Потапов говорит. Вызови меня, Ляня, на пару часов.

— Старик, кончать с этим делом надо! — недовольно сказал Сергачев. — Поймают нас когда-нибудь с этими вызовами, всыплют по первое число.

— Последний раз, Ляня, честное слово, — сказал Потапов. — Друг у меня умер. Хоронить поеду.

— Это правда?

— Стану я врать, — вздохнул Потапов.

— Ладно, — сказал Сергачев. — Машину, что ли, тебе дать?

— Да, — обрадовался Потапов. — Я быстро обернусь. Отдам последний долг, и все...

Через двадцать минут в комнату, где сидел Потапов, вошел начальник отдела.

— Потапов, — сказал он, — звонили из министерства, просили тебя срочно приехать.

— Да что они там? — зло спросил Потапов. — Без конца вызывают.

— Наверное, вопросы по твоей докладной, — сказал начальник.

— Вечно у них вопросы, — огрызнулся Потапов. — Надоело! У меня здесь завал работы. Вот не поеду, и все!

— Ну-ну, разговорчики! — строго сказал начальник. — Оставь все дела и дуй!

Министерская машина ждала Потапова у подъезда. Потапов сел на переднее сиденье, закурил, угостил сигаретой водителя.

— На кладбище поедem? — спросил водитель.

— Да, — вздохнул Потапов. — Но сначала в Химки, в двадцать первую школу...

Ему повезло. Он застал завуча, но во время перемены. Перемена заканчивалась, и завуч торопилась в класс.

— Здравствуйте, — сказал Потапов. — Я — Потапов. По поводу сына вызывали.

— Вера Михайловна, — представилась завуч.

— Очень приятно, — улыбнулся Потапов. — Мою маму тоже звали Верой Михайловной. Прелестное имя...

— Спасибо, — сказала завуч и почему-то покраснела.

— Я неудачно приехал? — спросил Потапов. — Вы торопитесь?

— Да, — кивнула головой Вера Михайловна. — Меня ребята ждут... Вы не могли бы приехать сегодня часиков в семь?

— Никак, милая, — вздохнул Потапов. — Срочная командировка на Таймыр. Вы в двух словах...

— В двух словах нельзя, — сказала Вера Михайловна. — Мальчик плохо учится, дерзит, врет на каждом шагу...

— Убью! — решительно сказал Потапов.

— Нет, зачем же так? — завуч снова покраснела. — Просто надо нам с вами серьезно поговорить...

— Хорошо! — перебил Потапов. — Через два месяца вернусь с Таймыра, приеду к вам. А пока, милая Вера Михайловна, возьмите моего оболтуса под персональный контроль. Договорились? У вас какой размер ноги?

— Зачем это? — завуч снова покраснела. Она была очень молодым завучем и краснела каждую минуту.

— Унты вам хочу привезти, — сказал Потапов. — Унтайки меховые!

— Да что вы! — завуч просто залилась румянцем.

— Нет-нет, не спорьте! — строго сказал Потапов. — Решено! А сейчас не буду больше вас задерживать. Дети ждут!

Он поцеловал ей руку и выбежал из школы.

Потом они долго ехали к Востряковскому кладбищу, потом Потапов долго бродил мимо заснеженных могил, отыскивая место похорон. Наконец, он увидел небольшую группу людей и, узнав доцента из своего института, сразу сообразил, что умер кто-то из его студенческих друзей, но кто именно, так и не понял, потому что гроб уже закрыли крышкой и опустили в мерзлую землю. Потапов помнил, что в их группе было несколько Александров, но сейчас все они, как назло, отсутствовали, поэтому сообразить, кто из них лежит ТАМ, было невозможно, а спрашивать — неудобно.

Потапов снял шапку, обошел всех собравшихся, пожимая им руки и печально говоря: “Эх, Сашка, Сашка! Как же это так, братцы?”

Потом он неожиданно для себя почувствовал, что плачет. От этого у Потапова сделалось очень скверно на душе, он вытер ладонью глаза, закурил и молча пошел к машине...

Когда он вернулся в свое учреждение, часы показывали ровно четыре. У директора начиналось совещание. По дороге туда Потапов заглянул в свой отдел, вынул из стола карманные шахматы, затем тихо прошел в конференц-зал и сел на последний ряд. К нему моментально подсел Михайлов.

Партия намечалась быть интересной. В дебюте Потапов допустил ошибку и потерял две пешки, но в миттель-шпиле он активизировался и выиграл у Михайлова слона.

— Сдавайся, отец! — уверенно сказал Потапов.

— Ни в коем случае! — ответил Михайлов. — У меня есть шанс!

— Ну что же, товарищи, — директор стал подводить итог совещанию, — если ни у кого нет вопросов, можно заканчивать?

Потапов посмотрел на доску. Михайлов сделал авантюрный ход ладьей. Потапов ответил ходом ферзя. Эндшпиль обещал быть бурным.

— У меня есть вопрос! — громко сказал Потапов и встал. — Как дирекция думает решить вопрос с реализацией отходов при выпуске продукции в условиях новой стандартизации?

— Вопрос поставлен очень интересно, — сказал директор. — Мне кажется, что вопрос с использованием отходов...

— Ходи, — тихо сказал Потапов, садясь. — У нас есть еще полчаса.

Перед спектаклем Потапов пригласил Соню поужинать в кафе. Там они выпили по рюмочке, заболтались и поэтому опоздали к началу. Когда Потапов с Соней, пригибаясь, наступая на чьи-то ноги и ежесекундно извиняясь, пробирались к своим местам, Гамлет уже беседовал о чем-то с Горацио.

По сцене медленно и страшно двигался огромный вязаный занавес, подминая под себя людей.

— Здорово! — прошептала Соня.

— Художник гениальный! — тихо сказал Потапов.

— Как фамилия? — спросила Сонечка.

Потапов забыл купить программку, поэтому прижал палец к губам и осуждающе покачал головой. Сонечка сконфуженно замолчала.

Когда Гамлет убил Полония и, мучаясь от сознания непоправимости содеянного, склонился над трупом, Потапов вздрогнул и с удивлением почувствовал, что у него прошел странный холодок по спине. Потапов видел фильм “Гамлет”, но только вторую серию, поэтому смерть Полония была для него неожиданностью.

Все дальнейшее действие Потапов смотрел заворожено, радуясь тому, что соперживает датскому принцу, и тому незнакомому ощущению, когда каждое слово, сказанное со сцены, отзывается холодком в спине.

В антракте он пошел в буфет, съел бутерброд, запил его лимонадом, и чувство холода в спине прошло. Потапов посмотрел на часы. Было без четверти девять.

“Затянули спектакль, — подумал Потапов. — Талантливо! Но затянули”.

Он вдруг подумал о Наташе, и от этой мысли мучительно больно защемило сердце.

“Ехать!” — мысленно приказал себе Потапов.

Он угостил Соню конфетами, вышел покурить, потом вернулся с сосредоточенным лицом.

— Соня, — сказал Потапов, — я сейчас домой звонил. Алешка заболел. Температура у парня. Сорок!

— Ой! — ахнула Соня.

— Ничего страшного, — сказал Потапов. — Грипп, наверное. Мне придется домой поехать... Вы уж извините кавалера.

— Да что за глупости? Конечно, поезжайте! — Соня сочувственно сжала руку Потапова и поцеловала его в щеку.

Потапов доехал до своего учреждения на метро, прошел в штаб народной дружины, взял красную повязку, расписался в журнале.

— Ваш участок — сквер и район кинотеатра, — сказал Потапову какой-то юноша, сидевший за столом. — Дежурить надо до двенадцати ночи.

— Я буду до часу ночи, — сказал Потапов.

— Ну что вы, — улыбнулся юноша. — Хватит и до двенадцати.

Потапов нацепил повязку, вышел из штаба и медленно пошел к стоянке такси. Он шел, дышал весенним воздухом и думал о Наташе. Дождавшись своей очереди на стоянке, Потапов сел в зеленую “Волгу”, угостил водителя сигаретой и дрогнувшим голосом сказал:

— На Полянку, шеф!

Он звонил долго, со страхом прислушиваясь к порокам за дверью и соображая, одна она дома или нет. Наконец, замок щелкнул, и он увидел Наташу. Она, по-видимому, только что приняла ванну — на ней был полосатый халатик, волосы — влажные, а на лбу осталось несколько капелек воды.

— Ты?!

— Я! — сказал Потапов и снял шапку. — Можешь меня прогнать, а можешь выпустить.

Наташа несколько секунд смотрела на Потапова, потом вытерла тыльной стороной ладони капли со лба и тихо сказала:

— Входи.

За полгода квартира Наташи совсем не изменилась. Только появились новые шторы на окнах да большой телевизор в углу. Телевизор был включен.

Потапов снял пальто, вошел и остановился посреди комнаты. Наташа выключила телевизор, подошла к столу, взяла из пачки сигарету, закурила.

— Наташа, — тихо сказал Потапов, — дай мне, пожалуйста, по морде.

Она чуть-чуть улыбнулась.

— Ударь! — снова попросил Потапов. — А хочешь — постели в прихожей вместо коврика...

Он шагнул вперед и обнял ее. Она уткнула свое лицо в пиджак Потапова и тяжело вздохнула. Потапов стал тихо гладить ее влажные волосы.

— Почему исчез? Почему не приехал ни разу, не позвонил? — сказала Наташа и всхлипнула. — Как не совестно?

— Молчи, милая, — говорил Потапов и целовал ее голову. — Не говори сейчас ничего...

Потом они лежали в темноте, курили и говорили о всякой ерунде. Потом Потапов сел на кровати, нащупал рукой свои брюки, начал одеваться.

— Уже уходишь? — тихо спросила Наташа.

— Да! — коротко ответил Потапов.

— Побудь еще, — попросила Наташа.

— Не могу, милая, — сказал Потапов. — У меня внизу такси стучит.

Он сразу понял, что сморозил глупость. Наташа вскочила, и даже в темноте было видно, как побелело ее лицо.

— Сволочь! — сказала она. — Мерзавец!

— Ну что ты, что ты? — Зашнуровывая туфли, Потапов почувствовал, что краснеет. — Я же пошутил, глупенькая. Это шутка! Как в том анекдоте, помнишь?

— Убирайся! — крикнула Наташа.

— Ну хочешь, ударь меня! — сказал Потапов, надевая пиджак.

— Пошел к черту! — крикнула Наташа и уткнулась лицом в подушку.

— Жаль! — вздохнул Потапов, надевая пальто. — Жаль, что мы так прощаемся...

Он не стал ждать лифта, бегом спустился по лестнице. Зеленая “Волга” стояла у подъезда.

— Долго, товарищ, — заворчал водитель. — Мне в парк пора.

— Все будет в порядке, шеф, — сказал Потапов, закурил и угостил водителя сигаретой. — Все будет оплачено. Жми в Химки!

Он приехал домой в четверть двенадцатого. Люба и Алеша уже спали. Потапов прошел на кухню, включил газ, поставил чайник. Поедая приготовленный женой ужин, он просмотрел “Вечерку”. Потом, слушая спортивный выпуск “Последних известий”, выкурил сигарету.

Потом он разделся и лег. Люба проснулась, хмуро посмотрела на него.

— Заставили дежурить в дружке, — сказал Потапов. — Хотел тебя предупредить, звонил несколько раз, но все время было занято. Телефон что-то барахлит. Ты мастера не вызывала?

— В школе был? — спросила Люба.

— Был. Говорил с завучем. Все будет в порядке. Спи!

Люба еще раз хмуро посмотрела на Потапова, потом отвернулась к стене.

Потапов подвинул к себе будильник — было без пяти двенадцать. Он завел будильник, поставил стрелку звонка на семь. Несколько минут он полежал с открытыми глазами, глядя в потолок и ни о чем не думая, потом повернулся на правый бок и закрыл глаза.

Ровно в двенадцать часов ночи Потапов начал сон...

СКАЗКА ПРО СОБАКУ, КОТОРАЯ ПРОЖИЛА ТРИСТА ЛЕТ

Жила-была на свете собака по кличке Альма. И было ей три года. Вообще-то, особы женского пола скрывают свой возраст, но Альма была молодой здоровой красивой сукой и этого скрывать не собиралась... Она гордо расхаживала перед домом, а соседские псы за забором изнывали от сердечной тоски.

В доме, кроме Альмы, жили еще дед да бабка, сын да невестка, да еще внучка, в общем, целая семья, которую Альма считала своей и любила больше всего на свете! И дом свой любила, потому что стоял он на берегу реки, и реку любила, потому что текла она среди полей, и поле любила, потому что тянулось до самого горизонта... И горизонт любила, потому что там всходило солнце по утрам, а вечером садилось...

И жила себе так Альма, горя-беды не знала, а горе с бедой, оказалось, жили там, за горизонтом. Однажды весенней ночью проснулась Альма от грохота и, выбежав на улицу, вдруг увидела, что поднялось на горизонте солнце... Странное какое-то солнце... Красное, дымное... Да и какому ему быть, ночному солнцу? Ему ночью спать положено, а не в небе сиять...

Залаяла Альма, чувствуя беду, но никто не прикрикнул на нее, как обычно, и тогда смолкла Альма... И все собаки в селе смолкли в эту ночь... Люди спать не ложились, ходили друг к другу, громко разговаривали, а собаки молчали...

А утром начались и совсем странные вещи. Взошло утреннее солнце, а то, ночное, не зашло, и теперь на горизонте было два солнца... И Альма заскулила, поняв, что беда выглядит так.

А потом вдруг приехали в село автобусы. И вышли из них странные люди, в синих халатах и без лиц. Только глаза смотрели поверх масок, и такие это были строгие глаза, что лучше б они и их прикрыли.

И все стали быстро садиться в автобусы, забывая взять еду, пожитки, а самое главное — собак... Альма крутилась в ногах, напоминая о себе, и внучка обняла ее за шею с криком: “Альму возьму!”, но на нее сердито прикрикнул дед: “Цыц! Не до Альмы сейчас!..” И враз все уехали...

Только к вечеру обиженная Альма вышла на улицу и с ужасом увидела, что все село — пусто... Никого, кроме собак и кошек, кур да гусей... Бесхозный скотный двор, а не село. И всю ночь по саду ходили обезумевшие звери и птицы, не обращая друг на друга внимания, не задираясь и не крича... Тихо ходили и только поглядывали на горизонт, где висело ночное солнце... И Альма поняла, что горе выглядит так...

Под утро Альма вернулась в свой дом, легла на ступеньки и стала думать, что делать дальше? И сколько ни думала, ничего придумать не могла... И заснула от отчаяния. А проснувшись, впервые почувствовала жажду и голод, и этот голос подсказал ей, что делать дальше... Альма поняла, что надо есть, пить и охранять дом... Для этого она родилась на свет. А там, глядишь, и хозяева вернуться... Не сдурели же они, бросать такой дом?..

И Альма занялась делом. Она доедала валявшиеся остатки еды, пила воду из луж и обходила забор, иногда потягивая на всякий случай, чтобы никто чужой не подходил... Только, к ее ужасу, никто чужой и не подходил!..

А через три дня вдруг села на плетень ворона. Наглая старая ворона, которую Альма давно знала и не любила за то, что та так и норовила чего-нибудь склевать в огороде... Она и на этот раз нацелилась глазом в огород, но Альма зарычала, предупреждая, мол, не дури, хвост выдеру!

— Дура! — закаркала ворона. — Чего ты тут сидишь?

— Стерегу! — сказала Альма.

— Вот дура! — заорала ворона. — Чего стеречь? Хозяев нет... Теперь все — общее!!

— Я те дам — “общее”, — ответила Альма. — Хозяева вернутся, а огород разворован?.. Что скажут?

— Вернутся?! — захохотала ворона. — Да знаешь, когда они вернутся? Через триста лет.

— Врешь! — ахнула Альма.

— Сама слышала... Эти, что в масках приезжали, так и говорили: село непригодно для жизни в течение трехсот лет!

— Ничего, — вздохнула Альма. — Подождем...

— Что?! — ворона аж подскочила на плетне. — Ты знаешь, дура, сколько это — триста лет?

— Не так много, — сказала Альма.

— Ну, совсем чокнутая! — сказала ворона и, потеряв интерес к Альме, почистила перья. — Черт с тобой! Подыхай здесь на здоровье...

И улетела.

Альма легла на землю и стала соображать, сколько это будет — триста лет?.. Она понимала нутром, что — долго... Но сколько именно?! И тут же вспомнила, что к ним в гости, к деду, часто приезжал кум из города. Встретившись, дед и кум всегда обнимались, хлопали друг друга по плечу и говорили: “Здорово! Где ж, кум, пропадал? Сто лет не виделись!..” Хотя Альма точно знала, что виделись они всего неделло назад и пили вместе тайком от бабки горилку... Значит, сто лет, думала Альма, это — от воскресенья до воскресенья... А триста?.. Значит, три раза по столько... Это, конечно, было тоже много, но все-таки можно было выдержать... И Альма стала ждать...

Первые сто лет ожидания прошли довольно сносно... Альма доедала остатки пищи, что валялись еще кое-где возле дома, ловила полевых мышей, щипала травку... Трава в это столетие разрослась как никогда буйно... Каждая травинка — целый салат... А потом вдруг созрела клубника. Здоровая уродилась клубника, каждая ягода — в яблоко величиной... И хоть Альма недолюбливала клубнику, но есть что-то надо... Альма с отвращением жевала пахучую сладкую мякоть и только об одном жалела, что внушки нет... Вот уж она бы ягодкам порадовалась!

В середине второго столетия вновь прилетела на плетень ворона. Вид у нее стал совсем мерзкий: перья кое-где повылазили, голова облысела... И глаза сделались какие-то безумные...

— Ну что, Пенелопа? — закаркала ворона. — Все ждешь?

— Жду! — сказала Альма.

— Вот кретинка! — захохотала ворона. — Пойдем лучше по дворам... мы в одной хате ведро самогонки нашли! Насосались до чертиков... Айда с нами!

— Кыш! — твякнула на нее Альма. — Жулье проклятое... Вот хозяева вернутся, они вам покажут...

— Нет, с тобой сдохнуть можно! — захохотала ворона. — Впрочем, без тебя тоже... Ведь конец света наступил! Пойми, убогая... Конец света! Неужели не видишь?

— Не вижу, — сказала Альма и повертела головой. — Светло кругом, конца не видно...

— Нет! С трезвыми дураками говорить — только нервы портить, — вздохнула ворона, тяжело махая крыльями и распевая что-то неприспособленное...

Альма легла на ступеньки крыльца и продолжала спокойно ждать. Спокойствие пришло к ней не только потому, что осталось ждать уже половину назначенного срока... В последние дни спокойствие появилось в ней, где-то внутри... Откуда оно взялось, Альма не понимала, но догадывалась, что это связано с Тишкой, забавным соседским псом, который давно ухаживал за ней, проводя все ночи у калитки ее двора и жалобно скуля. Месяца полтора назад она пожалела его и вышла за калитку... Они пробегали всю ночь, играя и нежничая, и теперь Тишкина нежность поселилась где-то в глубине ее тела и росла, становясь чем-то бесконечно теплым и радостным...

А еще через день в село въехали большие бронированные фургоны. Оттуда вышли люди в синих халатах и масках и стали собирать бродившую по селу живность... Собаки, кошки и куры нутром почувствовали опасность, но они так истосковались по людям, что доверчиво лезли в фургоны...

Один из людей подошел и к дому Альмы. Альма залаяла, зло и радостно. Зло, потому что это был чужой, радостно, потому что ее верная служба приобретала, наконец, смысл...

— Здорово, Альма! — сказал человек и спокойно пошел к ней.

Тут Альма по голосу узнала знакомого парня, солдата, дружившего с сыном деда и бывавшего в их доме...

Она перестала лаять, завиляла хвостом и доверчиво подошла к нему.

— Здорово, землячка! — сказал солдат и погладил Альму по спине. — Дом бережешь? Молодец! А вот мы — не уберегли. Извини...

Он еще раз погладил Альму по спине, по животу, потом заглянул ей в глаза и вдруг, точно испугавшись чего-то, отдернул руку. Потом сел на крыльцо и задумался...

Тут к забору подошел другой человек в маске. Солдат вскочил, отдал честь.

— Чего расселся? — строго спросил человек из-за забора. — Давай, забирай собаку!

— Товарищ командир! — сказал солдат. — Это — Альма. Знакомых моих собака... Хорошая собака!

— Тут нет плохих-хороших, — сказал командир. — Тут все — объекты!

— Да она вроде со щенками, — сказал солдат. — Я подумал, может, не стоит ее в расход? Может, для науки интерес, товарищ командир?

Тот, что за забором, куда-то ушел, а потом вернулся еще с одним человеком в халате и маске. Только поверх маски у него были надеты очки, из чего Альма поняла, что он здесь главнее всех...

Человек в очках подошел к Альме, погладил ее, потрогал живот, шерсть... Довольный, пробормотал: "Любопытно, очень любопытно... — и добавил: — Возьмем в институт..."

Он даже хотел взять Альму за ошейник, но Альма сердито зарычала и оскалила зубы...

— Не пойдет она, товарищ профессор, — сказал солдат. — Я ее знаю... Она так приучена — дом стеречь... Костьми ляжет, а не уйдет!.. Уж так приучена.

— Приучена так приучена, — согласился ученый. — Пусть сторожит... Это даже лучше. Проведем эксперимент, так сказать, в естественных условиях... — И, подумав, заметил: — Вернее, в противоестественных!..

С этого дня для Альмы началось третье столетие. Оно было совсем иным, не похожим на те два... К Альме стали часто приезжать люди в халатах. Ее кормили, поили, иногда кололи и брали кровь, что было, конечно, больно, но терпимо...

А к концу третьего столетия Альма вдруг радостно обнаружила, что второе солнце на горизонте исчезло... Совсем исчезло... И ночью небо там стало чистым, только светили звезды и сияла луна...

Альма почувствовала такую радость, что вновь полюбила горизонт. Она даже завизжала от радости и вдруг ощутила, что радость рванулась из ее нутра и пошла навстречу этому чистому небу, этим светлым звездам... Она стиснула зубы, чтобы не визжать слишком громко, а радость все увеличивалась, все шла из нее и шла...

В эту ночь у Альмы родилось шестеро щенят. Она всех их вылизала, вычистила, как подсказывал ей неведомо откуда взявшийся опыт, потом накормила теплым молоком и усталая, счастливая заснула, согреться теплом всех шестерых...

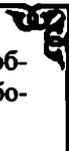
А к вечеру подъехал неожиданно газик, и оттуда вышел дед. Альма сразу узнала, что это был именно он, дед, хотя он был, как все теперь, в халате и маске...

Дед погладил ее рукой в резиновой перчатке, потрепал за ухом, тихо сказал:

— Здорово, Альмуха! Дождалась...

— Поразительная псина, однако, — сказал ученый, приехавший вместе с дедом. — В организме — никаких отклонений... У всех есть, а у этой — ничего... Ни малейшей патологии... И щенки выглядят нормально. Невероятно! Объясните этот феномен.

— Бывает, — сказал дед, продолжая гладить Альму. — Все бывает..

— Интересная версия, — согласился ученый. — Что ж, будем обследовать ее дальше... Кстати, нам надо заполнить на нее историю болезни... Как ее зовут?

— Альма, — сказал дед.

— Какая порода?

— А черт ее знает... Обычная... Местная порода...

— Возраст?

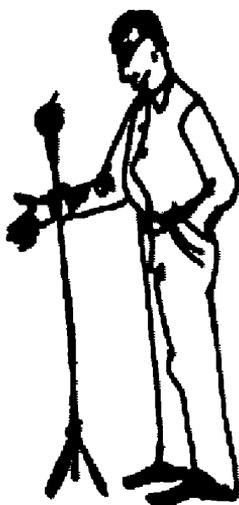
— Три года...

Альма заворчала и отошла к щенкам. Ей неинтересен стал этот разговор. Кроме того, она испытывала некую неловкость из-за того, что дед соврал... Она-то знала, что теперь ей не три, а триста три года, но интуитивно чувствовала, что таким возрастом уже хвастать не полагается...

МОНОЛОГИ

(1974—1984 и.)

БРЮКИ ТОВАРИЩА СИНИЦЫНА

Монолог непутевого человека

Жизнь наша полна сложностей и загадок. Иногда сделаешь что-нибудь эдакое, ненужное, а зачем сделал, почему — непонятно. Всегда получается: себе же хуже!

Вот как-то летом иду я по улице.

Солнце светит, тепло... Навстречу идут прохожие... Симпатичные, милые люди... Я иду, улыбаюсь... Мне хорошо... Вдруг вижу: идет мужчина с портфелем... Солидный такой мужчина, значительный... На нем — коричневый костюм. И вот в этом коричневом костюме я замечаю не порядок: брюки расстегнуты.

Другой бы на моем месте прошел мимо — и ноль внимания! А я глупый... Мне больше всех надо! Я хочу предупредить товарища, чтоб он, значит, не конфузил себя.

Я кричу ему:

— Товарищ! Товарищ!

Он не слышит.

Я снова кричу:

— Товарищ! Минуточку!

Он не слышит, идет быстро. Я бегу за ним.

Он — за угол. И я — за угол. Он входит в какой-то большой дом, я — за ним.

Он идет по коридору, я его почти догоняю, но тут он входит в какой-то кабинет, я — за ним, а секретарша меня не пускает.

— Вы к кому, товарищ? — спрашивает.

Я говорю:

— Я вот к этому товарищу, который прошел.

Она говорит:

— А по какому вопросу?

А по какому я вопросу? Я не знаю, по какому я вопросу.

Я говорю:

— Я по внутреннему вопросу!

Она говорит:

— К товарищу Сеницыну нельзя! Он занят.

Я говорю:

— Да мне, девушка, на минутку, только пару слов ему сказать!

Она говорит:

— Скажите мне, я передам!

Я говорю:

— Вам не могу! Вопрос очень щепетильный...

Она говорит:

— Ну, тогда записку напишите, я передам.

Беру лист бумаги, пишу. Интеллигентно так пишу, чтоб, если кто в записку заглянет, не ставить товарища Сеницына в неловкое положение.

Я пишу: “Уважаемый товарищ Сеницын! Прошу обратить Ваше внимание на определенную часть туалета, в смысле — брюки, поскольку в них отмечается некоторое несовершенство в смысле пуговиц. С искренним уважением...” Ну и подпись.

Секретарша берет у меня бумагу и говорит:

— Сейчас отнесу! А вы, товарищ, пока здесь подождите...

Я говорю:

— Мне ждать нечего... Я пойду.

Она говорит:

— Нет, посидите. Может быть, у товарища Сеницына возникнут какие-нибудь вопросы...

Какие вопросы — непонятно. Но я сижу, жду. Чего жду — не знаю. Через несколько минут выходит секретарша, выносит мою бумагу, а на ней красным карандашом крупно написано: “МИШУЛИНУ, РАЗОБРАТЬСЯ!!” Я оторопел, верчу бумагу в руках и спрашиваю:

— Что это значит?

Секретарша говорит:

— Все в порядке. С этой резолюцией идите к товарищу Мишулину!

Я удивляюсь:

— При чем здесь какой-то Мишулин? Ваш начальник чего-то не понял... Это я ему писал... Дайте я объясню...

Секретарша говорит:

— Ничего не надо объяснять! Товарищ Мишулин — заместитель товарища Сеницына. Идите к нему в двенадцатый кабинет. Идите скорее, а то он в главк уедет!

Положение идиотское! Другой бы плюнул и ушел, а я — нет... Я иду в двенадцатый кабинет. Я бегу, потому что Мишулин в главк может уйти! У двенадцатого кабинета — очередь. Сидят люди с бумагами, ждут... Я тоже сижу, жду... Чего жду — непонятно!

Вызывают. Вхожу.

— Товарищ Мишулин, получилась глупая ситуация...

Он меня не слушает. Одной рукой по телефону разговаривает, другой — берет мою бумагу, читает и справа крупно пишет: “СОГЛАСЕН!”

Я обалдел. Говорю:

— Товарищ Мишулин, с чем вы согласны?! Вы меня послушайте...

Он говорит:

— Мне все ясно! Идите в двадцать седьмую комнату, согласуйте с Рязанцевым!

Я кричу:

— При чем здесь Рязанцев?! Вы вникните в суть... Я ведь что хотел...

Он говорит:

— Идите, идите, мне некогда! Пусть Рязанцев подпишет, а потом пойдете в общий отдел...

Я говорю:

— При чем здесь общий отдел?

Он говорит:

— Идите скорее, а то Рязанцев на обед уйдет!

Я бегу. Я уже нервничаю. Я уже боюсь упустить Рязанцева.

Рязанцев мою бумагу подписывает, меня не слушает, посылает в общий отдел.

В общем отделе одни женщины сидят, мне с ними вообще говорить не о чем; они берут мою бумагу, ставят на ней номер и печать, кладут в папку и говорят:

— Все в порядке, идите — вас вызовут!

Плюнул я, повернулся и пошел.

Думаю: “Торите вы здесь все синим пламенем! Что я из-за вас переживать должен?!”

Иду по коридору, вижу: идет дорогой мне товарищ Синицын, в коричневом костюме, брюки у него расстегнуты.

Я обрадовался, кричу:

— Товарищ Синицын!

Он — от меня. Я — за ним. Он — в кабинет. Я — за ним. А секретарша меня не пускает.

Я ору:

— Дайте мне сказать ему два слова!

Она говорит:

— Товарищ Синицын занят. Пишите бумагу!

Я говорю:

— Я не буду писать бумагу! Я уже писал бумагу... Я больше к Мишулину и Рязанцеву ходить отказываюсь... У меня уже печать стоит!... У меня уже бумага в деле в общем отделе!

Стою я бледный, меня всего трясет.

Секретарша говорит:

— Не волнуйтесь, товарищ! Сейчас все выясним! — Звонит она по телефону, чего-то выясняет и говорит: — Вашей бумаги в общем отделе уже нет.

— Как — нет? — спрашиваю. — А где же она?

— Не знаю, — говорит секретарша. — Очевидно, пошла по инстанциям. Заходите в понедельник, тогда и выясним.

Тут я не выдержал, каюсь. Нервы подвели. Оттолкнул я секретаршу, ворвался в кабинет и кричу:

— Товарищ Синицын, так вас растак!!! Что здесь у вас творится? Гляжу — а брюки у него застегнуты.

— Вам что, товарищ? — спрашивает.

— Ничего! — говорю я. — Так... проверка слуха... — Повернулся и пошел.

Иду весь злой и думаю: “Сам он застегнулся или на мое заявление отреагировал? Ведь если бумага так быстро пошла по инстанциям, то чего ж я наорал на человека?”

КОГДА ГОРИТ ДУША

Монолог строителя

Про этот случай у нас в городе много глупостей рассказывали, но я-то чистую правду изложу, поскольку был всему случившемуся свидетель, если не сказать соучастник.

Строило наше СМУ столовую. Обыкновенную столовую, типовую, одноэтажную. И вдруг кто-то слух пустил, что это, мол, будет вовсе не столовая, а “кафе-опохмелочная”, и будто бы она будет работать с семи утра, и будто бы там будет отпускаться огуречный рассол, квас, пиво ну и, конечно, крепкие напитки.

В общем, все, за что пьющий человек поутру жизнь отдаст.

Кто такую глупость мог придумать, я даже и не знаю, только некоторые в нее поверили.

Во всяком случае, три дня слух в городе обсуждался, а на четвертый день, в понедельник, прихожу я рано-рано, часов в пять, на стройку и вижу что-то неладное — посторонние люди на площадке. Человек десять мужчин, а то и больше. Стоят хмурые, воротники подняли, ежатся на морозе.

— Вам чего, ребята? — спрашиваю.

— Да вот, говорят, пришли проведать, скоро ли “опохмелочная” откроется?

— Что вы, — говорю я, — сдурели, что ли? Какая “опохмелочная”? Обыкновенную столовую строим, типовую, одноэтажную.

— Ладно-ладно, говорят, ты нам не заливай! Ты давай строй скорее! Видишь, у людей душа горит...

Смотрю я на них, вижу — действительно люди, пострадавшие с вечера: глаза у них красные, лица серые, телом подрагивают.

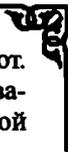
И главное — уходить не собираются.

— Да вы что, ребята, — смеюсь я, — думаете здесь до открытия простоять, что ли?

— А чего же? — говорят они. — Можно и подождать. Чай, уже немного осталось...

— Да вы в своем уме? — спрашиваю. — Как так — немного? У нас только фундамент заложен да стены начали ставить. Здесь еще месяца на три, а то и больше, работы!

— Брось шутить, дядя, — говорят они. — Делов-то всего — дом построить! Ты лучше “ля-ля” не разводи, ты воздвигай скорее!

Плюнул я со злости, закурил. Они зашумели, папиросу вырывают.

— Ты что, — кричит один в шляпе, — здесь перекуры устраиваешь? Ты людей до инфаркта довести хочешь?! Я из загорода на первой электричке сюда приехал, а он, подлец, курит!

Вот ситуация! Понимаю, что люди не в себе, что им сейчас море по колено.

— Ах так, — кричу я, — тогда воздвигайте сами, чтоб вам пусто было!

— А что ж, — говорят они, — можно и помочь для темпу.

Скинули они пальто на снег, поплевали на руки и взялись за кирпичи...

Честно скажу, я такой кладки даже в кино не видел. У нас и норм таких нету. Если б кто с секундомером тут стоял, то мы бы мировой рекорд зафиксировали. Мастерки стучат, кирпичи летают, раствор аж кипит от скорости. Не успел я и ахнуть, а они уж стены под крышу подводят.

— Стойте! — ору я им. — Чего зря стараетесь? Все равно балок нет, жести нет, окна не вставлены... Опомнитесь, люди!

— Ничего, — кричат они, — сейчас все мигом будет! Нам ведь дворец не нужен, нам самочувствие поправить — и ладно!

Кинулись — кто к телефону, кто на базу поехал, кто неизвестно откуда рамы принес... Гляжу, через пятнадцать минут грузовик подъезжает с материалами, за ним другой — со столами и стульями, за ним — автобус маляров привез...

Я глазам не верю, но вижу — к концу дело идет! Один уже паркет положил, отциклевал да натирает, другой окна моет, занавески вешает, третий столы устанавливает, четвертый из меню ненужное вычеркивает...

— Все одно, ничего у вас не выйдет! — кричу я. — Персонала нет, смета не утверждена!

— Не паникуй, дядя! — говорят они мне. — Смету потом утвердим, а персонал уже ведут!

Смотрю: действительно, ведут. Официанток где-то раздобыли, буфетчицу, кассира. Заведующую, толстую такую тетеньку, просто на руках несут. Заведующая смеется, отбивается, кричит:

— Отпустите меня, граждане! Я ведь еще не оформлена!

— Оформлена, оформлена, — говорят они ей. — План выполнять пора!

А в это время какой-то мальш в спецовке (Бог знает, откуда он взялся!) бочку с рассолом прикатил да пиво на самосвале привез. Короче, хотите — верьте, хотите — нет, но только ровно в семь открылась столовая, сели они за столики, выпили, закусили, "беломорчиком" подьмили и все разом встали.

— Прощай, дядя, — говорят они мне. — Извини, если что не так! Нам еще на свою работу поспеть надо...

И ушли.

Вот тогда я сел за столик, обхватил голову руками и заплакал. Грустно мне чего-то сделалось за них, за себя. И еще обидно было, что я им сдуру сказал, что столовая типовая, одноэтажная. Под горячую руку они высотное здание запросто могли махнуть...

СКРЫТОЙ КАМЕРОЙ

Монолог продавца

В понедельник вечером собирает нас, продавцов, директор магазина и говорит:

— Товарищи, завтра вас будут снимать скрытой камерой.

Ну, мы, конечно, обрадовались и спрашиваем:

— А что это такое?

Директор объясняет:

— Это такой новый метод кино съемки, когда тебя снимают, а ты про это не знаешь. И, значит, ведешь себя непринужденно. Зачем это будет делаться — не объяснили: может, в “Новости дня” вставят, а может, в кинофильм какой-нибудь. И вообще, товарищ, который со студии звонил, просил вам ничего не говорить. Так что делайте вид, что вы не в курсе! Понятно?

А чего ж здесь не понимать? Все ясно! Мы магазин убрали, все почистили, витрины приукрасили... В винный отдел коньяк со склада принесли, в рыбный — окуна свежемороженого. У себя в мясном отделе я плакат повесил: “Бык в разрезе”. В общем, приготовились!

Вечером я постригся, помылся и жене сказал:

— Ты мне на утро рубашку белую приготовь и галстук в полосочку — нас скрытой камерой фотографировать будут.

На другой день приходим все разодетые, как на праздник. Продавцы — в галстучках, продавщицы — в кофточках, в блузочках, кассирша Зина французскими духами надушилась, хотя это уже совершенная глупость, потому как в кино не пахнет.

Все улыбаются, говорят вежливо, на покупателей смотрят, как на родственников. Только и слышно: “Пожалуйста!”, “Будьте добры!”, “Разрешите, я вам заверну” — и всякая такая ерунда...

Покупатели смотрят на нас, как на полоумных, ничего понять не могут. Но тут кассирша Зина высунулась из кассы и шепчет очереди:

— Не толкайтесь, товарищи! И, вообще, ведите себя прилично — нас скрытой камерой снимают для кино.

Покупатели сразу поняли, что к чему, притихли, подобрали, друг другу место уступают. Всех алкоголиков от винного отдела как ветром сдуло, осталось только человек пять-шесть: стоят чинно, томатный сок пьют, разговаривают про международные события...

В общем, до обеда мы проработали в такой исключительно неввозной обстановке. Но тут вдруг вбегает директор и говорит:

— Товарищи! Не волнуйтесь! Звонили со студии: сейчас съемки нет, только после обеда будут снимать скрытой камерой!

Ну, мы дух перевели, покупателей быстренько всех повыгоняли, магазин заново убрали, в овощной отдел апельсинов подбросили, в колбасный — колбасу докторскую, в рыбный — плакатов! Короче, приготовились, ждем...

Только после обеда к нам набилось ужасное количество народу. Слух про скрытую камеру в момент разнесся, и каждый под это дело хочет что-то купить и получить вежливое обслуживание. Некоторые покупатели совершенно распоясались.

Одна пожилая дамочка совсем обнаглела и говорит мне:

— Товарищ продавец, что бы вы могли мне порекомендовать для бульона?

Я про себя думаю: “В другое время я б тебе порекомендовал, халда ты эдакая!” Но теперь этого сказать не могу, а, наоборот, делаю такое задумчивое лицо для скрытой камеры и говорю:

— Я вам рекомендую, гражданка, этот кусок с косточкой. В ней много липонидов и аминокислот!

В общем, цирк, да и только!

А к концу рабочего дня вбегает директор и кричит:

— Звонили со студии, сегодня съемки не было, завтра со скрытой камерой прибудут!

Назавтра опять нервотрепка!

Опять все вырядились, опять работаем как угорелые, сплошной сервис, сплошное “будьтедобрыпожалуйста!”, а вечером — новый звонок со студии:

— Сегодня скрытой камеры не было — завтра будет!

Тут уж нервы у нас стали сдавать. Многие валидол принимали, с кассиршей Зиной нервный припадок случился, она весь день улыбалась как ненормальная, и у нее на лице какой-то сустав замкнулся...

Короче, промучились мы так пять дней, а когда на шестой день опять со студии позвонили и сказали, что съемка переносится, — сомнения взяли: не валяет ли кто с нами дурака?

Директор в милицию позвонил, а оттуда дежурный говорит:

— Не волнуйтесь, товарищи, никакой скрытой камеры нет! Какая-то шайка терроризирует все торговые и бытовые учреждения нашего района. Они и над универмагом так измывались, и над женским ателье, и над химчисткой, и столовую до того довели, что там на столики розы поставили и семгу вместо селедки подают!

Ну, мы все вздохнули облегченно! Как гора с плеч!

И возмутились, конечно! Разве можно позволять себе такие глупые шутки? А кассирша Зина сказала:

— Когда этих хулиганов поймают, я первая свидетельницей в суд пойду, чтоб строже их покарали! И потом, я ради этой скрытой камеры у частного зубы новые вставила — пускай они мне их оплатят!

ФАНТОМАСЫ

Монолог сторожа

С преступностью у нас плохо. В смысле — хорошо! В смысле — нет ее. В смысле — есть, но мало. Не то что, скажем, на Западе. Там, действительно, разгул. Стреляют, грабят на каждом шагу. Потому что там оружие продается, как у нас мороженое, — в любом ларьке пулемет купить можно.

А у нас с этим строго. Не то что, скажем, пистолет или ружье — утюг тяжелый преступник не достанет...

Но все-таки, конечно, грабежи еще встречаются в отдельных случаях. Вот у нас в прошлом месяце гастроном ограбили. Крупное дело было: вахтера связали, замок автогеном вырезали, витрину — алмазом... Взяли два пол-литра, сырок “Дружба”, полбуханки обдирного... Сразу видно — шайка действовала. Засыпались они на ерунде. Потому как не профессионалы: им бы после грабежа затихнуть, спрятаться, в подполье уйти, а они наутро пришли посуду сдавать. Их и замели...

Или другой случай был: решили двое кассу в магазине ограбить. Но тоже, видать, не профессионалы: им бы с утра в магазин прийти, когда народу мало, а они вечером притащились, после работы, в час “пик”. Народу полно, к кассе не подобрешься. Им бы встать как людям в очередь, а они, не профессионалы, решили схитрить. “Граждане, говорят, разрешите нам к кассе подойти, нам только кефир без сдачи выбить...” А зачем, спрашивается, человеку после работы кефир?! Народ сразу заподозрил неладное, скрутили их, сдали в отделение...

Но самый интересный случай грабежа я лично наблюдал на прошлой неделе. Пришел я вечером к себе на работу, вышел во двор. Сижу курю, дежурю, одним словом. Вдруг вижу — земля шевелится. Думал, почудилось, однако пригляделся — точно, шевелится, копают ее изнутри. Наконец разверзлась земля, вылезают на поверхность трое с отбойными молотками, с пистолетами, в черных масках — ну, ни дать ни взять — фантомасы...

Наводят на меня оружие, кричат: “Руки вверх!”

Ну, мне что, я человек маленький, сторожем работаю. Поднимаю руки.

Один из фантомасов мне говорит:

— Открывай, дед, свой ювелирный магазин!

— Какой такой “ювелирный”? — спрашиваю.

— Как это — какой? Разве это не ювелирный магазин?

— Да вы что, — говорю, — ребята? До ювелирного отсюда два квартала. Вы же не в том направлении прокопались...

Охнули они, маски у них аж потом прошибло.

— Как же так? — говорят. — Неужто опять промахнулись?!

Тут один из фантомасов начинает на себе рубаху рвать, впадает в истерику.

— Завязываю, — кричит, — с этим делом! Отказываюсь работать при такой бестолковщине!!

— Что ж вы, ребята, — говорю я им, — вслепую копаете? Вам бы хоть планчик нарисовать, чертежник...

— Да есть у нас чертежник, — плачут. — Специалист чертил, инженер с “Ремонтгаза”... Третью неделю с этим чертежником под землей ошиваемся...

Вижу: люди совсем умаялись, дал я им закурить, успокоились по-маленьку.

— Придется нам, батя, — говорит один из них, — твое заведение ограбить. Не зря же мы к тебе тоннель прорыли. Ты чего стережешь?

— Базу стерегу, — отвечаю. — Базу товаров местной промышленности.

— Давай ключи, — говорят, — а не то мы замки посшибаем!

— Какие, — говорю, — замки? У нас склад на фотоэлемент поставлен, на автоматику...

— Выключай, — кричит, — автоматику!

— Чего ее выключать, — говорю, — когда она не включается? Мы ее, вишь, накоротко замкнули, чтоб на ней чайник сподручней кипятить было, а она чего-то и сломалась... Так что заходите, не беспокойтесь.

Они на меня с подозрением смотрят, спрашивают:

— А какие товары на складе?

— Разные, — говорю, — всевозможные... Плащи-болоньи, обувь женская на шпильках микропористых, рубахи нейлоновые, герметические... Бери — не хочу!

— Сам, — говорят, — бери! Нам это и даром не надо...

— Несознательные вы, — говорю, — молодые люди. Обчистили бы склад, большую пользу государству принесли... Здесь ведь на тыщи рублей товару навалено. Чего с ним делать? Продать нельзя, выкинуть жалко, только и надежда, может, кто упрет сдуру...

— Нет, — говорят, — не проси, не хотим!

— Эгоисты вы, — говорю, — несознательные люди!

— Отцепись, дед! — кричат. — Сам ты несознательный! Ты на кой черт такой склад стережешь?

— Дураки вы, — отвечаю. — Я его не затем стерегу, чтобы кто чего не взял, а я его затем стерегу, чтоб сюда кто чего лишнего не подбрoсил...

Тут с одним из фантомасов опять истерика случилась.

Рвет он на себе рубаху, орет:

— Завязываю, братцы! Негу никаких сил! Надо ж сначала повысить качество продукции, а потом уж ее растаскивать! Отпустите меня к прокурору!

Ну, отпоил я его валерьянкой, успокоил. Посовещались они. Вижу, собираются снова под землю уходить.

Один на прощание мне и говорит:

— Давай, папаша, мы у тебя хоть часы снимем, а то ведь совсем так дисквалифицируемся.

— Берите, — говорю, — на здоровье! Только они у меня после ремонта гарантийного... Наполовину работают: тикать тикают, а стрелки не ходят.

— Ладно, — говорят, — все равно давай. Мы их внизу вместо компаса используем...

Взяли они часы, спустились в тоннель, я их сверху землицей при-сыпал. Хотел в милицию позвонить, но потом раздумал. У меня на часах стрелки как раз на районное отделение направлены были, так что ежели они с огоньком работать будут, то к утру там вылезут...

САУНА

Монолог нужного человека

Недавно у нас в городе открылась баня “закрытого типа”. “Сауна” называется. Что в переводе с финского означает “финская баня”.

Я про нее и не знал, а тут звонит мне один приятель, Егоров, и говорит:

— Приглашаю тебя, Николай Степанович, в субботу в финскую баню.

Я говорю:

— Спасибо, но, во-первых, у меня ванная есть, а во-вторых, я уже в среду мылся.

Он говорит:

— Чудак, я тебя не мыться зову, а интеллигентно провести время. Шашлычки поедим, пообщаемся с нужными людьми. Там такой солидный контингент, будь здоров! Я еле пропуск достал...

— Ах, так, говорю, если это вроде как мероприятие, тогда — с наслаждением!

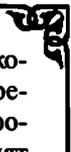
Приходит, значит, суббота, и тут у меня с этой сауной случается первая загвоздка: не знаю, как в баню одеться. С одной стороны, в интеллигентное общество в чем попало не пойдешь, с другой — зачем хорошо одеваться, когда все равно раздеваться?

Думали мы с женой, думали, потом она и говорит:

— Раз, Коля, там будет бомонд, надевай новые джинсы.

Это она мне как-то купила у спекуля джинсы. Ну, вам скажу, не джинсы, а чудо природы. На пол поставь — стоят без всякого содержания. Я их год не надевал, берег для торжественного случая.

Одним словом, напяливаю я джинсы, надеваю сверху рубаху системы “батон” и еду...

Баня, доложу вам, снаружи — ничего особенного, но внутри, конечно, произведение архитектуры: стиль модерн, под старину. Все деревом обделано, камин, светильники темные, орган играет по магнитофону. И компания, соответственно, солидная: попивают коньячок, дымят не нашим дымом...

Ладно. Посидели, покурили, потом все направляются в парилку. А у меня тут происшествие: “молнию” на джинсах заклинило. Ни туда, ни сюда. Дергал, дергал, аж взмок! И самочувствие глупое: все голые, а я как дурак в штанах. Срам один! Прямо не знаю, что предпринять.

Егоров советует:

— Ты, Николай Степанович, ступай прямо в них в парилку. От нагревания предмет расширится, ты из него и выскочишь!

— Засмеют же, говорю.

— Ничего, говорит, а ты держись независимо. Может, ты оригинал? Может, ты именно в таком виде любишь париться?

Ладно. Иду в парилку, сажусь на полку в штанах и с независимым видом. Но вокруг, правда, народ интеллигентный, виду на мой вид не подаю, только разве что потеть чуть быстрее стали...

Потом все в бассейн нырнули. А я сижу, накаляюсь. И все без толку! Нагреться эти сволочи нагреваются, а расширяться — ни-ни! Недаром жена за них спекулю сотню дала... Сил моих нет, чувствую — я в них плавиться начинаю...

Соскакиваю с полки, лечу к бассейну, а тут вдруг банщик меня не пускает:

— Извиняюсь, говорит, но в штанах купаться запрещено. Здесь не пляж!

Я ору:

— Да мне только остыть малость!

Он говорит:

— Выйдите на улицу, остыньте! А в верхней одежде в бассейн не пускаем!

Я бы с ним и поскандалил, но чувствую — угораю!

— Егоров, — ору, — миленький! Выпусти меня из джинсов, а то помру!

Егоров видит — положение серьезное, схватил ножницы, разрезал мне джинсы вместе с трусами, выскочил я оттуда — и в воду! Полчасика остывал.

Теперь дальше: садятся все за стол у камина, начинают шашлык уминать. Я тоже иду, но тут получается конфуз: все уже оделись, а я — в чем мать родила. Тут общество, несмотря на интеллигентность, начинает возражать.

Один говорит:

— Это что ж такое? Что за странный субъект: парится в штанах, а как за стол садиться, так он их сымает. Зачем, говорит, Егоров, ты привел с собой этого типа?!

А Егоров говорит:

— Это, извиняюсь, не тип, а Николай Степанович! Он в автомагазине работает, и к ним в конце месяца дефицитные шины поступят.

Тут, конечно, происходит обратный отлив. Тот, который говорил, говорит:

— Ах, извините, мы этого не знали. Тогда другое дело... Сидите, дорогой Николай Степанович, не стесняйтесь, нам даже очень приятно видеть вас в натуральном виде...

Ну, поели мы, выпили, пообщались, стали домой собираться. Тут подходит ко мне банщик и говорит:

— Извините, Николай Степанович, за мое грубое поведение. Ежели желаете, можете одеться и выкупаться!

Я говорю:

— Да что вы, забудем про этот инцидент. Я, вообще, сюда не купаться приходил, а культурно отдохнуть.

Он говорит:

— Ну, тогда заходите еще. Всегда будем рады!

В общем, если честно говорить, понравилась мне сауна. Только джинсы эти проклятые я больше не надеваю. В угол поставил — пусть стоят..

ЧТО-ТО СИНЕЕ В ПОЛОСОЧКУ...

Монолог командированного

Случилось это так: посылает меня прошлой осенью колхоз в командировку. Приехал я в Москву, остановился, как всегда, в гостинице “Националь”, в вестибюле. У меня там швейцар знакомый, он раньше у нас агрономом работал.

Оставил я у него вещи, вышел в город, походил туда-сюда, пообедал в ресторане “Будапешт”, в кулинарии. Ну, думаю, пора и делом заняться — по магазинам пройтись.

Подхожу к универмагу, вижу — очередь. Ну, обрадовался — стало быть, чего-то дают. Это у нас примета такая народная: раз очередь — значит, дают! А тут, понимаю, что-то особенное дают, потому как очередь громадная: на улице начинается, по первому этажу идет, потом по лестнице вверх и уходит, как говорится, за горизонт.

Я моментально в хвост пристроился, спрашиваю у крайней женщины:

— Кто последний?

Она говорит:

— Я последний!

Я спрашиваю:

— А что дают?

Она говорит:

— Что дают, я и сама не знаю, только просили больше не становиться, потому что все равно не хватит.

Я говорю:

— А сколько это, чего дают, стоит?

Она говорит:

— Двадцать рублей.

Я говорю:

— Цена подходящая, можно и постоять.

Стою.

За мной тоже люди пристроились, а в середине очереди уже и стоять веселей — в спину не дует.

Стою.

Только, понятное дело, меня интерес разбирает, за чем это я, собственно говоря, стою? Делаю всякие наводящие вопросы. За чем, спрашиваю, товарищи, стоим? Какой примерно товар? Легкой он или тяжелой промышленности?

Все молчат. Половина, вроде меня, не знает, а половина — знает, но молчит и глаза отводит, чтобы другую половину не распалить.

Стою.

Только тут наверху появляется продавец и кричит:

— Товарищи, имейте в виду, остались только пятнадцатые и шестнадцатые номера! — И ушел.

Очередь заволновалась, я тоже, потому как не знаю — номера эти как — хорошо или плохо? Ну, ничего, думаю, выкрутимся: ежели будет мало — растянем, велико — обрежем, а ежели это, чего дают, на электричестве, так мы его через трансформатор включим.

Стою.

Через час вдруг слух прошел: мол, это, чего дают, можно выписать в какой-то третьей секции без очереди.

Ну, раз без очереди, то, понятное дело, началась давка! Подхватили меня с четырех сторон, понесли в третью секцию. Я сначала брыкался, вырывался, но потом затих — не кричу, но дышу, берегу силы для кассы.

Приносят меня в третью секцию, прижимают к прилавку, продавщица кричит мне:

— Вам чего?

Я говорю:

— То, чего дают!

Она нервничает.

— Я спрашиваю, — кричит, — вам синее или в полосочку?

Я взмолился:

— Девушка, милая, покажи мне, заради Бога, чего это есть?

Она говорит:

— Чего выдумал?! Оно ж упаковано!

Я говорю:

— Тогда давай обе штуки!

Выбил я чек, сунули мне на контроле какие-то две коробки, стал я к выходу пробираться. Чувствую — одна коробка тяжелая, а другая лег-

кая, но в ней что-то вроде шевелится... А кругом жмут, толкают, того гляди, с ног свалят.

А тут еще ко мне какой-то старый узбек пристал:

— Продай, милый, одну коробку! Я за этой штукой четвертый раз в Москву приезжаю!

Я говорю:

— Я тебе, дед, может, и продам, только ты мне скажи сначала, чего это я купил.

Он говорит:

— Я это по-русски не знаю, как назвать, а на узбекский это не переводится!

— Тогда, говорю, шип тебе, мне это самому надо!

Только он повис на руке, просит, я от него как рвану, споткнулся и загремел по лестнице...

Пришел в себя на другой день в больнице. Первый вопрос к персоналу:

— Сестричка, где оно?

— Чего — “оно”? — спрашивает.

— То, чего я купил!

— А чего ты купил?

— А это, — говорю, — я и сам не знаю.

Она говорит:

— Ну вот, когда вспомнишь, тогда и выпишем.

Короче, только через месяц отпустили меня домой. Сел я в поезд и думаю: денег не жалко, здоровья не жалко, жалко, что так и не узнал, что ж это все-таки давали. Вдруг эта штука жизнь бы мою перевернула... А теперь крутись без нее как знаешь!

С тех пор я городские универмаги обхожу стороной. В нашем сель-по лучше. Придешь, спросишь:

— Есть?

Тебе говорят:

— Нет!

И все культурно, никаких очередей...

ХОРОШЕЕ ВОСПИТАНИЕ

Монолог моего соседа

“Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой...” Так Чехов сказал. В восьмом томе Собрания сочинений. Удивительно мудрое замечание, между прочим. Я, когда прочитал, так даже поразился: как мне это самому в голову не приходило? Считаем себя интеллигентными людьми, а не дай бог кто-нибудь прольет за столом соус, так уж сразу шум, крики... А Чехов с этим борется. Он прямо говорит: хоро-

шее воспитание не в том, чтоб, значит, самому не гадить, а совсем наоборот...

Я когда это прочитал, то сразу решил, что буду жить по Чехову. А тут как раз и случай подвернулся — день рождения жены. Пришли гости — родственники, сослуживцы. Сидим, едим, интеллигентные разговоры ведем про погоду, про дубленку, про Евтушенко, про то, про се... Хорошо сидим, мирно, соуса никто не проливает.

Но тут один из гостей, некто Куликов, за бутылкой потянулся и фужер с пивом на скатерть и опрокинул. Смутился, стал быстро пятно салфеткой вытирать.

Я сижу — ноль внимания. Просто абсолютно не реагирую. То есть сижу с таким видом, будто он ничего не проливал. Будто и не было этого.

Но тут я замечаю, что никто не замечает, что я не замечаю, как он скатерть залил. Мне как-то обидно стало. И я говорю:

— Хорошее воспитание, говорю, не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой...

Гость Куликов покраснел и говорит:

— Я никакого соуса не проливал!

Я говорю:

— При чем здесь соус? Дело не в соусе... Просто приятно, что здесь собрались хорошо воспитанные люди. Вот вы пиво пролили, а никто даже глазом не моргнул. И это очень радостно, тем более что скатерть новая, недавно куплена.

Гость Куликов почему-то еще больше смутился, что-то стал бормотать и вдруг уронил тарелку на пол. Тарелка — вдребезги! Гость Куликов стал красный как рак. Все молчат. А я стараюсь не замечать этого нового конфуза, хотя про тарелку у Чехова ничего не сказано.

Я говорю:

— Не смущайтесь, пожалуйста! Какие пустяки! Никто ничего не видел. Бог с ней, с тарелкой! Она — из сервиза! Антикварная. Саксонский фарфор!

Гость Куликов почему-то весь затрясся, бросился осколки подбирать да от волнения скатерть зацепил. На пол посыпались бутылки, рюмки... Я губу закусил, но всем видом стараюсь показать, что ничего этого не замечаю. Я даже, наоборот, насмивываться что-то веселое стал, чтобы показать всем, как мне это все безразлично.

И тут, представляете, жена Куликова вскакивает и кричит мне:

— Что вы третируете моего мужа?

Я ей вежливо отвечаю:

— Никто вашего мужа не третирует! Наоборот, стараемся не замечать его хамства. Вот вы, например, своей вилкой в общий салат лезли, а я этого даже не заметил.

Тут она чего-то заплакала, а все гости стали почему-то возмущаться. Какой-то родственник жены вскочил, кричит:

— Уйдем отсюда! Над нами здесь издеваются!

Я говорю:

— Да кто же над вами издевается? Пришли, понимаешь, пол замызгали, пепел в тарелки сыплете, пьете неумеренно... Я стараюсь не обращать внимания, а вы еще что-то вякаете!

Тут гости вскочили, бросились в переднюю за пальто. Я им крикнул вдогонку:

— Ну и ладно! Валите отсюда! Попутного ветра!

Это, конечно, я уже грубо крикнул. Не надо бы этого! Мне бы им чего-нибудь из Чехова вдогонку послать, что-нибудь про соус или в этом роде, но как-то цитаты не подобрал.

Слава Богу, бутылкой не запустил, сдержался...

“ХОЧУ ХАРЧО!”

Монолог официанта

Самое неприятное — это когда посетитель бестолковый попадает. Скажем, иностранец... Или который наш, но по-русски не понимает. Вот на днях приходит к нам в ресторан один старик — узбек... Или таджик, не знаю... В общем, в тубетейке и халате... Старый такой, лет ему восемьдесят, а может, и больше — они там долго живут.

Сел за мой столик, повертел меню и говорит мне:

— Хочу харчо!

Я вежливо говорю:

— Нету харчо!

Он заулыбался, головой закивал, будто понял, и говорит:

— Хочу харчо!

Я объясняю:

— Нету харчо! Там в меню написано “харчо”, но это не значит, что есть харчо... Меню старое!.. Прошлогоднее меню... Заказали мы новое меню, но из типографии пока не прислали... У них с бумагой перебои... Поэтому лежит пока старое меню, в котором есть харчо, а на самом деле — нет.

Все так ему понятно объяснил, вразумительно. А он меня выслушал, языком поцокал и говорит:

— Хочу харчо!

Я объясняю:

— Нету харчо! Нету, дедушка!.. Харчо из баранины делают, а баранину сегодня не завезли. Не прислали с базы баранину. Говядину прислали... Вернее, свинину. А насчет баранины наш директор звонил на

базу тому директору, но тот директор уехал куда-то. Так что с бараниной пока неясность. А без баранины нельзя харчо!

Вроде бы объяснил ему, понятней нельзя. Все растолковал. А он смотрит на меня своими восточными глазами и говорит:

— Хочу харчо!

Я уже нервничаю, но объясняю:

— Какое харчо, дед?! Что ты пристал? Харчо готовить надо уметь, а сегодня не тот повар... Клягин сегодня работает, а не Цугульков! Клягин не умеет харчо!.. Он молодой еще, практикант!.. Он только яичницу умеет... А Цугульков, который умеет харчо, он отгул взял. У него жена рождает... Он, Цугульков, запил, потому что нервничает... А без Цугулькова никак нельзя харчо!

Уж так я этому старику все разъяснил, — и жестами, и руками... И про Цугулькова так понятно показал, как тот запил, и про жену, что она рождает... Даже я вспотел от напряжения.

И он вроде бы понял. Головой закивал, руку мне пожал и говорит:

— Хочу харчо!

Я весь задрожал, но взял себя в руки, спокойно объясняю:

— НЕТУ ХАРЧО! — кричу. — НЕТУ! НЕ НА ЧЕМ ГОТОВИТЬ ХАРЧО! ПЛИТА ПЕРЕГОРЕЛА! ЗАМКНУЛОСЬ ТАМ ЧТО-ТО! ПЛЮС НА МИНУС ЗАМКНУЛСЯ!.. СГОРЕЛА ПЛИТА К ЧЕРТОВОЙ БАБУШКЕ!! А МОНТЕР ТОЛЬКО ЗАВТРА ПРИДЕТ, ЕСЛИ ПРИДЕТ... ЕСТЬ ВТОРАЯ ПЛИТА, НО НА НЕЙ НЕЛЬЗЯ ХАРЧО! ОНА НЕ ДЛЯ ХАРЧО, ПЛИТА! ОНА САМА ПО СЕБЕ, ПЛИТА!..

Кричу я, а сам про себя спокойно решаю, что если он еще раз скажет "Хочу харчо!", то я его убью.

Говорит.

В голову мне что-то ударило, пошатнулся я, заплакал.

— Пожалей, говорю, меня, дедушка! Я — человек больной. У меня гипертония... Давление двести двадцать на сто двадцать семь, как в трансформаторе... У меня кризы бывают... У меня неотложка возле подъезда каждую ночь дежурит... У меня сын — заяц, а внук — двоечник... НЕ-ТУ ХАР-ЧО!

Реву я белугой, дед тоже плачет, обнимает меня, вытирает мне слезы тубетейкой и говорит:

— Хочу харчо!

Подкосились у меня колени, упал я.

Хорошо, официанты подбежали, подхватили.

— Плонь ты на него, Степанов, — говорят они мне. — Не связывайся! Видишь, он не понимает ни бельмеса по-нашему! Плонь!..

Ну что было делать? Как еще можно объяснить?

Плонул я с досады... и принес ему харчо.

ВСТРЕЧА С ИЗВЕСТНЫМ ПИСАТЕЛЕМ БУРКО

Рассказ директора совхоза

...Любит наш народ писателей! Хлебом его не корми, дай только с живым писателем встретиться, особенно если еще и в рабочее время... Вот проходили у нас в области в прошлом году дни литературы. Понаехали писатели со всех концов страны...

Три дня их в центре держали, а потом пустили по районам. Звонят мне рано утром из района, говорят: “Выезжает к вам в совхоз известный писатель Бурко... Или Бурко? В общем, ударение на месте уточните! Примите на уровне!”

Я говорю: “Мы товарищу Бурко... или Бурко... очень рады, но все-таки хотелось бы знать, кто такой? Что написал? Чтоб почитать перед встречей...”

Район кричит: “Читать уже некогда! Просто прими на уровне — и все!”

Я говорю: “Не сомневайтесь! Примем! Но все-таки, как народу объяснить, кто наш гость? Он, вообще-то, в частности, мужчина или женщина?”

Район на другом конце трубки затих, чувствую — они тоже не в курсе, потом стали кричать: “Что за глупые вопросы, директор? Писатель к вам не жениться едет, а встретиться с читателями. Ты нам мероприятие не срывавай! Ты прими его — и все!”

Ладно. Собираю я срочно актив, говорю: “Товарищи! У нас большая радость: приезжает к нам известный писатель... то ли Бурко... то ли Бурко... то ли мужчина, то ли женщина... Какие будут предложения по радушной встрече?”

Задумались. Потом встает завскладом (он у нас мужик башковитый, три ревизии поймать не смогли) и говорит: “Раз уж действительно такая радость и приезжает к нам знаменитый писатель без точной фамилии и явных половых признаков, предлагаю его встретить радостно, но неопределенно... То есть плакатами! Напишем крупно: “ПРИВЕТ БУРКО НА СОВХОЗНОЙ ЗЕМЛЕ!” или “КНИГА БУРКО — ЛУЧШИЙ ПОДАРОК!” Раз он писатель, то читать умеет, и прочтет все правильно, с нужным для себя ударением!..”

Так и решили. Написали плакаты. Нарвали цветов. Вперед пустили пионеров с барабанами.

Ровно в полдень подкатывает к зданию правления черная “Волга”, выходит оттуда писатель... С усами! Никаких сомнений... Пионеры застучали в барабан. Аплодисменты. Цветы. Я его беру под руку, веду к себе в кабинет и по дороге говорю, мол, огромная радость, что вы при-

были, заждались, мол... Кстати, говорю, среди ваших поклонников тут разгорелся спор: в каком месте фамилию лучше ударять? Как вас правильной: Бурко или Бурко́?

Он говорит: "Правильней меня... Куренцов Николай Степанович! А что касается этого Бурко или Бурко́... то он сейчас, вообще, в другой делегации".

Я вздрогнул, говорю: "Это, конечно, для нас... еще большая радость, что вместо какого-то Бурко, вы, товарищ... к нам приехали. Но, с другой стороны, люди-то как-то... настроились... на Бурко... или Бурко́... Как быть?!"

Глянул он в окно, почитал плакаты, говорит: "Вот что! Раз уж такая накладка, не будем огорчать людей!.. Пусть и дальше уж принимают меня как Бурко... или Бурко́... Но, поскольку я его книг не знаю, читательскую конференцию проводить не будем. Просто я им речь скажу, пообедаем — и разъехались! У меня программа напряженная!"

Выхожу я к народу, объявляю им Бурко или Бурко́, уж не помню, выходит он и произносит речь. Товарищи! — говорит, — дальнейший рост! — говорит, — ура! — говорит, — навек! — говорит!..

Умеют у нас писатели говорить, про что — сразу и непонятно, но бодрит... Народ ему аплодирует, только, конечно, немножко начинает нервничать, потому что он нас все время почему-то называет "овцеводами"...

Я ему шепчу: "Товарищ Бурко... (тут уж я не думал об ударе, он вообще мне стал надоедать)... Товарищ Бурко! Вы на овцеводство особенно не напирайте! Свекловоды мы, а не овцеводы! Овца в нашем районе не живет, она тут вообще не выдерживает..."

Он говорит: "Как так? Разве это не Касьяновский район?"

Я говорю: "Ни в коем случае! Это — сто километров и в другую сторону!"

Он ахнул: "Ах, мать честная, что ж там, в центре, все напутали... Меня ж в Касьяновском ждут... Что делать?"

Я говорю: "Не надо огорчаться! Нормально! Жизнь, она все по местам ставит: если вы для нас — Бурко, мы для вас — Касьяновский район!.. Прошу к столу!"

Сели мы. Выпили. Закусили. Потеплели.

Гляжу, он уже нас ласково касьяновцами кличет, а сам не только на фамилию Бурко или Бурко́... но просто на Буркина охотно откликается...

Под конец совсем захмелел, растрогался, встал, кричит: "Друзья, в память о встрече... хочу вам подарить свою книгу!" Роемся в портфеле, огорчается: "Ах, мать честная... Я их все по дороге раздарил... Осталась вот одна... но... на венгерском языке... Как быть?"

Я говорю: “А это даже лучше! Огромное спасибо! А то у нас в библиотеке ни одной вашей вещи по-венгерски и нету! Просто неудобно, если кто спросит...”

Достал он книгу, синюю такую, толстую, написал:

“ДОРОГИЕ! СЕРДЦЕМ С ВАМИ! НЕ ЗАБЫВАЙТЕ! КОЛЯ!”

И уехал! Только пыль за колесами... Вот такая памятная встреча.

А книга эта у нас в библиотеке до сих пор на почетном месте стоит. Все ищем способ ее обратно перевести, чтоб узнать, что он все-таки пишет... этот Куренцов? или Курэнцов?..

И когда только наш народ правильно ударять научиться?..

ОДНО АКТИВНЕ
ПЬЕСЫ

Кто есть кто?

Комедия в одном действии

Действующие лица

Щукин Андрей Андреевич, 40 лет.

Щукина Татьяна Григорьевна — его жена, 30 лет.

Шагин Олег Васильевич, 40 лет.

Квартира Щукиных. Богатая современная обстановка — смесь старины и модерна. Стены украшены множеством грамот, дипломов и других знаков отличия. На самом видном месте — большой портрет седобородого старика с лауреатскими значками. Справа — дверь, ведущая в соседние комнаты. Возле нее — большое зеркало. Слева — письменный стол. За столом восседает Щукин. Это высокий, плотного сложения мужчина, с гладко выбритым, розовощеким лицом. Одет он в красивый домашний халат, из-под которого видна белоснежная рубашка и яркий, аккуратно повязанный галстук. Перед Щукиным на столе разложено множество телеграмм. Он просматривает их с самодовольной улыбкой. Звонит телефон.

Щукин (*кричит в сторону соседней комнаты*). Татьяна! Телефон!

Из соседней комнаты выходит Татьяна. Она — в роскошном розовом пеньюаре. На голове — сеточка, фиксирующая прическу.

Татьяна (*снимает трубку*). Алло?.. Кого?.. А кто его спрашивает?.. Минуточку, я сейчас постучу ему в кабинет... (*Стучит кулачком по столу*.) Андрей! Возьми трубку!..

Щукин (*тихо*). Кто это?

Татьяна (*тихо*). Агеев какой-то...

Щукин (*тихо*). Не какой-то, а руководитель лаборатории... (*Берет трубку*.) Алло! Щукин слушает... Ах, это вы, Владимир Степано-

вич! Очень рад!.. Спасибо, дорогой, спасибо!.. Да-да, сорок лет уже... Ну, какая это молодость! Старше Пушкина, а до полного собрания сочинений еще не дотянул... Ну-ну, надеюсь, что впереди... Владимир Степанович, вы приглашение получили?... Да, сегодня, в Доме ученых... В банкетном зале... Да нет, небольшая пирушка, хотя повар мне гарантировал, что будет вкусно. Обязательно приходите, жду вас!.. Отец, конечно, будет. Он вчера из Лондона специально прилетел... Да, с конгресса... Чувствует себя неплохо, хотя, конечно, в его возрасте такие перелеты... Так я жду вас. Ну, обнимаю! (*Кладет трубку, жене.*) Очень нужный человек.

Т а т ь я н а. Придет на банкет?

Щ у к и н. А куда он денется?.. Сегодня все придут с поздравлениями!

Т а т ь я н а. Рублей на семьсот пир, не меньше...

Щ у к и н. Не пообедем! Лучше на праздник, чем на похороны, а?

Т а т ь я н а. Что ты несешь? В сорок лет мог бы не думать о похоронах...

Щ у к и н. А знаешь, мне иногда не верится, что всего сорок... Доктор наук, директор института... Да на это люди тратят всю жизнь, а я — только сорок лет.

Т а т ь я н а. Ну, твой отец в тридцать восемь стал академиком.

Щ у к и н. Отец не в счет. Он — гениальный ученый!

Т а т ь я н а. А ты — нет?

Щ у к и н. Сегодня на банкете выясним... Думаю, что в речах будет фигурировать эпитет “талантливый”... Не больше!

Т а т ь я н а. А “выдающийся” не скажут?

Щ у к и н. Не думаю... Разве что под конец, когда напьются...

Т а т ь я н а. Ну все равно. “Талантливый” — это больше, чем “способный”?

Щ у к и н. “Способный” — это вообще не термин! Если человека в сорок лет называют “способный”, значит, он бездарь!

Телефонный звонок.

Татьяна, телефон!

Т а т ь я н а. Господи, ну почему ты сам не протянешь руку?

Щ у к и н. Я тебе, кажется, объяснял... Когда человек моего положения сам снимает трубку, это значит, что он играет в демократичность... Мне это еще рано.

Т а т ь я н а (*снимая трубку*). Алло?.. Что?.. Телеграмма? Диктуйте... (*Затисывает.*) “Щукину Андрею Андреевичу. Поздравляю славным сорокалетием. Желаю здоровья, счастья, успехов поприще науки. Академик Востряков”. Спасибо. (*Кладет трубку.*)

Щ у к и н. Ага, это приятно. Старик Востряков не часто шлет поздравительные телеграммы. Очень приятно, хотя и несколько суховатый текст...

Т а т ь я н а. Что ты привередничаешь? Нормальная телеграмма.

Щ у к и н. От него — нормальная. Но, вообще, я не люблю, когда экономят на предлогах. “Успехов поприще науки...”. Понимаешь, не “на поприще”, а просто — “поприще”... Не думаю, чтоб академик сберег три копейки на этом “на”... Просто, очевидно, он хотел, чтоб телеграмма носила сугубо официальный тон.

Т а т ь я н а. Боже, какие тонкости!

Щ у к и н. А ты как думала? В нашей жизни все мелочи имеют колоссальное значение... У тебя отец был крупным работником. Неужели он тебе ничего не объяснял?

Т а т ь я н а. Что объяснял?

Щ у к и н. Нюансы деловых взаимоотношений. Тут все важно: кто снимает трубку, когда тебе звонят, и кто первый говорит “до свидания”, когда разговор окончен. Как тебе пожимают руку — протягивают через стол или предварительно встают. Как тебе кивает твой коллега: просто кивок, или он касается шляпы рукой, или ее снимает.

Т а т ь я н а. Кто придумал эти законы?

Щ у к и н. Такие законы не придумываются, Танюша. Наше дело — их открывать и им подчиняться. (*Перебирает телеграммы.*) Вот смотри: лежат телеграммы. Вроде одна похожа на другую, а между тем я по первым словам узнаю, от кого они. (*Читает.*) “Милый Андрей Андреевич...” Это от студентов. У них сессия на носу. Для них экзаменатор сейчас милей отца родного. (*Читает следующую телеграмму.*) “Уважаемый Андрей Андреевич! От всей души...” Это из министерства. Они всегда пишут “от всей души”, чтобы напомнить, что она у них есть. (*Берет следующую телеграмму.*) “Родной Андрюшка, обнимаю...” Это кто-нибудь из друзей. Так и есть. Мишка Дегтярев. Мы с ним в одной группе учились. Теперь он доцент университета и соответственно имеет право на “Андрюшку” и на “обнимаю”...

Т а т ь я н а. Играешь ты с этими бумажками, как ребенок, честное слово...

Щ у к и н. А что, нельзя? Кажется, в свои сорок лет я уже стал достаточно солидным человеком, чтобы позволять себе детские радости...

Звонок в дверь.

Т а т ь я н а. Ну вот, уже кто-то явился с визитом, а я черт знает в каком виде...

Щ у к и н. Ты намекаешь на то, чтобы я открыл дверь?

Т а т ь я н а. Неужели ты думаешь, что я пойду открывать в полупрозрачном пеньюаре?

Щ у к и н. Для чего же я тебе его купил?

Т а т ь я н а. Чтобы самому любоваться...

Щ у к и н (*вставая*). Ну, знаешь, он мне всегда только мешал. (*Обнимает жену.*)

Звонок в дверь.

Татьяна (*отталкивая мужа*). Андрей, открой дверь, человек ждет.

Щукин (*грустно*). Ну да, он — человек, а я — нет...

Татьяна уходит в другую комнату. Щукин подходит к зеркалу, оглядывается и, только поправившись самому себе, идет открывать дверь.

Входит Щагин. Это высокий худой человек с небритым лицом. Одет в потрепанный костюм и довольно старые желтые ботинки.

Щагин. Здравствуйте.

Щукин. Здравствуйте. (*Подозрительно рассматривает гостя*.)

Вы от кого, товарищ?

Щагин. Я ни от кого, я сам по себе...

Щукин. Простите, а к кому?

Щагин. Так к вам, наверное. Вы — Щукин Андрей Андреевич?

Щукин. Да.

Щагин. Тогда к вам. Щагин я. Олег Васильевич Щагин.

Щукин (*нетерпеливо*). Слушаю вас!

Щагин (*оглядываясь*). О, это ваша квартира, да?

Щукин. Моя. Извините, что вам нужно?

Щагин. Андрей Андреевич, разговор у меня длинный... Мне бы сесть.

Щукин (*начинает нервничать*). Видите ли, я, к сожалению, сегодня очень занят...

Щагин. День рождения у вас, да?

Щукин. Да, и поэтому...

Щагин (*перебивая*). Поздравить разрешите! (*Пожимает Щукину руку*.) И, как говорится, пожелать...

Щукин. Спасибо, спасибо... И поэтому...

Щагин. У меня, между прочим, тоже.

Щукин. Что — тоже?

Щагин. Тоже день рождения. Сорок лет стукнуло.

Щукин (*торопливо*). Вот видите, как интересно. Тем более вы должны понять, что у меня сегодня ни минуты свободной. Зайдите в другой раз или лучше позвоните. Надеюсь, ваше дело терпит?

Щагин. Нет. (*Замечает портрет*.) Академик Щукин?

Щукин. Да, это мой отец.

Щагин. Портрет красивый. Я его на многих фотографиях видел, но здесь он лучше всего получился. (*Подходит к портрету*.) Хорош! И взгляд такой царский, и осанка... На Чайковского похож, верно?

Щукин (*раздраженно*). На какого Чайковского?! Слушайте, гражданин, мне действительно сегодня некогда. Либо говорите, что вам надо...

Щагин. Не надо меня гнать, Андрей Андреевич. Я к вам по важному делу. Я, можно сказать, год к вам собирался...

Щукин. Ну так говорите же, черт подери, какое у вас дело! Чего вы мямлите?

Телефонный звонок.

(Кричит.) Татьяна!

Щагин. Телефончик звонит.

Щукин. Слышу! (В сторону двери.) Телефон!

Татьяна. Я еще не готова.

Щукин. Да не надо готовиться.

Татьяна. А кто у тебя?

Щукин. Пока не выяснил. Но можешь появляться в любом виде.

Телефон продолжает звонить.

Щагин (берет трубку). Алло!

Щукин. Кто вас просил?

Щагин. Так звонят же... (В трубку.) Алло!.. Чего?.. (Щукину.) Телеграмма вам. (В трубку.) Что?.. Ага, записываю... "Щукину Андрею Андреевичу. Поздравляю славным юбилеем. Желаю вечной молодости, счастья и успехов во славу науки. Профессор Банников". Спасибо. (Кладет трубку.)

Щукин. Там было сказано "во славу" или просто "славу".

Щагин. "Во".

Щукин. Очень хорошо!

Щагин. Какая телеграмма приятная!

Щукин. Обычная. (Показывая на стол.) Таких пришло много. Ну так в чем же дело, товарищ... товарищ...

Щагин. Щагин.

Щукин. Ну, предположим. Так что вам угодно, товарищ Щагин?

Щагин (нерешительно). Я пришел вам сказать... Сказать... Ну, как бы это поточнее... В общем, так получается, что Андрей Андреевич Щукин — это я.

Щукин. Что?!

Щагин. Щукин — я. Андрей Андреевич.

Щукин. Не понимаю. Вы же сказали, что вы этот... как его...

Щагин.

Щагин (со вздохом). Нет, это вы — Щагин. Щагин Олег Васильевич. А я — Щукин.

Щукин. Что за бред? Как это может быть?

Щагин. Перепутали нас в роддоме...

Пауза.

Щукин. Ну вот что: вы либо выпили с утра, либо у вас здесь (крутит пальцем у виска) не того...

Щагин (обиженно). Почему же? У меня здесь как раз того... Я вам правду говорю. Перепутали нас! Вы — Щагин, я — Щукин. Все просто!

Щукин. То есть, как это — “просто”? Вы в своем уме?

Из соседней комнаты выходит Татьяна. Она переделалась — на ней нарядный серый костюмчик.

Щагин (приветливо). Здравствуйте!

Татьяна. Здравствуйте. (Оглядывает Щагина, затем вопросительно смотрит на мужа.) Кто это?

Щукин. Сейчас выясним.

Щагин. Щагин я. А точнее сказать — Щукин.

Татьяна. Как это понять? (Снова вопросительно смотрит на мужа.)

Щукин. Ну что ты смотришь? Вот пришел человек и заявляет, что я — это не я, а он — это не он! Все очень просто!

Татьяна. Вы оба выпили здесь без меня?

Щагин. Нет, но я бы с удовольствием выпил чайку.

Татьяна вновь вопросительно смотрит на мужа.

Щукин (сердито). Что ты опять уставилась? Слышала — человек хочет чаю!

Татьяна. А зачем ты кричишь? (Уходит.)

Щагин. Вы зря на нее прикрикнули.

Щукин. Ну уж это не ваше дело!

Щагин. Как сказать...

Щукин. Слушайте, хватит валять дурака! Для шуток вы выбрали не очень подходящее время.

Щагин. Так я не шучу. Я хочу вам все объяснить, а вы нервничать начинаете. На жену кричите. И зря вы ей сказали: мол, я — не я! Женщины, они существа слабые. Как-то она перенесет такое?

Щукин. Какое — такое? Неужели вы думаете, что я поверю этой ерунде?

Щагин. Сейчас, конечно, не верите, а через минуту...

Щукин. Что будет через минуту?

Щагин. А вот что... (Лезет в карман, достает белую бороду и усы, приклеивает их себе на лицо, после чего подходит к стене и становится рядом с портретом академика Щукина.) Похож?

Щукин замер. Только взгляд его испуганно перебегает с лица Щагина на портрет отца. В эту минуту входит Татьяна, неся на подносе чайник и чашки. Увидев Щагина, она останавливается.

Татьяна (улыбаясь). Андрей Петрович, здравствуйте! Я не дела, когда вы вошли... (Вглядывается в Щагина, лицо ее выражает растерянность, мужу.) Андрей, кто это?

Щ у к и н. Идиотский вопрос! Разве ты сама не видишь? Поставь чай и иди к себе.

Т а т ь я н а (*сердито*). Может, ты наконец объяснишь, что у нас в доме происходит?

Щ у к и н. Когда выясню, я тебя позову. А теперь иди. (*Тихо*.) Очень тебя прошу, Танюша.

Татьяна ставит чай и, испуганно поглядывая на Щагина, уходит.

Послушайте, Щагин, кончайте маскарад и садитесь.

Щ а г и н. С удовольствием. (*Снимает бороду и усы, пододвигает к себе чашку*.) Позволите?

Щ у к и н. Пейте и объясните, наконец, в чем дело.

Щ а г и н. Я только того и хочу. (*Отхлебывает чай*.) Так вот, уважаемый Андрей Андреевич... Вы не против, что я вас по-прежнему буду называть Андреем Андреевичем?

Щ у к и н. А как же еще?

Щ а г и н. Вернее было бы — Олегом Васильевичем, но это пока вас будет путать. Так вот, Андрей Андреевич, ровно сорок лет назад мы родились с вами в роддоме номер шесть, что на Песчаной улице. Вы, конечно, не помните этого момента.

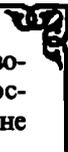
Щ у к и н. А вы помните?

Щ а г и н. Разумеется, нет, но сие установлено документально. Итак, сорок лет назад в этот самый день в роддоме номер шесть родились два мальчика: один — у жены молодого и талантливого учёного Андрея Петровича Щукина, другой — у жены не очень молодого и уж совсем не талантливого домоуправа Щагина Василия Ивановича. Каждый из мальчиков весил три кило восемьсот граммов. Исходные данные вам ясны?

Щ у к и н. Какие данные?! Говорите понятней!

Щ а г и н. Я — бухгалтер, Андрей Андреевич, и люблю точность. Так вот, каждый из нас — а этими мальчиками, как вы уже смекнули, были мы с вами — весил три восемьсот. Это очень важно, потому, знаете ли, что на бирочках, которые надевают на ручку младенцу, пишется вес его, фамилия матери, ну, еще пол. Вес у нас был одинаков, пол — само собой, а фамилии похожи. Щукин — Щагин, Щагин — Щукин. Малограмотный человек легко спутает, верно? А на наше несчастье, медсестра, что командовала нами в палате новорожденных, была не очень грамотной девицей. Она-то нас и перепутала. И вот вас, Олега Щагина, унес к себе домой мой отец, будущий академик Щукин, а меня, Андрея Щукина, утащил к себе папаша ваш, Василий Щагин, царство ему небесное.

Щ у к и н (*скептически улыбаясь*). И кто ж вам поведал эту ледяную душу историю?

Щагин. Сама медсестра... Та, что перепутала. Варварой ее зовут. Варвара Куницына. Ошибку она обнаружила спустя пару дней после выписки. Тут же, конечно, хотела пойти к родителям нашим, да не решилась.

Щукин. Это почему же?

Щагин. Испугалась ответственности. За такое дело ведь и под суд... В общем, струхнула Варвара и промолчала... И много-много лет хранила эту тайну, хотя совесть мучила ее по ночам... И кары небесной боялась, ибо она женщина набожная.

Щукин. Имейте в виду, что я ни слову не верю!

Щагин *(не слушая его)*. А год назад Куницына разыскала меня, упала в ноги и покаялась. И я стал искать вас. И вот нашел...

Щукин встает, задумчиво ходит по комнате. Щагин пьет чай.

Щукин. Послушайте...

Щагин. Если вам трудно называть меня "товарищ Щукин", называйте просто Андреем...

Щукин *(зло)*. Перестаньте юродствовать! Вы никакой не Щукин и никогда им не будете... Все это плохо придуманная афера! Приходите первого апреля — вместе посмеемся!

Щагин. Куницына жива. Она на любом суде свой рассказ повторить может.

Щукин. А почему я должен верить какой-то выжившей из ума старухе?! Все равно это никакое не доказательство.

Щагин. А это? *(Снова прикладывает к лицу усы и бороду.)*

Щукин. Бросьте эти штучки! Я тоже так могу! *(Выхватывает усы и бороду, приклеивает их себе на лицо.)* Ну?!

Щагин *(с улыбкой)*. На старика Хоттабыча смахиваете...

Щукин *(подбегает к зеркалу)*. Ничего подобного! Очень похож на отца.

Щагин. Наверное! Хотите, я вам сейчас фокус покажу? *(Имитируя съемку фотоаппаратом.)* Посмотрите-ка сюда! Сейчас птичка вылетит! Внимание! Оп! Готово! *(Лезет в карман, достает фотографию.)* Снимочек получите!

Щукин *(разглядывает фотографию)*. Кто это?

Щагин. Папаша ваш, Василий Щагин. Как две капли!

Щукин *(растерянно)*. Это все равно... не имеет значения!

Щагин. Конечно! Но согласитесь, что как-то неладно получается: вы на него похожи, а я — вылитый академик Щукин! С чего бы?

Щукин. Ну и плевать на это! У меня есть друг — вылитый Чарли Чаплин, однако он же не лезет к нему в сыновья!

Щагин. Кто знает... может быть, и напрасно... *(Встает.)* Ладно! Есть еще одно доказательство. У сына Щукиных при рождении была обнаружена крупная родинка на левом боку. Об этом записано в истории

родов. Мама знала про нее, но забыла, а вспомнив, данную родинку на теле сына не обнаружила. Она спросила врача, а тот сказал, что родинка, очевидно, сошла... *(Многозначительно.)* Но родинки не сходят!! Прошу убедиться!

С торжествующим видом поворачивается боком к Щукину и задирает рубашку.
Щукин разглядывает родинку.

Из соседней комнаты выходит Татьяна. Увидев мужа в бороде и усах, а гостя — с задранной рубашкой, она в ужасе замирает.

Татьяна. Что это?!

Щагин. Пардон! *(Поспешно приводит себя в порядок.)*

Щукин *(кричит)*. Татьяна, уйди!

Татьяна *(кричит)*. Я хочу знать, что здесь происходит!

Щукин. Ничего не происходит. Мы просто беседуем.

Татьяна. Беседуете? А почему ты в таком виде и почему ты смотришь туда?

Щукин *(снимая усы и бороду)*. Танюша, милая, иди к себе... Я тебе все потом объясню. У меня очень важный разговор.

Татьяна *(всхлиывая)*. Андрей, что случилось? Кто этот человек? Что ему от нас надо?!

Щукин *(выпроставивая ее)*. Только не надо расстраиваться. Ничего особенного не происходит. Это — мой старый друг, у меня с ним деловой разговор.

Татьяна *(всхлиывая)*. Ты врешь!

Щукин. Ну, вру... Ну какая разница? Ну посиди немного у себя в комнате... Я тебя очень прошу...

Татьяна *(с ненавистью глядя на Щагина)*. Если он опять будет раздеваться...

Щукин. Не будет! Зачем ему? Ну что он, ненормальный? Я тебе все объясню. *(Закрывает за ней дверь.)*

Щагин *(глядя вслед Татьяне)*. Бедная женщина. Такое, конечно, может потрясти... А кабы она знала, что впереди...

Щукин. Послушайте, Щагин...

Щагин *(поправляя)*. Щукин!

Щукин *(решительно)*. Нет, Щагин!

Щагин. Господи, да неужели вы все еще не верите?

Щукин. Это не имеет значения, верю я или нет! По паспорту вы — Щагин!

Щагин. Ну, предположим.

Щукин. Так вот, Щагин: если даже поверить, что во всем, что вы здесь рассказали и показали, есть хоть десять процентов правды, то вы должны понимать, что это дело не шуточное!

Щагин. Да уж какие тут шуточки!

Щукин. Меня интересует, что вы собираетесь делать.

Щагин. Это вопрос сложный. Я год над ним голову ломал. Не так-то легко в нашем возрасте вдруг узнать, что ты не тот Фед от Папа, оказывается, тебе не папа, мама не мама, жил ты, оказывается, в чужом доме, а в твоём-то доме вырос чужой мальчик, и твои родители ему варенье на хлеб мазали... Когда эта старушка Куницына мне все рассказала, я ведь чуть умом не тронулся! Убить ее хотел. Ей-богу! А все почему: жизнь свою вспомнил... Жизнь свою, которую прожил по вашей вине...

Щукин. При чем здесь я?

Щагин. Согласен! Вы ни при чем, хотя родись вы с другим вёсом или с другой фамилией...

Щукин (*пербивая*). Вы тоже могли родиться с другой фамилией!

Щагин. Конечно! Наконец, я или вы могли родиться девочкой — и все! Каждый был бы на своем месте! А так вы украли мою биографию и взамен подсунули свою. А ваша судьба, которая на мою долю выпала, была нелегкой. Ох, нелегкая это была жизнь, Щагин!

Щукин (*жалобно*). Не называйте меня Щагиным.

Щагин (*сердито*). Не нравится? А мне-то не приходилось выбирать. Я был Щагин, сын Василия Щагина — и точка! И никаких вариантов! Вася Щагин, ваш уважаемый папаша, был мужчиной свирепым и к тому же алкоголиком. Ух и лущевал же он меня под пьяную руку! И мамашу вашу терроризировал, прекрасную, между прочим, женщину... Фотографию хотите посмотреть?

Щукин (*нерешительно*). Покажите...

Щагин (*доставая фотографию*). Вот тут — вся семейка... Вот я, вот мама, вот папаша. Здесь он еще молодой!

Щукин. Ну и физиономия!

Щагин. Да нет, физиономия как физиономия! На вашу похожа!

Щукин. Бросьте! (*Подбегает к зеркалу*.) Ничего общего!

Щагин. Чего уж тут отказываться, Щагин? Дело не в физиономии! Характер у него был поганый. И меня он не любил, хотя и не чувствовал во мне чужого. “Я, — говорил он мне часто, — шельма! И ты, Олег, шельмой растешь! И я тебя пороть буду, потому как себя мне пороть несподручно!” И ведь порол! Из дому я часто убегал, учился плохо... Да бросьте вы в зеркало-то смотреться! Я ведь вам вашу жизнь рассказываю... Ну вот. Потом работал. Работать приходилось много. Мать болела часто, отец совсем спился... Окончил бухгалтерские курсы, бухгалтером несколько лет штаны просиживал. Потом счет липовый подписал. Судили. Защитник на суде, между прочим, заявил, что я рос в трудных условиях. Все равно два года дали. Вернулся — мама умерла, а отец живуч — на шее сидел. Только три года назад прибрал его господь... А у меня вся жизнь поломана. Ни семьи, ни детей, работаю бухгалтером в домоуправлении... По отцовской линии пошел... (*Пауза*.) Ну как, нравится?..

Щукин. Да, не очень веселая история. Однако я не понимаю: к кому у вас претензии? В конце концов, человек сам кузнец своего счастья!

Щагин. Это верно. Только когда ты жизнь куешь, а не она тебя! (Оглядывает комнату.) Вы-то, я вижу, много себе наковали...

Щукин. Слушайте, Щагин... Щукин, ну, в общем, как хотите, давайте начистоту! Что вам от меня угодно? Я ведь не думаю, чтоб вы пришли просто так, испортить мне день рождения.

Щагин. У меня сегодня тоже день рождения.

Щукин. Я помню! И потому, хотя я по-прежнему не очень верю всему вашему рассказу, но, чтобы не травмировать себя, жену и, не дай бог, отца, я готов сделать вам соответствующий подарок... Сумму вы сами назовите!

Щагин. Что вы, я не за деньгами пришел... И к отцу моему не пойду. Хотя была мысль, честное слово! Первое, что в голову пришло: найду отца, упаду на грудь, заплачу, закричу: "Папочка!"

Щукин (испуганно). Вы что? Решили убить старика?! Ему скоро семьдесят, у него гипертония — и вдруг такое сообщение! Вы что?

Щагин. Ну-ну, не волнуйтесь! Я говорю — мысль была! Но потом, когда про вас справки навел, подумал: нельзя! Академик, светило, лауреат всех премий — нельзя! Нельзя убивать: растили вы, мол, Андрей Петрович, подкидыша!

Щукин. Я попросил бы...

Щагин. Я и говорю — нельзя! Да и вас жалко. Молодой ученый, директор научного института, жизнь, можно сказать, как стеклышко, — и вдруг!

Щукин. Так какого же черта вы пришли?

Щагин. Обидно стало! Год терпел, а тут обидно сделалось... Сорок лет мне сегодня, а за душой — ничего! А у вас сорок лет — и телеграммами стол завален... А ведь это я мог быть! Вот так бы в халате сидел, и жена мне у телефона трубку снимала. А вот нет ничего этого! Почему? За что? Чем я виноват?

Щукин. Ну а я-то чем виноват?

Щагин. Так я вас и не виню. Я справедливости требую. Что ваше — то ваше, а что мое — то мое!

Щукин. Не понимаю!

Щагин. А тут и понимать нечего... Я к вам не за подаванием пришел и жизнь вашу калечить не собираюсь! Оставайтесь тем, кто вы есть, каким к вам люди привыкли... И что вы сами добыли, то пусть с вами и будет, а что уж Щукину принадлежит, то, будьте добры, Щукину и верните!

Щукин. Бред какой-то...

Щагин. Почему бред? Ведь даже на суде наследство законным наследникам возвращается...

Щукин. Какое наследство? Вы сами не знаете, чего хотите...

Щ а г и н. Я хочу разобраться, что здесь ваше, а что — мое!

Щ у к и н. Вашего здесь ничего нет!

Щ а г и н. Как так? А мы поищем... *(Берет со стола телеграмму.)*

“Щукину Андрею Андреевичу. Поздравляю славным сорокалетием. Желаю здоровья, счастья, успехов поприще науки. Академик Востряков”. Вот видите, мне телеграмма... Да еще от такого человека...

Щ у к и н. Вы это серьезно считаете?

Щ а г и н. А то как же? Написано: “Щукину Андрею Андреевичу”.

Щ у к и н *(кричит)*. Да поймите вы, черт вас возьми, что это меня поздравляет Востряков, меня!! Меня — ученого, директора института...

Щ а г и н. Ой ли? Вы же прекрасно знаете, что он вас как ученого ни в грош не ставит! И как директора не очень любит. Он просто ценит отца, академика Щукина. Старика не хочет обидеть Востряков... И поздравляет сына Щукина, а сын — это я, и телеграмма — мне!

Щ у к и н *(несколько растерянно)*. Вы, я вижу, зря год не теряли...

Щ а г и н. А как же? Я все справочки про вас навел.. Все выяснил.

Щ у к и н. Послушайте, а что, если мне позвонить в милицию?

Щ а г и н. Для чего?

Щ у к и н. Для того, чтобы сказать, что ко мне явился аферист, который шантажирует, покушается на мою собственность...

Щ а г и н. Ай-яй, как нехорошо, гражданин Щагин! Вы же прекрасно понимаете, что это не так... Ничего вашего, вы меня понимаете, вашего мне не надо! А в милицию я и сам могу позвонить... Моя милиция меня бережет!.. Они помогают искать потерявшихся родственников. Газеты читаете? Ну вот! Мать ребенка во время войны потеряла, а милиция через тридцать лет его находит. А я-то не на войне потерял. Я — жертва мирного времени...

Щ у к и н. Ну, хватит, затянули старую песню... Если вам так нравится эта телеграмма, берите ее себе на здоровье...

Щ а г и н. И возьму! И остальные посмотрю... *(Подходит к столу, перебирает телеграммы.)* Эта — тоже мне... Эта — тоже мне... Это — вам... Это — мне!.. Мне! *(Раскладывает телеграммы на кучки.)*

Щ у к и н. Как же, интересно, вы их распределяете? По какому принципу?

Щ а г и н. А здесь все просто... По первым словам... “Уважаемый Андрей Андреевич...” “Милый Андрей Андреевич...” Это — все мне... “Родной Андрюша...” — это вам. Ваш дружок прислал...

Щ у к и н. Ах вот как? Ну, ладно... Что вам еще нужно? Только поскорее.

Щ а г и н. Не надо торопиться. У нас разговор долгий... Вы бы халатик-то сняли!

Щ у к и н. Что?!

Щ а г и н. Мой халатик-то, поди...

Щ у к и н. Ну, знаете ли, это уже наглость... Халат, действительно, подарен мне отцом, но не собираетесь же вы забрать все его подарки?

Щагин. Почему не собираюсь? Очень даже собираюсь! Халат подарен папой сыну... Вы к этому никакого отношения не имеете! Давайте халатик, давайте!

Пауза.

Щукин (*снимая халат, зло*). Берите, берите, жулик!

Щагин (*надевая халат*). Зачем же вы меня оскорбляете все время? Ведь обижусь, ей-богу, обижусь! И ничего мне тогда от вас не надо, а просто пойду к отцу, упаду на грудь...

Щукин. Хватит! Я это уже слышал...

Щагин. Вы слышали, а папа нет.

Щукин. И, надеюсь, не услышит?.. Вы же обещали!

Щагин. Ну, обещал!.. Только и вы ведите себя... в пределах! А то — жулик, аферист! Что это такое?.. Надел чужой халат — и еще обзывается!

Щукин (*смущенно*). Извините!

Щагин. То-то! (*Садится на место Щукина за письменный стол*). Давайте-ка спокойно, без темпераментов, как говорится...

Телефонный звонок.

(*Снимает трубку*.) Алло!.. Щукин слушает!.. Кто?.. А... Ну спасибо, спасибо... Да, сорок лет, сорок лет... Немало уже!.. Что?.. Почему голос изменился? Охрип малость... Да! Отец ничего, спасибо... Только из Лондона прилетел. Чувствует себя неплохо, хотя, конечно, в его возрасте такие перелеты... Ну, обнимаю вас... (*Кладет трубку*.)

Щукин. Кто это звонил?

Щагин (*небрежно*). Да так... мне!

Из соседней комнаты появляется Татьяна. Некоторое время смотрит на Щагина, в халате, потом на мужа.

Щукин (*жене*). Судя по твоему лицу, ты подслушивала?

Татьяна. Вы так кричали...

Щукин. Ну что ж, тем лучше! И что ты на все это скажешь?

Татьяна (*упавшим голосом*). Не знаю...

Щагин. Я, конечно, извиняюсь, Татьяна Григорьевна, за свое вторжение, но поставьте себя на мое место...

Щукин. Хватит того, что вы уже поставили себя на мое.

Татьяна (*мужу*). Андрей, пусть этот человек берет все, что хочет, и скорее уйдет.

Щукин. Я тоже так считаю. Но какие гарантии, что, забрав вещи, он не придет еще?

Щагин. Никаких гарантий, никаких... Да и вещи-то мне особенно не нужны.

Щукин. А что же вам нужно?

Щагин. Успеха хочу... Признания общественного. Как это говорится, покоя сердце просит. Не было этого ничего у меня. А ведь сорок лет уже, полжизни проскочил не останавливаясь...

Щукин. Не понимаю, как вы это можете взять? Это заработать надо, голубчик! Заслужить! Понимаете? Не по пюрмам сидеть, а работать!

Щагин *(обиженно)*. И не стыдно вам?

Щукин. Мне еще должно быть стыдно? *(Сжимая кулаки.)* Ух, моя бы воля!..

Щагин. Только не вздумайте меня ударить или, не дай бог, убить!

Щукин *(мрачно)*. Мысль неплохая...

Татьяна. Перестань, Андрей! *(Щагину.)* А вы, пожалуйста, не тяните за душу. Что вам надо?

Щагин. Я и хочу перейти к делу, а он психует... У меня тут составлен небольшой реестр незаслуженных заслуг...

Щукин. Интересно, что вы там понаписали... *(Протягивает руку.)*

Щагин *(отводит руку со стиском)*. Не спешите... Я прочту все по порядку. Итак, начнем со школы. Вы ее, как выяснилось, кончили с серебряной медалью... Прошу медаль!

Щукин. Это с какой же статьи?

Щагин. Учились вы, Щагин, так себе... Средненько! Способностями особенно не отличались. Отцу приходилось постоянно нанимать для вас репетиторов, вы это хорошо помните. Общими усилиями сын академика Щукина получает серебряную медаль... Я ничего не придумал?

Щукин молчит.

Татьяна. Вам-то эта медаль зачем?

Щагин. Повешу над столом, буду смотреть... Ведь я бы ее тоже получил! Я, кстати, учился не хуже.

Щукин. Что ж, по-вашему, в ней нет ни капли моего труда?

Щагин. Есть, конечно... Но переписать-то готовое сочинение на экзамене и я бы смог!

Татьяна *(мужу)*. Ты переписывал готовое сочинение?

Щукин. Я не собирался... Но сама учительница подсунула мне чью-то старую тетрадку...

Татьяна *(мрачно)*. Отдай ему медаль!

Щукин *(удивленно)*. Татьяна, ты что?

Татьяна. Отдай ему медаль!

Щукин *(растерянно)*. Ну, пожалуйста! Раз ты тоже такого мнения. Пожалуйста! Я, правда, не знаю, где она...

Щагин. Наверное, где-нибудь в столе... Там же, где диплом с отличием.

Щ у к и н. Надеюсь, диплом вы не потребуете?

Щ а г и н. С дипломом сложнее... Диплом, конечно, ваш, как и всякого, кто институт окончил. Но тут с отличием заковыка! Вы помните, кто был председатель экзаменационной комиссии? Профессор Банников, ближайший друг академика Щукина... *(Берет со стола телеграмму.)* Вот от него поздравление... *(Читает.)* “Успехов во славу науки...” Замечаете? Не “славу”, а “во славу”! Это он теперь пишет! А тогда он подсаживался к экзаменаторам и, кивая на вас, шептал им на ухо всякие слова... *(Решительно.)* Диплом придется тоже конфисковать!

Щ у к и н. Я все понял! Вы — психически ненормальный человек! И к тому же садист!!

Щ а г и н. Опять? Ну, ладно! Ничего мне не надо! *(Пододвигает к себе телефон, набирает номер.)* Алло! Щукина можно к телефону?

Щ у к и н *(нажимая рукой на рычаг телефона)*. Прекратите! *(Несколько заискивающе.)* Зачем вам диплом? Что вы с ним собираетесь делать?

Щ а г и н. Повешу на стене.

Щ у к и н. Опять на стене! Что они вам дались, эти стены?! Как ребенок малый, честное слово... Купите эстамп и вешайте! А ведь это диплом! Там фамилия стоит — Щукин. Понимаете? Вы фамилию менять не собираетесь?

Щ а г и н. Вообще-то нет, но сегодня — да! Послушайте, Олег Васильевич, и вы, Татьяна Григорьевна. Я не сумасшедший и, конечно, не собираюсь брать у вас все это навсегда! Но сегодня мне сорок лет и ему *(кивок в сторону Щукина)* тоже. Он сегодня на банкет идет! Там будут сидеть всякие знаменитые люди, пить за его здоровье, говорить ему всякие красивые слова... А мне что? Что у меня будет? Придут два-три соседа да еще начальник жэка. Хлобыстнем мы водки, сожрем закуску да затянем “Хазбулат удалой...” И скажет кто-нибудь, уж это факт, что скажет: “Эх, Щагин, душа из тебя вон, прожил ты сорок лет, а достиг чего?” Обидно мне, а? Обидно! Что не так у тебя все сложилось, как стоишь ты... Как подумаю я об этом, граждане, так у меня сердце останавливается... И вот я решил: не будет так сегодня! Сорокалетие свое отмечу при всех регалиях! Все мое чтоб со мной сегодня было! Чтобы гости мои сегодня с уважением на меня снизу вверх смотрели... Отгулять раз, а там, дальше пусть все по-старому: домоуправление да комната неуютная...

Щ у к и н *(с некоторым облегчением)*. Так вы это все на один день? Странный каприз, конечно, но все-таки можно понять... Татьяна, ты как считаешь, а? *(Лезет в стол.)* Вот, возьмите... раз уж вам так хочется покрасоваться перед дружками... Медаль, диплом...

Щ а г и н *(заглядывая в ящик)*. И вот эту... коричневую... с золотыми буквами...

Щ у к и н *(передразнивая)*. “С буквами”! Да вы знаете, что это?! Это — диплом доктора наук! И диссертацию защищал я!

Щагин. А мог — я! Тему-то папа предложил, разработали ее в папином институте... Оппоненты — тоже свои люди...

Щукин (*жене, ища поддержки*). Каков, а?

Татьяна (*глухо*). Отдай.

Щукин. Да вы что, стоворились? “Отдай”, “отдай”! Он так всю квартиру заберет!

Щагин. О квартире разговор особый...

Щукин. Ах, вот вы на что замахиваетесь? Ну, нет! Дудки! Это не получится! Квартиру мне выдал горсовет! На законных основаниях... (*Жене.*) Ну, что ты молчишь? Что ты так улыбаешься?.. Ну да, отец, конечно, помог... Он ходатайствовал... (*Зло.*) Татьяна, я не понимаю твоего молчания! Ты что ж, согласна, чтоб этот человек пригласил в наш дом своих дружков-пьяниц? Да они здесь все переломают на радостях!

Татьяна. Не знаю, Андрей! Ничего не знаю... Оставьте вы меня в покое!

Щукин. Странно ты ведешь себя, Таня, странно... У меня такое впечатление, что тебе нравится мой стриптиз... (*Щагину.*) Ну что ж, товарищ Щукин, ваша взяла... Располагайтесь поудобнее, почувствуйте себя здесь как дома... Ванная — налево, кухня — направо... В холодильнике есть вино и еда! Вот магнитофон, можете включить... Я его в Японии купил, на свои командировочные, но командировку-то мне папа устроил... Так что можете крутить не стесняясь... (*Усмехнувшись.*) Нам с Татьяной сейчас уйти или вы разрешите немного задержаться в вашей квартире?

Татьяна. Я лично никуда не пойду.

Щукин. То есть как?

Татьяна. Я — жена Щукина. Значит, мне со Щукиным и оставаться.

Щагин (*удивленно*). Как вы сказали?

Щукин (*подходя к жене*). Ты что? Танюша, что с тобой? Ты думаешь, что говоришь?

Татьяна. Он взял все, что тебе не принадлежит.

Щукин. Но ты-то здесь при чем?

Татьяна. Я — при всем, что у тебя было.

Щукин. Но ты любила меня и вышла замуж за меня, а не за Щукина!

Татьяна. А ты? Разве ты сам решил этот вопрос? Нет! Отец выбрал для тебя невесту — дочь своего друга... Слава богу, что это оказалась я!..

Щукин (*кричит*). Татьяна! При постороннем!!!

Татьяна. Он не посторонний, он — сын Щукина!

Щукин (*устало*). Ну вот и все! (*Щагину.*) Надеюсь, ваш список кончился, Андрей Андреевич? Нечего больше взять у меня. Все! Голенький я, как сорок лет назад, когда родился. Ничего у меня своего нет...

Разве что паспорт? *(Бросает паспорт Щагину.)* А вы и его возьмите! Там тоже ничего моего... Ни имени, ни фамилии, ни прописки... Только день рождения! Так и то не моя заслуга... Куда ж мне теперь? В домоуправление? А? Завидная вакансия открылась! Работа тихая, честная, никаких интриг... Сиди, считай... *(Щагину.)* Вам-то теперь это ни к чему? Правда? Зачем? У вас все будет: дом, супруга верная... *(Зло.)* Только вы ей родинку покажите, а то не полкубит! *(Уходит в другую комнату.)*

Щагин *(недоверчиво смотрит на Татьяну)*. Вы чего-то странное сказали, Татьяна Григорьевна.

Татьяна. А что? Вы недовольны? Вы мечтали получить все щукинское...

Щагин. Но это уж слишком... Перегиб получается.

Татьяна. Почему? Придут ваши гости. Как же можно без хозяйки? А тут выйду я, в платье из Парижа. Муж подарил... А так бы вы подарили!

Щагин. Это насмешка?

Татьяна. Почему насмешка? Все как вы хотели! Веселый вечер будет... Придут ваши гости, сядут за стол, всякие слова говорить станут, а вы им ворованные регалии показывать станете...

Щагин. Ну-ну, бросьте... Я ничего не воровал...

Татьяна. Вот как? А разве присвоение украденного не есть воровство? Дипломом хотели похвастать, медалью... А медаль-то ничья! Не его, но ведь и не ваша...

Щагин. Моя! И я бы мог переписать сочинение... Да и я сам мог бы. Писал же в школе. Сам!

Татьяна. Дурак вы, Щукин! Ну конечно, могли бы... Только радость в этом какая? Стали бы вы от этого счастливей?

Щагин. Не пойму я, про что вы...

Татьяна. Не понимаете? Сейчас объясню... Садитесь-ка поудобнее, примите важный вид. Считайте, что ваш банкет начался. Льет шампанское, звенят бокалы, один за другим встают ораторы... "Уважаемый Андрей Андреевич, от всей души поздравляем вас... Ваш вклад в науку поистине неоценим! Ваш выдающийся талант всегда восхищал всех тех, кому выпало счастье работать вместе с вами! Тупица вы, проходимец несчастный!"

Щагин. Э, так не говорят!

Татьяна. Но так думают. И не надо быть особенно догадливым, чтобы понимать это... И он *(кивок в сторону комнаты, в которую ушел Щукин)* понимал... И мучался в душе, хотя с самым самодовольным видом пытался мне доказать, что все правильно в его жизни. А я подходила к нему, так же как сейчас подхожу к вам, и целовала его... *(Целует Щагина.)*

Щагин *(вырываясь)*. Ну будет, будет! Тоже мне, игрушку напши!

Т а т ь я н а. Не нравится? Не радует нежность нелюбимой женщины? А он терпел! И вы терпите! Вы что ж, одни блага хотели получить? Нет, голубчик, вы уж все возьмите... Думаете, он не понимал, что с ним, как он живет? Понимал! Только виду не подавал, потому что так легче... Но он всю жизнь боялся, что придет вдруг такой, как вы, и предъявит счет... Он все время ждал вас, Щукин! И жил с этим страхом. Вы-то, сдуру, ему позавидовали, а вам бы посочувствовать... Я вот вам сочувствую, потому что будете вы сегодня веселиться, а в то же время со страхом на дверь поглядывать, как бы не вошел какой-нибудь Щёкин или Щакин и не спросил: “А вы, собственно, по какому праву здесь?! Что вы есть сами по себе?!” А вы — ничто! И винить в этом некого...

• Пауза.

Щ а г и н *(снимая халат)*. Пойду я, пожалуй!

Т а т ь я н а *(безразлично)*. Да уж оставайтесь!

Щ а г и н. Нет, пойду... Ни к чему мне это! *(Берет паспорт Щукина, рассматривает.)* Эх, Щукин Андрей Андреевич! Какой ты здесь симпатичный... Приклеила печать твою физиономию к этой обложке, ты и поверил, что это все! *(Читает.)* “Год рождения — тысяча девятьсот тридцатый. Место рождения... Киев...” Татьяна Григорьевна, муж ваш где родился?! Откуда — Киев?

Татьяна изумленно смотрит на него.

Ох ты боже мой! Как же так? Мне в справочной сведения дали!

Т а т ь я н а *(кричит)*. Андрей! Андрей! *(Убегает в другую комнату.)*

Щ а г и н *(быстро надевая свой тиджак)*. Бежать надо! Где же мой Щукин? А может, он и не Щукин, а Щёкин?! *(Убегает.)*

Из соседней комнаты выбегают Щукин и Татьяна.

Щ у к и н *(оглядывая комнату)* Сбежал? Ах аферист! Ах мерзавец! Но я-то хорош! Испугался, нюни распустил, все ему выложил на блюдечке!.. Ты знаешь, Таня, я ведь и вправду ему поверил... Господи, надо ж быть таким кретином... *(Смеется.)* Родинку рассматривал! Ну как тебе нравится, а? *(Хватает со стола усы и бороду, прикладывает к лицу.)* “Старик Хоттабыч”! Анекдот! Рассказать кому-нибудь — не поверят... *(Замечает на столе листок.)* Вон он, списочек! Забыл... *(Недоуменно вертит список в руках.)* Да он же пустой! Татьяна, видишь, бумажка чистая! Ну, наглец! Танюша, он даже вызывает во мне восхищение! Наглый, но неглупый... Совсем не глупый! *(Надевает халат, садится за стол.)* Как убедил! Просто гипноз какой-то... *(Жене, строго.)* Но твое поведение в данной ситуации... Некрасиво, Татьяна Григорьевна. Я учитываю, конечно, необычайность момента, но все-таки... Хотя я сам-то хорош... во все поверил!.. Черт возьми, почему это самым достоверным всегда кажется самое невероятное?

Телефонный звонок.

Татьяна, телефон!

Татьяна не двигается с места.

Татьяна, ты же слышишь? Те-ле-фон!!

Татьяна молча смотрит на мужа.

Ну, знаешь... *(Протягивает руку к телефону.)*

Телефонный звонок.

Т а т ь я н а. Не снимай трубку!

Щ у к и н. Почему?

Т а т ь я н а *(твердо)*. Не снимай!

Щ у к и н. Но ведь это, может быть, нужный человек...

Т а т ь я н а. Поэтому и не снимай!

Телефонный звонок.

Щ у к и н. В конце концов, неудобно... Человек звонит!

Т а т ь я н а. Ничего. Решат, что тебя нет дома...

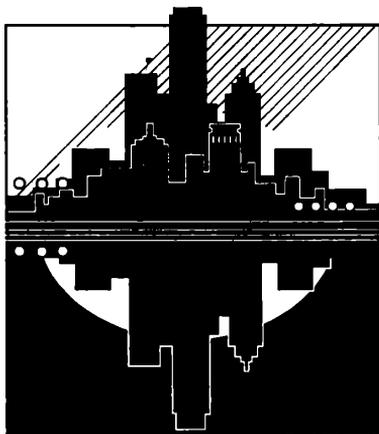
Щ у к и н *(возмущенно)*. Но ведь я-то дома!

Т а т ь я н а *(вызывающе смотрит на мужа)*. Ты в этом уверен?..

Под этим взглядом Щукин как-то сразу сникает, садится за стол, обхватывает голову руками. Татьяна садится напротив. Так они и сидят молча. А телефон все звонит и звонит...

Номер 719

*Две маленькие комедии
из жизни одного большого нью-йоркского
отеля*

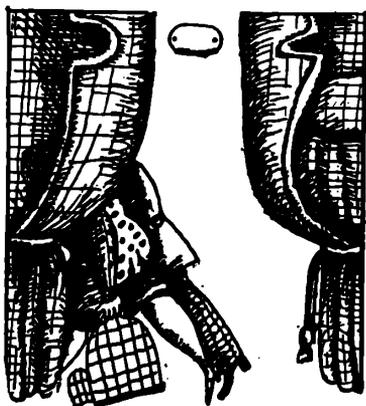
ОТ АВТОРА

Эти комедии написаны для эстрадного спектакля известных и горячо мною любимых артистов М. В. Мироновой и А. С. Менакера. Спектакль называется "Номер в отеле". Он посвящен самым разным сторонам сегодняшней американской жизни, хотя все действие происходит в одном и том же отеле, и даже в одном и том же номере. Для тех, кто никогда не видел номера в американской гостинице, попробую его описать.

Большая комната. Три двери: входная, в спальню и в ванную. Стол. Лампа. Телефон. Два старинных кресла. Зеркало. Впрочем, если говорить честно, я этого номера тоже никогда не видел. Но именно так его изобразил художник спектакля, и, для того чтобы действие комедий развернулось в полную силу, этого вполне достаточно... Итак, первая комедия! Или —

Прогулка на свежем воздухе

Комедия первая

Действующие лица

Мистер Найт — бизнесмен.

Элис Хэйл — тоже что-то в этом роде.

Описанный выше номер в отеле. Мистер Найт — пожилой господин — дремлет в кресле. Рядом с ним — маленький столик, заваленный резиновыми мешками с яркими наклейками. Раздается стук в дверь.

Найт (*проснувшись*). Войдите!

Входит Элис Хэйл. Она ярко одета. В одной руке — сумочка, в другой — клетка с канарейкой.

Хэйл. Простите, сэр, это номер семьсот девятнадцать? Мистер Найт?

Найт. Совершенно верно.

Хэйл. Очень хорошо. (*Ставит клетку на стол перед Найтом.*)

Ваш заказ, сэр!

Найт. Что это?

Хэйл. Канарейка!

Найт. Я не заказывал канарейки.

Хэйл (*засмеявшись*). Да-да, конечно, что я говорю... Не канарейка, а кенар. Это — он, в смысле пола... Его и зовут — Карузо! (*Стучит по клетке.*) Энрико! Энрико! Фюйть-фюйть... (*Смущенно, Найту.*) Не

хочет петь. Пугается новой обстановки. Но сейчас он успокоится и сразу — фюйт-фюйт-фюйт...

Найт. Перестаньте свистеть, миссис! Я не просил приносить ни кенара, ни канарейки, ничего в этом роде...

Хэйл. Не понимаю. *(Лезет в сумку, достает бумажку, читает.)* “Отель Плаза, номер семьсот девятнадцать, мистер Роберт Найт... “Поющий кеңар”... Сегодня утром в мой магазин по телефону был сделан такой заказ, и вот...

Найт. Повторяю: я не делал никакого заказа! Вы что-то напутали или это просто глупая шутка...

Хэйл *(строго)*. Я не берусь судить о степени вашего остроумия, сэр. Мне позвонили, и я сама, из уважения к клиенту, тащи́лась в этот отель... Одним словом, с вас сорок пять долларов и еще пятьдесят центов за коноплю. *(Достает пакетик с зерном.)* Отличная конопля, сэр. Хотите попробовать? Энрико обожает коноплю... Только поест, и сразу — фюйт-фюйт-фюйт.

Найт *(внимательно разглядывает Хэйл)*. Как вас зовут?

Хэйл. Сейчас я вам дам свою визитную карточку. *(Роется в сумке.)* Ах, черт возьми, все раздала... У вас нет бумажки и ручки? Я нари-ую копию визитной карточки.

Найт. Не надо. Скажите так.

Хэйл. Пожалуйста, Элис Хэйл. Магазин “Дары природы”. Нью-Йорк, двадцать шестая авеню, семнадцать. Телефон...

Найт *(перебивая)*. Не надо телефона.

Хэйл. Ах да, вы же звонили, вы знаете...

Найт. Послушайте, вы, “дар природы”! Я сам — старый коммивояжер и знаю все приемы торговли. Так вот, я вам говорю: то, что вы придумали, — дешевый трюк. С меня вы не получите ни цента! Поищите дурака в другом номере...

Хэйл. Но у меня записано, что он именно здесь!

Найт. Плевать мне на то, что у вас записано! Забирайте свою птичку и быстро фюйт-фюйт-фюйт отсюда! Это дорогой отель, и если дирекция узнает, что его клиентов беспокоят разные авантюристы...

Хэйл. Но-но, попрошу без оскорблений! Вы имеете дело с солидной фирмой! *(Снова роется в сумке.)* Ну, что за черт! Ни одной карточки! Как придешь без визитной карточки, так обязательно хамят... У меня большой магазин. “Дары природы”! Вы знаете, на углу там сорокаэтажный небоскреб? Так это не там. Так вот напротив, если зайти со двора, и там, мимо баскетбольной площадки...

Найт. Меня все это не интересует.

Хэйл *(не слушая)*. У меня богатый ассортимент: птички, рыбки, хомяки. А какие у меня белые мыши! Во какие мыши, сэр! Слоны! Хотите, я вам уступлю парочку? Когда они скребутся — они создают уют, как... сверчки, которые тоже продаются у меня в магазине.

Найт (*свирепо*). Миссис, я вам в последний раз говорю: оставьте меня в покое! Мне не нужны ни сверчки, ни мыши!

Хэйл. Но, может быть, не вам, а вашей фирме?

Найт. И фирме не нужны мыши!

Хэйл. Если б вы взяли их десяток, я бы сделала скидку и в придачу дала мышеловку...

Найт. Миссис, закройте дверь с той стороны! Иначе я вызову портье.

Хэйл. Хорошо, я ухожу... (*Берет клетку.*) Пойдем, Энрико! Не стоит петь для этого джентльмена, он этого не достоин. (*Идет к дверям.*) А все из-за того, что я забыла визитку... (*Энрико.*) Если б он увидел мою визитку, он бы понял, что она не хуже его. Хотела бы я знать, чем торгует его фирма, если ее представители такие важные... (*Замечает резиновые мешки.*) Вот этим, что ли? Интересно! Это у вас грелки или клизмы?

Найт. Миссис, не смейте трогать образцы!

Хэйл. Образцы?.. Они же пустые...

Найт. Не трогайте! (*Вырывает у нее мешок.*) Вы выпустите воздух, а это как раз то, чем торгует наша фирма.

Хэйл (*изумленно*). Что?

Найт. То, что вы слышите... (*Гордо.*) Наша фирма торгует воздухом!

Хэйл. Возд... (*Смеется.*) Воздухом? Ах вы сукины сыны!

Найт. Я попросил бы...

Хэйл (*смеясь*). Ах прохиндеи! И еще важничает! Еще смеет обижать Карузо! Сам-то торгует черт его знает чем, неизвестно чем... И кто ж его у вас покупает?

Найт (*гордо*). Вся страна. И еще полмира.

Хэйл. Ладно врать-то! Кто ж это станет платить деньги за воздух?

Найт. Тот, кто хочет им дышать.

Хэйл. А мы сейчас с вами чем дышим?

Найт. Не знаю! Только не воздухом! Мы дышим коктейлем из выхлопных газов... Смогом, приправленным сигаретным дымом. Корооче говоря, мы дышим чем угодно, только не воздухом.

Хэйл. Ничего, мы привыкли.

Найт. Да вы посмотрите на себя в зеркало, миссис, какой у вас цвет лица! Серо-белый... Как раз под цвет ваших мышек... А тот, кто дышит воздухом, экспортируемым нашей фирмой, всегда имеет розовые щеки!

Хэйл (*подозрительно*). Что-то я у вас их не вижу. Вы их забыли в ванной?

Найт. При чем тут я? Я продаю воздух, а не дышу им... Наш воздух — достаточно дорогой товар.

Хэйл. Почему вздох?

Найт. Мы не продаем на вздохи. Мы продаем баллоны сжатого воздуха.

Хэйл. Почему?

Найт. Это не имеет значения!

Хэйл. А может, я захочу их купить!

Найт. Боюсь, вам это не по карману.

Хэйл (*возмущенно*). Слушайте, мистер Найт, если вы привыкли хамить женщинам, то имейте в виду — перед вами бизнесмен! У меня счет в банке! У меня магазин “Дары природы”. Воздух — это тоже дар! Я хочу его купить. Вы обязаны продать! Какого дьявола?

Найт. Хорошо... А сколько баллонов вы могли бы у нас приобрести?

Хэйл. Сто штук!

Найт. А если не врать?

Хэйл. Два.

Найт. Это уже похоже на правду. Каждый баллон — триста долларов. В баллоне — пятьсот литров воздуха, его потом можно расфасовать в резиновые мешочки.

Хэйл. Это уж не ваша забота! Может, я его буду продавать в петках!

Найт. Как хотите! Короче, миссис Хэйл, если наш разговор серьезный — пишите чек на шестьсот долларов.

Хэйл (*иронично*). Сейчас разбежусь! Я тоже старый коммивояжер, мистер Найт, и вам меня не провести. Я должна сначала его понюхать, этот ваш воздух... Может, вы напшикали туда бог знает чего!

Найт. Миссис Хэйл, моя фирма...

Хэйл (*перебивая*). Все вы хороши! Мне эту коноплю тоже продавала солидная фирма, а она наполовину с опилками... У Энрико испортился желудок!.. Короче говоря, я сперва хочу вдохнуть товар! (*Берет один из мешков.*) Это что?

Найт. Высокогорный воздух. Заготавливается в Альпах Швейцарии. (*Открывает затычку, слышен шум выходящего воздуха.*) Дышите, миссис! Чувствуете аромат альпийских лугов, запах трав?

Хэйл. Ни черта не чувствую — у меня насморк.

Найт (*поспешно заткнул мешок*). Миссис Хэйл, надо же предупредить!

Хэйл. Сейчас, сейчас... (*Достала платок, с чувством высморкалась.*) Порядок! Давайте снова вашу Швейцарию! (*Вдыхает.*) Немножко сыроват... Осенью консервировали?

Найт (*заткнул мешок*). Вы покупает альпийский баллон?

Хэйл. Возможно. Хотя я ни разу не была в Швейцарии и мне трудно понять, подделка это или нет... А что у вас есть еще?

Найт (*взяв следующий мешок*). Морской воздух. Высокая концентрация полезных йодистых ингредиентов... (*Открывает клапан.*) Воздух экспортируется с Багамских островов... Свежесть морской волны, запах прибоя... Нравится?

Хэйл (*глубоко дыша*). Ничего! Немножко укачивает...

Найт (*взял следующий мешок*). Сосновый воздух, миссис... Доставляется из лесов Канады. Настоящий хвойный экстракт! (*Открывает клапан и тут же закрывает.*)

Хэйл. Что вы пшикаете? Дайте внюхаться!

Найт. Доставьте чековую книжку, миссис Хэйл! Вы уже достаточно нанюхались.

Хэйл. С чего вы взяли? (*Подошла к зеркалу.*) Ха-ха, смотрите, действительно! (*Оборачивается, у нее розовые щеки.*) Да вы волшебник, мистер Найт!

Найт. Я же вам говорил: “Свежий воздух — эликсир здоровья”. Короче говоря, выписывайте чек!

Хэйл. Сейчас, сейчас... Сначала еще немного нюхну... Значит, так, сделайте мне коктейль: высокогорный с хвойным и граммов сто пятьдесят морского — для крепости.

Найт (*строго*). Доставьте чековую книжку!

Хэйл. Достаяю, достаяю... Какой вы недоверчивый. (*Роется в сумке.*) Ну, не жмитесь, мистер Найт... Давайте спрыснем нашу сделку... Пока я ее ишу, откройте свои затычки... Ну, мистер Найт!

Найт открывает мешки.

Вот так. Ух, хорошо! Даже голова закружилась... (*Роется в сумке.*) Вот она! Вам повезло, мистер Найт, я ее нашла!

Найт. Что это?

Хэйл. Визитная карточка... А вы сомневались... Здесь все написано: “Элис Хэйл. Магазин “Дары природы”...”

Найт (*поспешно закрыл мешки*). Вы что, издеваетесь? Вы будете платить или нет?!

Хэйл. Я забыла чековую книжку дома, сэр. Я сейчас сбегаяю...

Найт (*с угрозой*). Вы никуда отсюда не выйдете, пока не рассчитаетесь!

Хэйл. За что?

Найт. За то, что вы надышали!

Хэйл. Почему это я “надышала”? А вы? Вы что в это время делали?

Найт. Не валяйте дурака!.. Я на вас израсходовал образцы... Платите пятьдесят долларов, или я звоню в полицию!

Хэйл. Звоните! Тоже мне, называется, джентльмен! Пригласил даму подышать свежим воздухом и требует за это денег... Альфонс!

Найт. Я звоню в полицию. (*Подходит к телефону.*)

Хэйл. Звоните! Черт с вами!.. У меня нет денег покупать ваш воздух, сэр!.. И у моих покупателей тоже... Нам бы пожрать по-человечески, а дышать уж не обязательно. Звоните!

Найт берет телефонную трубку. И тут неожиданно раздается пение канарейки.

Хэйл и Найт замерли.

Господи, что это? Энрико?! *(Бросается к клетке.)* Он запел, мистер Найт! Кто бы мог подумать?.. Карузо, миленький... В жизни с ним ничего такого не было... Мистер Найт, он поет, вы слышите? Он тоже надыхался... *(Зачарованно слушает пение.)*

Найт. Знаете что, миссис Хэйл, пожалуй, я куплю у вас эту птичку. Она послужит рекламой нашей фирме.

Хэйл. Нет, теперь я ее не продам!

Найт. Даю сорок пять долларов и пятьдесят центов за коноплю.

Хэйл. Коноплю ешьте на здоровье, а Энрико я не продам! Шутка ли — поющая канарейка! В жизни не видела! Да это редкость на всю нашу улицу... Дети от счастья с ума сойдут! *(Подняла лицо.)* Господи, великий боже! Что ж с нами творится? Что мы сделали с твоей землей? Что стало с нашим дыханием? *(Найт.)* Я не продам Энрико, мистер Найт! Можете звонить в полицию.

Найт *(смягчившись)*. Ладно! Забирайте свою птичку и сматывайтесь...

Хэйл. Вы добрый человек, мистер Найт. Кстати, вы тоже порозовели... Вам это идет.

Найт. Спасибо за комплимент. Всего доброго!

Хэйл. А вы бы не хотели тоже пойти, мистер Найт? Мы бы немножко погуляли на свежем воздухе...

Найт. К сожалению, занят. Дела.

Хэйл. Дел много, а жизнь — одна. Пройдемся, мистер Найт? А? Берите свои мешки и пойдем... Вы будете пускать воздух, а Энрико будет вам петь... *(Берет Найта под руку.)* Пошли, пошли! Мы будем бродить по альпийским лугам, по сосновым лесам, слушать прибой.

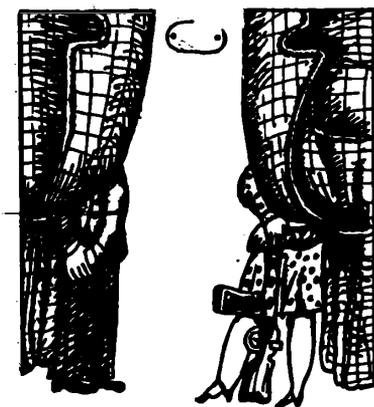
Найт *(слабо сопротивляясь)*. Ей-богу, миссис Хэйл, я занят... Бизнес!

Хэйл. Молчите, молчите! Дышите глубже! Подумайте о себе... Скажу вам по секрету: предупреждаю вас, что мы живем в последний раз! Пошли!..

Сопровождаемые музыкой, пением канарейки и шипением воздуха,
Найт и Хэйл медленно уходят со сцены.

Телохраниитель

Комедия вторая,
написанная в соавторстве с Н. И. Ильиной

Действующие лица

Вильям Доу (Билл) — фермер, 60 лет.

Салли Вуд — женщина, поэтому ее возраст существенного значения не имеет.

Тот же номер в отеле. Сначала он пуст, затем быстро входит Доу. Испуганно оглядывает комнату, заглядывает за портьеру, потом бросается к телефону.

Билл (*в трубку*). Манхэттен, сорок один-пятьдесят девять-пятьдесят. Алло! Это бюро по охране граждан?.. Я спрашиваю: это бюро по охране граждан?.. Говорит Вильям Доу! Я заказывал в вашем бюро телохраниителя для себя!.. Да-да, проверьте!.. (*Нервно постукивает по столу.*) Именно Вильям Доу!.. Я знаю, что заявка есть, но телохраниителя до сих пор нет!.. Понимаю, что много заказов, но мне от этого не легче! Второй день жду!.. Я вам объяснял, что приехал в Нью-Йорк получать наследство! Десять тысяч долларов. Сумма, может быть, не так велика, но вполне достаточна, чтобы меня обокрали. (*Приглушенным голосом.*) Вчера на улице за мной увязались два подозрительных парня. А сегодня, когда я шел в отель, какой-то тип, в кожаной куртке, посмотрел на меня вот так... (*Показывает.*) Я понимаю, мисс, что вы не видели, как он на меня посмотрел, но я-то видел! Одним словом, мне необходима охрана на то время, пока я нахожусь в этом богом проклятом городе. Особенно

сегодня вечером! Я иду к тетушке на день рождения и несу подарок, а этот тип, в кожаной куртке, наверняка стоит внизу... Хорошо, хорошо. Жду. *(Кладет трубку, подходит к окну, выглядывает на улицу.)*

Открывается дверь, и появляется С а л л и В у д. На ней — уличный костюм, левый бок оттопырен, в руках — большая хозяйственная сумка.

С а л л и. Неосмотрительно, мистер Доу!

Б и л л *(испуганно обернувшись)*. А, что такое? Кто вы?

С а л л и. Я повторяю: неосмотрительно, мистер Доу! Надо запи- рать дверь!

Б и л л. Позвольте, я ее запер.

С а л л и. Как же я вошла?

Б и л л. Вот я и думаю — как? Я прекрасно помню, что закрыл дверь вон на ту пупочку.

С а л л и. На “пупочку” закрывают кошелек, а не дверь! В наше время, какие могут быть “пупочки”! *(Протягивает руку.)* Будет знако- мы, Салли Вуд. Бюро охраны граждан.

Б и л л. Очень рад. Я как раз звонил к вам в бюро. Они обещали телохранителя, а его до сих пор нет.

С а л л и. Вы в этом уверены?

Б и л л. Не понимаю...

С а л л и. Что тут непонятного? Вы заказывали телохранителя — он перед вами!

Б и л л. Вы — он? *(Нервно смеется.)* Чепуха какая! Я просил при- слать человека, который будет меня охранять!

С а л л и. А я про что толкую?

Б и л л. Но я мужчину имел в виду, мужчину, понимаете? Здоро- венного мужика!

С а л л и. В заявке пол не указан. Вы просили телохранителя, а насчет того, должен это быть здоровенный мужик или здоровенная не- мужик, ничего не сказано.

Б и л л. Но это само собой разумелось! Мне нужен защитник, ко- торый спасет меня от гангстеров, который в случае нападения прикроет меня своим телом.

С а л л и. Своим телом я прикрою двух таких, как вы!

Б и л л. Нет уж, спасибо. Я отказываюсь! Какому идиоту пришла мысль сделать охранником женщину?

С а л л и. Сразу видно, что вы — провинциал, мистер Доу! При нашем бюро уже давно организован женский отряд телохранителей! Бо- дигард Уимен Режимент. Это сделано для усыпления бдительности пре- ступников. Если с вами рядом ходит здоровенный парень, то каждому убийце ясно, что он телохранитель. Его пристукнут в первую очередь. А

если с вами рядом привлекательная, элегантная женщина, то никому в голову не придет, что это охрана, и ее никто не тронет.

Б и л л. Ее? Какое мне дело до нее? Мне дорога собственная жизнь!

С а л л и. И мне она дорога, сэр! Если вас пристукнут, у меня из жалованья вычтут пятьдесят долларов.

Б и л л. Пятьдесят? Почему только пятьдесят?

С а л л и. Я тоже считаю, что много. Но именно эту сумму бюро должно истратить на ваши похороны. Однако оставим печальные мысли, мистер Доу. Надеюсь, вы — порядочный человек и не заставите женщину платить за себя.

Б и л л *(в отчаянии)*. Боже мой, зачем я приехал в Нью-Йорк?!

С а л л и. Спокойно, мистер Доу. Пока я с вами — вы можете себя чувствовать как у Христа за пазухой. Пусть только кто-нибудь посмеет вас тронуть! *(Подходит, берет его под руку.)* Вот мы идем. За нами крадется преступник. Подошел вплотную, приставил пистолет к затылку, кричит: “Руки вверх!” А я сразу... Я сразу... *(Делает попытку выхватить пистолет, но не может.)* А-а, черт! Заело! Понимаете, он у меня все время выпадает, а вчера я уменьшила ляжку, зашила, и вот теперь... Ага! Итак, я сразу выхватываю пистолет, отталкиваю вас в безопасное место... *(Толкает Билла так, что он отлетает в сторону.)* И — получай, мерзавец! Ага! Он готов! *(Палит из револьвера.)* Он готов!

Б и л л *(жалобно)*. Шкаф!

С а л л и *(еще мысленно в схватке)*. Что?

Б и л л. Вы прострелили шкаф.

С а л л и. Да? Извините, мистер Доу. Я всегда немного горячусь на работе! Так вы согласны взять меня телохранителем?

Б и л л. Согласен, согласен! Опустите ваш ужасный пистолет!

С а л л и. Да. Хорошо. *(Бросает пистолет на стол.)* Нервы ни к черту! Налейте мне виски, пожалуйста! *(Залпом выпивает стакан.)* Вы не пожалеете, что решили сотрудничать со мной. У меня — огромный опыт! Кто охранял сенатора Гринсби?! Я! А доктора Миллера? Опять я! А покойного ювелира Смита?

Б и л л *(в ужасе)*. Покойного?!

С а л л и. Кто сказал “покойного”? Он жив! Впрочем, не совсем. Его действительно прихлопнули, но в тот день, когда у меня была мигрень и я не вышла на работу. А пока я ходила с ним, он был абсолютно жив. Можете навести справки у вдовы. Когда я рядом с женщиной, мистер Доу, он не боится никого на свете, кроме собственной жены! *(Хохочет.)* Извините за юмор, работа такая! Нельзя ли еще виски?

Б и л л *(наливает)*. Стоит ли вам пить, миссис Вуд? Вы же имеете дело с пистолетом!

С а л л и. Пистолет — чепуха! (*Залпом выпивает.*) Если б вы знали, что в этом ридикюле! (*Достает из сумки несколько ножей, маленький автомат и гранату.*) Как вам нравится этот арсенал, сэр? Я одна могу идти против дивизии! Пусть только кто сунется! (*Хватает гранату.*) Вырываю кольцо и...

Б и л л (*хватает ее за руку*). Умоляю вас, миссис Вуд, прекратите! Вы разнесете весь отель “Глаза”...

С а л л и (*смеется*). Могу! Вспомнила забавный случай! На прошлой неделе мне пришлось охранять одну вечеринку. И вот в разгар веселья я увидела, что из соседней комнаты кто-то в нас целится. Я как метну туда гранату! А это... (*Хохочет.*) Это — телевизор! Показывали новый боевик. Смешно?

Б и л л (*уныло*). Смешно...

С а л л и. Представляете, сколько им будет стоить ремонт? Извините за шутку, сэр, работа такая. (*Внезапно начинает плакать.*)

Б и л л Что с вами? Почему вы плачете?

С а л л и. Сейчас и вы заплачете.

Б и л л (*всхлипывает*). Почему я должен плакать?

С а л л и. Бомба, сэр... (*Достает из сумки бомбу, вытирает глаза.*) Со слезоточивым газом. Отличная штука, сэр, но из нее все время подтекает газ... Я тут недавно охраняла свадьбу, а из этой штуковины вдруг пошел газ, и все гости и новобрачные зарыдали, как на похоронах! Смешно? (*Плачет.*)

Б и л л. Очень смешно! (*Плачет.*) Уберите куда-нибудь эту гадость! (*Сваливает оружие ей в сумку.*) Миссис Вуд, я вам очень благодарен, но, к сожалению, мне надо идти.

С а л л и. Ну так я вас провожу.

Б и л л. Спасибо, но одному мне будет спокойнее.

С а л л и. Нет, я вас не брошу. Куда мы идем?

Б и л л. Я иду к тете на день рождения.

С а л л и. Я не спрашиваю — к кому. Я спросила — куда? Адрес?

Б и л л. Сорок вторая улица.

С а л л и. Так. Объект охраны?

Б и л л. Ну... я! Я — объект.

С а л л и. Речь идет о незастрахованных ценностях! Бумажник? Драгоценности?

Б и л л. Я несу тете брошь... Дорогую брошь.

С а л л и. Брошь... Это осложняет дело, но, думаю, выкрутимся. Разработаем маршрут. Плесните мне еще виски.

Б и л л. Но, миссис Вуд, вы не думаете...

С а л л и. Сэр, здесь командую я!

Билл поспешно наливает.

На дорожку неплохо выпить для храбрости. Вот вы у меня уже двоитесь в глазах. Значит, нас теперь не двое, а трое! *(Смеется.)* Извините за юмор, работа такая! *(Залпом вытывает.)* Так! Подойдем к карте. *(Раскладывает на столе карту.)* Вот сорок вторая улица, вот наш отель. Между нами — два квартала и этот парк. Все ясно. Тут мы двигаемся рядом, брошь — в левом нагрудном кармане, я прикрываю вас с флангов. Возле парка есть маленький окопчик, в нем хорошо держать оборону. В парке перестраиваемся, короткими перебежками двигаемся на север, брошь вы кладете в задний карман, я ее прикрываю с тыла. Дальше — опасный перекресток. Именно здесь ухлопали сенатора Гринсби.

Б и л л. Как? И его тоже?

С а л л и. Сам был виноват. Держал дистанцию на метр длиннее условленной... Вырвался вперед. Но вы будете умницей, мистер Вуд, вы не убежите от тети Салли, правда? И если разгорится бой, я ударю им с тыла... А с флангов... Эх, нам бы хоть парочку танков!

Б и л л *(печально)*. Миссис Вуд... Салли... Вам бы лучше пойти поспать... Ей-богу, я дойду один.

С а л л и. Вы что ж, мне не доверяете? Кто охранял покойного Гринсби? А покойного Миллера?

Б и л л. И этот?..

С а л л и *(со вздохом)*. И этот. Все как один... И за всех мне пришлось платить из своего жалованья. Спрашивается, может ли бедная вдова содержать столько мужчин?

Б и л л. Зачем вы взялись за эту работу?

С а л л и. А что прикажете делать? Здесь неплохо платят, даже принимая во внимание вычеты. Мне надо подкопить денег и подлечиться. Нервы ни к черту! Вот мне все время кажется, что там кто-то лежит под кроватью.

Б и л л. Где?

С а л л и. Там. Вон торчат его ноги...

Б и л л. Но это...

С а л л и. Не двигайтесь! *(Хватает пистолет, стреляет под кровать.)* Готов, мерзавец!

Б и л л. Что вы делаете? Это — мои туфли! *(Достает из-под кровати пробитые пулями туфли.)* Как я их теперь надену?

С а л л и. Ничего, мистер Доу. Лучше ходить в рваных туфлях, чем лежать в белых тапочках! Извините за юмор.

Б и л л *(решительно)*. Так. С меня хватит. Я иду к тете, а вы идете домой.

Салли. Домой? Одна? Ни за что!

Билл. Идите домой, миссис Вуд, и отдохните.

Салли (*жалобно*). Я не пойду одна, мистер Доу. Я боюсь одна...
Пожалуйста, не бросайте меня, Билли! Мне так страшно. Я схожу с ума от этой жизни! (*Плачет.*)

Билл. Опять подтекает газ, Салли?

Салли. Это не газ, мистер Доу. Это я на самом деле...

Билл (*гладит ее по голове*). Ну-ну, Салли... Успокойтесь.

Салли. Не бросайте меня. Пожалуйста. Пойдем вместе. Пусть вы какой-никакой, а все-таки мужчина, верно, а?

Билл. Верно, верно, Салли. Я провожу вас.

Салли. Обещайте: если на вас нападут, вы не будете сопротивляться. Вы отдадите им брошку, ладно? У меня так трещит голова от этой стрельбы...

Билл. Конечно, конечно, Салли. Я все им отдам. Вы только успокойтесь.

Салли. Увезите меня отсюда, мистер Доу. Есть же в Америке города, где можно спокойно умереть от инфаркта или от гриппа?

Билл. Ладно, Салли, пошли. Не дрожите вы так, я — рядом. (*Ведет ее под руку.*)

Салли. Господи! Я мечтаю умереть от гриппа! Разве я так много у тебя прошу, господи?.. (*Поддерживаемая Биллом, уходит.*)

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1992 году радио Голландии организовало Всеевропейский конкурс радиопьес под девизом: "КОГДА СТЕНА РУХНУЛА".

Имелось в виду не только крушение знаменитой "Берлинской стены", но и страшная ломка всех условных преград, границ и препонов, произошедших в умах миллионов людей, всю свою сознательную (или бессознательную) жизнь проживших в условиях тоталитарного общества.

Организаторы конкурса обратились к драматургам разных стран бывшего "Варшавского договора", чтобы их глазами увидеть меняющуюся Европу. Среди российских авторов выбор пал на меня.

Так появилась эта пьеса, которая, получив премию на конкурсе, затем многократно повторялась по радио стран Скандинавии, в Германии, в Италии, а затем прозвучала и по-русски в радиотеатре станции "Свобода" (режиссер — Ю. Панич. Исполнители — Н. Караченцов и В. Ларионов).

И все-таки, несмотря на успешную ее судьбу, долго раздумывал я: стоит ли печатать эту пьесу сегодня? И не потому, что она мне казалась устаревшей, а как раз — наоборот.

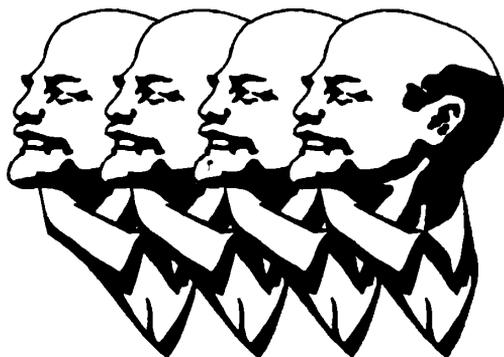
Суперзлободность пьесы могла показаться пересказом нынешних газетных статей и официальных диспутов.

Попытался сделать современную редакцию, но материал сопротивлялся. Поэтому оставил все, как сочинилось пять лет назад.

Поскольку понял, что за эти годы мы стали опытней и смелей, но прибавили ли мудрости — не уверен.

РЕИНКАРНАЦИЯ

трагический фарс в одном действии

Действующие лица

Владимир Зуйков — 35 лет.

Бурановский Сергей Петрович — профессор, 50 лет.

Время действия — 1992 год.

Музыка.

Четкий размеренный шаг почетного караула.

Бой Кремлевских курантов.

Затем это все стихает, и появляются сумбурные звуки вокзала, соответствующие моменту отправления поезда.

Приглушенные голоса. Хлопанье дверей вагона.

Голос из радиодинамика. Внимание! До отправления скорого поезда номер один “Петербург — Москва” остается пять минут. Провожаящих просим освободить вагоны!

Со скрипом распахнулась дверь купе.

Зуйков (*запыхавшимся голосом*). Это какое купе?

Бурановский. Понятия не имею.

Зуйков. Тринадцатое место здесь?

Бурановский. Очевидно. Мое — четырнадцатое...

Зуйков. Тогда — порядок! (*С шумом плюхается на полку.*)

Поезд трогается, начинает набирать скорость.

Чуть не опоздал. Все из-за места. Вы не суеверный?

Бурановский. Нет.

Зуйков. А я — отнюдь. Верю, то есть... Пока менял место, пока то-се, звонки и прозвенели...

Бурановский. Не удалось, значит?

Зуйков. Что?

Бурановский. Поменять.

Зуйков. Как не удалось? Именно, что удалось... Вы не поняли — я суеверный как раз насчет тринадцатого. Оно мне везучее. Я родился тринадцатого и живу в доме двадцать шесть, второй корпус, то есть если поделить дом на корпус — тринадцать и выходит... И вот когда ехать куда, или лететь — всегда прошу на счастье чертову дюжину. (*Зазвенел бутылками.*) Пива не хотите?

Бурановский. Нет, спасибо...

Зуйков. Нет — в смысле “отнюдь” или, если под водочку, — “отнюдь не откажусь”?

Бурановский. Как вы, однако, странно употребляете это слово — на все случаи.

Зуйков. Хорошее слово из прошлых веков. Я эти современные “кайфы” да “релаксы”, что молодежь глотает, и в рот не возьму. А тут красиво и по-русски: выпить не откажитесь? Отнюдь! (*Звон стаканов.*) Наливать? .

Бурановский (*жестко*). Нет.

Зуйков. Тогда — чайку? Попросим кипяточек, а заварка у меня цейлонская, еще из доперестроечных времен...

Бурановский. Спасибо. Но мне и чая не хочется.

Зуйков. Как же так? Посуху и разговор не потечет.

Бурановский. И славно, если не потечет. Вы только не обижайтесь, дорогой сосед, но я устал в Питере на совещании. А с утра — работа. Так что очень бы хотелось выспаться... В этом смысле вам тринадцатое место собеседника не подарило.

Зуйков. Ничего. С умным человеком в пути и помолчать — подарок! Газетами не интересуетесь? Я вон в киоске на полтыщи набрал.

Бурановский. Не жалко денег?

Зуйков. Все равно дешевле снотворного. Снотворное сейчас — семьсот, да еще за рецепт плати... А тут полистал — и глаза слиплись. Советую.

Бурановский. Спасибо. У меня — обратная реакция. Трясет меня от газет. И тошнит. Ельцин, Руцкой... Съезд — не съезд... Осточертело.

Зуйков. Точно! Согласен! У самого — политика из ушей. Но я такие газетки покупаю, которые для отдыха. Например, “Скандалы”. Или “Не может быть”. Тут всякие факты интересные: про летающие тарелки, про оборотней... про ведьм...

Б у р а н о в с к и й. А это уж совсем чужь! Освободили головы людей от идеологии, чтоб заполнить средневековым бредом...

З у й к о в. Но тут не все — враки. Отнюдь! (*Засмеялся.*) По-другому и не скажешь... Отнюдь! Вот, скажем, много пишут про “реинкарнацию”...

Б у р а н о в с к и й. Это еще что за зверь?

З у й к о в. Неужели не слышали? Да что вы! Реинкарнация — переселение душ.

Б у р а н о в с к и й. Чертовщина какая-то! Переселение народов — было, до сих пор расхлебываем. Теперь души переселять додумались...

З у й к о в. Не теперь... Это известно еще с древних времен. С Платона. Душа после смерти часто переселяется... В пгичку... В жучка... А иногда из одного человеческого тела — в другое... Про это много писали... Даже в “Правде”... Девочка знаменитая... индийка... из Индии, в общем... Вспомнила прошлую свою жизнь... в другом городе... в другой стране. Заговорила на непонятном языке. Прислушались — оказалось по-шведски. А никто не учил... Это явление называется “сеногlossия”. А вот у другой индийки...

Б у р а н о в с к и й (*перебивая*). Послушайте, дорогой, если вы уж претендуете на научность, то говорите — “индианка”! И не “сеногlossия”, а “ксеногlossия”. От греческого “ксенос” — “чужой”! Вот типичная наша русская манера: выговорить правильно не можем, а про все беремся рассуждать. Так и “социализм” свой строили — с двумя мягкими знаками, но без всякого понятия...

З у й к о в. Про социализм не знаю, а про “реинкарнацию” — отнюдь! Тут вы зря обижаете... Я этим вопросом очень всерьез интересуюсь. Потому что примеров много, и не только в Индии. В России тоже полно переселенцев. У нас и клуб такой в городе открылся. Называется “Карма” — на буддийский манер. Разные люди собираются, рассказывают, кто чего помнит про себя... Кем кто был в прошлом.

Б у р а н о в с к и й. Вы кем были?

З у й к о в. Да не обо мне речь...

Б у р а н о в с к и й. И все-таки. Вы в прошлом конкретно — кто?

З у й к о в. Да я так... Маленький человек... В прошлом маленький и сейчас небольшой, хотя высокий. (*Засмеялся.*) А вот девочка одна. Вернее девушка. Пятнадцать лет... Мария Зуйкова. Не слышали? Про нее даже по телевизору говорили... Я ее хорошо знаю... Можно сказать, родня... Но дело не в этом, не в подробностях... Тут научно доказано... (*Занулся, потом заговорил решительно.*) В общем, она Маша Зуйкова... она — Ленин была!

Б у р а н о в с к и й (*устало*). Так! Все!.. Кончаем разговор. Гасите свет.

З у й к о в. Не верите?

Б у р а н о в с к и й. Все! Я сказал: гасите свет! Мне выспаться надо!

Щелкнул выключатель.

В темноте кажется, что колеса поезда стучат громче.

З у й к о в (*со вздохом*). Не верите, стало быть?.. Понятно... В такое трудно поверить...

Бурановский демонстративно засопел.

И правильно, что не верите. Я вам не все сказал. Она — Мария... она не просто — девочка... Отнюдь! Она — дочка моя, родное существо... И она же — Ленин! Можете такой нюанс представить?!

Бурановский (*нервно*). Я сейчас проводника вызову, честное слово! Нельзя ж так издеваться над человеком! Если вы больной — лечитесь! Напились — проспите! Если считаете, что дочка у вас — Владимир Ильич, я вас с этим поздравляю, но помочь ничем не могу!!

З у й к о в (*тихо*). Можете... Очень даже можете... Сергей Петрович!

Пауза.

Бурановский резко вскочил, в темноте стукнулся головой о поручень, застонал.

Бурановский (*резко*). А ну зажгите свет!.. Впрочем, я сам!

Щелкнул выключатель.

Вы кто?! Сумасшедший? Шпион? Или, действительно, черт?!

З у й к о в (*засмеялся*). Да нет же, Сергей Петрович... Шпионы — они не такие. Не с моей рожой. Отнюдь! И нечистая сила не при чем... Вон, перекрещусь, если хотите, хотя я и не верующий... То есть в религиозном смысле я как раз — верующий, но со своими загибами и в научном понимании отнюдь не отвергаю неопознанные явления...

Бурановский (*перебивая*). Откуда вам известно мое имя?

З у й к о в. По телевизору видел. Профессор Бурановский Сергей Петрович. Верно? Биолог. Верно?...

Бурановский. Биохимик.

З у й к о в. Ну, вот, я ж запомнил... Вы еще про бальзамы египетские рассказывали. Как они фараонов консервировали... Я и брошюрки ваши в библиотеке брал. Сложно для простого читателя, но познавательное. А сегодня иду, гляжу — вы, живьем...

Бурановский. Значит, любовь к тринадцатому месту — вранье?

З у й к о в. Не совсем... Просто узнал, в каком вы купе, и с соседом вашим решил поменяться... А он — отнюдь. Я и ему — деньги, и проводнику — деньги. Такой народ образовался, что без тысячи рублей — пальцем не шевельнут...

Бурановский. И зачем это все, черт вас подери? Чтобы глупостями мучить?!

З у й к о в. Я вас давно ищу, Сергей Петрович. Я ж вам письмо писал. И про дочку. И про душу Владимира Ильича...

Б у р а н о в с к и й. Не читал я ваших писем! А если и читал, то в корзину выкинул! Мало ли дураков нам пишеть?! Я — ученый и никакими мертвыми душами не занимаюсь. Я — не Чичиков!

З у й к о в. Души мертвыми не бывают. Тут я с Гоголем — отнюдь... Тело — другая субстанция... Вот говорят: материя — первична, сознание — вторично. Я так думаю: здесь не в строю, чтоб на первый-второй рассчитываться... Душа с телом всегда вместе идут: грудь в грудь...

Б у р а н о в с к и й (*в отчаянии*). Умоляю, не философствуйте! На вашем уровне это — как гвоздем по стеклу, честное слово! А что касается той передачи по телевизору про мавзолей, то мой институт этим вопросом больше не занимается. Все! Отлучили нас от тела вождя пролетариата, и слава Богу! Занимаемся рядовой биохимией.

З у й к о в (*печально*). Понизили, стало быть?

Б у р а н о в с к и й. Не уверен. Думаю — наоборот. Позволили заниматься наукой. Ученый, если хотите знать, — высокое звание, выше не бывает... И если при этом не надо бесконечно якшаться с КГБ, то можно считать — моральную “нобелевку” заработал.

З у й к о в. Но связи-то старые остались? В мавзолей всегда можете попасть?

Б у р а н о в с к и й. Туда любой может попасть! Встаньте в очередь и попадете!

З у й к о в. Да все не то вы! Я у этого мавзолея целый год простоял. В дождь и в снег.

Б у р а н о в с к и й. Наллюбоваться не могли?

З у й к о в. Да отнюдь! Это когда служил... Пост номер один...

Б у р а н о в с к и й. Слушайте, хватит говорить загадками... Какой пост? Кому пост?.. Вы способны по-русски изъясняться?

З у й к о в. Я ж то и хочу. Все по порядку. Думал, сядем, поговорим, коли попали в одно купе...

Б у р а н о в с к и й. Это я попал. Вы — вломились!

З у й к о в. Ну, какая разница? Все равно теперь вместе до Москвы. Ночь впереди, на ходу не выпрыгнешь...

Б у р а н о в с к и й (*мрачно*). Не знаю. За себя не поручусь.

З у й к о в (*завенел стаканами*). Наливать, что ль?

Б у р а н о в с к и й. Я сказал — нет!

З у й к о в. А говорили — “по-русски”? Сергей Петрович, разговор доверительный... Как говорится, без рюмки да сигареты — контакта не будет!

Б у р а н о в с к и й (*нервно*). Этого еще не хватало! В купе — духотища, и к тому же у меня на табак аллергия!.. Ладно! Черт с вами! Наливайте! Все равно, чувствую, встану с дурной башкой. (*Забулькала жидкость.*) Клянусь, последний раз поездом еду... Ни поспать, ни отдохнуть.

З у й к о в. Самолетом нынче еще хуже. У меня друг в аэропорту на полу неделю просидел. Керосина нет, а водки — залейся! Еле живой остался.

Б у р а н о в с к и й. М-да. Времячко выпало! Да вы не до края лейте. Не улетаем.

З у й к о в. (*звякнул стаканом*). Ну, со знакомством!

Б у р а н о в с к и й. Пожалуй. Тем более, вы-то про меня кое-что знаете, а я про вас ничего. Отнюдь!.. (*Засмеялся*). Прилипло, однако, словечко...

Выпили.

З у й к о в. Закусим, чем Бог послал... (*Зашелестел разворачиваемой бумагой*). Мать напекла в дорогу. Все волновалась — понравятся вам пирожки с капустой?

Б у р а н о в с к и й. Почему ж не понравятся?.. (*Осекся*). Подождите, какая мать? Она знала, что вы со мной поедете? Значит, вы меня не случайно встретили?

З у й к о в. Да как сказать...

Б у р а н о в с к и й. Так и говорите! Правду! Устал я от ваших недомолвок. Вы зачем сюда сели? Вы в Москву по делам или как?!

З у й к о в. Главное дело, Сергей Петрович, для меня — с вами поговорить! А на Невском сегодня я вас увидел действительно случайно! Бросился за вами, а вы — юрк в гостиницу... И след простыл. Спрашиваю: “Это — Бурановский?” — “Да”, — говорят. — “Надолго он в Питере?” — “Сегодня назад в Москву”... — “А каким поездом?” — “А каким поездом профессора ездят?” Отнюдь только “стрелой”. Первой или второй... Мать и говорит: “Поезжай, Вова!” И пирожки начала печь...

Б у р а н о в с к и й. Кончайте интриговать. Рассказывайте!

З у й к о в. Тогда по-анкетному. С самого начала... Фамилия моя — Зуиков Владимир Михайлович. Родился в 1953-м, в Туле, в семье военнослужащего. Отец-мать — русские, вернее — туляки. Я это к тому, что мы, туляки, особые русские, как у нас говорят, “казюки”, то есть “казенные” люди, надежные, всегда при заводе... Медленно запрягаем, быстро не едем, да много везем... У нас и советская власть позже всех началась, значит, позже всех кончится... Нас и немец не взял, стороной обошел... (*Сбился*). К чему это я?..

Б у р а н о в с к и й. Понятия не имею.

З у й к о в. (*вспомнив*). А к тому, что анкетка у меня — чистая, прибранная. Как говорил старшина, на лобом смотре показывай — ни один генерал в бинокль пылинки не увидит... И в школе нормально учился, и спортсмен-волейболист... Играл за “Буревестник”... Первый юношеский разряд... Комсомолец. В самодеятельности читал поэму Владимира Маяковского “Хорошо”...

Б у р а н о в с к и й. (*с печальной безнадежностью*). Скажите, это все очень важно знать?

З у й к о в. Очень! Для тех людей, что меня в военкомате смотрели... Я уже, Сергей Петрович, перехожу к моменту, когда меня, значит, призвали в армию в 74-м... Долго мышцы щупали, рост, вес. Даже на цвет проверяли... Ей-богу! Смотрели румянец на щечках... Я-то, честно, подумал, что меня куда-нибудь в космонавты определяют... Мы тогда все космосом бредили. И среди призывников кто-то парашу такую пустил: мол, космонавтов отбирать будут. Я даже как-то в мыслях примерился: “Космонавт Зуйков”! Звучит!.. А тут вдруг — румянец. Я у ребят спрашиваю: на хрена в космосе румянец? Они говорят, чтоб, когда в штаны от перегрузок наложишь, не бледнел и по цветному телевизору хорошо смотрелся... Шуточки у салаг, сами понимаете, — на уровне... И вот потом отзывает меня майор и торжественно сообщает: служить тебе, Зуйков, не в пехоте, не на флоте, а в особой роте войск КГБ. Конкретней — в полку охраны Кремля. И путь твой, Зуйков, как поется в песне, “далек и долог”, а конкретней — сто восемьдесят шагов от Спасских ворот до поста номер один, где навечно возлег гений всех времен и народов сам Владимир Ильич Ленин... *(Пауза.)* Закурить, все-таки, не позволите?

Б у р а н о в с к и й. Категорически! Я же объяснял: дым не переноси. Лучше пейте!

З у й к о в. Это уж само собой... *(Звон стаканов.)* Вот какая мне служба выпала, Сергей Петрович. Можете себе представить?

Б у р а н о в с к и й. Я-то как раз могу... Мы ведь с вами, выходит, в каком-то роде коллеги... Вы охраняли тело вождя от врагов, я — от разложения.

З у й к о в. Вот именно! Только нам слово “охранять” политрук строго-настрою запрещал... “Караульный на посту ничего не охраняет, караульный собой воплощает и символизирует...” Во как! И потому в ружье заступившего в почетный караул нет пуль, в глазах — ресниц, в ногах — усталости... А если караульный на посту моргнет или с ноги на ногу переступит — это есть двойное нарушение воинского и гражданского долга, и ждет тогда солдата не гауптвахта, а презрение всего советского народа плос прогрессивного человечества, которые поставили его у стен великого Кремля как символ вселенской любви к вождю, а он, дундук и распиндй, не оправдал доверия... Эти политбеседы я наизусть запомнил! И за все два года службы у меня — ни одного замечания, и на посту я ни разу не чихнул, не моргнул, не пукнул...

Б у р а н о в с к и й. Ой, ну ладно! Мне-то не завярайте! Я мимо этого поста сто раз ходил... Прекрасно ваши караульные и мигают, и глазами по сторонам зыркают...

З у й к о в. Другие — может быть. Я — отнюдь! Можете в роте справки навести, Сергей Петрович... Вам старослужащие скажут: Зуйков входил в “гранитную сотню”... Это у нас такая именная команда собралась, за все годы почетного караула, с января двадцать четвертого года. Лучшие, которые, как говорится, “вросли в гранит”... А кто знает,

чего это стоило? Только дураки нам завидовали: “у кремлевских служба — лафа, офицерское довольствие”. Кормили, правда, отлично: и мясо, и витамины. Так ведь не человека кормили — организм! Тело, чтоб как струна, нога, чтоб стояла при шаге, как у молодого... И вот застыл на час у входа в мавзолей, как в наркоз ушел... В тебя туристы пальцами тычат, иностранцы всплшками мигают, дети ручонки тянут, а ты — врос в гранит и окаменел...

Б у р а н о в с к и й. Значит, все-таки наблюдали обстановку?

З у й к о в. Только — боковым зрением! У караульного от напряжения зрачка боковое зрение развивалось, как у стрекозы... “Караульный на Василия Блаженного глядит, а Манеж видит!...” Тоже политрука формулировочка. А еще он любил сюрпризы устраивать. Скажем, родителей без предупреждения привозил... Представляете, стоишь, и вдруг видишь: отец честь тебе отдает. Мать платком слезы утирает... Ну, думаешь, умом поехал! У нас и такое случалось. Миражи возникали... А потом понимаешь — наяву!

Сердце сразу выпрыгивает, крик из горла сам идет. Но голос политрука уже в ушах, как радио: “Караульный на посту и мать увидел — не шелохнись, поскольку на посту ты ей не сын, на посту ты — сын страны!”...

Б у р а н о в с к и й. Садизм какой-то.

З у й к о в. Это сейчас мы так рассуждаем, Сергей Петрович. А тогда — вера была. И гордились: почетная служба под бой курантов... Родители это понимали. А вот жена — не очень. В ту пору она мне и не жена была, конечно, а так... Помните Кобзон пел: “А у нас во дворе есть девчонка одна”?.. Вот. Она самая, Зойка Пашутина, и положила на меня глаз. Я к ней — отнюдь! Я, говорю, парень был видный, спортсмен, в девчонках дефицит не испытывал. В армию она меня, конечно, провожала, но просто как друг детства, а переписывался отнюдь с другой, с той, что ждать обещала. Вот она, дурочка, и ждет до сих пор... А Зоя, как место службы узнала, так сразу — в Москву и заступила на “пост номер два” напротив мавзолея. Я за разводящим шаг печатаю, она рядом бежит, платочком машет на манер — “Летят журавли”... Одуреть можно! КГБ ее, конечно, быстро под колпак... Они больше всего террористок опасались. Наверное, после этой сучки Фанни Каплан. К мужикам — терпимей. К мавзолею же и психи приходили, и пьяные... Бухнутся на колени, слезы кулаком размажут: “Ильич, родной, проснись!”... Их спецнаряд вежливо — под белы ручки и в психушечку — отсыпаться... А на Зою, на третий день ее напротив меня стояния, два лба наскочили. Как на врага. Бить стали! Она кричит: “Вова!” Ей в рот — кляп и поволокли к машине!.. Как я выдержал — и не пойму! Ноги свинцовые стали, глаза какой-то мутью затянуло, но шага не сбил и виду не подал... Мне потом напарник, что в тот день вместе караул нес, сказал: “Ну, ты, Зуйков, и вправду, гранитный. И не побледнел, сука эдакая!” Вот, значит, когда мой завид-

ный румянец пригодился. А я тогда подумал, гранитный не гранитный, а каменю — точно... И о Ленине тогда первый раз подумал плохо. Поддиссидентски подумал... С матом! (*Шмыгнул носом.*) Выпить не хотите, Сергей Петрович?

Бурановский. Не хочу. Но выпью.

Чокнулись, выпили.

Пауза.

Зуйков. Через неделю меня политрук вызвал. Объявляю, говорит, тебе, Зуйков, серьезное предупреждение. Красная площадь — не парк Горького, и нехрена здесь свиданки назначать! Отпиши своей девочке: еще раз здесь покрутится, мы ее в психушку имени Сербского пристроим, и жениться тебе, Зуйков, тогда на инвалиде! Понял? Так точно, говорю, понял! А за то, говорит дальше, что в создавшейся сложной ситуации не поддался на провокацию и действовал строго по уставу — объявляю благодарность командования и награждаю увольнительной на сутки. Можешь жениться по-быстрому, и к семи ноль-ноль — обратно в полк!..

Бурановский. Веселый какой у вас политрук...

Зуйков (*со вздохом*). Веселый.

Бурановский. А вы что на это?

Зуйков. А что я? “Служу Советскому Союзу!”

Бурановский. Логично...

Зуйков. Короче... “Мавзолей нас познакомил, сам Ильич благословил”... Это так у нас на свадьбе ребята частушки пели. А через год и родилась Машенька...

Бурановский. Она, стало быть, Ленин-то и есть?

Зуйков. Так точно!

Бурановский. И как вы это обнаружили?

Зуйков. Постепенно... Ну, вначале она — девочка как девочка...

Даже и не похожа. Знаете, такая марка почтовая была — Ильич в годовалом возрасте с кудряшками?.. Так ничего общего. Наша — темненькая... И говорить начала, как все дети: “папа”, “мама”, “бьяка”... А потом, лет с двух, пошли какие-то странности... Спать стала плохо. Во сне бормочет что-то непонятное, вроде как и не по-русски... И на портреты, на бюсты Ленина как посмотрит, так взнервляется. То слезы, то хохот какой-то дурацкий... Ну, взрослые сначала посмеивались, мол, странная реакция у ребенка. А потом — аллергия началась... Сыпь. Прыщи пошли. Мы — к врачу. Он плечами пожимает: “Первый раз с такой аллергией встречаюсь. Я, говорит, даже не знаю, как и историю болезни записывать. Это ж просто показания для Лубянки!” Дал какие-то таблетки, попросил убрать “аллерген” подальше от ребенка. А как его убережешь, если он, Ленин, тогда был везде: хоть по телевизору, хоть в детском садике?.. В общем, забрали Машеньку из садика, отвезли к Зоиной бабке в деревню

под Тулой. Совсем глухой район. Бабке строго наказали: Ильича девочке не показывать, а ей он, собственно, ни к чему. Бюстов дома не держала, собраний сочинений тоже отнюдь... Простая старушка была, набожная... Ну, думаем, все, успокоится девочка на природе в глухомани... И верно. Сыпь скоро прошла, нервы окрепли... А в остальном странности только усилились. Поскольку нет, оказалось, глухого места в России, которое бы Ильич своей физиономией, словно лампочкой, не осветил... Приезжаю я как-то навестить Машу. (Я в деревню раз в неделю ездил, продукты завозил.) Гляжу: сидит моя девочка у окна, перед ней — газета старая, как потом выяснилось — соседская... А в газете — большой снимок: “Семья Ульяновых”. В центре — Марья Александровна, рядом — Илья Николаевич и шестеро детей. Фото тысяча восемьсот семьдесят девятого года. Видите, я даже год запомнил... И смотрит моя Маша внимательно так на Володю, бровки насупив... А он — оттуда, с фотографии, на нее... Я ее по головке погладил, спрашиваю: “Это кто, дочка?” А она мне вдруг спокойно отвечает: “Я!” Я засмеялся, говорю: “Нет, дочурка, это сам дедушка Ленин, только — маленький.” А она губы сжала и повторяет: “Я!” Смотрю, сейчас разревется. “Ну, хорошо, — говорю, — доченька, а это кто?” — И показываю на бородатого Илью Николаевича. Она говорит: “Папа!” Тут уж мне даже и обидно стало. “Как же так, доченька, я — твой папа.” А она мне: “Ты — папа, и он — папа!” — “А это кто?” — На Марию Александровну показываю... “Мама”! Хорошо, думаю, сейчас я тебя подловлю... “А ЭТО КТО??!!” — И показываю на всех братьев-сестер. А их шестеро на снимке. И вдруг, хотите верить, хотите нет, она пальчиком начинает двигать и так медленно выговаривает: “Оля... Митя... Аня... Сапа... Маняша...” Вот этой “Маняшей” она меня совсем добила. Аж пот прошиб... Ну, ладно, думаю, про имена ей кто-то объяснил. А “Маняша” — это совсем-совсем семейное, личное. Только Ленин так сестру Марию Ильиничну называл в письмах...

Бурановский (нервно). Вы-то откуда знаете?

Зуиков. Читал. У нас в полку библиотека была... На тему — революционная тематика. И конечно, полное собрание сочинений Самого. Политрук за каждым взводом на месяц один том закреплял. “Политическая задача — изучить и товарищу пересказать!” Вот моему соседу по казарме двадцать шестой том достался... Там письма Ильича к матери... И он про “Маняшу” часто пишет... Деньгами ей помогал... За границу то ли учиться, то ли лечиться посылал, уж не помню. Сосед у меня — зануда такая, этой “Маняшей” меня просто заколебал...

Бурановский (с иронией). Ну, тогда понятно...

Зуиков. Отнюдь!! Думаете, я своей дочке это рассказывал? Совсем, что ль, я чокнулся, ребенку всякой ерундой голову засорять? Вы, Сергей Петрович, не спешите сразу легкий ответ находить. До вас этой дорожкой много умных людей хаживало. И доктора, и историки! Так что не торопитесь с выводами...

Бурановский. Я не тороплюсь, дорогой, но час поздний... И выпили мы уже с вами порядком. Пора бы все-таки соснуть, а вы, я чувствую, настроены на многосерийный рассказ с подробностями. Давайте все же систематизируем по пунктам: врачи проверяли девочку?

Зуйков. Неоднократно!

Бурановский. И что?

Зуйков. А ничего. Она им про сибирскую ссылку или про шалаш в Разливе обстоятельно рассказывает, а они улыбаются, мол, “патологическая память”. И кто, мол, тебя, девочка, заставил все эти детали зазубрить? А какие такие детали, если она сядет перед окном, смотрит куда-то вдаль, а потом вздохнет и скажет: “Эх, сходить бы за утками сейчас... в кожаных штанах”?.. Мать охнет: “О чем ты, дочка? За какими утками? В каких таких штанах?” А Маша тихо в ответ: “Как тогда... в Шушенском... Вот дичи-то!..” И засмеется странным смехом... Мы с Зоей — к книгам (мы уж тайком воспоминания разные накупили, чтоб сверять)... Глядим — точно! У Крупской написано: пошил Владимир Ильич себе в ссылке штаны из чертовой кожи, чтоб по болотам лазить... Ну, как такое объяснишь иначе, чем “реинкарнацией”?..

Бурановский (он захмелел). Ну, ладно... Ну, хорошо. Все равно, Володя, я в эту хренатень не верю, сколько б мне вы не доказывали... Ну, предположим, “карнация” или как вы там говорите... Ну, поселился в вашей дочке Ленин. Ну и что? В чем проблема?! Не Гитлер же, в конце концов! А наш вождь и учитель!..

Зуйков (в отчаянии). То-то и оно! Вождь! А вы представьте, каково быть вождем в стране дураков?! Пошли сплетни, разговоры. Дети дразнят, взрослые еще хуже: в сторонку отводят с дурацкими расспросами: “А про броневик помнишь?” — “А с Арманд связь имела?..” Это ребенка-то, в третьем классе, про Арманд спрашивать?! Ну, не сволочи?.. Короче, загискали девочку, задергали... Попала она у меня в нервную клинику... Сначала у нас, в Туле, потом перевезли в Москву... Год с лишним пробыла. Только выписали — какая-то гадока-медсестра повела ее тайком на экскурсию в кабинет Ленина в Кремле... Хотелось ей, сучке, видите ли, узнать, правильно ли там предметы расставлены!

Бурановский. И что оказалось?

Зуйков. Насчет предметов, не знаю. Машенька как в кабинет вошла, так у нее сразу истерика случилась. Видно, обстановка знакомая подействовала. Но не в этом главное. Там часы висят. Четверть девятого показывают... Это время вечера двенадцатого декабря двадцать второго года, когда, стало быть, Ленин свой кабинет в последний раз покинул... Их и не заводят с тех пор... Так вот, когда Машенька в кабинет вошла, они тоже пошли...

Бурановский. Часы?

Зуйков. Они.

Бурановский. И это документально зафиксировано?

З у й к о в. Наверное. Дочку прямо ж оттуда, из кабинета, на Лубянку свезли. Потом нас с матерью вызвали... Хорошо уже перестройка началась, КГБ власть поубавила, а то б не миновать Маше психушки... Вот он, Ильич, как нашу семью зажал в кулак! Мать чуть в психушку не попала из-за него, потом — дочь... А скоро, видать, и моя очередь...

Б у р а н о в с к и й. Ну, это вы кончайте! Если так рассуждать, то надо всю страну в психушку отправлять... Что, кстати, по нынешним временам было б не так и глупо, если б хватило на всех коек и лекарств. Анархисты, монархисты, коммунисты... И все почему-то к Ленину жмутся. Видали, что творилось в Москве у его музея: и Гитлер, и Троцкий, и Николай Угодник!..

З у й к о в. А последнее время дома-то у нас совсем каторга... К телефону хоть не подходи, дверь и не открывай... Большевики девочку на митинг тянут в президиум, казаки, наоборот, грозятся отомстить за гибель царя... Патриоты, которые в черном ходят, те звонят по ночам. Мать Ильича, мол, не Марья Александровна, а Марья Израилевна, и сам он — еврей! Это моя-то Машенька — еврей?! Поймаю сволочь, какая звонит, — голову оторву!..

Б у р а н о в с к и й. М-да... Уехать вам надо. Куда-нибудь в глушь...

З у й к о в. Да куда ж уедешь, Сергей Петрович? Психи везде найдут. Нет. Только один выход есть...

Б у р а н о в с к и й. И какой же?

З у й к о в. Похоронить надо Владимира Ильича...

Б у р а н о в с к и й. Ну что ж, мысль, как говорится, интересная. И не вам первому в голову пришла. Только кто и как это сможет сделать?

З у й к о в (*тихо, но твердо*). Мы с вами, Сергей Петрович. Для чего ж я к вам в поезд-то подсел?..

Пауза.

В тишине кажется, что колеса стали стучать громче и напряженнее.

Б у р а н о в с к и й (*неожиданно протрезвев*). Водки у тебя не осталось?

З у й к о в. Отнюдь! Пиво вот еще на стакан...

Б у р а н о в с к и й. Ну его к лепшему! Кислятина... Развезет... Погоди, у меня в кейсе бутылка коньяка. Подарок. Думал до дома довезти, но... раз уж до такого добеседовались. (*Щелкнул замок чемоданчика*.) "Камю". И не в Мытищах разливали, а настоящий.

З у й к о в. Дорогой.

Б у р а н о в с к и й. Не дороже здоровья, Вова! А если после твоих таких слов не выпить, сотрясение мозга не исключено... (*Разливает по стаканам*.) Будь здоров! Тебе это сейчас как воздух!..

З у й к о в. Спасибо. Вам того же...

Выпили.

Б у р а н о в с к и й (*пережевывая*). Вкусный, однако, пирожок!

З у й к о в. Так для вас же старалась...

Б у р а н о в с к и й. Ну, вот что, дружок, и безумие должно иметь предел! Я не только пью и ем, но и думаю. И, подумав, твердо заявляю: я в ваших планах не участвую! И тело вождя тайком выносить не собираюсь! Наступит время, похоронят без нас с вами... Президент и народ примут решение.

З у й к о в. Когда?!

Б у р а н о в с к и й. Если ж вас интересует конкретное число, обращайтесь к гадалкам. Как ученый могу предположить, что наступит это не раньше, чем страна достигнет определенного уровня цивилизации.

З у й к о в. Да положил я на страну!! У меня дочка больная. Опасно больная! (*Шмыгнул носом.*) Я ее из петли вынимал уже, верите?.. У вас дети есть, Сергей Петрович?

Б у р а н о в с к и й. Две дочери.

З у й к о в. Тогда вы меня вдвойне богаче, вдвойне должны и понимать! Я ведь, Сергей Петрович, и врачей прошел, и экстрасенсов, и колдунов... Все — мимо! Пока знающие люди не вывели на Иерарха, то есть специалиста по “карме.” По реинкарнации, в смысле... Он, вообще-то, наш, русский мужик, брат Георгий. Православным остался, но признает по некоторым вопросам буддизм. Он мне и сказал: “У дочки твоей душа рвется, потому что ее собственную, нежную душу, больная душа Ильича теснит... И та, Ильичева душа, не отстанет, пока прах его не захоронят, земле не предадут с молитвой...” Прах — не тело, тут религия позволяет чисто условно: кусочек кожи, ноготь, волосок!.. Я и со священником в Питере договорился. Захороним по-людски, в могиле матери, как Ленин и просил... Мне только б праха чуть-чуть... Я деньги дам! Доллары могу... Я тут подработку брал у фирмачей... Мне зелеными заплатили! Еще добуду!.. Пожалуйста!

Б у р а н о в с к и й (*в отчаянии*). Перестаньте нести эту дикость! За кого вы меня принимаете? Не стану я вам волоски приносить, ни за зеленые, ни за красные. Господи Боже, да что это за дикость пришла на эту землю? Первобытный век!

З у й к о в. А вы, Сергей Петрович, в Бога верите?

Б у р а н о в с к и й. Это уж, извините, не ваше дело! Вопрос интимный, и в Европе считается неприличным!

З у й к о в. “Мы не в Европе, мы — в Азиопе” — как говорил наш политрук. Впрочем, не хотите — не отвечайте. Отнюдь не важно! Я вам так скажу: если верите — грех, не верите — стыд! Семьдесят лет покойничка обряжаете, воском да медом вены фаршируете, а потом кричите: откуда дикость?!

Б у р а н о в с к и й. Однако, я смотрю, вы специалистом стали!

З у й к о в. Все по вашим брошюрам...

Бурановский. Ну, ладно, вы себя тоже ангелом не выставьте! Кто у нас “гранитная команда”? Кто “человек с ружьем” на виду страны под бой курантов?!

Зуиков. Это вы верно меня подловили. Мы — дураки! И знаете почему? Потому что — на виду у всех стоим как пни, не моргнем! А вы — там внутри копаетесь, мух отгоняете... Засекречены! Вместе с пайками своими да премиями...

Бурановский. Да! Вот это мы мастера — чужие заработки считать. Знали бы те премии, которые наши ученые получали: круглосуточный надзор, бесконечные доклады-проверки... Академик Збарский, основатель саркофага, был репрессирован!

Зуиков. Один, что ль? Полстраны сидело, и безвинно. А на нем вина — не отмолишь... Сахаров бомбу придумал — полжизни каялся. А этот похуже водородной, биохимическую бомбу под страну подложил посреди Москвы — и ничего! Ведь мог бы смелости набраться тогда, в двадцать четвертом году, сказать: “Не получается мумия! Извините! Не в пустыне! Климат не тот! Отнюдь!” И все! Страна, может, половину беды не знала б...

Говорят же, не будет в доме порядка, пока мертвец не закопан. Да хрен с ней, со страной! Я за дочку прошу, Сергей Петрович! Погибнет ведь! Хотите на колени встану?!

С грохотом падает на колени.

Бурановский. Да прекратите вы! От черт, напился-то как... Ну, поймите, не могу... Там же в мавзолее — контроль.

Зуиков (*жалобно*). Волосок всего...

Бурановский. И волоска не возьмешь. Строжайшая охрана.

Зуиков. Весь народ что-то с работы таскает, а вы не можете? Волосок!.. И отпоем поминальную молитву рабу Божьему Владимиру!

Бурановский. Хватит! Замолчите! Все равно сейчас это пьяный и бессмысленный разговор. Позвоните мне в Москве домой, подумаю, что можно сделать... Полная чушь и язычество, но раз это для вас так важно...

Зуиков. Важнее жизни!

Бурановский (*передразнивая*). “Жизни...” Не люблю этих разговоров по пьяному делу. Позвоните в Москву через пару дней.

Зуиков. Телефончик скажете?

Бурановский. Записывайте: четыреста сорок три — двадцать один... Чего не пишете?

Зуиков. Ваш телефон домашний, Сергей Петрович, я знаю... И никакой он не четыреста сорок три, а с двести двадцать девять начинается...

Бурановский (*чуть смущенно*). Если знаете, зачем спрашивали?

З у й к о в. Хотел понять, верите ли вы мне?! Ждать нам с Машей от вас помощи? Оказалось — нет! Ну и правильно! Каждый сам свою жизнь исправляй! Поэт какой-то сказал: они, мол, любить умеют только мертвых! Мертвых так мертвых, и на том спасибо! *(Дергает дверь купе.)*

Б у р а н о в с к и й. Подожди, Зуйков! Зря обижаешься... Я просто хочу, чтоб в любой бессмыслице был хоть какой-то смысл. Ну при чем тут “волосок”? Что дадут эти символические похороны? В конце концов, Ильича частично захоронили тогда, в двадцать четвертом году... Вскрытие было, часть тела забальзамировали, часть предали земле...

З у й к о в. Без отпевания?

Б у р а н о в с к и й. Было и отпевание... Он ведь все-таки крещен был, Володя Ульянов. Говорят, отпевал священник из Елоховской церкви... Но потом он, конечно, исчез в подвалах ЧЕКА... Как и другие свидетели... Похороны вождей — это как стихийное бедствие, всегда невинных в воронку затягивает... Так уж повелось со времен фараонов. Поэтому советую: забудь и откажись... Это ведь все опасная игра с дьяволом. Ты не видел случайно такой фильм — “Экзерсис” называется?

З у й к о в. Нет.

Б у р а н о в с к и й. Занятный фильм... Тоже, конечно, выдумка, но хоть логично и впечатляюще. Там в девочку вселился дьявол. И пришел священник изгонять его... Читал над ней молитвы, крестным знаменем осенял. Девочка страдала, но дьявол не оставлял ее... И тогда священник, отчаявшись, заложил дьяволу собственную душу во спасение ребенка... “Оставь ее душу, дьявол, возьми мою!”

З у й к о в. И что?

Б у р а н о в с к и й. И отпустил дьявол девочку, и вселился в священника... А тот взял да и выбросился из окна...

З у й к о в. Зачем?

Б у р а н о в с к и й. Затем, чтоб доказать, что человек всегда сильнее дьявола... Это раба по капле из себя выдавливать можно, а дьявола надо сразу... Одним ударом. Любопытный фильм... В видеотеках есть...

З у й к о в. Посмотрю... Как, говорите, он просил: “Оставь ее душу, возьми мою”?

Б у р а н о в с к и й. Что-то в этом роде... Впрочем, я, естественно, это рассказал не как пример для подражания, а просто как повод для размышлений...

З у й к о в. Я и размышляю.

Б у р а н о в с к и й. Вот и молодец! А сейчас, друг мой Вова, давайте соснем чуток. Одурел я от наших оккультных бесед.

З у й к о в. Извините. Я вам мешать не буду...

Звук открываемой двери.

Б у р а н о в с к и й. Куда вы?

З у й к о в. Пойду покурю.

Бурановский. Бог с вами... Курите здесь...
Зуйков. Не... По мелочам не люблю одалживаться. Отнюдь!..

Закрывает дверь купе.

Стук колес нарастает, переходя в тревожную музыку.
На ее фоне начинает ровно и монотонно звучать голос Бурановского.

Голос Бурановского. Я, Бурановский Сергей Петрович, в своих свидетельских показаниях следствию по поводу случившегося могу сообщить следующее. Пятнадцатого июля сего года в мое купе на место номер тринадцать вагона номер три поезда "Петербург — Москва" сел неизвестный мне мужчина высокого роста, назвавшийся впоследствии Владимиром Зуйковым. Предложил мне по-соседски выпить пива и поговорить, от чего я отказался в виду усталости, после чего крепко заснул. Утром, проснувшись, в своем купе гражданина, назвавшегося Зуйковым Владимиром, я не обнаружил. О том, что кто-то выпрыгнул с поезда на полном ходу, я не знал до данного момента, когда даю эти показания. Причины, побудившие гражданина Зуйкова совершить этот поступок, мне отнюдь не известны...

Голос священника (*заканчивает читать поминальную молитву*). Помилуй нас Боже, по велицей милости Твоей, молим Ти ся, услыши и помилуй... Еще молимся о упокоении души усопшего раба Божия Владимира, и о еже простится ему всякому прегрешению, вольному же и невольному...

Звук закрываемого гроба.

Музыка.

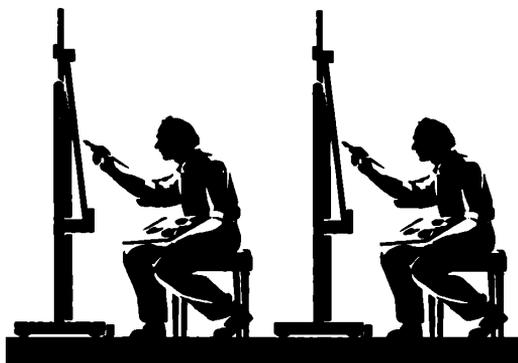
Бой курантов.

Четкий размеренный шаг почетного караула.

Москва 1992 г.

СОЛО ДЛЯ ДУЭТА

От соавтора:

Что делать, если хорошая мысль приходит в головы двум людям одновременно? Можно сразу, словно Бобчинский и Добчинский, долго толкаться, хватать друг друга за руки и выяснять, кто первым сказал “Э!..”

А можно протянуть руку для рукопожатия и стать соавторами.

Впрочем, тут одних рук мало. Надо, чтоб совпали взгляды и чувства... Главное из них — чувство юмора! Особенно когда сочиняешь комедию... Если надо объяснять и доказывать, что смешно, что не смешно, то совместная работа превращается в каторжную, а соавтор — в сокамерника...

Мне повезло. Моими соавторами в разные годы становились люди очень талантливые, доброжелательные и остроумные: Аркадий Арканов, Владимир Войнович, Эльдар Рязанов.

Работалось легко и весело... В результате появились две пьесы и один кинофильм на телевидении. Успех делили поровну. На премьерах каждый выталкивал своего коллегу вперед, демонстрируя собственную скромность и бескорыстность.

С согласия своих бывших соавторов я включил наши совместные работы в свой двухтомник.

Им разрешаю сделать то же самое, когда они будут издавать свои книги...

Не знаю, будем ли мы еще когда-то работать вместе, но самое приятное, что, перестав быть соавторами, мы не перестали быть друзьями...

МАЛЕНЬКИЕ КОМЕДИИ
БОЛЬШОГО ДОМА,

*написанные совместно с
Аркадием Аркановым*

СМОТРОВОЙ ОРДЕР

Оптимистическая комедия

Действующие лица

Ивановы:

Татьяна Ивановна, 60 лет.

Виктор — ее сын, 25 лет.

Надя — его жена, 22 года.

Ивановы:

Анна Серафимовна, 60 лет.

Валентин — ее сын, 40 лет.

Юля — невеста Валентина, 28 лет.

Стандартная двухкомнатная малогабаритная квартира. Две смежно-изолированные комнаты, кухня, балкончик. В квартире сейчас ералаш, который бывает тогда, когда жильцы собираются переезжать на новое место, — в комнатах стоят узлы, тюки, чемоданы, связка книг. Здесь же — клетки с птицами, аквариум и много цветов в горшках. Появляется Татьяна Ивановна с детской коляской.

Татьяна Ивановна (*качая коляску*). Ну... Ну... Андрюшенька!.. Ну хватит! Поверещали — и хватит... (*Сует ребенку соску.*) ...Ну вот и молодец... Передохни! Бабушке сейчас не до тебя... (*Кричит в соседнюю комнату.*) Витя! Что ж ты книги-то до сих пор не связал?!

Из соседней комнаты появляется В и к т о р с коляской.

В и к т о р (*качая коляску*). Успею еще... У меня вон Андрюшка не спит! (*Качает коляску*.) Вроде и сухой, а ерзает... (*Ребенку*.) Спи, тебе говорят! Андрюха!.. (*Сует ему соску*.)

Т а т ь я н а И в а н о в н а (*отнимая соску*). У тебя не Андрюшка, а Мишка... Андрюшка у меня... (*Кричит в сторону кухни*.) Надя, дай-ка нам чистую соску...

Из кухни появляется Н а д я с третьей коляской.

Н а д я. Иду, иду... Слава богу, Андрюшка, наконец, заснул... (*Заглянув в коляску, мужу*.) А Машенька до сих пор не спит?

В и к т о р. Какая Машенька? Что вы все путаете?! Ведь ясно же определили: у Андрюшки — родинка на попе, а у Машки и у Мишки — нет...

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Машеньку от Андрюшки и без родинки отличишь. А братьев тоже ни к чему каждый раз распеленывать. Можно и по выражению лица разобраться. У Андрюшки глаза поумнее. Мои глаза. (*Сыну*.) А у Мишки — твои... Тоже хорошие! Вот, присмотришься...

Н а д я. Некогда сейчас, Татьяна Ивановна! Машина скоро придет, а у нас половина вещей не собрана! (*Мужу*.) Ты насчет пеленок дозволился?

В и к т о р. Занято там у них вечно! (*Подошел к телефону, набрал номер*.) Алло! Это пункт проката? Здравствуйте... Это говорит Иванов с Большой Черкизовской... У нас там заказаны пеленки... Сто восемьдесят штук... Почему много?.. Нормально!.. Да, здоровый ребенок... Просто их трое... Тройня, понимаете? Да, спасибо! И вам того же... Так вот, пеленки теперь надо возить по новому адресу: Чертаново, Кировоградская улица, дом сто девятнадцать, квартира триста девяносто два. Да-да, спасибо! (*Вешает трубку*.)

Н а д я. Ну вот и хорошо... А теперь вывози ребят на балкон, нам здесь надо все собрать, да еще пол помыть.

В и к т о р (*вывозя коляски*). Чего мыть-то? Все равно съезжаем.

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Правильно Надя говорит. Нечего грязь людям оставлять.

Виктор выкатывает коляски. Татьяна Ивановна связывает книги.

Надя начинает уборку.

Н а д я. Ох, две комнаты пока уберешь — семь потов сойдет, а в новой что делать будем?

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Управимся! Я всегда мечтала в большой квартире жить. Чтоб человек сто в гости могло прийти и еще место оставалось... Такое новоселье оттрохаем!..

Н а д я. Новоселье не сразу, Татьяна Ивановна! Разберемся, обставимся...

Татьяна Ивановна. А я говорю — сразу! Новоселье за-
мешь — счастья не найдешь!.. Эта примета верная... И вообще, к слову
сказать, не по-людски мы сегодня въезжаем, не по-русски... когда в но-
вый дом въезжаешь, впереди себя положено кошку пускать...

На д я. Предрассудки!

Татьяна Ивановна. Конечно, предрассудки, а все-таки с кош-
кой... спокойнее... Надь! Ты б сходила к Егоровым во второй подъезд,
одождала б у них кошку...

На д я. Ну вот, сейчас время только кошку одалживать... *(Продол-
жает подметать.)*

Татьяна Ивановна связывает книги. Звонок. Татьяна Ивановна открывает
дверь. Появляется Анна Серафимовна, за ней робко входят
Валентин и Юля.

Анна Серафимовна *(оглядываясь)*. Что у вас дверь такая
обшарпанная?

Татьяна Ивановна. Чего дверь?

Анна Серафимовна *(оглядываясь)*. И обои ободраны...

Татьяна Ивановна. Здравствуйте! А вы, собственно, кто такие?

Анна Серафимовна. У нас смотровой ордер! *(Достает из
сумочки ордер.)* Здравствуйте! Ознакомьтесь, пожалуйста.

Татьяна Ивановна. А! Ну давайте знакомиться... Татьяна
Ивановна Иванова.

Анна Серафимовна *(протягивая руку)*. Иванова Анна Се-
рафимовна.

Татьяна Ивановна. О! Так мы однофамильцы!

Анна Серафимовна. Ну какие мы однофамильцы? Вы —
Ивановы, мы — Ивановы...

Татьяна Ивановна. Все равно удобно. Табличку на дверях
менять не надо.

Анна Серафимовна. Ну это уж мы разберемся...

Татьяна Ивановна. Да вы проходите, смотрите... Вы одна
тут или с семьей жить будете?

Анна Серафимовна. Я вообще тут не буду. Это моему сыну
вашу квартиру предложили...

Валентин *(представляясь)*. Валентин.

Татьяна Ивановна. Имя-то какое хорошее. У меня второй
сын — Валентин. А это, стало быть, ваша жена?

Валентин. Невеста.

Анна Серафимовна. Пока что подали заявление...

Татьяна Ивановна. Раз подали, значит, считай, жена!

Анна Серафимовна *(желая перейти к делу)*. Валентин, тебе
не кажется, что коридор узковат?

Валентин. Нет, мама, вроде бы ничего... Ты как считаешь, Юля?

Ю ля. По-моему, хорошо, Валюша.

Анна Серафимовна. Что ж здесь хорошего?!

Татьяна Ивановна. Нормальный коридор. *(Анне Серафимовне.)* Вы, конечно, женщина фигуристая, вам он тесноват будет, а им-то — в самый раз...

Все проходят в комнату.

Анна Серафимовна *(оглядываясь)*. Это, стало быть, основная комната... Неужели здесь восемнадцать метров? Непохоже...

Татьяна Ивановна. Восемнадцать! Мы как въехали было восемнадцать, так восемнадцать и оставляем... *(Невестке.)* Надя! Познакомься, это Иванóвы, они здесь жить будут...

Анна Серафимовна *(поправляя)*. Иванóвы!

Надя. Здравствуйте! Пожалуйста, проходите... Извините нас, тут мы...

Анна Серафимовна *(перебивая)*. Ничего, ничего... Вы нам не мешаете...

Татьяна Ивановна. Надя, моя невестка...

Анна Серафимовна *(подойдя к окну)*. Они говорили — зеленый район, а я что-то зелени не вижу...

Татьяна Ивановна. Так зима ведь... Зимой какая зелень?

Анна Серафимовна. Все равно. Я ожидала большего...

Надя. Район у нас отличный. “Кулинария” в доме, фотография...

Анна Серафимовна *(иронично)*. Это большое достоинство!

Татьяна Ивановна. Надюша, давай не будем мешать людям... Им жить — им и смотреть... *(Тихо.)* А ты бы сходила к Егоровым... Одолжи кота, сделай милость...

Надя. Ох, мама, вы уж как что заберете в голову...

Татьяна Ивановна. Сходи, сходи...

Надя уходит. Иванóвы продолжают осмотр квартиры.

За котом ее послала... Новоселье кот должен открывать.

Анна Серафимовна. У вас здесь мыши?

Татьяна Ивановна. Да нет. Примета такая есть.

Анна Серафимовна *(сыну)*. Валентин, если ты дашь согласиe, то надо как-то решать вопрос ремонта... Не знаю уж, за счет жэка или бывших хозяев...

Входит Виктор.

Татьяна Ивановна *(гостям)*. А это мой младший — Виктор. *(Сыну.)* Витя, эти товарищи здесь жить будут после нас...

Виктор. Очень приятно. Квартира отличная... И район прекрасный... *(Валентину.)* Тут стадион “Локомотив” рядом...

Валентин *(соглашаясь)*. Да. “Мо-лодцы, мо-лодцы...”

Татьяна Ивановна. Ну смотрите, смотрите, не будем мешать... *(Уходит, уводит с собой Виктора.)*

Анна Серафимовна. Валентин, я тебя не понимаю... Что ты так инертен? Может быть, ты уже решил, тогда зачем я хожу, смотрю?..

Валентин. Мама, по-моему, неплохая квартира. Главное — все отдельно. Верно, Юля?

Юля. Да-да, верно, Валюша.

Анна Серафимовна. Юле все нравится. Липь бы в Москве...

Юля. Я могу уехать...

Валентин. Мама, я прошу тебя...

Входит Татьяна Ивановна с чайником, за ней — Виктор, несет поднос с чашками.

Татьяна Ивановна. Согрейтесь чайком! *(Разливает чай.)* Извините, чашки старые, сервиз немецкий мы уже упаковали...

Анна Серафимовна. Ну зачем беспокоиться?.. *(Снимает пальто, пьет чай.)* Вы так стараетесь, словно заинтересованы в том, чтоб кто-нибудь поскорее въехал в эту квартиру.

Татьяна Ивановна. Да нам-то какая разница?.. Просто приятно, чтоб и после тебя хорошие люди поселились. А вы мне сразу понравились...

Анна Серафимовна. А вас, если не секрет, куда выселяют?

Татьяна Ивановна. В Чертаново.

Анна Серафимовна. Далековато...

Татьяна Ивановна. От метро автобусом рядом... Зато район тоже зеленый... И квартира четырехкомнатная.

Анна Серафимовна. Это вам дали такую квартиру?

Татьяна Ивановна. Не мне, сыну.

Анна Серафимовна. О! Поздравляю! Как вас зовут, вы сказали...

Виктор. Витя...

Анна Серафимовна. Поздравляю вас, Витя. Вы кто же по профессии?

Виктор. Фрезеровщик.

Анна Серафимовна. Депутат?

Виктор. Нет. Просто фрезеровщик.

Анна Серафимовна. Что значит “просто”? С каких это пор фрезеровщикам стали давать четырехкомнатные квартиры?

Виктор. В общем-то, дали не мне... Ребятишкам дали.

Татьяна Ивановна. Тройню мы родили!

Виктор. А как родили, я-то сам в роддом к Надьке побежал, а мне в цех из Моссовета звонят, пусть, говорят, Иванов приходит за ордером...

Анна Серафимовна. Подумать только — тройня!

Татьяна Ивановна. У нас, Ивановых, это традиция! Весь род такой... У матери моей двойня была, у меня — близнецы. К нам ученый из журнала приезжал, гены, говорит, у вас особенные и хромосомы...

Виктор. Ну, мам, я тоже парень ничего.

Татьяна Ивановна. А я разве что говорю? Витька у нас молодец. В школе на пятерки учился. В армии — отличник боевой и политической подготовки... Сфотографирован на фоне знамени. Спортсмен, второй разряд по лыжам...

Анна Серафимовна (сыну). Ты слушай и запоминай.

Валентин (с улыбкой). Я на лыжах тоже хожу.

Анна Серафимовна. Значит, не так ходишь!

Юля. А нельзя их посмотреть? Никогда не видела тройню...

Виктор. Пойдем покажу.

Виктор, Валентин и Юля уходят на балкон.

Анна Серафимовна. Сколько вашему Виктору?

Татьяна Ивановна. Двадцать пять.

Анна Серафимовна. Подумать только, двадцать пять лет — и уже отец троих детей, а моему — почти сорок, а он еще сам дитя...

Татьяна Ивановна. Выглядит он совсем как взрослый.

Анна Серафимовна. Он такой ранимый, такой доверчивый... Бери его голыми руками и делай что хочешь...

Татьяна Ивановна. Вот женится — переменится...

Анна Серафимовна. Об этом и речь! Куда ему жениться, у него кандидатская на носу... А тут — Юля! Вызвали ее из Тюмени, она и рада... Вы поймите меня, Татьяна Ивановна, я — современная женщина, я не говорю, что она ему не пара, это их дело... Задумал жениться — женись, но не наспех...

Татьяна Ивановна. Наспех нехорошо. Это я не одобряю. А то ведь как бывает — в парке поженились, на свадьбе познакомились...

Анна Серафимовна. В каком парке? Он ее десять лет знает...

Татьяна Ивановна. Десять — это хорошо...

Анна Серафимовна. Что ж хорошего... Десять лет думал, а теперь все — в один день...

Татьяна Ивановна. В один день не годится...

Анна Серафимовна. Но и тянуть сейчас нельзя...

Татьяна Ивановна. Да уж куда больше тянуть...

Анна Серафимовна. Ах, вы меня не понимаете...

Татьяна Ивановна. Это верно. Не понимаю...

Анна Серафимовна. Сейчас объясню: Валентину, как специалисту, предприятие предоставляет квартиру... Однокомнатную. Но если у него семья, он имеет право претендовать на большее... Вот мы и подали заявление в загс на двухкомнатную... И сейчас все решается. Если он скажет “да”, значит, полное “да”...

Татьяна Ивановна. Я не пойму, она ему нравится или не нравится?

Анна Серафимовна. Скажу честно, из того, что мы видели, — это лучшая...

Татьяна Ивановна. И мне она симпатична — тихая, приветливая...

Анна Серафимовна. Правда, мы еще не видели места общего пользования и кухню...

Татьяна Ивановна. ...И ямочка у нее симпатичная, и улыбка теплая...

Анна Серафимовна. Кстати, я не спросила самое главное: у вас ТЭЦ или газовая колонка?!

Татьяна Ивановна *(с некоторым раздражением)*. Знаете, Анна Серафимовна, мы с вами про разное говорим. Смотрите сами, решайте сами, бог вам судья!

Появляются Валентин, Юля, Виктор.

Юля. Такие славные ребятишки... Верно, Валюша?

Валентин. Замечательно! Все замечательно!.. Ты знаешь, мама, мне кажется, что здесь мне все нравится... В общем, я решил! Ты как, Юля?

Юля. Я — как ты, Валюша...

Валентин. Тогда все... Остановились. Да, мама? Ну что ж ты молчишь?

Анна Серафимовна. А что говорить. Раз решили... *(Достала платок, всхлинула)*. Мне ничего уже не надо. Лишь бы ты был счастлив...

Татьяна Ивановна. Ну вот и хорошо. И молодцы... А матери — радость...

Виктор. Поздравляю! *(Валентину)*. Здесь тебе понравится. Стадион прямо из окна виден... Сейчас там электрическое табло сделали... Красота!

Валентин *(растерянно)*. Да? Так я тогда прямо сейчас позвоню... Зафиксирую свое согласие... А, мама?.. *(Подходит к телефону, набирает номер)*. Алло! Анатолий Григорьевич?.. Это Иванов говорит. В общем, мы посмотрели, нас это, в принципе, устраивает... Можете записать ее за нами... Что?.. Это точно?.. Ага... Понятно. Анатолий Григорьевич, я тогда с мамой посоветуюсь и вам перезвоню... Спасибо. *(Кладет трубку)*. Интересно...

Анна Серафимовна. Что еще? Они начинают крутить?.. Пусть попробуют!

Валентин. Нет, мама... Понимаешь... Он проконсультировался насчет того дела... Помнишь, я тебе говорил... В общем, в случае удачной защиты диссертации... Я, как кандидат, буду иметь право на дополнительную площадь.

Анна Серафимовна. Ах, так... Это же меняет дело... *(С деланной улыбкой)*. Какие мы неопытные люди... Не посоветовавшись с

юристом, бежим, бросаемся с головой в омут... Но тогда все прекрасно! Нет никакой торопешки... Имеет смысл подождать! Юленька возвращается в Тюмень, мы здесь все окончательно уясним, напишем... И в случае чего — Юленька подъедет... По-моему, я права?

В а л е н т и н. Да?.. Ты как считаешь, Юля?

Ю л я (*сдерживаясь*). Да, Валюша. Анна Серафимовна права! (*Выбегает, хлопнув дверью.*)

Неловкая пауза.

А н н а С е р а ф и м о в н а. Вот вам и характер! Устраивать сцены при посторонних людях...

Т а т ь я н а И в а н о в н а (*решительно*). Ну вот что я скажу: и вы ступайте отсюда!

А н н а С е р а ф и м о в н а. То есть как?

Т а т ь я н а И в а н о в н а. А вот так! Ножками-ножками... Нечего вам тут делать... Давайте отсюда!

А н н а С е р а ф и м о в н а. Вы не командуйте! У нас — смотровой ордер!

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Посмотрели?.. Вы посмотрели. Хватит! Витя, проводи гостей!

В а л е н т и н. Пойдем, мама...

Анна Серафимовна и Валентин уходят.

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Вот, Витя, ежели я когда такой стану — души меня собственными руками!

Входит Н а д я, вводит заплаканную Ю л ю.

Н а д я (*Юле*). Ну, хватит! Успокойся... Да входи, входи... (*Татьяне Ивановне*.) Подхожу к подъезду, а она стоит у дерева и плачет. Спрашиваю — ревет... Что у вас случилось-то?

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Это долго рассказывать... (*Юле*.) Заходи, деточка, садись...

Ю л я. Нет-нет, я пойду...

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Пойдешь, пойдешь... Отойди сначала...

Н а д я. Не отпускайте ее в таком состоянии. (*Идет к двери.*)

Т а т ь я н а И в а н о в н а. А ты куда?

Н а д я. Да все с вашим котом... Нет у Егоровых кота, к какой-то кошечке его отвезли... Теперь мальчишки со двора сказали, что в третьем корпусе есть котенок приبلудный... Обещали принести... (*Убегает.*)

Т а т ь я н а И в а н о в н а (*Юле*). Посиди, отдышись... Чайку попей.

Ю л я. Нет-нет, мне сидеть некогда... Мне на аэродром надо...

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Успеешь на аэродром. Вон бледная какая.

Ю л я. Голова закружилась... Сейчас пройдет... пройдет.

Татьяна Ивановна (*подозрительно посмотрев на нее, сыну*). Витя, пойдика ребят посмотри...

Витя. Спят они.

Татьяна Ивановна. А я говорю: посмотри!..

Виктор выходит.

(*Подсаживается к Юле.*) Слушай, доченька, а ты не... того... этого?

Юля молча кивнула головой.

Татьяна Ивановна (*обрадованна*). Ах, умница! Так что ты плачешь, дура? Радость-то какая!.. А он — что?

Юля. Он ничего не знает...

Татьяна Ивановна. Все равно реветь не надо! Может, это и к лучшему...

Открывается входная дверь, входит Анна Серафимовна.

Из соседней комнаты выходит Виктор.

Анна Серафимовна. Ну, вот что! Эта квартира уже не ваша, и вы не имеете права мне препятствовать... Я хочу посмотреть кухню и ванную... На всякий случай!

Татьяна Ивановна. Вот вы пожилая женщина... Вроде неглупая. Мать! А суетитесь бог знает из-за чего... Даже не подозреваете, что скоро станете бабушкой...

Анна Серафимовна. Я? Бабушкой? (*Поняла в чем дело, бросается к Юле.*) Юленька? Это правда? Что же ты молчала, глупышка? Как же так можно? Неужели я должна узнавать это от посторонних людей? (*Бросается к двери, кричит.*) Валентин!

В дверях появляется Валентин. Анна Серафимовна что-то шепчет ему на ухо.

Валентин (*огорошен и обрадован*). Как же так? Юленька!.. Извини... Я не хотел... Как это здорово! Да, мама?

Анна Серафимовна. Что ты стоишь? Подойди к ней. Обними! (*Татьяне Ивановне.*) Я вам говорила, что он сам еще ребенок...

Виктор. Ребенок что надо!

Валентин подходит к Юле, кладет ей руку на плечо.

Татьяна Ивановна. Ну вот и славно! Вот и по-людски... Вот и хорошо!

Анна Серафимовна. Еще бы! Ведь теперь... Ведь теперь все меняется: Валентин возьмет справку о кандидатской, Юленька возьмет свою справку, и мы с полным правом ставим вопрос о трехкомнатной квартире!

Юля. Уйдите отсюда, Анна Серафимовна!

Валентин. Ну как ты можешь, Юля?

Юля. И ты уходи!

Анна Серафимовна. Ах, так? Она нас уже гонит... Что же будет дальше?

Валентин. Мама...

Анна Серафимовна. Мы еще посмотрим! Еще надо посчитать... *(Подсчитывает.)* Валентин, когда ты последний раз был в Тюмени?..

Виктор *(решительно)*. Так! Может, это, конечно, и не мое дело... Но я вот что скажу... Чтоб через секунду я вас здесь не видел: и тебя, мальчик, и маму твою!

Хлопнув дверью, Валентин и Анна Серафимовна уходят.

Виктор *(подходит к Юле)*. Вы меня, конечно, Юля, извините, но не мог я...

Юля. Нет-нет. Все правильно! Все к лучшему... Я вернусь в Тюмень. Все улажу... Это сейчас просто...

Татьяна Ивановна *(подозрительно)*. Что — “просто”? Ты что это, девка, уладить надумала?! Только посмей!

Юля *(в отчаянии)*. А зачем ему рождаться?

Татьяна Ивановна. А это не твое дело!.. Тебе природа такое счастье отпустила — матерью сделала... Другие женщины богу молятся, к профессорам ходят, а у тебя все хорошо: молодая здоровая сибирячка... Рожай да радуйся!.. Подумаешь, Валюша ушел... Черт с ним, с Валюшей, раз он ушел! Одного легче нянчить, чем двоих!.. Не прокормишь, что ли? Прокормишь! Не вырастишь? Вырастишь... И человеком он будет, а не размазней, как папа... Ишь, как быстро приговорила: все улажу! Ты комсомолка? Так будь добра, государству рождаемость не снижай!.. И так мужиков не хватает. Нам воины нужны, ученые, чемпионы мира по шахматам!..

Юля *(с улыбкой)*. А вдруг девочка?..

Татьяна Ивановна. Тем лучше! Значит, еще одна мать появится! Через нас, женщин, природа вперед произрастает... Да что я тебя учу? Ты, поди, грамотней меня! Я про себя скажу... У меня много — немного, а семеро детей... Я когда шестого родила, мне доктор говорит: “Татьяна Ивановна, хватит! Остановись!” А я думаю: хватит, не хватит — там видно будет... И вот пожалуйста, Витька мне теперь за это спасибо говорит! А ему уже трое благодарны... А тем троим — девять... А там еще! Понимаешь ли ты, глупая, что эта таблица умножения сейчас — вся в тебе?

Юля *(плача)*. Что вы на меня кричите?

Татьяна Ивановна. Я не кричу. Я тебе популярно объясняю, какая ты на самом деле счастливая... *(Тихо.)* Поплачь, заплачь! Полегчает...

За окном — гудок машины.

Виктор. Мама, приехали...

Гудок повторяется.

Слышь, мама, машина пришла.

Татьяна Ивановна. Ну и хорошо!.. Витя, давай коляски выкатывай...

Виктор проходит на балкон.

Юля (*поднимаясь*). Спасибо, Татьяна Ивановна, спасибо... До свидания.

Татьяна Ивановна. Ты куда?

Юля. Надо на аэровокзал... Насчет билета узнать. Или, может, сразу в Домодедово?..

Татьяна Ивановна. Вот что, никуда ты сейчас не поедешь, а если и поедешь, то с нами. Поживешь, успокоишься, подумаешь... А там решим.

Юля. Что вы... У вас свои заботы, а мне...

Татьяна Ивановна (*перебивая*). Говори-говори, все равно не слушаю... Бери вон ту сумку, которая полегче, и тащи в машину... (*Кричит.*) Витя, что копаешься?

В дверях появляется Надя.

А тебя где носит?

Надя. Все с котом вашим...

Татьяна Ивановна. Шут с ним, с котом. Машина пришла! (*Увидев, что Надя держит что-то в руках.*) Достала?

Надя. Щенок.

Татьяна Ивановна. Это еще зачем?!

Надя. Мальчишки принесли... Говорили — котенок, а принесли щенка... Куда ему теперь деваться?

Татьяна Ивановна. А, ладно, щенок так щенок!.. Собака — тоже друг человека! Пошли!

Виктор выкатывает коляски. Каждый берет по коляске, клетки с птицами, аквариум и т. д. Вся эта процессия, с писком, плачем, лаем и чириканьем, торжественно двигается к выходу. Последней идет Татьяна Ивановна.

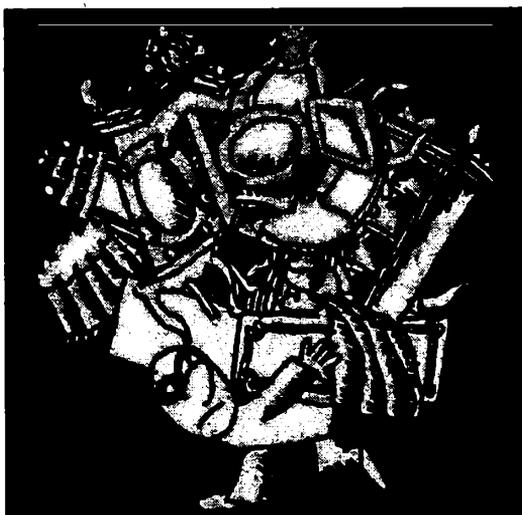
Эй! Рота! Веселей шагай!.. Ох, и люблю я эти переезды — страсть!

Телефонный звонок.

Алло! Да, Ивановы!.. Чего, пеленки?.. Да-да, переводим заказ на Чертаново... Все точно... Э, девушка, постой-ка... Там у нас — сто семьдесят?.. Так ты знаешь?.. Декабрь, январь, февраль... В общем, с мая нам по двести сорок надо... На всякий случай!.. (*Уходит.*)

ГРАБЕЖ

Фарс

Действующие лица

Муж.

Жена.

Грабитель.

Пособники грабителя.

Современная однокомнатная квартира, обставленная, вернее, заставленная большим количеством предметов. Посреди комнаты — большой стол со стульями и креслами в чехлах, здесь же — две двухспальные кровати, составленные вместе, справа — громадный платяной шкаф, рядом с ним — сервант-горка, за ним — трельяж, возле него — несколько пуфиков. Везде — большое количество ламп “под старину”, с громадными абажурами; сверху спускается огромная чешская хрустальная люстра.

На подоконнике появляется грабитель. В одной руке — чемоданчик, в другой — пистолет. Отглядевшись, он спрыгивает с подоконника. В это время из кухни раздаются голоса, грабитель поспешно бросается к окну, спотыкается о пуфик, падает, быстро уползает под кровать. Из кухни входят муж и жена.

Ж е н а. Я тебя всегда прошу: опускай летом жалюзи. Мебель выгорает! *(Подходит к окну, дергает какой-то шнур — опускаются тяжёлые пластмассовые жалюзи, дергает за другой шнур — задвигаются шторы.)*

М у ж. Но так темно и душно.

Ж е н а. Ты же собирался уходить.

М у ж. Я бы давно ушел, но я не знаю, где моя бритва.

Ж е н а. Там, где всегда, — трельяж, средняя тумба, нижнее отделение, вторая полка, справа. Пора бы запомнить...

М у ж. Я помню. *(Обходит стол, проходит мимо шкафа, поворачивает, идет между столом и кроватями, спотыкается о пуфик, огибают кресло и большой телевизор и подходит к стоящей в углу, рядом с окном горке.)*

Ж е н а. Тебе сказано — трельяж.

М у ж. А это — что?

Ж е н а. А это горка.

М у ж. Я думал, что вон та штукавина — горка.

Ж е н а. Это не горка, а канапе.

М у ж. Ты же продала канапе?

Ж е н а. Я продала козетку, а купила канапе. Для чего я все это покупаю, если ты даже не можешь запомнить? Вот там — трельяж, в углу, рядом с секретером.

М у ж. Что левее?

Ж е н а. Левее — секретер.

М у ж. Понятно. *(Мысленно прикидывает, как пройти в противоположный угол комнаты — для этого ему нужно обогнуть телевизор, споткнуться об угол софы, зайти в кухню, чтобы обогнуть угол обеденного стола, выйти из кухни, вновь пройти мимо шкафа и резко свернуть вправо. С трудом проделав все это, он оказывается у трельяжа.)*

Ж е н а. Ой, милый, прости, пожалуйста, я вспомнила: бритва не в трельяже, а в ванной, в желтом шкафчике...

М у ж *(устало)*. Бог с ней, с бритвой. Я лучше отдохну, тем более что это вроде бы... точно кровать. *(Валится на кровать.)*

Ж е н а. Я тебе сто раз говорила — не ложись на покрывало.

Муж поспешно вскакивает.

И когда приходишь, снимай туфли в прихожей, а не бросай их где попало...

М у ж. Я это всегда и делаю.

Ж е н а. А это что? *(Показывает на туфли грабителя, торчащие из-под кровати.)*

Грабитель поспешно прячет ноги под кровать.

М у ж. Где?

Ж е н а. Не валяй дурака... Сам же задвинул туфли под кровать...

М у ж. Какие туфли? *(Сует руку под кровать, достает оттуда туфли, которые грабитель уже успел снять. Рассматривая туфли.)*
Черт знает в чем я хожу!

Ж е н а. Нормальные туфли. Только их надо чистить...

М у ж. Подметки совсем отвалились... Где щетка?

Ж е н а. Там, где должна быть, — в прихожей, на нижней полке стеллажа, четвертая дверца...

Обходя различные предметы, муж проходит в прихожую, через секунду там раздается какой-то грохот и чертыханье мужа.

Что еще?!

М у ж. Бра.

Ж е н а *(испуганно)*. Разбил?

М у ж. Поцарапал.

Ж е н а. Медведь!

М у ж. Ногу... *(Прихрамывая, появляется из прихожей.)* Эти туфли я спустил в мусоропровод! Надо совсем себя не уважать, чтобы носить такую рвань...

Ж е н а. Я чувствую, ты сегодня агрессивно настроен... Я ухожу и советую тебе пойти прогуляться...

М у ж. Всего хорошего...

Ж е н а. Может, ты меня все-таки поцелуешь?

Муж делает попытку подойти к жене, некоторое время они кружат вокруг стола, пытаясь найти кратчайшее расстояние друг к другу, наконец, они убеждаются в безуспешности этих попыток и отделяются воздушными поцелуями. Жена уходит. Муж уходит в кухню. В ту же секунду из-под кровати выбирается грабитель, бросается к окну, пытаясь раздвинуть шторы и поднять жалюзи... Дергает за один шнур — жалюзи не поднимаются, но зато полным светом зажигается люстра, дергает за другой шнур — в стене открывается бар, раздаются звуки вальса “Дунайские волны”. На кухне слышен шум, грабитель испуганно мечется по комнате, затем прячется в громадном многосекционном шкафу. Из кухни вбегает м у ж. Удивленно оглядывает комнату, проходит к окну, дергает за шнур, пытаясь погасить люстру, вместо этого выезжает дверь, закрывая выход в прихожую, дергает за другой шнур — ничего не гасится и не закрывается, но почему-то в туалете сливается вода из бачка... Муж подходит к шкафу, открывает одну из дверц, начинает искать галстук, не находит, роется в шкафу, залезает туда, в те же секунды из другой дверцы шкафа вылезает грабитель, быстро закрывает все дверцы шкафа на ключ, бежит к прихожей, натывается на закрытую дверь, мечется по комнате, замечает еще одну дверь в стене, распахивает ее и нос к носу сталкивается с мужем. Пауза.

Г р а б и т е л ь. Руки вверх!

М у ж. Это вы — руки вверх!

Грaбитель. Я первый сказал! *(Наводит пистолет.)*

Муж поднимает руки.

А ну, открой что-нибудь, чтоб я мог выйти!..

Муж с поднятыми руками проходит к окну, начинает дергать за шнуры. Неожиданно гаснет свет. Наступает полная темнота. Слышен шум борьбы, стоны. Зажигается свет. Муж стоит на столе с пистолетом в руках. Грaбителя не видно.

Муж. Эй, где ты? А ну, выходи! *(Начинает искать грaбителя, открывает дверцы шкафа, серванта, заглядывает под кровать, устало опускается в кресло.)*

В это время открывается дверь холодильника, оттуда выскакивает окоченевший грaбитель.

Руки вверх!

Грaбитель *(дрожит от холода)*. Д-да погоди ты! Д-дай согреться! X-холодильник ф-финский?

Муж. Наш.

Грaбитель. Н-научились д-делать...

Муж. Подними руки — или стреляю!

Грaбитель. Стреляй... Это — пугач! *(Идет к окну, дергает за шнур, неожиданно поднимает жалюзи.)* ...Ф-фу, наконец-то попал... *(Вскакивает на подоконник.)*

Муж. Стой! *(Бросается за ним, хватая за ноги, стаскивает с подоконника.)* Ты зачем сюда залез?

Грaбитель. Ясное дело — зачем...

Муж. А куда ты бежишь?

Грaбитель. Так провалилось дело...

Муж. Почему же провалилось? Пришел грабить — так грабь!

Грaбитель. Как так? А ты?

Муж. А что — я? Я вам не помеха...

Грaбитель. На провокацию берешь? Я начну, а ты в милицию...

Муж. Клянусь, никакой милиции...

Грaбитель *(подумав)*. Нет, здесь что-то нечисто. А я в темные дела не путаюсь... *(Идет к окну.)*

Муж *(схватив телефон, набрал номер)*. Алло! Дежурный? *(Грaбителю.)* Грaбишь или вызывать милицию?

Грaбитель. Ты что, спятил?

Муж *(в трубку)*. Алло, это милиция?

Грaбитель *(подскочив к нему, нажал на рычаг)*. Чего тебе от меня надо?

Муж. Хочу, чтобы ты ограбил мою квартиру.

Грaбитель. Зачем?

Муж. Из принципа...

Грабитель. Какой тут, к черту, принцип? В тюрьму захотел? Знаешь, как это называется? "Подстрекательство к преступлению"...

Муж. Я не подстрекаю, а прошу...

Грабитель. Тогда ты псих. Лечиться надо! Ну, посуди сам: если б ты залез ко мне в квартиру, а я б тебя застукал, выпустил бы я тебя живым?!

Муж. Ну хорошо! *(Подбегает к окну, кричит.)* Эй, товарищ! Товарищ полковник, я к вам обращаюсь... Вы не подниметесь ко мне в качестве свидетеля?

Грабитель *(бросается к мужу, оттаскивает его от окна)*. Да погоди!.. Ладно, согласен!

Муж. Другое дело. *(Высовывается в окно.)* Спасибо, товарищи, я пошутил... *(Грабителю.)* Ну?

Грабитель *(со вздохом)*. Ну, ладно... *(Надевает перчатки, натягивает на голову чулок.)* Только в случае чего — подтвердишь, что я не хотел... Я шел, ничего не трогал, увидел открытое окно, дай, думаю, залезу... А меня здесь — хватя! И дуло к виску...

Муж. Договорились.

Грабитель *(нерешительно оглядывает комнату, выбирая, с чего начать. Берет пепельницу Мужу)*. Беру... Пепельница... Красивая...

Муж *(равнодушно)*. Пожалуйста, пожалуйста. Я все равно не курю...

Грабитель *(бросает пепельницу в мешок, берет транзистор)*. Приемник. Японский. "Соня". Рублей сто...

Муж. Сто двадцать... Чаю хотите?

Грабитель *(бросает приемник в мешок, берет со стола авто-ручку)*. Ручка шариковая... Импортная... *(Покрутил в руках.)* Со стриптизом... *(Угрожающе.)* Беру?!

Муж. Да что ты все на мелочь бросаешься? Вон возьми ту лампу старинную. Амбир!

Грабитель. Сам ты вампир! *(Стаскивает с головы чулок, решительно высыпает все из мешка.)* Точка! Пускай мне высшую меру дают, а только я грабить отказываюсь!

Муж *(раздосадованно)*. Опять двадцать пять...

Грабитель. Я все понял. Ты — жулик! Наворовался, наспекулировал, а на меня списать хочешь?!

Муж *(печально)*. Ничего ты не понял...

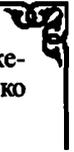
Грабитель. Все понял... Я тебя, субчика, насквозь вижу... Небось, квасом в ларьке торгуешь, а живешь, как Ротшильд.

Муж. Неужели я похож на Ротшильда?

Грабитель. А откуда у тебя ручка с голыми бабами?

Муж. Да инженер я.

Грабитель. Ха-ха! Знаю я, как инженеры живут...

Му ж. Клянусь, инженер! На заводе работаю... И жена — инженер. И все, что ты здесь видишь, куплено на заработанные деньги... Только я уже этого видеть не могу!

Гра б и т е л ь. А на кой же покупал?

Му ж. Слабый я, понимаешь? Вялый... Тряпка! Жена это любит, а я — ее! Вот так и живем.

Гра б и т е л ь. С жиру беситесь.

Му ж. С какого жиру?! Экономим, отказываем себе во всем... Мне диссертацию надо защитить, а я вечерами подхалтуриваю... студентам чертежи делаю. Трешник за лист! И все для чего?! Чтоб какое-нибудь старинное блюдо купить... *(Показывает на стену.)* А это вовсе и не блюдо, а таз. В нем в восемнадцатом веке ноги мыли, а мы его, в двадцатом, — на стену вешаем!.. А выкинуть все это к чертовой бабушке смелости не хватает... Слабый я... вялый... Товарищ грабитель, вас ко мне сама судьба послала. Заберите все! Ничего не оставляйте! Подсвечники, лафитники всякие, поставцы дурацкие... И мебель!! Мебель не падите! Эти пуфики...

Гра б и т е л ь *(потирая ушибленную ногу)*. Пуфик — это точно!

Му ж. А канapé?! Вон оно — зараза! Прошлым летом собрались наконец в Гагру, в отпуск, а вместо этого — полетели в Ленинград и все деньги в это канapé ухнули! Оно, видишь ли, из старинной усадьбы, в его клопах дворянская кровь течет!

Гра б и т е л ь. А усовестить ее не пробовал?

Му ж. Да как ее усовестить...

Гра б и т е л ь. Как, как... Мол, так и так, имей совесть!

Му ж *(печально)*. Пробовал...

Гра б и т е л ь. А бить?

Му ж *(со вздохом)*. Слабый я...

Гра б и т е л ь *(понимающе)*. Да, дело твое дрянь! Одного я только понять не могу: чего ты добьешься, если я все это вынесу?

Му ж. Не знаю... Может быть, все тогда изменится? Ограбили и ограбили, и никто не виноват... Надо начинать новую жизнь. Ведь когда мы получили эту квартиру, у нас была только раскладушка... Так мы дома меньше сидели... В театр ходили, за город ездили. Книжки читали.

Гра б и т е л ь. Ну ты тоже палку не перегибай. Что за жизнь на раскладушках? Вот у меня квартира, как у тебя, только двухкомнатная. Так мы ее обставили. У нас и кухня польская, и гарнитур рижский... на шесть персон... и телевизор у нас "Рекорд". Вот если операцию с твоей квартирой реализую, "Рекорд" на "Темп" поменяем... Жена, дети — все здоровы. Так что на меня благосостояние не давит, не жалуясь!

Му ж. У тебя получается, а у меня — нет...

Гра б и т е л ь. Ну не верю я, что все это твоя супруга из каприза делает... Она и о тебе заботится, чтоб твой кругозор увеличить. Кормит тебя, одевает...

Му ж. Одевает. Вон костюм купила... *(Бросается к шкафу, достает костюм.)* С рук купила, у дирижера...

Г р а б и т е л ь. Хороший костюм.

Му ж. Хороший? А ну, надень его! Надень, надень! Побудь в моей шкуре!

Г р а б и т е л ь *(с трудом влезая в узкий черный длиннополый пиджак)*. Э! Так это же смокинг!

Му ж. Именно. Для приемов. На работу хожу в старых брюках и нейлоновой рубашке... А в субботу, когда все нормальные люди отдыхают, я должен напяливать этот смокинг и принимать гостей...

Г р а б и т е л ь. Гости... Что же плохого?

Му ж. Это прекрасно. Но ты пришел в субботу домой. Семь часов. Ты прилег. Включил телевизор. Сейчас начинается футбол...

Г р а б и т е л ь. А кто играет?

Му ж. “Спартак”—“Торпедо”.

Г р а б и т е л ь. Интересно.

Му ж. Конечно, интересно... И вот только ты лег... Да ты ложись, ложись, не стесняйся. *(Укладывает грабителя.)* Ложись, расслабься...

Г р а б и т е л ь. Ну, расслабился...

Му ж. Так вот, теперь ты должен быстро вскочить, потому что нечего валяться на покрывале, включать телевизор, потому что и без него болит голова, и не стоять как пень, потому что сейчас придут гости... Птичкин, Сичкин и Чумичкин... Ты их знаешь?

Г р а б и т е л ь. Не...

Му ж. И я понятия не имею. Тем более их надо хорошо встретить... потому что Птичкин — известная личность, не то поэт, не то парикмахер. Сичкин — врач-дантист, а Чумичкин — неизвестно кто, полный идиот, но умеет угадывать мысли на расстоянии... *(Тормозит грабителя.)* Что ты на меня уставился?! Быстренько сбегай в магазин. Куда ты пошел, лучше открой шпроты... Боже мой, ты же еще не одет! Сними эту ужасную рубашку. Галстук! *(Повязывает втопыхах грабителя галстук, тут же развязывает его.)* Да не этот! Я же купила тебе широкий, с рыбками. *(Повязывает новый галстук.)* Кто же открывает шпроты в костюме?! Сними немедленно пиджак! *(Стаскивает с грабителя пиджак.)* Уже пришли! Открой дверь! Куда ты пошел в таком виде?! Надень пиджак! *(Надевает на грабителя пиджак.)* Подожди открывать, я же совсем раздета!.. *(Невидимым гостям.)* Здравствуйте! Здравствуйте! Как мы рады!.. Проходите, знакомьтесь... Это — мой Алик! Алик, познакомься — это Птичкины... Сними пальто с дамы!.. *(Хватает грабителя под руку, ведет его в противоположный угол комнаты, быстро тараторя.)* Ах, милый Алик, я много о вас слышал и хотел познакомиться, моя жена о вас много слышала и хотела познакомиться, ах, вы тоже о нас много слышали и хотели познакомиться, как приятно, что мы много друг о друге слышали и хотели познакомиться... *(Круто поворачивает, ве-*

дет грабителя под другую руку.) Простите, Алик, можно вас на минутку? Вы меня не знаете, но я вас знаю! Моя жена с вами из одного роддома... Ха-ха! Как вам нравится эта жара? Мне сейчас позвонил один знакомый, он слышал, в Москве — тридцать девять градусов, в Белом море — двадцать четыре, в Черном — тридцать градусов, а мне хоть бы что, у меня — тридцать шесть и шесть... Ой, что ж мы стоим? К столу! Все к столу! *(Усаживает грабителя.)* Алик, уступи кресло Степану Бенедиктовичу! Возьми себе табуретку! Ах, вам нельзя на мягком! Ладно, Алик, сиди в кресле... Передай Анне Павловне селедку! Как ты передаешь? Когда передают селедку, полагается смотреть в глаза! Да не селедке, а Анне Павловне!.. Говорите громче, я ничего не слышу! Тише, тише! Дайте сказать! Ой, вчера в Доме кино я видела “Солярис”! Вы видели, а я купил в елисеевском два кило! Нет, салями — это колбаса, а “Солярис” совсем другое! А! Тогда не “Солярис”, а “солярий”, это то, на чем загорают... Знаю, читал! А вы читали Хемингуэя? Конечно, читала! Прелестный роман, только не помню автора!.. Алик, хватит есть, включи музыку! *(Включает музыку.)* Алик, потанцуй с Анной Павловной! Руку! Выше руку! Положи выше руку! Да не на голову!.. Ой, куда же вы уходите! Еще только полтретьего... Значит, завтра опять у нас! Нет-нет, никаких “неудобно”. Прямо с утра, прошу! Значит, диета простая — берите один кокосовый орех, один фисташк и один оливк! И так — тридцать дней! Вас никто не узнаёт и вы никого не узнаете! Алик, что ж ты стоишь! Беги встречай такси! До свиданья!.. Алик, вызови еще такси!.. Ой, Сичкины забыли сумочку!.. Догони их!.. *(Толкает грабителя.)* Какой нерасторопный! Возьми это такси, догони то такси, и на том такси отвезешь Чумичкиных в Свиблово! Беги же! Куда ты бежишь? Возьми сумочку! *(Трясет грабителя.)*

Грабитель *(неожиданно орет)*. А пошла ты сама в Свиблово!.. Щас как дам этой сумочкой!

Пауза.

Муж *(печально)*. Вот... А я так не могу. Слабый я... Вялый...

Грабитель *(решительно)*. Так! Все ясно! Работать пора! *(Полез в мешок, достал лямки.)* Сейчас мы тебя облегчим... *(Примеряется к шкафу.)*

Муж. Я помогу.

Грабитель. Погоди, я своих свистну... *(Подходит к окну, свистит.)*

В комнату врываются по с о б н и к и грабителя — несколько субъектов в робах.

Забирай все, ребята!

П о с о б н и к и *(заглянув в шкаф)*. А баракло?

Муж. Бери вместе с бараклом!

Пособники грабителя лихо подхватывают мебель и вещи,
и через секунду квартира пуста.

(Оглядев пустую комнату.) Какая благодать!

Грабитель *(нерешительно)*. Хозяин, полагалось бы на бутылочку...

Муж. Конечно-конечно... *(Дает грабителю деньги.)* Спасибо вам!

Грабитель. Спасибо, хозяин. Извини, если что не так... *(Собирается уходить.)*

Муж. Постойте! Что же это за грабеж? Вы хоть свяжите меня...

Грабитель. Это можно... *(Связывает мужа лямками по рукам и ногам.)* Не давит?

Муж. Нет, спасибо. Очень удобно.

Грабитель. Ну тогда, как говорится, желаю счастья... *(Уходит.)*

Муж *(оглядевшись)*. Никогда не предполагал, что у нас такая просторная комната. *(Подпрыгал к окну.)* И сторона солнечная... И потолки высокие... Дышится легко. *(Радостно запрыгал по комнате.)* Я свободен! Ура! Начинается новая жизнь! Все прекрасно! Она все поймет! Я ее люблю, она меня любит... Времени много... Места много... Детей заведем! *(Запел.)* Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно!.. *(Ложится на пол, хватая зубами платок, как кляп и, счастливый, затишает.)*

Жена *(кричит кому-то в дверь)*. Леша! Можно вносить!

Появляются люди, в которых можно узнать пособников грабителя, приподнимают связанного мужа, относят его в угол, затем втаскивают какую-то мебель невероятных размеров, которая заполняет всю сцену.

Среди них и грабитель.

(Обращаясь к мужу.) Алик, ты только не волнуйся и не сердись!

Тебе все равно не понять! *(Показав на грабителя.)* Эти товарищи — из комиссионного магазина...

Грабитель *(мужу)*. Извини, хозяин, но я с ней с первой договорился. А вообще-то, я — на твоей стороне.

Жена *(мужу)*. Ты не дергайся! *(Показывая на новую мебель.)* Это — тринадцатый век! Настоящий мореный саксаул! И почти даром! Я все наше поставила на комиссию, и теперь мы должны каких-нибудь две тысячи. Но Сичкин говорит, что это — замковая мебель и принадлежала какому-то псу-рыцарю!

Муж *(неожиданно вскочил, вспрыгнул на подоконник, выплюнул кляп, заорал)*. Караул! Помогите! Гра-бя-ат!!! *(Безумными глазами оглядел заставленную комнату, заметил среди шнуров, висящих у окна на стене, петлю, сунул туда голову, прыгнул вниз.)*

Но ничего страшного не произошло. Муж плепнулся на пол, шнур натянулся, в стене открылась крышка бара, и зазвучала мелодичная музыка вальса “Дунайские волны...”.

СЕРЕНАДА

Маленький мюзикл

Действующие лица

Элегантный мужчина, с первого этажа.

Элегантная женщина — его жена.

Женщина с голосом, со второго этажа.

Муж женщины с голосом.

Он, с третьего этажа.

Она, с третьего этажа.

Человек с едва заметным

кавказским акцентом, с четвертого этажа.

Женщина из Тамбова — его жена.

Крепкий мужчина, с пятого этажа.

Женщина в высоких сапогах — его жена.

Музыка — главное действующее лицо, живет на всех этажах, но на каждом слышится по-своему.

Часть фасада современного дома. Пять этажей, пять лоджий, пять квартир — пять сценических площадок, расположенных одна под другой.

Вечер. Суббота.

В лоджии четвертого этажа сидит Человек с едва заметным кавказским акцентом. Впрочем, акцент сейчас совсем незаметен, поскольку он молча читает газету.

В лоджии второго этажа появляется Муж женщины с голосом, деловито начинает снимать белье с веревок, укладывает его в таз. В лоджии появляется Женщина с голосом, она — в стеганом халате, на голове — чепчик, фиксирующий прическу.

Женщина с голосом *(мужу)*. Славик, ты помнишь, что у меня завтра концерт в филармонии?

Муж женщины с голосом. Помню и непременно буду!

Женщина с голосом. Тогда я скажу на входе, чтоб тебя пропустили... *(Уходит.)*

В лоджии пятого этажа появляется Крепкий мужчина с транзистором в руках.

Крепкий мужчина *(покрутив ручку приемника, обрадованно кричит в комнату)*. Танюша, поди послушай, как он здесь работает!

В лоджию, прихрамывая, выходит Женщина в высоких сапогах.

Женщина в высоких сапогах *(робко)*. Юрик, разреши мне их все-таки снять...

Крепкий мужчина *(озабоченно)*. Жмут?

Женщина в высоких сапогах. Сил никаких нет...

Крепкий мужчина. Потерпи, старушка... Разносить надо... Походи, попрыгай. Не отдавать же!

Женщина в высоких сапогах ковыляет в комнату.

Элегантный мужчина *(появляется в лоджии первого этажа, смотрит вдаль, затем кричит, обращаясь в комнату)*. Женя, иди скорей сюда!

В лоджии появляется Элегантная женщина.

Смотри, какой интересный момент: солнце уже село, но светит оттуда, из-за горизонта...

Элегантная женщина. Удивительно красиво!

Звонок телефона.

(Проходит в комнату, снимает трубку, кричит мужу.) Это тебя...

Элегантный мужчина. Меня? *(Хочет пройти в комнату.)*

Элегантная женщина. Я принесу телефон... *(Выносит телефон в лоджию, продолжает любоваться закатом.)*

Элегантный мужчина *(в трубку)*. Алло!.. Кто?.. Здравствуйте, Анна Павловна!.. Чертежи? Разве они у меня? Минутку... *(Жене.)* Женечка, будь добра, посмотри у меня в комнате: чертежи на столе не лежат?

Элегантная женщина проходит в комнату.

(Продолжает разговор приглушенным голосом.) В чем дело, Анюта? Я же тебя просил... Я сам позвоню. Ну, конечно, завтра увидимся...

Элегантная женщина *(появляясь в лоджии)*. Там нет чертежей.

Элегантный мужчина *(жене)*. Спасибо, Женечка, извини... *(В трубку.)* Анна Павловна, у меня чертежей нет. Очевидно, в КБ... Зав-

тра выясним. Всего хорошего. *(Вешает трубку, жене.)* А теперь, смотри, все стало багровым... *(Продолжает любоваться закатом.)*

В лоджии четвертого этажа появляется Женщина из Тамбова, подтянутая, аккуратная, в переднике.

Женщина из Тамбова *(мужу)*. Тенгизик, тебе что на ужин приготовить: сырники или пудинг?

Человек с едва заметным кавказским акцентом *(отложив газету и подумав)*. Пудинг. *(Снова углубляется в газету.)*

Внезапно слышатся позывные телевизионной передачи “Кабачок тринадцать стульев”. Эти позывные производят магическое впечатление на жильцов. Все бросают свои дела и с возгласами “Кабачок! Кабачок!” устремляются в комнаты. Лоджии опустели.

Голос ведущего. Дорогие друзья! И вновь мы приглашаем вас в кабачок пана Юзефа, где никогда не смолкают сомнительные шутки и смех...

Голос пана Вотрубы. Пан директор, хорошо, что вы пришли. Я давно хотел вас спросить...

Голос пана директора. Слушаю вас, пан Вотруба.

Голос пана Вотрубы. Скажите, пан директор, а где мне взять такую песню?

Голос пана директора. Чтоб о любви и о судьбе?

Голос пана Вотрубы. Именно! Но главное, чтоб никто не догадался...

Голос пана директора. О чем?

Голос пана Вотрубы. Что эта песня о тебе! *(Смеется.)*

Голос пана директора. И чтоб никто не догадался? *(Смеется.)*

Голос пана Вотрубы. И чтоб никто не догадался, что эта песня о тебе!

Голос пана директора. Вам бы все шутить, пан Вотруба!

Голос пана Вотрубы. Конечно, шутить! Ведь мы только сейчас здесь с вами сыграли юмористическую сценку польских юмористов Пшебульского и Ковальского в переводе Радзиевского и Кошмарчика. Эта сценка так и называется: “А где мне взять такую песню?”

Голос пана директора. Чтоб о любви и о судьбе?.. *(Смеется.)*

Голос ведущего. Итак, шутка уже прозвучала в нашем кабачке. И по этому поводу очаровательная пани Моника с помощью Тома Джонса и без его разрешения споет песенку “Вечером”, что в обратном переводе означает “Естердей”...

Звучит песня. На тротуаре перед домом появляется молодой человек, с портфелем и букетом в руках. Это — Он. Подняв с земли камешек, бросает его в окно третьего этажа. В лоджии третьего этажа появляется молодая женщина. Это — Она.

О н а. Ах, это вы?

О н. Я рад, что вы узнали меня.

О н а. Кто ж еще, кроме вас, может бросать в окно бульжники?

О н. Я хотел бросить вам цветок, но не знал, дома ли вы?

О н а. Что вам нужно?

О н. Видеть вас, говорить с вами... Сегодня вечер словно бы нарочно для вас развесил голубые звезды и запретил подглядывать луне за теми, кто в аллеях парков бродит. И я решил: когда ж, как не сегодня? Когда ж, как не сегодня, я решил...

О н а. Вы — не Ромео, а я — не Джульетта!

О н. Я это знаю.

О н а. И все-таки стойте под балконом?

О н. И ничего не мог с собой поделатъ! Сегодня вечер словно бы нарочно для вас развесил голубые звезды...

О н а (*перебивая*). Я это уже слышала. И прошу вас: тише! Нас заметят!

О н. Пусть видят все! Какое наслаждение быть наконец замеченным в любви!.. Я лягу здесь у вашего балкона, как верный пес, отвергнутый хозяйкой... (*Ложится на тротуар.*)

О н а. Ах, встаньте, вы испортите костюм!

О н. Когда потеряю навсегда покой, пусть пропадает и пиджак румынский!

О н а. Мне некогда, прощайте!

О н. Нет, постойте!

О н а. Прощайте, говорю я вам! (*Хочет уйти.*)

О н (*умоляюще*). Подождите!.. Пожалуйста! Очень прошу вас. У меня для вас небольшой сюрприз. (*Лезет в портфель, достает корнет.*) Я выучил на этом инструменте всего одну мелодию простую и вот хочу сыграть ее для вас! (*Играет.*)

О н а. Прошу вас, перестаньте! Выйдут люди, и что они подумают о нас?

Он продолжает играть.

Благодарю вас за концерт! (*Бросает ему копейку.*) Прощайте! (*Уходит.*)

О н (*умоляюще*). Еще одно мгновенье! Ваш букет!.. (*Бросает букет.*)

Букет попадает в другую лоджью. Он, оглядевшись, лезет по водосточной трубе к соседней лоджии, встает на карниз. В своей лоджии появляется Ж е н щ и н а с голосом.

Ж е н щ и н а с г о л о с о м (*заметив его*). А! Что такое?

О н. Тсс!

Ж е н щ и н а с г о л о с о м (*кричит*). А-а!

Он теряет равновесие и падает. На крик выскакивают все жильцы дома.

А-а! Вор!.. Упал!.. Там!..

Жильцы бросаются вниз.

Крепкий мужчина. Живой?! (*Тормозит его.*)

Он. Да, живой! Ох, ногу не трогайте!

Элегантный мужчина (*ощупывая ногу пострадавшего*).

Здесь больно?.. А здесь?..

Она (*выбегает на балкон*). Ох, господи! Допрыгался, дурачок!
(*Бежит вниз.*)

Человек с едва заметным кавказским акцентом.

Надо “скорую помощь”!

Женщина с голосом. И милицию! Он пытался влезть вон туда...

Элегантный мужчина. Да подождите вы с милицией...
(*Всем.*) Товарищи, давайте перенесем его на лавочку... (*Креткому мужчине.*) А вы остановите какую-нибудь машину...

Жильцы поднимают его, несут за кулисы.

Она. Аккуратней, аккуратней! Ох, господи!..

Все уходят. Слышен шум подъехавшей машины. Возгласы. Машина уезжает.
Все возвращаются.

Женщина с голосом (*из лоджии*). В милицию сообщили?

Муж женщины с голосом. Успокойся, Лариса, он — не жулик. Она его знает...

Женщина с голосом. Значит, они заодно. Я видела, как он лез.

Человек с едва заметным кавказским акцентом.
Он же не к вам лез.

Женщина с голосом. Откуда я знаю... Я вышла — он там, я закричала. Кто же он, если не жулик?

Элегантный мужчина. Кто, кто... Да мало ли кто?

Женщина из Тамбова (*с грустью*). Любовник он, вот кто.
Любовник!

Женщина с голосом. Скажете тоже... Зачем любовнику лезть по карнизу?

Крепкий мужчина. Все ясно. Не лез он туда, а вылезал отсюда. Был там, застукали... Обычное дело!

Человек с едва заметным кавказским акцентом.
Варварство! Ну застал человека, ну посидели, поговорили, выяснили...
Зачем ноги ломать?

Муж женщины с голосом. Это на кого попадешь. Я бы застал — прибил бы!

Женщина с голосом (*мужу*). Славик, хватит болтать. Ты собирался гладить...

Муж женщины с голосом (*поспешно*). Иду! (*Скрывается в подъезде.*)

Все расходятся.

Голос ведущего. Итак, дорогие друзья! Наша передача подошла к концу. До следующих встреч в “Кабачке тринадцать стульев”!

Звучит заключительная песенка. Перед домом появляется Она.

Ее замечает Элегантная женщина.

Элегантная женщина. Что с этим молодым человеком?

Она. Спасибо, все не так страшно. Сделали рентген. Похоже на перелом, но есть надежда на трещину.

Элегантный мужчина (*выходя в лоджию*). Сотрясения нет?

Она. Нет. Спасибо вам большое!

Крепкий мужчина (*из лоджии*). Гражданочка, извините, а вы здесь одна живете?

Она. С мужем.

Крепкий мужчина. Я так и подумал...

Женщина из Тамбова. Домой бы надо сообщить, а то волноваться будут.

Она. Кому?

Женщина из Тамбова. Знакомому вашему... который упал.

Она. Так он здесь живет.

Крепкий мужчина. Кто?

Она. Муж.

Пауза, во время которой все жильцы выходят в свои лоджии.

Женщина с голосом. В каком смысле — муж?!

Она. В прямом.

Муж женщины с голосом. И вы расписаны?

Она. Конечно. Уже четвертый год...

Человек с едва заметным кавказским акцентом (*всем*). Вот! А мы могли нехорошо подумать...

Женщина в высоких сапогах. Замок, что ли, у вас испортился?..

Крепкий мужчина. Почему обязательно замок? Лунатизм, может быть... Сомнамбула!.. У нас заведомо такой работает...

Она. Что вы! Он здоровый и вполне нормальный.

Женщина с голосом. Но он лез по карнизу... Я сама видела!

Она. Он хотел мне сделать приятное...

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Что здесь приятного?

Она. Это трудно объяснить... Он всегда что-нибудь выдумывает. В прошлую пятницу приехал за мной на лошади. Верхом.

Женщина с голосом. На лошади?

Она. Одолжил у знакомого милиционера лошадь, прискакал и увез меня с работы...

Муж женщины с голосом. И вы все это терпите?!

Крепкий мужчина. Парень, видать, того... Сдвиг по фазе!

Она (*обиженно*). Никакого сдвига! Любит он меня. Даже письма пишет. Главпочтамт, до востребования.

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Зачем?

Она. Знаете, как это приятно... Вам кто-нибудь пишет до востребования?

Человек с едва заметным кавказским акцентом. У меня телефон есть. Домашний и служебный.

Она. Тогда вам трудно понять... Извините, товарищи, что причинили вам всем беспокойство. Спасибо большое за помощь! (*Хочет войти в подъезд.*)

Женщина из Тамбова. Девушка! Подождите... А чего он еще-то придумывает, ваш муж?

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Какое, слушай, тебе дело, честное слово?!

Женщина из Тамбова. Красиво, Тенгизик... Необычно...

Все расходятся. Высвечиваются квартиры на всех пяти этажах. В каждой посвоему готовятся ко сну. Мужчины, точно по команде, взяли в руки вечернюю газету.

Мужчины на всех пяти этажах (*синхронно*). Так!.. Посмотрим "Вечерку"... Что пишут... "Растет Волгоградский район"... Хорошо! "Открылся новый кинотеатр"... Так. "Пистолет скульптора"... О, интересно! (*Читают.*) "Нелегкое это дело — тесать камень вручную. Именно поэтому налажен выпуск специальных камнетесальных ручных агрегатов...". Фу, ерунда какая-то... О, кроссворд!

Элегантный мужчина (*жене*). А ты знаешь, Женечка, что-то, вообще, в этом парне есть! А?

Элегантная женщина. Еще бы!

Элегантный мужчина (*углубляясь в кроссворд*). "Верхняя рабочая одежда" — десять букв. Ком-би-не-зон. (*Записывает.*)

Крепкий мужчина (*записывает*). Полупальто...

Муж женщины с голосом (*записывает*). Проти-во-газ.

Мужчины на всех этажах (*синхронно*). Подходит!

Крепкий мужчина (*жене*). Нет, он точно тронутый, этот парень. Письма какие-то пишет... Верно, старушка?.. А?.. Чудак, говорю... Не того! (*Углубляясь в кроссворд.*) Великий русский поэт из девяти букв... Лер-мон-тов.

Человек с едва заметным кавказским акцентом (*пишет*). Ру-ста-вели...

Женщина из Тамбова (*мужу*). Тенгизик, ты до меня любил каких-нибудь женщин?

Человек с едва заметным кавказским акцентом (*подумав*). Уважал. (*Углубляется в кроссворд.*)

Женщина в высоких сапогах (*выносит сапоги в руках, решительно ставит их перед мужем*). Юрик, извини, конечно, но их придется отдать!

Крепкий мужчина (*недовольно*). Старушка, я такой постановки вопроса не понимаю! Это как-никак мой подарок ко дню рождения...

Женщина в высоких сапогах. До дня рождения еще далеко, подаришь что-нибудь другое.

Крепкий мужчина. Нет, это не годится! Такие сапоги не каждый раз попадаются... И потом, ты меня извини, они недешево стоят...

Женщина в высоких сапогах. Ты им столько внимания уделяешь, что они мне не в радость! Уж лучше б не дарил!

Крепкий мужчина. А это запрещенный прием. Значит, внимание мое, забота — не в счет? Не ценишь ты чуткость!

Женщина в высоких сапогах. Как же не ценю? Ты ведь когда даришь, чек сверху кладешь!

Крепкий мужчина (*обиженно*). Ну, знаешь!.. (*Нервно заходит по комнате.*)

Женщина из Тамбова (*мужу*). Тенгизик, почему ты такой скучный?

Человек с едва заметным кавказским акцентом (*отложив газету*). Ты что этим хочешь сказать?

Женщина из Тамбова. Нет, ты хороший, добрый, но ты все молчишь, читаешь, спишь... В гости никогда не ходим, в ресторан. Когда ты за мной ухаживал, мне подружки завидовали... “Ой, Дуська, счастливая, за грузина выходишь. Они все, грузины, — романтики! Победают — поют!”

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Что говоришь, а?! Я экономический институт закончил! Какие песни? В ущелье живем, да?! (*Взял газету.*)

Женщина с голосом (*мужу*). Ты не можешь не читать свою газету? Хотя бы когда я дома?

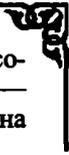
Муж женщины с голосом. Я разве виноват, что газета приходит вместе с тобой?

Женщина с голосом. Это хамство! Жена рядом, а он уткнулся в газету... Другие из-за жен ноги ломают!

Муж женщины с голосом. Когда есть из-за кого — не жалко.

Элегантный мужчина (*жене*). Женя, а тебе не кажется, что во всех этих письмах до востребования, в лазаньях по карнизам есть какая-то экзальтация? Или допинг?

Элегантная женщина. Или просто любовь?.. Ты же летал ночью в Симферополь за цветами. Для меня. Три года назад...

Элегантный мужчина. А что? Это было красиво. Мы поссорились, и я подумал: махну-ка в Симферополь за цветами. Слетал туда — обратно и — что самое забавное — подъезжаю утром к дому, а у нас на улице продают такие же розы, только лучше...

Элегантная женщина. Шикарная корзина была...

Элегантный мужчина. Да... Шикарная. *(Пауза.)* Знаешь, Женя, а я ведь не летал тогда в Симферополь. Я эти цветы во Внукове купил.

Элегантная женщина. Знаю. Я в ту ночь видела тебя там.

Элегантный мужчина *(подвинув к себе стакан чая)*. У нас нет лимона?

Элегантная женщина. Сейчас принесу...

Крепкий мужчина *(жене)*. Тогда, прости меня, я чего-то не понимаю. Давай разберемся! Я не пью, не гуляю, дочурку люблю, зарплату отдаю тебе всю до копейки...

Женщина из Тамбова *(мужу)*. Да разве дело в деньгах, Тенгизик? С этим все хорошо, на машину записались. И живем вроде бы дружно. А все-таки... Ну как бы тебе это объяснить? День на день похож, год на год... Только маятник тикает. А внутри-то что-то гаснет... Я вон даже потолстела.

Муж женщины с голосом *(жене)*. Чувства?! Тебе этого захотелось? О каком чувстве можно говорить, когда сегодня я целый день стирал? Ты посмотри на мои руки! Во что они превратились?.. И потом, если хочешь разбудить во мне какие-то эмоции — оденься!..

Человек с едва заметным кавказским акцентом. Пойми, Дуся, я тебя внутренне люблю. Если надо, я за тебя под танк брошусь! Но я же тебе объяснял — я на диете...

Женщина в высоких сапогах *(мужу)*. Как ты не понимаешь, что это угнетает?.. Ну не считай ты, ну ошибись!.. Купи хоть раз что-нибудь ненужное... Просто так, для смеха!

Крепкий мужчина. Пожалуйста, старушка! Скажи — что, я куплю. Где сапоги? *(Хватает сапоги, выбегает.)*

Перед домом, хромая, появляется О н, в больничной пижаме. Одна нога забинтована. В руке — корнет. Тихо заиграл свою мелодию. В лоджии выбегает О н а.

О н а. Ты?!

О н. Я.

О н а. Тебя отпустили?

О н. Я бдительность охраны усыпил, из простыней связал канат надежный — и вот я перед вами!

О н а. От тебя можно сойти с ума! *(Бежит вниз.)*

В этот момент в лоджиях появляются все жильцы дома и молча наблюдают за этой парой.

Обопрись на мое плечо, я помогу тебе подняться.

О н. Куда?! Если там, в палате, хватятся, будет скандал. Лучше проводи меня до больницы...

О н а. Посиди, я вызову такси!

О н. Какой же смысл? Я для того и убежал, чтоб с тобой погулять!

О н а (*берет его под руку*). И когда ты поумнеешь?

Он и Она медленно уходят ~~с~~ ступени. Он запекает свою песенку о "странном человеке".

Странный человек, в перчатках,
В странной шапочке смешной,
Поднимаясь по ступенькам,
Говорит: "Иду домой!"
Вот до верха он добрался,
Вот под крышею самой,
Но упрямо лезет выше,
Говорит: "Иду домой!"

О н а (*протягивая корнет Элегантному мужчине*). Пусть он побудет у вас, пока мы вернемся. (*Уходит.*)

Элегантный мужчина взял корнет, и вновь в доме зазвучала эта песенка.

Вот ни крыши и ни лестниц.
Он у неба на виду.
— Ты куда, куда, несчастный?
Говорит: "Домой иду!"
— Ты заблудишься, парнишка!
Далеко ли до беды?
А он лезет и бормочет:
"Не порите ерунды!"
— В чем же дело? Что случилось?
Объясни скорее нам.
— Ничего здесь нет такого!
Просто я ее люблю!

Перед домом, с трудом переставляя ноги, появляется
Крепкий мужчина, в высоких женских сапогах.

Крепкий мужчина (*кричит жене*). Старушечка! Спустишься-ка... Я их, кажется, разносил! (*Падает без чувств.*)

Жильцы выбегают из дома, поднимают Крепкого мужчину, уносят.
Звучит песня.

— В чем же дело? Что случилось?
Объясни скорее нам.
— Ничего здесь нет такого!
Просто я ее люблю!

ВАРИАЦИИ ДЛЯ ГОЛОСА И ФОРТЕПЬЯНО...

Монотрагикамедия

Студия звукозаписи. Рояль, Сверху опущен микрофон. Задняя стенка — сплошное стекло. В студию входит мужчина средних лет. Сел за рояль, посмотрел через стекло. Вспыхнула надпись: “Микрофон включен!”. Начал тихо наигрывать современную джазовую пьесу, спокойную и задумчивую. Оборвал ее в самом начале.

Мужчина. Дорогой Сережа! Посылаю тебе это звуковое письмо с тайной надеждой, что ты примешь его за джазовую пластинку, поставишь на проигрыватель и, таким образом, выслушаешь все, что твой отец, твой “фазер”, тщетно пытался тебе высказать на протяжении последнего времени... Зная, как ты не любишь нравоучения и душеспасительные беседы, постараюсь, чтобы это мероприятие не отняло у тебя много времени и было максимально приятно. *(Тихо играет.)* Это — вариации твоего любимого Оскара Питерсона... Узнал, конечно? Не думай, что я сошел с ума или мне нечего делать в выходной, просто эта пластинка — единственная возможность пообщаться с тобой и наладить контакт... Я уйду на работу, когда ты еще спишь, ты приходишь домой,

когда я уже сплю... или еще сплю... Кстати, когда возвращаешься ночью, пожалуйста, смело включай свет, а не пытайся пройти нашу с мамой комнату на ощупь... Уж лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! И не чисть подолгу зубы в ванной, все равно я не догадываюсь, что ты куришь... *(Играет.)*

Сережа, ты уже в десятом классе, и вполне понятно, что мы с мамой обеспокоены твоим будущим... Кем ты хочешь стать?!. Последний раз по этому вопросу ты высказался, когда тебе было четыре года... “Хочу быть мороженщиком!” Сейчас тебе — пятнадцать... Ты по-прежнему хочешь быть мороженщиком или выбрал что-нибудь более интересное?.. Поделись! Может, я тебе что-то подсказу. В тебе есть качества многих великих людей... Например, ты уже играешь в карты, как Некрасов, любишь кофе, как Эйнштейн, носишь прическу, как Софья Ковалевская...

Пора кому-то отдать предпочтение... Ты — равносторонний треугольник: у тебя по литературе тройка, по физике тройка, по математике тройка... Пойми, Сережа, у тебя всего одна пятёрка, да и ту сегодня утром ты взял из моего пиджака... *(Заиграл.)* Я тебя ни в чем не обвиняю. Я знаю, ты отдашь, когда вырастешь. *(Играет.)* Дейв Брубек. “Босонога” ...

Недавно стоял в магазине за абрикосами. Ты ведь любишь пирожки с абрикосами... Но дело не в этом. Там я встретил Люсю. Спросил, почему она к нам больше не заходит?.. Сказала: “некогда” ... По тому, как сказала, понял — “незачем” ... Перед Люсей такая же история случилась с Тamarой... Теперь к нам приходит Наташа, я против нее ничего не имею, она хорошая девочка... И вообще, пятнадцать лет — это романтика, поиск, я все понимаю... “Антошка, Антошка, пошли копать картошку!..” *(Неожиданно взорвавшись.)* Но тогда перестань пугать маму, что ты решил жениться, как только вы напишете контрольную по алгебре!.. Я знаю, что ты мне скажешь в ответ... Статистика... двадцатый век... Ранние браки... В Африке женятся в пятнадцать лет. Так они там живут до сорока, им некогда... Я сам женился в девятнадцать. Хорошо, что потом выяснилось, что я по-настоящему люблю твою мать... Телониус Монк. “Соната” ... *(Играет.)*

Батарейки для транзистора будут в понедельник... Те, австрийские, лыжные ботинки мы с матерью решили тебе купить. Но пятьдесят рублей за джинсы не дам, даже если б они у меня были!.. Я с тобой не спорю, это модно... практично... это настоящие ковбойские штаны, но поверь, что любой уважающий себя ковбой не станет покупать джинсы за пятьдесят рублей!.. Он пристрелит спекулянта!.. Я же ношу дешевые джинсы... И то только потому, что ты из них уже вырос... Сережа, ты считаешь себя взрослым, так соизмеряй же свои потребности с нашими возможностями... Я не стану тебе пересказывать прописные истины, что ваше поколение живет в лучших условиях, чем наше поколение, хотя это именно так и есть... Что мы в ваши годы... то-се... пятое-десятое... юти-

лись в бараках, а вы сейчас... то-се... пятое-десятое... живете в отдельных квартирах. В конце концов, все закономерно... Для того мы и ютились в бараках, чтобы вы жили в отдельных квартирах с ванными, с лоджиями, с кухнями, с кафелем... Чтобы ты с рождения привык к этим удобствам, считал их нормальными, чтобы ты мог, входя в туалет, забыть поднять крышку сиденья, потому что все равно мать выгрет... Эрл Гарнер. “Французская куколка”... *(Играет.)*

Конечно, я не Эмиль Гилельс... Я преподаю в районной музыкальной школе, хотя в детстве мне угрожали, что я стану великим музыкантом... Может, таланта не хватило, может, судьба так сложилась, а может, виноват этот палец, который я сломал, когда ремонтировал твою коляску... При этом я не считаю себя неудачником. У меня — любимая работа, прекрасная жена, здоровый сын. И потом, у меня богатая перспектива — твое будущее! Понимаешь, как известно, жизнь дается человеку один раз, а не удастся — сплошь да рядом... Если она тебе не удастся, Сережа, мне будет очень плохо, даже если меня уже и не будет... Вот, собственно, и все, что ты должен был выслушать, если, конечно, давно не снял пластинку... Иначе кому я все говорил? Рахманинов. “Ноктюрн”... Пожалуйста, не роняй пепел на пол... *(Играет ноктюрн, встает, уходит...)*

ПОЙ, ЛАСТОЧКА, ПОЙ!

Комедия с хором

Действующие лица

Николай Степанович Шубин — начальник жэка.
Петр Евгеньевич Печников — доцент консерватории,
дирижер хора при жэке.
Кира Платоновна — аккомпаниатор хора.
Первый хорист.
Второй хорист.
Третий хорист.
Четвертый хорист.
Первая хористка.
Вторая хористка.
Третья хористка.
Четвертая хористка.
Муж одной из хористок.
Сидоров.

Красный уголок при жэке: стол, покрытый красной тканью, на столе — телефон; много стульев; на стенах — фотографии, портреты, почетная грамота, объявления. В углу — пианино. Сейчас здесь репетирует самостоятельный хор, состоящий из жильцов дома. Три женщины и четверо мужчин, среди которых и сам начальник жэка, Николай Степанович Шубин, выстроились в ряд в ожидании указания дирижера Петра Евгеньевича Печникова. За пианино — Кира Платоновна.

Печников (*аккомпаниатору*). Кира Платоновна, начали!
(*Взмахнул рукой.*)

Хор.

Пум-ба-па. Пум-ба-па. Пум-ба-па.
Пой, ласточка, пой! Пой, не умолкай!
Песней блаженства меня успокой!
Пой, ласточка, пой!
Пум-ба-па. Пум-ба-па.

Печников (*останавливая хор*). Стоп! Это не пение! Какой-то скрип немазаной телеги! (*Шубину*.) Николай Степанович, давайте отменить репетицию! Когда из тридцати человек приходят семь — это не работа!

Шубин. Петр Евгеньевич, просто и не знаю, что подумать. Лично с каждого взял расписку. Обещали быть.

Печников. Когда? Через час? Через год?! Это ж несерьезно! Живем все в одном доме и не можем собраться. Сегодня — один, завтра — другие! Я ничего не могу закрепить! Третью неделю топчемся на “Ласточке”... В конце концов никто насильно не тянул! Записались в хор, так надо работать... Мы же имеем дело с музыкой! Ойстрах по двенадцать часов в день не расстается со скрипкой! Это Ойстрах!.. А у нас — хор! Тончайшее искусство! Вершина песнопения! Хор — это коллективное прикосновение к божеству! Это не я сказал, это — Бах!

Шубин (*хору*). Товарищи, до каких пор будем обижать Петра Евгеньевича?

Печников. Я отменяю занятия в консерватории, лечу сюда, и вот, пожалуйста! Хуже детей! Я спрашиваю: вы хотите петь?!

Хор (*пристыженно*). Хотим. Хотим.

Печников. Тогда извольте относиться к этому серьезно! Ну ладно! Давайте еще раз... Только попрошу: басы в аккомпанементе не форсируют звук... “Пум-ба-па!” Мягче, мягче. Пиано... Кира Платоновна! (*Взмахнул рукой*.)

Хор.

Пум-ба-па. Пум-ба-па.
Пой, ласточка, пой!
Пой, не умолкай!

Крадучись, входит опоздавший четвертый хорист, на ходу доедавая бутерброд.

Печников (*прервав хор, хористу*). Ну что вы крадетесь, как мышь? Я все равно вижу...

Четвертый хорист. Петр Евгеньевич, извините, пожалуйста. Тетка совершенно неожиданно прилетела из Харькова...

Печников. А зачем мне это звять? Тетка, не тетка... Время репетиции — святое время! С чем у вас бутерброд?

Четвертый хорист. С ливерной.

Печников (*поморщившись*). Уберите немедленно! Даже поест не успеваю... Становитесь! Специально для вас еще раз проходим “Ласточку”... (*Аккомпаниатору.*) Кира Платоновна!

Хор. Пум-ба-па...

Печников. Стоп! (*Второму хористу.*) Что вы поете? А ну-ка, спойте мне один аккомпанемент!

Второй хорист. Тум-ба-па. Тум-ба-па!

Печников. Ну конечно! Я чувствую фальшь. Не “тум-ба”, а “пум-ба”! Пора запомнить слова! Еще раз!

Хор.

Пум-ба-па. Пум-ба-па. Пум-ба-па.

Пой, ласточка, пой!

Печников. Уже лучше!

Хор. Пой, не умолкай!

Печников (*довольный*). Вот! Молодцы!

Хор. Песней блаженства меня успокой...

Робко входит четвертая хористка, дирижер, не прерывая едва наладившееся пение, жестом приказывает ей занять место. Хористка присоединяется к пению. В ту же секунду звонит телефон на столе. Шубин, продолжая петь, на цыпочках направляется к телефону. Печников, едва сдерживаясь, продолжает репетицию.

Шубин (*в трубку, тихо*). Алло!.. Начальник жэка Шубин слушает!.. Репетиция здесь!.. Сказано же было — не звонить! (*Кладет трубку, подпевая, движется к хору.*)

Телефон вновь звонит.

(*Возвращается к телефону.*) Алло! Начальник жэка...

Печников (*взрвавшись*). Вот что, Николай Степанович! Или вы — начальник жэка, или хорист!! Если у вас много работы, можете не приходить!..

Шубин (*протягивая Печникову трубку*). Это вас.

Печников. Меня? (*Всем.*) Извините! (*В трубку.*) Да!.. В чем дело, Галя?.. Какая тетка? Откуда приехала? Галя, ты знаешь — у меня репетиция!.. Ну хорошо!.. Буквально на пять минут. (*Кладет трубку.*) Николай Степанович, я попрошу вас, пройдите здесь этот кусочек без меня... Я — мигом! (*Уходит.*)

Шубин (*встает перед хором*). Товарищи! Ну-ка, еще разик! Только, как договорились, басы ничего не форсируют!..

Первый хорист (*передразнивая*). Не фаршируют!

Шубин. Давайте без шуточек! Короче, басы не орут! Кира Платоновна, прошу! (*Взмахнул руками.*)

Хор молчит.

В чем дело?

Первый хорист. Это у вас надо спросить: в чем дело? Сейчас октябрь.

Шубин. Ну и что?

Первый хорист. А потолок вы мне обещали побелить в сентябре!

Шубин. Товарищи, давайте не отвлекаться!

Второй хорист. Нет, давайте отвлекаться! Где батарея?! Николай Степанович, я вас спрашиваю: где батарея? Мне было сказано: запишетесь в хор — поставим новую батарею. Вы это говорили, Николай Степанович?

Шубин. Говорил.

Второй хорист. И вот я, как полный идиот, хожу сюда, а батареи в квартире до сих пор не сменили!

Первая хористка. А что со мной? Вы же меня уговаривали: нужен женский голос. Я отдала свой голос! И что? Лоджия как была неолицованной, так и стоит!

Третий хорист. А я, между прочим, химик! И в субботу, вместо того чтобы отдыхать, как люди, должен приходиться и драть глотку!

Шубин (*третьему хористу*). Пришлю вам монтера.

Третий хорист. Я эту песенку уже слышал.

Шубин. Все, что обещал, будет сделано. Но со временем!

Вторая хористка. Выходит, что вы нас на крючке держите?

Шубин. Извините, приходится! Раз вы такие малосознательные люди, раз вы не понимаете, что с меня начальство самодеятельность требует, приходится держать на крючке! Приходится применять принцип материальной заинтересованности... Я Егоровым из двадцать третьей квартиры стекла вставил? Вставил! Где Егоров? Нету! Не за горами смотр межжэковской художественной самодеятельности. Выступим там — и все!!

Первый хорист. А вдруг не “все”? Не дай бог, займем первое место, тогда начнутся городские смотры, республиканские. А я так и останусь с грязным потолком! Спрашивается, на кой мне эта самодеятельность?!

Шубин. Ничего мы с таким пением не займем.

Вторая хористка. Тогда зачем стараемся?! Для нас чем хуже, тем лучше!

Шубин. А эстетика? А гармоническое развитие личности?.. У нас все это в обязательствах записано! Раз уж идет такое движение “Каждому жэку — хор!”, стало быть, наш передовой жэк должен быть в кильватере!

Один из хористов. В фарватере!

Шубин. Вот, лучше меня знаете, где мы должны быть, а упрямитесь... Правильно Петр Евгеньевич говорит: хор — вершина песнопения, божество — в коллективе!

Второй хорист. Оставьте нас со своим Петром Евгеньевичем!

Шубин. А это напрасно! Петр Евгеньевич — святой! Он — директор консерватории, ему, вообще, все это до лампочки! А он с нами вечерами мучается, чтобы нас к культуре приобщить!

Третья хористка. Я в этом не нуждаюсь. С меня хватит двух институтов и аспирантуры.

Шубин. Хватит, товарищи! Поворчали. И прошу: при Петре Евгеньевиче никаких корыстных разговоров. Иначе вы его кровно обидите... Кира Платоновна! *(Взмахнул рукой.)*

Четвертый хорист. Давайте перекур сделаем!

Четвертая хористка. Правильно! Я хоть домой сбегаю, у меня муж нездоров.

Шубин. Ну ладно... Перерыв! Но чтоб через пять минут всем быть!

Хористов и аккомпаниатора словно ветром сдувает.

Появляется Петр Евгеньевич.

Печников. Куда это они?

Шубин. Перерывчик сделали, Петр Евгеньевич. Подустал народ...

Печников. Что значит устали? Я тоже устал!

Шубин. Вы у нас — образец!

Печников. Ладно, образец не образец... Где югославская плита?

Шубин. Будет! Как договорились...

Печников. Я это уже слышу третий месяц. Дичь какая-то! Я — хормейстер жэка! Сказать об этом Свешникову — он перестанет со мной здороваться...

Шубин. Петр Евгеньевич, разве дело в плите?.. А то что люди в свободное от работы время тянутся к музыке, это не в счет?

Печников. Я не возражаю... Но возьмите какого-нибудь мальчишку, студента...

Шубин. Студента разве за плиту возьмешь?

Печников *(обиженно)*. Пользуетесь тем, что я живу в этом доме и от вас завишу...

Появляются хористы и аккомпаниатор.

Шубин. Петр Евгеньевич, не надо об этом при народе. Они — святые люди...

Печников *(встав перед хором)*. Друзья мои! Давайте сейчас пройдем все без остановок... Чтобы иметь общее впечатление. Кира Платоновна!..

Хор.

Пум-ба-па. Пум-ба-па. Пум-ба-па.

Одинок я сажу во садочке.

Только тучки плывут в вышине.
Лишь не слышу ее голосочка.
Прилетай же, родная, ко мне.
Пой, ласточка, пой!
Пой не умолкай!..

С шумом распахивается дверь, появляется разгневанный муж четвертой хористки, в пижаме и шлепанцах, решительно подходит к хору, берет жену за руку.

Муж. Мария! Живо домой!

Шубин. В чем дело?

Муж. Я не с вами разговариваю. (Жене.) Ты слышала?!

Четвертая хористка. Мишенька, не скандаль, совсем немножко осталось.

Муж. Я этим “немножко” сыт по горло! Посуда не мыта, я болен, сын болтается неизвестно где, а мать музицирует!

Шубин. Товарищ, не срывайте нам мероприятие!

Муж. Чихал я на ваше мероприятие!.. Выслуживаетесь? Грамоту зарабатываете, да?! Каждую субботу загоняете людей в подвал, морите их здесь... Я доберусь до вашего начальства! Кто разрешил такое самоуправство?!

Шубин. Чем понапрасну кричать, лучше б помогли жене да встали в хор. Голос-то вон какой зычный!

Муж (жене). Мария, домой!

Хористка. Извините... (Уходит вместе с мужем.)

Шубин. Из какой он квартиры?

Один из хористов. Из двенадцатой...

Шубин (записывая в блокноте). Он у меня померзнет...

Печников (всем). Товарищи, не будем отвлекаться... Ничего страшного... Может, и хорошо, что ее нет... Давайте все, без остановок...

Шубин. С “одинок я сижу во садочке”?

Печников. Ни в коем случае! Я уже это слышать не могу. Со второго куплета...

Хор. Пум-ба-па. Пум-ба-па...

Печников. Стоп! Откуда посторонний звук? (Четвертому хористу.) Что вы там крутите?

Четвертый хорист. Мясорубку заклинило. Жена просила починить... Вот взял с собой...

Печников. Убрать!.. Со второго куплета, без остановок, и-и!..

Хор.

Пум-ба-па. Пум-ба-па. Пум-ба-па.

Ветерок нежно травку колышет.

Пчелка мед собирает с цветов.

Лишь ее голосочка не слышу.

И за ней полететь сам готов.

Пой, ласточка, пой!
Пой, не умолкай!..

Распахивается дверь, врывается муж хористки.

Муж (*кричит*). Шантажист! (*Всем.*) Товарищи! Вас одурачили! Я сейчас дозвонился в райисполком, и мне официально сказали, что никакой хор никому не нужен!!!

Пауза.

Четвертый хорист. Это точно?

Муж. Абсолютно!

Печников (*мужу*). Какое право вы имеете срывать репетицию?

Муж. Репетиции? А для чего они?! Я звоню в райисполком, рассказываю про это безобразие, а мне говорят, что никакого смотра нет и не будет!.. Что хоры при жэках никем не запланированы и не предусмотрены! И что насильственное пение противоречит советской демократии!! Понял, Шубин?!

Четвертый хорист (*спокойно завинчивает мясорубку, выходит из строя, с угрозой говорит Шубину*). Шубин, чтоб в понедельник был маляр! (*Уходит, хлопнув дверью.*)

Первый хорист. Николай Степанович, объясните, в чем дело?!

Шубин. А чего объяснять...

Третий хорист. Как это — чего?! Зачем вы нас сгоняете, если это не мероприятие?!

Печников (*хору*). Сгоняете?!

Третий хорист. А кто ж сюда добровольно пойдет?!

Печников. Николай Степанович, выходит, вы и меня обманывали? Никакой тяги к музыке у товарищей нет?

Вторая хористка. Какая тяга? Он нас держит на крючке!

Третья хористка. Это называется: использование служебного положения в корыстных целях!

Первый хорист. Если бы... Это хоть можно понять! А то — смотра нет, грамота нам не светит, начальство даже не в курсе... Тогда зачем поем?

Шубин. Слушаю я вас, товарищи жильцы, и так мне скучно жить становится. Грамота... Начальство... Для чего поем? Поем и поем! Просто так! Для внутренней красоты!.. (*Печникову.*) Вы же сами, Петр Евгеньевич, говорили, чего Бах говорил.

Печников. Да мало ли что говорил Бах!

Первый хорист. Морочил всем голову... “Песнопение”... “Божество в коллективе”! Надо еще разобраться, товарищи, не собирался ли он запродать нас церковникам?!

Печников. Несolidно все получается, Николай Степанович! (*Хору.*) Товарищи! С этой минуты я вас больше не задерживаю. До свидания! (*Уходит.*)

Второй хорист. А нам что? Какие указания будут, Николай Степанович? Уходить, не уходить?

Шубин. Уходить!

Вторая хористка. А как наши просьбы?..

Шубин (*подходит к столу, снимает трубку телефона*). Алло! Якименко! Шубин говорит... Запиши там в книге на понедельник: в двадцатой квартире — побелка, в семьдесят восьмой — облицовка, в тридцать вторую — электрика, и в этой... в двенадцатой — батарею поменять! Никаких разговоров, сказано — в понедельник!! Все! (*Вешает трубку, хору*). Вопросы есть?

Первый хорист. Вы напрасно на нас обижаетесь, Николай Степанович... Мы с вами ссориться не хотим.

Первая хористка. Воскресник какой-нибудь, деревья сажать — мы, пожалуйста!

Хористы и хористки расходятся. У рояля остается одна Кира Платоновна.

Шубин. Я вам, Кира Платоновна, дверь обещал заменить... Так плотник на бюллетене...

Кира Платоновна. Мне совсем не к спеху...

Шубин. Идите спокойно домой, отдыхайте... Никого я больше не держу!

Кира Платоновна. Меня сюда никто и не загонял...

Шубин. Да разве я кого загонял?.. Я приглашал. Мы ведь сейчас, как поезда стали, носимся друг мимо друга, каждый по своим рельсам... А когда и встречаемся, то лоб в лоб! И катастрофа! А тут знали: есть место, где можно собраться, попеть... Я так понимаю, Кира Платоновна, нельзя с утра до вечера заниматься кранами, батареями, химиями... Штамповка получается, а не человек. Обязательно что-то для души надо! Пение — это ж такая красота! Особенно хор. От всего очищает. Вот ты, к примеру, эгоист, а встал в хор — и не можешь быть эгоистом!.. Думал, поймут! Поворчат, посердятя, а потом и понравится!.. Конечно, на крючке людей держать, может, и неправильно, но, с другой стороны, раз уж в доме не обойтись без недоделок, так уж лучше использовать их себе на благо!.. Не поняли!.. Отпелся!.. И везет же людям, которые с талантом. А я в хор Дома культуры хотел записаться, не взяли. Говорят, слуха нет! И пускай нет! Я же не зарабатываю своим слухом... Вон как в детском саду у вас хорошо! Все поют, все дети... (*Запел*). “Мы едем, едем, едем в далекие края, веселые соседи, счастливые друзья!”

Кира Платоновна. Ну-ка, подойдите сюда, Николай Степанович! (*Наигрывает ему эту мелодию*). Ля-ля-ля, ля-ля! Попробуйте повторить!

Шубин. Бросьте... Зачем это, Кира Платоновна?

Кира Платоновна. Ля-ля-ля-ля! Я прошу вас, повторите!

Шубин (*нерешительно*). Ля-ля-ля-ля!

Кира Платоновна. Чуть-чуть повыше!

Шубин. Ля-ля-ля-ля!

Кира Платоновна. И кто вам сказал, что у вас нет слуха?

Шубин. Теперь-то прорезается! Я как с Петром Евгеньевичем позанимался, так сразу почувствовал!

Кира Платоновна. Ля-ля-ля-ля!

Шубин (*радостно*). Ля-ля-ля-ля!

Открывается дверь, робко входит Сидоров.

Вам что, товарищ?

Сидоров. Извиняюсь, мне ничего! Справочку навести хотел...

Вправду хор отменяется?

Шубин. А вам какая разница?

Сидоров. Мне-то, собственно, никакой... Я, вообще, не из этого дома... Мать у меня здесь живет, в третьей квартире... Ну а я иногда к ней приезжаю... Продукты завезти или просто повидаться... Она иногда звонит, Толя, мол, приезжай... Или я сам звоню, мол, как там дела, мама?.. Вот!

Шубин. Ну и что?

Сидоров. Да ничего... Мать, говорю, у вас живет в третьей квартире, а я к ней приезжаю...

Шубин. Так чего ты хочешь? Потолок обвалился у вас?

Сидоров. Зачем?! Потолок в порядке... Мать живет, говорю, в третьей квартире... Как раз тут, над красным уголком. Когда хор поет, там все слышно...

Шубин. Мешаем, что ли?

Сидоров. Зачем?.. Экий ты непонятливый! Хорошо, говорю, поете! Я из-за вас стал каждую субботу к матери ездить... Сидим, слушаем, душа радуется!

Шубин (*недоверчиво*). Тебе что, делать нечего? Разыгрываешь меня!

Сидоров. Почему? Очень даже хорошо!

Шубин. Что ж тут хорошего? Скрипим как телега немазаная...

Сидоров. Ну это вам, музыкантам, конечно, виднее... А я вот, как простой слушатель, скажу: нам нравится.

Шубин. Да что же ты в дверях стоишь, дорогой товарищ?! Входи! Садись! (*Кире Платоновне*.) Вот! А говорят: для чего поем?! (*Сидорову*.) Значит, нравится?

Сидоров. Ну а как же? Такое дело!.. Особенно "ласточка"... Мы ее всегда с братьями пели... Нас — три брата! Бас, тенор, а я им, стало быть, на гармошке аккомпанировал!

Шубин. Так где братья? Давай их в наш хор!

Сидоров. Братьев нет. Они еще в войну погибли. Я тоже закрутился, гармошку забросил, сам понимаешь, дела... А тут прихожу к ма-

тери, а из-под полу — “ласточка”! Ну мы с ней растрогались... И вдруг соседка заходит — хор, мол, распустили!

Шубин. Это мы еще посмотрим! Никто никого не распустил... Каникулы просто! Ты сам-то поешь?

Сидоров. Какой там пою... Так, если подголоском...

Шубин. Кира Платоновна!..

Кира Платоновна заиграла.

(Запел.) “Одинок я сижу во садочке!..”

Сидоров (подпевая). Только тучки плывут в вышине!

Шубин и Сидоров (хором).

Лишь не слышу ее голосочка.

Прилетай же, родная, ко мне!

Пой, ласточка, пой!..

Шубин и Сидоров поют “ласточку”, громко и если не совсем правильно, то проникновенно, получая от этого огромное удовольствие.

В дверях появляется Печников.

Печников. Стоп!! Это невозможно слушать даже с пятого этажа! Что вы орете, как мартовские коты?! Я же просил: не форсировать!.. Все забыли! Все! Давайте с первого куплета!.. И тихо... Кира Платоновна!

Печников взмахнул руками, Кира Платоновна заиграла, Шубин и Сидоров запели. Один за другим стали появляться все хористы, присматриваясь и включаясь в общее пение.

Хор.

Пой, ласточка, пой!

Пой, не умолкай!

Песней блаженства меня успокой!

Пой, ласточка, пой!

Занавес

1973 г.

КОТ ДОМАШНИЙ СРЕДНЕЙ ПУШИСТОСТИ

*Трагикомедия в двух частях,
написанная совместно с Владимиром Войновичем*

Действующие лица

Николаевич В. Н. — писатель.

Рахлин Е. С. — член Союза писателей.

Кукушина — его жена.

Тишка — их сын.

Баранов Б. С. — член Союза писателей.

Трешкин В. К. — член Союза писателей.

Каретников В. С. — видный советский писатель.

Лариса Евгеньевна — его жена.

Лукин П. Н. — секретарь Союза писателей.

Маша — секретарша.

Капитан Коломийцев.

Доктор.

Побратимов — генерал армии.

Колесниченко — подполковник.

Докторша.

Усатый санитар.

Первый таможенник.

Второй таможенник.

Милиционер.

Моряки, медики, члены секретариата
московской писательской организации.

Действие происходит в Москве в 1980 году.

Часть первая

1

Странное аляповато-бесформенное строение, напоминающее то ли обшарпанный жилой дом, то ли официальное учреждение, то ли старый многопалубный корабль с многочисленными каютами. Впрочем, разглядеть его сейчас довольно трудно. На сцене полумрак, какой бывает ранним утром. И звуки соответствующие: чей-то сладкий храп, прокуренный кашель, водопад спускаемой воды в унитазе, свист ветра и позывные “морзянки”. Постепенно в эту утреннюю симфонию начинает примешиваться стук печатной машинки. Чей-то голос негромко произносит: “Штормило... Капитан Коломийцев стоял на мостике и тоскливо озирает взбесившееся пространство. Огромные волны громоздились одна за другой и бросались на могучую грудь корабля с самоотверженностью отчаянных камикадзе...”

Голос тонет в грохоте налетающих волн... Сквозь шум пробивается лишь писк “морзянки” и голос радиста:

“Всем советским кораблям в квадрате 28—34... Я — “Витязь”! У нас — ЧП! Ответьте, кто слышит! Прием! Прием!..”

Наконец наверху становится виден сам Коломийцев — пожилой мужчина в промокшей штормовке. Он напряженно прислушивается к голосу радиста, глядявается в бушующую стихию, затем спускается в каюту медчасти. Здесь он застаёт молодого доктора, сидящего на койке со страдальческим выражением лица.

Коломийцев (*озабоченно*). Ну как, Витя?

Доктор (*сдерживая боль*). Нормально, Егор Иваныч! Нормально!

Коломийцев. Температура?

Доктор (*морщась*). Нормально!

Коломийцев. Покажи! (*Сует руку под мышку доктору, тот сопротивляется.*) Дай! Дай, говорю! (*Вырывает градусник, смотрит.*) Эх, Витька, мало тебя отец в детстве драл, врать не отучил!.. Ну, что делать будем?

Доктор (*стонет*). Не знаю, Егор Иваныч!

Коломийцев. Меняем курс! Пойдем на Владивосток!

Доктор. Нет, Егор Иваныч! Нельзя! Ведь только пришли на место! Ученые начали программу. Столько средств затрачено...

Коломийцев. Жизнь не по программе идет, Витя! Жизнь вносит коррективы. Меняем курс! Я — капитан! Я принимаю решение!

Доктор (*собравшись*). Товарищ капитан, за здоровье плавсостава отвечает доктор!

Коломийцев. Помирать решил?! Не позволю!

Доктор. Я знаю... Я все продумал... (*Переходит на шепот.*) Егор Иванович, мне как врачу картина ясна... Аппендикс воспален... Есть симптомы начинающегося перитонита. Нужна срочная операция!

Коломийцев. Это и я понимаю. Кто делать-то будет?

Доктор. Тот, кому положено, — врач!

Коломийцев. Бредишь?! Это ж — хакакири!..

Доктор. Нет, товарищ капитан. Рядовая операция. Мне лишь нужен надежный ассистент. *(Смотрит в глаза капитану.)* Человек с твердой рукой и характером...

Коломийцев *(устало)*. Не смогу, сынок!

Доктор *(нежно)*. Сможешь, отец, сможешь... Это не сложно. Анестезию я сделаю сам... Все манипуляции на слепой кишке тоже... Вам только пройти сальник и брыжейку...

Коломийцев *(испуганно)*. Как пройти?

Доктор. Скальпелем...

Коломийцев *(вздвигнув)*. Не смогу, Витя! Поговори с замполитом.

Доктор. Уже говорил. Он утвердил вас... *(Берет бутылку.)* Обработайте руки, Егор Иваныч!

Коломийцев *(нерешительно берет бутылку)*. Может, глотнем для храбрости?

Доктор. Потом, Егор Иваныч! Потом!.. Если все будет о'кей!.. А если нет, так уж вы... за помин души! *(Льет стирт на руки капитану. Тот, угрюмо шмыгая носом и сдерживая слезы, полощет руки в стирту.)*

Неожиданно раздается телефонный звонок.

Телефон!

Коломийцев. Слышу! *(Моем руки.)*

Звонок настойчиво повторяется.

Женский голос *(неожиданно раздается откуда-то снизу)*.
Телефон!

Мужской голос *(недовольно)*. Слышу!

Высвечивается квартира писателя Ефима Рахлина. Сам Рахлин сидит за пишущей машинкой. Звонок повторяется. Из спальни выходит заспанная Зинаида Ивановна Кукушина, жена Рахлина.

Кукушина *(снимает трубку)*. Алё! Здравствуй, Боря... Ладно, сейчас... *(Мужу.)* Тебя! Баранов.

Рахлин *(в отчаянии)*. Я работаю. Неужели трудно понять?

Кукушина. Выключай телефон.

Рахлин. Я не могу выключать. Я жду звонка.

Кукушина. Тогда подходи... *(Кладет трубку на столик, проходит в ванную.)*

Рахлин *(встает из-за стола, сердито берет трубку)*. Алло, Борис! В чем дело?

Наверху высвечивается квартира писателя Баранова.

Б а р а н о в. Не понял.

Р а х л и н. Я спрашиваю: что ты звонишь в такую рань?

Б а р а н о в. Я звоню другу. Светлов говорил: “Дружба — понятие круглосуточное”.

Р а х л и н. При чем здесь Светлов?! Я работаю!..

Б а р а н о в. Молодец! Горжусь тобой! Тогда сразу к делу: ты когда-нибудь “Мастикку” пил?

Р а х л и н (*возмущенно*). Что?

Б а р а н о в. “Мастикку”... Не для полов... Напиток. Вчера в Союзе было закрытие болгаро-советской дружбы, и эти “другари”, ядри их мать, выставили “Мастикку”... Сладковатая такая зараза, духами отдает... Утром голова от нее — ну просто пополам... У тебя бутылки пива не найдется?

Р а х л и н (*возмущенно*). Борис, это — свинство! Утренние часы — золотое время! Я работаю! Понимаешь?! Есть писатели, которые чаще работают по утрам, а не страдают от пьянки. Кстати, а почему меня не пригласили?!

Б а р а н о в. Не знаю. А ты разве дружишь с болгарами?

Р а х л и н. Конечно, дружу! Почему мне не дружить? Они меня переводили. Сегодня же зайду в иностранную комиссию, устрою скандал! Вечная “химия” у них с этими приглашениями. Переводят одних, на “Мастикку” приглашают других...

Б а р а н о в (*застонал*). Не напоминай! Сладковатая, зараза, а забирает... Так я зайду?

Р а х л и н. Зачем?

Б а р а н о в. За пивом.

Р а х л и н. Не сейчас, Боря. Я работаю!.. Кстати, где моя “Лавина”?

Б а р а н о в. Какая “Лавина”?

Р а х л и н. Роман. Я тебе дал рукопись десять дней назад. Ты обещал быстро прочесть.

Б а р а н о в. Раз обещал, значит, прочту... Только почему “Лавина”? “Вершина”.

Р а х л и н. “Вершина” — первая часть. “Лавина” — вторая...

Б а р а н о в. Третья, стало быть, будет “Трясина”?

Р а х л и н. Не угадал! И — неостроумно! (*Швырнул трубку*.)

Из своей комнаты появился высокий стройный юноша в трусах.

Это — Т и ш к а, сын Рахлина.

Т и ш к а. Здорово, папкен. Творишь?

Р а х л и н. Пыгаюсь. Кстати, Тихон, мне нужна твоя консультация. Если человеку взрезать живот, то идет сначала фасция, а потом брыжейка, или наоборот?

Т и ш к а. Ты про живого или про труп?

Р а х л и н. А есть разница?

Т и ш к а. Не знаю. К живым мы на третьем курсе приступим...
(Скрывается в туалете.)

Р а д и с т. Всем судам в квадрате 28—34! Я — “Витязь”! Ответьте!

Снова телефонный звонок. Рахлин снимает трубку.

Б а р а н о в. Слушай, Фимк, не злись... Я ведь не сказал главного: в Литфонде писателям шапки дают. Я купил.

Р а х л и н. А вот это меня уж совершенно не волнует!! (Решительно повесил трубку.)

Из ванной вышла Кукушина. Она уже одета в строгий деловой костюм.

Кукушина. Чего он от тебя хочет?

Р а х л и н. Черт его знает! Бездельник! Сам не работает, и другим мешает... В Литфонде, видишь ли, шапки дают.

Кукушина. И почему же тебя это не волнует?

Р а х л и н. Потому что у меня есть шапка. Волчья!

Кукушина. Во-первых, твой “волк” давно облез. Во-вторых, у Типшки нет хорошей шапки. И потом, если дают, почему не взять?

Р а х л и н. Потому что противно! Булгаков говорил: “Ничего у них не проси! Сами придут, сами дадут!”

Кукушина. Булгакову было проще: он — дворянин. Может, у него бобровая шапка имелась. Кстати, из какого меха в Литфонде?

Р а х л и н. Не знаю, не спрашивал.

Кукушина. Спроси.

Р а х л и н. Я работаю! Можете вы это понять или нет?

Кукушина. Сделай перерыв! Все равно мне сейчас надо включить телевизор.

Р а х л и н. Включи на кухне.

Кукушина. Тебе неприятно видеть жену в цвете? (Включает телевизор.)

На экране возникает Кукушина вместе с генералом армии

П о б р а т и м о в ы м, плотным мужчиной в шинели и огромной папаче.

Кукушина (в телевизоре). Итак, в эфире вновь наша передача из серии “Никто не забыт, ничто не забыто!”... Сегодня, как и в прошлый раз, нашим собеседником будет генерал армии Николай Иванович Побратимов. (Побратимову.) Николай Иванович, мы остановились на подготовке наступления наших войск в районе города Межреченска. Редакция получила множество писем, в которых телезрители интересуются, а как же проходила эта операция?

П о б р а т и м о в. Операция проходила строго по намеченному генеральным штабом плану. В районе Межреченска были сконцентрированы бронетанковый дивизион Первой армии, два мотопехотных полка, им было придано три артиллерийских дивизиона: шестнадцатый и восемнадцатый...

Телефонный звонок. Рахлин снимает трубку.

Б а р а н о в. Алло, Фимк, это опять я... Я прочел.

Р а х л и н. Что?

Б а р а н о в. “Лавину”.

Р а х л и н. Что ты врешь? За десять минут?

Б а р а н о в. Почему... Я раньше... Просто освежил в памяти... Помоему, здорово. Особенно начало: “На что похожи горы, покрытые снегами? На торт с кремом? На голого седого старика? О нет, не ищите сравнений! Горы, покрытые снегами, похожи лишь на горы, покрытые снегами, и ни на что другое...” Здорово! Метафорой ты, конечно, стервец, владеешь... Только почему старик голый?

Р а х л и н. Какой старик?

Б а р а н о в. Ну, на которого горы похожи?

Р а х л и н. Что за бред? Там нет голого старика.

Б а р а н о в. Как нет, когда есть. Так я зайду?

Р а х л и н. Черт с тобой. Заходи! Только сразу предупреждаю: на минуту!.. И шапку захвати! *(Кладет трубку, возвращается к телевизору.)*

П о б р а т и м о в *(в телевизоре)*. ...Слева наш фланг поддерживала 14-я мотопехотная дивизия под командованием генерала Соловьева, справа — 12-я мотострелковая под командованием генерала Шамилова...

Р а х л и н. Господи, какая нудятина!

К у к у ш и н а. Фима, не мешай! Зрителям нравится... Особенно этот Побратимов. Красивый мужик, верно?

Звонок в дверь. Рахлин открывает. На пороге стоит Б а р а н о в. На нем — стеганый халат, на голове — кроличья шапка. Под мышкой — рукопись.

Б а р а н о в. Ну, как?

Р а х л и н *(оглядывая)*. Нормальная шапка. *(Снимает шапку с головы Баранова, натягивает на себя. Жене.)* Кукуш, посмотри!

К у к у ш и н а *(оглядев мужа)*. Хорошо! *(Баранову.)* А почему — кролик? Пьжика не было?

Б а р а н о в. Откуда я знаю? Вы думаете, Зинаида, писатель сам решает — “чижик” он или “пьжик”? Там все по спискам... Секретариату — ондатра, правлению — нутрия, а нашему брату с Фимкой — кролик!

К у к у ш и н а. Почему вы решили, что Ефим вам “брат”?

Р а х л и н. Действительно... За мной — одиннадцать романов. Я — член комиссии по приключенческой литературе... Я выступаю от бюро пропаганды...

Б а р а н о в. Ну, черт тебя знает, может, тебе белка положена?.. Сходи!

Р а х л и н. Никуда я не пойду! Совсем очумели... Скоро, как в армии, будем писателей по головным уборам отличать! Мне омерзительна

эта пошлая иерархия... Время! Время покажет, кто есть кто: кто — кролик, кто — енот!

Кукушина. Глупая принципиальность!

Рахлин. Нет, Кукуша! Принципиальность не бывает глупой! Бывает либо принципиальность, либо беспринципность!..

Баранов. Пиво-то дашь или нет?

Рахлин. Дам... *(Лезет в холодильник, достает бутылку, начинает открывать.)* Булгаков говорил: “Ничего у них не проси!..” Пастернак писал: “Быть знаменитым некрасиво, не это устремляет ввысь...” А у Платонова и того лучше: “Я на собрания не хожу и ничего не член...”

Баранов *(не вытерпев, отбирает бутылку)*. Дай я сам, сил нет! *(Открывает, поспешно наливает в стакан, пьет.)* Фу!.. Хорошо! *(Наливает еще стакан.)*

Вновь появляется Тишка, с любопытством разглядывает отца в шапке.

Кукушина *(сыну)*. Нравится?

Тишка. Неплохой шапек! Уши опустить, козырь вперед — будет вполне хипово.

Кукушина. Хочешь такую?

Тишка. Можно!

Рахлин *(строго)*. Походишь в вязаной! Я в твои годы ходил в беретке. Старой маминой беретке... А потом надел пилотку. Солдатскую пилотку, между прочим...

Тишка. Папкен, ну кончай... *(Проходит на кухню.)*

Баранов *(допив второй стакан)*. Ф-фу! Отпускает.. Больше нет?

Рахлин. Нет. Так что тебе непонятно в рукописи? Какой “голый старик”?

Баранов. Вот же... “Торы похожи на голого старика”...

Рахлин. Не “голого”, а “голову”... Здесь опечатка. На голову старика они похожи...

Баранов. А!.. А я смотрю — бред какой-то. Ну, тогда нормально. *(Кладет рукопись на стол.)*

Рахлин *(обиженно)*. Ты что, дальше читать не будешь?

Баранов. Извини, Фимк, не могу. Не обижайся! Что-то меня мутит от советской литературы.

Рахлин. А сам, интересно, какую пишешь?

Баранов. Я — анималист. Я про зверюшек пишу. Про кошек, собак. А про людей читать не могу... Какие-то они все у нас правильные, хорошие, сладкие, как “Мастика”... Бррр!

Рахлин *(распалаясь)*. Ах, какая удобная позиция. Он, видишь ли, — про зверюшек. А людьми кто заниматься будет? Да! Я пишу про хороших людей! Про геологов, про моряков, про альпинистов... Да! И в этом — моя позиция! Я уверен, что если пишешь про хороших людей, то и в жизни их будет больше. Иду от пушкинского: “Чувства добрые я лирой пробуждал!”

Б а р а н о в. А я не могу больше про хороших! Хочу про плохих! Про Раскольников! Про жуликов, про проституток... Про педерастов!

К у к у ш и н а. Тихо, мужики, тихо!

Б а р а н о в. Хочу про педерастов! До черта педерастов развелось, почему про них не пишут?!!

Р а х л и н. Э! Как тебя развезло-то от одной бутылки...!

Б а р а н о в. От литературы меня вашей развезло!! “Мастика” при- торная, мать вапу!.. “Лавина-мякина!”...

Р а х л и н. Ну, это уже хамство!! Пошел вон! *(Схватил Баранова за шиворот, потащил к дверям.)* И шапку свою забери! Анималист сра- ный!.. *(Выталкивает Баранова, кричит вслед.)* Если ты анималист, носи синтетику на голове, а не зверюшек убитых!! *(Возвращается в комнату, гневно расхаживает вокруг стола.)* Ну, как тебе нравится? Вот мерзавец!.. Будет еще меня стыдить... Я честно делаю свое дело, и людям оно нужно... *(Схватил со стола грудку писем.)* Вот они — письма читателей! Вот! “Спасибо, Ефим Семенович!”... Это чего-нибудь, да стоит? Вчера пришло письмо... Старушка... Член партии с двадцатого года. Живет в горах!.. И вот что пишет...

К у к у ш и н а. Ну, чего ты мне-то демонстрируешь? Покажи в Лит- фонде.

Р а х л и н. Замолчи! Я сказал: никаких унижений! “Сами придут, сами дадут все!” А нет — обойдемся! *(Открыл ящик стола, достал сигареты.)*

К у к у ш и н а. Ефим! Не смей! Мы договорились!

Р а х л и н. Вы меня довели!

К у к у ш и н а. Мы поклялись: дома ни одной сигареты!

Р а х л и н. Хорошо! Пойду на лестницу! Как жлоб! *(Выбегает на лестничную площадку, жадно закуривает.)*

Зашумели волны. Голос радиста запричитал: “Всем советским кораблям в квадрате 28—34! Я — “Витязь”! Я — “Витязь”! Ответьте, кто слышит!..”

По лестнице медленно поднимается поэт Т р е ш к и н, худой, мрачного вида человек, в мохнатой шапке. Недружелюбно глянув на Рахлина, подходит к дверям своей квартиры.

Р а х л и н *(сухо)*. Здравсте...

Т р е ш к и н *(мрачно)*. Здравсте, Ефим Симхович! *(Вставляет ключ.)* Вы б не курили здесь, Ефим Симхович... Да еще американские сигареты... В них же стронций!

Р а х л и н. Кто это вам сказал?

Т р е ш к и н. Кто надо! Причем вдыхаете вы аромат, а на людей выдыхаете стронций! Есть статистика.

Р а х л и н. Первый раз слышу. *(Гасит сигарету.)* Ну, пожалуйста, не буду... Только давно вас хотел спросить, Василий Кузьмич, почему вы называете меня “Симховичем”, прекрасно зная, что я Ефим Семенович?

Трешкин. Я к вам обращаюсь по справочнику. В справочнике вы — Симхович! А вот зачем вы из Симховича в Семеньчи переделались, это мы когда-нибудь разберемся... *(Скрывается в своей квартире.)*

Рахлин гневно влетает в свою.

Рахлин. Сволочь! Антисемит! Поганец!
Кукушина. Про кого ты?

Рахлин. Про Трешкина! И что самое примечательное — этот подлец прошел в новенькой шапке из нутрии. Что это, Зинаида? Они в Союзе так ценят черносотенцев?

Кукушина. Тем более на твоём месте я бы сходила в Литфонд. Теперь это уже принципиально. Если этому бездарю Трешкину дали нутрию, то ты меньше чем на пьжика соглашаться не должен. Здесь даже дело не в тебе. Ты сейчас ответчик за свой народ!

Рахлин. Прекрати демагогию! *(Сыну.)* Тихон, ты тоже считаешь, что я должен идти к ним на поклон?

Тишка. Папкен, я ничего не считаю... Все зависит от системы координат. Если уж ты живешь здесь, значит, существуй по правилам этой системы. Или становись “дисидой”, как Николаевич! Но нельзя играть в шашки по законам шахмат...

Рахлин. Циник! Шапчонку новенькую захотел?

Тишка. Папкен, я вообще хожу с непокрытой головой. *(Уходит.)*

Кукушина. Господи, и когда ты поедешь в Дом творчества?

Рахлин. Когда дадут путевку. По очереди. Как всем! А пока буду работать дома. Ра-бо-тать! *(Решительно садится за машинку, начинает стучать с отчаянным выражением лица.)*

Кукушина скрывается. Усиливается шум волн. В каюте медчасти возникают фигуры — Коломийцева и доктора.

Доктор. Начнем?

Коломийцев. Начнем!

Доктор *(решительно втыкает себе в живот иглу шприца, морщась, делает анестезию)*. Теперь вы, Егор Иванович. Режьте здесь! *(Показывает.)*

Коломийцев. Ну, с богом! *(Замахивается.)*

Доктор. Подождите... Возьмите ручку, бумагу, пишите: “В Литфонд СССР от члена СП Рахлина. Заявление. В связи с необходимостью частых командировок и встреч с многочисленными читателями прошу выделить мне зимнюю шапку из... из... соответствующего меха!”

Рахлин застонал, обхватил голову руками. Коломийцев в отчаянии воткнул скальпель в стол. Радист запричитал: “Всем кораблям в квадрате...”

Я — “Витязь”! Я — “Витязь”!

Затемнение

Кабинет оргсекретаря писательской организации П. Н. Лукина. Стол, телефоны, сейф, в глубине — большой портрет М. Горького, который одновременно служит потайной дверью. Оттуда и появляется П е т р Н и к о л а е в и ч Л у к и н. Он — в пальто с пыжиковым воротником и такой же шапке. Нажимает кнопку. В дверях возникает секретарша М а ш а.

Л у к и н. Народу?

М а ш а. Как обычно, Петр Николаевич. Кньш — характеристика для Италии, Зюкина — насчет прописки, Тартаковский — просит “Знак Почета”, Рахлин — что-то с Литфондом, подробностей не говорит...

Л у к и н. Запустишь Рахлина. Через семь минут — вызов в Моссовет.

Маша скрывается. Лукин снимает пальто, шапку, прячет их в сейф. Достает оттуда помятый плащ, старую потертую кепку, вешает их на видное место. Из большой банки достает новую вставную челюсть, надевает, отчего его лицо приобретает несколько сверхъестественную улыбку.

Входят Р а х л и н.

(Радушно.) Ефим, дорогой, входи! (Трясет руку Рахлина.) Извини за мой вид... Врачи протез новый ставят, просят примерить! Года, брат, ничего не попишешь! Ты молодой, ты еще своими жуешь... Ну, садись, рассказывай! Как жена? Как наша Зинаидочка?.. Вижу ее по телевизору... Ну, скажу, молодец! Казалось бы, не женское дело — война, а вот находит слова... Помнишь у Булата: “Ах, война, что ж ты сделала, подлая?”

Р а х л и н (прерывая). Петр Николаевич, я знаю: у вас со временем резрез, поэтому я сразу к делу...

Л у к и н. Да! Конечно! Только скажи, как Типшка? Учится? На втором уже?! А мой оболтус закончил ВГИК. И, знаешь, неплохой оператор получается... И общественную работу ведет, и спортом успеваает... Вот у нас поругивают молодежь, а я гляжу на своего Петьку, думаю — нет! Хорошая молодежь у нас, стоящая!! И всем, кто пыгается навязать ей разные сомнительные ценности, она еще покажет. (Показывает фигу.) Как говорится, накомь выкуси, идеологический протвник!!

М а ш а (по селектору). Петр Николаевич, у вас совещание в Моссовете!

Л у к и н (глянул на часы). Ах, да... (Рахлину.) Вот так, брат, живем. Все — по минутам! Ну, будь здоров, Ефим! Рад, что зашел...

Р а х л и н (решительно). Петр Николаевич, я вас ловлю второй день... Вопрос очень важный... Я — двадцать лет в Союзе. У меня — одиннадцать книг... Я настаиваю!

Л у к и н. Ну ты же слышал? Моссовет! (Смотрит на Рахлина.) Э, ладно... Кому ж мы нужны, если не людям? (Нажимает кнопку. Маше.)

Маша! Позвоните Промыслову, скажите, я задерживаюсь на десять минут... *(Рахлину.)* Ну, говори, что стряслось. Только давай не нервничать! *(Вынимает челюсть, бросает ее в банку. Лицо его моментально приобретает строго-деловое выражение.)*

Рахлин. Петр Николаевич, дело с первого взгляда может показаться несущественным, но для меня оно приобретает принципиальную окраску. Я по поводу шапок. Вы, конечно, знаете, что в Литфонде начали принимать заказы на шапки.

Лукин. Слышал. Я сам этим вопросом не занимаюсь, но знаю, что было постановление секретариата. Решили утеплять писателей! Между прочим, не простое дело оказалось. Дефицит! Дефицит проклятый! Через Совмин пришлось фонды выбивать!

Рахлин. Я бы не пошел, но мне шапка действительно нужна. Я езжу в командировки, встречаю с читателями...

Лукин. И тебе отказали? *(Нажимает кнопку.)* Маша, соедини меня с пошивочной Литфонда!

Рахлин. Нет, не отказали...

Лукин *(нажимает кнопку)*. Маша, не соединяй!.. *(Рахлину.)* Ефим, излагай понятней.

Рахлин *(достал бумагу)*. Вот! Вот мое заявление... А вот резолюция директора: "Принять заказ на головной убор из меха "кот домашний средней пушистости!"

Лукин. Ну?

Рахлин. Петр Николаевич, я не понимаю... Почему Баранову — из кролика, Трешкину — из нутрии, а мне — из кота?..

Лукин. Ты считаешь, кот хуже кролика?

Рахлин. Конечно, хуже... Кроликов разводят, а кошки сами плодятся. Кошки вообще — не мех!

Лукин. Ну, это не аргумент. Кроликов едят, а кошек не едят. Нутрия — это, вообще, насколько я знаю, крыса. Так что все неоднозначно! Впрочем, повторяю: я этим вопросом не занимался. Сам, лично, хожу в кепке. Обыкновенной старой кепке. Пошив сорок девятого года... Страшного года моей судьбы, ты знаешь. В ней меня брали, в ней восстанавливали в партии и в органах... Вот так! *(Надел плащ, натянул кетку.)*

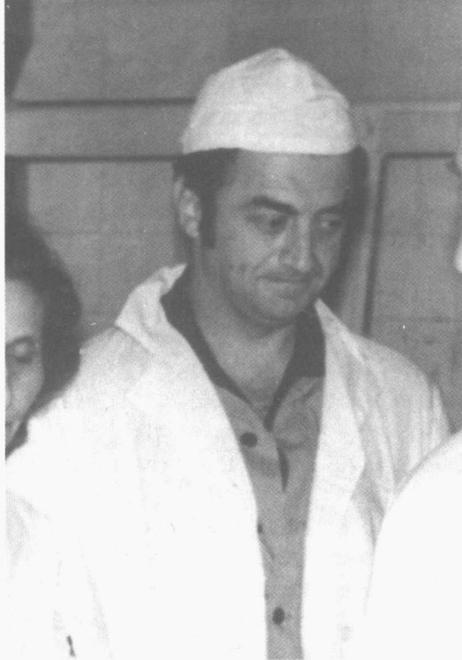
Рахлин *(решительно)*. Петр Николаевич, я отношусь к вам с громадным уважением! Но как секретарю организации делаю официальное заявление: я оскорблен! Двадцать лет безупречной работы в литературе, одиннадцать книг, широкий читательский интерес — все перечеркнуто! Я давно ощущал по отношению к себе дискриминацию. Мое пятидесятилетие прошло незамеченным, иностранная комиссия систематически обходит... И вот в пятьдесят пять награда — кот на голову!!! Я буду жаловаться, предупреждаю! Пойду к Каретникову, к Маркову, в ЦК! И пока справедливость не восторжествует, буду ходить в мороз с непокрытой головой... Вплоть до менингита! Пусть все видят, как у нас ценят писателя-фронтовика.

Папа, мама, сестра

и будущий автор этой книги

*Юность — пора выбора профессии и
спутницы жизни.
Профессии через три года изменил...*

*Жене, Любе, верен вот уже
тридцать лет и не раскаиваюсь.*

Юность — не только счастливая пора в жизни.

“Юность” — это еще и когда-то популярный журнал, где появилось сразу столько молодых писателей...

*Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Александр Иванов...
Булат Окуджава...*

Когда смотришь на эти снимки, сразу вспоминаются строки Ахмадуллиной...

“Да будем мы к своим друзьям при-страстны! Да будем верить, что они прекрасны! Терять их страшно!..Бог не приведи!

Скоро на радио, в журналах и на эстраде появится писатель с двойной фамилией: "Арканов-Горин"...

Совительство дело хорошее, но писатели по натуре — индивидуалисты. Вскоре захотелось сказать нечто личное, сокровенное, типа "Выхожу один я на дорогу!..."

За кулисы пришли те, кто поверил в мои творческие возможности и даже согласился за это поднять бокал: (слева — направо) З. Панерный, Б. Ласкин, М. Захаров, М. Миронова, Я. Голованов и др.

*1973 г. Первый творческий вечер в Доме Литераторов.
М. Миронова и А. Менакер
исполняют написанный мною скетч.*

“ТЕАТР ДВУХ АКТЕРОВ”:
Мария Миронова и Александр Менакер

*Сцена из спектакля "Номер в отеле".
Мистер Найт — А. Менакер, Элис Хейл — М. Миронова*

1972 г. Московский Театр Сатиры.

“МАЛЕНЬКИЕ КОМЕДИИ БОЛЬШОГО ДОМА

Режиссеры-постановщики А. Миронов и А.Ширвиндт

Художник Б. Месерер. Композитор — Б. Тухманов

В ролях: А. Папанов, Т. Пельтцер, А. Миронов, С. Мишулин и др.”

Такая афиша гарантировала успех. И успех был, да еще какой!

“Маленькие комедии большого дома” с успехом шли в странах “соцлагеря”. У всех нас была одна “крыша”, проблемы и кошмары были общими...

Театр г. Виттенберга (ГДР)

“Маленькие комедии” — на Пражском телевидении.

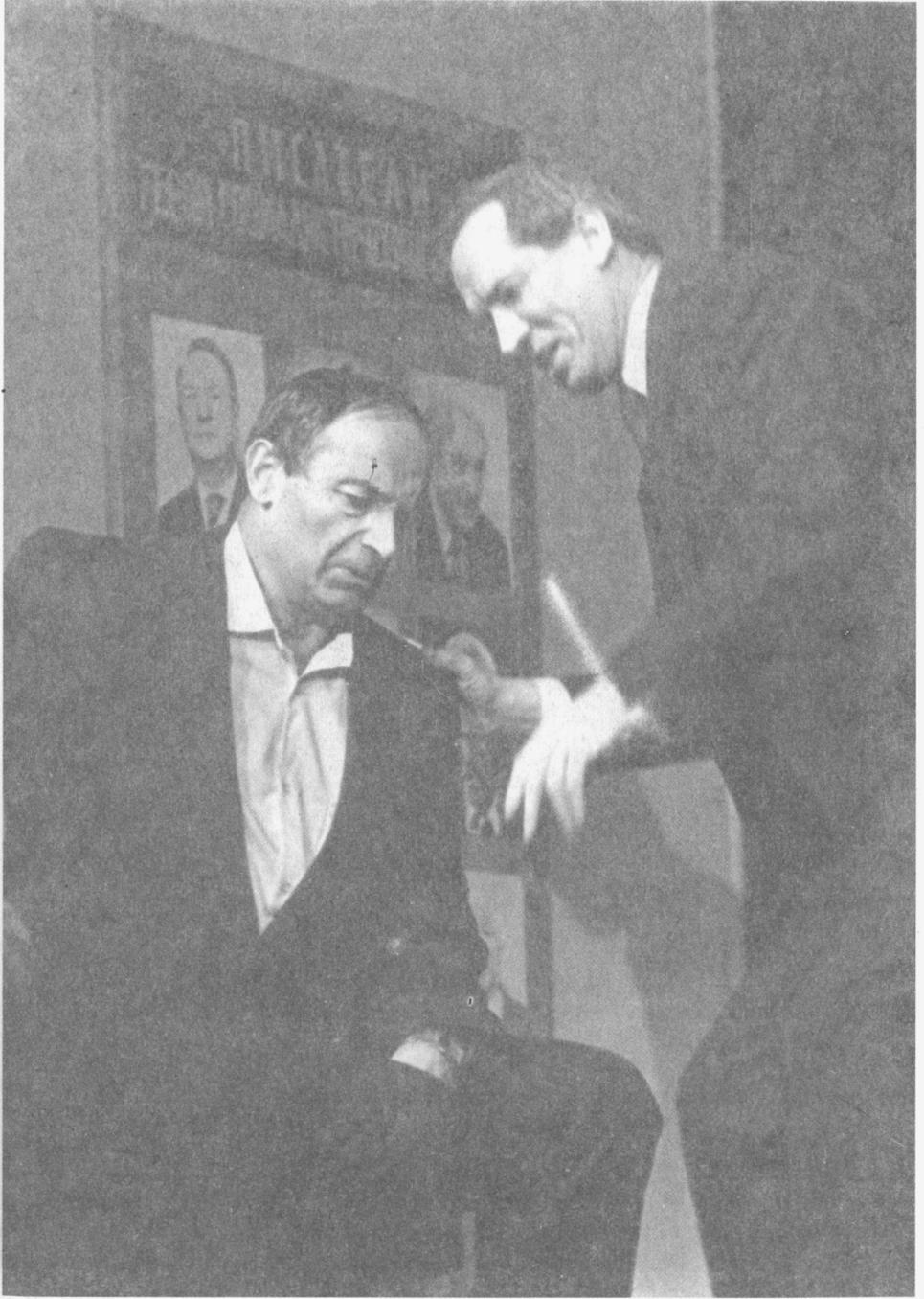
Спустя 25 лет после премьеры “Маленьких комедий” ее автора Арканова-Горина пригласила на юбилейный вечер независимая Латвия. Оказалось, зрители испытывают ностальгию по шуткам прошлого...

*Владимир ВОЙНОВИЧ среди соавторов:
(слева—направо) поэт Ю. Ким, композитор В. Дашкевич,
прозаик В. Войнович, драматург Г. Горин.*

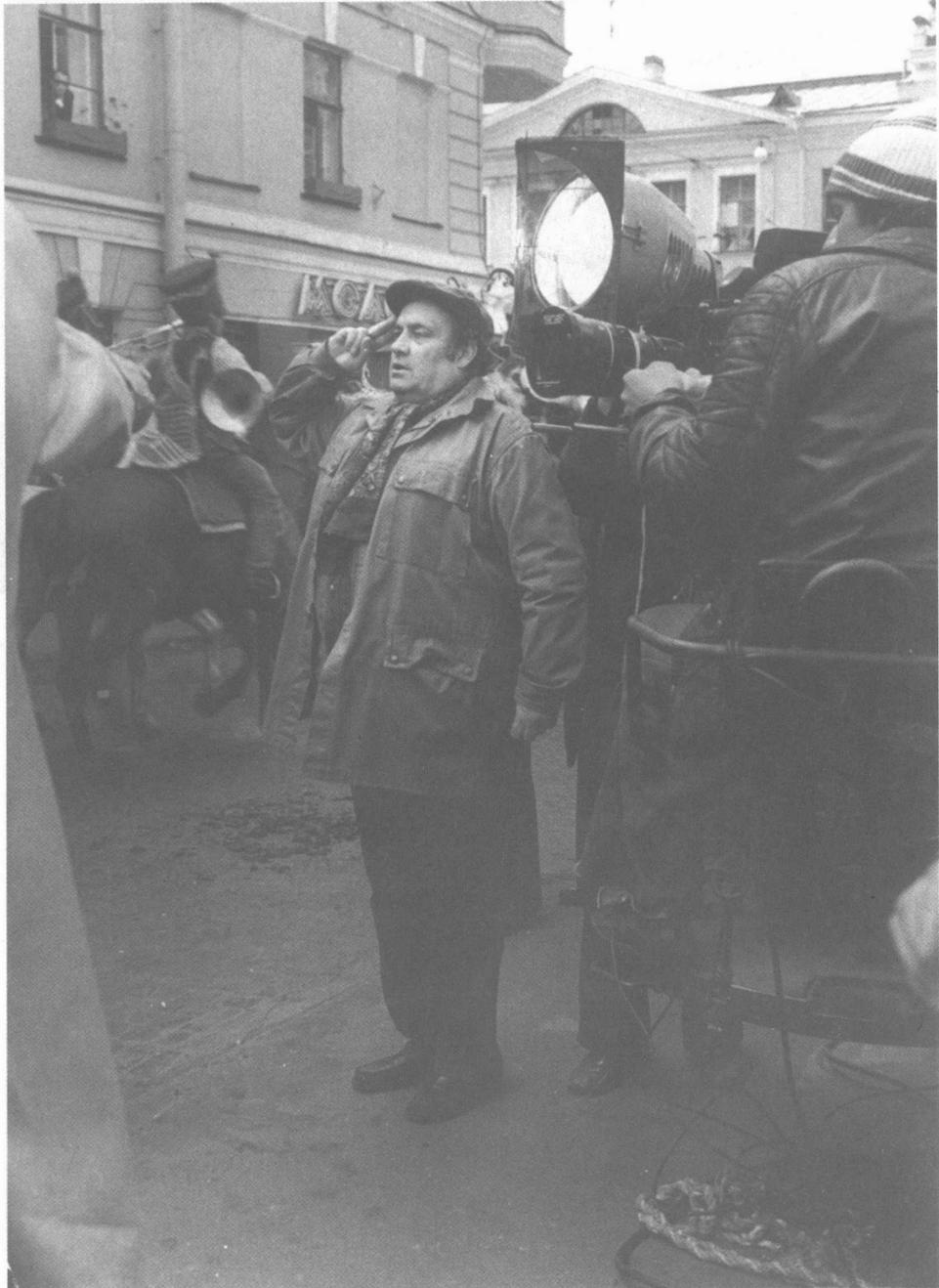

*Так задумывался спектакль “Кот домашний, средней пушистости”...
Режиссер-постановщик спектакля — Игорь Кваша.
В роли “кота” пробует себя мой щенок по имени “Патрик”.*

Сцена из спектакля Театра "Современник"
"Кот домашний средней пушистости".

Писатель Е. Рахлин — В. Гафт, Секретарь Союза Писателей — Г. Фролов.

*Режиссер Эльдар Рязанов на съемках фильма
“О бедном гусаре замолвите слово...”
проводит гусарский полк.*

Тут же просматривали отснятый материал...

Фильм прошел давным-давно, гусарская дружба осталась...

*Конец 80-х. В мастерской художника Б. Месерера собрались друзья.
Снимок Валерия Плотникова.*

Лукин (*снял плащ, кепку, нажал кнопку. В селектор*). Маша, валокордин! (*Рахлину*.) Так, Ефим Семенович, а вот этого не ожидал! Из-за какой-то ерунды, из-за какой-то паршивой кошки вот на какие обобщения замахнулись?! Это что, значит, акция у вас задумана? Вроде голодовки? Ну, я вам доложу... Так можно далеко зайти! Можно оказаться и по другую сторону баррикады. Вроде Николаевича, дружка вашего...

Рахлин. При чем здесь Николаевич? Мы с ним просто соседи. Почти не общаемся.

Лукин. Не надо, товарищ Рахлин, не надо! Прекрасно общаетесь! В гости ходите, на дни рождения приглашаете. Мы ведь тоже здесь не слепые! И вас совершенно не волнует, что ваш дружок встал на скользкий путь. Что его пасквили с удовольствием издают за рубежом.

Рахлин. Честное слово, я этим не интересовался.

Лукин. А вы бы поинтересовались, дорогой мой. Вы бы поговорили с ним, почему он не протестует? Почему отказывается прийти к нам на секретариат? Вы бы попытались его образумить, а уж потом приходили бы сюда за головным убором! Рахлин. Петр Николаевич, вы мне предлагаете сделку?

Лукин (*жестко*). Выбирайте выражения, гражданин Рахлин!

Вошла Маша, внесла лекарство, недовольно посмотрела на Рахлина, вышла.

(*Накапал себе в мензурку, вытил*.) Сделки, брат, на бирже предлагают, а ты — в родном доме. Только вы все готовы урвать, а вот сделать что-то для родного Союза вас не допросишься... (*Заскрежетал зубами*.) Черт, как прихватило! Сдохнешь на этой работе...

Рахлин (*участливо*). Может, помочь, Петр Николаевич?

Лукин. Ступай. Все равно уже никуда не поеду. (*Встает, направляется к кушетке*.) Здесь полежу. Плащешкой меня прикрой. Знобит.

Рахлин (*накрывает Лукина плащом*). Давайте все-таки я врача вызову.

Лукин. Э!.. К нашему брату-разведчику врача только в морге допускают. Ты где служил?

Рахлин. На Втором Белорусском...

Лукин. А я — на Первом Украинском. В Приднепровских степях вот так плащ-палаткой прикрывался. Да каску сверху. Хорошая шапка была, верно? И воды зачерпнуть, и пулю отвернуть. Она у меня всегда перед глазами... Вон, видишь?

Рахлин. Вижу. (*Подходит к полке, разглядывает каску*).

Лукин. Потрогай, не бойся... Только палец не порань, она в двух местах пробита.

Рахлин (*задумчиво разглядывает каску*). Извините меня, Петр Николаевич... Я, наверное, был груб...

Лукин. Э... Да что там... Ты лучше над предложением моим подумай.

Неожиданно звонит один из телефонов. Рахлин потянулся к телефону.

(Но тут Лукин проворно вскочил, зашипел.) Куда, мудило?! Это — вертушка!! *(Выхватил из рук Рахлина каску, оттолкнул, снял трубку.)* Лукин у телефона! Да, Юрий Иванович! Так точно, Юрий Иванович! Все понял. В четырнадцать ноль-ноль... *(Жестом показал, чтобы Рахлин вышел.)*

Рахлин растерянно попятился к дверям.

Докладываю: к операции все готово. Люди предупреждены, резервы подтянуты. *(Вновь зло глянул на Рахлина.)* Кругом!! П-шел! *(Для убедительности надел каску.)*

В ту же секунду с грохотом открылась дверь. Мимо изумленного Рахлина прошли несколько человек в военной форме, окружили Лукина, прислушиваясь к трубке.

Так точно, Юрий Иванович! Все наготове!!

Послышались взрывы. Едкий дым снарядов начал заволакивать кабинет. Секретарша Маша, в военной форме, внесла рацию. Рахлин испуганно попятился в глубь кабинета, но, к его удивлению, А. М. Горький вдруг высунулся из рамки портрета и сурово сказал: "ПрОходите, дорогой! ПрОходите!" Обезумевший Рахлин исчез в клубах дыма.

З а т е м н е н и е .

3

Квартира писателя Николаевича. Н и к о л а е в и ч — за письменным столом, перед ним — включенный магнитофон.

Н и к о л а е в и ч *(наговаривая в микрофон)*. Для изучения жизни не надо ездить в творческие командировки и напрасно расходовать казенные деньги. Изучайте жизнь там, где живете, это гораздо продуктивнее и дешевле. Загляните хотя бы в наш дом. Дом наш не то чтобы какой-то особенный, но и нельзя сказать, что обычный. Проживают здесь инженеры человеческих душ, члены жилищно-строительного кооператива "Столичный писатель". Знаю, на свете есть немало людей, которые в жизни не видели ни одного живого писателя. А у нас их — больше сотни. Известные, малоизвестные, неизвестные вовсе. Богатые, бедные, самобытные, бездарные, левые, правые, средние, никакие...

Звонок в дверь.

(Выключает магнитофон, подходит к двери.) Кто там?

Трешкин. Это я, Виталий! Не бойсь!

Николаевич открывает дверь. Входит Трешкин с охапкой газет.

Не помешал?

Николаевич. Ну, как тебе сказать...

Трешкин. А так и говори: помешал так помешал. Все равно войду. *(Проходит в комнату.)* Работаешь?

Николаевич. Пытаюсь.

Трешкин. А я днем не могу. Я — на заре... Пока солнышко не взошло. Стихи, они на заре идут... *(Оглядел стол.)* Ты чего, на машинку наговариваешь? А я — нет! Я перышком скриплю... Железным перышком, как деды наши.

Николаевич. Ты говорил, что у тебя дед безграмотный...

Трешкин. А?.. Ну да... Это я так... Для образа... *(Оглядевшись по сторонам, полушепотом.)* Слышал я тебя вчера по... дурному радио. Отрывки из повестушки твоей... Ну, молодец, Виталий! Ей-богу! Вмазал по первое число... Всем заглотчикам вмазал!

Николаевич. Напомни, “заглотчики” у тебя — кто это?

Трешкин. Да все! Гужеды, христопродавцы, олялюшники совдеповские... *(Огляделся.)* У тебя, как думаешь, квартира на прослушке?

Николаевич. Не знаю. Может быть, и да!

Трешкин. Ну и хрен с ним! Потому и пришел! Желаю довести до сведения соответствующих органов, а через тебя и до зарубежья, о всеобщем заговоре против России...

Николаевич. Постой, Вася! Ты мне про этот заговор уже говорил. С зарубежьем я не связан, а в органы не надо из моей квартиры сообщать. Напиши письмо!

Трешкин. Писал! Не берут в резон! То есть заявления принимают, а мер — никаких. А синисты нагледят... *(Берет газету.)* О, смотри! “Комсомолка” за вчера... Читай: “Праздник русской песни”... А с другой стороны — “Не допустим никогда!” А теперь — на просвет! Все соединилось...

Николаевич. Бред, Вася!

Трешкин. Не бред, Виталий, не бред! Ты — христианская душа, ты доверчив. А это они друг дружке сигналы подают... Возьми “Юность”. Ну, журнал весь прочесоченный, это мы знали, но уж до того распоясались... Гляди! Стишки шестиугольными звездочками разделяют. Стишок — звездочка, стишок — звездочка!

Николаевич. Ну, это ты брось! Я сам в типографии работал, знаю. Это типографский знак, называется “снежинка”...

Трешкин. Снежинка? Что я, снега не видел?! Ну, ладно... Это все семечки. Газетки, журналы — в душу плюют! Ладно! Утремся!.. Но ведь они в атаку на организм перешли. Облучают! Купил я месяц назад телевизор “Рубин”.

Николаевич. “Рубин”.

Трешкин. Я тоже думал “Рубин”, оказалось — “Рубин”... Ну, ладно! Хрен с ними... Хоть “Шапиро”! Русский все купит! Стал я смотреть по нему всякую муру... День смотрю, второй смотрю, неделю... И тут чувствую, что-то у меня к бабам интерес пропадает.

Николаевич. Может, стареешь?

Трешкин. Ни хрена! У меня дед до восьмидесяти бабку петушил! Но не во мне дело. С наших харчей и не такое может начаться. Но кот! Кот мой, тоже Васька, между прочим, его ж по весне дома не удержишь... А тут, гляжу, ложится, чиста душа, возле телика, за окном кошки орут, а ему хоть бы хны. Я схватил, понес к ветеринару, тот проверил — точно! Облучен!! Кастрировали кота, синисты проклятые!.. Ветеринар и меня осмотрел, говорит, вы, гражданин Трешкин, либо выкиньте “Рубина”, либо предохраняйтесь. И вот как хожу теперь... Ну-ко, глянь! *(Решительно снимает штаны.)*

Оказывается, его половые органы замотаны фольгой.

Смотри! У тебя квартира просматривается? Пусть все видят, до чего человека в России довели... Разрешаю сфотографировать для зарубежных изданий!!

Николаевич. Не дури, Вася! Надень штаны!

Трешкин. Не надену! На Красную площадь так выйду!.. *(В отчаянии.)* Да что ж творится, братцы? Деревню сгубили, церкви порушили, русского ЦК и того нету!.. Узбекское есть, а русского нету!

Николаевич. Господи, ну что ж за каша у тебя в голове?.. С одной стороны — церкви, с другой — ЦК! На кой тебе русское ЦК? Чем тебя брежневское не устраивает?

Трешкин. Брежнев — это Бровман! Черненко — хохол.. Нету нам русских, кроме Сулова — масона!.. Будешь для зарубежья фотографировать или нет?

Николаевич. Не буду!

Трешкин. Значит, и ты — масон!

Николаевич. Возможно! Не задумывался...

В открытую дверь быстро входит Кукушина. Не обращая внимания на Трешкина, направляется к балконной двери.

Кукушина *(на ходу)*. Извини, Виталий... Там дверь открыта, я без звонка... *(Проходит на балкон, кричит на улицу.)* Ефим! Немедленно — домой! Ты меня слышишь? Ефи-им!

Трешкин. Ну, все ясно... *(Натягивает штаны.)*

Кукушина *(вернувшись)*. Я помешала?

Трешкин *(иронично)*. Почему ж, мадам Рахлина? Помогли прояснить обстановку!.. А я-то, дурак, разоткровенничался. Пришел карась к щуке правду искать!.. У вас же тут гнездо!.. Ну, ничего, граждане.

Посмотрим! Француз тоже Москву брал, да потом горько плакал! *(Застегнул молнию на штанах и с горьким видом прошел мимо удивленной Кукушиной.)*

Николаевич *(устало)*. Паноптикум!

Кукушина. Чего это у него, плавки из серебра?

Николаевич. Предохраняется.

Кукушина. Ну, мужики! Я скажу, Виталий, у вас климакс хуже, чем у баб проходит. *(Бросается к окну, кричит.)* Е-фи-м! *(Николаевичу.)* На улице — двенадцать мороза! Замерзнет ведь, дурак! *(Снова кричит.)* Е-фи-м!

Николаевич *(подходит к окну)*. Может, все-таки объяснишь, что происходит? Почему он без шапки?

Кукушина. Потому что не дали! Вернее, дают, но не ту... Вот он и стоит напротив Лигфонда, чтобы им стыдно было... Как же! Будет им стыдно, оглодам. *(Бросается к телефону, набирает номер.)* Каретников мог бы помочь... Все-таки он секретарь большого союза, депутат, но у него запой! И стерва-жена! Не допускает! А я думаю, должны же быть просветления, а? *(Набирает номер.)* Занято! *(Снова метнулась к окну.)* ...Господи! Стоит, как памятник вождю... Ему ж нельзя, у него железки с детства... *(Всклинула.)* Виталик, милый, сходи, приведи этого сумасшедшего. Он тебя послушает.

Николаевич. Почему он меня послушает?

Кукушина. Тебя он уважает... И вообще, все это — отчасти из-за тебя. Ефим рассказывал, что на него Лукин оказывал давление, чтобы он на тебя оказал давление, чтобы... Я не знаю, чего они хотят?! *(В отчаянии.)* Виталий, ну посмотри, его же снегом заносит!..

Николаевич. Ну, домик!.. *(Нахлобучил вязаную шапочку, выбежал из квартиры.)*

Кукушина *(набирает номер телефона)*. Алло! Лариса Евгеньевна? Это опять я, Кукушина-Рахлина. Не проснулся Василий Степанович?.. Ну, как же... Голубушка, Лариса Евгеньевна, я ведь второй день звоню, а он все не просыпается. Я понимаю, что болен, но вы и меня поймите... Просто как женщина женщину. У моего Ефима здоровье тоже ни к черту! Ему необходимо встретиться с Василием Степановичем! Это чисто творческий вопрос! Они же вместе столько лет в одном журнале... Василий Степанович такой чуткий, такой отзывчивый, Ефим его обожает!.. Там дело-то пятиминутное!.. Голубушка, ну как женщина женщину, поймите... Хорошо, я буду ждать! Но, если проснется, вы нам позвоните... Нет, конечно, извините, я просто неудачно выразилась... Хотела сказать: когда проснется, вы позвоните? Спасибо! *(Вешает трубку.)*

Николаевич вводит запорошенного Рахлина.

Николаевич. Это — глупо, Ефим! Глупо!

Рахлин *(дрожа от холода)*. Я — двадцать лет в Союзе, за мной — одиннадцать книг. Широкий читательский интерес...

Н и к о л а е в и ч. Ну, пусть тебе читатели шапку и подарят. *(Кукушиной.)* Зинаида, поговори с моряками...

К у к у ш и н а. Господи, да я на барахолке видела такой лисий ма-
лахай...

Р а х л и н *(взвизгнул)*. Не смей! Я не нуждаюсь в подачках! Вы прекрасно понимаете, что дело уже не в шапке, а в принципе! Я требую объективной оценки своего труда... Двадцать лет в Союзе. Одиннадцать книг... Все это я крикнул им в лицо! И теперь я не могу отступить!

Н и к о л а е в и ч. Ну хорошо, а если и они не уступят? Что ты будешь делать? Облеченеешь перед Литфондом?

Р а х л и н. Не иронизируй, Виталий! Я — не сумасшедший и не самоубийца! Если они меня доведут — я пойду на крайнюю меру!

К у к у ш и н а *(испуганно)*. Замолчи! Умоляю, не здесь... Ну, погоди, я хоть телефон выключу! *(Выдергивает телефон из розетки.)*

Р а х л и н *(шепотом)*. Я готов передать рукопись за границу!

К у к у ш и н а *(шепотом)*. Я тебе передам! Ты подумал о Тишке, обо мне? Я работаю на телевидении... Имей в виду, я с тобой в Мордовию не поеду!

Р а х л и н. При чем здесь Мордовия? Не те времена! Виталика на Западе печатают, и он, как видишь, не в Мордовии!

Н и к о л а е в и ч. Во-первых, Ефим, не будем загадывать. Во-вторых, я рукописей не передавал. В-третьих, почему ты решил, что Западу это интересно? Я читал твои книги, они рассчитаны, извини, на советского читателя...

Р а х л и н. Да, это так! Это — мой принцип! Я писал о хороших людях и будил добрые чувства... Но, если это оценивается не выше кошачьего хвоста, я готов открыть горькую правду...

Н и к о л а е в и ч. Ну, это когда будет...

Р а х л и н. Я уже начал! Роман. Называется “Операция”. Помнишь, я рассказывал про научное судно, где врач сам себе аппендицит вырезал?

Н и к о л а е в и ч. Помню. Не помню почему?

Р а х л и н. Что “почему”?

Н и к о л а е в и ч. Почему “сам себе”, а не в госпитале.

Р а х л и н. Они стояли возле Канады.

Н и к о л а е в и ч. Ну и что?

Р а х л и н. Как “что”? Где взять валюту? И потом, там все осложнялось замполитом. Замполит, мерзавец, нашел в каюте доктора “Архипелаг” и ни за что не отпускал доктора на берег. Боялся, что тот отвалит вместе с аппендицитом. Неужели такой сюжет Западу не интересен?

Н и к о л а е в и ч. Не знаю. Все это вообще такая дичость, что объяснить цивилизованным людям довольно трудно. Впрочем, как написать...

Р а х л и н. Так и напишу. Я же был там, с ними в плаванье. Я все видел. У меня там несколько линий... И сексуальная есть. У нас буфетчица была, культмассовый сектор, а жила с половиной экипажа...

Кукушина. Не надо про секс, Фима. Это — не твоя стезя.

Рахлин. Замолчи!.. Я всегда обходил этот момент, потому что... Потому что... Черт знает, почему я обходил?! Потому что ханжеская цензура! А если себя не сдерживать... Господи, да у нас там и один педик был! Радист! Жил с бодманом...

Николаевич. Значит, два?

Рахлин. Кого?

Николаевич. Педика. Раз он жил с бодманом, значит — два?

Рахлин. Действительно... От черт!.. Как же я не подумал. Очевидная вещь, а я не задумывался... (Жене.) Видишь, как притупляется мысль?! Конечно, два педика.

В открытую дверь вошел Тишка.

Тишка. Па! Там от Каретникова позвонили. Он тебя ждет. Сказал: прийти с рукописями...

Кукушина. Ну слава богу!!

Рахлин. Ага! Испугались, голубчики!.. Засуетились!.. А вот — не пойду! Пусть сам приходит!

Кукушина. Фима, не валяй дурака! Секретарь, депутат, почему он должен к тебе приходиться?

Рахлин. Знаю, зачем он меня ждет. Опохмелиться! Не пойду!

Кукушина. Фима, я тебя умоляю... Я столько сил потратила. (Николаевичу.) Виталик, ну скажи. Это же глупое фанфаронство! Сам Каретников звонит... Виталик!

Рахлин. Хорошо, пусть скажет Виталий. Идти, нет?

Николаевич (растерянно). Не знаю... Каждый репает за себя, Ефим. Дело серьезное! Ты только ответь: если тебе шапку дадут, ты роман писать не станешь?

Рахлин. Почему?! Нет... Все равно... Напишу “в стол”. Пусть опубликуют после смерти... После смерти, надо ж тоже... А? (Неожиданно пошатнулся.) Что-то у меня голова поехала... Знобит! (Отпускается на стул.)

Кукушина (бросилась к нему, пощупала голову). Доигрался! Господи, да у тебя жар... Виталий, ну не мучай его. Пусть пойдет.

Николаевич. Я не мучаю... Конечно...

Кукушина (поднимая мужа). Пойдем, Фима, пойдем!.. Не надо усложнять... Все хорошо, милый. Ты их победил! Ты напишешь “в стол”. И просто напишешь... Ты — сильный, я в тебя верю... Пойдем, милый, пойдем!

Вместе с Тишкой уводят Рахлина. Николаевич задумчиво смотрит им вслед, затем возвращается к столу, включает магнитофон.

Слышен его голос.

Голос Николаевича. “Для изучения жизни не надо ездить в творческие командировки и напрасно расходовать казенные деньги. Изучайте жизнь там, где живете, это гораздо продуктивнее и дешевле...”

Телефонный звонок. Николаевич выключает магнитофон, снимает трубку.

Голос Лукина. Виталий Никитович, это — Лукин.

Николаевич. Слушаю вас, Петр Николаевич.

Лукин. Нам надо бы встретиться. Прошу в понедельник, в четырнадцать ноль-ноль...

Николаевич. Нам незачем встречаться, Петр Николаевич. Я уже говорил вам. И выслал письмо.

Лукин. Никакого письма я не получал.

Николаевич. Значит, почта перехватила. Позвоните по телефону, который вы наверняка знаете, вам передадут.

Лукин (*хихикнул*). Мне не до шуток, Виталий Никитович! Я вам настоятельно рекомендую...

Николаевич (*перебивая*). А если хотите, могу прочесть. У меня есть второй экземпляр. (*Достает лист бумаги.*)

Лукин. Какое письмо? Я не понимаю...

Николаевич (*читает*). “В Секретариат МО СП РСФСР. Я не приду на ваше заседание, потому что оно будет происходить при закрытых дверях, втайне от общественности, то есть нелегально, а я ни в какой нелегальной деятельности принимать участия не желаю. Нам не о чем говорить, не о чем спорить, потому что я выражаю свое мнение, а вы — какое прикажут!”

Лукин. Виталий Никитович, я отказываюсь это слушать! (*Вешает трубку.*)

Николаевич (*продолжает читать*). “Я не приду на ваше секретное заседание. Я готов полемизировать с вами на любом открытом собрании писателей, а если хотите, рабочих, от имени которых вы на меня нападаете. В отличие от большинства из вас, я сам был рабочим. Мне приходилось пахать землю, месить на стройке раствор, стоять у станка на заводе. Четыре года я прослужил солдатом Советской Армии. На открытом собрании я хотел бы посмотреть, как вам удастся представить меня акулкой империализма или агентом иностранных разведок. Ложь — ваше оружие! Вы оболгали и помогли вытолкнуть из страны величайшего ее гражданина. Вы думаете, что теперь вам скопом удастся занять его место? Ошибаетесь! Места в великой русской литературе распределяются пока что не вами. И ни одному из вас не удастся пристроиться хотя бы в самом последнем ряду”.

Короткие гудки.

Затемнение

Квартира Василия Степановича Каретникова. Жена Каретникова,
Лариса Евгеньевна, вводит Рахлина.
У того в руках — чемоданчик.

Лариса Евгеньевна. Ефим, я вас очень прошу — не больше двадцати минут.

Рахлин. Конечно, Лариса Евгеньевна. У нас — блиц-разговор.

Лариса Евгеньевна. Знаю я ваши “блиц”... *(Подозрительно смотрит на чемоданчик Рахлина.)*

Рахлин. Там рукописи. Честное слово! *(Открывает чемоданчик, показывает.)*

Лариса Евгеньевна *(проверив чемоданчик)*. Извините, Ефим, но я вынуждена... *(Подходит к Рахлину, начинает его ощупывать.)*

Из своего кабинета выходит Василий Степанович Каретников. У него заспанный вид. На нем — длинные футбольные трусы и майка.

Каретников *(весело)*. А! Таможня работает?! Ну-ну!

Лариса Евгеньевна *(закончив обыск)*. С тобой же иначе нельзя!

Каретников *(обняв жену)*. Ларуня, я сказал — выхожу из штопора, значит, все! У нас с Ефимом чисто творческий диспут! *(Выпроставляет жену, прижимает дверь плечом, поворачивается к Рахлину.)* Рукопись принес?!

Рахлин заговорщицки кивнул.

Молодец! Читай вслух!.. Не, погоди... Лучше я. Ты мою статью в “Правде” видел?

Рахлин. Не успел.

Каретников. Ну, как же так?.. Для кого ж я пишу? *(Схватил газету со стола.)* Вот. “Всегда с партией, всегда с народом!” Хорош заголовок?

Рахлин кивнул.

Можно было, конечно, и лучше придумать, но я решил оставить этот. Просто и без прикрас! С тем и с другим!.. Послушай! *(Начинает нарочито громко читать, обращаясь больше к двери, за которой скрылась жена.)* “Жизнь советского художника неотделима от жизни общества, которое доверило ему высокую миссию — быть выразителем сокровенных чаяний и дум народных!” *(Заглянул в замочную скважину, приоткрыл дверь.)* Ушла! Я на ней эту статью два раза проверял, больше не дается... *(Хохотнул, перешел на шепот.)* Ну, где рукопись-то? Не тяни!

Рахлин. Вот! *(Расстегнул жилет, рубашку, оказалось, что под поясом у него спрятана грелка со шлангом.)*

Каретников *(с восторгом).* Ну Фимка! *(Бросился к Рахлину, жадно припал к шлангу.)* Ух! Хорошо! *(Подумал, чем закусить, решительно поцеловал Рахлина в губы.)* Вот что значит еврейская голова! Я почему против антисемитизма?! Потому что в некоторых вопросах без интернационализма нельзя! У меня в журнале так! Главный редактор — русский, первый зам — само собой, а уж ответственного секретаря я всегда беру из ваших!.. И в ЦК всегда стою, как скала... Вы, говорю, моего Рубинштейна не трогайте!! Хотите, чтоб был партийный журнал, чтоб нигде комар носа — руки прочь от Рубинштейна! Я и в годы космополитизма так!.. У меня в редакции двенадцать процентов от общего списка... А времечко-то было, ого! Меня за горло брали, говорили: Вася, сократи процент! А я говорю: накося выкуси! *(Показал огромную дулю, затем вновь припал к шлангу.)* Погоди! *(Прислушался, схватил газету, снова громко стал декламировать.)* “Литература всегда в долгу перед своим народом! И это — не громкие слова, если вдуматься в их перво-зданный, глубокий смысл! Наш долг — отразить те великие свершения, которые происходят сегодня повсюду и о которых так ясно было сказано в отчетном докладе с трибуны завершившегося съезда партии...” *(Вновь выглянул за дверь.)* На кухне закрылась! Не может слышать эту хреновину! *(Смял газету.)* А я могу?! Я не только, значит, пиши, я еще и перечитывай?! *(Застонал.)* Ненавижу!!! Знаешь кого, Фимка? Софью Власьевну нашу родную!! Вот-объясни мне такой парадокс: она мне, Софья Власьевна, все дала: и лауреат, и герой, а я ее ненавижу... А с другой стороны, кто бы я был без нее? Просто Васька Каретников... Как дед Василий. Фирма “Каретников и сыновья”. Два своих парохода на Волге!! Так вот как жизнь распорядилась: деда — к стенке, отца — в управдомы, а меня — в писатели!.. Горький, видишь ли, меня открыл... Я его просил — открывать?! Основоположник хренов!!

Рахлин *(испуганно).* Василий Степанович... *(Показал на телефон.)*

Каретников. А вот им! *(Показал телефону дулю.)* Положил я на них... Я в запое! Они знают! Это и Толстому и Фадееву разрешалось! Если человек — классик соцреализма, ему позволено. Иначе организм не выдерживает... *(Вновь припал к шлангу.)* А ты чего не пьешь?

Рахлин. Не могу, Василий Степанович... Язва.

Каретников. Не дури! Я не люблю один... Пей!

Рахлин. Честное слово, не могу...

Каретников. Брезгуешь? Из собственной грелки брезгуешь?! Я тебя сосу, как дитя титьку, а ты?!!

Рахлин *(испуганно).* Ну, хорошо... Хорошо... *(Поспешно пьет.)*

Каретников. Закусим! (*Целует Рахлина.*) Ну, говори... Зачем пришел? (*Садится в кресло, закрывает глаза.*)

Рахлин (*нерешительно*). Даже не знаю, как и начать... Дело, казалось бы, ерундовое, но когда за твоей спиной — одиннадцать книг, когда есть наработанный авторитет... И вот правление спускает списки на получение шапок...

Каретников неожиданно громко захрапел.

Василий Степанович! (*Трясет Каретникова.*) Василий Степанович, Лариса Евгеньевна усльпит! Да проснись ты! (*Трясет Каретникова.*)

Тот храпит еще громче.

(*Истуганный Рахлин хватает газету, начинает громко выкрикивать.*) “Еще хочется сказать об одной важной миссии, легкой на плечи литературы: о борьбе за мир, о борьбе с происками империалистических реваншистов всех мастей! Расскажу о случае, который был со мной во время последней поездки в Амстердам, где проходила сессия Всемирного Совета мира. После одного из заседаний на улице ко мне подошел пожилой человек, голландец. Он долго смотрел на меня, а потом сказал: “Передайте Москве, что все люди Земли смотрят на нее с надеждой!” Я поинтересовался, как он догадался, что я из Москвы. Тогда он молча указал на мой лауреатский значок с профилем Владимира Ильича. И я понял, какая громадная ответственность лежит на всех нас, лауреатах и нелауреатах, отсвет каких идей носим мы на своей груди, в своем сердце...”

Каретников (*он проснулся, с интересом слушает Рахлина*). Вранье! Все вранье!.. Как он мог меня спросить, когда я по-голландски ни бум-бум?! (*Застонал.*) Э! Васька-Васька! Дай глотну!

Рахлин. Василий Степанович, умоляю... Лариса Евгеньевна сейчас войдет. У меня срочное дело.

Каретников. Это по поводу шапки, что ль?.. Я понял. Ты не думай, я на любом президиуме могу спать, а доклад слышу. Ну, в чем дело? Не дают шапки?

Рахлин. Дают, но из кота...

Каретников. А у меня какая?.. погоди! (*Встал, достал с полки меховую шапку.*) Это — кто?

Рахлин. Ондатра.

Каретников. Таковую же хочешь?

Рахлин. Не обязательно...

Каретников. А ну надень! (*Напяливает на Рахлина шапку.*)
Носи!

Рахлин (*снимая шапку*). Нет, Василий Степанович, так не надо...

Каретников. Ах, так не надо? Сукин сын! Хочешь, чтоб тебе ее торжественно вручали, как Брежневу саблю!.. Может, тебе и значки мои нужны? Лауреатские, депутатские?! Бери!! Только уж будь добр тогда и статью такую в “Правду” засандалить... “Всегда с партией, всегда с народом!” Я ж вижу, как ты морду от нее воротяешь! Ты у нас вроде нейтрал-либерал, про геологов сочиняешь... А шапку захотел!! Ты что думаешь, ее лысину прикрывать дают?! Она, как звезда на шпиле, все строение завершает! Я в этой шапке на всех трибунах отстоял, когда ты на кухне с друзьями отсиживался да над Каретниковым посмеивался... Я в ней во всех Голландиях-Исландиях ответ держал... Тебя, поди, журналисты спросят про Афганистан, ты сразу в кусты: “Политикой не интересуюсь!” А мне так нельзя! Я говорю: поддерживаю полностью и бесповоротно! *(Схватил шапку.)* Она у меня от пота промокла, от слез моих! А ты ее задарма получить хочешь? *(Надел на себя шапку, решительно сунул дулю под нос Рахлину.)* Накось, выкуси! Выкуси!

Тут случилось непредвиденное: Рахлин вдруг рванулся навстречу протянутой руке и вцепился в нее зубами.

(Взвыл, отдернул руку, с удивлением глядит на окровавленный палец Шепотом.) Ты что?

Рахлин *(нагло)*. Ничего! Просили — сделал! *(Схватил шланг от грелки, глотнул, сплюнул, начал лить водку себе на голову.)*

В дверях появилась испуганная Лариса Евгеньевна.

Лариса Евгеньевна. Что это?.. Вася...

Каретников. Вызывай милицию, Лариса... *(Шагнул к Рахлину.)*

Рахлин *(оскалившись)*. С дороги! *(Оттолкнул Каретникова, выскочил в коридор, на лестницу.)*

Здесь к нему кинулись какие-то люди в шапках, масках, колпаках.

Среди них — Баранов, Лукин, Кукушина, Трешкин.

С дороги!!! *(Расталкивая толпу, устремился вверх по лестнице, которая вывела его на капитанский мостик. Оттолкнув стоявшего здесь капитана Коломийцева, закричал в рупор.)* Всем кораблям! Слушай мою команду!! Поднять якоря! Выходим в открытое море! Я — “Витязь”!! Шапки долой!!

Грянул оркестр. Почему-то зазвучало: “Боже, царя храни!” Все испуганно стали снимать шапки.

Занавес

Часть вторая

1

Вечер. Дом-корабль высвечен тусклыми огоньками квартир. Слышны тихие голоса, музыка, звук работающих телевизоров. К ним иногда примешивается треск радиоприемников, настраиваемых на зарубежные радиостанции...

“Говорит Лондон. Радиостанция “Би-би-си” продолжает свои передачи на русском языке. После полного выпуска “Последних известий”, как обычно, наш радиожурнал: “Глядя из Лондона”. В программе: События в Афганистане. Пресс-конференция министра иностранных дел Громыко. Новые факты о протестах инакомыслящих в СССР. Но сначала — полный выпуск “Последних известий”...”

Шум морских волн заглушает волны эфира. Капитан Коломийцев спускается в каюту медсанчасти к доктору. При его появлении доктор поспешно приглушает радио.

Коломийцев. Здоров, Витя!.. Ну, как дела?

Доктор (*морщась*). Неважно, Егор Иванович! Болит...

Коломийцев. Температура?

Доктор. Не знаю. Последний градусник кто-то спер...

Коломийцев. Вот, сукины дети! Найду — убью!

Доктор. Да где уж? Еще в Бомбее, поди, все на берегу осело...

Коломийцев. Позор! До чего флот довели. Ни стыда ни совести нет.

Доктор. Валюты нет, Егор Иванович!.. Пока матросам будем платить копейки, они “ченчем” промышлять не перестанут. Детिशкам надо ж что-то привезти?.. Вот и меняют, что под руку попадет... Утюги, одеколон, градусники...

Коломийцев (*застонал*). Эх, российский флот!! Кого набираем? Все анкеты смотрим, о совести не думаем... Эх... Иглы-то хоть остались?

Доктор. Есть пока.

Коломийцев. А скальпель?

Доктор (*настороженно*). Вы это к чему, Егор Иванович?

Коломийцев (*засмутился*). ...Интересуюсь... Что в наличии?

Медчасть все-таки...

Доктор. Радиogramму получили?

Коломийцев мрачно кивнул.

Из Владивостока?

Коломийцев. Из самой Москвы!.. Они там проконсультировались с кем-то... В общем, считают, что обращаться в канадский госпиталь нецелесообразно. Предлагают обойтись своими силами... Как в “Комсомолке”.

Доктор. В какой еще “Комсомолке”?..

Коломыйцев. За прошлый год. Случай был описан. Врач какой-то на зимовке сам себе грыжку зашил...

Доктор. Но ведь это на зимовке... Стационар...

Коломыйцев. Все понимаю...

Доктор. Там — грыжа, а здесь — аппендицит...

Коломыйцев. Но ведь ты — моряк, Витя!!

Доктор. Я — не смогу!

Коломыйцев. Сможешь, сынок, сможешь... А если что, я помогу! Ты — не бойся. Я, конечно, не медик, но все-таки — старый рыба. На разделке работал...

Доктор (*испуганно*). Какая “разделка”? Нет, спасибо, Егор Иванович!.. Уж я сам лучше... Вам не надо.

Коломыйцев (*угрюмо*). Ну, спасибо, Витя!.. Спасибо, сынок! Снял грех с души... Это я ведь не сам... Замполит, стерва, требует!.. Ну, ничего! Нам бы только до дома доползти, он у меня свое получит. В жизни “телег” ни на кого не писал, а тут — не удержусь. (*Доктору*.) А может, и рассосется все само. Витя, а?

Доктор. Не рассосется, Егор Иванович! Нужна операция. Вы идите, Егор Иваныч... Я буду готовиться... (*Постанывая, поднялся, постелил простынку, начал раскладывать инструменты.*)

Коломыйцев. Ну, как говорится, Бог тебе в помощь, Витюша!

Доктор. Постойте, Егор Иванович... У меня к вам все-таки есть просьба... Может быть, последняя. (*Достал лист бумаги.*) Передайте это замполиту.

Коломыйцев. Что это? Старый стал, не вижу... (*Надел очки.*) “Заявление. В случае моей смерти прошу не считать меня коммунистом!” (*Испуганно.*) Ты что, Витя?! Подумай о будущем!..

Доктор. Я и думаю. Вы сами Бога вспомняли, а к Богу лучше беспартийным приходиться... Я ведь и в кандидаты записался только, чтоб в загранку попасть. А так у нас в семье — все верующие. Хочу, чтоб и похоронили, если что, по-человечески... Чтоб в церкви, с отпеванием...

Коломыйцев. А вдруг обойдется?

Доктор. Обойдется, тогда повременим... Я поэтому вам и даю, а не замполиту. Это — на крайний случай, понимаете? Только уж вы, дядя Егор, тогда меня не подведите. Я ведь оттуда проверю! Не испугаетесь?

Коломыйцев. Кто? Я?! Мальчишка! Я три цунами прошел, тонул пять раз... (*Застонал.*) Эх! До чего флот довели?! Океан не страшен, замполита — боюсь!..

Доктор (*прислушиваясь к радио*). Тихо! Передают что-то важное... (*Усиливает громкость.*)

Голос по радио. “Как сообщает наш корреспондент из Москвы, усиливаются формы протеста инакомыслящих в СССР. По сведениям, полученным из неофициальных источников, видный советский

писатель Рахлин, доведенный до отчаяния зажимом цензуры, совершил физическое нападение на одного из секретарей Союза писателей — Василия Корытнникова... Более подробных сведений об этом инциденте получить не удалось. Наш корреспондент светгался связаться с Рахлиным, но у того, очевидно, отключен телефон”.

К о л о м и й ц е в (*восхищенно*). Во, какие люди в стране есть! А ты помирать собрался!

Телефонный звонок. Каюта медчасти погружается в темноту.

Высвечивается квартира Рахлина. Тот сидит за машинкой.

Телефонный звонок.

Р а х л и н (*сняв трубку*). Алло!

Высвечивается квартира Баранова.

Б а р а н о в (*по телефону*). Ефим, ты, что ль?

Р а х л и н. Ну, а кто же? Слушаю.

Б а р а н о в. У тебя телефон работает?

Р а х л и н. Ну, а ты как думаешь?

Б а р а н о в. Я ничего не думаю... Здесь “бабуся” сообщила... Погоди. Ефим, это ты или нет?

Р а х л и н. Борис, не валяй дурака!

Б а р а н о в. Погоди, Ефим... Алло!.. Я у тебя деньги брал в долг?

Р а х л и н. Брал.

Б а р а н о в. Скажи сколько?

Р а х л и н. Сто рублей. Хочешь отдать?

Б а р а н о в. Нет. Просто проверяю... А то в телефоне что-то трещит... Ты “бабусю” сейчас слушал?

Р а х л и н. Нет. А что?

Б а р а н о в. Про тебя говорили...

Р а х л и н. Вполне возможно... По “немецкой волне”, между прочим, тоже...

Б а р а н о в (*истуганно*). Тихо ты! Я никаких “волн” не слушаю. “Маяк” ловлю, и иногда пробивает... Алло! Ефим?! Кто это там дышит?

Р а х л и н. Где?

Б а р а н о в. В трубке... Алло! Нет, к черту! Я лучше зайду.

Р а х л и н. Зачем?

Б а р а н о в. Соль занесу. По-соседски. Ну, что ты, ей-богу, как ребенок... (*Повесил трубку*.)

Рахлин тоже положил трубку, подошел к радиоприемнику, включил.

Слышен треск глушилки.

Рахлин мучительно вслушивается. Появляется Ку к у ш и н а.

Мрачно достает из стола сигареты, закуривает.

Р а х л и н (*недовольно*). Зинаида, мы же договаривались...

Кукушина не отвечает, демонстративно курит.

Телефон сегодня нормально работал?

Кукушина пожала плечами.

Мне звонили?

Кукушина. Звонили. Со студии. Сказали, что заявка на сценарий, к сожалению, не подходит... Из издательства — тоже. Книжка перенесена в план восемьдесят пятого года.

Рахлин (*усмехнулся*). Так... Этого надо было от них ожидать. Сжимают кольцо!.. Ну-ка, дай сигарету!

Кукушина (*пододвинув пачку*). На! Покури напоследок...

Рахлин. Что за idiotские шутки?! (*Нервно закуривает.*)

Кукушина. Я просто думаю, как жить дальше. На какие шиши?

Рахлин. Будем жить скромней. У тебя есть зарплата, у Тишки — стипендия. Я могу подрабатывать переводами... А нет — устроюсь кем-нибудь. Дворником! Платонов работал дворником...

Кукушина. Фима, что ты несешь? Ты лом когда-нибудь держал в руках?! Дворники встают в пять утра, Фима!

Рахлин. Ничего! Жизнь всему научит.

Кукушина. Фима, давай поговорим серьезно! У нас — семья! Ты не имеешь права решать все сам... Если ты надумал отваливать за рубеж...

Рахлин (*перебивая*). Я тебе сто раз говорил: никуда я отваливать не собираюсь. Я буду жить и писать здесь. На Родине! И я заставлю с собой считаться... Ну, а если они пойдут на крайние меры... если засунут, как Солженицына, в самолет...

Кукушина. Ефим, с кем ты равняешься? Он — лауреат Нобелевской премии.

Рахлин. Ничего, ничего... “Нобелевскую” тоже не вдруг дают. Надо пострадать!

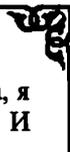
Кукушина (*в отчаянии*). Ефим, что ты несешь? У нас в лагерь сотни тысяч сидят! Что ж, им всем премии давать, что ли?

Рахлин (*стукнул кулаком по столу*). Я — писатель! Ответь, я — писатель или нет?

Кукушина. Не ори! Ты — писатель! Я работаю на телевидении. Тишка — медик... Но это все, как тебе это лучше объяснить, это все... здесь, в масштабах одной, отдельно взятой страны. Фима, дорогой, кому мы там нужны?! Они обувь нашу покупают? Они станки наши покупают? Почему они должны нас читать?! Там другая цивилизация...

Рахлин. Но ведь я пишу новый роман. Я читал тебе главы! Тебе нравилось.

Кукушина. Мне нравилось. Но я думала, это — “в стол”. Я не знаю, хорошо это или плохо... Я — не критик.

Рахлин. Ты считаешь меня бездарным?!

Кукушина. Я этого не говорила... Откуда мне знать?.. Фима, я ведь тоже родилась и выросла здесь. У меня смещены все критерии. И потом, я твоя жена! Я люблю тебя.

Рахлин. Вспомнила. Сначала — удар ниже пояса, потом вспомнила о любви. Зачем ты вышла замуж за бездарность?

Кукушина. Я не выходила замуж за бездарность. Я вышла за Фиму Рахлина. Ты тогда был просто младший технолог. Ты написал мне стих, мне понравилось... Я же не знала, что все так обернется. Ты был такой смешной... Помнишь, ходил в длинном пальто и коричневой шляпе?.. Старая шляпа, ее даже в химчистку не брали, я ее чистила ацетоном... О господи! Тебе так идет шляпа... Зачем мы все это затеяли?.. (Плачет.)

Рахлин. Успокойся, Зинаида! (Гладит ее голову.)

Кукушина. Ефимушка, милый, вернись в советскую литературу! Я поговорю с Каретниковым. В ногах буду валяться... Ты был в невменяемом состоянии. Они должны понять! Им тоже это невыгодно. Ну, что он ходит укушенный? Это же смешно!..

Открылась дверь. Вошел Тишка.

Тишка. Привет.

Кукушина (поспешно вытирая слезы). Привет, Тиша. Почему так поздно?

Тишка. Лабораторную сдавали... (Достал телеграмму.) Там мне почтальон передал для тебя, папкен.

Рахлин (схватил телеграмму). “Честные люди России с вами! Так держать!” От кого это?

Тишка (равнодушно). Я ж говорю, от почтальона.

Рахлин. Идиот! Я спрашиваю, кто прислал?.. Впрочем, понятно, такие телеграммы не подписывают. Но все равно приятно... Ты слышишь, Зинаида? “Честные люди России”!

Тишка. Ма, пожрать бы чего... “Айм хангри!”

Кукушина. Я уже все приготовила на кухне.

Рахлин (сыну). Подожди. А что в институте говорят?

Тишка. В каком смысле?

Рахлин. Про меня.

Тишка. Ничего не говорят. Откуда им знать?

Рахлин. Как откуда? Все радиостанции передают...

Тишка. Папкен, ну кто сейчас радио слушает? У людей “видяшники” давно... (Проходит в кухню.)

Рахлин (саркастически). Российское студенчество! Потомки Грановского и Писарева! Страна бурлит, а им хоть бы хны!..

Звонок в дверь. Рахлин идет открывать. Входит Баранов.

Б а р а н о в. Привет!

Р а х л и н. Входи, Боря! Ты не один, что ль?.. Кто там? *(Выглянул за дверь.)*

Б а р а н о в. Там Трешкин на площадке... Курит.

Р а х л и н *(захлопнул дверь)*. Действительно... С чего это он? Вот новость...

Б а р а н о в. Да, брат, новостей хоть отбавляй. У вас, кстати, в подъезде новый вахтер.

К у к у ш и н а *(испуганно)*. Разве там не тетя Нюша?

Б а р а н о в. Может, и тетя, но с усами... Вот такая ряха! Спросил, между прочим, к кому иду?

Р а х л и н. А ты?

Б а р а н о в. А чего я?.. Говорю, иду к соседу, соль несу... Я ведь и по телефону так сказал. *(Ставит на стол пачку соли.)* Впрочем, может, это он и не тебя пасет. Наверное, Николаевича. Николаевичу вчера опять шины прокололи. Все четыре штуки.

К у к у ш и н а. О господи!

Б а р а н о в. И к жене Николаевича, говорят, возле булочной какие-то странные парни пристали...

Р а х л и н. Может быть, просто хулиганы?

Б а р а н о в. Может быть. Только я обратил внимание: как Виталий какое-нибудь письмо пошлет или за академика заступится, так хулиганство в нашем дворе резко усиливается.

К у к у ш и н а. Ефим, надо срочно врезать в дверь “глазок”.

Б а р а н о в. “Глазок” не помешает. И если что, Фимка, ты в дом так не пускай, ты спрашивай ордер.

Р а х л и н *(вздрыгнув)*. Какой ордер? Что ты несешь?

Б а р а н о в. Надо быть ко всему готовым. Ты, брат, теперь у нас “вольный сын эфира”. Честно скажу, Фимка, я от тебя не ожидал... Лихой парень! Неужто прямо так зубами его — ам?!

Р а х л и н. Представь себе...

Б а р а н о в. Нет, мне даже просто как анималисту интересно, что ты ощутил в этот момент? Это был вроде как зов предков?

Р а х л и н. При чем тут “зов”? Я — двадцать лет в Союзе, за мной — одиннадцать книг... А куда ни придешь, каждый жлоб тебе крутит дуло под носом и кричит “Выкуси”! Вот я и “выкусил”!

Б а р а н о в. А... Значит, просто подчинился приказу!.. Интересная версия. Мы до нее не додумались.

Р а х л и н. Кто это “мы”?

Б а р а н о в. ЦДЛ. Там сейчас все пикейные жилеты засели в кафе... Дым коромыслом! Решают, как начальство будет раскручивать ситуацию. Одни считают, что подключится милиция, и тогда тебе не миновать пятнадцати суток, другие — что секретариат тебе вlepит выговор за пьянку...

Р а х л и н. Я не был пьяным. Я вообще не пью!

Кукушина. Пьешь! Ефим, не спорь!.. Прекрасно выпиваешь по праздникам... Пьянка — это мотив, вернее, отсутствие мотивов. Это всем понятно! Борис дело говорит!

Баранов. Ну, я-то, лично, придерживаюсь третьей версии. Любой скандал им невыгоден! По пьянке, не по пьянке — начальство кусать нельзя! Это создаст ненужный прецедент... Недаром Каретников на даче закрылся, чтоб его палец никто не видел... Думаю, они поступят хитрее.

Рахлин. Как?

Баранов. Никак! То есть сделают вид, что этого не было. Вообще!

Рахлин. А как же “голоса”?

Баранов. А что — “голоса”? Как говорится, нехай клеветуют! Ну, возможно, Каретникову и тебе придется их публично опровергнуть.

Рахлин. Как?

Баранов. Ну, что ты, Ефим, ей-богу, ребенком прикидываешься. Не знаешь, как это делается? Черкнешь в “Литературку” письмо: “С возмущением узнал об очередной выдумке заокеанских радетелей...”

Рахлин (*решительно*). Ничего подобного я писать не намерен!

Кукушина. Подожди, Фима! Не горячись! Можно подобрать какие-то другие слова... Не такие казенные!

Баранов. Ну, конечно... Я ж не диктую. Сам сочинишь. Тем более что они там, действительно, все напугали. Каретникова “Корытниковым” обозвали, тебя — “видным писателем”...

Рахлин. А я, по-твоему, кто?!

Баранов. Ну, Ефим, знаешь... Не зарывайся! Ты — “известный”...

Кукушина. А вы, Боря?

Баранов. И я — “известный”... “Известный писатель” — это первая стадия... Дальше — “широко известный”...

Кукушина. Значит, Ефим — “широко известный”...

Баранов. Ну, хорошо... Но не “видный” же?... “Видный” — это почти “выдающийся”. Да у них же в отделе кадров все расписано.

Кукушина. Для чего?

Баранов. Для докладов. Для некрологов.

Кукушина. Типун вам на язык!

Баранов. А что? О некрологе тоже надо подумать!

Рахлин (*подозрительно смотрит на Баранова*). Слушай, Боря, ты зачем пришел? Ты пришел меня напугать? Тебе велели?!

Баранов. Как тебе не стыдно? Ну, Фимка...

Рахлин. С тобой Лукин говорил?

Баранов (*засмущавшись*). Нет... Хотя звонил... Врать не буду. Звонил. Приглашал прийти. Он же знает, что мы с тобой дружим. Но я свою Таньку предупредил. Она ему сказала, что я в командировку уехал... Пришлось взять билет. (*Достал билет.*) Уезжаю ко всем чертям!.. У меня

есть лесничий один в Белоруссии, в его хозяйстве ни одна собака не найдет... Отсижусь на природе...

Ра х л и н. Возьми меня с собой...

Ба р а н о в. В другое б время, Фимка, — с удовольствием. А теперь не могу. Теперь это вроде как сговор получится... Извини! Я уж со зверюшками... Ни в какие дела не лезу. Я — не воин!

Ку к у ш и н а (*презрительно*). Вы у нас, Боря, — партизан. Чуть что — в леса уходите.

Стук в дверь. Все замерли. Стук повторяется.

(*Подходит к двери.*) Кто там?

Го л о с Т р е ш к и н а. Это я, Зинаида Ивановна. Сосед.

Кукушина приоткрыла дверь. На пороге возник Т р е ш к и н, с пакетом в руках.

Т р е ш к и н. Здравствуйте, Ефим Семенович! С вами, товарищ Баранов, виделись...

Ку к у ш и н а. Что вы хотите, Василий Егорович?

Т р е ш к и н (*нерешительно*). Вот. (*Протянул пакет.*) Я видел, вам товарищ Баранов соль нес... Я думаю, может, еще какие затруднения с продуктами? С сахаром, например. Я по-соседски готов... (*Протягивает пакет.*)

Ку к у ш и н а. Нет, спасибо, не надо.

Т р е ш к и н. Брезгуете?

Ку к у ш и н а. Не говорите ерунды!.. Полно у нас сахара.

Т р е ш к и н (*чуть обиженно*). Ну как знаете... А Ефим Семенович покурить не выйдет?

Ку к у ш и н а. Нет. Бросил он курить. (*Пытается закрыть дверь.*)

Т р е ш к и н (*не дает*). Мне б поговорить с ним... Тёта а тёта!

Ку к у ш и н а (*подозрительно*). Слушайте, Трешкин, чего это вы вдруг на французский перешли?.. Никуда он к вам не пойдет. Хотите говорить — говорите при всех...

Т р е ш к и н. Да здесь такое дело... По национальному вопросу. Не хотелось бы при,русских...

Ку к у ш и н а (*взорвавшись*). Слушай, Васька, ты совсем сумасшедший?

Т р е ш к и н. Тихо! (*Оглянулся, вошел, прикрыл дверь.*) Вы, Зинаида Ивановна, такими словами не бросайтесь!! Что значит — “сумасшедший”? У вас доказательства есть?.. Да, я лежал по поводу травмы... Но давно. Меня и с учета снять должны. Мне доктор Бромберг обещал... Разве можно так, здорового человека ни за что ни про что — в психушку!

Ку к у ш и н а. Я про это ничего не знала...

Т р е ш к и н. Как же, не знали вы... А почему мне опять открытка из диспансера пришла? Почему внизу санитар дежурит?

Рахлин. Какой санитар? Василий Егорович, голубчик... Вы не волнуйтесь... Объясните толком.

Трешкин. Я ж объясняю, Ефим Семенович!.. Они уже здесь. Я их нутром чувствую. Это ж такие живодеры, не приведи господь. Я потому и пришел. Помогите, люди добрые! (*Огляделся, извлек из-за пазухи транспарант, развернул.*) “Прошу принять в ложу!”

Рахлин (*растерянно*). Какую “ложу”?..

Трешкин. К жидомасонам... То есть нет, не обижайтесь... Я хотел сказать, к масонам вашей нации... Или как там?..

Баранов. Слушайте, он действительно — псих!

Трешкин (*застонал*). Тихо!! Я ж прошу — не кидайтесь вы такими словами! Это ж — диагноз!.. Да если б вы там побывали, вы б на всю жизнь зареклись... (*Неожиданно рухнул на колени.*) Ефим Семенович, родной, заступись! Не выдай душегубам!

Рахлин (*бросился к нему*). Да встаньте вы... Господи! Да что происходит? Почему я?

Трешкин. Вы, вы, родной! Я ж вижу, вы Каретникова не побоялись. За вами — сила: и ЦК, и “Би-би-си”. Примите меня в вашу организацию. Я вас теперь поддерживаю. Я вам и телеграмму послал...

Рахлин. Телеграмму?

Трешкин. Ну, конечно... (*Заплакал.*) Защитите, граждане! Не хочу я туда снова!.. Мы ж одна семья, братцы... Мы — писатели... (*Обнял ногу Рахлина.*) Ефимушка, родной! Заступись! Я на все готов... Мацу есть буду!..

В открытых дверях вдруг возникает докторша — женщина с бесстрастным лицом.

(*Замечает ее.*) А-а! (*Прижимается к Рахлину.*) Пришли!

Докторша. Здравствуйте! Это квартира номер тридцать пять?

Рахлин (*истуганно*). Да... А вы кто?

Докторша (*с улыбкой*). Я — доктор.

За ее спиной возникает огромный усатый санитар.

Трешкин (*стонет*). При-шли-и!.. Ефимушка! Не выдай!..

Усатый санитар бесцеремонно вошел в комнату, подошел к Трешкину, положил ему руку на голову. Трешкин сразу смолк.

Докторша (*подойдя к Трешкину*). Ну что вы, деточка? Зачем волноваться? Нам только поговорить с вами...

Трешкин хотел что-то произнести. Усатый санитар легким движением заставил его умолкнуть.

Рахлин. П-простите... Доктор... Я просто хотел сказать...

Докторша (*повернулась к нему*). Да?

Рахлин. Я хотел сказать... Это — наш сосед, Трешкин. Он, в общем, тихий... мирный человек. Нам, как соседям, никаких беспокойств...

Докторша. Трешкин? Какой Трешкин? Мне нужен... *(Достала бумажку.)* Мне нужен... гражданин Рахлин... Ефим... Симхович!

Возникла пауза. Усатый санитар отпустил Трешкина, с интересом стал разглядывать Рахлина. Трешкин, вытирая глаза, поднялся, тоже посмотрел на Рахлина, потом, подумав, осенил его крестным знамением и тихо вышел из комнаты.

Затемнение

2

Поздний вечер. Квартира Николаевича. Н и к о л а е в и ч недоуменно оглядывает стол, на котором разбросаны бумаги, открывает один за другим ящики. Замечает пачку сигарет, разглядывает ее, затем решительно снимает трубку, набирает номер телефона.

Н и к о л а е в и ч. Алло! Это Комитет государственной безопасности? Говорит писатель Николаевич.

Г о л о с п о т е л е ф о н у. Слушаю вас.

Н и к о л а е в и ч. Не сомневаюсь, что слушаете... Так вот, в моей квартире опять побывали ваши люди, и кто-то оставил пачку сигарет. "Столичные"... Это — мои любимые, но передайте, пожалуйста, начальству, что я уже неделю как бросил курить... Кладу на подоконник, на видном месте, чтоб в следующий раз не искали... *(Кладет трубку, осматривает телефонный аппарат, затем садится напротив и продолжает говорить, обращаясь непосредственно к аппарату.)* И вот еще что... Я не настолько наивен, чтобы думать, будто вы плохо и неряшливо работаете. Из всех учреждений нашей страны, вы, может быть, единственное, которое совершенствовалось на протяжении истории и достигло определенного уровня... Если, конечно, безнравственность имеет уровень... И я давно понял, что ваши многочисленные сотрудники, толкущиеся у моего подъезда, ваши серые машины, следующие по городу за моим "Запорожцем", все это — не грубый просчет, а иезуитский способ вывести человека из равновесия... Привести в бешенство! Заставить совершать необдуманные поступки!! В общем, вы добились своего, раз я не сдержался и говорю с вами напрямую. Однако предупреждаю: это в первый и последний раз! Я давно взял за правило: не тратить на вас нервы, а тем более время, которого и так не хватает в короткой человеческой жизни... И пусть вы всюду, но человек, который отказывается вас замечать сразу, обретает душевную свободу и покой... Вот так! *(Неожиданно схватил телефонный аппарат и грохнул его об пол.)*

Затемнение

Кабинет Лукина. Лукин — за столом, что-то пьет. Входит Рахлин, вид у него довольно поникший, шея замотана шарфом.

Лукин (*обнажив белоснежную челюсть*). А? Ефим! Входи, дорогой! (*Вышел из-за стола, пожал руку.*) Ну, как самочувствие?

Рахлин. Нормально.

Лукин. А то мне Зинаидочка сказала, ты приболел немного...

Рахлин. Простыл. Сейчас лучше...

Лукин. Если подлечиться надо, у нас в Литфонде как раз вырывается путевочка...

Рахлин (*истуганно*). Не надо! Я — здоров.

Лукин. Да нет, ты недослушал... Это — Железноводск... Вашему брату, язвеннику, лучше не придумаешь.

Рахлин (*твердо*). Я сказал — не надо! Спасибо!

Лукин. Ну, ну... Как знаешь... Принес?

Рахлин кивнул, протянул лист бумаги.

Так! (*Садится за стол, надевает очки, читает.*) “В “Литературную газету”! С удивлением узнал об очередной выдумке заокеанских радетелей нашей литературы, сообщивших о якобы имевшем место конфликте между мною и известным советским писателем, лауреатом Ленинской и Государственных премий, депутатом Верховного Совета СССР, членом Всемирного Совета мира, членом-корреспондентом Академии педагогических наук...” (*Прервал чтение.*) Вот титулов-то Васька нахватал, прямо полписьма... (*Подмигнул Рахлину, тот угрюмо смотрит в пол.*) Ну, так дальше... (*Читает, молча шевеля губами.*) Так... “Приходится признать, что сведения, передаваемые западными радиостанциями, мягко говоря, недостоверны. Е. Рахлин”, Почему “Е”? Ты разве так подписываешься?

Рахлин. Да.

Лукин. Как-то не звучит... Может быть, “Еф.” Рахлин?

Рахлин. Нет, просто “Е.”...

Лукин. Ну, Евгений Евтушенко у нас “Евг.”, Егор Исаев — “Ег.”.

Рахлин (*решительно*). А я — “Е.”!!

Лукин. Ну, ладно... Это в конце концов не принципиально. Но вот по другим пунктам у меня есть кое-какие поправки. Ты только не обижайся, Ефим, ты — писатель, твоя сила — слова, моя — формулировка. Вот пишешь: “С удивлением узнал об очередной выдумке...” А, собственно, чему удивляться? Это — наши идеологические противники, люди без стыда и совести... Тут не удивляться, тут возмущаться надо!

Рахлин. Но я сначала удивился...

Лукин. Но ведь потом возмутился? Так давай и запишем. “С удивлением и возмущением!..” *(Вписывает.)* Теперь дальше... Все звания Васькины тут не обязательны, просто поставим слово “выдающийся”, а приклад и так понятен. А вот в конце у тебя, извини, жидковато... “Мягко говоря, недостоверны”. Что значит “мягко говоря”? Почему нам с ними “мягко”? Почему не дать по рукам?! Я вот тут в качестве предложения заготовил тезис. *(Достал бумажку.)* “Наш писательский союз — единая дружная семья, сердца которой, по меткому выражению Шолохова, принадлежат партии, и мы решительно отвергаем происки разных любителей ловить рыбку в мутной воде”. Как тебе?

Рахлин. Не нравится. Получается, что мы, с одной стороны, “дружная семья”, а с другой — “мутная вода”...

Лукин *(испуганно)*. Где? *(Перечитывает.)* Ах, черт!.. Действительно. Вот, что значит — не писатель... Чиновник он и есть чиновник! *(Захихикал.)* Эх, Фима, такого я в жизни хлебнул, на сто романов хватит... Но не дал Бог таланта... На, отредактируй!

Рахлин *(равнодушно)*. Вклейте так!

Лукин. Нет, ну зачем же?.. Ты через себя пропусти, через свой стиль... Чтоб читатель не сомневался, что сочинил “Еф. Рахлин”.

Рахлин *(вдруг закричал)*. “Е”! Я сказал “Е”!!

Лукин *(испуганно)*. Тихо, тихо... Что ты, ей-богу?.. Нет, нервы у тебя ни к черту!.. Надо подлечиться. Не хочешь в Железноводск — попробую устроить Карловы Вары...

Рахлин. Я сказал, мне путевка не нужна!.. Как насчет шапки?

Лукин *(вздрыгнув)*. Какой шапки?.. Опять?! Эх тебя заклинило! Побойся Бога, Ефим, весна на дворе. Какая шапка?

Рахлин. Я — двадцать лет в Союзе, за мной — одиннадцать книг.

Лукин. Да не заводись ты опять!! *(Доверительно.)* Ну, Ефим, ну пойми, это как раз сейчас и невозможно... Ты ж знаешь, злые языки говорят, что ты на Ваську бросился из-за шапки... Зачем же нам подогреть страсти?.. Ну, хочешь, мы тебе шарф новый презентуем?

Рахлин встал, молча направился к двери.

Куда? А письмо?

Рахлин. Перепишу и принесу.

Лукин. Пиши здесь... Сядь там, у окошка... У нас же сейчас секретариат.

Рахлин. Какой секретариат?

Лукин. Надо ж нам это протокольно зафиксировать? Что ты, Ефим, как ребенок?! А еще — “двадцать лет в Союзе”... *(Усаживает Рахлина возле подоконника.)*

Тот начинает переписывать письмо. Открывается дверь, с шумом входят четверо человек — члены секретариата. Среди них — одна женщина. Здравуются с Лукиным и Рахлиным, обмениваются короткими репликами:

— Привет!

— Здорово, Ефим!

— Петр Николаевич, у меня времени в обрез...

— Товарищи, давайте сразу договоримся — не курить!
Дико болит голова...

Входит Каретников. Он — в перчатках.

Каретников (*всем*). Привет! (*Рахлину*) Здорово, Фима... (*Лукину*) Петр, у меня только полчаса — в четырнадцать ноль-ноль встреча с “евроазиатами”.

Лукин. Я знаю, Вася,.. (*Всем*) Товарищи, поскольку со временем у всех напряженно, давайте начнем. Сегодня у нас несколько вопросов: подготовка к отчетно-перевыборному собранию, утверждение состава делегаций для поездки в ВНР и БНР, отчет о работе поликлиники, отчет издательства... Разное. В связи с тем, что Василий Степанович чрезвычайно спешит, предлагаю начать с “разного”...

Каретников (*всем*). Извините, братцы, президиум Совета мира...

Первый. Да все понятно...

Женщина. Ну, о чем тут говорить...

Все закивали в знак понимания уважительности причины.

Лукин. Мы долго думали и советовались, стоит ли выносить такой вопрос на секретариат, а потом поняли: стоит. Ведь речь идет об атмосфере нашего творческого союза. Атмосфера — хорошая, чистая, но, как говорится, нет-нет да и подпортят воздух отдельные любители сенсаций и сплетен... Вы, наверное, уже знаете, в чем дело?..

Первый. Понятия не имею. Я сплетен слушать не люблю.

Третий. А радио?

Первый. Какое?

Третий. Зарубежное.

Первый. Эту гадость — тем более. И тех, кто слушает, презираю.

Второй. Напрасно. Мне, например, по роду работы, как публицисту, иногда приходится. Противника надо знать! Советую, кстати, всем прочитать мою статью в “Октябре”. По-моему, я там неплохо приложил Сартра.

Первый (*Второму*). Вадим, к вам это, естественно, не относится.

Второй. Надо сказать, что Жан-Поль Сартр в своих потугах на философское осмысление классовых противоречий...

Каретников (*нервно взглянув на часы*). Братцы! Я горю! Совет мира без меня не начнется.

Лукин. Да, действительно. Товарищи, не будем отвлекаться...

Второй (*никак не может остановиться*). Жан-Поль Сартр...

Лукин. Вадим, подожди с Сартром! Тут все проще... Западная пресса, падкая до сенсаций, вдруг сообщила о нападении... Нет, бери выше, практически о "теракте" со стороны писателя Ефима Рахлина против писателя Василия Каретникова.

Женщина. Господи, какая чушь! Ефим Семенович, неужели вы могли?

Второй. "Фима-террорист"! Смешно, ей-богу!

Лукин. Я, конечно, тут же навел справки, позвонил и Василию Степановичу, и Ефиму Семеновичу... Они категорически отвергли эти домыслы, а товарищ Рахлин даже написал письмо протеста в Литгазету. Казалось бы, инцидент можно считать исчерпанным! Но захотелось нам раз и навсегда выяснить, а кто же сеет смуту в нашем дружном писательском доме? Кто выдумывает небьшицы, а потом продает их за тридцать сребреников заокеанским друзьям?! Хотелось бы знать ваши соображения на этот счет.

Пауза. Все переглянулись.

Второй. Ну, знаете ли... Это надо поручить компетентным органам.

Лукин. А вот тут, Вадим, ты не прав! Любим мы, понимаешь, чуть что — перепоручать "органам"... А сами мы, что же? Мы тоже — органы. Печатные, но органы...

Первый. Правильно, Петр Николаевич! Пора самим навести порядок. Я вам так скажу: пока безнаказанно разгуливают такие типы, как Николаевич, порядка в нашем доме не будет!

Женщина. Вы думаете, это — он?

Первый. А чего тут, Вероника? Я вижу. Он же совсем распоясался! То его в посольство зовут, то к нему кинохроника какая-то... Это ж просто возмутительно! Полон дом членов Союза, а шумиха вокруг исключенного... Выслать его из страны, к чертовой бабушке, или обменять на что-нибудь...

Женщина (*чуть испуганно*). На что?

Первый. Да на что угодно. Хоть на бумагу! Ведь просто беда с тиражами... "Совпис" уже пятьдесят тысяч считает нормой...

Второй. Пятьдесят?! А тридцать — не хошь? Мне на однотомник дают тридцать, да еще бумагу третий номер. Это ж, практически, "пипифакс"...

Каретников (*нервно*). Братцы! Я ухожу!

Лукин. Подожди, Василий... Сейчас! (*Всем*). Товарищи, не распекаемся. (*Первому*). Если я тебя правильно понял, Борис, ты предлагаешь вынести вопрос о Николаевиче на общее собрание?

Первый. Правильно.

Лукин. С тем, чтоб ходатайствовать о его выдворении!..

Пер в ы й. Ко всем чертям!

Лу к и н. Хорошо. Если нет других мнений, надо продумать выступления. Кто что скажет?.. Кто начнет?

Пер в ы й. А чего думать? Ефим и начнет!

Все повернулись в сторону Рахлина.

Ра х л и н (*истуганно*). Почему я?

Пер в ы й. Ну, а кто же?.. Ты с ним дружил, доверял, а он тебе свинью и подложил.

Ра х л и н. Нет... Позвольте... Во-первых, я не дружу... Мы просто живем на одной площадке. Мы почти не общаемся.

Т р е т и й. А вот это вы зря, Ефим Семенович... Я, как видите, молчал, но здесь уж позвольте... Я живу в этом же подъезде и все прекрасно вижу... И как вы общаетесь, и как он вас обхаживает... Когда вы без шапки на мороз вышли, кто вас отогревал?..

Ра х л и н. Это — гадко! Гадко подсматривать!..

Т р е т и й. Почему — подсматривать? Товарищи, что я, виноват, что у меня окна на эту сторону?!

Все зашумели.

Пер в ы й. Действительно, Ефим, кончай крутить...

Ра х л и н (*повышая голос*). Я не кручу... Я — двадцать лет в Союзе, за мной — одиннадцать книг, и если меня вынуждают быть без шапки на улице...

Ж е н щ и н а. Почему без шапки? Ничего не понимаю...

Ра х л и н (*распалаясь*). Прекрасно вы все понимаете! И почему я без шапки, и почему Каретников в перчатках! Все понимаете!

Ка р е т н и к о в (*решительно*). Так! Ну, я пошел!

Ра х л и н. Никуда вы не пойдете, Василий Степанович! Выяснить так выяснять! Я — двадцать лет в Союзе, за мной — одиннадцать книг...

Ка р е т н и к о в. Плевал я на твои книги!

Ра х л и н. Не позволю!! Не вам судить!

В т о р о й. Да что ты, Ефим, взбеленился? При чем тут ты? Речь о Николаевиче... Ты готов выступить?

Ра х л и н. Пожалуйста! Хотите, чтоб выступил, — пожалуйста. Хотите письмо в газету — пожалуйста! Но тогда все по порядку. Начнем с шапки!.. Я — двадцать лет в Союзе...

Шум, возгласы усиливаются.

Пер в ы й (*перекрикивая*). Все ясно! Он его завербовал...

Ж е н щ и н а. Кто? Кого? Я ничего не понимаю...

Ка р е т н и к о в. Ноги моей здесь не будет! Я, как дурак, теряю время, меня Совет мира ждет!.. Разберемся в другом месте!

Первый. Нет, разберемся здесь!.. Тут — заговор! Официально заявляю: нас хотят продать ЦРУ! Накось выкуси! *(Тычет дулю в лицо Рахлину.)*

Рахлин *(в отчаянии)*. Опять?! Опять “выкусить” предлагаете? Да я... *(Бросился на Первого.)*

Каретников *(кричит)*. Берегись, Боря, он, гад, до кости может!!

Все бросаются на Рахлина, валят его на пол.

Женщина *(вопит)*. Товарищи, что это? У нас же секретариат...

Ее не слушают, бьют Рахлина.

Лукин *(нажал кнопку селектора)*. Маша! Врача! Быстро!

Вбегают докторша и уса́тый санитар. Уса́тый, сорвав со стола скатерть, набрасывает ее на корчащегося от боли Рахлина, *начинает закручивать.*

Письмо! Письмо не порвите... Где письмо?

Уса́тый санитар вырвал из рук Рахлина смятое письмо, отдал Лукину, после чего взвалил на плечо спеленутого Рахлина, понес к дверям.

(Надел очки, уставился в письмо.) Что за черт? Чего он здесь на-калякал?

Каретников *(взял у Лукина письмо, читает)*. “Штормило... Капитан Коломийцев стоял на мостике и тоскливо озирал взбесившееся пространство. Огромные волны громоздились одна за другой и бросались на могучую грудь корабля с самоотверженностью отчаянных камикдзе...”

Все изумленно смотрят на Каретникова.

Слышен свист ветра, плеск волн...

З а т е м н е н и е

4

Грохот волн постепенно стихает. Высвечивается каюта медчасти. Впрочем, теперь это — реанимационное отделение больницы. Возле телефона сидит Кукушина. Появляется доктор (тот самый, что был на корабле), только сейчас он выглядит несколько старше. На нем — очки, белый халат, шапочка.

Кукушина *(поднимаясь навстречу)*. Ну как?

Доктор. Что я могу сказать? Положение серьезное. Микроинсульт...

Кукушина. Он будет жить?

Доктор. Конечно, конечно... Делаем все возможное... *(Закуривает.)*

Кукушина (*поспешно достав из сумки блок "Мальборо"*). Это вам, доктор.

Доктор. Ну что вы, зачем?..

Кукушина. Господи, такая ерунда... (*Сует сигареты в ящик стола.*) Я могу к нему пройти?

Доктор. Сейчас не стоит... Он заснул...

Кукушина (*в отчаянии*). О господи!! Что же делать?.. Фимушка, родной... (*Плачет.*) Может, какие-нибудь лекарства нужны?

Доктор. Лекарства есть... Сейчас ему покоя необходим. Покой и душевная бодрость.

Кукушина. Да, конечно... Бодрость! Он такой впечатлительный. Вы ему скажите, доктор, все будет в порядке. Со студии позвонили, его заявка принята! И книжку в план вернули... Вы обязательно передайте!

Доктор. Обязательно передам.

Кукушина. Он хоть разговаривает?

Доктор. Разговаривает. Хотя речь затруднена... И сознание тоже... Несколько раз говорил о какой-то шапке.

Кукушина. О шапке?

Доктор (*усмехнувшись*). Да. Почему-то... о шапке. Требовал немедленно! Зачем ему здесь шапка, не понимае?..

Кукушина (*обрадованно*). Тогда еще ничего... Тогда он выкарабкается! Значит, в нем жизнь еще бурлит... Вы ему скажите: будет шапка! Я принесу!

Доктор. Не нужна ему здесь шапка. Это уж когда выпишываться!..

Кукушина. Нет! Вы не понимаете. Она ему сейчас очень нужна... Я могу отсюда позвонить?

Доктор. Да. Конечно.

Кукушина (*сняла трубку, поспешно набрала номер*). Алло. Маша? Это — Кукушина. Соедините меня срочно с Петром Николаевичем! Алло! Маша, я из реанимации звоню, вы понимаете или нет?!

Высвечивается кабинет Лукина. Лукин снимает трубку.

Лукин. Алло!

Кукушина. Петр Николаевич, это — Кукушина.

Лукин. Да, Зинаида Ивановна, мне сообщили... Ну, как там Ефим?

Кукушина. Плохо, Петр Николаевич... (*Всклинула.*) Помирает наш Фима.

Лукин (*охнув*). Вот незадача! Ах, Бог ты мой, как все нескладно получается... Зинаида, консультант требуется? Я могу звякнуть в четвертое управление...

Кукушина. Шапка нужна, Петр Николаевич! И срочно! Доктор велел. Вот он сидит напротив меня и подтверждает: нужна немедленно шапка!

Лукин (*растерявшись*). Алло! Зинаида Ивановна. Вы это серьезно?

Кукушина. Шапку!! Петр Николаевич, умоляю!

Лукин. Да что вы там, сбрендили?.. Прямо пунктик какой-то. Я уже сказал вашему супругу: я шапками не заведу. Я — не скорняк!!

Кукушина. Петр Николаевич, ну вам же только позвонить — и все. Почему вы такой жестокий? Вы же сами страдали...

Лукин. Да, я страдал. И был несправедливо осужден! Но никогда, вы слышите меня, Зинаида Ивановна, никогда я не подвергал сомнению наши идеалы. И никогда материальный интерес не ставил выше идейной убежденности...

Кукушина (*свирепо*). Плевать мне на твою убежденность! Слушай ты, старый козел, если ты немедленно не достанешь шапку, я сейчас приеду и лично тебе все яйца вырву!! (*Швырнула трубку. Отсутствующим взглядом смотрит на доктора.*)

Доктор (*он явно испуган*). Я пройду к больным, Зинаида Ивановна? Вы звоните, не стесняйтесь... (*Поспешно выходит.*)

Кукушина секунду сидит в задумчивости, потом вновь набирает номер. Где-то наверху высвечивается б р а в ы й подполковник.

Подполковник. Колесниченко слушает!

Кукушина. Товарищ Колесниченко, это Кукушина, с телевидения... Передача: “Никто не забыт, ничто не забыто”! Смотрите?

Подполковник. Так точно, товарищ Кукушина.

Кукушина. Скажите, Побратимов сейчас в Москве?

Подполковник. Так точно. Генерал армии прибыл на совещание.

Кукушина. В какой он гостинице?

Подполковник (*замялся*). ...Товарищ Кукушина, к сожалению...

Кукушина. Да, ладно... Тоже мне, военная тайна. Как всегда в “Украине”, что ль? Третий этаж, люкс?

Подполковник. Товарищ Кукушина, не могу знать...

Кукушина. Не можешь, не знай. Просто передай Николаю Ивановичу, что я к нему через полчаса приеду. Понял?

Подполковник. Так точно, товарищ Кукушина!

Кукушина повесила трубку, вытерла слезы, достала зеркальце, косметику; начала тщательно делать макияж. В открытой двери палаты вдруг возникает Рахлин в больничной пижаме, за ним тащится штатив капельницы. Он долго смотрит на жену, пыгается что-то сказать, но из его губ вырываются только какие-то неясные междометия. Кукушина не видит его, решительно встает, уходит.

Рахлин (*делает нетвердый шаг*). Са... Са... Са-п-ку!!! (*Падает.*)

За ним с грохотом валится штатив с капельницей. Вбегает доктор и еще несколько медиков в халатах, бросаются к лежащему Рахлину.

Доктор (*укладывая Рахлина на кушетку*). Адреналин! Кислород! Быстро!!!

Медики обступают кушетку плотной стеной. И пока они колдуют над многострадальным телом Рахлина, его подсознание, облаченное в длинное белое одеяние, выскальзывает из окружения и стремительно вбегает туда, наверх, где плещутся волны, где на палубе выстроились матросы, а на капитанском мостике стоит капитан Коломийцев, тоскливо озирая взбесившееся пространство...

Рахлин (*поднявшись на капитанский мостик*). Здравствуйте, товарищи моряки!

Моряки (*хором*). Здравия желаем, товарищ писатель!

Рахлин. Товарищи! Наша литература в неоплатном долгу перед своим народом! Она обязана создавать произведения, достойные своего времени... Или, по крайней мере, не создавать недостойных... Это трудно, но почетно! Я — двадцать лет в Союзе писателей, за мной — одиннадцать книг... Широкий читательский интерес... И я все-таки говорю: а пошли вы все к такой-то матери! Я — никакой не писатель! Завязываю с этим делом!

Матросы. Ура!!!

Капитан отдал честь, обнял Рахлина, тот жадно глотает воздух ртом.

Доктор (*внизу*). Кислород!!

Рахлин оторвался от капитана, стремительно спускается вниз. Здесь в его подсознании неожиданно возникает Николасевич с чемоданчиком в руках.

Рахлин (*обрадованно*). Виталий! Спасибо, что пришел... Я все думал: придешь ты, нет... Я ведь умираю, Виталик.

Николасевич. Брось... Все обойдется.

Рахлин. Нет, Виталик... Двадцать лет в Союзе, за мной — одиннадцать книг, а умираю. Глупо, верно?.. Но тебя я не выдал. Они на меня давили, сволочи, а я им — “накося выкуси”!.. Я — им! Понимаешь? Это — принципиальная разница... Не они — мне, а я — им!!!

Николасевич. Послушай, Ефим, мне очень неприятно, если все это из-за меня. Поверь, мне сейчас все равно. Я уезжаю. Насовсем.

Рахлин. Они тебя выперли все-таки?

Николасевич. Да. Пришла депутация... То ли райком, то ли райисполком... Короче, в штатском! И сказали: все! В три дня!.. Так что ты не мучайся, Фима. Можешь подписать любое письмо или выступить на собрании. Для меня это уже не имеет значения.

Рахлин. А для меня?.. Я тебе, конечно, не друг, но все-таки мы ведь вместе живем... У нас один дом! Виталик! Можно, я тебя не выдам?

Николасевич. Да, конечно... Извини. Я думал, как лучше.

Рахлин. Мне так лучше.

Николасевич. Хорошо. Ну, давай прощаться! (*Обнял Рахлина.*)

Рахлин. Виталик, и еще у меня к тебе просьба: возьми с собой мою рукопись. Про моряков...

Николаевич *(смутился)*. Понимаешь, Ефим, меня наверняка будут “рыгть” на таможе.

Рахлин. Она не тяжелая. Я ведь только начал. Первые главы...

Николаевич. Ну, допиши!

Рахлин. Я не смогу... Только не говори, что я талантливый. Ты никогда этого не говорил и сейчас — не говори. Пожалуйста! Ты его сам напиши, роман этот... Но начало пусть будет мое. Начало, по-моему, гениальное... У тебя ручка есть с собой? Запиши, я продиктую.

Николаевич. Хорошо. *(Достаёт тетрадку, ручку, начинает записывать.)*

Рахлин. “Штормило... Капитан Коломийцев стоял на мостике и тоскливо озирает взбесившееся пространство...”

Затемнение

5

Высвечивается номер гостиницы. Здесь, за столиком с коньяком и фруктами, сидит генерал Побратимов. Рядом — подполковник Колесниченко. Входит Кукушина.

Побратимов *(радостно)*. Зинуля! Голуба моя! *(Не стесняясь подполковника, нежно целует Кукушину.)* Я ж тебе сам звонить собрался, а тут прикатывает мой бывший адъютант *(кивнул на Колесниченко)*, говорит: “Товарищ генерал, к вам теледиктор едет”. Я говорю: дурак, это — не диктор, это мой верный боевой товарищ, с которым мы мысленно полвойны проползли... *(Засмеялся собственной шутке.)* Коньячку глотнешь? Между прочим, “Наполеон”. Я его, как Кутузов, люблю внутрь заманивать... *(Снова смеется, разливает.)*

Колесниченко. Я тогда пойду, товарищ генерал армии.

Побратимов. Погоди. Глотни сперва, мы минуту потерпим... *(Хочет.)* За женщин, Колесниченко! За их лучших представительниц на экране и в жизни! *(Вытывает.)* Конфеткой закуси! “Вечерний звон”. *(Запел.)* “Вечерний звон, как много дум наводит он!” А ты чего это, Зинуля, плачешь, что ль?

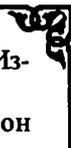
Кукушина *(шмыгая носом)*. Беда у меня, Николай Иваныч. Супруг в реанимации.

Побратимов *(присвистнул)*. Вот те раз! Чего это он?

Кукушина. Довели до инсульта, сволочи...

Побратимов. Это кто ж?

Кукушина. Писатели... Обидели Фимку, шапку не дали... Он разволновался... *(Плачет.)*

По б р а т и м о в (*успокаивая*). Погоди реветь, Зина. Как так? Из-за шапки?..

К о л е с н и ч е н к о. Это бывает, товарищ генерал! У нас вон подполковник Сергиенко тоже, помните, все о полковничей папаше мечтал, а когда не дали — застрелился.

По б р а т и м о в. Ну и дурак! Лучше быть живым подполковником, чем мертвым полковником. Это, кстати, и к тебе относится...

К о л е с н и ч е н к о. Да я что?.. Я не рвусь.

По б р а т и м о в. Ну, ну. Шучу! С тобой все будет нормально. (*Кукушиной*.) А кто ж у них в литературе шапками заведует?

К у к у ш и н а. Лукин Петр Николаевич.

К о л е с н и ч е н к о. Это какой Лукин? Из органов которьй?

Кукушина кивнула.

По б р а т и м о в (*Колесниченко*). Ты его знаешь?

К о л е с н и ч е н к о. Так точно. Был он у меня. За внука просил. Освободить от призыва. Внук у него — кинооператор...

По б р а т и м о в. А ты что?

К о л е с н и ч е н к о. Ну, я учел ходатайство... Но, вообще, можно, конечно, исправить.

По б р а т и м о в (*строго*). Исправь!! Пошли этому сучонку повестку, а если дед явится, скажи, что нам очень в Афганистане операторы нужны... Горы с вертолета снимать! И никаких исключений!.. А то эти крысы распустились! “Ограниченный контингент” туда ввели, а неограниченный — в Москве окопался!

К о л е с н и ч е н к о. Будет исполнено, товарищ генерал армии.

По б р а т и м о в. Ну вот, Зинуля, можешь поздравить супруга с повышением...

К у к у ш и н а (*шмыгая носом*). Правда? Да?

По б р а т и м о в. Зинуля, это — армия! Она любому может дать по шапке! (*Захохотал, но тут же осекся*.) Звони!

Кукушина сняла трубку, набрала номер. Высвечивается реанимационное отделение. На столике зазвонил телефон. Д о к т о р отошел от кушетки, на которой лежит тело Р а х л и н а, снял трубку.

Д о к т о р. Алло!.. Да!.. Я... Зинаида Ивановна, к сожалению... Мы сделали все, что могли...

Рахлин, услышав, отходит от Н и к о л а е в и ч а, приближается к доктору, испуганно заглядывает ему в глаза.

(*Сурово*.) Все, что могли... (*Беспомощно разводит руками*.)

Рахлин понимающе кивнул, раздвинул толпу медиков, склонившихся над кушеткой, лег, закрыл глаза. Его торжественно накрыли простыней. Зазвучала траурная музыка.

6

Возникли санитары и матросы. Подняли Рахлина, медленно двинулись в глубь сцены. Откуда-то появилось несколько писателей, среди них — Баранов, Трешкин, члены секретариата. В траурной вуали, поддерживаемая Тихоном, появилась Кукушина. Чуть в стороне, за всей процессией наблюдал Николаевич. Из глубины сцены неожиданно возник Лукин. В руках он торжественно нес огромную пыжиковую шапку. При виде шапки Кукушина громко зарыдала. Все начали ее шепотом успокаивать. Лукин передал шапку Тихону, вытер набежавшую слезу, подошел к микрофону.

Лукин. Товарищи! Сегодня мы провожаем в последний путь известного советского писателя...

Баранов (*негромко*). Широко известного...

Лукин (*не обратив внимания*). ...Известного советского писателя Ефима Семеновича Рахлина. Автора одиннадцати книг, пользовавшихся известностью среди наших читателей.

Баранов (*громче*). Широкой известностью...

Один из членов секретариата. Борис, веди себя...

Баранов (*дерзко*). Я и веду!

Лукин (*повышая голос*). Весь жизненный и творческий путь этого известного...

Баранов. “Широко!”

Начинается шум, все друг друга успокаивают.

Лукин (*сердито*). Товарищ Баранов, вы мешаете...

Баранов (*дерзко*). А вы что? Жалко вам напоследок человеку доброе слово сказать?! Фимка был “широко известный”!..

Трешкин (*заплакал*). Симхыч! На кого ж ты меня бросил? Эх, Россия, какой еврей умер!..

Кукушина. Молчать! Всем молчать! Фимушка! (*Схватила у сына шапку.*) Почему он лежит?.. Ему же холодно... (*Пытается надеть на мужа шапку, ее сдерживают.*)

Женщина (*член секретариата, останавливая Кукушину*). Нельзя, Зинаида. Не положено. Это...

Кукушина. Уйди! Ему положено! Ему положено!!! Это его шапка!

Общий шум. Процессия, ругаясь и споря, движется в глубь сцены.

Николаевич, зажав уши, уходит прочь, вверх, где начинают светиться огни аэропорта.

Голос по радио. “Внимание! Начинается регистрация билетов на рейс аэрофлота номер пятьсот тринадцать по маршруту Москва — Франкфурт! Пассажиров просят пройти на регистрацию... “Даснунд нерн...” *(и т. д., уже по-немецки)*.

Николаевич подходит к стойке таможенного досмотра. Здесь — несколько таможенников, чуть поодаль — милиционер. Таможенники начинают делово “рыть” чемодан, разбрасывая вещи, смотрят их напросвет, прощупывают.

Таможенник. Выньте все из карманов.

Николаевич вынул мелочь, ключи.

Снимите пиджак!

Николаевич снял.

Второй таможенник. Снимите сапог!

Николаевич снял. Второй таможенник запустил руку в сапог.

Николаевич. Слушай, что ты там ищешь? Бомбу?

Второй таможенник. Нет. Не бомбу.

Николаевич. А что? Совесть свою?

Николаевич скинул второй сапог. Второй таможенник начал его обыскивать с каким-то странным сладострастием.

Первый таможенник *(протянув бланк)*. Распишитесь!

Николаевич. В чем?

Первый таможенник. В том, что ваша рукопись конфискована.

Николаевич. Какая рукопись? Я не везу никаких рукописей.

Первый таможенник *(показывая листок)*. А это что?

Николаевич. Это — так... набросок... Это вообще не я сочинял...

Первый таможенник *(заглянув в листок)*. “Штормило... Капитан Коломийцев стоял на мостике и тоскливо озирал бушующее пространство...” Не положено!

Николаевич *(разозлившись)*. Что не положено?! Что вы здесь цирк устраиваете? Неужели я не знаю, с кем имею дело?.. Да все мои книги или уже изданы или — в голове... А это — ерунда... *(Протянул руку к листку)*.

Первый таможенник *(отдернул листок)*. Не положено!

Николаевич. Ну, тогда я возвращаюсь домой! *(Начинает загибать вещи в чемодан, потом отшвырнул его, двинулся без вещей в обратном направлении.)* Я без него не поеду!

Таможенники (*испуганно встают на его пути*). Минуточку!
Гражданин... Господин...

Один из таможенников что-то стал поспешно докладывать по радию, заглядывая в листок и нашептывая отдельные слова... "Капитан Коломийцев... тоскливо озирает..." и т. д. Затем выключил радию, протянул листок Николаевичу.

Первый таможенник. У таможи нет к вам претензий.
Можете следовать!

Оба таможенника поспешно исчезают. Николаевич начинает угрюмо складывать вещи в чемодан. За ним с интересом наблюдает милиционер.

Милиционер. Помочь, что ль?

Николаевич (*угрюмо*). Не надо.

Милиционер. А... эти куда ушли?

Николаевич. Не знаю. Наверное, пошли стреляться. И ты бы пошел. У тебя пистолет есть?

Милиционер. Есть. (*Засмеялся.*) А вы — писатель?

Николаевич. Да.

Милиционер. Не читал...

Николаевич. Прочтешь когда-нибудь!

Милиционер. А вы насовсем уезжаете?

Николаевич. Насовсем. Но скоро вернусь... (*Уходит.*)

Милиционер (*засмеялся*). Скоро... Веселый писатель... Скоро...

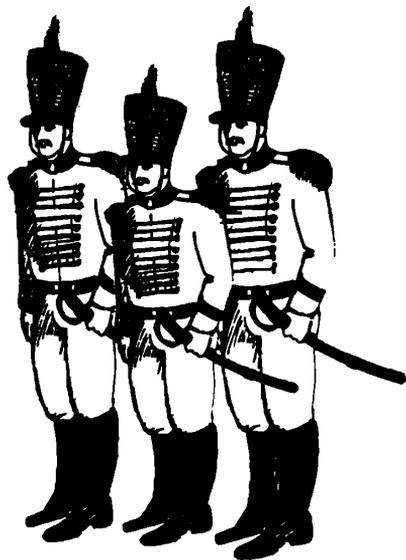
Так он и смеется своим глуповатым смехом, пока Николаевич не скрывается из виду.

Занавес

О БЕДНОМ ЦУСАРЕ
ЗАМОЛВИТЕ
СЛОВО

*Киноповесть,
написанная совместно с Эльдаром Рязановым*

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

“Это произошло лет сто, а может, и двести назад, так что очевидцев, скорее всего, не осталось... Поэтому никто не сможет упрекнуть нас в недостоверности” — эти слова принадлежали режиссеру, который на ходу давал интервью.

На съемочной площадке, как говорится, “смешались в кучу кони, люди”: шла подготовка к съемкам костюмного фильма. Грумер наклеивал актеру лихие гусарские усы. Костюмеры наряжали массовку в одежду горожан давно ушедшего времени. Консультант показывал, как гусары поили из кивера коней. На площадке, окруженный лошадьми, осветительными приборами, тонвагенами и лихтвагенами, стоял вертолет. К нему, заканчивая интервью, направлялся режиссер.

“История, которую мы хотим показать, не опирается на подлинные исторические факты. Она настолько недостоверна, что в нее нельзя не поверить”.

Взрели винты. Вздрыбились лошади. Гусары схватились за кивера, не давая порывам ветра унести их. Вертолет взмыл в воздух... Остались позади залитые солнцем белые кварталы новостроек. Вертолет пролетал над великолепными пейзажами: реки, перелески, озера, поля. Полилась ностальгическая русская мелодия. Она как бы уводила нас из сегодняшних дней в давно минувшие. И вот перед нашим взором возникли снятые с высоты птичьего полета старинные дворцы, парки и замки. Кусково и Петродворец, Архангельское и Павловск, Марфино и Царское Село.

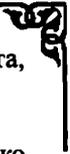
Продолжает звучать голос за кадром:

“Эта история приключилась в то замечательное время, когда мужчины владели шпагой лучше, чем грамотой, и шли бесстрашно не только в бой, но и под венец; когда женщины умели ценить бескорыстную любовь и вознаграждали ее приданым; когда наряды были такими красивыми, а фигуры такими стройными, что первое было не стыдно надевать на второе.

Это было время, когда царь обожал свой народ, а народ платил ему тем же и еще многим другим.

Это было время, когда лучшие умы России мыслили, но молчали, поскольку им затыкали рты, а худшие говорили, хотя, между прочим, могли бы и помолчать...

Впрочем, может быть, все было и не совсем так. Если вдуматься, эта история — сказка, слегка приукрашенная правдой, если не вдумываться, — тем более...”.

По проселочной дороге ехала снятая с вертолета черная карета, запряженная четверкой. Ее сопровождали два конных жандарма.

Голос за кадром:

“Извините, что мы начинаем нашу комедию с эпизода, несколько непривычного для веселого жанра. Дело в том, что узника, которого везут в этой карете, решили отправить на тот свет”.

Из остановившейся кареты двое жандармов вывели человека со связанными руками и черной повязкой на глазах. Жертва, как и полагалось для столь торжественного случая, была одета весьма эффектно: белая батистовая рубашка с кружевной оторочкой, распахнутая на груди, черные бархатные штаны и до блеска начищенные тюремным надзирателем сапоги.

Приговоренного подвели к крутому обрыву над рекой, на другом берегу которой в дымке утреннего тумана вырисовывался силуэт спящего русского городка...

Поручик приказал пятерым солдатам занять места, а священник подошел к приговоренному с протянутым для последнего поцелуя крестом. Однако смертник демонстративно отвернулся в сторону, и священник безучастно убрал крест себе за пазуху.

За всей этой церемонией наблюдал всадник — зловещая фигура в черном плаще.

Голос за кадром:

“Разрешите представить вам одного из главных и активно действующих лиц. Для людей несведущих поясним: он одет в форму офицера третьего отделения. И в данном случае форма, как говорится, соответствует содержанию. Фамилия ему — Мерзляев”.

— Наряд! — громко скомандовал поручик. — Ружья в изготовку! В преступника-бунтовщика, изменника царю, вере и отечеству, це-е-льсь!

Солдаты послушно подняли ружья, навели на жертву.

— Палачи! Сатрапы! Душителы свободы! — гневно воскликнул приговоренный и тряхнул благородной головой.

Один из солдат дрогнул и опустил ружье.

— Степанов! — испуганно зашипел поручик. — Подними ружье, сукин сын.

— Не могу, — тихо сказал солдат. — Ваше благородие, это же свой... русский.

— Какой он тебе “свой”?! — снова зашипел поручик. — Сам под пулю захотел?

— Пускай! — вздохнул солдат и бросил ружье на землю. — Не могу!

— Из какой роты этот гуманист? — ласково спросил Мерзляев и сделал знак жандармам.

— Из пятой! — буркнул поручик и опустил голову.

Жандармы подошли к Степанову, привычным движением надели на него кандалы и отвели в черный экипаж.

— Продолжайте! — мягко попросил Мерзляев.

— Господин штабс-капитан, — нерешительно обратился к Мерзляеву поручик. — А может, сами скомандуете? Вам такие дела сподручней...

— Голубчик, — дружелюбно сказал Мерзляев, — кабы расстреливали офицера, ну, скажем, вас, я бы скомандовал. А с этим субъектом, думаю, вы и сами справитесь.

Поручик заскрипел зубами, сжал кулаки и вдруг остервенело крикнул: “Солдаты! Пли!!!” Грохнул залп. Расстреливаемый вскрикнул, пошатнулся и, став расстрелянным, скатился с обрыва.

— И все дела, — спокойно сказал Мерзляев. — Спасибо, братцы!

— По коням! — заорал поручик, и солдаты, стараясь не глядеть в глаза друг другу, быстро вскочили на коней и ускакали прочь.

Священник перекрестился, поднял полы рясы и тоже поспешно удалился.

Мерзляев тронул поводья, медленно подъехал к обрыву, глянул вниз. Убитый лежал у края воды, широко раскинув руки...

— Вставай, карбонарий хренов! — брезгливо крикнул Мерзляев.

Расстрелянный ожил, стянул с глаз повязку, резко вскочил, но вдруг застонал, схватившись за колено.

— Ногу подвернул, ваше благородие, — пожаловался он.

— Сегодня плохо работал, Артюхов! — сказал Мерзляев. — Кричал ненатурально. Жестикулировал скверно... Надрался, небось, с вечера, мошенник?

— Как можно, ваше благородие? — бормотал Артюхов, влезая по склону вверх. — Я перед работой — ни-ни... Никогда! Обрыв уж больно крутой... Нешто можно — живого человека на таком месте расстреливать?

— Пошевеливайся! — недовольно приказал Мерзляев. — Нам в соседний полк еще поспеть надо! — И добавил, обращаясь к жандарму: — Помогите-ка ему!

Затем Мерзляев тронул поводья и поскакал в направлении города.

— Прибавить бы за сегодняшнее дело, ваше благородие! — прокричал ему вслед Артюхов. — Кувыркаться-то сколько пришлось... Это уж, ей-богу, не расстрел, а мука!

— Почему вам платят? — спросил жандарм, помогая прихрамывающему Артюхову.

— Да ерунда... Тридцать гривен за расстрел. А сейчас пучок лука — пятак. У меня семья...

— Все-таки тридцать гривен — и ни за что...

— “Ни за что”? — возмутился Артюхов. — Да ты встань на мое место... Кричишь им всякие благородные слова в темноте, а у самого сердце екает. Вдруг какому обормоту пулю настоящую положили...

— Слушайте, а на кой всю эту камедь придумали? — спросил жандарм.

— Пентюх ты, Никита. — В голосе Артюхова прозвучала покровительственная нотка. — Государственное дело делаем! На мне люли проверяются: кто — за, а кто — против...

— А вешать вас не пробовали? — поинтересовался жандарм.

— Чего? — изумился Артюхов. — Ну, ты скажешь! Там же холостую петлю не сделаешь.

— Для вас и настоящей не жалко, — сказал жандарм. Но, увидев перекошенное лицо Артюхова, испуганно добавил: — Извините, господин тайный агент, шутю...

По селу бегут мальчишки,
Девки, бабы, ребятишки, —
Словно стая саранчи.
В трубы дуют трубачи!
Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!
Раздаются тары-бары:
“К нам приехали гусары!
Все красавцы усачи!
В трубы дуют трубачи!”
Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

Под эту лихую песенку в город Губернск вступал гусарский полк.

Перед полком шагал военный оркестр во главе с капельмейстером, наяривая залихватский марш. Впереди на лихом белом коне гарцевал бравый старый полковник, лет эдак аж тридцати восьми. За ним, под звонкий цокот копыт, вышльвали ослепительные майоры, волшебные штабс-капитаны, неотразимые поручики, восхитительные корнеты... Зеленые кивера с оранжевыми султанами, малиновые доломаны, расшитые золотом, серебряные ментики с меховой опушкой, атласно-голубые попоны под кавалерийскими седлами, в которых упруго размещались белоснежные панталоны с вшитыми в нужное место заячьими лапками, — одним словом, в город въехало все, что устрашало врагов и пленяло женщин.

А женщины города Губернска были не робкого десятка и шли навстречу опасности грудью вперед. На балконах, в распахнутых окнах домов, в витринах лавок и в оживленной толпе мелькали очаровательные локоны, манящие улыбки, завлекательные глазки и соблазнительные ножки — одним словом, все, что вдохновляет военных на штурм. Эту радостную картину не могли омрачить даже постные лица мужей, которые чувствовали себя ненужными на этом празднике жизни.

На углу главной улицы стояла черная запыленная карета, обляпанная грязью, из которой выглядывала физиономия Мерзляева, светившаяся патриотической улыбкой.

— Орлы ребята! — с гордостью обратился Мерзляев к сидевшему в той же карете Артюхову, но, когда тот попытался высунуться в окно, Мерзляев резко осадил его:

— Куда! Болван! Ты свою рожу не афишируй...

Полк продолжал торжественное шествие по городским улицам. Когда гусары поравнялись с зоологической лавкой, в ее витрине оказался ликующий хозяин с ликующими чадами и домочадцами. Каждый из стоявших держал клетки с попугаями.

— Нашему доблестному гусарскому воинству — у-ра-а! — закричал хозяин лавки и сделал знак домочадцам.

— Ур-ра! — закричали домочадцы.

Хозяин подмигнул попугаям, и даже чуть присвистнул: “Фьють”.

— У-ра! — один за другим закричали попугаи...

В заведении мадам Жозефины, несмотря на середину дня, ощущалось раннее утро: полуодетые, невыспавшиеся барышни причесывались, зевали, пили чай, слонялись из угла в угол.

Появилась взволнованная мадам Жозефина — элегантная француженка лет сорока.

— Мадемуазель! Большой радость!.. Темпераментный гусар вошел в город... Каникулы кончатся. Будет много работы... Требь ян! Требь ян! Барышни вяло отреагировали.

— Тебе-то “требь ян”, — проворчала одна из барышень, — а нам отдувайся...

— В деревню хотела отпроситься, — сказала девица по имени Жужу, — теперь, стерва, не пустит...

Барышни выползли на балкон.

— Все радуется, — потребовала Жозефина. — Общий виват!

— Виват! — вразнобой заорали барышни.

Гусары при виде жриц любви все как один повернули головы и сделали равнение на балкон. Галантный полковник отдал честь. Один из гусаров, Алексей Плетнев, пришел в радостное возбуждение, конь под ним совершил подлинный цирковой трюк: переступая ногами, почти танцуя, он вынес всадника к балкону, а потом, шаркнув копытом, сделал поклон.

Девушки взвизгнули от радости и зааплодировали.

Во дворе городского театра шла погрузка на подводы и фуры театральных декораций: передвижная драматическая труппа покидала Губернск в унылом состоянии. Выносили и складывали в ящики костюмы, реквизит, личные вещи.

Трагик Бубенцов влез на повозку и простер руки в направлении города.

— О Губернск непросвещенный! — заорал он. — О кладбище талантов! О скопище малограмотных плебеев... О... О... — Трагик на се-

кунду задумался и затем спокойно закончил проклятие: — Чтоб вы все сдохли... Трогай, дочка, — добавил он, обращаясь к молодой девушке, сидящей на козлах. — Федор, открывай ворота!

Караван тронулся. Федор, один из артистов труппы, распахнул ворота, и сразу во двор ворвался грохот военного марша. В проеме ворот показались гусары.

Бубенцов замер.

— Стой, дочка! — заорал он через секунду. — Остаемся! Что у нас в репертуаре из жизни офицеров?

— Отелло, что ли, — неуверенно сказал один из актеров.

— Годится, — одобрил Бубенцов. — Злободневная вещица: красотка вышла за генерала. Роли расходятся? — Он деловито оглядел труппу. — Отелло — я, Кассио — Марк, так... Яго — Федор. Вылитый Яго! Анна, ты сыграешь Эмилию, а ты, дочка, — Дездемону.

— Что вы, папенька! — побледнела Настенька. — Я же роли не знаю...

— Суфлер знает, — успокоил Бубенцов.

— Но ведь страшно... Господа офицеры... Как перед ними играть?

— Громко! — подытожил Бубенцов.

На центральной площади, возле здания городского театра цвет Губернска готовился к встрече доблестного воинства. Держа в руках поднос с хлебом-солью, впереди всех стоял породистый губернатор с еще более породистой губернаторшей. Позади них толпилось менее породистое дворянство, духовенство и чиновничество...

Полк, продолжая свое победное вступление в город, появился на центральной площади, и вдруг случилось непредвиденное: прямо перед носом колонны через улицу, усыпанную цветами, пробежала отвратительная черная кошка.

Оркестр встал как вкопанный. Музыка сбилась и смолкла. Полк замер. Толпа загаила дыхание.

Торжественная процессия, во главе с губернатором и хлебом-солью, тоже остановилась.

Возникла неловкая пауза. Хозяева города и гости стояли друг против друга, не смея сделать рокового шага.

На мужественном, покрытом боевыми шрамами лице полковника Покровского мелькнуло секундное колебание. Но затем он трижды плюнул через левое плечо, вздыбил коня, выхватил клинок и скомандовал:

— За мной, ребята!

И на полном скаку первым пересек воображаемую опасную черту.

Полк ответил громогласным “ур-ра!” и поскакал за бесстрашным командиром. Оркестр вновь грянул марш.

Счастливая толпа завопила “виват!”, в воздух полетели чепчики и другие части туалета...

Вечером театр города Губернска был и впрямь переполнен: офицеры пришли посмотреть на местных барышень и дам, а дамы и барышни пришли показать себя офицерам. В этой напряженной обстановке актерам было довольно трудно привлечь внимание к себе, поэтому они играли громче, чем обычно. За ходом спектакля следили лишь обреченные мужья города Губернска, тем более что на сцене бушевали страсти ревнивого венецианского мавра, заподозрившего свою жену в любовной связи с офицером, что делало трагедию как никогда актуальной...

Трагик Афанасий Бубенцов, вымазанный сажей, сверкая белками глаз, с помощью суфлера обвинял в неверности Дездемону, которую изображала его родная дочь Настенька.

— Сегодня я схватил ужасный насморк! — подавал текст суфлер, и Бубенцов, как громогласное эхо, оповещал об этом весь зал. — Как надоел! Поддай мне твой платок!

— Вот он, — нежно сказала Настенька, услышав шепот суфлера.

— Нет! Тот, что подарил тебе я, — попугайствовал Бубенцов.

— Он не при мне.

— Нет?! — саркастически усмехнулся мавр.

— Нет, — простодушно ответила Дездемона.

— Нехорошо!

В этот драматический диалог неожиданно ворвался звук хлопнувшей двери — в зал вошел корнет Алексей Плетнев. (Поскольку он является героем нашего повествования, опишем его подробней, тем более что часть публики оглянулась и смотрит на него... Он молод, высок, строен. На его румянном лице, как два кинжала, торчат задиристые усы. Неправильные черты лица, нос картошкой, растопыренные уши не давали повода считать его красавцем, но он был хорош собой, черт бы его побрал!)

Ничуть не смутившись, корнет окинул хозяйским взглядом весь женский личный состав, пришел в восторг, послал несколько воздушных поцелуев в разных направлениях и стал пробираться к своему креслу, наступая на чьи-то ноги, ежесекундно громко выкрикивая “пардон!”.

— Кто этот невежа? — спросил губернатор у сидевшего рядом командира полка. — Всего лишь корнет, а позволяет себе...

— Плетнев! Лешка! — В грубоватом голосе полковника послышалась гордая отцовская нотка. — Стервец!.. Герой! А в корнеты разжалован за дуэль.

— Дуэль была из-за женщины? — игриво спросила губернаторша.

— Разумеется, сударыня, — ответил полковник. — Из-за двух!

Жена губернатора посмотрела на Плетнева, потом перевела взгляд на мужа, вздохнула и грустно стала смотреть на сцену, где шла своя трагедия.

Дездемона секретничала с Эмилией. Суфлер подсказывал тему для беседы и той и другой...

“Дездемона. Неужели в самом деле есть женщины, способные мужей обманывать так низко?”

Эмилия. Без сомненья, немало их...

Дездемона. А ты так поступить решилась бы? Когда б тебе давали хоть целый мир?

Эмилия. А вы бы разве нет?

Дездемона. Нет! Никогда! Клянусь небесным светом!”

В голосе Настеньки Бубенцовой прозвучал пафос добродетели. Губернские мужья бешено заплодировали, одобряя эту целомудренную программу. Один из мужей даже вскочил и закричал: “Браво! Молодец, Дездемона!” В ту же секунду молодой гусар (в полку его прозвали Симпомпончик) привычным жестом сует записку его жене, та таким же привычным жестом сунула записку за корсаж... Муж уселся и высокомерно покосился на Симпомпончика — тот с подчеркнутым равнодушием смотрел на сцену.

Плетнев восхищенно уставился на Дездемону.

— Экий розанчик! — громко воскликнул он и ткнул локтем своего соседа, которым оказался штабс-капитан Мерзляев, одетый во фрак. — И давно она здесь?

— С начала пьесы, — пожав плечами, ответил тот.

— А я, дурак, опоздал! Хороша! Верно?

— Обворожительна! — согласился Мерзляев. — Шарман! Очень пикантна. В ней есть что-то такое... — И Мерзляев, наклонившись к уху корнета, шепнул: — Думаю после спектакля рискнуть...

— Тут либо думать, либо рисковать! — решительно сказал Плетнев, поднялся и пошел по ряду, вновь наступая на чьи-то ноги и прося прощенья...

Когда через несколько минут Настя Бубенцова временно покинула сцену, она наткнулась в кулисах на усатого верзилу с букетом цветов.

— Сударыня, разрешите представиться: корнет Плетнев! Очарован вами и, чувствуя прилив в душе...

— Извините, мне некогда! — сухо сказала Настенька и прошмыгнула в костюмерную комнату. Тут же без стука туда вошел корнет.

— ...и, чувствуя прилив в душе, — продолжал он начатую фразу, — почту за честь пригласить вас сегодня на ужин...

— Мне надо переодеться! — взмолилась Настенька.

— Ни в коем случае! Вы в этом платье... ну просто нимфа, — сказал Плетнев и уселся на стул.

— Пошел вон! — разгневалась Настенька и, увидев, что корнет не трогается с места, схватила рубашку и выбежала из костюмерной.

Через секунду, в одной ночной сорочке, она сидела на сцене в спальне венецианского дворца, где по сюжету должна была состояться знаменитая сцена удушения...

— Кто здесь? Отелло, ты? — подсказал суфлер. И Настенька повторила этот вопрос, вложив в него всю необходимую гамму чувств.

— Я, Дездемона, — не стал отрицаться появившийся Отелло.

— Что ж не идешь ложиться ты, мой друг? — Настенька протянула мавру зовущие трепетные руки... и обомлела. В суфлерской будке вместо старичка суфлера появилась усатая румяная рожа.

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона? — поинтересовался мавр.

Настенька молчала, не в силах оторвать изумленного взгляда от суфлерской будки.

— Сударыня! — страстно сказал Плетнев. — Если вы верите в любовь с первого взгляда, она — перед вами!

— Вы с ума сошли! — прошептала Настенька.

— Не спорю, — согласился Плетнев. — И счастлив этим!

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона? — повысил голос Отелло.

— Уйдите! — свирепо зашипела Настя корнету. — Я текста не знаю...

— Слушай, Дездемона, в конце концов: молилась или нет? — перешел на прозу Отелло и, перехватив полный ужаса взгляд партнерши, глянул в суфлерскую будку.

Плетнев приветливо помахал оторопевшему мавру рукой: “Миль пардон, господин арап, буквально несколько слов, антр ну!” — И снова обратился к даме сердца:

— Сударыня, один ваш взгляд — и карета ждет у театра.

Зал, почувствовав некоторую заминку на сцене, впервые заинтересовался представлением. Воцарилась зловещая пауза. Актеры не знали, что делать.

— Дездемона! — вдруг закричал находчивый Бубенцов и, к изумлению всего зала, снял с ноги туфлю и запустил ею в суфлерскую будку. — Там — мышь! Там — мышь! — объяснил он свой странный поступок партнерше.

Туфля в ту же секунду, подобно бумерангу, вылетела обратно и угодила мавру в физиономию.

— Ах так! — взбесился мавр. — Ну, скотина, я тебе покажу! — Он подскочил к суфлерской будке и стал пинать невидимого залу Плетнева.

Публика зашумела, почувствовав, что трагедия развивается по новому, не предвиденному сюжету.

— Кого это он там? — простодушно поинтересовался Симпомничик у мужа.

— Это гипербола, — снисходительно пояснил муж. — Неужели неясно?!

— Я понял, что гипербола, но ногами-то зачем?

Защищаясь от ударов, Плетнев дернул разъяренного мавра за ногу, отчего тот грохнулся на пол.

— Папочка! Ты ушибся! — закричала Дездемона своему чернокожему мужу, тем самым совершенно сбив с толку зал.

— То есть как “папочка”? — изумился губернатор. — Она — его жена!

— Это безобразие! Что вытворяют эти комедианты! — воскликнула жена губернатора, поднялась и демонстративно направилась к выходу.

— Терпенью моему пришел конец! Сейчас за все получишь ты, подлец! — неожиданно в рифму продекламировал трагик и, схватив со стены, висевший среди прочего оружия, лук, выпустил стрелу в направлении суфлерской будки.

Тут же раздался истошный женский визг: стрела угодила губернаторше в место, которое она только что оторвала от стула...

Коридор тюрьмы города Губернска. По коридорам хозяйским шагом двигался штабс-капитан Мерзляев. Конвоиры при виде офицера из Петербурга вытягивались во фронт.

Голос за кадром:

“Разные профессии встречаются на свете. Профессией господина Мерзляева было наблюдать, надзирать, присматривать — одним словом, блюсти. Этому трудному, благородному делу он посвятил себя без остатка. Он служил не за страх и не за совесть, поскольку он не имел ни того, ни другого. Просто он любил это дело... Вот и сейчас, несмотря на раннее время, он исполнял свой патриотический долг. Исполнял его он в помещении тюрьмы, а именно в кабинете начальника этого общедоступного заведения”.

Мерзляев открыл дверь кабинета. В кабинете на письменном столе стояли четыре клетки с попугаями, а в двух шагах от стола дрожал бледный от страха хозяин зоологической лавки.

— Извините, господин Перцовский, — сказал Мерзляев, усаживаясь за стол. — Все время отвлекают...

— Понятно, — подобострастно засуетился хозяин лавки. — Такой начальник из... столицы. Столько дел... Ни минуты покоя.

— Я рад, господин Перцовский, что вы меня пожалели, — усмехнулся Мерзляев. — Однако вернемся к нашим баранам... — Он повернулся к клетке с попугаями. — Послушаем еще разок. Фью-ить... Фью-ить! — присвистнул Мерзляев.

Первый попугай немедленно захлопал крыльями и отозвался: “Царь-дурак!”

Второй подхватил: “Царь-дурак!”

Тут же включился третий: “Царь-дурак!”

Четвертый попугай пришел от этих криков в дикое возбуждение, заметался по клетке и заорал громче остальных: “Дурак! Дурак!” — и неожиданно добавил: “Долой царя!”

— Не виноват! — взмолился хозяин лавки. — Господин офицер, не учил я их этому... Ей-богу!

— Сами, что ль, додумались? — иронизировал Мерзляев.

— Я ж объяснял, ваша милость, я купил одну птицу на рынке...

— У кого?

— У мужика какого-то. С большой бородой. А этот попугай и научил всех остальных.

— Где ж зачинщик? — поинтересовался Мерзляев.

— Мужик, что ль?

— Попугай...

— Улетел, как назло.

— Бежал, значит, — усмехнулся Мерзляев. — Ну хорошо. Допустим: первый научил второго, второй — третьего... Я еще могу понять. Но вот этот-то мерзавец, — он ткнул пальцем в клетку с четвертым попугаем, — он же не просто повторяет, он выводы делает!

— Не губите! — Хозяин лавки рухнул на колени. — Я старый, больной человек. У меня — астма. Господин штабс-капитан, я с этими попугаями не согласен! Хотите, я вам их на ужин зажарю?..

Бесшумно открылась дверь, в помещение на костылях вошел Артюхов, волоча забинтованную ногу.

— Ваше благородие, — сказал он, обращаясь к своему шефу, — к вам — господин полковник Покровский.

— Подождет, — небрежно бросил Мерзляев. — Я занят.

— Я доложил, что заняты, а он буйствует. Как бы порьму не разнес!

— Ничего, — усмехнулся Мерзляев. — У нас, слава Богу, тюрьмы крепкие. Не только полковников, генералов успокаивали. Ну, а вы, голубчик, — обратился он к несчастному хозяину лавки, — ступайте домой... Даю два дня, чтобы найти зачинщика...

— Где ж я его найду? — побледнел хозяин лавки. — Это ж попугай. Он, может, уже в Африке...

— Я не о попугае. Я о мужике, который его продал... А птички ваши покуда посидят у нас...

Хозяин лавки печально встал с колен, пошел к двери, обернулся:

— Господин начальник, а ежели их кормить — они молчат.

— Это что ж? Намек? — тихо спросил Мерзляев.

Хозяин лавки понял, что усугубил свое горестное положение, и, схватившись за голову, выбежал из кабинета.

Как только за ним закрылась дверь, Артюхов жалобно произнес:

— Ваше благородие, завтра работать не смогу... Нога распухла. Болит, сил нет...

— Ты что? — Мерзляев встал из-за стола. — Срывать секретное предписание?! А кого я завтра к стенке поставлю?

— Поставить-то меня можно, — вздохнул Артюхов. — Упасть не смогу...

Мерзляев не успел ответить, как с грохотом распахнулась дверь и в кабинет кубарем влетел жандарм, выронив ружье, а следом, потирая ушибленную о физиономию жандарма руку, ворвался полковник Покровский.

— Я понимаю, когда из тюрьмы не выпускают! — прорычал он. — Но когда не выпускают, это — хамство!

— Дорогой полковник! — Мерзляев с радостной улыбкой поспешил навстречу Покровскому. — А вы двое — брысь отсюда! — турнул он Артюхова и жандарма. Те поспешно удалились. — Как я рад видеть вас в нашем доме.

Мерзляев сердечно протянул руку командиру полка, тот секунду поразмыслил, все-таки ответил на рукопожатие, после чего демонстративно и тщательно вытер собственную руку о собственные штаны.

Мерзляев заметил этот жест, но сделал вид, что не заметил, и продолжал лобезно улыбаться.

— Ну вот что, господин Мерзляев. — Армия решительно пошла в атаку на жандармерию. — Я получил предписание оказывать всяческое содействие вашей тайной миссии. И как солдат обязан повиноваться! Но как благородный человек и дворянин не позволю из своих гусар делать палачей. У вас для этого жандармов предостаточно.

— Дорогой мой... — Мерзляев незаметно скосил глаза в бумаги. — Дорогой Иван Антонович, это не я изобрел...

— Надо ж додуматься! — продолжал кипеть Покровский. — Боевых офицеров на расстрелах проверять...

— А на чем же, дорогой? Не на танцах же...

— Это гадко! — крикнул полковник.

— Не спорю, — согласился Мерзляев.

— Отвратительно!

— Вы совершенно правы...

— Это подло!

— И я такого же мнения, — вздохнул Мерзляев. — Более того, его превосходительство, шеф нашего третьего отделения, тоже возмущен. По секрету добавлю: сам государь император пришел в негодование и порвал бумагу, но потом велел склеить и подписал... Надо! Понимаете, Иван Антонович, надо! Все мы так: мучаемся, но дело делаем.

— А я как благородный человек и дворянин заявляю: поцелуйте меня в одно место!

— А я вам как благородный человек и дворянин заявляю, — повысил голос Мерзляев, — если отечество потребует, — поцелую!

Тут жандармерия перешла в атаку на армию:

— Дорогой Иван Антонович! Время-то сейчас трудное... В Европе — смуты, волнения, — Мерзляев перешел на шепот, — кое-где баррикады. Вредные идеи — они в воздухе носятся. Там выдохнули, здесь

вдохнули... На кого государю опереться? Кому доверять? Только армии... Но, как говорится, доверяй, но проверяй...

— Ну, вы мой полк не марайте! Мои орлы не дураки! Газет не читают, книг в глаза не видели, идей никаких не имеют!

— Не надо перехваливать, Иван Антонович... Вот, например, получен сигнал: некий корнет Плетнев в одной компании вольнодумно высказывался.

— Да мало ли что спьяну сморозил?! Все болтают.

— Болтают все, — глубокомысленно заметил Мерзляев. — Не на всех пишут... А вот поставим его лицом к лицу с бунтовщиками — и сразу будет ясно, что за человек. Спьяну болтал или нет.

— Я за Плетнева ручаюсь как за себя!

— Дорогой Иван Антонович, — грустно сказал Мерзляев, — такое время — ни за кого ручаться невозможно... Вот, послушайте... Вроде бы птички Божии, а что позволяют. — Он свистнул, и попугаи немедленно отозвались: “Царь-дурак...”, “Царь-дурак...”, “Дурак!”, “Долой самодержавие!”

Лицо полковника перекошилось. Мерзляев тоже несколько изумился новой формулировке попугая.

— Вот такие настроения витают не только в обществе, но и в природе! — подытожил Мерзляев, радуясь тому, что жандармерия в который раз одержала победу над армией.

На улице перед зданием городской тюрьмы Настенька Бубенцова пыталась уговорить караульного пропустить ее внутрь. Караульный, однако, был непреклонен.

Настенька пыталась сунуть караульному кредитку, тот оглядел кредитку и презрительно вернул ее...

Голос за кадром:

“Тюрьма Губернска не входила в число достопримечательностей этого славного города: примитивное, безвкусное здание с решетками на окнах. Одним словом, тюрьма как тюрьма. Внутренняя отделка казематов тоже не радовала глаз. Но, в конце концов, не в этом дело. Как говорится, не место красит человека, а наоборот...”

Узник Бубенцов являл собой яркое пятно на фоне унылых тюремных сцен — ведь его привезли прямо со спектакля в мундире генерала Венецианской республики. Бубенцов старательно пытался стереть с лица сажу, заменявшую в те далекие времена грим.

— Ну как? — спросил он наблюдавшего за его стараниями тюремщика. — Очистился?

— Арапом быть перестал, — подумав, сказал тюремщик, — но и до русского тебе еще мыться и мыться... Сдавай!

Бубенцов взял колоду карт.

— Значит, так, — говорил мулат Бубенцов, мастерски тасуя колоду. — Мои сапоги против твоей табакерки.

— Табакерка бронзовая, — набивая цену, сказал тюремщик.

— Сапоги генеральские, — парировал Бубенцов.

— Сапоги-то поношенные, — скривился тюремщик.

— А табакерка занюханная, — отбрил Бубенцов.

— Сдавай! — вздохнул тюремщик.

Играли, естественно, в “двадцать одно”, или попросту — в очко.

— Двадцать! — Тюремщик радостно открыл свои карты.

— Два туза! — ласково произнес Бубенцов и взял табакерку. —

Хорош табачок, — добавил он, нюхая. — Теперь предлагаю так: моя табакерка против твоей сабли.

— Заключенному сабля не положена! — заупрямился тюремщик.

— Отдашь, когда выйду на свободу, — нашел выход Бубенцов.

— Если проиграю тебе саблю, меня ж посадят, — справедливо рассудил тюремщик.

— А ежели посадят, зачем тебе сабля? Заключенному сабля не положена.

— Тогда сдавай! — махнул рукой тюремщик, сраженный безупречной логикой партнера.

Карты были розданы, тюремщик попросил еще одну и с отвращением швырнул их на скамью:

— Перебор, чтоб ты сдох! — Рука тюремщика рванулась к сабле.

— Не торопись, — испуганно остановил его Бубенцов, — я ж сказал: потом отдашь, потом.

Заскрипела тюремная дверь. В камеру вошел здоровый детина с рожей, не предвещавшей ничего хорошего. Это был тюремный экзекутор.

— Бубенцов! — пробасил он. — На экзекуцию!..

Тюремщик сладострастно захихикал:

— Ну, везунчик! Сейчас наш Степа за меня отыграется... Он из тебя краснокожего сделает.

— Позор! — завопил Бубенцов. — Пороть артиста! Дижось! Куда мы только идем?

— В подвал! — коротко ответил на этот риторический вопрос громила и поволок извивающегося Бубенцова из камеры...

Через несколько минут хромавший по тюремному двору Артюхов услышал нечеловеческие вопли, доносящиеся из подвала:

— Ой!.. Мама, мамочка! Больно!.. Сатрапы! Палачи!

Услышав знакомые слова, Артюхов остановился.

— Над кем это Степка работает? — спросил он у караульного.

— Актеришка какой-то, — равнодушно ответил тот.

— Славно кричит! — тоном знатока отметил Артюхов. — И сколько ему прописали?

— Полсотни...

В голове Артюхова неожиданно промелькнула мысль, что само по себе было событием довольно редким. Он вдруг заволновался и, сказав загадочную фразу: “Неэкономно кричит! Охрипнет!” — быстро заковылял к подвалу.

А в этот момент в подвале жертва и палач мирно сидели друг против друга. Бубенцов раскидывал карты.

— Значит, так, — шепотом говорил Бубенцов, — снимаешь еще десять ударов, а я ставлю камзол... — И внезапно во весь голос заорал: — Ой, мамочка моя! Убьешь, мерзавец! — И снова перешел на шепот: — Согласен?

— Сдавай! — прохрипел экзекутор.

Он жадно схватил две карты и потребовал:

— Еще!

— Убийцы! — заорал Бубенцов.

— Не ори в ухо, — рявкнул экзекутор и понизил голос: — Карту давай, сука!

Бубенцов протянул карту.

— Девятнадцать!

— Мало! У меня — очко! — И Бубенцов открыл десятку с тузом...

— Убью, сволочь! — с искренней ненавистью сказал экзекутор, схватил розгу и, со свистом рассекая воздух, стал колотить ею по пустой лежанке: — Р-раз! Д-ва!.. Т-три!

— Сатрап! Живодер! Негодяй! — поставленным голосом вопил Бубенцов. — Мясник! Инквизитор!

На “инквизитора” Степан неожиданно обиделся:

— Ты ори, да знай меру!

— Извини! — шепотом сказал Бубенцов. — А “кровопийца” можно?

— Можно... Это многие кричат.

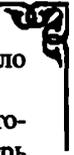
— Кровопийца! Изверг! — заревел Бубенцов и... осекся. Он увидел в дверях подвала Артюхова, который с нескрываемым восхищением наблюдал эту сцену. Степа обомлел.

— Ну брат, — завистливо сказал Артюхов артисту, — ты — большой талант. Тебя, милый, к стенке поставить — лучше не придумаешь!..

Поздний вечер. Перед особняком мадам Жозефины, освещенным интимным светом красного фонаря, толпились на привязи десятка два гусарских лошадей, ожидавших, пока отдохнут их лихие хозяева.

Голос за кадром:

“Согласно статистике, в Губернске было изобилие магазинов, много церквей, видимо-невидимо трактиров, полно питейных заведений и одно заведение просто. Оно так и называлось: “Заведение мадам Жозе-

фины”. О заведении в городе шла дурная слава, и поэтому там не было отбоя от посетителей”...

Артистка Настенька Бубенцова не без робости приблизилась к этому злачному месту и, преодолев волнение, дернула шнурок звонка. Дверь заведения гостеприимно распахнулась, и на пороге возникла фигура швейцара. Увидев девушку, швейцар сделал строгое лицо:

— Мадемуазель, наше заведение только для мужчин!

— Мне надо войти! У меня срочное дело, — с нервной настойчивостью сказала Настенька.

— Жен, сестер, матерей пускать не велено! Дебоширят! — Швейцар попытался заклопнуть перед Настенькой дверь, но та выпалила:

— Подожди! Я наниматься пришла!

— Так бы сразу и говорила. — Швейцар взглядом специалиста окинул фигуру девушки. — Пожалуй, подойдешь... Мадам в зале. Ступай!

Преодолевая страх, Настенька вступила в притон разврата.

То, что она увидела, превзошло все ее ожидания, ибо она не увидела ничего особенного. В зале были обычные провинциальные “посиделки”. За роялем сидел полковник Покровский, а несколько усталых барышень и не менее утомленных гусаров трогательно пели на два голоса протяжную песню. Возможно, эту:

Зима пронеслась, и весна началась,
И птицы, на дереве каждом звеня,
Поют о весне, но невесело мне,
С тех пор как любовь разлюбила меня.

Настенька дождалась конца куплета и попыталась тихо спросить у одной из барышень: “Извините, не могли бы вы сказать...”

Но последняя строчка, которую подхватили все, заглушила ее голос. Зазвучал второй куплет. Гусары и барышни голосили самозабвенно:

Шиповник расцвел для проснувшихся пчел,
Поют коноплянки в честь вешнего дня,
Их в гнездышке — двое, сердца их в покое,
Моя же любовь разлюбила меня! *

— Извините, — прорвалась с вопросом Настенька, — где я могу найти корнета Плетнева?

— Лепку-то? — задумалась барышня. — Сегодня в двенадцатом номере. У Жужу. — И включилась в хор:

Зима пронеслась, и весна началась...

* Стихи Р. Бернса.

Настенька пошла по коридору, разглядывая номера комнат. Неожиданно Настеньку облапил неизвестно откуда взявшийся Симпомпончик.

— В наших войсках — новобранец! — с восторгом завопил он. — Симпомпончик, слушай мою команду: в комнату номер три шагом марш!

Настенька с размаху влепила ему пощечину.

Офицер опешил, но боевая выучка взяла верх.

— Сабли наголо! — молодецкато гаркнул прапорщик. — В атаку на очаровательного противника галопом — м-арш!

Настенька в панике бросилась от него. С криком “ура!” прапорщик гнался за ней. Увидев дверь с номером “12”, Настенька без стука влетела в комнату, заперла дверь на задвижку.

— Симпомпончик, сдавайся! — колотил в дверь прапорщик.

— Помогите, там пьяный! — взмолилась Настенька.

— А где ж тут трезвого найдешь? — невозмутимо ответила хозяйка комнаты Жужу. Она сидела перед свечой у маленького столика и мирно, по-домашнему вязала чулок. А в разгромленной кровати смачно храпел корнет Алексей Плетнев.

Увидев ненавистную усатую рожу, Настенька вспыхнула от гнева:

— Это он! Я узнала его. Его фамилия Плетнев?

— А кто его знает, — флегматично ответила Жужу. — У нас не полиция, фамилий не спрашиваем...

— Вставайте, негодяй! — Настенька решительно подошла к койке, начала трясти безжизненное тело. — Вставайте! Сумели напакостить — извольте отвечать за свои поступки!

— Жениться, что ль, обещал? — вяло поллюбопытствовала Жужу. — Ты мужским врачам не верь...

— Вставайте, скотина! — трясла Настенька корнета. Ей наконец с огромным трудом удалось усадить его на постели.

— Откройте глаза!

Плетнев с трудом открыл один глаз.

— Симпомпончик, я жду! — послышался вновь страстный голос прапорщика из-за двери.

— Вы меня узнаете? — с отчаянием спросила Настенька Плетнева.

— Разумеется, сударь, — промывчал тот. — Как сейчас помню, Дороховский редут...

— Я — актриса! — закричала Настенька. — Дездемона я. Вы нам вчера спектакль сорвали! Из-за вас папенька — в тюрьме...

— Симпомпончик! — настырно врывался в разговор из-за двери голос прапорщика. — Дездемона! Я — твой Ромео...

— Да замолчите вы! — крикнула Настенька прапорщику.

— С наслаждением! — согласился Плетнев и сделал попытку лечь. Но Настя успела перехватить накренившееся туловище.

— Нет, негодяй, вам придется пойти в жандармерию и все рассказать!

— В жандармерию — никогда! — уперся полусонный Плетнев. — С жандармами — ничего общего! Гусь свиньям не товарищ! Они — свиньи, я — гусь!

— Тогда и я — гусь! — откликнулся из-за двери прапорщик.

— Ну и молодец! — сказал Плетнев невидимому собеседнику.

— И ты молодец! — не остался в долгу прапорщик. И снова вернулся к любимой теме: — Симпомпончик, иди сюда!

— Сейчас приду. — Плетнев рухнул на ложе и захрапел.

Настенька в отчаянии повернулась к Жужу:

— Как разбудить это животное?.. Из-за него отец страдает... Помогите, девушка!

Тронутая этим неожиданным обращением, Жужу ответила:

— Попробую!

Она полезла под кровать и достала запыленную боевую трубу.

— От улан осталась, — пояснила она Настеньке. — Меня ихний оркестр очень любил... Не знаю, получится ли. Давно не пробовала.

Жужу поднесла трубу к губам...

“Трум-турум-тум-тум-тум-тум!!!” — По заведению пронеслись призывные звуки боевой тревоги.

Тут случилось невообразимое. Плетнев в мгновение ока вскочил с постели и с непостижимой ловкостью впрыгнул в стоящие рядом с кроватью сапоги. Затем он просунул руку в рукав ментика и, издав гортанный крик, сиганул в окно. Настенька бросилась вслед за Плетневым, свесилась с подоконника и увидела ледяную душу картину: из всех окон выпрыгивали гусары, попадая прямо в седла и стремяна.

Барышни не успели опомниться, как заведение опустело.

— За мной, ребята! — провозгласил полковник Покровский, который был первым не только в бою.

Цокот копыт, ржание коней, пыль столбом... И выбежавшая Настенька слышала только удаляющиеся звуки залихватской гусарской песни:

Не плачь, сударыня, пройдут дожди,
Гусар вернется, ты только жди...

Утром следующего дня по живописным окрестностям Губернска медленно ехала открытая карета, запряженная парой гнедых. На козлах сидел жандарм, рядом, придерживая забинтованную ногу, примостился Аргюхов. В карете на сиденьях расположились господин Мерзляев и артист Бубенцов.

— Может, там? — спросил Мерзляев у Бубенцова, указывая на опушку леса.

— Нет, — вздохнул Бубенцов. — Тут нужного настроения не создашь. Береза — дерево легкомысленное... Может, вы меня в дубовой роще шлепнете? Дать дуба хорошо у дуба! — Артист засмеялся собственному каламбуру.

— Капризничаете, господин артист, — поморщился Мерзляев.

— Ты, правда, кончай привередничать, — вмешался Артюхов. — Третье место меняем. В ельнике ему слишком мрачно, в березнике — весело. Ты, братец, не за грибами собрался. Один черт где!

— С кем вам приходится работать, господин штабс-капитан! — посочувствовал Бубенцов. — Дилетанты... Дурновкусица! Я — артист, милейший! — строго добавил он, обращаясь к Артюхову. — И смею сказать, хороший! Меня декорации вдохновлять должны! Воспламенить фантазию!

— Так куда ехать? — встрял в разговор жандарм.

— Вон тот бугор с тремя соснами может подойти. В нем что-то есть. Как вы считаете, господин штабс-капитан?

Жандарм повернулся к Мерзляеву, тот кивнул головой, не сводя пронизательных глаз с артиста.

Карета свернула с наезженной дороги и покатила по полю.

(Как уже, наверное, догадался читатель, дело, которым были заняты наши персонажи, в современном кинематографе называется выбором природы, то есть поиском места, где будет происходить действие.)

Карета въехала на бугор и остановилась у трех сосен. Бубенцов спрыгнул на землю, деловито стал осматривать “площадку”.

— По-моему, местечко подходящее. Значит, здесь стою я, а где будут партнеры?... Кстати, сколько их?

— Пятеро гусаров и офицер, — подсказал Артюхов.

— Ага... Значит, партнеров ставим там... Извините, штабс-капитан, я просто хочу понять мизансцену... Так... Они стоят там, я выхожу, гордо оборачиваюсь, кричу... Кстати, если рублик накинете, я могу и стихами: “Прощай, немыгая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ...”

— Стихами не надо, — жестко пресек декламацию Мерзляев. — Ваши выкрики мы уже оговорили!

— Как прикажете, господин начальник, — охотно согласился Бубенцов. — Значит, они целятся, я кричу, они дают залп... Кстати, извините за бестактность: а ежели они откажутся стрелять, что им будет?

— Офицера — в Сибирь, на каторгу, — пояснил Артюхов, — а рядовых — в шпицрутены, а если выживут — под пули, на Кавказ.

— А! Значит, дело серьезное, — задумчиво протянул Бубенцов. — Стало быть, играть придется с надрывом, в полную силу... — Он вдруг сжал кулаки, побледнел и, с ненавистью глядя на стоявших у кареты служителей порядка, крикнул: — Палачи! Сатрапы! Душителы свободы!

Гниды жандармские, мать вашу так! — И, неожиданно спрыгнув с бутра, побежал через кустарник.

Мерзляевцы оторопели. Первым пришел в себя Артюхов:

— Афанасий, куда?! Стой! Стрелять буду!

Бубенцов, не оборачиваясь, стремительно продирался сквозь кустарник.

— Если уйдет — запорю обоих! — пообещал Мерзляев.

Жандарм и Артюхов сделали несколько выстрелов по убежавшему. Одна из пуль, очевидно, достигла цели: Бубенцов схватился за плечо, повернулся к убийцам, лицо его исказилось, он хотел что-то произнести, но не смог и рухнул лицом в траву.

Жандарм и Мерзляев поспешили к упавшему, за ними, на костылях, тяжело дыша, припрыгивал Артюхов.

Когда они приблизились к телу артиста, оно неожиданно село и, улыбаясь, спросило:

— Натурально получилось? А? Я подумал: может, во время спектакля еще и побег устроим? Для убедительности!

— Ну... Ну, ты даешь... — Артюхов даже задохнулся. — Паршивец эдакий! Я ведь вправду поверил... Ну талант! Просто дар Божий. Не зря я тебя привлек к нашему делу...

— Значит, так, господин комедиант, — сухо сказал Мерзляев. — Запомните: здесь вы не в театре, а на службе. И прошу таких фортелей больше не выкидывать.

— Я как лучше хотел, — оправдывался артист.

— Не надо “как лучше”, — перебил Мерзляев. — Надо — как положено. Все! Место выбрано! Завтра крикнете, упадете, получите деньги... и вон из города.

— Договаривались — деньги вперед, — вставил Бубенцов.

— Хорошо, вперед, — согласился Мерзляев. — Но запомните: поскольку мы вам доверились, то если хоть одно слово кому-нибудь...

— О чем разговор! — Бубенцов был человеком смекалистым. — Я понимаю, с кем имею дело. Могила — в прямом и переносном смысле.

— Не фиглярствуйте, Бубенцов! — крикнул Мерзляев. — И потом — откуда появилась эта реплика про “жандармскую гниду”?

— Увлекся... — извиняющимся тоном сказал Бубенцов. — Я, вообще, люблю импровизацию. Не хотите, как хотите. В каждой труппе свои порядки.

— Марш в карету! — приказал Мерзляев.

— Слушаюсь! — радостно ответил Бубенцов и, напевая романс, небрежной походкой направился к карете.

— Ваше благородие, — робко сказал Артюхов, глядя вслед актеру, — хоть я его и рекомендовал, а теперь сомневаюсь... Ненадежный он какой-то... Не проболтался бы.

— Не проболтается, — заверил Мерзляев.

— Гарантии никакой...
 — Дочка у него есть, — улыбнулся Мерзляев. — Вот тебе и гарантия. Приведи-ка ты ее сегодня ко мне.

Средь шумного бала случайно,
 В тревоге мирской суеты
 Тебя я увидел, но тайна
 Твоя покрывала черты... —

пел Бубенцов и восхищенным взглядом окидывал прекрасный, безмятежный пейзаж.

В то же славное утро на плацу перед казармами гусары проводили кавалерийские занятия: скакали через препятствия, рубили лозу, отрабатывали приемы джигитовки. Полковник Покровский, сидя на белом скакуне, с благодушной улыбкой наблюдал за питомцами. К командиру подскакал адъютант, круто осадил коня:

— Господин полковник, вам пакет от штабс-капитана Мерзляева.

Улыбка слетела с лица полковника, он сломал сургучную печать, прочитал послание и в сердцах выругался:

— Шпик поганый! Ребята-то все отменные, что он к ним прицепился? — И уже строгим голосом отдал приказ адъютанту: — Свиридова, Баташова... — заглянул в бумагу, — Лыткина... Симпомпончика... и корнета Плетнева — ко мне. Срочно!

Через секунду все пятеро гусаров остановили своих разгоряченных лошадей перед Покровским.

— Гусары... Значит, так... — нерешительно начал полковник. — Получено важное задание... В общем, завтра, в шесть утра... Как бы это лучше выразиться... — Полковник путался и от этого мрачнел еще больше. — А ну-ка, раз-зой-дись!

Гусары, недоуменно переглянувшись, отъехали.

— Ко мне! — гаркнул вновь Покровский, и гусары покорно вернулись. — Ну вот что, ребята. Мы с вами не на танцах, а вы — не кисейные барышни. Завтра на рассвете поступите в распоряжение жандармского штабс-офицера Мерзляева, а он вам скажет, что надо будет делать... Разойдись!

Никто из гусаров не тронулся с места. Пять пар глаз вопросительно уставились на полковника.

— Дело, значит, такое... — Полковника бесила роль, которую он вынужден был играть. — Завтра на рассвете по приговору... ну, в общем, шлепнете опасного бунтовщика... Или, может, и не бунтовщика, а наоборот... — И неожиданно рассвирепел: — В общем, кого скажут, того и шлепнете! Раз-зойдись!

Гусары не тронулись с места.

— Значит, на палаческое дело? — тихо спросил Плетнев.

— Нас почему выбрали? — спросил Симпомпончик.

— Что? Это они вас выбрали! — Полковник помахал бумагой с предписанием. — Вот тут... ваши фамилии. Болтать меньше надо. Распустили языки, шуточки разные крамольные... В общем, приказы не обсуждать! Разойдись!

Гусары повернули коней. Плетнев посмотрел исподлобья на командира и вдруг спросил:

— Разрешите продолжать учения, господин полковник?

— Продолжай! — ответил командир. И в ту же секунду Плетнев, хлестнув коня, стремительно повел его на препятствие. Разгон. Прыжок. И на полном скаку Плетнев вылетел из седла, его тело описало замкнутую параболу и с размаху шлепнулось на крышу курятника. Крыша рухнула, в образовавшуюся дыру с громким кудахтаньем вылетели куры...

Над лежащим Плетневым склонились гусары. Сюда же подбежал взволнованный полковник Покровский.

— Лешка, ты живой? — испуганно спросил Симпомпончик.

— Живой, — довольно бодро ответил Плетней, — но весь переломанный... — И поспешно добавил, обращаясь к полковнику: — Иван Антонович! Завтра в дело употреблен быть не могу!

— Понятно! — Полковник оглядел Плетнева. — А ну, все отсюда! Я его сейчас быстро вылечу!

— Иван Антонович, — испуганно предупредил Плетнев, — я весь переломанный.

— Пока еще нет! — угрожающе произнес полковник. — Ты что ж, симулировать?! Приказ не выполнять?!

— Приказ-то больно подлый, — заметил Плетнев.

— Что?! — побагровел полковник. — Или ты на самом деле вольнодумцем заделался, якобинцам продался?! Собственные мысли заимел?

— Откуда, Иван Антонович! Я бы этих бунтовщиков всех порешил бы, но в честном бою!

— Кретин! Тебе скоро должны эполеты поручика вернуть! У тебя вся жизнь впереди, а ты ее мараешь... Я за тебя поручился, слово дал... Потому что сыном считаю. Я память отца твоего, друга незабвенного, чту!. Он на руках у меня умирал, просил: "Ваня! Лешку моего не бросай! Человека из него сделай!" А ты... а ты... — И по мужественному лицу полковника, как и положено его званию, скатилась скупая слеза.

— Иван Антонович... — Плетнев был потрясен, впервые в жизни увидев слезы на лице командира. — Да вы что? Да я ради вас... Ну простите, ради Бога, дурака. Не домыслил! Действительно, зачем мне жизнь молодую ломать? Да я его завтра как комара хлопну!

Полковник сокрушенно покачал головой и задумался.

По сравнению с заведением мадам Жозефины тюремное заведение выглядело более пристойным, но здешняя тишина, деловитость и строгая пустота пугали Настеньку куда больше.

Бледная от страха, она шла по унылому тюремному коридору, а сзади нее хромал на костылях Артюхов, подсказывая путь:

— Налево, сударыня. А сейчас соблаговолите направо. А вот и дверь заветная. Тут вас господин штабс-капитан и примет. Кстати, барышня, если уж хотите помочь папаше, то постарайтесь понравиться господину Мерзляеву...

— Я постараюсь, — робко ответила Настенька.

— Если он на чем настаивать будет, не кочевряжьтесь.

— Вы что это — в дурном смысле? — вспыхнула Настенька.

— В нем! — как отрезал Артюхов.

— Да вы что? Я — порядочная девушка...

— Поэтому и говорю — не кочевряжьтесь! Прошу! — Артюхов распахнул дверь и впустил запуганную Настеньку в кабинет начальника тюрьмы. За время хозяйничанья в нем Мерзляева кабинет несколько похорошел: на окнах появились занавески, в вазах стояли цветы, клетки с говорящими попугаями были заменены на аквариум с молчащими рыбками. А в центре комнаты стоял стол, накрытый на две персоны. Горлышко бутылки с шампанским зеленело в ведерке со льдом. В кабинете никого не было, и Настенька робко присела на краешек стоявшего в углу стула. Неожиданно послышалась нежная музыка. Распахнулась дверь, и два жандарма, пыхтя, втащили широкий диван.

Настеньку передернуло.

— Тут, что ль, ставить? — спросил один жандарм у другого.

— А кто его знает, где он предпочитает... Давай тут! — Жандармы прислонили диван к стене и, не обращая никакого внимания на просительницу, удалились.

(Настала пора появиться хозяину кабинета, и он появился. До сих пор нам было недосуг описать внешность господина Мерзляева, а она того стоила: правильные черты лица, красивые серые глаза, гордый орлиный нос, волнистые волосы, стройная фигура — одним словом, он был весьма недурен собой, разрази его гром. Общеизвестная поговорка "Бог шельму метит" в данном случае не годилась, что свидетельствовало о том, что Бог и третье отделение смотрели на подбор кадров по-разному.)

— Сударыня, извините, что заставил вас ждать! — Мерзляев склонил свою красивую голову и поцеловал Настеньке руку. — Дел невпроворот! Не покладая рук. Здесь ем, здесь сплю... Кстати, Настасья Афанасьевна, окажите любезность, разделите со мной скромный ужин старого холостяка. — Он жестом указал на накрытый стол.

— Господин Мерзляев, спасибо, что вы меня приняли.

— Какие пустяки! Это вы оказали мне честь! Богиня! Служительница Мельпомены снизошла до незаметного чиновника... Как сказано у Пушкина: “Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...” Это Александр Сергеевич, кажется, в ссылке написал, — разливая шампанское по бокалам, ворковал Мерзляев.

— Я по поводу папеньки, — начала излагать свою просьбу Настенька. — Была у судьи, в канцелярии градоначальника, все говорят, что это дело не в их компетенции... Что папенька якобы не случайно попал в госпожу градоначальницу, а... покушался!

— “Покушался”? — засмеялся Мерзляев. — Так прямо и сказали? Ха-ха... Ох и любят же у нас перегнуть палку!

— Чистое недоразумение! — радостно поддакнула Настенька.

— Ну, это как посмотреть! — Мерзляев неожиданно посерьезнел. — Он ведь не в студентешку какрго-нибудь выстрелил, он попал в важную особу, да еще... в такое место, что дело приобретает эдакий, я бы сказал, сатирический характер.

— Он вообще не в нее целил! Он хотел попасть в офицера!

— Сударыня, — помрачнел Мерзляев, — думайте, что говорите! Значит, ваш папенька хотел убить защитника отечества!

— Я вам сейчас все объясню, — взмолилась Настенька. — В суфлерской будке во время представления появился пьяный офицер... В смысле — лицо... защитника отечества... и стало говорить...

— Что?

— Ну... Просто ерунду... В любви мне объяснялся.

— Это не по нашей части, — улыбнулся Мерзляев. — Любовь — дело полиции! А кто-нибудь еще видел этого офицера?

— Я и папенька!

— Больше никто? Плохо! Очень плохо, сударыня. Вряд ли вашему отцу удастся избежать наказания. Поверьте, я душой на вашей стороне, но как помочь? Прямо не знаю, с чего начать... Как подступиться к этому деликатному делу?

Мерзляев отхлебнул шампанское и запагал по комнате, погрузившись в раздумья. Настенька поняла, что час расплаты пробил. Будучи любящей дочерью, она вскрикнула и начала боязливо расстегивать пуговицы на своем платье. Мерзляев заметил это движение и удивленно вскинул бровь:

— Вам жарко, сударыня?

— Нет, то есть да... — забормотала покрасневшая Настенька. — Душно... Скорее, холодно... В общем, я подумала... Вы же сами сказали: как подступиться...

— Что? Как вы могли такое подумать? — с искренним негодованием воскликнул Мерзляев. — Хорошего же вы мнения о нашем департаменте!

— Извините, я не хотела вас обидеть. — Настенька лихорадочно начала застегивать пуговицы.

— Неужели вы решили, что я — злодей, который воспользуется своим служебным положением? Если вам жарко, можете и расстегнуться!

Пальцы Настеньки остановились на полпути и после секундного колебания поползли вниз.

— Вы меня ранили в самое сердце! — с благородным пафосом продолжал Мерзляев. — Я знаю, нас не любят, не уважают, но зачем же так унижать?!

Пальцы Настеньки быстро поползли вверх, застегивая пуговики одну за другой.

— Девочка моя! — Мерзляев подсел к Настеньке. — Я ценю ваши дочерние чувства, это благородно, но, если вдуматься, до чего мы докатились! Вы бледны, вся дрожите... А меня вы пожалели? Ведь жертва здесь не вы, а я! У меня тоже, как ни странно, душа имеется. И я хочу, чтобы меня любили ради меня самого, а не за то, что я могу казнить или миловать... Ах, как я одинок, Настенька! Помните, у Лермонтова: “И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...” Это Мишель просто про меня написал... Я вижу вокруг себя льстивые улыбки, низкие поклоны, дамские авансы, но это все не мне, а мундиру. Когда я увидел вас в театре, у меня закружилась голова... Она и сейчас кружится! Такого со мной не бывало! По-моему, это любовь!

Растерянная Настенька покорно потянулась к пуговкам.

— Нет! — закричал Мерзляев. — Не оскверняйте святого! Не здесь! И не сейчас!.. Завтра, после ужина! Я хочу дать вам время, чтобы вы успели меня хоть чуточку полюбить. Обещайте мне! Успеете?

— Попробую, — обреченно сказала Настенька. — А как же все-таки насчет папеньки?!

— Боже, как вы все меркантильны! Выпущу я завтра вашего родителя! Целым и невредимым! Но любить-то меня прошу не за это!.. Помните, как у нашего незабвенного классика сказано: “А ты, невинная, ты рождена для счастья. Беспечно верь ему, летучий миг лови: душа твоя жива для дружбы, для любви, для поцелуев сладострастья!” — Мерзляев побледнел и неожиданно перешел на прозу: — Покиньте меня немедленно! Я могу с собой не совладать!

Он заскрежетал зубами и отвернулся. Настенька поспешно выбежала из кабинета. Оставшись один, Мерзляев еще несколько секунд задумчиво слушал музыку, доносящуюся из-за стены, потом вздохнул, взглянул на часы и, подойдя к двери в соседнюю комнату, приоткрыл ее.

В комнате музицировали двое: жандарм играл на скрипке, за роялем сидел человек в штатской одежде.

— Концерт окончен!

— Слушаюсь! — гаркнул жандарм. Он убрал скрипку в футляр и, обратившись к аккомпаниатору, командовал: — Встать! Руки назад! Шагом марш!

Пианист выполнил приказ и, позвякивая кандалами, тихо пошел впереди жандарма...

О бедном гусаре замолвите слово,
Ваш муж не пускает меня на постой.
Но женское сердце нежнее мужского
И сжалится, может, оно надо мной.
Я в доме у вас не нарушу покоя,
Скромнее меня не найти из полка,
И если свободен ваш дом от постоя,
То нет ли хоть в сердце у вас уголка? —

тихо напевал Плетнев старинный романс.

В зале офицерского клуба гусары коротали время. За ломберным столом играли в бридж, стучали бильярдные шары, дым от трубок плавал по комнате.

Около Плетнева за большим круглым столом сидели несколько гусаров с мрачными лицами. Несмотря на то что стол явно предназначался для трапезы, на нем не было ни тарелок, ни рюмок, ни бутылок, ни кушаний.

В залу вошел полковник Покровский, поздравился с подчиненными, приблизился к столу.

— По какому поводу пирушка намечается?

Офицеры переглянулись.

— День рождения у Лыткина! — сказал наконец Симпомпончик.

— Поздравляю! — Полковник сердечно протянул руку.

— Благодарю, господин полковник! — Прапорщик встал, ответил на рукопожатие. — Только он у меня завтра...

— Чего ж сегодня собрались?

— Завтра не до того будет! — подавленно ответил прапорщик. — Завтра не день рождения — день смерти. Спасибо вам за подарок, господин полковник!

— Завтра поминки справлять, — вставил один из гусаров. — Утром шлепнем — вечером выпьем... Весело живем!

— Интересные учения придумали, — съехидничал третий гусар. — Стрельба по живой мишени...

— Так, понятно! — посерьезнел полковник. — Вы свои подковырки бросьте. Шутки для девочек поберегите, а то так подковырну... А ну, слушай команду: отдыхать, веселиться, дурь из головы выбросить! Плетнев, ну-ка, пошли, я тебя на бильярде обставлю.

Плетнев послушно отложил гитару.

— Даю десять очков форы! — сказал Покровский, намеливая кий.

— И без форы обойдусь! — Плетнев был настроен недружелюбно. — Почему играем?

— По три рубля! Разбивай...

Плетнев разбил пирамиду.

— Да... Чтоб не забыть, — как бы мимоходом сказал Покровский, целясь в шар. — Завтра на рассвете поедешь в тюрьму... Три очка в угол. Будешь конвоировать преступника к месту казни...

— Это еще почему? — взвился Плетнев.

— Играй! — прервал полковник. — Видишь, десятка на удар выкатилась...

— Я в охранники не нанимался! Хватит с меня и остального.

— Во-первых, не ори! Бей!

— Десять очков в середину! — пробурчал Плетнев. — Увольте, Иван Антонович...

— Этот якобинец, как я слышал, — понизил голос полковник, — очень опасный элемент... Играю дуллет в середину! Может инцидент случиться — вдруг налетят его сподвижники и отобьют. Потому и посылаю тебя на подмогу. Понял?

— Чего тут не понимать?

— И если ты его упустишь...

— Это я-то? — возмутился Плетнев.

— Не перебивай... Я говорю: если упустишь, понимаешь, что тебе будет?

— Да что вы заладили: “упустишь”, “упустишь”!

— Ну, представь, что случилась такая невероятная штукавина — отбили его. Вникаешь?!

— Вникаю, — сказал Плетнев и тут же радостно воскликнул: — Пятнадцатого в угол!

— Плевать мне на пятнадцатого! — вскипел полковник. — Слушай, что я тебе вдалбливаю! Если во время схватки бунтовщик убежит, придется тебя наказать!

— Само собой, — согласился сбитый с толку Плетнев. — Только зачем вы мне это разъясняете? Сам понимаю, что мне тогда будет!

— Чего тебе будет-то, дурень? Ну, гауптвахты неделька. Ну, эплет поручика еще с годик не носить. Зато своим проступком... некрасивым проступком, прямо скажу, пятно с полка снимешь. Товарищей своих от позора спасешь. Понимаешь, какой парадокс образуется? Ты вроде бы виноват, но молодец! С тебя что за спрос? Убежал бунтовщик — и убежал... Ты-то дрался как лев!

— А-а, — начал наконец мучительно соображать Плетнев. — А-а, в смысле... Стало быть...

— Я все думал, кому это рискованное дело можно поручить. Тебе доверяю!

— Так вы бы, Иван Антонович, так сразу и приказали!

— Я ничего не приказываю, — оборвал полковник. — Это дело совести. Можешь и не ходить.

— Как “не ходить”? — покачал головой Плетнев. — Вы мне доверились, а я в кусты? Не сомневайтесь. Не подведу! Как налетят эти вольтерьянцы, басурманы, французы поганые, так стоять насмерть буду... Пока тот не убежит!

— Темный ты, Леша, — улыбнулся полковник. — Ну откуда в этой губернии французы? Ты бы хоть книжку какую прочитал, а то прямо беда с тобой... Ты операцию продумай как положено. У тебя ночь впереди... Чтоб все чисто было. Себя не скомпрометируй...

— Комар носа не подточит! — заверил Плетнев. — А пятнадцатого кладу в угол!

— Клади, везунок! На подставках выигрываешь...

К бильярдному столу подошли четыре гусара.

— Господин полковник, разрешите обратиться. — Прапорщик протянул полковнику заготовленную бумагу. — Прошу принять рапорт с просьбой о переводе в другой полк.

— Так! — вздохнул Покровский. — Кто еще грамотный?

Оставшиеся три офицера сделали шаг вперед и протянули конверты.

— Хорошо! — сказал полковник, собирая рапорты. — Молодцы!

— А ты, Плетнев? — спросил прапорщик. — Ты ведь тоже хотел.

— Передумал! — потупившись, сказал корнет. — Уж извините, ребята...

— Тебе видней! — брезгливо сказал прапорщик. — Ты же у нас любимчик командира...

— Молчать! — заорал полковник. — Чистенькими хотите остаться? Знаете ли вы, сукины дети, что третье отделение вам персональную проверку устраивает? Да передай я эти рапорта по начальству, вас не то что в другой полк — вас сразу в роты арестантские... Только я этого делать не стану! — Полковник в сердцах порвал конверты. — Для того я над вами и командир, чтоб на столько дураков хоть один умный был! Отойдите от стола, не мешайте! И запомните, ребята: если в завтрашней мишени хоть одной дырки не досчитаются, вам всем повторную проверку устроят!.. Играю семерку — два борта в середину.

— Господин штабс-капитан, прибыл в ваше распоряжение для конвоирования преступника! — отчеканил Плетнев, стоя перед Мерзляевым.

— Фамилия? — спросил Мерзляев.

— Корнет Плетнев!

— Похвально! — произнес Мерзляев, с интересом изучая гусара. — Это что ж, сами вызвались? Или приказ?

— Приказ полковника! — доложил Плетнев и добавил: — Но и сам в душе готов!

— Одобряю! — сказал Мерзляев. — Подобное рвение у офицера не часто встретишь...

— Рад стараться! — оглушил Мерзляева корнет.

Эта верноподданническая сцена происходила ранним утром на тюремном дворе. Здесь же стояла черная карета с зарешеченными окнами, готовая отвезти узника к месту казни. Узник не заставил себя ждать: он появился на тюремном дворе в сопровождении Артюхова. На Бубенцове был надет традиционный костюм смертника: белая батистовая рубашка с кружевной оторочкой, распахнутая на груди, черные бархатные штаны и начищенные до блеска сапоги. Наряд явно нравился приговоренному, он кокетливо поправил воротничок, чтобы выглядеть эффектнее, тем более что из окон тюрьмы на него смотрело множество глаз.

— Прощайте, друзья! — надрывно крикнул Бубенцов, обращаясь к заключенным. — Час вашей свободы близок! Позор тиранам!

— Да не ори ты, — тихо сказал Бубенцову ковылявший рядом Артюхов. — Зря стараешься, за это не прибавят.

— Не сбивай, дурак, — так же тихо ответил Бубенцов. — Я в об-раз вхожу.

— Вот ваш подопечный, господин корнет! — сказал Мерзляев, с едва заметной усмешкой наблюдавший за актером. — Опаснейший элемент. Вы с него глаз не спускайте!

— Будет исполнено! — гаркнул Плетнев.

Увидев знакомую усатую рожу, из-за которой и произошли все его злоключения, Бубенцов пришел в неистовство:

— Ага! И ты здесь, мерзавец! Смотрите все, до чего докатилась наша доблестная армия! Прислужник палачей, я тебя ненавижу!

Плетнев засопел, сжал кулаки и сделал шаг навстречу оскорбителю.

— Корнет, корнет, — остановил Плетнева штабс-капитан. — Наше дело требует выдержки! Уж коли назвались груздем... И прошу — в дороге без рукоприкладства. К месту казни извольте его доставить целым и невредимым.

Плетнев, бормоча что-то нечленораздельное, устремился в карету.

Проходя мимо Мерзляева, Бубенцов подмигнул и тихо спросил:

— Как я ему врезал? Убедительно?

Мерзляев усмехнулся и кивнул головой.

— Разрешите продолжать в том же духе?

— Продолжайте, — тихо сказал Мерзляев.

Получив одобрение начальства, Бубенцов вскочил на ступеньку кареты и истошно завопил, обращаясь к самому Мерзляеву:

— Прощай, жандармская крыса! Когда-нибудь ты нам ответишь за все! — Бубенцов дал такой подзатыльник Мерзляеву, что у того слетела фуражка.

Взобравшийся на козлы кареты Артюхов побледнел от страха. В окнах тюрьмы раздались аплодисменты. Бубенцов ответил тюрьме привычным актерским поклоном.

— Что стоишь? — взвизгнул взбешенный Мерзляев, обращаясь к Артюхову. — Пошел!

Плетнев схватил говорливого смертника за пояс и швырнул на сиденье.

Сопровождаемая аплодисментами, карета выкатилась из тюремных ворот...

Вскоре тюремный экипаж ехал по живописным окрестностям Губернска. Утро было упоительным. Узник находился явно в приподнятом настроении, и его можно было понять — не каждому выпадает счастье отдавать концы в такую дивную погоду и на таком шикарном ландшафте.

— Прощай, солнце! Прощайте, тучки! — изредка выкрикивал возбужденный артист и простирая руки сквозь решетки. — Прощай, речка! Никогда больше твои голубые воды не обнимут меня!

У Артюхова тоже было недурное расположение духа, он посмеивался над неумной энергией заключенного и мурлыкал песенку: “Солдатушки, бравы ребятушки, где же ва-аши жены?”

Лишь один Плетнев своим мрачным, подавленным видом нарушал этот идиллический вояж.

— Прощай, травушка росистая! — кликушествовал Бубенцов. — Не ступать мне больше по тебе босыми ножками!

Эта жалоба пронзила Плетнева до самого сердца. Он утрюмо посмотрел на пленника и протянул ему трубку и кисет:

— Закурить не желаете? Напоследок?

— От убийц не принимаем! — отрезал Бубенцов. — Табачком откупиться хочешь? Не выйдет!.. И запомни мое лицо, душегуб! Я к тебе по ночам являться буду! — Он сделал страшное лицо и взвыл, простирая руки к небу.

— Что вы на меня так взяли, господин карбонарий? — побледнел Плетнев. — Я солдат, мне приказали... При чем тут я?

— При всем! — обличающе крикнул Бубенцов. — На ваших штыхах держится трон тирана! Кругом взяточничество, воровство, незаконие. Вельможи утопают в роскоши и пьянстве, а народ бедствует, голодает...

— Не все офицеры такие, — понизил голос корнет. — Есть и честные.

— Не смей меня! — с пафосом воскликнул Бубенцов и сардонически засмеялся. — Ни стыда, ни совести! Для таких, как ты, нет ничего святого: что человека убить, что спектакль сорвать...

— Какой спектакль? — с изумлением возрился Плетнев на Бубенцова.

— Такой, — спохватился актер, поняв, что проговорился. — Вся жизнь — театр, а люди в нем — актеры...

— Это вы верно подметили, — восхитился Плетнев.

— Это не я, обалдуй! — схватился за голову Бубенцов. — Это — Шекспир! О безграмотность российская!..

Внезапно в ближнем лесу послышались выстрелы, выкрики, звуки трубы.

— Что это? — встрепенулся Плетнев и обратился к Артюхову: — Слышал выстрелы?

— Охота сегодня у господина губернатора, — безмятежно пояснил Артюхов. — Медведя егеря подняли.

— Вот иллюстрация к моим словам! — встрял Бубенцов. — Аристократы из прихоти... губят все живое! Что ему, есть нечего?

— Погодите! — оборвал Бубенцова корнет и с тревогой крикнул Артюхову: — Слушай, а вдруг это сподвижники карбонария... Нашего? Освободить хотят?

— Испугался? — злорадно воскликнул Бубенцов. — Да, голубчик, это они, мои сподвижники. Они отомстят! На обломках самовластия напишут наши... понял, палач? — наши, а не ваши, имена!

— Ты ври, да знай меру! — осадил распоясавшегося мятежника Артюхов. — Мы твоих сподвижников давно пересажали.

— Всех не посадишь! — упорствовал Бубенцов.

Неожиданно Артюхов выругался. Карета встала. Плетнев выскочил из экипажа. Поперек дороги лежало могучее дерево, преграждая путь.

— Это еще откуда? — удивился Артюхов. — Вчера здесь ездили...

— Вчера оно тут не лежало, — некстати подтвердил Бубенцов, выглянув из окна.

— И ветра вроде не было, — рассуждал вслух Артюхов.

— Какой ветер! — с некоторой нарочитостью закричал Плетнев. — Оно спилено! Это с умыслом! Нет ли здесь засады?

Бубенцов рассмеялся и, не в силах удержаться от соблазна сыграть новую сцену, завопил:

— Друзья! На помощь! Я здесь. Час освобождения пробил!

Дальше случилось непредвиденное: Плетнев выхватил пистолет и сделал несколько выстрелов по кустам.

Актер замер от неожиданности, кони шархнулись, Артюхов оторопело крикнул:

— Вы что? Очумели?

— Ложись! — зорал ему Плетнев. — Прикрывай меня с тыла! — Он выхватил саблю и, провозгласив: “Плетнева голыми руками не возьмешь!” — устремился в кусты.

Через секунду кусты заколыхались, оттуда донеслись яростные вопли и крики: “Врешь, не уйдешь! На! Получай!” Раздался стон...

— Ой, мама! — испугался Бубенцов. — Что это, Егорыч?

— А я почему знаю? — недоуменно пробормотал Артюхов.

В ту же секунду из кустов раздалось два выстрела, пули попали в карету. Бубенцов в страхе плюхнулся на дно экипажа, Артюхов схватил винтовку.

Из кустов выбежал корнет в растерзанном мундире. Продолжая размахивать саблей, он вскочил на козлы рядом с Артюховым и заорал:

— Там их много! Гони!

Артюхов дрожащими руками потянул вожжи.

— Живыми не дадимся! — крикнул Плетнев, обращаясь к кустам, и неожиданно шваркнул рукояткой пистолета по голове Артюхова.

Тот обмяк и свалился с козел на землю.

Плетнев спрыгнул и распахнул дверь кареты:

— Господин карбонарий, вы свободны!

Актёр выглянул из кареты, осмотрелся, увидел лежащего на земле Артюхова и, поняв, что произошло, ужаснулся:

— Зачем вы это сделали?

— Бегите! — взволнованно сказал Плетнев.

— Куда?

— К сподвижникам!

— Как? Зачем? А как же расстрел?.. Нет, я не могу!

— Не теряйте времени! — прикрикнул Плетнев. — И знайте: в армии есть благородные люди!

Бубенцов некоторое время удивленно смотрел на одухотворенное лицо корнета, потом вылез из кареты и, произнеся загадочную фразу: “Ну и дела! Вот влип...”, — пошел обратно по дороге. Однако, сделав всего несколько шагов, он круто повернулся:

— Нет, так не пойдет! Конечно, спасибо вам большое, господин офицер, но я предпочитаю остаться!

— Да вы что?

— Лично я никуда не побегу! — заупрямился приговоренный.

— Почему?

— Из-за вас! Вы — благородный человек, но и мы, карбонарии, тоже, понимаешь, не лыком шиты! Вам за это каторга грозит!

— Не ваша забота! Вас-то смерть ждет!

— А это не ваша забота!.. Одним словом, господин офицер, не станем препираться. Извольте отвезти меня к месту казни! Так для нас обоих спокойней будет.

Бубенцов заложил руки за спину, переступил через лежащее дерево, как через Рубикон, и величественно направился вперед.

Плетнев от изумления разинул рот.

— Стой!

Бубенцов обернулся, увидел наведенный на него пистолет.

— Либо беги, либо стрелять буду! — прохрипел бледный от волнения Плетнев.

Артист понял, что в данном случае коса нашла на камень, а попросту говоря — благородство на благородство.

— Дурак ты, корнет, — вздохнул Бубенцов. — Парень, видно, хороший, честный... но... Если б ты все знал... Как бы объяснить... Эх! Не могу. Не имею права.

— А я ни о чем не спрашиваю! — твердо произнес Плетнев. — Бегите! Здесь можно оврагами, через лес... Переберетесь в соседнюю губернию, а там и до границы недалеко...

— Какая граница? — завыл актер. — Ох, Господи, как все было просто: расстреляли бы меня и разошлись мирно. А теперь выпутывайся! Ну, черт с тобой! Прощай!

Он свернул в лес, но тут же вновь появился на дороге и подбежал к корнету.

— Давай я тебя к дереву привяжу, что ли? Чтоб естественно было!

— Верно! — согласился Плетнев. — Только быстро, а то наряд должен проехать. Как бы вас не схватили.

— Спасибо за заботу, — сказал Бубенцов, привязывая Плетнева к дереву вожжами.

— Это вам спасибо, господин революционер, — ответил Плетнев. — А что народ плохо живет, я и сам видел, только вот так красиво, как вы, сказать не могу. Я встречу с вами и слова ваши на всю жизнь запомню...

— Как зовут-то тебя? — затягивая узел, ласково спросил Бубенцов.

— Алеша Плетнев. А вас? Если не тайна?

— Какая, к черту, тайна. Афанасием кличут! Ну, счастливо! — Бубенцов похлопал корнета по плечу и нырнул в лес.

— На помощь! — крикнул Плетнев.

Артист тут же вернулся:

— В чем дело?

— Да я так, для маскировки, — улыбнулся Плетнев. — Военная хитрость...

— Правильно! — одобрил Бубенцов. — Ну, бывай!

И он нырнул в чащу.

Плетнев остался один, набрал полную грудь воздуха и заорал:

— Люди! На помощь!

В зарослях послышался шум.

— Ко мне! — крикнул Плетнев.

Словно подчинившись команде, из леса вышел огромный медведь и направился к связанному Плетневу.

Продираясь через лесные дебри, Бубенцов слышал отчаянные вопли своего избавителя:

— Караул! Спасите... Ой! Что делается!

— Какими замечательными ребятами богата мать-Россия! — воскликнул остановившийся на мгновение артист и с удвоенной энергией побежал дальше.

ВТОРАЯ СЕРИЯ

Голос за кадром:

“Это произошло лет сто, а может, и двести назад, так что очевидцев, скорее всего, не осталось. Поэтому никто не может упрекнуть нас в недостоверности...”

Пока проходят титры второй серии, зритель видит кадры, напоминающие ему содержание первой:

полк, входящий в город...

мавр Бубенцов, стреляющий из лука в губернаторшу...

Мерзляев, разглядывающий попугаев...

гусары, выпрыгивающие из окон заведения мадам Жозефины в седла...

Настенька, которую Артюхов ведет по длинным тюремным коридорам...

полковник, сражающийся с Плетневым на бильярдном столе...

бегущий через заросли Бубенцов...

Плетнев, ударяющий рукояткой пистолета по голове Артюхова...

выходящий из кустов медведь, направляющийся к привязанному

Плетневу...

На фоне всех этих кадров звучит лихая гусарская песня:

По селу бегут мальчишки,
Девки, бабы, ребятишки, —
Словно стая саранчи.
В трубы дуют трубачи!

Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

Раздаются тары-бары:
“К нам приехали гусары!
Все красавцы усачи!
В трубы дуют трубачи!...”

Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

— Бред! Чуть!!! — Разгневанный Мерзляев расхаживал по кабинету. Перед ним стоял навьютяжку Артюхов. К перебинтованной ноге прибилась перебинтованная голова.

— Ты сам-то понимаешь, что ахинея? — орал Мерзляев. — Какие сподвижники? Откуда? Во что они были одеты?

— Не могу знать, ваше высокоблагородие. Не разглядел!

— Не разглядел, потому что их и не было!

— Так точно — не было!

— А кто ж тебя по голове стукнул?

— Сподвижники!

— Какие сподвижники могут быть у этого актеришки?
 — Из театра кто? — предположил Артюхов.
 — Брось! Театральные людишки трусливы...
 — Ваше благородие, — робко заметил Артюхов, — а вдруг он — настоящий?

— Соображаешь, что говоришь? — побледнел Мерзляев. — Если у нас с тобой сбежал настоящий? Это значит: в губернии тайное общество, а мы главаря держали в руках и упустили... Это ж комиссия из Петербурга!

— Виноват! — испугался Артюхов. — Глупость сморозил... Конечно, актеришку отбили!

— Зачем его отбивать? — стукнул по столу потерявший выдержку Мерзляев. — Мы его и так отпускали... Как себя вел Плетнев?!

— Стоял насмерть!

— С кем стоял?

— Со сподвижниками...

— Как они выглядели?

— Не могу знать! Не разглядел!

— Не было их! Понимаешь — не было!

— Так точно, не было, — согласился Артюхов.

Мерзляев погрузился в размышления.

— А может, все это комедия? Корнет ваньку валял.

— А-а... — понимающе протянул Артюхов. — Вполне может быть.

— Хотя, с другой стороны, так себя поуродовать?..

— Может, это наш карбонарий его помял?

— Нету никакого карбонария! Актер есть!

— Тогда сподвижники...

— Мне эта сказка про белого бычка надоела. Слушай, Артюхов, ты мне Бубенцова — уж не знаю, кто он, карбонарий, шпион или шулер, — вынь да положь! Установить по городу посты наблюдения... В театре...

— Уже стоит! — отчеканил Артюхов.

— В лазарете у Плетнева...

— Уже лежит!

— Где дочь Бубенцова?

— Уже сидит.

— Как? — вздрогнул Мерзляев.

— Она пришла папеньку встречать к тюрьме, а мы ее тут же и сгрязчили!

— Кретин! — Мерзляев подскочил к Артюхову и замахнулся.

Артюхов покорно подставил под удар голову.

— Скажи спасибо, что тебя бить не во что! А то бы...

Через несколько секунд Мерзляев влетел в камеру, где сидела Настенька.

— Сударыня, ради Бога, извините! Произошло недоразумение! Поверьте, я тут ни при чем. — Мерзляев попытался поцеловать руку Настеньки, но та гневно отдернула ее.

— Какая ужасная эпоха! Да как они посмели! Вас, мимолетное виденье, гений чистой красоты, — и в одиночку!

— Не верю ни одному вашему слову! — оборвала его Настенька. — И вы еще говорили мне о своей любви!

— И сейчас говорю!.. Настенька! Звезда моя! Да знаете ли вы, что сегодня утром я послал вам корзину цветов! И сам ждал под балконом... А в это время, оказывается, вас уже держали в темнице... Как трудно любить, когда вокруг — сплошное дурачье!

— Где папенька? — перебила Настенька.

— Это и я бы хотел знать! Дорогая моя, произошло невероятное событие: ваш папенька бежал!

— Что? — изумилась Настенька. — Как он мог отсюда убежать?

— Не отсюда, — поморщился Мерзляев. — Мы его уже начали освобождать, а он... Вместо того чтобы уйти, как договорились, одним словом, по-человечески... бежал!

— Что вы сделали с папенькой? — напряженно спросила Настя.

— Выйдем из этих отвратительных стен! Здесь невозможно разговаривать! — Мерзляев схватил Настю под руку и повел по тюремному коридору. — Ему оставалась маленькая процедура... чистая формальность... И вот буквально за полчаса до освобождения — убежал. Такая престранность! — Мерзляев покрутил многозначительно пальцем вокруг виска. — Скажите, с ним раньше ничего такого подобного не случалось?

— Не случалось! Он раньше не сидел в тюрьме! — Настенька всплеснула руками. — Я поняла: вы его убили!

— За кого вы нас принимаете? Мы боремся только со смутьянами... Ваш папенька случайно не революционер? — Мерзляев с подчеркнутой наивностью посмотрел Настеньке в глаза.

Теперь пришла пора обидеться Настеньке.

— Опять вы за свое! Мой папа — порядочный человек и на госпожу губернаторшу не покушался! Где он? — Настенька разрыдалась.

— О, если б я знал, где он! — с притворным сочувствием произнес Мерзляев и перешел на лирику: — Милая моя, я не побоюсь сказать, любимая моя Настасья Афанасьевна, ваш папенька жив и ищет вас. Ступайте домой и ни о чем не беспокойтесь! А когда вы его увидите, передайте ему мою нижайшую просьбу: немедленно явиться к нам.

— Зачем?

— Чтобы мы его тут же отпустили. Потому что, если мы его поймем, ему будет очень скверно. Вы меня поняли?

— Нет, — искренне призналась Настя.

— И слава Богу. Ступайте домой! Скорей, скорей, вон из этого ужасного заведения! — Мерзляев распахнул дверь, ведущую на улицу. — О Боже, как вы очаровательны! Помните у Тютчева, Федора Ивановича: “Твой милый взор, невинной страсти полный, златой рассвет небесных чувств твоих...” Вы не забыли наш уговор? Вечером я — у ваших ног! — Мерзляев провожал Настеньку взглядом, полным истинной любви.

Растерянная, обескураженная Настенька пошла по улице одна. Едва она сделала несколько шагов по мостовой, как от тюремной стены отделилась невзрачная фигура в гороховом пальто и стала неотступно следовать за девушкой.

Настенька ускорила шаг. Фигура тоже. Взволнованная Настенька побежала. Гороховое пальто припустилось за ней, но вскоре выбилось из сил и, задыхаясь от усталости, взмолилось:

— Сударыня! Остановитесь!

Настенька остановилась, удивленно оглянулась.

— Извините, не могу так бегать... Я — больной человек, у меня — астма! — Преследовавший вынул из кармана пилюлю, проглотил ее.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что внутри горохового пальто находился продавец говорящих попугаев.

— Кто вы такой? — сердито спросила Настя.

— Тайный агент! — с обезоруживающей откровенностью выдохнул астматик. — Фу, как я устал! Весь мокрый...

— Что вам от меня угодно?

— Как “что”? — Агент был искренне удивлен. — Я за вами слежу. — Вы — мое первое задание, можно сказать, дебют. В общем, идите куда идете, но не торопясь... Помните, я старый, больной человек!

— Ах вы дрянь здакая! — возмутилась Настя. — Занимаетесь грязным делом, да еще и признаетесь. Как не стыдно?!

— Очень стыдно, — вздохнул агент, — поэтому и признаюсь. Еще вчера я был просто торговец. Продавал птичек. Казалось бы, невинное дело, но... Какой-то мерзавец, холера ему в бок, продал мне политическую птичку, она кричала такое, что я не могу вам повторить...

— Убирайтесь отсюда! — крикнула Настя.

— Где я могу поймать этого мужика? — продолжал сетовать бывший лавочник. — Чтоб доказать благонадежность, пришлось пойти к ним на службу. И теперь я — филер, шпик, ищейка. Одним словом, докатился!

— А зачем вы за мной следите?!

— Вот это тайна! Сказать не имею права...

— Ах так! — сказала Настя. — Тогда я побегу. Прощайте!

— И вам не жалко старого, больного человека? — запричитал агент.

— Не жалко! — отрезала Настя.

— По-своему вы где-то правы, — глубокомысленно заметил агент. — Хорошо, я вам откроюсь, но — сугубо между нами. Вы — наш крючок. На вас должен клонуть папа...

— Значит, он на свободе? — обрадовалась Настя. — Значит, он действительно убежал... Зачем?

— Точно не знаю, — пожал плечами агент. — Короче, велели поймать живым или мертвым! Ой, что вы побледнели? Я это для красного словца! Только живым!

Но Настенька побледнела не поэтому. В окне здания театра, к которому они приближались, она увидела отца. Пытаясь привлечь внимание дочери, Бубенцов отчаянно жестикулировал. Агент перехватил взгляд Настеньки.

— Кто этот глухонемой? — спросил агент.

— Это... это... — замаялась Настенька, — наш импресарио! Он срочно зовет меня... на репетицию.

— Прекрасно! — сказал агент. — Идите репетируйте. Но передайте вашему импресарио, что умные люди так себя не ведут. В какое положение он меня поставил? А если б жандармы у входа его заметили?! Я бы должен был свистеть!

— Вы — великодушный человек! — Глаза Настеньки наполнились слезами.

— А, — отмахнулся агент, — глупости! Я сам отец! Идите! Только будьте осторожны!

Через секунду Настя пробежала через театральный подъезд, который охраняли жандармы.

Отца Настя отыскала в одной из костюмерных комнат, где он лихорадочно снимал и отшвыривал в стороны наряды разных эпох и народов.

— Кого мы только играем! — кипел артист от возмущения. — Короли, герцоги, псы-рыцари... Ни одного современника! Порядочному артисту убежать не в чем!

— Папенька! — воскликнула Настя. — Там, внизу, жандармы!

— Нет у тебя больше папеньки. Сирота ты! — Бубенцов приложил к себе дамское платье. — А может, в этом? Нет! Марию Стюарт мне не потянуть! Провалось!

— Скажи, в конце концов, что случилось?! — закричала Настя. — Зачем ты удрал? Я уже договорилась, чтоб тебя отпустили.

— Влип я! Понимаешь, влип! Сейчас расскажу... Где костюм Ивана Сусанина? Хоть и древность, но все-таки наш, русский, человек...

А в это время к подъезду театра подкатил открытый экипаж, в котором сидел забинтованный Артюхов.

Дежурившие жандармы подскочили к начальству.

— Не появлялся? — спросил Артюхов.

— Никак нет!

— Театр обыскивали?

— Никак нет!

— Олухи! — крикнул Артюхов. — С этого начинать надо! Обшарить помещение!

— Эх, не пришлось на сцене русского мужика сыграть — в жизни попробую! — Перед Настенькой стоял старик, с седой бородой, в армяке, перепоясанном веревкой, в аккуратных новеньких лаптях — одним словом, вылитый Иван Сусанин.

— Прощевай, чадо любимое, — заговорил Бубенцов, отвесив дочери низкий поклон до земли. — Ухожу я в нети, в скиты, за Волгу! Не найти меня там царским опричникам!

— Еще как найти! — сердито сказала Настя. — Не паясничай, папа. Надо идти к Мерзляеву и признаться во всем!

— А что с корнетом будет?

— Тебе-то что за дело? Что он тебе — сын, кум, сват? Из-за него мы в беду попали.

— И это говоришь ты, которую я взрастил и воспитал! Бубенцовы никогда подлостей не делали! Бубенцовы — такая фамилия...

— Хватит, — устало перебила Настенька. — Я это слышала много раз.

— Дочка, — вдруг нормальным человеческим голосом заговорил Сусанин, — он ради меня собой рисковал. В Сибирь пойдет, на каторгу... Жалко парня! Малый-то хороший, добрый.

— Образина чертова! — с раздражением сказала Настя. — Как вспомню его, балбеса, так в дрожь бросает!

— Как это я в него стрелой не попал? — вздохнул Бубенцов. — Попал бы — и ничего бы не было. Ах, чурбан гусарский!

— Остолоп! — поддакнула Настя.

— Видишь, и тебе он нравится. Как же такого парня предавать? — вздохнул Бубенцов. — Понимаешь, дочка?

— Понимаю! — согласилась Настя.

Обыскав фойе, жандармы вошли в зрительный зал. На сцене шла репетиция трагедии из древнеримской жизни. Патриции, сенаторы, консулы, гетеры и фурии, в тогах, туниках и сандалиях, плавно двигались по сцене...

“О всемогущий Юпитер, милость свою прояви, дерзких плембеев десницей срази повсеместно!” — завывал один из патрициев.

Во главе с хрым Артюховым жандармы прошли через зрительный зал и бесцеремонно вторглись на сцену.

— Господа актеры! — прервал гекзаметр Артюхов. — В театре — обыск. Ищем мещанина Афанасия Бубенцова. Кто его видел?

Римляне безмолвствовали.

— Проведем поименное дознание! — сказал Артюхов, переждав паузу. — Вы кто? — обратился он к толстому усатому патрицию.

— Марк Тулий Цицерон! — ответил тот.

— Я не в этом смысле! — отмахнулся Артюхов. — По пачпорту отвечать!

— По пачпорту — Анна Петровна Спешнева!

Даже выдавший виды Артюхов опешил.

— Так... А вы, мадам, кто будете? — обратился он к пышноволо-
сой гетере.

— Федор Спиридонович Степанов!

— Так! — свирепел на глазах Артюхов. — Разберемся... А вы кто
есть? — спросил он рогатого козлоногого фавна с веночком на голове.

— Марк Юльевич Мовзон!

— По пачпорту отвечать! — заорал Артюхов.

— Я — Марк Юльевич по паспорту, — испуганно ответил фавн.

— Ну вот что, — принял решение Артюхов, — здесь работа больш-
шая. Я вас всех выведу на чистую воду. Слушай мою команду: мужчины
по пачпорту — налево, женщины — направо! Становись! Обнажайсь!

— Что делать? — размышлял вслух Бубенцов, расхаживая по кос-
тюмерной. — Придется бежать куда глаза глядят.

— А если поймают? — спросила Настя.

— Буду молчать! — с надрывом произнес Бубенцов. — Пусть тер-
зают... Правду открывать нельзя!

— А зачем правду? — вдруг осенило Настю. — Бубенцовы не та-
кая фамилия, чтоб говорить жандармам правду! Для них и сочинить
можно.

— Что сочинить? Мол, меня отбили? — усмехнулся Бубенцов. —
Да кому я сдался...

— Те, кто отбивал, не знали, кто ты такой, — перебила Настя. —
Тебя в закрытой карете везли.

— Ну и что?

— А то! — Настенька начала фантазировать. — Раннее утро, туман...

— Тумана не было!

— Не встречай! Туман... Из-за леса на рысях выскочили пять бла-
городных всадников...

— А дальше что? — заинтересовался Бубенцов.

— Они были... в... черных костюмах и черных полумасках.

— На белых лошадях! — неожиданно подсказал Бубенцов.

— Молодец! — одобрила Настя. — Они напали на карету... схва-
тили тебя и уволокли в поле. А там, разглядев тебя, вдруг крикнули: “О
Боже! Это не наш предводитель! Мы ошиблись!”

— Зачем же волокли? Раньше не могли понять, кто я?

— Так они на тебя мешок накинули, — быстро наплась Настя.

— Ага! — оценил Бубенцов. — Так бы сразу и говорила.

— После чего они бросили тебя в густую, высокую рожь... — заключила Настя. — Ну как? Ведь натурально выходит!

— Натурально! — согласился Бубенцов. — Натурально, только вранье! Корнет ведь то же самое сказать на допросе должен, а мы с ним не сговорились... Не до того было...

В это время распахнулась дверь и в костюмерную заглянул один из актеров:

— Афанасий! Жандармы! Сюда идут!

Бубенцов инстинктивно рванулся к выходу. Настя побежала за ним.

— Папа! Надо уходить через пожарный люк!

— Дочка, лети в полк, найди Плетнева... Расскажи про то, что мы придумали. Ну, про тех, кто отбил... пять белых всадников на черных конях...

— Черных всадников на белых конях... — поправила Настя.

— Да, да... Ох, черт, самому бы не перепутать!

Весь этот разговор велся на бегу, пока Бубенцов с дочерью метались по коридорам театра. Но за каждым поворотом их встречали голубые мундиры, сторожившие все входы и выходы.

— Идем через сцену! — крикнула Настя. — Но там репетиция!

— Что репетируют? — озабоченно спросил Бубенцов.

— “Смерть Цезаря”!

— Ах, черт, не в то оделся! — воскликнул Иван Сусанин. — Ну, да где наша не пропадала!

В это время на сцене заканчивался досмотр. Подергав за усы последнего патриция и убедившись, что они настоящие, Артохов скомандовал:

— Одевайтесь, Цицероны! Можете продолжать! — И заковылял со сцены в партер.

Полураздетые актеры и актрисы стали напяливать на себя тоги и туники, и Цицерон вяло пробубнил:

— “О всемогущий Юпитер, милость свою прояви мне! Дерзких плебеев десницей срази повсеместно...”

— “Я отомщу вам, клянусь златокудрой Венерой, — дала ему отповедь одна из упитанных гетер. — Пусть я навеки останусь бесплодной и чахлой...”

Внезапно за сценой раздался оглушительный звон колоколов. Актеры вздрогнули и оцепенели. Колокольный перезвон был явно неуместен, ибо действие пьесы происходило до возникновения христианства. Из-за кулис послышался могучий бас:

— Братья мои, дорогие плебеи и фавны! Если собрата свою вы предать не хотите, то помогите ему добежать до пожарного люка!

На сцене воцарилась жуткая пауза.

Уходивший Артюхов обернулся и с простодушным любопытством уставился на сцену.

Первым опомнился Марк Юльевич Мовзон.

— Что ж вы молчите, и ты, Цицерон, и другие? Или вам голос божественный этот неведом?

— Будем последними тварями, если ему не поможем! — включилась гетера.

Празднично ударили колокола. Под их перезвон на сцене появился, к великому изумлению римлян, бородатый мужик, в лаптях, с портретом российского императора.

Цицерон — на то он и был Цицерон — принял решение:

— Братья мои, мизансцена такая: все — на колени! Чу! Императора слышу шагов приближенье!

— Славься, сла-а-вся русский наш царь! — запел Бубенцов на известную музыку из оперы Глинки.

— Славься, сла-а-вся ты, наш государь! — дружно подхватили коленопреклоненные римляне.

Далее, что было уже совсем необязательным, мужик перекрестил язычников портретом, как иконой, и скрылся по ту сторону кулис.

— Пусть обойдут стороной его горе, беда и напасти! — велеречиво промолвил Марк Юльевич Мовзон.

— Нам бы, Марк Юльич, за это потом не пришлось отвечать бы, — пробормотал в изнеможении Цицерон, вставая с колен и вытирая холодный пот.

— Антракт!

Актеры со страхом воззрились на Артюхова.

— Патриотическая вещлица, — тоном мецената одобрил Артюхов и вдруг спохватился: — А кто этот бородач? Мы ж его не проверили!

— Это не бородач! — вдруг с пафосом воскликнул Цицерон. — Это — Иван Сусанин! Народный герой! Он жизнь за царя и отечество отдал! Двести лет назад! — И погрозил Артюхову пальцем.

Не привыкший к угрозам со стороны штатских, жандарм смущенно забормотал:

— А я чего? Я ничего! Отдал — и отдал... Молодец!

Из-за кулис счастливая Настенька жестами благодарила своих коллег. Внезапно распахнулась дверь, ведущая из фойе, и в зал вбежал филер в гороховом пальто. Его лицо светилось торжествующей улыбкой.

— Господин Артюхов, — закричал он, — я его поймал!

— Бубенцова?

— Какого Бубенцова? — отмахнулся филер. — Лучше! Можете меня поздравить. Я поймал того проклятого мужика, который продал мне птичку...

— Какую птичку?

— Неблагоденную. Помните, она выкрикивала такое, что я не решаюсь повторить... Он побежал, я — засвистел. Вон его ведут!

На этих словах два жандарма ввели в зал упирающегося Ивана Сусанина.

— Ошибка, братцы, ошибка произошла! — напирая на “о”, повологодски говорил Бубенцов.

— “Ошибка”? — зашелся филер. — Я твою бороду из тысячи узнаю...

Актеры замерли. Настя выбежала на сцену.

— Ты мне жизнь поломал! — продолжал кричать агент. — Я из-за тебя ищейкой стал, не в театре будет сказано. И ты еще за того попугая целковый содрал, глаза твои бесстыжие!

Артохов злорадно разглядывал бородача.

— Сусанин, говоришь? — Он протянул руку и дернул мужика за бороду.

— Ой! — вздрогнул филер, увидев лицо Бубенцова. — Это не он!

— Это — он! — улыбнулся Артохов. — Здравствуй, Афанасий, здравствуй, голубчик!

Полковник Покровский в сопровождении господина Мерзляева шел по двору казармы. Гусарский полк жил своей обыденной жизнью: рядовые чистили коней, цирюльники прямо на улице брили гусарские физиономии, точильщик разбрасывал искры, заостряя вороненные клинки, повар в громадном котле помешивал поварешкой.

— Какой удалец ваш Плетнев! Мне доложили, он отчаянно сражался с заговорщиками! — лебезил Мерзляев. — Примите, Иван Антонович, мои искренние поздравления!

— Благодарю! — елеинно ответил полковник. — А вас тоже можно поздравить? Поймали бежавшего бунтовщика?

— Пока нет! Но далеко не убежит... Хотя дело непростое. За всем этим кроется явный заговор...

— Уж конечно, — согласился полковник. — Желаю вам его поскорее раскрыть.

— Не сомневайтесь, раскроем... Хотелось бы потолковать с героем приключения.

— К сожалению, невозможно! — сокрушенно вздохнул полковник. — Корнет в лазарете. Налетчики сильно его повредили.

— По долгу службы я обязан его навестить, — сказал Мерзляев.

— К сожалению, не могу сейчас этого вам позволить, — вежливо заметил полковник.

— К сожалению, придется обойтись без вашего позволения, — так же вежливо ответил штабс-капитан. — Кстати, а как получилось, что Плетнев поехал сопровождать опасного преступника?

— Был бы не опасный — не поехал, — парировал Покровский.

— А вам не кажется странным, что боевой офицер вызвался помогать жандармам?

— Не понимаю вас, господин Мерзляев, — насупил брови полковник. — Странные у вас мысли... Он ведь помогал нашим жандармам, а не каким-нибудь там японским.

— Нет, порыв я одобряю! — отступил Мерзляев перед демагогическим демаршем. — Я к тому говорю, что это не положено... Не по уставу!

— А не по уставу — зачем же вы позволили? Как же вы маху дали, господин штабс-капитан?

Армия явно одерживала верх над жандармерией. Жандармерии это явно не нравилось.

— Дорогой мой Иван Антонович, — в слащавом голосе Мерзляева послышалась некоторая угроза, — в этой истории немало подозрительного. По вашему приказу корнет конвоирует бунтовщика. Далее... На экипаж нападают невесть откуда взявшиеся головорезы. Далее... Кто-то бьет по голове моего помощника. Далее... Корнет сражается как лев, много стреляет, — а он известен как меткий стрелок, попадает в туза за сто шагов, — а мы не находим ни одного трупа... Согласитесь, дорогой полковник, много неувязок! Я просто вынужден сообщить обо всей этой аванюре в Петербург, и тогда кое-кому может не поздоровиться.

— Совершенно с вами согласен, дорогой господин Мерзляев. — Полковник подошел к походной кухне, сделал знак повару. Тот привычным жестом налил ему миску щей. Полковник стал снимать пробу. — История действительно подозрительная... Не желаете отведать? — Полковник протянул миску жандармскому офицеру, тот жестом отказался. — Так вот... — Покровский начал свою речь и одновременно с аппетитом уплетал за обе щеки солдатский харч. — Жандармское отделение везет опасного бунтовщика и, заметьте, почти без охраны. Хорошо, я догадался послать на помощь храброго офицера. Далее: на экипаж нападают головорезы, про которых представитель третьего отделения изволит говорить, что они “невесть откуда”... Далее: помощника бьют по голове, а его начальник не знает кто! И далее: мой корнет, известный меткостью стрельбы, кладет на месте нескольких заговорщиков, а наши доблестные жандармы являются так поздно, что трупы успевают увезти и, может, даже закопать. И последнее, о чем вы забыли упомянуть: корнет в этой аванюре пролил кровь, а жандармы — чернила в допросах! Согласитесь, что я не могу не сообщить об этом в Петербург, и тогда кое-кому может не поздоровиться. — Полковник с аппетитом облизнул ложку.

— Господин полковник, — козырнул ему адъютант, — вас тут барышня ожидает...

— Не до барышень мне сейчас! — буркнул полковник.

— Она, собственно, не к вам, а к Плетневу хочет! — пояснил адъютант.

— А тому и подавно... не до того. Передай: у него все забинтовано, — по-солдатски пошутил Покровский.

— Зачем же так строго? — вмешался Мерзляев. — Герой имеет право на награду.

— Проси! — согласился полковник. — Посмотрим, что за птица! Адъютант вышел.

— Не буду мешать. — Мерзляев встал и направился в соседнюю комнату.

Настенька распахнула дверь.

— Добрый день, сударыня! — Полковник галантно пошел ей навстречу. — Мне доложили вашу просьбу. Вынужден отказать. Плетнев ранен и находится в лазарете.

— Мне нужно срочно с ним увидеться.

— А вы, собственно, кто ему?

Настя замаялась:

— Ну... в общем... знакомая...

— К сожалению, не могу, — улыбнулся полковник, — у Алексея знакомых много, а здоровье — одно!

— Оставьте этот тон, полковник! — вспыхнула Настенька. — Я — его невеста!

— Простите старого осла! — смутился Покровский. — Мы тут совсем одичали в казармах... Рад познакомиться! Одобряю вкус и выбор корнета!

— Мне тоже приятно познакомиться с невестой господина Плетнева. — В дверях стоял Мерзляев. — Давайте навестим вашего жениха вместе, дорогая Настасья Афанасьевна.

Мерзляев вел Настеньку под руку. Вел мягко, но настойчиво. Они шли мимо казарм, и гусары с интересом посматривали на хорошенькую девушку.

— Выходит, я получил отставку? — печально сказал Мерзляев.

— Выходит, — вздохнула Настенька.

— И это несмотря на охватившее меня чувство?

— Несмотря...

— И вы его любите?

— Очень.

— А он — вас?

— Без ума!

— Невероятно! — с ехидцей заметил Мерзляев. — Тем более невероятно, что я был свидетель, как три дня назад в театре он впервые увидел вас! Такая пылкая любовь с первого взгляда?!

— Это бывает, — саркастически заметила Настя, — хотя бы судя по нашей вчерашней встрече.

— А как папенька относится к вашему жениху? Одобряет?

Нервы Насти не выдержали, она сорвалась:

— Господин Мерзляев, вы меня ревнуете или подозреваете?

— Я тебя допрашиваю, дура! — с неожиданной злостью процедил Мерзляев и тут же, вернув сладкую улыбку, произнес: — А впрочем, извините, несравненная Настасья Афанасьевна. Признаюсь честно, ревную...

Палата полкового лазарета. В госпитальной койке сидел, голый по пояс, Плетнев. Его мускулистый торс был перевязан крест-накрест белыми бинтами, а бесчисленные царапины замазаны зеленкой и йодом. В общем, он был колоритен, во всех смыслах этого слова. В руках корнет держал гитару, перебирая струны. Рядом с ним на стуле, в скромном платье, сидела Жужу, на коленях у нее был узелок.

Корнет напевал:

Сердца томная забота,
Безымянная печаль!
Я невольно жду чего-то,
Мне чего-то смутно жаль.
Не хочу и не умею
Я развлечь свою хандру:
Я хандру свою лелею,
Как любви своей сестру...

— Это, Леша, тебе от Зизи, — тихо, не прерывая песни, сказала Жужу и поставила на стол банку с вареньем. — Пряники — от Лулу, а вот пирог с грибами — от самой мадам...

И никто не приголубит, —

продолжал песню корнет, —

И никто не исцелит..
Поглядишь: хандра все любит,
А любовь всегда хандрит.

Тут Плетнев и Жужу почувствовали, что в палате кто-то есть, и обернулись на вошедших.

— Родной мой! Любимый! Что они с тобой сделали! — по-бабьи запричитала Настя и кинулась к раненому.

— Розанчик! — завопил Плетнев. — Какими судьбами! Вы...

Договорить ему не удалось. Настя обхватила руками могучее тело Плетнева и поцелуем заставила его замолчать. Внимательно наблюдавший за этой сценой Мерзляев отметил некое недоумение в глазах корнета, затем корнет зажмурился, что свидетельствовало о чрезвычайном восторге.

— Ну, я, пожалуй, пойду! — спокойно сказала Жужу, поднимаясь со стула. — Твоя мамзель тебя и покормит. Привет от всех наших. Поправляйся, Леша... — И она двинулась к выходу.

— Подождите! — остановил ее Мерзляев. — Кто такая?

— Жужу! Из заведения мадам Жозефины...

— Зачем приходили?

— Гостинцев принесла. Пусть поест домашнее. Что он все на казенных харчах...

— А эту даму знаете? — Он показал на Настю, которая упорно продолжала целовать корнета.

— Она давно за ним ухлестывает... Обесчестил, обещал жениться, а потом раздумал. Она даже к нам в заведение к нему прорвалась. Ну, чего? Могу идти, господин жандарм?

— Идите, — разрешил озадаченный Мерзляев. — Подождите, а вы как сюда прошли?

— Так и прошла, — лениво сказала Жужу.

— Посторонних в полк не пускают.

— Это я-то им посторонняя? — засмеялась Жужу. — Ну, господин капитан, вы скажете... — И, не переставая посмеиваться, Жужу покинула палату.

— Вот уж сюрприз так сюрприз! — освободившись из Настенькиных объятий, произнес корнет, но выразить свои чувства ему не удалось. Настенька с криком: “Молчи! Тебе вредно разговаривать!” — повторила свой поцелуйный маневр.

— Прекратите! — раздраженно рявкнул Мерзляев. — Сцена разыграна блистательно!

— Это бестактно, в конце концов! — Настенька гневно обернулась. — Оставьте нас одних!

— Действительно! — Плетнев тоже возмутился. — Чего уставился?!

— Господин корнет, извольте встать перед старшим по званию! — приказал Мерзляев.

— Вставать мне доктора запретили, — нахально ответил Плетнев. — А перед дамами чинами щеголять неблагородно. Подглядывать — тем более.

— Не читайте мне нотаций! Кстати, здесь, — Мерзляев указал на пустую койку, стоявшую рядом в палате, — здесь должен лежать больной. Где он?

— Ваш соглядатай, что ли? Его унесли...

— Куда?

— В хирургическую!

— Как?!

— На носилках!

— Почему?

— После переломов! — дружелюбно разъяснил Плетнев. — Все ясно или еще есть вопросы?

Мерзляев закусил губу и выскочил из палаты, хлопнув дверью.

Избавившись от опасного свидетеля, Настенька попыталась освободиться из объятий, но не тут-то было. Корнет был охвачен страстью:

— Сударыня, я вас обожаю! Я — на вершине блаженства. Вы — мой идеал! Как вас зовут?

— Подождите! — Насте все же удалось вырваться. — Я — дочь того человека, которого вы спасли сегодня на рассвете. Он меня послал к вам. Его схватили. Теперь его и ваша жизнь зависят от того, что вы скажете... Понимаете? Вы должны говорить одно и то же... Понимаете?

— Вон оно что! — Плетнев посерьезнел. — Сударыня, я восхищен вашим отцом! Разрешите пожать вашу руку! — Он взял Настеньку за руку и, воспользовавшись этим, попытался привлечь девушку к себе.

— То, что я вам скажу, очень важно! — Настя оттолкнула Плетнева. — Запомните: на вас напали всадники на белых лошадях. Они были в черных костюмах и в черных полумасках...

— Красиво! — оценил корнет.

— Запомнили?!

— Чего тут запоминать... Черные — белые...

— Нападающих было пятеро! Поняли?

— Ну уж нет! — неожиданно заартачился Плетнев. — Тридцать как минимум...

— Да вы что? Рехнулись? Говорят вам — их было пятеро!

— Не обижайте, сударыня! Кстаги, как вас зовут?.. Какие пятеро! — Корнет искренне засмеялся. — Пятерых я бы уложил одной левой... Нет! Тридцать — и точка!

— Вы что, издеваетесь? — начала злиться Настя.

— Ладно, — сделал уступку корнет, — только ради вас: двадцать, и ни копейки меньше!

— Болван! — вспыхнула Настя. — Вы погубите отца!

— Хорошо! Поскольку уважаю вашего папашу... Как говорится, ни нашим, ни вашим. — И корнет назвал окончательное число: — Двадцать! Больше уступить, сударыня, не могу — перед ребятами стыдно, засмеют.

— Хотите в беду попасть — несите что угодно. Я вас предупредила! Прощайте! — Настя пошла к двери.

— То есть как “прощайте”? — Корнет был искренне изумлен. — И это все?

— Что “это”? — не поняла Настя.

— Ну, это... Поцелуи... Признания... Это что ж? Спектакль?

— И вы поверили, что правда? — улыбнулась его наивности Настя.

— Как же можно такими святыми вещами играть? — Плетнев был обижен и оскорблен. — Я к вам — со всей душой. А вы... За что?

Настя посмотрела на убитого горем Плетнева, пожалала плечами и устремилась к выходу.

— Ничего не буду говорить! — взъерепенился корнет. — Пусть — тюрьма! Пусть — Сибирь! Сорок их было! — И для усиления добавил: — И без масок!

Настя остановилась.

Негодующий Мерзляев шел к своему экипажу. Навстречу ему выскочила бричка, которую погонял Артюхов. Увидя шефа, подручный резко осадил коня.

— Разрешите доложить, господин штабс-капитан! — радостно крикнул Артюхов. — Поймали! Пытался бежать в переодетом виде...

— Допрашивали?!

— Без вас не посмели. Но по дороге в тюрьму он мне рассказывал: мол, какие-то пятеро... На белых лошадях... Лиц сподвижников не разглядел, потому что были в полумасках...

В уме Мерзляева мгновенно промелькнула догадка.

— С дочерью он виделся перед арестом?

— Так точно! Виделся!

— Ах, черт! — выругался Мерзляев.

— Агент наказан! — поспешил оправдаться Артюхов, но Мерзляев его уже не слушал.

— Актерка! Дездемона! Обвели вокруг пальца! — И с неожиданной резвостью Мерзляев припустил к лазарету.

В палате шло бурное объяснение.

— И вот из-за вашей бесцеремонности папенька угодил в тюрьму, — заканчивала Настя свой обвинительный монолог. — А дальше он подвергся таким испытаниям, о которых я не имею права вам поведать! Какие же чувства можно к вам испытывать?!

— Простите великодушно! Не знал! Виноват! Но поймите — воспылал... Чистая любовь! Одним словом, ураган души, кстати, как вас зовут?

— Ах, “чистая любовь”? А эта самая... которую я здесь только что видела?

— Жужу, что ль? Это — мой товарищ!

— “Товарищ”? — Настенька зашласть от возмущения. — Впрочем, мне плевать! — опомнилась она. — Меня это не волнует! Ничего, кроме отвращения, я к вам не испытываю... Любимый мой, Лешенька, желанный... Счастье мое ненаглядное! — И Настя повисла на Плетневе, покрывая его жаркими поцелуями, поскольку увидела в дверях вошедшего штабс-капитана.

— Я на седьмом небе, любовь моя! — воскликнул корнет, прижав девушку к груди.

— Извините, господа, я прерву вашу семейную идиллию, — сухо сказал Мерзляев.

— Да что ж это такое, в конце концов? — возмутился Плетнев. — Выйдите вон!

— Сначала ответьте на вопрос: кто на вас напал?

— Сначала меня арестуйте, а потом допрашивайте!

— Думаю, придется удовлетворить вашу просьбу, — резко ответил жандармский офицер. — И все-таки — кто напал?

— Чтоб он от нас отвязался, ответь ему, Леша! — посоветовала Настя.

— Пять всадников! На белых конях! В черных костюмах и черных полумасках, — заученно отбарабанил корнет и не удержался: — Остальных, не помню сколько, положил на месте!

— Я так и думал! — протянул Мерзляев. — Теперь мне ваша неблаговидная роль, сударыня, ясна до конца. Думаю, мы продолжим разговор с вами в другом месте.

— Леша, солнышко мое! — Настя испуганно прижалась к корнету. — Этот тип меня преследует! Он сделал мне гнусное предложение...

— Что? — взревел корнет. — Стреляться! Здесь! Сейчас! Немедленно!

— Попрошу не выходить из помещения, — холодно приказал Мерзляев. — Через пятнадцать минут здесь будут жандармы...

— Трус! Ничтожество! Подлец! — продолжал выкрикивать оскорбления корнет. — Будешь стреляться или нет, сукин сын?

— Милостивый государь, — хладнокровно произнес Мерзляев. — При исполнении служебных обязанностей я не стреляюсь, а стреляю! — И, круто повернувшись, покинул лазарет.

Наступила пауза.

— Ну, все! — вздохнула Настя. — Он нам этого не простит.

— Не сердитесь на меня, — удрученно пробормотал Алексей. — Не сдержался... Все испортил!

— Лешенька, — нежно произнесла Настя и подошла к корнету. — Горе мое... ненаглядное! — Она ласково погладила его по лицу.

— Он что, подглядывает опять? — недоверчиво спросил Плетнев и отстранился.

— Нет... Я не позтому! — Настя прильнула к корнету.

— Родная моя! Желанная! Я вам раб навеки! — И вдруг Плетнев снова запнулся. — Кстати, сударыня, как вас зовут?..

В уютном тюремном кабинете господин Мерзляев кормил рыбок. Не прерывая этого важного занятия, он вел беседу с актером Бубенцовым. Впрочем, вряд ли допрос можно считать беседой... Ссадины и синяки на лице актера свидетельствовали об этом.

— Любезнейший Афанасий Петрович! Ну зачем вы меня обманываете? Я сам ценю шутку, но всему же есть предел. Мы с вами — два просвещенных, уже не молодых человека, неужели мы не найдем общий язык?!

— Да что ж вы мне не верите? — канючил Бубенцов. — Зачем мне вам врать? Налетели, уволокли, отвезли в поле, закричали: “Ах, это не предводитель, мы ошиблись!” — и бросили в густую рожь...

Тюремный писарь старательно фиксировал на бумаге каждое слово.

— В густую, высокую рожь! — Мерзляев сделал ударение на слове “высокую”. — Плохо помните текст роли, господин артист. Все эти романтические бредни мы уже занесли в протокол, но меня интересует правда... А правда проста: соплик корнет не подозревал, что наш расстрел — маскарад, сыграл в благородство и отпустил вас...

— Ну, а мне-то на кой убежать?!

— Очевидно, тоже... из благородства!

— Это во мне-то благородство? — засмеялся Бубенцов. — Обижаете, господин начальник! Благородство — это по вашей части... по дворянской!

— Почему вы сразу не явились ко мне после того, как вас бросили в густую, высокую рожь? Зачем-то переоделись и пустились в бега.

— Честно признаюсь, ваше высокоблагородие. Боялся — не поверите!

— Правильно боялись. Не верю!

— Значит, правильно делал, что бежал, — логично подвел итог Бубенцов.

— Корнета подвести боитесь! — размышлял вслух Мерзляев. — Нашли кого жалеть. Этого солдафона?

— Опять обижаете! — с пафосом воскликнул актер. — Уж кого и ненавижу, так его. Я ж в него целил, а не в госпожу губернаторшу. Это он нам спектакль сорвал. Он меня до тюрьмы довел. Он меня на расстрел повез...

— И дочку вашу обесчестил, — как бы невзначай закончил перечень Мерзляев.

— Что? — Актер осекся. — Как? Что вы имеете в виду?

— То и имею! — развел руками штабс-капитан. — Есть свидетели...

— Врешь! — сорвался Бубенцов.

— Разделяю ваше отцовское горе, — сокрушенно сказал Мерзляев. — Поэтому подумайте, стоит ли его выгораживать... Артюхов! — позвал он своего подручного, стоявшего у двери. — Пригласи-ка сюда господина Плетнева! А вы, — добавил он, обращаясь к артисту, — посидите тут, в уголочке, поразмыслите, послушайте...

С шумом распахнулась дверь, и в кабинет начальника тюрьмы ворвался корнет.

— Выражаю свой протест, господин штабс-капитан, — отчеканил Алексей. — Почему меня не поместили в одной камере с невестой? Это бесчеловечно!

— У нас тюрьма, а не будуар! — жестко сказал Мерзляев. — И прошу, оставьте свои казарменные замашки. Вы — на допросе.

— А после допроса — дуэль! — продолжал буйствовать Плетнев. — Стреляемся с десяти шагов!

— Устал я от вас, дорогой мой Алексей Васильич, — вздохнул Мерзляев. — Ну, будет ребячиться. Оба были не правы, погорячились. Давайте-ка перейдем к делу.

Плетнев с полуслова понял, чего от него хотят, и привычно зарпортовал:

— Налетела банда! Белые лошади, черные костюмы, черные полумаски...

— Хватит, хватит! — остановил Мерзляев. — Полумасками, полусказками сыт по горло. Посмотрите-ка на этого человека, — указал он на сидящего в углу Бубенцова. — Как вы думаете, кто это?

— Что ж тут думать? Бунтовщик, которого отбили сподвижники...

— Да кому он сдался-то? Вы действительно поверили, что это ничтожество — якобинец? Перед вами — актрешка, которого мы наняли за тридцать сребреников, чтоб он разыграл перед вами сцену расстрела. Патроны-то были холостыми! И он согласился! Человек без стыда и совести... Мелкий жулик, шулер... И вы из-за этой мрази готовы в Сибирь?

Плетнев от удивления разинул рот и уставился на Бубенцова.

— Он — наш агент! Вспомните: когда вы его отпускали, он, поди, и бежать не хотел?

Плетнев вспомнил и насушился.

— А то, что он слова красивые кричал, — добивал корнета Мерзляев, — так это все актерство было. Пригом низкого пошиба.

— Вот уж нет, господин опричник! — Бубенцов в ярости вскочил. — Ложь! Не судите о людях по себе! Господин корнет, все — клевета!

Мерзляев, не ожидавший такого поворота, с изумлением посмотрел на Бубенцова.

— Ты что? Уж не хочешь ли сказать, Афанасий, что ты — заговорщик?

— Попрошу не тыкать! Бубенцовы не жулики и не шулеры! Бубенцовы — такая фамилия... Да, черт возьми, я — заговорщик! И горжусь этим! И наше тайное общество еще спасет несчастную Россию от ига тиранства!

Мерзляев закрыл лицо руками и тихо произнес:

— Понимаешь, что сейчас этими словами ты сам себе смертный приговор подписал?

Наступила тишина. Плетнев с восхищением смотрел на Бубенцова.

— Настю приведи, — приказал Мерзляев Артюхову...

Артюхов вышел.

Корнет приблизился к Бубенцову, щелкнул каблуками:

— Господин карбонарий, хочу сделать признание!

Испуг промелькнул в глазах Бубенцова. Мерзляев насторожился.

Писарь обмакнул перо в чернильницу.

— Милостивый государь, прошу руки вашей несравненной дочери. Потому что не мыслю жизнь без нее! Потому что обожаю!

Бубенцов онемел.

Писарь спросил у Мерзляева:

— Записывать?

— Пиши, — махнул рукой Мерзляев. — Бумага все стерпит...

Писарь поскрипел пером и повернулся к Бубенцову, ожидая ответа.

— Спасибо, господин корнет, — растроганно сказал Бубенцов. — Если Настя согласна, разве я могу быть против? Благословляю!

Артюхов ввел Настю.

— Сударыня, — обратился к ней Мерзляев, — помогите. Дело в том, что эти два близких вам человека просто сбрендили. Ваш отец добровольно признался, что он крупный деятель тайного антиправительственного общества. Корнет подтверждает, что вашего отца отбили его так называемые сподвижники. Так вот, я вас спрашиваю, кто ваш отец — актер или бунтовщик?

— Конечно, актер, — поспешила ответить Настя.

— Фу, — с облегчением вздохнул Мерзляев. — Наконец-то нашелся один разумный человек. — Что вы на это скажете, господин отец?

— По-вашему, актер не может быть бунтовщиком? — Бубенцов упрямо стоял на своем. — Театр — это ремесло, а бунт — призвание!

Настя обомлела.

— Видите, с какой настойчивостью Афанасий Петрович хочет сделать вас сиротой? Я-то считаю, что вашего отца отпустил Плетнев. Умоляю, скажите правду.

Настя перевела взгляд с отца на жениха.

— Хорошо! Скажу правду! — Голос Насти дрогнул. — Во всем виновата я.

Писарь уронил перо. Мерзляев, Бубенцов и Плетнев устали на Настю.

— Да, я! И нечего на меня пялить глаза! — Настю охватило вдохновение, она была достойной дочерью и не менее достойной невестой. — Я наняла пятерых разбойников. Они налетели и освободили отца, которого безвинно везли на расстрел! И я была в отряде... в мужском костюме... в черной полумаске...

— Неправда! — закричал Бубенцов.

— Не было ее там! — подтвердил Плетнев.

— Не слушайте их! — упорствовала Настя. — Я, Настасья Бубенцова, организовала нападение. Пишите!

— Заносить в дело? — спросил писарь.

— Ты что? — остановил его Мерзляев. — Над нами весь департамент хохотать будет...

— Пишите, я требую! — крикнула Настя.

— Сударыня, умоляю, только не утверждайте, что это вы так отдубасили своего жениха! — отмахнулся Мерзляев. — И вообще... Хватит... Мне эта игра в благородство осточертела. Нет благородных людей в России. Не доросли. Рылом не вышли... Черт с вами! Доведем наш спектакль до конца. Вы, молодые люди, свободны. Вам можно позавидовать, впереди у вас медовый месяц... А ты, Афанасий, приготовься к большой ложке дегтя! Руководитель тайного антиправительственного заговора — это, брат, дело серьезное...

— Да какой он руководитель! — вмешалась Настя, но Мерзляев резко прервал ее:

— Слово не воробей, сударыня! Что сказано, то сказано! А что сказано, то записано. — Мерзляев подошел к окну и задумчиво посмотрел на улицу.

За окном шумела улица, мчались экипажи, скакали верховые, гуляла публика, торговцы предлагали свой товар — одним словом, Губернск жил обычной жизнью.

— Эх, дурь наша российская! — вздохнул Мерзляев. — Понимаю, когда самозванец — на трон, но самозванец на плаху? Получилось как у Александра Сергеевича: “Прибежали в избу дети, второпях зовут отца: тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца”!

Артюхов подошел к столу, взял у писаря допросные листы, стал их спивать.

— Какого мертвеца?! — первой опомнилась Настя. — Не имеете права!

— Беззаконие! — крикнул Плетнев. — Я не позволю!

— Как это? За что? Как же так, не разобравшись... — До Бубенцова только сейчас дошло, что его ожидает. — Произвол! Артюхов... Егорыч, погоди, что ты делаешь? Дело-то белыми нитками шито!

— Суровыми, братец, — сладострастно сказал Артюхов, перекусывая нитку, — суровыми...

В парке губернаторского дворца были накрыты праздничные столы. Нарядная публика — весь цвет Губернска — собралась для торжественных проводов гусарского полка. На специально сооруженном помосте играл военный оркестр. Лакеи разносили вина.

За ломберными столиками шли карточные баталии. Парочки танцевали модный для того времени падеграс.

Светило солнце. Погода и вино способствовали хорошему настроению собравшихся, хотя скорая разлука с любимцами города накладывала на весь этот красочный пикник некий налет грусти.

— Господа! Друзья мои! — Губернатор поднялся из-за стола с бокалом шампанского. Рядом сидела его супруга, за которой галантно ухаживал полковник. — Господа! Сегодня у нас у всех радостный день...

— Печальный, — тихо поправила его губернаторша.

— Да... Радостный и даже печальный, — привычно подхватил губернатор. — Мы прощаемся с нашими доблестными воинами. Они заняли наш город и наши сердца без единого выстрела. Они разбудили нашу сонную провинциальную жизнь... Они... Они... — Он беспомощно посмотрел на губернаторшу, ожидая подсказки.

— Оставили неизгладимый след, — подсказала губернаторша и нежно улынулась полковнику.

— Оставили неизгладимый след! — обрадованно подхватил губернатор. — И мы все, и наши жены, и наши дети...

— Будущие! — озорно подсказал сидевший неподалеку, рядом с привлекательной молодой помещицей, Симпомпончик.

— Разумеется, будущие! — подхватил губернатор, но тут же был остановлен негодующим возгласом супруги: “Же ман си па, Алексис!” (Что означало в переводе с французского: “Не пори ерунду, Алексей!”) — Одним словом, вы поняли чувства, переполняющие меня!.. Поэтому позвольте от имени всех — ур-ра!

За столами грянули “ура!”, зазвенели бокалы.

Оркестр заиграл нечто бравурное.

Среди гостей сновал Артюхов с подносом, уставленным бокалами, и внимательно прислушивался к разговорам. Подойдя к одетому в элегантный фрак Мерзляеву, Артюхов протянул и ему поднос с напитками.

— Что нового? — тихо процедил сквозь зубы Мерзляев.

— Майор Румянцев просадил в вист две тысячи.

— Еще!

— Некоторые о вас, извините, неблагоприятно высказываются...

— Кто? Что?

— Минуточку, у меня тут помечено... — Артюхов достал из кармана шпартгалку. — Господин полковник обозвал вас... — Артюхов шепнул на ухо Мерзляеву. — Прапорщик... ну, который прозван Симпомпончиком... он назвал вас... — Артюхов шепнул. — А потом еще и так... — Артюхов шепнул снова. — Ну и рядовые оскорбления, вроде “жандармская крыса”, “кровопивец”, “душегуб”, “сукин сын”...

— Хватит! — прервал Мерзляев. — Чем занимается поднадзорный Плетнев?

— Ничего предосудительного — милуется с невестой. В беседке. Мерзляев помрачнел.

— Актеры Настасье Афанасьевне приданое собрали... Всю вырубку от представления...

— И день свадьбы назначен? — зло спросил Мерзляев.

— Думаю, так! — сказал Артюхов.

— Знать должен! — вдруг сорвался Мерзляев. — Думать он мне еще будет. Мыслитель! — Мерзляев выхватил у Артюхова бумажку со списком оскорблений. — “Жандармская крыса”... “Кровопивец”!

Раздались возгласы: “Просим! Просим!”

— Иван Антонович, ну ради меня! — умоляла губернаторша полковника.

Полковник поцеловал ей руку, пожал плечами, мол, нельзя же отказать даме, крикнул: “Яшка!” Подбежали два цыгана с гитарами.

— Вашу коронную? — услужливо спросил Яшка. — “Я пережил”?

Глаза полковника погрузнели.

— Это я пережил, брат Яша! — вздохнул он и запел:

Я пережил и многое и многих,
И многому изведал цену я.
Теперь влачусь один в пределах строгих
Известного размера бытия.

Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днем все ближе и темней.
Усталых дум моих полет стал низок,
И мир души бесплодней и бедней.

По бороздам серпом пожатой пашни
Найдешь еще, быть может, жизни след —
Во мне найдешь, быть может, след вчерашний,
Но ничего уж завтрашнего нет.

Жизнь разочлась со мной: она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла,
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла. *

Романс слушали внимательно и печально. Во время пения полковника к столу приблизился Артюхов и незаметно передал Насте записку. Настя прочитала и поспешила за Артюховым.

За длинным пустым столом сидел господин Мерзляев. Увидев Настю, он вскочил, предупредительно пододвинул ей стул. Настя демонстративно продолжала стоять.

— Слушаю вас, господин Мерзляев!

— На правах старшего и по долгу человека, который вас безответно любит, умоляю: не торопитесь замуж за Алексея Васильича.

— Это вас не касается! — вспыхнула Настя. — Или вы передали мне приказ третьего отделения?

— Сколько бы вы ни оскорбляли меня, я все приму... Стерплю! Чувств ваших мне пока не завоевать, но я обращаюсь к рассудку. Не спору: Алексей Васильич для вас — завидная партия. Он молод, дворянин, хорош собой, храбр, щедр... но, простите, мягко говоря, не умен... и, к сожалению, не благороден!

* Стихи П. Вяземского.

— Кому как не вам рассуждать о благородстве! — иронично преврала его Настя.

— Настасья Афанасьевна, — с печальной улыбкой произнес Мерзляев. — Я скажу вам сейчас нечто важное: я прошу вашей руки. Прошу стать моей женой. Я хочу разделить с вами оставшиеся дни... Ради вас я отказываюсь от блестящей карьеры, от эполет полковника, я попаду в немилость... Подумайте, жандармский офицер женится на дочери государственного преступника!.. Вы понимаете всю величину подобной жертвы? Нет, я имею право говорить о благородстве!

— Безусловно! — усмехнулась Настя. — Вы умны, вам присуща тонкость чувств, вы благородны... вы отважны, а главное — что вы все это сами о себе сообщили. Верно! Мой Алеша не так умен! Ему вовек не догадаться, что благородством можно торговать...

— Ну что ж, — вздохнул Мерзляев, — очень жаль, что вы оказались глухи к моим призывам. Забудем про этот разговор! Видно, моя участь — быть одиноким странником... Это страшно, Настасья Афанасьевна! Ладно! Доиграем нашу комедию до конца. Ваш избранник завтра же утром покажет, на что он способен! А вы, сударыня, после этого будьте счастливы, если... сможете!

Распорядитель бала провозгласил:

— Внимание, господа! Сейчас наша несравненная госпожа Бубенцова одарит нас своим талантом!

На эстраду вышла Настенька.

Раздались громкие аплодисменты. Алеша Плетнев охотно принимал их на свой счет и раскланивался.

— Я спою песню, которая посвящается мужественным героям двенадцатого года! — объявила Настя.

— Прелестная девушка! — Губернатор обернулся к стоящему рядом Мерзляеву. — Этому Плетневу крупно повезло.

Мерзляев усмехнулся.

— Кстати, — продолжал губернатор, — она подала мне прошение о своем несчастном отце...

— Потом, ваше превосходительство! — вежливо остановил его Мерзляев, ибо Настенька начала петь:

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вам все вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

О, как мне кажется, могли б вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать, и гривы —
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее...
И весело переходили
В небытие... *

Аплодисменты. На сцену полетели цветы...

— Прелесть! — сказала губернаторша.

— Так вот, — губернатор вновь обратился к Мерзляеву, — насчет ее папаша. Этого актера... Будем гуманны... Надо бы его выпустить. Сделаем этой девочке свадебный подарок!

— Я его прощаю, — поддакнула губернаторша.

— К сожалению, все оказалось значительно сложнее, — сказал Мерзляев. — Этот Бубенцов замешан в антигосударственном заговоре, в чем и сам сознался... Завтра утром молодцы нашего дорогого полковника, — Мерзляев улыбнулся Покровскому, — отправят мятежника на тот свет!

— Что? — побледнел Покровский. — Опять?.. Да как же можно... Подозреваемого человека...

— Подозреваемые — вот, — Мерзляев показал широким жестом на танцующую публику, — веселятся. А он — приговоренный!

...Ах, какое славное, чудесное утро выдалось в тот роковой день! Щебетали птички, роса блестела под ранними лучами солнца, и снова по живописным окрестностям Губернска ехал черный тюремный экипаж. Но на сей раз за каретой скакал конвой — шесть вооруженных жан-

* Стихи М. Цветаевой.

дармов. На козлах вновь сидел Артюхов, а внутри кареты господин Мерзляев личным присутствием скрашивал последние минуты смертника.

— Красотища какая! — сказал Мерзляев, глядя в окно кареты. — Не жаль прощаться-то со всем этим?

— Очень жаль...

— Не бродить тебе больше по траве. Не видеть восхода. В речке не искупаться! — сочувственно вздохнул Мерзляев. — Заигрался ты, Афанасий. Ох, заигрался! Но сейчас — публики нет, протокол не ведется — скажи мне-то... по-человечески: как все было на самом деле?

— А было так, — задумался актер. — Жил я себе жил, никого не трогал. Выступал на подмостках, людей забавлял. Дочь растил. Одним словом, благонамеренный мещанин... А встретился с вами, познакомился, пригляделся и понял, что от настоящей-то жизни я прятался. Настоящая жизнь у меня, можно сказать, только начинается.

— И скоро кончится, — заметил Мерзляев. — Через несколько минут...

— Настоящая жизнь долгой не бывает, — философски сказал Бубенцов. — Мне хоть два дня выпало. А вот вас, господин штабс-капитан, пожалеть можно...

— М-да... — протянул Мерзляев. — Неумно мы порой работаем. Грубо... Парадокс получается: из простых обывателей врагов отечества делаем...

— А вы от имени отечества не выступайте: оно само разберется, кто ему враг, а кто друг!

Тюремная карета в сопровождении эскорта въехала на холм, где росли три сосны.. К деревьям были привязаны гусарские кони. Назначенные в наряд гусары, среди которых был и Плетнев, упрямо наблюдали, как приговоренного выводили из кареты. Чуть поодаль расхаживал взад и вперед мрачный полковник Покровский.

— С добрым утром, господа гусары! — приветливо поздоровался Мерзляев.

Гусары демонстративно промолчали.

— Иван Антонович, рад вас видеть, — как ни в чем не бывало приветствовал полковника штабс-капитан.

Полковник отвернулся и не ответил.

— Ну вот и поговорили! — Стараясь замаять неловкость, Мерзляев улыбнулся. — Действительно, к чему терять время? Перейдем к делу! Господин Бубенцов, будьте добры, займите-ка свое место. Вы знаете какое. Сами выбрали.

Бубенцов молча поднялся на пригорок. Одет он был в тот же мужицкий армяк, грубые портки, лапти... Он занял позицию и повернулся лицом к гусарам.

— Наряд, стройся! — скомандовал Мерзляев.

Пять гусаров нехотя выстроились в ряд.

— Раздать ружья! — последовал новый приказ.

Артюхов вместе с жандармом обошел строй и вручил каждому гусару по ружью.

Наблюдавший за этой процедурой полковник неожиданно крикнул:

— Корнет Плетнев! Выйти из строя!

Плетнев повиновался команде. Полковник подошел к нему, не говоря ни слова, взял ружье и занял в строю место корнета.

— Продолжайте, господин штабс-капитан!

— Иван Антонович, — нахмурился Мерзляев. — Зачем же так? Прошу вас, не вмешивайтесь!

— Командуйте! — процедил сквозь зубы Покровский.

— Я не могу отдавать приказы полковнику.

— Совесть-то у тебя есть, Мерзляев? — Полковник был в ярости. — Ты же, небось, в Бога веруешь? Да как же можно заставлять парня стрелять в отца своей невесты?!

— Прекратите балаган, полковник! — побагровел Мерзляев. — Ведите себя достойно при подчиненных! Интересы государства выше родственных! Корнет, встать в строй!

— Корнет, не вставать в строй! — крикнул полковник.

— Слушаюсь, господин полковник! — отчеканил Плетнев.

— Я подам рапорт. И на вас, и на корнета!

— Эк удивил! — усмехнулся полковник.

— Конвой! — спокойно сказал Мерзляев. — Отобрать ружье и вывести полковника из строя.

— Посмотрим, как у них это получится? — Гусары окружили своего командира.

Расстрел зашел в тупик.

— Господа, — неожиданно вмешался в конфликт приговоренный, — не портите себе жизнь из-за моей смерти! Господин полковник, я ценю ваше мужество. Потому что в таких делах быть смелым труднее, чем в бою. И вы, ребята, — добавил он, глядя на гусаров, — не вздумайте бросать ружья. Этот жандарм только того и ждет. Не жалейте меня! Моя песня все равно спета. А тебе, сынок, — обратился он к Плетневу, — уж придется нести свой крест до конца. Я тебе этот грех прощаю. Живи, не мучайся. Господин штабс-капитан, — повернулся он к Мерзляеву, — исполните последнюю просьбу: разрешите обнять Алексея?

— Разрешаю! — буркнул Мерзляев. — Но только побыстрее, а то процедура слишком затянулась.

Бубенцов и Плетнев пошли навстречу друг другу.

— Ты чего нос повесил? — Бубенцов приблизился к корнету. — Настю люби, не бросай, она девушка хорошая. Чего ревешь-то? Не стыдно? Когда целить будешь, думай, что в него стреляешь, — кивнул в сторону Мерзляева, — оно полегче будет... Ну, давай обнимемся на прощание!

Бубенцов и Плетнев крепко обнялись. Во время объятий Бубенцов неожиданно выхватил из-за пояса корнета пистолет и отскочил в сторону.

— Нет, говоришь, благородных людей в России? — крикнул Бубенцов Мерзляеву. — Врешь! Полно! Жаль, сейчас одним меньше станет...

Он приставил пистолет к сердцу, выстрелил, упал на землю.

Наступила тишина. Все замерли.

— Ну, хватит, Афоня... Будет дурака-то валять. Вставай! — неуверенно пробормотал Артюхов. — Ваше благородие, он что?.. Взаправду?!

Мерзляев кинулся к Бубенцову, склонился над ним.

— Эх, дурак ты, дурак несчастный! — Мерзляев тряс безжизненное тело. — Что ты наделал?! Как же это получилось?

Внезапно Плетнев выхватил из рук полковника ружье, прицелился в Мерзляева и спустил курок. Грохнул выстрел, но Мерзляев остался невредим. Плетнев рванул ружье у стоявшего рядом гусара и пальнул еще раз.

— Стреляй! Стреляй, дубина! — заорал в отчаянии Мерзляев. — Все стреляйте, олухи! Патроны-то холостые... А вы поверили... Да разве я имею право — без суда и следствия? Это ж не казнь была, а так... Я думал поугасть!

— Ах, зверь! Холостые? — Лицо Плетнева исказила гримаса ненависти. — Да я тебя... сейчас.

Он побежал на Мерзляева со штыком наперевес. Жандармы набросились на корнета, началась свалка.

Мерзляев не обращал на это никакого внимания. Он положил мертвое тело на траву, поднялся с колен и пошел прочь...

— Боже! Какая жуть! Темные люди! В какое время я живу?.. За что, Господи?.. Как же я Насте объясню?.. Нет, нет! К черту! Все бессмыслица! Да будет ли когда-нибудь на этой земле порядок? Что же у нас все кровью-то кончается?

Штабс-капитан шел полем, не разбирая дороги, и размазывал по лицу слезы...

А когда зарю сыграли,
Бабы слезы утирали,
И, в котомки взяв харчи,
Уходили трубачи!

Ту-ру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

Так оно и было на самом деле. Гусарский полк покидал гостеприимный Губернск. Перед полком шагал военный оркестр, наяривая захватский марш. Впереди полка на лихом коне гарцевал бравый старый полковник. За ним, под звонкий цокот, прошли ослепительные майоры, волшебные штабс-капитаны, неотразимые поручики, восхитительные корнеты.

Город провожал своих любимцев. На балконах, в распахнутых окнах домов, в оживленной толпе были видны печальные лица женщин и повеселевшие физиономии их мужей.

Несмотря на бравурную музыку, было грустно, как и положено при разлуке. Гусары посылали воздушные поцелуи своим избранницам, избранницы украдкой утирали слезы, навеки запоминая “виновников милых проказ”. Шум, возгласы, прощальные крики, цокот копыт — полк продолжал свой победный уход из покоренного города. Вдруг случилось непредвиденное: прямо перед носом колонны через улицу, усыпанную цветами, перебежала отвратительная, драная черная кошка...

Оркестр встал как вкопанный. Музыка сбилась и смолкла. Полк замер. Толпа затаила дыхание.

На мужественном лице полковника мелькнуло сомнение, но, вместо того чтобы привычно скомандовать: “За мной, ребята!” — он опустил голову, повернул коня и повел полк в боковую улицу.

Голос за кадром:

“На этом, собственно говоря, и закончилось наше повествование, но было бы просто бесчеловечно перед зрителем не рассказать о том, что случилось с героями в дальнейшем...”

Поскольку создатели фильма не знают, что с ними стало, а очевидцев, как вы понимаете, не сохранилось, у нас нет иного выхода, как предоставить слово самим героям”.

Лица героев появляются перед нами, сменяя друг друга, а сзади, за ними, видится полк, покидающий город, полевая дорога, по которой рысью скачут всадники.

Н а с т я (*говорит в микрофон*). Я вышла замуж за Плетнева, оставила сцену. Когда муж подал в отставку, мы поселились в Плетневке, маленьком имении, доставшемся Алексею по наследству. У нас — трое детей. Девочка и два мальчика. Старшего назвали Афанасием в честь папеньки...

Полковник Покровский (*в микрофон*). Служил честно. Пулям не кланялся. Начальству тоже. Поэтому в генералы не вышел. Зато сделал истинную карьеру для военного: в Крымскую кампанию пал в бою за Отечество...

П л е т н е в. За нападение на жандармов был сослан на Кавказ. Воевал. Дважды ранен. В деревне с тоски начал читать. Оказалось — увлекательное занятие. Путешествовал по заграницам... В Италии попал в заваруху. Примкнул к гарибальдийцам... В схватке погиб. Итальянцы меня уважали, похоронили около Рима с большими почестями.

М е р з л я е в. Вся эта малоприятная история получила в Петербурге огласку. Было высказано даже высочайшее недовольство... А дальше... как-то сама собой из моей старинной дворянской фамилии Мерзляев вдруг исчезла буква “л”... Так что я сам и потомки мои стали именоваться с народом “Мерзья... я...” (*Всплакнул.*) Увольте, не могу произнести!

А р т ю х о в (*глядя в объектив*). После того как уволился из агентов, кем я только не был... Приказчиком, лакеем... Купил игорный дом, разбогател. Но как-то в стужу... и выпил-то немного... а вот уснул возле дверей собственного дома и замерз... Нет, ребята, народ верно говорит: пить вредно...

Ч е р н а я к о ш к а. После того как я перебежала дорогу полку, за мной в городе организовали форменную охоту. В меня даже стреляли! Можно подумать, что все неприятности в жизни происходят из-за нас... Какое суеверие! Темнота!!!

В клубах дорожной пыли уже была едва различима колонна всадников,
а за нею на автомобиле уезжала киногруппа, снимающая
конец фильма

ТЕАТР —
В ТЕАТРЕ!
КИНО — В КИНО!

От соучастника:

“Театр начинается с вешалки!”

... Общеизвестная банальная фраза. А где театр заканчивается, кто скажет? Думаю: никто! Потому что настоящий Театр не заканчивается никогда и нигде.

Все, что происходит за кулисами, в гримуборных, в костюмерных, — все это невероятно интересно наблюдать. Про буфет я уж и не говорю... “Место актера — в буфете!” — утверждал провинциальный комик Шмага и был прав, потому что за буфетным столиком актера может охватить вдруг такое вдохновение, что он способен сыграть перед

собеседником за несколько минут весь шекспировский репертуар...

Да и сама актерская жизнь — сплошной театр от начала до конца.

Любовные похождения, свадьбы и разводы — все находится под пристальным вниманием зрителя... Даже смерть артиста — зрелище, на которое собирается всегда много публики. И в последний путь принято провожать аплодисментами...

Впрочем, и смерть для настоящего артиста — только конец первого акта.

Во втором акте он вернется к своим почитателям молодым и веселым на экране, его голос зазвучит по радио. А слухи, которые сопровождали его нелегкую публичную жизнь, превратятся в легенды и станут сюжетами новых спектаклей и фильмов.

Вот почему драматурги так любят сочинять пьесы и сценарии про актеров. Я — не исключение...

ПРОЩАЙ, КОНФЕРАНСЬЕ!

Пьеса-концерт в двух частях

Действующие лица

Конферансье.
Акомпаниатор.
Певица.
Танцор.
Фокусник.
Поливанов — артист драмтеатра.
Лютиков — эстрадный автор и исполнитель.
Зинаида — его жена.
Сысоев — их сосед.
Вера — девушка 16-ти лет.
Мария Петровна — жена конферансье.
Коляша — внук конферансье.
Офицер.
Лейтенант.
Клоун Отто.
Солдаты.
Девочки.
Рабочие сцены.

Действие происходит в период с июня по октябрь 1941 года в Москве и Подмосковье.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Оформление сцены — откровенно условное, как и положено на эстрадных представлениях.

В центре на возвышении — эстрадная площадка, на которой во время пьесы исполняются номера.

Справа и слева — комнаты для актеров, где участники концерта ожидают своего выхода. Эти же комнаты рабочими сцены на глазах зрителей преобразуются в разные места действия пьесы.

Но сейчас концерт еще не начался, поэтому его участники на глазах публики готовятся к представлению: переодеваются, гримируются. Легкий шум, голоса, смех, телефонные звонки. На первом плане — Ко н ф е р а н с ь е, мужчина лет пятидесяти. Он надевает фрак, галстук-бабочку. Звенит третий звонок. Правая и левая части сцены погружаются в темноту, но зато ярко высвечивается эстрадная площадка.

Конферансье бросает на себя последний взгляд в зеркало, затем поднимается на эстраду, раздвигает воображаемый занавес.

Ко н ф е р а н с ь е (*добро*). Добрый вечер! Начинаем наш концерт. Вас приветствуют артисты московской эстрады и конферансье Николай Буркини! (*Поклон. Пауза.*) В этом месте, честно говоря, думал, будут аплодисменты. Фамилия у меня все-таки звучная... заграничная. И фрак дирекция посоветовала надеть. Так, говорят, больше на иностранца смахиваешь... Публика, мол, любит гастролеров! Но вас, чувствую, не проведешь. Узнали своего и не хлопают... И правильно. Сначала заслужи... Вообще-то, меня Колей зовут. Николаем Сергеевичем... А фамилия настоящая — Буркини! Могу паспорт показать... Где он тут у меня... (*Роется по карманам.*) А, вот! (*Достаёт паспорт.*) Николай Сергеевич Буркини, тысяча восемьсот девяностого года рождения, уроженец деревни Бурки Тамбовской губернии, потомственный конферансье... из крестьян. Чего улыбаетесь? Я правду говорю. У нас в деревне все мужики — конферансье... Да и бабы тоже. Промысел такой... народный... От дедов-прадедов. А вернее — от барина. Барин у нас в старину был с придурью. Одни своих крепостных на художников учили, другие — на музыкантов, а наш обормот в Париже побывал, по кафешантанам походил и умом поехал... Желаю, говорит, иметь собственных конферансье. Чтоб, значит, концерты вели, шутки шутили и все прочее. Трех мужиков в Париж на учение послал... Ну, двое-то, не будь дураки, там и остались, а мой прапрадед вернулся... Фамилию нашу исконную Буркин на Буркини поменял, по деревне стал ходить, мужиков задирать: “Дамы и мосье, же сюи конферансье!” Ну, его сперва всем миром лупили чем попадая, а потом привыкли... Конферансье так конферансье!.. В хозяйстве все сгодится... Глядят: мужик справный,

веселый; праздник там какой или свадьба — он первый слово скажет: “Дамы и господа! Следующим номером нашей программы — брачная ночь!!! Приветствуем молодых!” Ну, ясно, смех... радость. Стали его помаленьку из других деревень приглашать, потом — из окрестных городов. Он чувствует, одному не справиться. Набрал учеников, сбил артель, и покатилося-понеслось... Земля-то у нас бедная, урожая нет, а конференс хорошо пошел. Забогатела деревня! А тут как раз и революция... Сели мы на коней, к буденовцам подались. От наших шуток земля дрожала...

Веселей, народ, гляди!
Шпарь на всю Европу!
Нам с тобой вперед идти,
Капиталу — в... другом направлении!

Один белый генерал от этой шутки застрелился. Ей-богу! Если, говорит, в России это смешно, я жить отказываюсь! И застрелился! Вот какая политсатира!!! Ну, а потом восстановление пошло, индустриализация, коллективизация. Мы тоже у себя колхоз организовали — “Красная шутка”! По сто реприз с одного гектара собираем. Утесов, Гаркави, Смирнов-Сокольский — все к нам на курсы повышения ездят... Я-то, честно говоря, собирался по другой линии пойти. Рабфак закончил, думал инженером стать... А только, честно скажу, земля к себе тянет. Приедешь в родные места, пройдешь по околице, глотнешь родниковой воды, упадешь лицом в траву и чувствуешь — хочется конферировать! Ну сил нет! Вот почему и вышел на сцену. Здравствуйте, дорогие товарищи! Зовут меня — Николай Буркини, потомственный конференсье. “Конференсье” слово нерусское, а у нас прижилось. Потому — дело полезное... Конференсье — он же не для себя старается, для других. Атмосферу устанавливает, контакт наводит, чтоб его друзьям-артистам легче выступалось. Вот почему я сейчас уйду со сцены, а вы все аплодисменты, которые мне не достались, подарите им! Встречайте артистов!!!

Свет на эстраде гаснет.

Звучит голос Сергея Яковлевича Лемешева, исполняющего
арию герцога из оперы “Риголетто”.

Теперь высвечивается правая сторона. Здесь подъезд концертного зала.
Две девочки бьют третью. Ту, что бьют, зовут В е р а. Она отбивается изо
всех сил, хотя ей уже расквасили нос.

Первая девочка (*вырывает у Веры портфель, высыпает его
содержимое на землю*). Вот тебе! Вот! И не смей здесь больше стоять!

В е р а (*вытирая кровь*). А вы что, купили место? Купили, да?

Вторая девочка. Дура! Ноги повьдираем! Поняла?!

Из подъезда выходит К о н ф е р а н с ь е. Он — в плаще и с чемоданчиком.
Девочки замечают его.

Первая девочка (*елейно*). Здравствуйте, Николай Сергеевич!
 Вторая девочка. Здравствуйте! (*Делает книксен, убегает.*)

Конферансье внимательно смотрит на Веру, которая, плача,
 собирает портфель.

Конферансье. Однако здорово ты им вмазала!..

Вера не отвечает.

Из-за чего драка?

Вера (*мрачно*). Проходите, дядечка. Не ваше дело!

Конферансье. Логично. (*Вынул из нагрудного кармана пиджака платочек, протянул Вере.*) На!

Вера. Не надо.

Конферансье. Возьми. У меня еще есть. (*Присвистнул — из кармана пиджака выскочил новый платочек.*)

Вера. Вы что, фокусник?

Конферансье. Нет. Просто всегда ношу с собой несколько платков.

Вера. Зачем?

Конферансье. Как — зачем? Вдруг кому нос расквасят... (*Хочет уйти.*)

Вера. А я вас узнала. Вы — который про деревню рассказывал...
 Фамилия еще чудная... Бурунди, да?

Конферансье. Что-то в этом роде. (*Хочет уйти.*)

Вера. Подождите. А вы, наверное, Сергея Яковлевича знаете?

Конферансье. Какого Сергея Яковлевича?

Вера. Как — какого? Лемешева, конечно!

Конферансье. Ну, знаю...

Вера. Хорошо знаете?

Конферансье. Хорошо.

Вера. А он вас?

Конферансье. Он меня меньше.

Вера. Письмо передать можете? (*Достала письмо.*)

Конферансье. Я его теперь не скоро увижу. Пошли по почте.

Вера. По почте нельзя. Жена порвет. Алиса Михайловна нас не любит.

Конферансье. Кого это “нас”?

Вера. “Лемешисток”.

Конферансье. Ну, давай... (*Берет конверт.*) Он хоть поймет — от кого?

Вера. Скажите: от Веры из Горького. Которая ему цветы дарила в клубе Дзержинского... Должен вспомнить.

Конферансье. Конечно, конечно... (*С улыбкой смотрит на Веру.*) Давно из Горького-то?

В е р а. Утром приехала.

К о н ф е р а н с ь е. А когда обратно?

В е р а. Вечером.

К о н ф е р а н с ь е. Значит, просто на концерт слетала? Лихо.

В е р а (с вызовом). А что, нельзя?

К о н ф е р а н с ь е. Дороговато билет получается.

В е р а. А у меня сегодня день рождения. Имею я право себе подарок сделать?

К о н ф е р а н с ь е. Логично. И сколько ж тебе стукнуло?

В е р а. У женщин это не спрашивают.

К о н ф е р а н с ь е. Извини. Паспорт-то уже есть?

В е р а. Теперь получу...

К о н ф е р а н с ь е. Ну что ж... Поздравляю, Вера. Значит, ты уже теперь совсем взрослая “лемешистка”. И давно поклоняешься Сергею Яковлевичу?

В е р а (не уловив иронии). Год и два месяца.

К о н ф е р а н с ь е. Какая точность... Прямо как производственный стаж...

В е р а (строго). Вы не улыбайтесь... Он меня только как личность интересуется. Как гражданин. Я про него альбом собираю... (Достала альбом.) Вот... порвали, дуры!!! А почему их у вас “сырихами” зовут?

К о н ф е р а н с ь е. Кто зовет?

В е р а. Билетеры. Сырихи, говорят, проклятые, житья от вас нет!..

К о н ф е р а н с ь е. Да случай был один. Рассказывают, гулял Лемешев по Арбату, зашел в магазин, купил триста граммов сыра. А поклонницы — за ним. И весь сорт скупили...

В е р а. Какой сорт?

К о н ф е р а н с ь е. Не помню точно... Думаю — “рокфор”...

В е р а (со вздохом). В Горьком такого нет.

К о н ф е р а н с ь е (внимательно посмотрел на девушку). И куда ты сейчас?

В е р а. Прокантуюсь где-нибудь до ночи.

К о н ф е р а н с ь е. Хочешь, пойдем со мной. У меня еще два концерта. Посмотришь?

В е р а. Вы чего? Жалете меня?

К о н ф е р а н с ь е. Чего тебя жалеть? Просто хочу подарок сделать... Там весело. Танцевать будут. Фокусы показывать... Пойдем?

В е р а. Ладно... Посмотрим... Но, вообще-то, я эстраду не люблю. Я — за серьезное искусство...

К о н ф е р а н с ь е. Молодец! Я — тоже за серьезное...

Правая сторона сцены погружается в темноту. Вновь ярко высвечивается эстрадная площадка. На нее быстро вбегает К о н ф е р а н с ь е.

К о н ф е р а н с ь е (*продолжая концерт*). Зачем зритель приходит на эстрадный концерт? Никогда не думали?.. В оперу он идет, чтобы слушать, в балет — смотреть, в театр — переживать, а на эстраду?.. Зачем?.. Что? Вот правильно товарищ подсказывает: чтобы у ч а с т в о в а т ь ! У нас зритель — полный хозяин. Можно аплодировать, и номер повторяют; можно подать реплику, и тебе ответят; можно просто вот так крикнуть с места, и тебя... выведут из зала. Здесь зритель — главное действующее лицо, и чем он активней, тем лучше... Хотите вместе сочиним интермедию?.. Про что?.. Да вот хоть про этот мячик... (*Достает мяч.*) Предлагаю игру. Я кидаю вам этот мячик, вы кидаете обратно... Я — вам, вы — мне... Бросаю! (*Кидает мячик в зал. Мячик оказывается привязанным на резинке и поэтому возвращается в руку Конферансье.*) А вы думали, я и вправду кину?.. Я вчера кинул — сегодня пришлось новый покупать... Так ведь мячиков не напасешься... Только не надо обижаться, товарищи... Везде разве не так? Придешь на почту — ручка на веревке, в буфете — кружка на цепи, в клубе — дверь на замке, рояль на ключе... Мне не доверяют, почему я должен?! Что говорите?.. Как с этим бороться?.. Не знаю. Вам думать... Вы ведь главные не только на концерте, но и в жизни... Вы и думайте! А мое дело — маленькое... Мне надо было выяснить, зачем зритель приходит на эстраду... Теперь мы знаем: чтобы видеть, слушать, переживать, участвовать... И? Что? Вот правильно товарищ подсказывает — чтобы д у м а т ь . А мячик возьмите! Мячик мне не жалко!.. (*Кидает мячик в зал.*)

Свет на эстраде гаснет.

Высвечивается левая часть сцены. Здесь комната, где артисты ожидают своего выхода. У рояля распеваётся П е в и ц а в сопровождении А к к о м п а н и а т о р а . Рядом светловолосый Т а н ц о р в цыганском костюме отбивает каблуками дробь.

П е в и ц а . “Соловей мой, со-о-ловей... Голосистый со-о- лovej...”

Т а н ц о р (*напевает цыганский мотив*). Тара-тара-тай-да! Тара-ра-тайда!..

А к к о м п а н и а т о р (*продолжая играть. Танцору*). Ваня, ты нас не пропустишь? У нас с Олей еще концерт в ЦДКЖ.

Т а н ц о р . Сам горю со временем. У меня — парк Горького и “Компрессор”.

П е в и ц а . “Со-оловей-а-а!..”

Т а н ц о р . Лапота-бодайба. (*Бьет дробь.*)

П е в и ц а (*в отчаянии*). Нет. Так работать невысмыслимо... (*Танцору*). Иван, ты можешь хотя бы не петь?

Т а н ц о р . А как я репетировать буду? Мне ритм нужен. У меня — новый танец.

А к к о м п а н и а т о р . Какой новый? Все та же цыганочка...

Т а н ц о р. Много ты понимаешь. То был “румынский танец”, а это — “венгерский”... Две большие разницы.

П е в и ц а. Ты бы лучше парик надел, Ваня! А то какой-то белобрысый цыган... Даже неудобно.

Т а н ц о р. У меня, Олечка, зритель за ногами следит, а не за головой... Лапота-бодай-ба. *(Танцует.)*

Телефонный звонок. Певица снимает трубку.

П е в и ц а. Алло? Минск? *(Танцору.)* Затихни, Ваня! Между-городная. *(В трубку.)* Кого?.. Его сейчас нет, он на сцене...

Быстро входит К о н ф е р а н с ь е.

К о н ф е р а н с ь е. Братцы, ну когда будет порядок за кулисами? Там все слышно.

П е в и ц а *(в трубку)*. Алло! Простите... Вот он пришел... *(Конференсье.)* Николай Сергеевич, вас — Минск.

К о н ф е р а н с ь е. От черт! Достали... Скажи, что меня нет...

П е в и ц а *(зажимает трубку рукой)*. Я врать не умею...

К о н ф е р а н с ь е. Учись, Олечка, учись. Пригодится...

П е в и ц а *(в трубку, несколько растерянно)*. Алло! Вы слушаете? Я ошиблась. Он на сцене... Что? *(Зажимает трубку.)* Они говорят, будем ждать...

К о н ф е р а н с ь е *(подсказывает)*. Уехал он.

П е в и ц а *(в трубку)*. Алло... Говорят, он уехал... Что? *(Зажимает трубку.)* Они говорят — все равно будем ждать...

К о н ф е р а н с ь е. О господи!! *(Берет трубку, переходит на крайне доброжелательный тон.)* Алло! Буркини... Здравствуйте, дорогой директор! Да, мне говорили... Но не могу! Никак не могу! Дорогой мой, у меня отпуск с двадцать третьего... Я говорю: с двадцать третьего июня путевка у меня... Ну, что значит — юмор нужен?! Юмор тоже отдыхать должен. И потом, у вас Лютиков выступает, чего вам еще?! Почему не выступает? Какой фельетон? Алло! *(Кладет трубку.)* От черт, разъединили...

А к к о м п а н и а т о р. Вы не читали сегодняшнюю “Вечерку”?

К о н ф е р а н с ь е. Нет, а что?

Т а н ц о р. Лютикова раздолбали!..

К о н ф е р а н с ь е. Володю? За что?

Т а н ц о р. За репертуар. Называется “Кривая усмешка на эстраде”. Лапа-га-па-та!!! *(Танцует.)*

К о н ф е р а н с ь е. Чего ты радуешься-то?

Т а н ц о р. Я не радуюсь. Я репетирую...

К о н ф е р а н с ь е *(ворчит)*. Покрасился бы, Ваня! А то какой-то белобрысый цыган... Черт знает что!

Распахивается дверь, быстро входит Фокусник с двумя огромными чемоданами.

Фокусник. Все здравствуйте! Все здравствуйте! Горю со временем, товарищи! *(Певице.)* Олечка, привет! *(Целует певице руку, ловким движением вынимает откуда-то цветы.)* Прошу!

Певица. Не разбрасывай реквизит, Витя. Все равно пойдешь на сцену после нас.

Фокусник. Солнышко, у меня еще концерт на ВСХВ. Пять тысяч колхозников.

Акомпаниатор. У нас — в ЦДКЖ. Рабочий класс имеет преимущество.

Фокусник. Товарищи, вы меня режете... У меня же реквизит заряжен. *(Открывает один чемодан, достает большую клетку с голубями.)* Это же — уэльские турманы... Очень нервная порода! Они перевозбудятся и сорвут номер! *(Конферансье.)* Николай Сергеевич, ну скажите вы...

Конферансье. Не канючь! На леваках твои турманы сидят по три часа и не шелохнутся...

Фокусник. Жестокие люди! *(Дает корм голубям.)* Мэри... Джек... Гуль-гуль-гуль...

Конферансье. У тебя “Вечерки” нет?

Фокусник. Нет.

Конферансье. А достать не можешь?

Фокусник. Откуда?

Конферансье. Не знаю... Ты — фокусник... *(Медленно набирает телефон.)* Алло! Зина? Это — Николай... Нет, я еще не читал, ну все равно, это ж всего лишь “Вечерка”... Не центральный орган. Чего расстраиваешься? Будет опровержение! Скажи Володе — будет опровержение, мне точно сообщили... Алло!.. Какая междугородная? Минск? Давайте Минск... Алло! Здравствуй еще раз... Это — Буркини! Ну что, дорогой... Вы меня почти уговорили... Да!! Поеду!.. Но только вместе с Лютиковым. Что значит — невозможно?.. Голубчик, что ж вы такой нервный? В Москве еще не напечатали, а вы уже пугаетесь. Вы — самостоятельная республика... Одним словом, я приеду, если будет Лютиков... У вас какие торжества? План по мелиорации? Молодцы!.. У нас как раз есть совместный фельетон про осушение болот... Так и скажите!.. Да не бойтесь вы! Кто вас к стенке поставит?.. Сейчас не девятнадцатый год, милый... Алло! Алло!..

Распахивается дверь, входит группа вооруженных людей.

Два солдата и матрос. Это — артист драмтеатра Поливанов.

Поливанов. Пламенный привет! Кто у вас ведущий?

Конферансье. Я.

Поливанов. Значит так, голуба моя: отрывок из спектакля “Любовь Яровая”. Первый конвоир — артист Симаев, второй — артист Бусаев. В роли матроса Шванди — заслуженный артист республики Денис Поливанов. Вы записываете?

Танцор. Граждане, сейчас иду я.

Поливанов. Голуба моя, вы же видите — мы прямо со спектакля. Нам через полчаса — обратно... Там же сюжет, голуба моя.

Конференсье. Денис Андреевич, вас просили быть полвосьмого. А сейчас — начало девятого...

Поливанов. Но что ж я мог сделать? Они затянули первый акт. Это же — театр.

Конференсье. Но концерт, извините, тоже — не туалет, куда можно забежать на секунду в любое время.

Поливанов (*грозно*). Вы, товарищ конференсье, эту шуточку лучше для сцены приберегите. А сейчас скажите определенно: выпускаете нас или нет?

Конференсье. Сейчас пойдет танцевальный номер... Потом — вокал.

Фокусник. Потом я... Голуби ждать не могут!..

Поливанов. Какие еще голуби?.. Все ясно. Счастливо оставаться! (*Солдатам*.) Кругом! (*Направляется к выходу*.)

Из зала доносятся аплодисменты.

Конференсье. Подождите!

Поливанов и солдаты останавливаются.

Зритель ни в чем не виноват. Он должен получить афишу сполна!.. (*Артистам эстрады*.) Извините, братцы... (*Поливанову*.) А вам, голуба моя, считаю долгом сказать, что вы мне глубоко-глубоко несимпатичны! Вот так!!! (*Бросив гневный взгляд на Поливанова, быстро проходит на эстраду. С улыбкой смотрит в зал*.) “Любите ли вы театр?” — спрашивает Белинский, и вот сотню лет мы отвечаем: да, любим!!! Потому что театр — это всегда высокий накал переживаний и страстей... И приход жрецов этого храма искусства к нам на эстраду — большой праздник для всех нас. Поэтому с огромным удовольствием я сейчас уступаю сцену...

Конференсье сделал широкий жест, приглашая артистов. Повинуясь этому жесту, Поливанов моментально вошел в образ Шванди, запел: “Черный ворон! Что ты вьешься над моею головой?..” И, понукаемый “конвоирами”, двинулся к эстраде.

Свет на эстраде гаснет.

Теперь высвечивается правая сторона сцены.

Здесь, у подъезда концертного зала, стоит В е р а, с газетным свертком в руках. Из подъезда выходит Конференсье, оглядывается.

В е р а. Я здесь...

К о н ф е р а н с ь е (*он искал глазами явно не ее*). А... Ты... Ну, как, понравился концерт?

В е р а. Ничего.

К о н ф е р а н с ь е (*замечает сверток*). Это у тебя что?

В е р а. Сыр.

К о н ф е р а н с ь е. Да нет, я про газету... Разреши... (*Берет у нее газету, присаживается на ступеньку, читает.*)

В е р а (*разворачивая сыр*). В буфете давали. Вонючий, но вкусный... Хотите?

К о н ф е р а н с ь е (*углубившись в газету*). Давай.

Секунду они молча жуют.

Значит, понравился, говоришь?

В е р а. Ага! Особенно фокусник. Ловкий, черт!.. Откуда он голубей-то доставал?

К о н ф е р а н с ь е (*читая*). С неба, девочка... в концерте все с неба достают. (*Смял газету.*) Мерзавец!

В е р а. Кто?

К о н ф е р а н с ь е. Да тут один... Написал чужь!

В е р а. Не читала.

К о н ф е р а н с ь е. И не читай! Доверяй только своему ощущению. Что они понимают, эти критики?! Людям нравится. Тебе понравилось мое выступление?

В е р а. Конечно.

К о н ф е р а н с ь е (*удовлетворенно*). Ну вот... Так и говори! У тебя хороший вкус... Смеялась?

В е р а. Зачем?

К о н ф е р а н с ь е (*раздосадованно*). А говоришь — понравилось.

В е р а. Так правду говорю. Обязательно смеяться, что ль?.. Я вообще никогда не смеюсь...

К о н ф е р а н с ь е (*сочувственно посмотрев на девочку*). Большая, что ль?

В е р а (*обижено*). Почему? Характер такой...

К о н ф е р а н с ь е. Ну, это ты брось. Характер — дело наживное. Тоже мне — несмеяна нижегородская... Это только в сказках они царевны, а в жизни — глубоко несчастные люди. Ты в кого такая? Папа с мамой у тебя смеялись?

В е р а. Не знаю. Я их не помню...

К о н ф е р а н с ь е. Извини. (*Секунду молча ест, разглядывая девочку.*) Где ж ты росла?

В е р а. Сначала у тетки. Потом... в другом месте...

К о н ф е р а н с ь е. А потом?

В е р а. Потом... сама по себе...

К о н ф е р а н с ь е. М-да... Биография не очень веселая. Но все равно кисать нельзя. Жизнь — это не приговор. Жизнь — это праздник, девочка. Надо уметь ей радоваться...

В е р а. Я и радуюсь...

К о н ф е р а н с ь е. По тебе незаметно. Сейчас-то где числишься?

В е р а. В медучилище.

К о н ф е р а н с ь е. В морге хочешь работать?

В е р а (*испуганно*). Почему?

К о н ф е р а н с ь е. Лицо траурное... Для покойников, может, сойдет, а живых напугаешь... Смех полезен для здоровья! Так все врачи говорят.

В е р а. Чего полезного? Вон у нас в послеоперационном один засмеялся — швы разошлись...

К о н ф е р а н с ь е (*чуть растерявшись*). Ну, после операции, может, и не стоит, а во время... очень даже хорошо.

В е р а. Чего?.. Как это “во время”?.. Да вы что? (*Хмыкнула.*)

К о н ф е р а н с ь е (*удовлетворенно*). Ну вот. А говоришь — не смеюсь. У тебя еще не все потеряно, девочка. Рефлекс не пропал. С тобой позаниматься — ты упущенное наверстаешь...

В е р а. И чего будет?

К о н ф е р а н с ь е. Станешь нормальным человеком. Сама будешь смеяться, других веселить. Это пригодится в жизни, запомни!

В е р а. Запомню.

К о н ф е р а н с ь е. А теперь — прощай!

В е р а. До свиданья...

Конференсье делает попытку уйти.

Подождите. (*Достает мячик.*) Вот, возьмите...

К о н ф е р а н с ь е. Это еще откуда? Поймала?

В е р а. Нет. Я у тетки откупила...

К о н ф е р а н с ь е. Зачем?

В е р а. Ну вы же сказали, что у вас вчера сперли... Возьмите!

К о н ф е р а н с ь е (*изумленно*). О господи! Что ж ты такая доверчивая? Нет, с тобой надо срочно заняться, а то пропадешь... Вот что! Мы сейчас пойдем к одному писателю. Владимир Лютиков. Слышала про такого?

В е р а. Нет.

К о н ф е р а н с ь е. Зря! Хороший писатель... Игру с мячиком, между прочим, он придумал... И вообще — он уникальный человек! Только не все это понимают... А ты подтвердишь.

В е р а. Как это?

К о н ф е р а н с ь е. Просто. Придешь и скажешь: “Владимир Борисович, мне очень нравится ваше творчество”. И попросишь расписаться на мячике.

В е р а. А он что?

Конферансье. А он улыбнется. Это и будет твой первый урок. Сможешь такое задание выполнить?

Вера. А чего ж тут?

Конферансье. Сначала постучишь, спросишь: “Здесь живет писатель Лютиков?”

Вера. Да что вы, ей-богу, со мной как с маленькой?

Конферансье. Нет, нет. Порепетируем.

Вера. Здесь живет писатель Лютиков?

Конферансье. Громче.

Вера (*громче*). Здесь живет писатель Лютиков?

Высвечивается левая сторона сцены. Это комната, в которой живет Лютиков.

Сам Лютиков — мужчина лет пятидесяти — укладывает чемодан.

Рядом — его жена, Зинаида.

(*Совсем громко.*) Здесь живет писатель Лютиков?

Лютиков (*недовольно*). Ну, здесь... Здесь. Входите.

Вера проходит в левую часть сцены, мнетя в дверь.

Ну, слушаю вас...

Вера (*смутившись*). Значит, так... это... Мне очень творчество ваше понравилось... Вот! (*Кладет мячик на стол.*)

Лютиков. Это вас Николай Сергеевич научил?

Вера. Да.

Лютиков. А где он сам?

Вера. Внизу стоит...

Лютиков. Тогда передайте ему, пожалуйста, что он — идиот.

Вера (*невозмутимо*). Ладно! (*Уходит.*)

Зинаида. Володя, так нельзя... Девочка не виновата.

Лютиков. Я девочку не обижал. Но вы знаете, Зина, что я ненавижу, когда меня утешают... (*Раздается стук в дверь.*) И от своих слов не отказываюсь... Идиот есть идиот! (*Схватил мяч, запустил его в дверь.*)

Дверь открывается. Мяч попадает в вошедшего Соседа. Это пожилой человек, в кителе, с мрачным лицом. Возникает пауза.

Сосед. Это как понять?

Зинаида. Ох, извините, Тихон Григорьевич... Это он так... Случайно...

Сосед (*обиженно*). Я по-соседски за примусом зашел... А меня — мячом... Что вам здесь — стадион, что ли?

Лютиков. Ну, не обижайтесь. Говорят же вам... Это ошибка. Извините. (*Протягивает примус.*) Пропу!

Сосед (*вздыхнув*). Не надо мне ваш примус. Это я так. Для начала разговора... (*Достал газету.*) Газетку сегодняшнюю читали?

Лютиков. Читал.

Сосед. И какое ваше мнение? Напрасно вас продернули или за дело?

Зинаида (*опережая мужа*). За дело, Тихон Григорьевич! Очень правильная статья...

Сосед. Признаете, значит, критику? Это — хорошо. Печать — наше самое грозное оружие... Против этого не попрешь!! Писания ваши, Владимир Борисович, получаются вредные.

Лютиков. А вы их читали?

Сосед. Зачем? Тут ясно сказано: "Кривая усмешка". Формулировка четкая. Года три назад с такой формулировочкой, что называется, — с вещами и на выход!

Лютиков (*нервно*). Что вы хотите, Тихон Григорьевич?

Сосед. Ничего не хочу... Обсуждаем! Печать выступила, мы обсуждаем. Читательская конференция. Все как положено...

Зинаида (*истуганно*). Но вам же сказали: мы признаем... Все признаем...

Лютиков (*жене*). Прекратите, Зиночка! Это — унизительно!

Сосед (*усмехнувшись*). Признать-то вы признаете. А все-таки хотелось бы знать, какие выводы собираетесь делать?

Зинаида (*растерянно*). Не понимаю. Какие выводы?

Сосед. Я хотел бы знать, дорогие соседи, какие у нас с вами будут выводы по поводу вон той комнаты, на которую мы с вами претендуем?

Лютиков. Извините, претендуете вы! Мы — в ней живем!

Сосед. Нет, дорогой Владимир Борисович, вы в ней не живете. Вы в ней только курите и храните всякие папки!

Лютиков. А уж это — мое дело.

Сосед. Как посмотреть! Если в папке нужные бумаги, это — одно, а если там разные чужие усмешки, то это, как говорится, — худую траву с поля вон!

Лютиков. Быстро вы, однако, сообразили.

Сосед. А чего ж тянуть? Я уж заявление в жилотдел подал.

Лютиков. Торопитесь, Тихон Григорьевич! Суетитесь... Зря. Я вас обрадую... Мы с Зинаидой Алексеевной, может быть, вообще уедем из Москвы. Так что со временем сможете захватить уже всю квартиру...

Сосед (*истуганно*). Всю не надо! Всю нам не утвердят! Они тогда сюда жильцов вселят... Я ведь только о комнатке говорю. Со своей же стороны, если кто спросит, готов вам дать хорошую характеристику...

Зинаида (*истуганно*). Кто спросит?

Сосед. Найдутся люди. Меня уж управдом сейчас во дворе остановил. Что это, говорит, за Лютиков у вас там такой живет? Как он? Не хулиганит?

Зинаида. А вы?

Сосед. А я сказал: пойду узнаю... С этим и пришел... А вы меня... мячом... Вот как ситуация закрутилась!

Лютиков (с угрозой). Ну ты, пошел вон отсюда!!

Зинаида. Володя, Володя, успокойтесь... (Встает между мужем и соседом.)

Лютиков. Оставьте вы меня, Зиночка! Это невыносимо — всю жизнь сдерживаться... (Соседу.) Пошел вон, тебе говорят!

Сосед. Странно, однако, формулируете, Владимир Борисович. С соседом — на “ты”, с женой — на “вы”... Нехорошо! Не по-советски все это как-то...

Слышен звонок в дверь. Все замерли, звонок повторяется.

Ну вот. Два звонка. К вам! Как говорится, ни пуха ни пера, дорогие соседи. (Уходит.)

Звонки повторяются.

Лютиков. Откройте, пожалуйста, Зиночка.

Зинаида. Я открою, Володя, если вы обещаете взять себя в руки.

Лютиков. Взят. Идите.

Зинаида идет открывать. Слышен голос Конферансье: “Здесь живет писатель Лютиков?” Голос Зинаиды: “Здесь... Проходите!” Сопровождаемые Зинаидой, входят Конферансье и Вера.

Конферансье (поднял мяч, положил на стол, с мрачным видом сел рядом). Давай, Вера, по второму разу! И не бойся никого!

Вера (глядя под ноги). Владимир Борисович, мне очень нравится ваше творчество! (Истуганно смотрит на Конферансье.)

Пауза.

Конферансье. Ну, что ты молчишь?! Улыбнись! Я обещал... Человеку нравятся твои творения. Она за этот мяч, может, последнюю трешку отдала...

Вера. Почему последнюю? У меня еще есть.

Конферансье. Не вмешивайся. Говорю: последнюю, значит, последнюю. (Лютикову.) И вступительный фельетон ей понравился... Про деревню Бурки. Верно?

Вера кивнула.

Она даже хочет туда поехать...

Лютиков (мрачно). Ну и пусть едет. Я-то при чем?

Конферансье. Скажи, с какого вокзала...

Лютиков (раздраженно). Коля, а пошел бы ты!..

Конферансье. Не груби! Мы с девочкой проводим занятия по юмору... Скажи, с какого вокзала?

Лютиков. С Павелецкого!

Конферансье. Неостроумно. Облеки в форму шутки!..

Лютиков. Тогда с Киевского.

Конферансье. Уже смешней... Почему?

Лютиков. Потому что у меня через час поезд... *(Захлопнул чемодан.)* Уезжаю я из Москвы. Насовсем! Еще вопросы есть?

Конферансье. О! Это уже интересный поворот... Вера, начинается веселая сцена. Следи за сюжетом.

Зинаида. Нет, так не годится... Вы сначала все продумайте, а потом приглашайте зрителя... Пойдем, девочка. Пойдем! Я покажу тебе эту деревню на карте... Очень веселая деревня.

Вера. А вы тоже оттуда?

Зинаида. Мы все оттуда... *(Уводит Веру в соседнюю комнату.)*

Лютиков *(гневно)*: Коля, мне твои хохмы — вот уже где! *(Жестом показывает поперек горла.)*

Конферансье. А мне — твои!!! Я бьюсь, уламываю белорусов, а он, видишь ли, бежит на родину!

Лютиков. Да! Бегу! Родной город не даст в обиду... Я там работал ветеринаром и буду работать ветеринаром...

Конферансье. Ты — писатель, Володя!

Лютиков. Я — автор, Колечка... Это разные вещи... Всякий писатель — автор, но не наоборот. Меня даже в Дом литераторов не пускают... И правильно! Где мои книжки? Нету! Есть сценки, куплеты, монологи... Все это — дым, пустота! Взрослый человек не должен заниматься ерундой! Хватит! Возвращаюсь к настоящему делу... Буду лечить собак от чумки! И никто не посмеет сказать, что у меня “кривая усмешка”. Уж какая есть! Собакам нравится. Когда я прихожу к ним, они виляют хвостами.

Конферансье *(строго)*. Все?

Лютиков. Все! И не надо меня останавливать.

Конферансье. Никто тебя не останавливает. Хочешь стать Айболитом?! Святое дело! Но сперва — свой долг перед людьми... У тебя три договора на эстраде... Два — в цирке... И еще ты обещал написать мне монолог... Мой самый главный монолог.

Лютиков *(усмехнувшись)*. Про что?

Конферансье. Не знаю. Знал бы — сам сочинил... Может быть, про эту девочку. Ей шестнадцать лет, а она еще ни разу в жизни не смеялась. Вообще не смеялась, понимаешь? Не знает, как это делается. Арифметике учили, письму тоже... А что ходить с постной рожой неприлично, никто не объяснил... Это ведь ужасно, Володя... Одно такое лицо — стершим... А сто? А тысячи? И хлынут эти мрачные толпы по мрачным улицам, и такая тоска зальет землю... Жуть! Надо учить людей жить весело...

Лютиков. Школу, что ль, прикажешь открывать?

Конферансье. А хоть бы и школу... С ироническим уклоном!
Зощенко директором сделаем, тебя — завучем...

Лютиков. А сам?

Конферансье. Сам сторожем устроюсь, следить, чтобы вы не разбежались... Тоже мне, трагедию закатил! В Дом литераторов его не пускают! Дай рубль швейцару — будешь входить, как член президиума!!

Лютиков. Я не про это...

Конферансье. А про что? Книжек нет? А у Гомера были книжки?.. А у Магомета? А у этого гения, что “Слово о полку Игореве” сочинил? Тоже, между прочим, всего лишь автор, только он — неизвестный, а тебя уже все-таки кое-кто знает...

Лютиков (*усмехнулся*). Я понял, кто ты, Коля... Великий утешитель. Горьковский Лука. Только время, извини, другое... Вокруг не босяки. Ты этого не учитываешь! Здесь не до шуточек... Вон меня уж за них из квартиры выселяют.

Конферансье. Кто?

Лютиков. Сосед. Пришел с газетой, комнату требует...

Конферансье. А ты что?

Лютиков. Ничего. Мячом — в рожу!

Конферансье. Мало! На одном приеме работаете, товарищ... Повторяетесь... Правильно вас критикуют... А ну, давай зови его...

Лютиков. Не надо, Коля. Он — опасный человек.

Конферансье. Я сам опасный, когда разозлюсь... (*Бросился к двери*.) Зинаида, Вера... Выходите!.. У нас все готово!

Зинаида (*испуганно*). Колечка, я все слышала... Не связывайся с соседом...

Конферансье (*грозно*). Не мешать!.. Вера, сейчас ты увидишь сцену у фонтана... Это называется скетч... Запомни!

Вера. Пойду я, ей-богу, от вас...

Конферансье. Куда? У нас урок! (*Сунул ей блокнот и карандаш*.) Пиши. Будешь моим секретарем... (*Выглянул за дверь, невидимому Соседу*.) Гражданин, зайдите на минуточку!... (*Зинаиде*.) Сантиметр есть?

Зинаида. Какой?

Конферансье. Любой... (*Схватил сантиметр*.)

Вера (*испуганно*). Чего я делать-то должна?

Конферансье. Еще не знаю, девочка... Главное, не мешай!.. (*Начинает сантиметром измерять стену*.)

Входит Сосед, останавливается в дверях и внимательно смотрит на Конферансье, который глубокомысленно делает какие-то замеры.

Так... Двадцать пять... на сорок два... Двести двенадцать... (*Вере*.) Записываешь?.. Так!.. Что у нас с розой ветров? Юг у вас где?

Лютиков (*указывая*). Там.

Конференсье. А север?

Лютиков (*показывая в противоположную сторону*.) Там.

Конференсье. Странно! (*Заглянул в блокнот. Вере.*) Что у нас получилось?.. Двадцать шесть по периметру?.. Многовато... Ордер на занимаемую площадь, пожалуйста!

Зинаида. Сейчас. (*Начинает искать ордер.*)

Конференсье (*подошел к Соседу, протянул руку*.) Буркин. Райжилотдел.

Сосед. Сысоев Тихон Григорьевич.

Конференсье. Вы ихний сосед?

Сосед. Так точно.

Конференсье. Кем работаете?

Сосед. В настоящее время — пенсионер.

Конференсье. Что значит “в настоящее время”? В дальнейшем хотите легчиком стать?

Сосед. Нет. Почему? Я на отдыхе... Так и пойду по этой линии.

Конференсье. Значит, вы — на вечном покое? Так и говорите...

Зинаида (*подходит*). Вот наш ордер, пожалуйста.

Конференсье (*изучая*). Так... (*Вере.*) Номер запиши! (*Лютикову.*) Ну что ж, граждане... И по ордеру, и по периметру у вас тут получают излишки. Будем уплотнять!

Лютиков. Но, позвольте, товарищ Буркин. Мне эти комнаты дал райжилотдел...

Конференсье. А я — кто?! Частная лавочка?.. Сами дали, сами взяли, сами новым отдадим... (*Соседу.*) Кстати, мне сказали: вы претендуете?

Сосед. Претендую. Я уж заявление написал...

Конференсье. Какие основания?

Сосед. Во-первых, нас с женой — двое...

Конференсье. Ну, их с женой — тоже не меньше...

Сосед (*гордо*). У меня жена пост занимает.

Конференсье. Пост надо “соблюдать”, а не “занимать”... Где работает?

Сосед. В метро. Дежурная по станции.

Конференсье. Какая станция?

Сосед. “Динамо”.

Конференсье. Это — другое дело. Это — аргумент. Команда хорошая, у нас начальник за нее болеет... Вы этот факт в заявлении указали?

Сосед. Нет.

Конференсье. Укажите! “В связи с работой жены на станции “Динамо”, которая выиграла у “Спартака”, прошу предоставить дополнительную площадь и так далее...” (*Вере.*) Пиши, Верочка... (*Соседу.*) Еще какие основания?

Сосед. Так вот, в связи со статьей в газете... *(Достает газету.)*
 “Кривая усмешка”...

Конферансье. Знаю. Читал. Ну и что?

Сосед. Видите ли, гражданин Лютиков в той комнатке практически не проживает, а хранит разные папки с бумагами... Ну, а в свете указаний печати, я считаю, площадь можно использовать в полезных целях...

Конферансье. То есть передать вам? Логично!.. Мы с этими “кривыми усмешками” будем кончать решительно и бесповоротно. У вас-то, кстати, с этим делом как?

Сосед. С чем?

Конферансье. С усмешкой. У вас она, надеюсь, прямая?

Сосед. Да я как-то не думал. Обычная.

Конферансье. Ну-ка, продемонстрируйте.

Сосед. Вы что? Серьезно?

Конферансье. А то как же!.. Давайте, гражданин, не стесняйтесь. Все равно комиссии показывать придется... Прошу!

Сосед. Ну... Ну, вот... *(Оскалится.)*

Конферансье. У! Милый!.. У вас она тоже... не очень... У вас же губа западает.

Сосед. Какая еще губа?

Конферансье. Верхняя... За нижнюю... *(Вере.)* Вот, скажи!

Вера *(угрюмо)*. Западает!

Конферансье. Ну, вот и комсомол подтвердил... Так что, гражданин, это дело пока не выйдет. Вы уж отработайте усмешку, потом претендуйте!

Сосед. Я не понимаю. Это что?.. Шутки?

Конферансье *(строго)*. Товарищ! У нас в жилотделе — очередь. Сотни трудящихся района... С правильными усмешками, как говорится, губа — к губе, ждут комнат, а мы тут будем менять шило на мыло?.. В общем, так, гражданин Сысоев: объективно — факты за вас. И жена — на посту, и роза ветров дует в вашу сторону... Но усмешка у вас тоже, извините, какая-то не совсем наша. Давайте не торопиться. Советую каждый день по два часа перед зеркалом вместо зарядки... Думаю, можно поправить. И тогда уж прошу в жилотдел. Будем разбираться. Вопросы есть?

Сосед. Нет.

Конферансье. Тогда — выполняйте.

Сосед. Слушаюсь! *(Повернулся на каблучках, вышел.)*

Наступила пауза. Зинаида, наконец не выдержав, рассмеялась.

Зинаида *(смеясь)*. Думала, умру со страха...

Конферансье *(печально)*. Это я умру... Целый день бегаешь с концерта на концерт, придешь к другу — снова представление.

(Лютикову.) Записал бы эту сценку-то... Вдвоем бы исполняли. Смешная ведь история? (Повернулся к Вере.) Ты как считаешь?

Вера молча кивнула.

Ну, вот и Вера подтверждает.

Л ю т и к о в. Только я подумал: начало в сцене надо поменять. Комнату надо мерить шагами... Так забавней. (Показывает.)

К о н ф е р а н с ь е. Тогда уж лучше так... (Передвигается по комнате, ставя носок к пятке, пятку к носку.)

Неожиданно в дверях снова появляется С о с е д, секунду изумленно смотрит на дурачащихся мужчин.

С о с е д (откашливаясь). Извиняюсь! Это что ж? Розыгрыш? А я-то, дурак, поверил... (Улыбнулся.)

К о н ф е р а н с ь е. Вот. Уже лучше, гражданин Сысоев. В лице что-то человеческое появляется...

С о с е д (мрачно). Я жаловаться буду!!! Я вам покажу... шуточки!

К о н ф е р а н с ь е (печально). А теперь снова губа западает. Скажи, Вера... (Повернулся к Вере и вдруг с удивлением увидел, что она плачет.) Ты чего, девочка?

В е р а (всхлипывая, смотрит в зеркальце). У меня тоже западает?! Тоже... (Пытается улыбнуться, не может. Плачет.)

Левая часть сцены погружается в темноту. Конференсье устало встает, проходит на эстраду, снимает фрак, туфли. Затем, ступая на цыпочках, спускается на правую часть сцены. Сейчас здесь — его квартира. Он идет тихо, стараясь не шуметь. Это ему не удается. Натякается на стул, стул падает.

Появляется его жена — М а р и я П е т р о в н а. Зажигает свет.

К о н ф е р а н с ь е (извиняющимся тоном). Черт! Мебель у нас в доме какая-то неустойчивая... Разбудил?

М а р и я П е т р о в н а. Я не спала.

К о н ф е р а н с ь е. Заснули на концерт в Мытищи. Сказали, дадут обратно автобус. Автобуса, конечно же, не было...

М а р и я П е т р о в н а. Потихе, пожалуйста. Коляшу разбудишь.

К о н ф е р а н с ь е (обрадованно). Он здесь? А где Ленка?

М а р и я П е т р о в н а. Уехала на дачу на субботу и воскресенье.

К о н ф е р а н с ь е. Что ж мальчишку не взяла?

М а р и я П е т р о в н а. У нее там какая-то встреча с сокурсниками.

К о н ф е р а н с ь е. Ну и чем же мальчик помешает?.. И потом, мы же с тобой тоже собирались на дачу...

М а р и я П е т р о в н а. Побудем в городе. Она просила...

К о н ф е р а н с ь е (ворчит). Что за сокурсники такие, которым ни ребенка, ни отца с матерью нельзя показывать? Наверно, не “сокурсники”, а “сокурсник”... Хамство!!!

Мария Петровна (*ставя перед ним сковородку*). Ешь!

Конферансье (*накидывается на еду*). Обожаю твои котлеты. Как-то ты их закручиваешь по-особенному, ей-богу!.. А Кольку свежу завтра в зоопарк... Давно обещал... (*Испуганно посмотрел на жену*.) Чего ты на меня так смотришь?

Мария Петровна (*зрустно*). Ничего. Ешь!

Конферансье (*продолжая тараторить*). Володька Лютиков новый анекдот сочинил. Отец приводит ребенка из детского сада, мать глянула — и в ужасе: “Кого ты привел? Это же не наш мальчик!” Отец посмотрел устало и говорит: “Наш, не наш... Какая разница? Все равно завтра утром обратно сдавать!” (*Хохотнул*.) Смешно?

Мария Петровна равнодушно пожала плечами.

Смешно! Я сегодня вслух рассказал — зал грохнул... Гениальный мужик этот Володька... Хотя дурак... Переживает, что романов не пишет. Роман сочинить не хитрость, а вот — анекдот... Нужны особые мозги. Гоголь, помнишь, что говорил? “Дайте анекдот, — мигом будет комедия! Дайте анекдот!” Никто не дал. Только Пушкин. Поэтому он — гений! (*Неожиданно отбросил вилку*.) Нет, почему ты на меня так смотришь?

Мария Петровна. Как я на тебя смотрю?

Конферансье. Подозрительно!

Мария Петровна. Мне интересно, как ты вырулишь на главную тему? Ты же профессионал... Ну все, подводку сделал? Объявляй номер!

Конферансье. Какой номер? Ты про что?

Мария Петровна. Администраторша твоя звонила... Просила напомнить, что у тебя завтра поезд в пять с Белорусского...

Конферансье (*огорченно*). Ну что за люди? Кто просил? Ты расстроилась?

Мария Петровна. Я привыкла не расстраиваться.

Конферансье (*пытается обнять жену*). Машенька, не злись! На юг поедем в июле. Я уже звонил в ВТО, они обещали поменять путевку...

Мария Петровна (*отстраняясь*). Самое обидное, меня даже не считаешь нужным спросить. Просто ставишь перед фактом: поедешь в июне, поедешь в июле...

Конферансье. Машенька, но ведь ты знаешь обстоятельства. Володьку надо выручать!! Его поломать — не склеишь.

Мария Петровна (*не слушая*). Мне даже не за себя обидно — за тебя. Звонил кинорежиссер. Тебя утвердили на роль в фильме... Съемки будут в июне, в Крыму... Они подстраивались под тебя...

Конферансье. Маша! Маша! Какой я киноартист? Там другие законы...

Мария Петровна (*зло*). А кто ты, Коля? Я вот смотрю и думаю: кто ты? Человек между солистами? Веселительная единица! Тебе пятьдесят с лишним лет... Жизнь прожита. Что останется? Две-три шутки, которые стареют быстрее, чем ты их придумываешь... Что за профессия — заполнять паузы?! Неужели ты не мечтаешь о чем-то другом?! Как тебя не стошнит от этого изнурительного остроумия?.. В Библии сказано: “Бойся дома, где царит смех”.

Конференсье. В Библии сказано: “Радуйся жизни и радуй других”... Библия потому и великая книга, что там одна гениальная мысль противоречит другой...

Мария Петровна (*вставая*). Ешь котлеты, Коля. Остынут. (*Уходит.*)

Конференсье некоторое время мрачно жует. Открывается дверь, появляется мальчик лет семи. Это Коляша.

Коляша. Здорово, дед!

Конференсье. Здорово. Чего не спишь?

Коляша. Я днем выспался.

Конференсье. Надо ночью...

Коляша. Ночью и так темно. Чего зря глаза закрывать?!

Конференсье. Жуткий мальчик. Богемное дитя...

Коляша. У нас сегодня в парке концерт был для детей.

Конференсье. Кто вел?

Коляша. Дяденька такой... лысый...

Конференсье. Севостьянов?

Коляша. Ага. (*Зевает.*) Он у тебя шутку спер.

Конференсье. Какую шутку?

Коляша. Про скрипача.

Конференсье. Напомни.

Коляша. Выходит и говорит: “Дети, вы любите скрипачей?” Мы кричим: “Нет!” Он говорит: “А фокусников?” Мы кричим: “Любим!” Он говорит: “Тогда сейчас выступит фокусник. Он сыграет вам на скрипке...” Я встал и сказал: “Это мой дедушка придумал!” И меня выгнали...

Конференсье. Ну и правильно! Мало ли кто что придумал? У нас в стране все общее, тем более — шутки... Не жадничать надо, а новые сочинять.

Коляша. Про что?

Конференсье. Про что жизнь подсказывает. Вот я завтра в Белоруссию еду, а что говорить, пока не придумал... Помог бы деду!

Коляша. А чего там, в Белоруссии?

Конференсье. Люди хорошо поработали, Коляша. Все болота осушили...

Коляша. Зачем?

К о н ф е р а н с ь е. Чтоб хлеб посеять. Чтоб всех комаров извести. Не любишь комаров-то, а?

К о л я ш а. Когда кусают — не люблю, а когда жужжат — ничего... Всех не надо! Попроси — не всех...

К о н ф е р а н с ь е. Ладно. Несколько штук оставим... Специально для жужжания... Ну, вот теперь с чистой совестью можешь идти спать. Дал тему для разговора...

К о л я ш а (*засыпая*). Ты за меня держись, дед... Не пропадешь...

К о н ф е р а н с ь е. А ты — за меня. (*Поднял засыпающего мальчика на руки, ушел в соседнюю комнату*)

Где-то вдали начинают раздаваться орудейные раскаты. К о н ф е р а н с ь е возвращается на эстраду. Теперь он, как обычно, во фраке и галстук-бабочке.

(*Обращаясь к зрителям.*) ...И вот, дорогие товарищи меллиораторы, я выполняю наказ своего внука и говорю: всех комаров не изводите... Польза от них небольшая, но и немалая... Зверя гоняют, человека к гимнастике приучают... (*Хлопает себя по лбу, по шее.*) А главное, они создают гармонию в природе, которую не мы создали, не нам и разрушать... Что за рыбалка без комара? А лес? А степь?.. Вот представьте... Жаркий-жаркий день, такой, как сегодня... Солнце палит... Тишина. Только вдруг одинокий комар запел над ухом свою немудреную песенку... 3-3-3!!! А услышав комара, запоет жаворонок... А услышав жаворонка, запоет скрипка... Потому что таковы законы гармонии...

Слышна скрипка.

А услышав скрипку, я объявляю следующий номер: “Венгерский танец” в исполнении Ивана Лептинского... И когда он затанцует, наступит полная гармония... в нашем концерте. Прошу, Ваня!

Свет на эстраде гаснет. Конферансье опускается в левую часть сцены. Здесь — комната для артистов. К своему выступлению готовятся П е в и ц а,

А к к о м п а н и а т о р, Л ю т и к о в, Ф о к у с н и к.

К о н ф е р а н с ь е. Что там за грохот?

П е в и ц а. Кошмар! Я всю ночь глаз не сомкнула...

А к к о м п а н и а т о р. Говорят, учения какие-то...

К о н ф е р а н с ь е. Чего ж они учатся по воскресеньям? Да еще так громко?

А к к о м п а н и а т о р. Ну, это не нам с вами решать...

К о н ф е р а н с ь е. Логично. (*Певице.*) Оля, следующий номер — ваш. (*Лютикову.*) Володя, потом наш скетч.

Л ю т и к о в. Давай текст пробежим.

К о н ф е р а н с ь е. Давай. (*Грохот.*) От черт! Отличник какой-то учится. Ну, давай... (*Отводит Лютикова в сторону.*) Значит, так: выхожу, говорю... Товарищи! Я вас хочу познакомить с моим другом. Он очень

застенчивый человек... *(Имитируя жест за кулисы.)* Ну, Владимир Борисович! Ну! *(В зал.)* Он стесняется! *(Партнеру.)* Ну, чего вы боитесь-то?! Здесь все свои... Входите...

Лютиков заклеивает пластырем голову, стесняясь, имитирует выход.

О господи, что с вами?

Лютиков. Упал в поезде.

Конференсье. Откуда?

Лютиков. С третьей полки.

Конференсье. Зачем вы туда полезли-то?

Лютиков. Мне билет туда взяли...

Конференсье. Ну как же так?.. Такой болезненный человек и залезает на третью полку?.. Поменялись бы с кем-нибудь местами.

Лютиков. С кем? Я же один в купе ехал...

Хлопнула дверь. В актерской комнате появляется Вера.

Вера. Здравствуйте!

Конференсье. Это еще что за явление? Ты откуда здесь?

Вера. На концерт пришла.

Конференсье. Пешком из Москвы?

Вера. Ну, вы скажете... Я с вами в одном поезде ехала. Только вы — в купейном, а я... в мягком. В тамбуре. *(Лютикову.)* Здравствуйте, Владимир Борисович.

Лютиков *(несколько растерянно)*. Здравствуй, Верочка.

Вера. Вы что, правда с полки упали или это так... для смеха?

Лютиков. Конечно, для смеха.

Вера. Я поняла. *(Мрачно.)* Я теперь учусь понимать шутки. Все — как вы велели, Николай Сергеевич. Я теперь знаете кто? “Буркинистка”... Сама придумала.

Лютиков *(с иронией)*. Поздравляю, Коля! От всей души поздравляю. *(Вере.)* А как же Лемешев? Не обидится?

Вера. Не должен. У него вона сколько поклонниц, а у Николая Сергеевича — никого. *(Конференсье.)* Вы мое письмо ему еще не передали?

Конференсье. Слава богу, нет... *(Достает письмо.)* Забери.

Вера. А вы можете прочесть.

Конференсье. Я чужих писем не читаю, девочка...

Вера *(взяла письмо, перечеркнула адрес карандашом, написала новый)*. Теперь оно вам.

Конференсье *(взял письмо, читает)*. “Народному артисту Буркини...” М-да. Высоко забрала...

Лютиков. С присвоением звания, Коля! Поздравляю! С тебя, как говорится, причитается...

Конферансье (*незаметно показав ему кулак*). Причитается — получишь! Не сомневайся! (*Вере*.) Ну, спасибо, девочка, обязательно прочту и отвечу. А теперь иди в зал. После концерта поговорим.

Вера. Вы не думайте. Я вам — не обуза. Я в любой момент могу исчезнуть...

Конферансье. Хочется в это верить. Иди!

Вера. Вы про поезд скетч исполнять будете или нечто другое?

Конферансье. Увидишь! Ступай, тебе говорят! Нам репетировать надо.

Вера. Ну, ну... Посмеемся. Я не прощаюсь! (*Уходит.*)

Пауза.

Лютиков. Вот, Коля, лишнее доказательство, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Конферансье (*мрачно*). Иди ты к черту! Лучше подскажи, что мне теперь делать с этой дуручкой?

Лютиков. Во избежание кривотолков, думаю, лучше всего ее официально “увнучерить”...

Конферансье. И совсем не смешно!.. Куплю ей обратный билет и отправлю домой с милицией! Сегодня же...

Лютиков (*улыбаясь*). Обидно, Коля... В кои-то веки обзавелся персональной поклонницей...

Конферансье (*строго*). Помолчи! (*Вскрывает конверт.*) Интересно, что нам, народным, люди пишут? (*Читает вслух.*) “Здравствуйте, дорогой товарищ артист! С приветом к вам Вера Захарова из города Горького. Мне исполнилось шестнадцать лет, и теперь я получу паспорт. Поэтому пишу вам как гражданин гражданину. Вы — мой идеал!..”

Лютиков (*смеясь*). Это ты — идеал?

Конферансье. Ну не ты же... (*Читает.*) “Вы — мой идеал! Так я решила, когда меня выпустили из детской колонии. Наша начальница сказала, что мы должны задуматься о жизни и выбрать себе в пример кого-нибудь из замечательных людей из нашей страны”.

Лютиков. Однако это не смешно.

Конферансье (*читает*). “Я выбрала вас, дорогой товарищ артист, потому что вы своим искусством делаете людей прекрасными, а мне сейчас это очень нужно”...

Грохот. Распахнулась дверь, в комнату вошли несколько военных во главе с Офицером.

Офицер. Товарищи! Приказываю срочно остановить концерт!

Конферансье. Что случилось?

Офицер (*тихо*). Война.

Кто-то из артистов вскрикнул.

Пауза.

Л ю т и к о в. Кто сказал?

О ф и ц е р. Я сказал. Немцы ночью бомбили Брест, Витебск, Гродно... *(Прислушивается к грохоту.)* А это уже нас... В двенадцать часов будет сообщение по радио. Необходимо, чтобы зрители немедленно покинули зал. Как пройти на сцену?

А к к о м п а н и а т о р *(показывая)*. Туда.

Офицер направляется к эстраде.

К о н ф е р а н с ь е *(Офицеру)*. Подождите! Там полторы тысячи человек... А проходы узкие... Начнется паника...

О ф и ц е р *(остановившись)*. Хорошо. Тогда объявите сами... Пусть все выйдут из зала.

К о н ф е р а н с ь е. Сейчас... Закончится номер. Секунда уже не имеет значения... *(Пошатнулся.)*

Л ю т и к о в. Коля! Возьми себя в руки... Выпей таблетку! Выпей... *(Дает ему таблетку и стакан воды.)*

К о н ф е р а н с ь е. Да подожди ты с таблетками! Шутки!! Какие у нас есть шутки на антракт?!

Л ю т и к о в. Не знаю... Не помню сейчас... Иди!

Со сцены доносятся аплодисменты. Вбегает запыхавшийся, улыбающийся Т а н ц о р.

Т а н ц о р *(Буркини)*. Николай Сергеевич, “бисовку” делать?

К о н ф е р а н с ь е. Не надо “бисовки”, Ваня! Спасибо!

Конференсье проходит на сцену, несколько секунд смотрит в зал, затем замечает, что машинально вынес с собой таблетку и стакан. Растерянно улыбается.

...Волнуюсь чего-то! Дело ответственное поручили... Антракт объявить... Вот от страха руки дрожат!.. *(Делает глоток из стакана, в зале смех.)* Вы зря смеетесь, братцы! Антракт объявить правильно — это тоже искусство!.. Не у всех получается... Тут есть несколько приемов... Старые конференсье говорили так: “Дамы и господа, сейчас в фойе состоится показ модных туалетов... Походите минут пятнадцать и посмотрите друг на друга...”

В зале смех.

К чему это я?.. А, черт! Склероз начинается... *(Глокает из стакана.)* Курить надо бросать, да и это дело *(показал на стакан)*... тоже... врачи не рекомендуют! Впрочем, не все... У меня знакомый врач, я ему сунул полсотни — он мне теперь по блату все разрешает...

Смех.

Господи, о чем же я? Жуткая профессия, братцы... Все время откуда-то старые шутки выскакивают... Как бумеранг... Помните анекдот про

австралийца, который купил новый бумеранг, а старый никак не мог выбросить? Так замучился, бедняга...

Смех.

О, до Верочки дошло... Молодец! Видите, девочка в первом ряду?.. Это — моя практикантка. Практику по юмору проходит. Специально из Москвы посмеяться приехала... Нашла время... *(Роняет стакан, смех.)* У, черт!.. Ну ничего, это к счастью... Впрочем, на счастье лучше свою посуду бить, а не государственную...

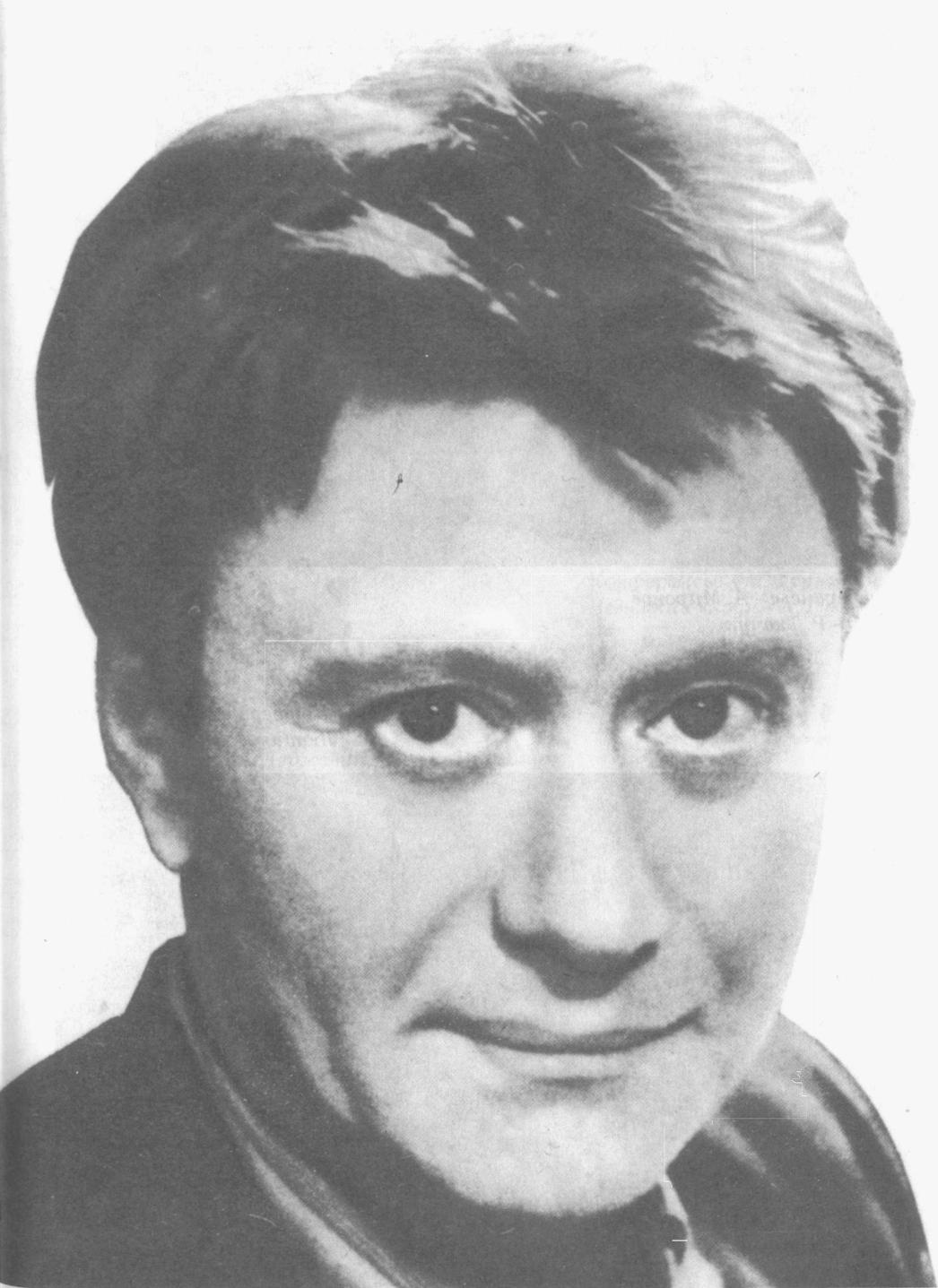
Смех.

О! Раз уж я дополз до темы государства, то теперь слушайте меня внимательно... Сейчас, братцы, действительно будет антракт! Вы все встанете со своих мест и спокойно выйдете на улицу... Там по радио передадут важное сообщение... Вы его послушаете в антракте... *(Печально.)* Это будет большой антракт, ребята! Может быть, самый большой в нашей с вами жизни... Но все равно, товарищи, это — только антракт! Он обязательно кончится, и начнется вторая часть... нашего концерта! Веселая и красивая! Я в это очень верю и вас прошу... Очень!.. А теперь идите! *(Отпускается на стул.)* А я тут посижу, сцену посторожу...

Смех.

...Ну вот! Молодцы! Главное — не унывать... Ступайте. *(Молча смотрит в зал.)*

З а н а в е с

*Режиссер—постановщик спектакля
“Прощай, конференсье!”*

*Конферансье - А. Миронов
Сосед - Р. Ткачук*

“ П р о щ а й ,

*Конферансье - А. Миронов
Лютиков - Э. Высоковский*

Конферансье - М. Державин
Немецкий клоун - А. Гузенко

К О Н Ф Е Р А Н С Ь Е ! ”

Конферансье - М. Державин, Сосед - Р. Ткачук
Лютиков - В. Высоковский, Зинаида - В. Шарыкина

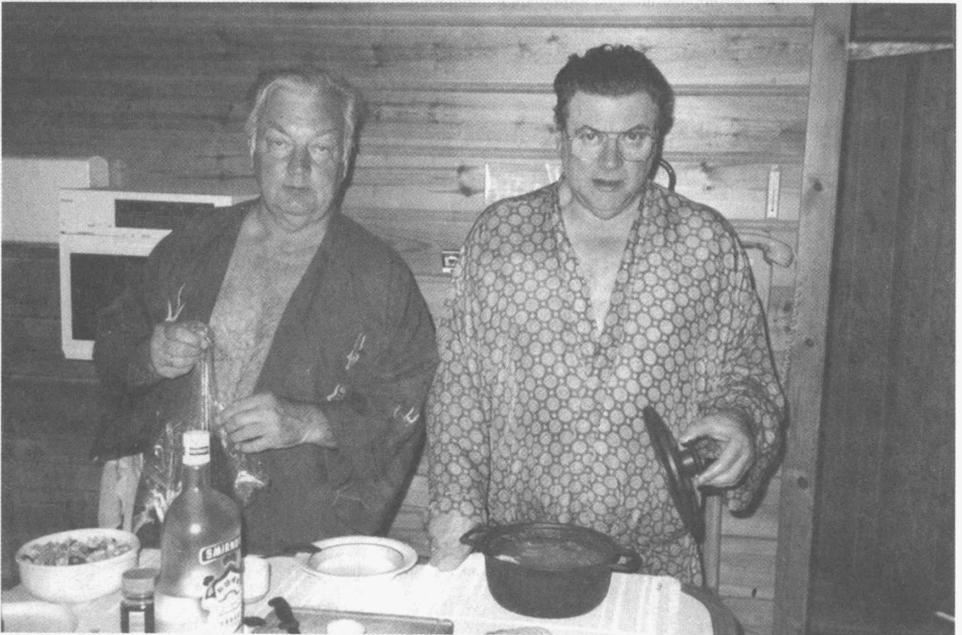
*На премиере спектакля "Прощай, конференсье!".
Режиссер и Автор.*

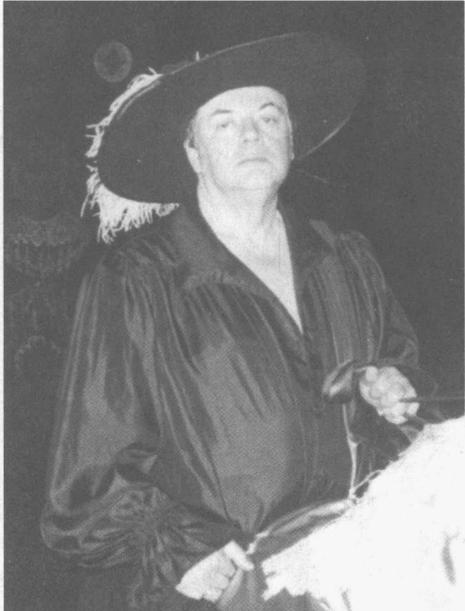
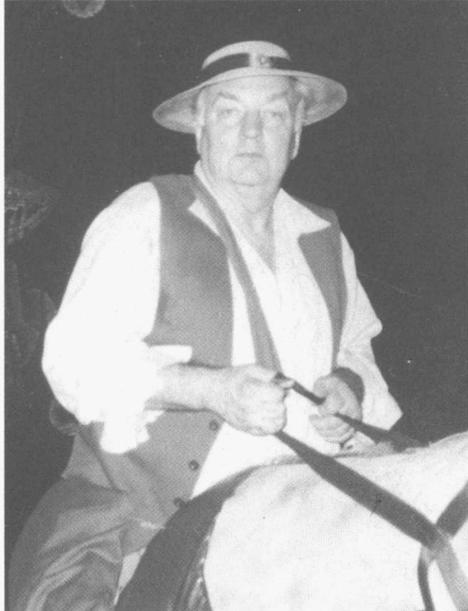
В литовском городе Шауляй, где должен был состояться последний концерт Андрея Миронова, устанавливается крест в память о великом актере.

*Михаил Державин и Александр Ширвиндт
в официальной обстановке.*

Они же — в неофициальной...

“Счастливец — Несчастливцев”

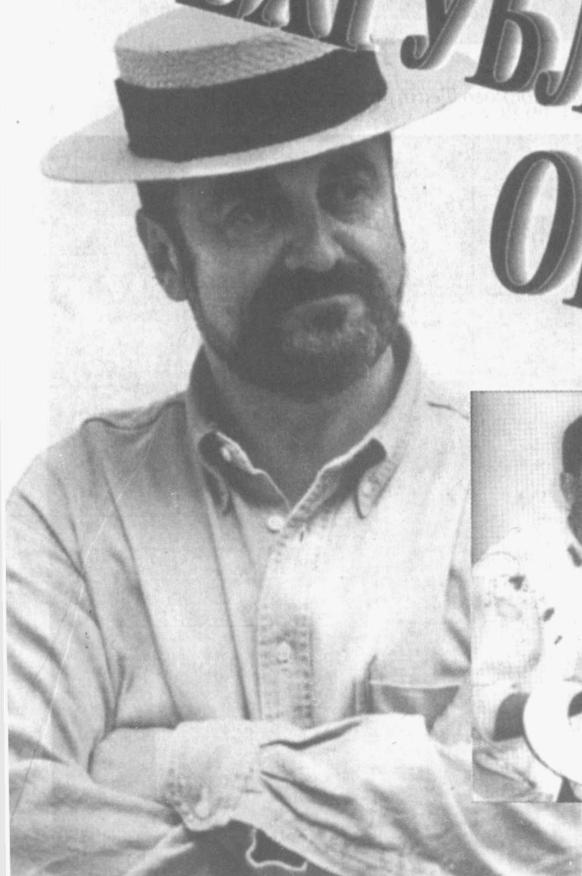
Сцены из спектакля Московского Театра сатиры 1997г.

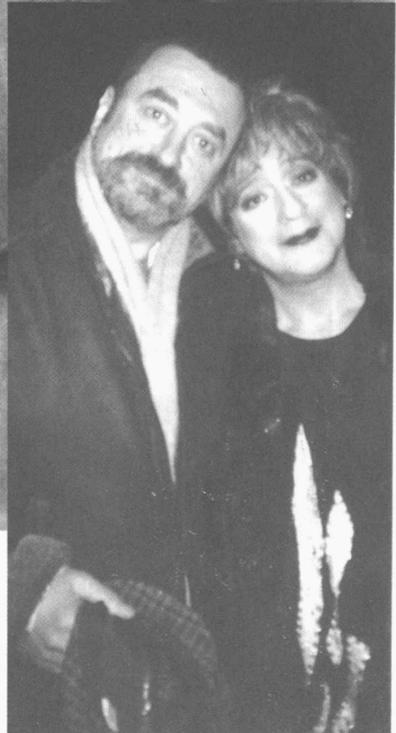

ГРИГОРИЙ
ГОРИН

ТРЕХРУБЛЕВАЯ ОПЕРА

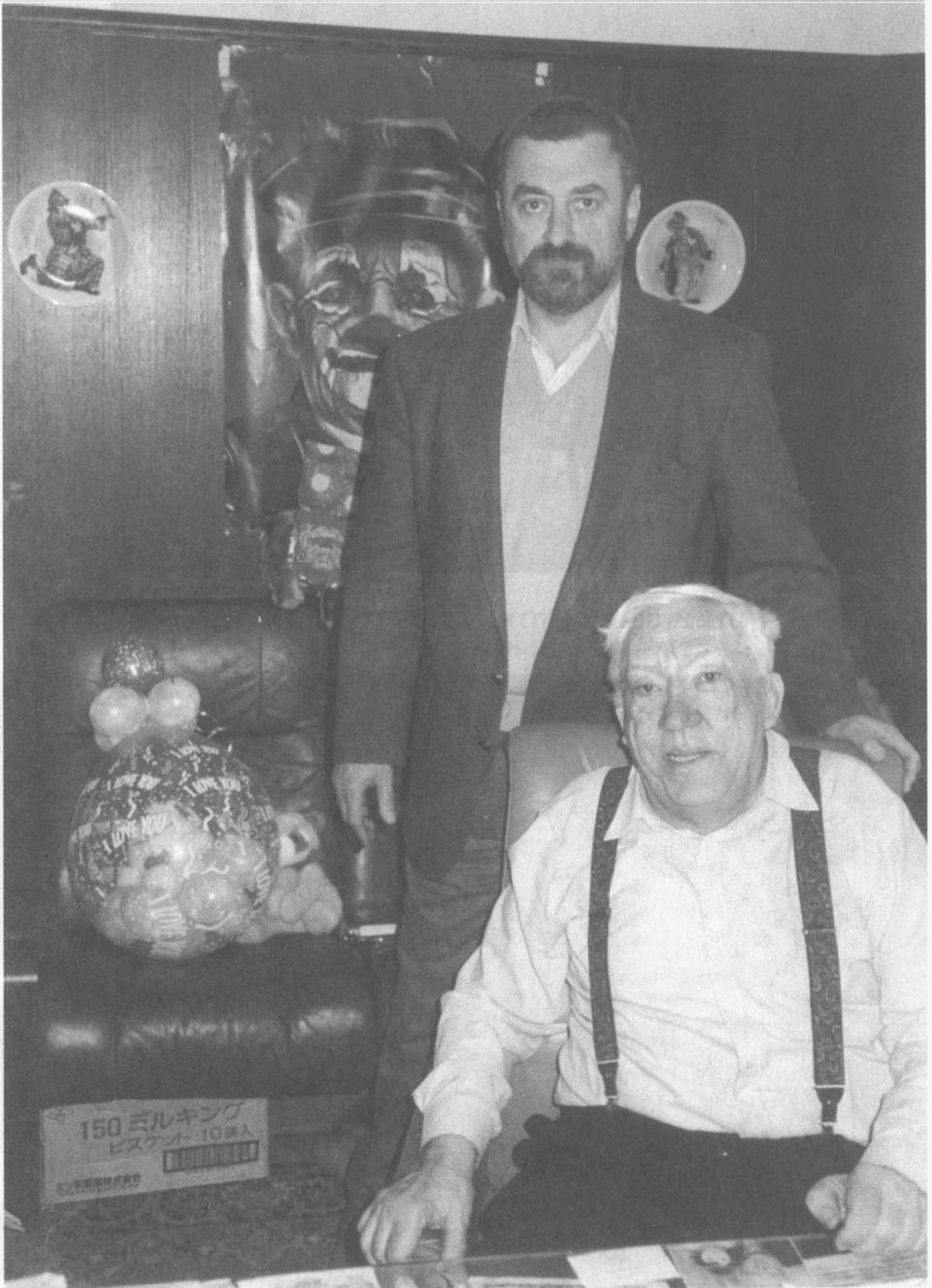
*Сценарий готов.
Осталось только найти деньги
на съемки фильма.*

*Геннадий Хазанов и
он же — в моем монологе
и дамском платье*

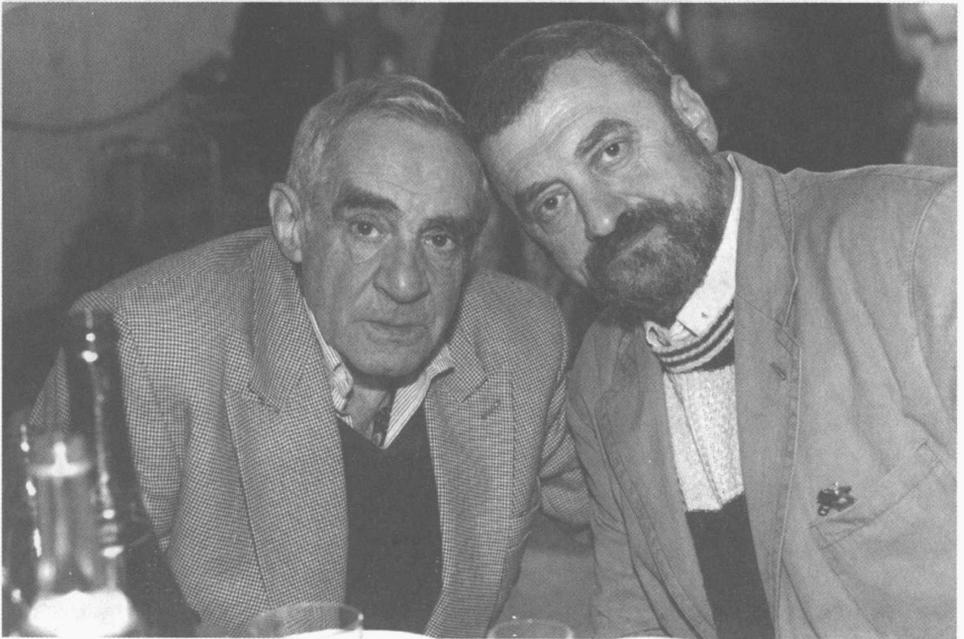
*На одесской "Юморине" с Михаилом Жванецким
и создателем "Одесских джентельменов" Валерием Хаитом.*

Короля смеха Юрия Владимировича Никулина
всегда приветствуют стоя...

Лица друзей,

для которых пишу, о которых пишу...

В концертном зале им. Чайковского.
Сяди сидят — А. Филипенко, М. Жванецкий, С. Юрский,
А. Розенбаум, А. Иванов.

С таким тылом выступать легко и приятно...

*В гримуборной театра "Ленком".
Актерская вечеринка — отмечаем день рождения Коли Караченцова.
Среди гостей — выдающийся английский актер и драматург
Питер Устинов (за столом — второй слева).*

Верный друг и соавтор, спаниель Патрик. Во время совместных прогулок в наши головы приходили интереснейшие мысли...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Оформление сцены такое же, как и в первом отделении,
только изменилась эстрадная площадка.

Сейчас она напоминает грубый, наспех сколоченный из досок, помост.
В глубине площадки виден крытый военный грузовик. Звучит аккордеон.
Полог грузовика распаивается, и под бодрую, мажорную музыку к зрителям
направляются участники концерта: Певица, Акомпаниатор,
Фокусник, Танцор, Лютиков, Поливанов и Конференсье.

Конференсье. Здравия желаю, товарищи бойцы! Вас
приветствует фронтовая концертная бригада Московской областной
филармонии!

Все (*поют*).

Концертная бригада
Приветствовать всех рада,
В гостях у вас артисты-москвичи.
И в трудную минуту
Концерт необходим нам, —
Вступительная песенка звучит!

Слышен свист летящего снаряда. На сцену вскакивает
молоденький Лейтенант.

Лейтенант (*орет*). Ложись!!

Где-то недалеко — взрыв. Все участники бригады падают на сцену.
Визг и грохот повторяются.

Лютиков (*истуганно*). Миномет?

Лейтенант (*приподняв голову*). Точно. Шестидесятый калибр.

Акомпаниатор. Двадцать пятый, не больше.

Лейтенант. А я говорю — шестидесятый...

Певица. Не спорьте с Сережей, лейтенант. У него абсолютный
слух. У шестидесятого — бас, а это — дискант...

Лютиков. Братцы, какая разница? Мне лично и двадцать пятого
за глаза хватит...

Лейтенант (*подползая к Конференсье*). Ну что, Николай
Сергеевич? Отменяем концерт.

Конференсье. Погоди, Толик. Может, обойдется?

Лейтенант. А если не обойдется?

Конференсье. А не обойдется — само отменится... Все сразу.

Лейтенант. Да вы что? Я за вас головой отвечаю.

Конферансье. Тогда пригни ее, Толик... Береги. Не будем суетиться... Актеры лежат, зрители лежат — нормальная обстановка... (Пауза.) Ну вот... Вроде стихло... (Встает.)

За ним поднимаются остальные артисты, отряхиваются.
Конферансье делает шаг вперед, обращается к залу.

Занимайте места, товарищи! Продолжим!.. Вернее — начнем сначала. Назло врагу пойдем по полной программе... (Аккомпаниатору.)
Давай, Сережа...

Вновь звучит аккордеон.

Все (поют).

Концертная бригада
Приветствовать вас рада,
В гостях у вас артисты-москвичи.
И в трудную годину
Концерт необходим нам, —
Вступительная песенка звучит!

Слышен гул самолетов.

Лейтенант (орет). Воздух! Ложись!

Все участники бригады, кроме Певицы, со вздохом вновь опускаются на эстраду.

Артистка Бутасова, выполняйте приказ!
Певица (прислушиваясь). Да это наши... Я же по звуку узнаю...
Слышите? Рэ-э!.. А у немцев — фа-а...

Лейтенант. Отставить пение! Ложись!!

Конферансье (поднимаясь). Не ляжет она, лейтенант. Я
Олю знаю. Она всю ночь платье гладила...

Певица (глядя вверх). Но ведь действительно наши... Глядите —
звезды...

Лейтенант (сердито). Все равно, артистка Бутасова, делаю вам
замечание.

Конферансье (вновь выходит вперед). Итак, товарищи,
рассаживайтесь. Продолжаем... Сережа, давай.

Лютиков (тихо). Черт с ней, со вступительной песенкой.
Пропустим. Она какая-то невезучая.

Конферансье. Нет. Теперь уже из принципа... По полной
программе...

Все (поют уже без прежнего энтузиазма).

Концертная бригада
Приветствовать вас рада,
В гостях у вас артисты-москвичи.

И в трудную годину
Концерт необходим нам, —
Вступительная песенка звучит...

Пауза. Все смотрят наверх и прислушиваются. Тишина.

К о н ф е р а н с ь е. Обошлось! Видите, товарищи, маленькая, но победа! А из маленьких — складывается большая... Итак, продолжаем концерт! Как вы уже поняли, я — конференсье! Это у нас по актерскому ранжиру вроде как старшина. Поэтому позвольте представить вам весь личный состав вверенного мне отделения. Начнем с женщин. Даже на войне, товарищи, надо быть галантным и пропускать женщин вперед... Конечно, если там, впереди, не минное поле... Итак, наша солистка, исполнительница лирических песен — Оля Бутасова. *(Поклон.)* Как видели, женщина мужественная и с характером... Вообще, судьба довольно щедро наградила Олечку, дав ей великолепный голос, голубые глаза и... замечательного мужа Сергея Бутасова, который в настоящий момент аккомпанирует ей на аккордеоне... По секрету сообщу: поженились они всего месяц назад... Так что можно сказать: это их свадебное путешествие...

П е в и ц а *(исполняет первый куплет песни).*

В лесу прифронтовом звучит аккордеон,
К забытой мирной жизни приглашая.
Пускай грохочут пушки, но наш тихий вальс-бостон
Сегодня канонаду заглушает...

К о н ф е р а н с ь е *(продолжая представлять актеров).* Справа — артист драмтеатра, заслуженный артист республики Денис Поливанов! *(Поклон.)* За долгие годы работы в театрах Денис Андреевич сыграл много ролей, пройдя трудный воинский путь от рядового матроса Шванди до фельдмаршала Кутузова... Впрочем, он вам сам об этом расскажет...

Поливанов сделал шаг вперед, громким, поставленным голосом прочел несколько строк из поэмы Маяковского, затем, строго кивнув, снова встал в строй.

Рядом — артист оригинального жанра, известный маг и чародей Виктор Гринеvский.

Фокусник под музыку начинает демонстрировать нехитрые фокусы, доставая “из воздуха” папиросы, игральные карты и прочее.

Честно скажу, в Москве долго сомневались, нужно ли включать во фронттовую бригаду фокусника? Вроде не военное искусство... Но Виктор так настаивал, так рвался сюда, к вам, приводил такие убедительные доводы...

При этих словах Фокусник извлек неизвестно откуда ручную гранату, сорвал кольцо... Змахнулся... Конференсье изображает испуг.

Витя... Витя... Не горячись... Пошутил... Брось!

Фокусник имитирует бросок гранаты, где-то вдаль слышен взрыв...

Вот такие дела!.. Одним словом, члены комиссии посоветовались, и те, кто остались в живых, решили удовлетворить просьбу артиста Гриневского... Следующим идет наш танцор — Иван Лещинский... Я вижу, в вашем полку большие поклонники его таланта. Специально для танцев вы сколотили помост... И доски клали со знанием дела... Ни одна не скрипнет... Ну что ж, Ваня, выходи, принимай работу!..

Танцор танцует.

И наконец, мой коллега, автор и исполнитель сатирических фельетонов Владимир Лютиков. Человек героической профессии. Знаете почему? В нашей программе он исполняет роль фрицев...

Лютиков надевает фашистскую фуражку, начинает смешно маршировать, скидывает руку в приветствии.

...Делает это с отвращением, но — талантливо! Поэтому убедительно прошу: даже если вас очень взволнует его искусство, стрелять во Владимира Борисовича совершенно необязательно.

Лю т и к о в (*маршируя, исполняет отрывок из фельетона*).

Я — Генрих Шульц! Я — бравый малый!

Своей земли мне нынче мало.

Хочу я Волгу и Сибирь!

Люблю российские просторы.

Себе найду в них место скоро...

Полметра — вглубь, полметра — вширь...

(*Гневно срывает фашистскую фуражку, швыряет на землю, встает в строй.*)

К о н ф е р а н с ь е. Ну, вот, товарищи, и весь состав. Немного, но, как говорится, не числом врага бьют, а умением... Вот уж полтора месяца колесим по всему фронту... Сотни полторы концертов дали... Хотя обстановка, сами понимаете, не очень располагает... Временные неудачи, отступление... Но я так скажу: на неудачах — учимся, отступая — заманиваем... Это ведь как в горку — без разбега не вскочишь! Но теперь — все! Стоп! Позади — Москва. Пора вперед!!! Так что будем считать наш концерт — привалом перед подъемом... Посидим! Помолчим перед дорогой... Впрочем, молчать необязательно. На том свете намолчимся... Пока живы, надо разговаривать или петь.

В с е (*поют*).

Пусть зал у нас — полянка,

Гримерная — землянка,

А занавес — натянутый брезент.

Концертная бригада
Споет вам, если надо,
Под пулеметный аккомпанемент...

Слышен свист летящего снаряда. Взрыв. Эстрада погружается в темноту. Слева высвечивается часть леса. Здесь на пеньке сидит В е р а, на ней — армейская шинель, через плечо — санитарная сумка.

Появляется Ко н ф е р а н с ь е с чемоданами. Не замечая Веры, направляется к грузовику.

В е р а (*вскочив*). Здравия желаю, Николай Сергеевич!

Ко н ф е р а н с ь е (*обернувшись*). Не может быть! Ты мне снишься.

В е р а (*с улыбкой*). “Буркинистка” Вера Захарова прибыла в ваше распоряжение!

Ко н ф е р а н с ь е. Врешь! Докажи.

В е р а. Документы, что ль, предъявить? Ну, вот... (*Полезла в сумку, достала оттуда мячик, кинула Конферансье.*) Держите!

Ко н ф е р а н с ь е (*поймав мяч*). Действительно ты. Ну, тогда здоров! Здорово, “буркинистка”! (*Подожел, обнял.*) Как ты здесь? Я ж тебя лично в поезд посадил и в тыл отправил...

В е р а. А я поезд повернула... Он меня до военкомата и довез. А оттуда — на курсы санинструкторов...

Ко н ф е р а н с ь е. Кто ж тебя принял в шестнадцать лет?

В е р а. У женщин возраст не спрашивают...

Ко н ф е р а н с ь е. Соврала, стало быть...

В е р а. Зачем? Вы мне сами говорили — на войне день за год идет. Так что, если все дни здесь посчитать, мне за сто перевалило... Старушечка я... (*Смеется.*) Ну, чего вы мрачный? Я же шутю...

Ко н ф е р а н с ь е. Да уж вижу... (*Удивленно рассматривает Веру.*) И давно это с тобой, девочка? Шутишь давно?

В е р а (*грустно*). Как на фронт попала. Тут, Николай Сергеевич, такое творится, что либо шутить, либо реветь... А реветь нам по уставу не положено... Вот и веселимся. Я раненым часто про вас рассказываю... Про деревню Бурки. Про то, как соседа дурачили. Помните? Смешной был дядька...

Ко н ф е р а н с ь е (*печально*). Отличный был дядька... Так я не понял, ты в этом полку, что ли?

В е р а. Нет. Сейчас я в госпитале служу. Здесь, недалеко... В семи километрах. Нам сказали, вы к нам с концертом должны приехать. Ну, меня и послали сопровождающим...

Ко н ф е р а н с ь е. Ну, тогда пошли к машине, сопровождающий.

В е р а. Нельзя. Политрук заругает.

Ко н ф е р а н с ь е. Какой еще политрук?

В е р а. Ваш. Он мне сказал: концерт отменяется. Я говорю: как же так, мы объявление повесили, с утра люди ждут? А он — нет, и точка!

Конферансье. Погоди, это кто? Толик наш? Да он славный малый. Сейчас договоримся... *(Кричит за сцену.)* Товарищ лейтенант!

Вбегает Лейтенант.

Лейтенант. Я здесь, Николай Сергеевич! *(Замечает Веру.)* Ты чего сюда? Зачем? Тебе все разъяснили... А ну, кругом! Шагом марш!

Конферансье. Погоди командовать, Толя! Погоди. У нас же был сегодня по плану концерт в госпитале?

Лейтенант. Отменили! Приказано отменить!

Конферансье. Кем?

Лейтенант. Мною! *(Переходя на доверительный тон.)* Устали люди, Николай Сергеевич... С пяти утра выступаем... У Ольги Кузьминичны совсем голос пропал... *(Отводит Конферансье в сторону.)* И потом, есть чрезвычайные обстоятельства...

Конферансье *(перебивая)*. Толик, здесь тоже обстоятельства особые... Я над этой девочкой вроде как шефство взял... Понимаешь? Ей я отказать не могу!

Лейтенант. Николай Сергеевич, здесь я командую...

Конферансье. Командуй, но с умом! Давай с людьми посоветуемся. Как решат, так и будет.

Лейтенант. Знаю я ваши "советы"! Вы кого хочешь уговорите.

Конферансье. Вот те крест, уговаривать не стану! Даже наоборот! Постараюсь отговорить... *(Кричит за кулисы.)* Товарищи!

Появляются все участники бригады.

Братцы, небольшой совет в Филях. Тут у нас по плану еще в госпитале должен быть концерт. Но мы, честно говоря, измотались... Сил никаких. Поэтому лейтенант решительно против... Девочка вот из госпиталя за нами пришла... тоже просит не ходить.

Фокусник. А вы?

Конферансье. Я тоже... Категорически! Обойдется госпиталь без нас...

Поливанов. Ну, и зачем же вы нас позвали?

Конферансье. Посоветоваться... Что, я здесь самый умный, что ль?

Лейтенант *(недовольно)*. Николай Сергеевич, вы обещали...

Конферансье. А что? Я кого уговариваю?! Наоборот, говорю: не пойдем, раз нам совесть позволяет...

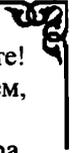
Пауза.

Танцор. Там что, люди собрались?

Вера. Конечно...

Лейтенант. Ты молчи...

Вера. Мы даже лежачих из палаток вынесли...

Лейтенант. Это — не аргумент. Как вынесли, так и унесете! *(Ко всем.)* Товарищи! Есть предложение вернуться на базу... Поужинаем, выспимся...

Лютиков *(приглядевшись к Вере)*. Погодите! Это ж Вера. *(Конференсье.)* Коля, ну что ты дурака-то валяешь? Это — Вера. *(Всем.)* Товарищи! Это — замечательная девочка... Она за нами в Минск ездила. Помните? Первые бомбежки с нами была... Нет, ей отказывать нельзя. Вы — как хотите, а я пойду...

Лейтенант. Товарищи артисты! Прошу без анархии! Рассредоточиваться запрещено. *(Жалобно.)* Давайте вернемся, товарищи! Отдохнем, наберемся сил... *(Певице.)* Ольга Кузьминична, ну скажите вы...

Певица *(сипло)*. Не могу...

Лейтенант. Ну вот, видите. И Иван Иванович ногу стер.

Танцор. Так, может, заодно там и подлечимся?! Госпиталь все-таки...

Певица *(сипло, Вере)*. У вас там стрептоцид есть?

Вера. Конечно.

Певица. Тогда я согласна.

Лейтенант. Да как вы петь-то будете?

Певица. У меня пластинка есть... Заведу!

Лейтенант *(кричит)*. Отставить! *(Снова жалобно.)* Товарищи!.. Обстановка изменилась... Я не должен был говорить, сами заставили... В общем, есть сведения — немцы прорвали фронт. Я вами рисковать не могу. Приказано вернуться в тыл...

Лютиков. Что ж вы госпиталь не эвакуируете?

Лейтенант. Это нас не касается.

Лютиков. Хорошенькое дело! Раненые лежат, а мы побежим.

Лейтенант. Отставить разговоры!

Поливанов. Ну, так тоже нельзя, голуба моя! Что вы орете? Я генералов не зря играл... Я знаю, как вести себя в предлагаемых обстоятельствах. Прорыв — это не наступление! Прорыв всегда заткнуть можно! Давай без паники! Надо трезво взвесить обстановку... *(Вере.)* Кстати, голуба моя, у вас в госпитале раны по-прежнему спиртом обрабатывают?

Вера. Да.

Поливанов. Тогда я считаю, надо ехать!!

Лейтенант *(в отчаянии)*. Все! К черту! Рапорт подам! Не могу я артистами командовать... Лучше — на передовую!

Конференсье *(с улыбкой)*. Ну, а мы тебя куда зовем, Толик? На передовую и зовем...

Свет в левой части сцены гаснет.

Конференсье проходит на авансцену. У него в руках листок бумаги.

(Как бы репетируя.) Итак, наш концерт продолжается. Сейчас мы вам исполним куплеты, которые сочинили буквально час назад, в пути. Дело в том, что по дороге к вам в госпиталь сломался наш грузовик. Застряли мы в лесу... Ну, как говорится, нет худа без добра... В минуты отчаяния нашего автора Владимира Борисовича Лютикова посетило вдохновение... И он стал сочинять песенку, которую так и назвал: “Песенка о временных неудачах”...

Зазвучал аккордеон, Конферансье начал тихо напевать, заглядывая в бумажку.

Ох, временные неудачи
Бывают так или иначе...
От них порой мы чуть не плачем,
Да что поделаешь — война...
Но временное невезенье
Нам не испортит настроенье!
Не зря бытует выраженье:
“Придут иные времена!”

Слышен рев машин. Свет на сцене усиливается. Теперь стало видно, что это — лесная поляна, в глубине которой стоит сломавшийся грузовик. Рядом расположилась вся концертная бригада. На пеньке сидит Лютиков с блокнотом в руках.

Володя, второй куплет готов?

Лютиков. Ну, кое-какие наметки есть...

Конферансье. Давай.

Лютиков *(встает рядом с Конферансье, начинает петь)*.

Давно из дома писем нету,
Наш почтальон блуждает где-то.
И ни ответа, ни привета...
Ну, что поделаешь — война...
Но знаю я: письмо найдется
И в нем, как эхо, отзовется:
“Родимый мой, все обойдется,
Придут иные времена!”

Конферансье. Молодец! Хороший рефрен... И мысль оптимистическая... Вер, как считаешь?

Вера *(уныло)*. Ага.

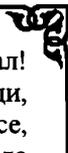
Конферансье. Не слышу бодрости в голосе!

Вера *(уныло)*. Влипли вы из-за меня, Николай Сергеевич.

Поливанов. Действительно, развели тоску... Где они, ваши “иные времена”? Может, здесь до ночи проторчим...

Вера. Зря вы меня послушали... Эх!.. Дошутились...

Вдали слышится грохот. Появляется Лейтенант. Он возбужден, активен, старается говорить нарочит о бодром тоном.

Лейтенант (*Вере*). Отставить нытье! Никто никого не слушал! Я приказал, я за все отвечаю. (*Всем, бодро.*) Ну, в общем, так, товарищи, докладываю обстановку... Все в порядке! Довел нашего шофера до шоссе, посадил на попутку... Обещал мигом слетать в штаб и пригнать другую машину. А мы давайте решать: ждать его или пойдем пешком?

Танцор. Далеко идти-то?

Лейтенант. Еще километров пять...

Фокусник. Ого! Куда с чемоданами?

Певица (*сипло*). Здесь и заночуем...

Лейтенант (*несколько растерян*). Так сами же говорили — люди ждут...

Поливанов. Теперь уж, наверное, не ждут!! Темнеет!

Лейтенант. Ну, как знаете, товарищи... Но, вообще, как-то неловко перед зрителями. (*Берет Конференсье под руку, отводит в сторону, говорит взволнованно, быстро.*) Идти надо, Николай Сергеевич! Срочно!! Я до шоссе дошел, а там — танки...

Конференсье. Чьи?

Лейтенант. Были бы наши — привел бы!..

Конференсье. А шофер где?

Лейтенант. Нету шофера... Все! Уходить надо, Николай Сергеевич! Через лес мы уйдем, я чувствую... Только без паники...

Конференсье. Ты сам только не паникуй. (*Всем, нарочито бодро.*) Товарищи, а я считаю — надо идти... Здесь через лес — прямая дорога, и, пока не совсем стемнело, мы дойдем...

Певица. Я медведей боюсь.

Конференсье. Откуда здесь медведи, Олечка? Здесь зайцы да белки... Это ж мои родные места. Тут деревня Бурки — рукой подать!..

Вера. А говорили, что из Тамбовской губернии?

Конференсье. Так это со сцены... Для смеха. Тамбовской — смешнее... А вообще я — местный... (*Лютикову.*) Ну чего ты сидишь, Володя? Пошли!

Лютиков. Дай куплет дописать...

Конференсье. Потом допишешь... Пошли, товарищи! Берем самое необходимое!

Акомпаниатор. У нас все — самое необходимое. Инструменты, реквизит...

Конференсье. Реквизит можно оставить... Шофер довезет.

Фокусник. Ну уж это дудки! У меня не реквизит, у меня — партнеры... (*Снимает с грузовика чемодан и большую клетку с голубями.*) Что я, птиц брошу? Их же сожрут при нынешней голодухе...

Лейтенант (*сердито оглядывает чемоданы и рюкзаки*). Ну, куда через лес с тюками?! (*Конференсье, тихо.*) Николай Сергеевич, пропадем...

Конферансье (*решительно*). Так! Братцы! Слушай мою команду! Все барахло оставить!!! Концертные костюмы надеть на себя!

Певица. Да вы что?! Они испачкаются...

Конферансье. Ничего! Отчистим... Зато, как придем, сразу — на сцену... (*Достаёт фрак.*) Ну! Быстрее, быстрее!! (*Одевается.*) Давненько я во фраках по лесу не бродил... (*Певице.*) Оля, ну что ты делаешь? Зачем ты третье платье на себя надеваешь?

Певица. Я — женщина, Николай Сергеевич... Я должна выглядеть. Это необходимо...

Конферансье. Ну “шпильки”-то хоть сними!.. С ума сошла! Неси в руках...

Певица. В руках — другие... Николай Сергеевич, я и так беру минимум... Обувь, платье, косметику...

Конферансье (*в отчаянии*). Какую косметику?! Оля!! Мы в окружение попали, неужели не ясно?!

Певица испуганно вскрикнула.

Пауза.

Поливанов. Не надо кричать, голуба моя. Берегите голос... Не пропадем. Из окружения прорваться можно. Тут главное — темп. Отдельные броски. Перебежки... Как вас там учили, лейтенант?

Лейтенант (*мрачно*). Не учили нас “из окружения”... Нас все больше наступать учили... Обороняться... Окружение не предусматривалось... (*Решительно.*) Ладно! Сами научимся... (*Ко всем.*) Товарищи артисты! Ввиду чрезвычайности обстановки объявляю вас воинским подразделением. Построиться!!

Артисты выстраиваются в шеренгу.

Уходить будем цепочкой! Я — впереди, санинструктор — замыкающая... Идти будем через чащу. Дороги, открытые места обходим... Товарищ Лютиков, что вы там шепчете?

Лютиков (*радостно*). Я куплет дописал.

Лейтенант. Отставить куплеты!

Конферансье. Ну ладно, Толик... Не шуми! Хорошие куплеты еще никому никогда не мешали... Тем более — в окружении. С песней и дойдем!

Лейтенант. Чтобы немец услышал?

Конферансье. А мы тихо... Для себя... Зато веселей... Запевай, Володя...

Они пошли, в костюмах, с вещами, через лес. Лютиков запел шепотом, потом подхватили все. Песня изменила ритм, превратилась в марш.

В с е (*поют*).

Когда-нибудь мы это время
Прославим в песне и в поэме!
И выйдем праздновать со всеми,
Когда закончится война...
Но и тогда припомним, верно,
Как на душе бывало скверно...
Как мы шептали в сорок первом:
“Придут иные времена!..”

Оглушительный взрыв. Все упали на землю. Песня оборвалась.
Первым поднялся Лейтенант, отряхивается.

Л е й т е н а н т. Какой дурак по лесу-то палит... Явный же недолет.

Где-то вдали новый раскат.

Это уж точно, шестидесятый калибр... Басит на всю округу... Верно,
Ольга Кузьминична?.. Ольга Кузьминична? Слышите?

А к к о м п а н и а т о р (*подшел к Певице, склонился*). Почему она
не встает? Оля... Ребята, что с ней?.. Почему?! Оля...

Все молча склонились над Певицей.

Конференсье выходит на авансцену, печально смотрит в зал.

К о н ф е р а н с ь е (*в зал*). Итак, наш концерт продолжается... Здесь
ко мне товарищи обратились с просьбой, чтобы выступила наша певица
Ольга Бутасова. К сожалению, Оля выступить не сможет... У нее пропал
голос... Сами понимаете, на фронте для вокалистов условия не очень...
Сквозняки... Но мы вот что придумали. У Бутасовой перед войной выпла
первая пластинка... Сейчас мы ее поставим на патефон, а Олю попросим
посидеть рядом... Так что вы певицу и увидите, и услышите. Конечно,
это не то, что живой голос, но все-таки...

Конференсье заводит патефон. Певица поднимается на эстраду,
молча садится рядом. Звучит песня.

Конференсье возвращается к остальным участникам бригады, и, пока звучит
песня, они молча идут через лес. Наконец пластинка кончилась,
свет на сцене усиливается.

Л е й т е н а н т. Стоп! Там, впереди, поле... Все остаесться здесь, а я
пойду посмотрю, куда притопали.

В е р а. Давайте я сбегаю... Я местность знаю.

Л е й т е н а н т (*стараясь быть грозным*). Всем оставаться здесь
и не рассредоточиваться!.. Я — мигом! (*Уходит.*)

Все устало садятся. Танцор снимает сапог, отрывает подметку.

Т а н ц о р. Все! Отплясался сапужок... Надо будет новый просить...
К о н ф е р а н с ь е. Айседора Дункан босиком танцевала...

Танцор. Так не цыганочку же... В цыганочке перестук — важная вещь... Видно, придется менять репертуар.

Фокусник. Давно пора...

Вера (*снимает сапог*). Возьмите мой, Иван Иваныч.

Танцор. Да брось ты...

Вера. Ну пожалуйста. Он мне все равно велик... Возьмите!

Конферансье. Перестань, Вера! Перестань виниться... Здесь виноватых нет.

Акомпаниатор вдруг встал, открыл футляр, достал аккордеон, подошел к оврагу, с силой швырнул инструмент вниз. Все вскочили.

Сережа! Что ты делаешь?!

Акомпаниатор (*спокойно*). Все нормально.

Конферансье. Держи себя в руках! Нам надо еще работать. Много работать...

Акомпаниатор. На этом все равно играть уже не смогу...

Конферансье. Почему?

Акомпаниатор. Он — немецкий...

Пауза.

Конферансье. Ну, как знаешь... Добудем тебе новый... Я в штабе видел баян. Ты ведь и на баяне можешь?

Акомпаниатор. Попробую...

Танцор (*бросился к обрыву*). Расколошматить уж тогда его к чертям собачьим! Пройтись по клавишам... Эх!

Акомпаниатор (*резко*). Перестань!.. Это хороший аккордеон. Фирма “Блюмфельд”... Отличная фирма...

Фокусник (*поставил клетку с голубями перед собой, печально смотрит на птиц*). Ну что, партнеры, будем прощаться! Нам — уходить, вам — улетать... Каждому свое. (*Обращается к артистам*.) Вот что значит узльская порода... Чистокровные англичане... И характер такой: спокойствие, невозмутимость... (*Целует голубей*.) Ну что? Гуд бай, ребятки... Гуд бай.

Лютиков. Подожди, Витя... Если ты их выпустишь, они домой вернуться?

Фокусник. Если немцы не собьют, то конечно... Хотя где у них дом? У артиста дом на колесах...

Лютиков. Нет, филармонию найдут... Я уверен... Я к тому, что тогда я записку Зиночке бы написал... Она там с ума сходит...

Поливанов. И я бы своим черкнул...

Танцор. И я.

Фокусник. Да вы что? Это ж не почтовый самолет. Маленькую записку... Два-три слова...

Поливанов (*Лютикову*). Пишите, Владимир Борисович! Пишите ото всех... От всей бригады. Чтоб красиво... И со значением!

Л ю т и к о в *(доставая блокнот, карандаш)*. Что писать-то?

П о л и в а н о в. Ну, не мне вас учить, голуба. Вы — писатель.

Л ю т и к о в *(начинает сочинять)*. “Концертная бригада Московской областной филармонии... В составе...” *(Нервно зачеркивает.)* Нет, к черту эту казенщину... Напишем просто: “Дорогие друзья, вам передают привет...” *(Зачеркнул.)* Какой привет? Что за чушь?! Надо теплее... человечнее... “Братья и сестры... Родные... Зиночка моя дорогая...” *(Ломает карандаш, в отчаянии швыряет его на землю.)* Не могу!!! Оставьте меня в покое... Не писатель я. Я — автор...

К о н ф е р а н с ь е. Ну, не мучайся, Володя... В таких условиях и Толстой бы не сочинил... *(Фокуснику.)* И голубей я бы пока оставил, Витя... Пригодятся еще. Будут еще концерты... Я верю...

Возвращается Л е й т е н а н т. Он деловит и сосредоточен.

Л е й т е н а н т. Значит, так, товарищи... Полная ясность. Вперед нам идти не надо. Мы немножко сбились... Сейчас рассредоточимся... Вы будете уходить влево, я останусь здесь...

П о л и в а н о в. Подождите, голуба... Давайте уточним обстановку...

Л е й т е н а н т *(переходя на крик)*. Отставить вопросы!.. Хватит мне вашей самодеятельности! Довыступались!! Теперь — бой! Теперь слушай мою команду!.. Там, на дороге, мотоцикл... Понимаете? Похоже, лес они прочесывать собираются... Поэтому базар отменяем!.. Вы уходите влево, через овраг... Вы — штатские. Вас вообще трогать не имеют права. Женевская конвенция есть... Нам объясняли... А я — военный. У меня приказ — головой за вас отвечать... Вот так!!!

А к к о м п а н и а т о р *(вышел вперед)*. Я с тобой, Толик, останусь.

Л е й т е н а н т. Уйди! *(Конференсье.)* Уведите его, Николай Сергеевич... *(Аккомпаниатору.)* Ну, глупо тебе здесь оставаться, музыкант!.. На кой ты мне сдался? У меня и пистолет-то один.

А к к о м п а н и а т о р *(спокойно)*. Ничего. Мы по очереди...

В е р а *(вдруг уставилась взглядом куда-то в глубину леса и вскрикнула, указывая пальцем)*. Немцы!!

Все обернулись в указанном направлении. Вера инстинктивно бросилась к Конференсье, прижалась к нему.

(Шепотом.) Немцы!

К о н ф е р а н с ь е *(обнял ее за плечи, успокаивает)*. Ну что ты, девочка? Ну, немцы... Не медведи же!.. Тоже, в общем, люди...

И, как бы в подтверждение этих слов, вдруг звучит веселая, озорная музыка. Концертная бригада исчезает во тьме... Зато на эстраду выскакивает смешной господин в клоунском наряде, огромных башмаках и рыжем парике. Это —

К л о у н О т т о. Его эксцентрический номер сопровождают несколько танцующих девиц.

Отто. Добрый вечер, господа! Вас приветствует выездная команда мюнхенского кабаре “Симплициссимус” и конферансье — клоун Отто Шутке! Прошу не рифмовать “Шутке” с “жутким”, а “Отто” — с “идиотто”! Хотя это просится... Впрочем, рифмуйте, ребята, я не обидчив... Вы меня узнали, да? Ну, привет... Что вы сказали? Что? А! Я — полный ретин?! Верно, голубчик! Это я еще похудел... *(Танцует, поет.)*

Привет из кабаре,
Где шутки не смолкают.
Привет из кабаре,
Где трезвых не бывает!
Привет из кабаре,
Где песенки поются,
Куда приходишь ты,
А деньги остаются...

Вас, наверное, удивляет, чего это я намазал лицо и приклеил нос?.. Ребята, если я все это сниму, будет еще страшнее... Меня поэтому даже в армию не взяли... На призывном пункте обнаружили близорукость, дальнююность, частичное плоскостопие и полное плоскопопие... И главное — не смогли установить пол... Вызывали профессора с микроскопом! Не знаю, что он там увидел, но дал мне отличную характеристику. “Господа, — сказал он, — не знаю, кто это, но вижу, что, слава богу, не еврей”... *(Танцует, поет.)*

Привет из кабаре,
Где девушки танцуют.
Привет из кабаре,
Где жены не ночуют.
Привет из кабаре,
Где песенки поются,
Куда приходишь ты,
А деньги остаются...

Кстати, о женах. Вы, наверное, скучаете по своим, я по своей милашке тоже... У меня с собой ее снимок... Вот! Не удивляйтесь, что рентгеновский, на фото она хуже получается! Вообще, она красивая женщина... Вот такие глаза... *(Жест возле груди.)* И вот такая душа... *(Жест у бедер.)* Но главное ее достоинство — рост! Два с лишним метра... Поэтому для поцелуя я встаю на табуретку. А поцелую такие жаркие, что она вышибает у меня из-под ног табуретку, и тогда я парю в засосе, как ангел, пока она меня не выплюнет!.. *(Плачет.)* Она меня настроила на лирическую ноту. Сейчас, господа, наступит самый страшный момент. Я буду играть на скрипке... нервных прошу сразу удалиться!.. Контуженных нет? Ну ничего. Сейчас могут быть! Я закрою глаза, чтобы не видеть, как вы мучаетесь...

Начинает играть печальную мелодию.

Это старая баварская песенка... Над ней плакала еще моя прабабушка, очевидно предполагая, что я когда-то буду ее исполнять... Она мне говорила: радуйся жизни, Отто! Пока ты ею недоволен, она и проходит... И еще она мне говорила: не торопись на тот свет! Там вряд ли лучше, чем здесь, иначе здесь никого бы не осталось... Вот так, солдаты! (Поет.)

Привет из кабаре,
Где шутки не смолкают.
Привет из кабаре,
Где мертвых не бывает.
Привет из кабаре,
Где песенки поются,
Куда тебе и мне
Дай бог еще вернуться...

Отто проходит в комнату для артистов, садится перед зеркалом, устало снимает парик, отклеивает нос. Стук в дверь. Немецкий солдат вводит Конференсье. Вскидывает руку в фашистском приветствии. Отто кивает в ответ, тихо что-то говорит по-немецки. Солдат выходит.

Отто. Садитесь, пожалуйста.

Конференсье садится.

Люди из контрразведки сказали, что вы — артист. Это правда?

Конференсье. Да.

Отто. Ваша фамилия — Буркини. Вы итальянец?

Конференсье. Нет. Русский.

Отто. В двадцатых годах я часто бывал в Петербурге и видел в кабаре “Кривое зеркало” одного замечательного артиста... Тоже Буркини...

Конференсье. Это мой отец.

Отто. Он жив?

Конференсье. Умер.

Отто. Жаль... Профессионал высокого класса. Помню, он работал замечательный номер с шариками... Начинать говорить, а изо рта вылезал шарик... Потом другой... третий... (Смеется.) Кстати, как он это делал?

Конференсье. Имитация... Шарик был один и тот же... (Замечает на столе шарик.) Разрешите?

Отто. Да. Конечно...

Конференсье. Примерно так... (Достает изо рта шарик, кидает его в сторону. Слышен стук упавшего шарика. Открывает рот — шарик на месте.)

Отто. Bravo! Хороший трюк... Еще он смешно бил чечетку... Как-то так... (Показывает.)

Конференсье (чуть улыбнулся). Похоже. Только левую ногу надо больше тянуть... Раз-два-три... Раз-два-три... (Показывает.)

Отто наблюдает, потом пристраивается. Секунду они бьют чечетку вместе.

Потом останавливаются, внимательно смотрят друг на друга.

Отто (*сухо*). Прошу есть!

Конферансье отходит в угол, садится на стул.

Ну, что будем делать, коллега?

Конферансье нерешительно пожимает плечами.

Сколько с вами артистов?

Конферансье. Пятеро.

Отто. Что за люди?

Конферансье. Хорошие люди.

Отто (*резко*). Конкретнее! (*Чуть смутившись*.) Извините, что допрашиваю, это необходимо.

Конферансье. Да, да. Я понимаю... Мой партнер — комик Лютиков. Фокусник. Чтец. Танцор. И девочка...

Отто. Жанр?

Конферансье. Она не артистка... Она случайно с нами... В общем, это моя поклонница.

Отто (*усмехнулся*). Вы ездите на фронт с поклонницами?

Конферансье. Случается... У нас народ любит эстраду...

Отто. У нас тоже... Я работаю в мюнхенском "Симплиссимусе"... Слышали про такое кабаре? Когда-то мы гастролировали в России. С большим успехом. У вас легко работать. Зритель наивен и доброжелателен. (*Пауза*.) Так что ж нам делать, коллега?.. Забавная ситуация, не правда ли?

Конферансье. Для нас — не очень...

Отто. Для меня, честно говоря, тоже... Я бы не хотел, чтоб с вами обошлись как с военнопленными... Вы понимаете, о чем речь? Мы — артисты и должны поступать как люди, служащие искусству... Это — мой принцип!.. Я пользуюсь здесь кое-каким влиянием. Командир дивизии — мой поклонник... (*Усмехнулся*.) Вроде вашей девочки... Это он приказал передать вас в мое распоряжение. Поэтому вас не погонят в лагерь, не заставят рыть окопы и будут кормить... Вас еще не кормили?

Конферансье. Нет.

Отто. Будут! Конечно, без икры и водки... Вы там привыкли, я знаю... Говорят, у вас артисты на особом довольствии? Но сейчас — война... Уж извините, потерпите... Так вот, коллега, у меня есть давняя идея. Думаю, она вам понравится... Я хочу открыть в Мюнхене международное кабаре! Лучшие номера европейской эстрады... Французской, польской... русской... Интершоу!.. А?! Шикарная идея?

Конферансье. Вы для этого решили захватить Европу?

Отто. Что?.. (*Засмеялся*.) Это надо записать. Дарите репризу?

К о н ф е р а н с ь е. Берите, мне она вряд ли пригодится...

О т т о (*азартно*). Я хочу сделать каскад комиков... Парад шутов. Уленшпигель, Пьеро, русский Петрушка... Живое народное веселье. Людям надо как-то сохранить импульс жизни! Когда-нибудь эта ужасная война кончится, и тогда они вспомнят нас добрым словом! Ну что? Идете в дело?

К о н ф е р а н с ь е. После войны — с удовольствием...

О т т о. А сейчас — нет? Почему?

К о н ф е р а н с ь е. Мне трудно будет вам объяснить. У нас немножко разный подход...

О т т о. Только не надо демагогии и лозунгов! Пусть военные колошматят друг друга... У них своя профессия, у нас — своя... Надо честно заниматься своим делом, и тогда кровь и дерьмо к тебе не липнут! Скрипач играет Моцарта... Чей скрипач? Неважно! Лишь бы Моцарт звучал как Моцарт, тогда он не ваш, не наш, а принадлежит господу богу! Вы со мной не согласны?

К о н ф е р а н с ь е. Про Моцарта судить не берусь, а наше ремесло конкретное...

О т т о. Поясните.

К о н ф е р а н с ь е. Я своими шутками улучшаю настроение! Мне бы очень не хотелось, чтобы ваши солдаты в хорошем настроении стреляли в наших...

О т т о. Я же просил: без демагогии! Надеюсь, вы беспартийный?

К о н ф е р а н с ь е. Да.

О т т о. Я тоже. Это должно нас объединять.

К о н ф е р а н с ь е. Конечно. Но все-таки мы с вами в разные партии не вступили...

О т т о (*хмыкнул*). Эту репризу я записывать не стану. За нее могут и повесить... (*Неожиданно нервно*.) Здесь вообще вешают довольно часто, коллега! Если б в Мюнхене мне кто-то сказал про это, я бы никогда не поверил. Но теперь я все видел сам. Оказалось, мы, немцы, вешаем людей так же аккуратно, как белье на просушку... (*Вскочил, начал расхаживать по комнате*.) Что вы хотите от меня, Буркини? Я не по своей воле взял над вами шефство. Это — приказ. Теперь я за вас отвечаю. Вас надо куда-то деть... Я вам предлагаю работу, еду... Чего еще?!

К о н ф е р а н с ь е (*доверительно*). Слушай, коллега! У нас есть такая опера “Князь Игорь”... Там князю хан говорит: “Хочешь, возьми коня любого, возьми любой шатер...” А наш, знаешь, что в ответ: “Отпусти ты меня, хан, за ради бога!”

О т т о. Отпустить? Куда? Вы думаете, так просто перейти линию фронта?

К о н ф е р а н с ь е. Это уж не твоя печаль. Отпусти! И нам проще, и тебе не мучиться... Давай дальше веселить: ты — своих, я — своих и посмотрим, кто посмеется последним...

Отто. Это невозможно. Лучше хорошо обдумайте мое предложение.

Конферансье. Я — не тугодум. Что решил, то решил...

Отто. Вам нравится рыть траншеи в мерзлой земле?

Конферансье. А что? Я из мужиков... Люблю копать...

Отто *(неожиданно зло)*. Стыдно, коллега! Вы уже немолодой человек. Что вы корчите из себя героя?.. Вы что, не понимаете, чем вам это грозит?.. Вы работали в действующей армии... Для нас вы — политработник... *(Достал пистолет.)* А ну, встать! К стене! Руки на голову! *(Заорал.)* Считаю до трех... До двух... Вообще не считаю! *(Нажимает курок пистолета. Раздается щелчок, из дула пистолета, медленно надуваясь, вылезает воздушный шарик и пиццит. Пауза.)* Скажите честно, вы сразу поняли, что пистолет ненастоящий? Вы это сразу поняли?

Конферансье *(устало)*. Конечно...

Отто. Однако побледнели достаточно натурально...

Конферансье. Я думал, он водой брызнет, а я этого не люблю. *(С трудом опускается на стул.)*

Возникает пауза, в течение которой Отто с любопытством разглядывает Конферансье.

Отто. У вас есть дети?

Конферансье. Даже внук.

Отто. Вы его очень любите?

Конферансье. Идиотский вопрос.

Отто. Тогда поклянитесь его жизнью, что наш разговор останется между нами.

Конферансье. Я не склонен к мистике. Ни к какой мистике.

Отто. А я — склонен. Я верю в клятвы, и, если вы дорожите жизнью мальчика, вы ее не нарушите... У меня тоже есть мальчик, и я не хочу, чтоб он осиротел... Клянётесь или нет?

Конферансье. Хорошо... Клянусь.

Отто *(подошел к двери, выглянул, не подслушивает ли кто, вернулся, начал переодеваться, говоря при этом быстро и деловито)*. Я попытаюсь вам помочь. Но для этого вам все-таки придется выступить. Один раз... Через неделю у нас большой национальный праздник. Ожидается приезд больших гостей из Берлина. Здесь, в городе, состоится концерт. Я включу вас в программу. Подготовите со своими артистами несколько номеров. Фокусы, пантомима... Ну, в общем, что хотите... Главное — повеселее... Я хочу показать вас своему генералу. Вы должны ему понравиться. Впрочем, это не трудно. Он смешлив, как ребенок. Далее я уговорю его выписать вам пропуск к линии фронта... Для выступлений. Вам дадут грузовик с одним шофером... Понимаете? Если вы убежите во время обстрела или бомбежки, мне уже будет безразлично. Я к тому времени буду далеко. Все! Вопросы есть?

К о н ф е р а н с ь е. Девочку можете отпустить?

О т т о. Для вас это важно?

К о н ф е р а н с ь е. Очень.

О т т о. Хорошо. Девочку отпустят сегодня же.

К о н ф е р а н с ь е. Можно и завтра. Я бы хотел попрощаться...

О т т о (*с усмешкой*). О, да вы сентиментальны... Ладно. Девочку отпустят. Незачем ей присутствовать на репетициях. Пусть уж остается вашей поклонницей до конца. Видите, я даже забочусь о вашей репутации...

К о н ф е р а н с ь е. Спасибо. Вы очень добры...

О т т о. Останутся актеры!.. Ну, кроме вашего танцора... Он — цыган. А цыгане у нас, как вам известно, подлежат... изоляции.

К о н ф е р а н с ь е (*вскочив*). Ваня? Да вы что!.. Он — русский. Это он так... покрасился для номера.

О т т о. Поздно, коллега... Уже поздно! Его увели. Я же вам объяснял: на фронте некоторые номера не проходят!.. (*Застегнул мундир, надел фуражку и теперь выглядит как обыкновенный офицер германской армии.*) За работу, коллега! Не тратьте время на эмоции. За работу!

Конференсье тяжело поднимается на эстраду. Звучит музыка. Где-то вдалеке, словно в его сознании, с танцем проходит Т а н ц о р.

Конференсье молча провожает его взглядом, потом, повернувшись к залу, начинает говорить по-немецки, мучительно произнося слова.

К о н ф е р а н с ь е. ...Гутен абенд, манне либен хери. Их бин конференсье... Майне наме ист Буркини... Николай Буркини...

Свет на эстраде гаснет.

Высвечивается правая сторона сцены. Сейчас это — гримуборные клуба, в котором проходит концерт. Ф о к у с н и к перед зеркалом надевает костюм индийского факира, готовясь к своему номеру. Рядом с ним — клетка с голубями. Здесь же О т т о, в клоунском наряде, нервно расхаживает по комнате, прислушиваясь к звукам, доносящимся со сцены. Оттуда слышны обрывки куплетов, исполняемых по-немецки. Пение сопровождается шумом зала, выкриками, свистом.

О т т о. Плохо, господа! Очень плохо!.. Так куплеты не поют. Так поют реквием... О боже, и слова путают!.. Это нарочно? (*Фокуснику*) Я вас спрашиваю! Нарочно?!

Ф о к у с н и к. Трудно им, господин клоун. Аудитория чужая...

О т т о (*зло*). Профессионализм, коллега, в том и состоит, чтобы любую аудиторию делать своей...

Из зала неожиданно доносятся громкий смех и аплодисменты.

Ф о к у с н и к. Ну вот... Аплодируют...

О т т о (*удовлетворенно*). Значит, когда хотят, могут.

Вновь слышен взрыв смеха.

Браво! Молодцы! Я же говорил: наша публика настроена на веселье, надо лишь нащупать контакт.

Оглушительный свист. В гримборную вбегают Конферансье, Лютиков и Полванов. На них — несурзные костюмы: полосатые сюртуки, короткие панталоны, канотье. Лютиков размазывает по лицу красноватую жидкость.

Что случилось? (*Лютикову*.) Вы ранены?

Лютиков (*утираясь*). Помидоры, господин Отто... Кидаются помидорами...

Отто (*с усмешкой*). А я-то гадал, откуда такой успех? (*Снял с плеча Лютикова расквашенный помидор*.) Скажите спасибо, что вас не пристрелили на первом же куплете... В чем дело, господин Буркини? Мне были обещаны веселые номера!

Конферансье. Стараемся как можем...

Отто. Плохо стараетесь!.. Запомните, господа, если представление и дальше пойдет в таком же духе, я прерву концерт. И объявлю со сцены, что русские артисты занимаются саботажем. Вы понимаете, чем это грозит?!

Конферансье (*устало*). Шли б вы на сцену, господин клоун... Не надо тянуть паузу.

Отто. Так и объявлю: саботаж!!! (*Неожиданно улыбнулся*.) Соберитесь, господа, соберитесь... Халтура — не самое сильное оружие в борьбе с германской армией... (*Фокуснику*.) Ваш выход, господин фокусник.

Фокусник поднял клетку с голубями, нерешительно направился к выходу.

Конферансье. С богом, Витя... (*Дружески похлопал Фокусника по плечу*.)

Из рукава Фокусника выпала карта.

Отто (*зло*). Не роняйте реквизит. И не дрожите так! Вы — индийский факир! Вы — ариец, черт бы вас добрал!! О, мой бог, зачем я с вами связался?! (*Поднимает высоко в руке помидор, меняется в лице и визгливо кричит, как бы входя в образ клоуна*.) О-ля-ля! Майн либен томатен! Майн либен томатен!

Уходит в сопровождении Фокусника.

Пауза.

Конферансье (*отряхивая одежду*). Сволочи! Людям жрать нечего, а они помидоры портят...

Лютиков (*сорвал с головы шляпу, швырнул ее в угол*). Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу их, ненавижу себя, ненавижу эстраду!!! Это —

худшая из пыток... (*Поднял глаза к небу.*) Господи, ну почему ты не послал меня в лагерь? Я ведь так немного просил: лагерь... Обыкновенный лагерь...

К о н ф е р а н с ь е (*тихо*). Кончай истерику, Володя. Может, и будет еще лагерь, не торопись... Самое обидное, что немец по-своему прав. Пели мы действительно скверно. Танцевали — и того хуже... (*Поливанову.*) Денис Андреевич, это я и вам говорю... Как медведь, ей-богу... Топ-топ! За вами все-таки академический театр, голуба моя! Надо держать марку!

П о л и в а н о в (*мрачно*). В академическом театре кордебалет не предусмотрен. И вообще. Все! Баста! Я на сцену больше не выйду. Стар я уже ножками-то дрыгать... О душе подумать пора.

К о н ф е р а н с ь е. Ну, успокойтесь, Денис Андреевич... Ну хорошо... Танцев больше не будет. Стихи прочтете, и все...

П о л и в а н о в. Никаких стихов. (*Отшвырнул книгу*). Недостойны! Я ихнего Гете читать отказываюсь...

К о н ф е р а н с ь е. Ну почему “ихнего”?.. Он не только “ихний”... (*Открыл книгу, читает.*)

Ночные страхи мчались с нами,
Но был я весел, бодр мой конь.
В моей душе какое пламя!
В моей душе какой огонь!

Это и по-русски звучит... Нет, Денис Андреевич, вам проще... За вами — классика. А нам с Володей в интермедии кривляться...

Л ю т и к о в (*жалобно*). Коля... Милый... Извини... Я интермедию играть не смогу...

К о н ф е р а н с ь е (*устало*). Ты-то хоть меня не мучай! Есть приказ исполнить сценку про поезд...

Л ю т и к о в. Какой поезд? Какой, к черту, поезд в таких условиях?

К о н ф е р а н с ь е. Скорый поезд. В котором ты с полки упал... Это всем понятно. Будет смешно.

Л ю т и к о в. Не будет смешно. Будет пошло и унизительно!

К о н ф е р а н с ь е. Что ты предлагаешь?

Л ю т и к о в. Не знаю... Умереть хочу. Понимаешь? Молча умереть. Мол-ча!!

К о н ф е р а н с ь е. Не дадут они молча, Володя. У нас — разговорный жанр...

Л ю т и к о в. Прекрати острить, черт бы тебя побрал!!

К о н ф е р а н с ь е. Не ори! Почему я должен не острить? Это — моя профессия... И твоя, между прочим, тоже... (*Тихо.*) Послушайте, братцы, ну скажу честно: была у меня надежда. Думал, разбомбят наши этот концерт к чертовой матери. Не каждый раз в одном театре столько генералов собирается... Но, видно, не получилось... А теперь что подделаешь?.. Концерт все равно будет продолжаться. На сцену они нас

вытолкнут... Насильно, но вытолкнут... А уж что это будет за зрелище, зависит только от нас с вами. Может быть — жалкое, а может быть — высший класс! Они должны почувствовать — выступают столичные актеры. И не шкуру свою спасают, а достоинство... Чтоб им, гадам, не по себе стало. Понимаете?! Хотите, господа, Гете? Пожалуйста! Прозвучит Гете! Но так прозвучит, что станет ясно: не ваш это поэт, а наш... С нами он сегодня! Великий наш русский поэт Иоганн Вольфганг Гете!.. И не веселить вас нам хочется, а самим повеселиться... Душа у нас, у русских, веселая... И туда вам не пролезть. Полстраны захватили, а в душу не пустим! Шиш! Душа — территория неоккупируемая... Вот так, господа офицеры, ядри вашу мать!!!

Л ю т и к о в. Тогда уж “муттер”...

К о н ф е р а н с ь е (*сбившись*). Что?

Л ю т и к о в. “Муттер”, говорю, “ядрить” надо... Так смешней.

К о н ф е р а н с ь е. Да... Конечно... “Муттер”... Ты все-таки настоящий автор, Володя, всегда точное слово найдешь...

П о л и в а н о в. Неужели скажете? Не побоитесь?

К о н ф е р а н с ь е (*нерешительно*). Не знаю, Денис Андреевич... Не знаю... Это уж как пойдет... По вдохновению. Как говорится, зритель подскажет... А сейчас давайте репетировать, братцы. Где он, текст-то... (*Достает шпиргалку, пытается репетировать, заглядывая в бумажку.*) Майне либен хери!.. Гештатен зи мир, зи бекант цу махен... Мит майне фрунд... Владимир Лютиков... Дас ист зер интеллигентигше унд менш.. Ком цу мир, Владимир Борисович... (*Лютикову.*) Ну, иди... Я же говорю. “Ком цу мир...”

Лютиков идет ему навстречу, опустив голову.

Ну что с тобой, Володя?

Л ю т и к о в. ...Упал... дас штюрц махен...

К о н ф е р а н с ь е. Ну, а слезы-то зачем?

Л ю т и к о в (*плача*). Это я так... В образе... Упал с полки. Мне больно... Я плачу...

К о н ф е р а н с ь е (*обнял его*). Ну, перестань, Володя... А то я тоже зареву. Это уж МХАТ получится... Ну...

П о л и в а н о в (*шмыгая носом*). Комики называется... Не травите душу! А я тоже хорош. Сотни раз в “Любови Яровой” от конвоиров уходил, а здесь — сижу как пень... (*Решительно.*) Ну ничего, сукины дети!.. Они у меня получают Гете... Они у меня хлебнут искусства! (*С яростью начал декламировать.*)

Ночные страхи мчались с нами,

Но был я весел, бодр мой конь!!!

Открылась дверь. В комнате появилась В е р а. На ней — красивое платье.

Веру сопровождает подвыпивший немецкий О ф и ц е р. Вера, кокетничая, отбивается от его ухаживаний.

В е р а (*официру*). Ну хорошо... Ну ладно... Ну, без рук... Привел, и спасибо... Ну, подожди меня в зале!.. Я скоро приду... Ну... (*Смеется*.) Ну, потерпи, дурачок!..

Офицер целует Веру, подмигивает актерам.

Пауза.

Добрый вечер! (*Молчание*.) Добрый вечер, Николай Сергеевич.

К о н ф е р а н с ь е. Добрый вечер, фрау.

В е р а. Вы что, не узнали? Это я — Вера.

К о н ф е р а н с ь е. Извините, не узнал. И зачем пришли, сударыня, ежели не секрет?

В е р а. На концерт...

К о н ф е р а н с ь е. Полюбили, стало быть, эстраду? Спасибо. (*Подошел к ней, смотрит прямо в глаза*.) Я думал — вы добрая девочка, а вы, оказывается, существо злобное! Пришли посмотреть, как артисты мучаются? Ну, смотрите, веселитесь...

Немец, смеясь, уходит.

В е р а. Зачем вы так, Николай Сергеевич? Я ведь знаю, почему вы согласились.

К о н ф е р а н с ь е. Дурак, потому и согласился! Я тебя для чего посылал — предупредить! Я думал, ты там давно... за линией фронта. У наших... А ты — здесь... разгуливаешь.

В е р а. Я и здесь — у наших... (*Тихо*.) Честное слово, Николай Сергеевич... Здесь, в городе, тоже наши люди есть. Они меня к вам и прислали...

К о н ф е р а н с ь е. Зачем?

В е р а. Предупредить... Они сказали: пусть наши артисты в семь часов со сцены уйдут... (*Шепотом*.) Там они штуку одну в зал подложили... Понимаете? С часами... Ровно в семь — рванет!

Пауза.

К о н ф е р а н с ь е. А сейчас сколько?

П о л и в а н о в (*глянул на часы*). Еще полчаса.

К о н ф е р а н с ь е (*решительно*). Так!.. Ну что ж... Надо дотянуть... (*Поливанову*.) Денис Андреевич, стихи читать будете медленно...

П о л и в а н о в. Уж будьте покойны... Такие паузы закачу — Качалов позавидует...

К о н ф е р а н с ь е. Не переборщите, не переборщите... А потом уж мы с Володей наиграемся... (*Радостно*.) Ну что, братцы! Это другое дело... Я же говорил — зритель подскажет... Ну, Верка! Ну, “буркинистка”... Ты у нас актрисой будешь. (*Лютикову*.) Как с немцем-то этюд сыграла? А?! А улыбка? “Мона Лиза”, честное слово...

Со стороны зала неожиданно доносится выстрел. Смех. Аплодисменты.
Быстро входят Отто и Фокусник.

Отто. Очень хорошо... Bravo!

Фокусник (*в отчаянии*). Да что ж это... товарищи?.. Как же можно... Стрелять в голубя... Это же — партнеры!

Отто. Не отчаивайтесь, коллега... Зато — эффектно... Голубь взлетел, потом упал... Обоюдная ловкость рук... Я видел, генералу понравилось... (*Обращаясь ко всем.*) Итак, господа, заканчиваем... Сейчас споют мои девочки, потом — финал...

Поливанов. А Гете?.. Господин хороший, я же учил...

Отто (*сухо*). Не надо Гете. Фокусник оставил хорошее впечатление, не будем портить. Достаточно!

Конферансье. А наша интермедия? Про поезд... Господин клоун, вам она нравилась...

Отто. Идиотская интермедия! Плоско и неостроумно...

Лютиков. Ну уж позвольте... Вы меня как автора обижаете... Мы ее столько раз играли, в любой аудитории — на “ура”!..

Отто (*резко*). Не надо “ура”... Здесь не место для “ура”! (*Оглядывает всех.*) Что случилось, господа? Откуда такое рвение? То вас не вытолкнешь на сцену, то не удержишь... (*Заметил Веру.*) Кто эта девушка?

Конферансье. Наша поклонница, господин клоун... Я вам рассказывал... Вот, пришла посмотреть...

Отто. Поздно смотреть... Концерт заканчивается...

Со сцены слышны аплодисменты.

Конферансье (*решительно*). Тогда уж разрешите мне...

Отто. Не понял?

Конферансье. Я говорю: позвольте уж мне закончить концерт, коллега. У меня как раз есть финальный монолог...

Отто. В другой раз! (*Направляется к сцене.*)

Поливанов преграждает ему дорогу.

Поливанов. Нехорошо, голуба. Некорректно... Артист готовился, надо дать выступить...

Отто. Прочь с дороги!

Поливанов (*кладет ему руку на плечо*). Не надо кричать, голуба! Сядьте! А то у меня рука тяжелая, не удержишь...

Отто (*растерянно*). Что вы делаете, господа? Я вызову охрану...

Конферансье. Не стоит шуметь, коллега. За кулисами должно быть тихо... Концерт продолжается...

Направляется к выходу.

Лютиков. Я с тобой, Коля.

Конференсье. Нет, Володя. Лучше — монолог. Финальный монолог..

Лютиков. О чем ты говорить будешь?

Конференсье. Еще не знаю... Сколько просил, между прочим: напиши... Напиши монолог! Напиши! А ты — все тянул. Ну ничего... Сымпровизируем... *(Оглядывается.)* Предмет какой-нибудь бы для начала...

Вера. Держите, Николай Сергеевич! *(Кидает ему мячик.)*

Конференсье. Ну вот... Молодец, Верка... Об этом и поговорим. Помнишь? Для чего зритель приходит на эстраду? Участвовать...

Ударя мячиком об пол, поднимается на эстраду. Теперь он один в луче света. Зал встретил его шумом и улюлюканьем. Конференсье, улыбаясь, продолжает игру с мячом, прислушиваясь к тиканью часов, которое будет теперь сопровождать весь его монолог.

Минуточку, господа, минуточку!! Концерт не кончился... Я говорю: концерт ни хт цу енде... Не надо вставать с мест. Господин переводчик, переведите господину генералу... Пожалуйста! Я сейчас монолог буду читать... Очень смешной! Зер лустиге монолог... Обхочотесь!.. *(В зал.)* Сядьте, господин офицер... И вы там, в дверях который... Немен зи платце... Битте! *(Кто-то запустил в него помидором — Конференсье вздрогнул, вытирает с лица красную жидкость.)* Ну вот, опять... Опять вы дер томатом мне в дер рожу. Ну зачем, господа? Не ваш помидор, не вы сеяли... А кинуть каждый дурак может... Нет, нет... это я так... к слову... *(Истуганно.)* Я вам говорю, господин офицер... Я не голубь. Не улечу. Успеете пальнуть... Я вам как раз сам предложить хотел игру... У нас традиция — играть со зрителем... Вам понравится. Правило, стало быть, такое... Я обязуюсь вас сейчас рассмешить... Всех! А если нет, вы меня пристрелите... Тут же. На сцене... Поняли? Либо я вас — “ха-ха”, либо вы меня — “пуф-пуф”! Ну, слава богу, заулыбались... Поняли, да? Понравилось? Ну конечно... Я ж ваш вкус знаю... Молодцы! Люблю, когда зритель активный... Так что усаживайтесь... Успокаивайтесь... И вы, герр фельдфебель, садитесь поближе... И товарищей позовите... Им тоже будет полезно!.. Сейчас... Сейчас начну... *(Играет мячиком.)* Кстати, сколько сейчас времени, никто не скажет?.. Без десяти семь? Хорошо... А вы, извиняюсь, кто будете?.. По-русски так хорошо изъясняетесь... Ах, вы местный бургомистр? Ну что ж... Очень приятно, что и вы здесь... Очень кстати. Вы тогда, господин, помогайте своим гостям... Нюансы поясните... А то ведь русский юмор — он особый... Без пол-литра, как говорится, не разберешь, где смех, где слезы... Итак, господа, я — конференсье. Их бин конференсье. Майне наме — Буркини. Майне хаймат... Родина моя... Деревня Бурки Смоленской губернии... Веселая такая деревня... Чего там генерал засмеялся? Чего?.. Переведите,

бургомистр. Говорит: сожгли ее?.. Да... Ну что ж... Это смешно. Остроумная реплика... Только тут неувязочка у них. Нельзя ее сжечь. Не получается... Потому что я ее выдумал. А выдуманные деревни не горят!! Так что стоит моя деревня и людей веселит... Время, правда, сейчас не очень... Тяжелое время! Но ведь кому-то надо быть веселым и в тяжелые времена, иначе время становится невыносимым...

Тиканье часов усиливается.

Вот оно как тянется, проклятое. Тик-так... Тик-так... Жизнь прожил, а и не замечал, какие они длинные... минуты эти... Все спешил... шутил... Как говорится, минутки не прожить без шутки!.. (*Пританцовывает.*) Вот и пропрыгал... Но не жалею! Врачи говорят: смех полезен. Минуты смеха жизнь продлевают... Или наоборот... Это уж как бог распорядится... (*Танцует.*) Ну, сколько там натикало, бургомистр?.. Уже семь?! Пора бы посмеяться-то... Чего затихли, господа? Я не люблю тишины в зале... Мы еще не на кладбище... Смейтесь же! Ну? Черт вас подери!!! Ну, кто-нибудь!!! (*В отчаянии кричит.*) ГОСПОДИ, БОЖЕ МОЙ! ВЕСЕЛЫЙ МОЙ БОЖЕ!! ЕСЛИ ТЫ И ВПРАВДУ ТАМ, НА НЕБЕ, — САМ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ХОТЬ ТЫ-ТО УЛЫБНИСЬ... ВЕДЬ ТАК СТАРАЛСЯ... ЛОВИ!!!

Кидает мячик вверх. Оглушительный взрыв.
Темнота.

Потом начинает звучать музыка. Свет разгорается. Сцена пуста.
Только мячик одиноко прыгает на эстраде.
Из глубины эстрады появляется мальчик во фраке и в галстук-бабочке.
Это — Коляша.

Коляша (*поймав мяч*). Итак, наш концерт продолжается... Вас приветствует Николай Буркини, потомственный конферансье... Мне поручено представить вам всех участников сегодняшнего концерта... Называется это — парад-алле. Или — алле-парад... Потому что этим можно заканчивать, а можно начинать все снова... Итак, приготовились. (*Взмахнул рукой.*) Свет! Музыка! Встречайте артистов!!

Грянул веселый марш. Эстраду залил мигающий свет. Из глубины сцены прямо на зрителей пошли актеры. Они были в ярких театральных костюмах. Они приветствовали зрителей, пели, жонглировали, танцевали, представляя различные жанры эстрады. Их становилось все больше и больше... Вся сцena должна заполниться поющими и танцующими актерами, и тогда в этом красочном параде артистов возникают афиши, плакаты, голоса и лица тех, других, которые не вернулись и которым посвящается эта пьеса...

Счастливец-Несчастливец

Театральные безумства в 2-х действиях

Действующие лица

Первый актер — Несчастливец, Дон Жуан.
Второй актер — Счастливец, Лепорелло.

Остальные действующие лица
(в порядке появления):

Первое действие:

Милонов — лет 25.
Бодаенко — за 70.

Второе действие:

Миля — администратор, 60 лет.
Поклонница — 16 лет.
Алик — режиссер, 25 лет.
Марина — его жена, 20 лет.

Мужчина }
Женщина } члены забастовочного комитета.

Капитан милиции.
Милиционеры.
Зрители.

Места действий:

Первое — сцена Московского театра.
Второе — сцена, гримуборная драмтеатра областного города.

Время действия: наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

РЕПЕТИЦИЯ

Сцена театра, где идет подготовка к репетициям пьесы А. Н. Островского “Лес”. Стоят детали декорации второго акта — рисованный задник, изображающий лесную чащу. Впереди — несколько деревьев, пень.

В глубине — развилка дорог..

Появляется актер, играющий Несчастливцева. На нем — длинное пальто, шляпа, за плечами — дорожный чемодан.

Лицо украшают пышные усы.

Актер негромко дает какие-то режиссерские замечания рабочим, потом выходит на передний план, делает знак осветителям.

А к т е р (*обращаясь куда-то наверх*). Сережа! Проходим второй акт. Явление второе. “Счастливых-Несчастливых” ...Начали!

Свет в зале медленно гаснет.

Аркашка!

Пауза.

Аркашка!!

Актер, играющий Несчастливцева, угрюмо ворчит, уходит за кулисы, вновь появляется на сцене.

Аркашка!!!!!!!

Счастливых (*вбегая*). Я, Геннадий Демьяныч. Как есть — весь тут.

На Счастливых, как и положено по ремаркам Островского, — коротенький пиджачок, короткие панталоны, на голове — детский картузик.
За плечами на палке — узелок.

Несчастливцев (*погрозив ему кулаком за опоздание*). Куды и откуда?

Счастливых. Из Вологды — в Керчь, Геннадий Демьяныч. А вы-с?

Несчастливцев. Из Керчи — в Вологду. Ты пешком?

Счастливых. На своих-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев (*басом*). В карете! Разве ты не видишь? Что спрашиваешь? Осел. (*Садится, ставит чемодан подле себя*.)

Счастливых. Что у вас за ранец-то?

Несчастливцев. Штука отличная. Сам, братец, сшил для до-
роги. Легко и укладисто.

Счастливец. Хорошо тому, кому есть чего класть. Чего же у
вас там-с?

Несчастливцев. Пара платья, братец, хорошего, в Полтаве
еврей сшил... Складная шляпа, братец, два парика, пистолет тут у меня
хороший, у черкеса в карты выиграл в Пятигорске... Жаль фрака нет,
был фрак, да я его в Кишиневе на костюм Гамлета выменял.

Счастливец. Да на что ж вам фрак-с?

Несчастливцев. Как ты еще глуп, Аркашка, как погляжу я на
тебя! Ну приду я теперь в Кострому, в Ярославль, в Вологду, в Тверь,
поступлю в труппу, должен к губернатору явиться, к полицеймейстеру,
по городу визиты сделать? Комики визитов не делают, потому что они
шуты, а трагики — люди, братец! А что у тебя в узле?

Счастливец. Библиотека-с.

Несчастливцев. Большая?

Счастливец. Пиес тридцать и с нотами.

Несчастливцев. Драмы есть?

Счастливец. Только две-с, а то все — водевили.

Несчастливцев. Зачем ты такую дрянь носишь?..

Счастливец. Денег стоит-с...

Неожиданно их беседа прерывается писком телефонного звонка. Счастливец
делает жест, мол, извини, достает из-за пояса сотовый телефон.

Алло!.. Да, я... Нет, еще не говорил... У нас репетиция. Перерыв?
Не скоро! Я же сказал: я сам вам перезвоню... *(Выключает телефон,
недовольно пожимает плечами, мол, извини, не виноват.)*

Несчастливцев *(строго)*. Хамство, однако!

Счастливец. Извини... Достал звонками... один поклонник.

Несчастливцев. Чей?

Счастливец. Мой! В смысле... наш! Общий...

Несчастливцев. Ну, это ты брось! Мои поклонники во время
репетиций не звонят. Мои поклонники знают, что репетиция для меня —
святое время погружения в образ!..

Счастливец. Для меня тоже погружение... Дело срочное...

Несчастливцев. Халтура?!

Счастливец. Ну, почему сразу — “халтура”?

Несчастливцев. Потому что халтура у нас — всегда срочно.
А серьезная работа подождет... Чего он хочет, поклонник твой... Рекла-
ма какая-нибудь дурацкая? “От Парижа до Находки наши тянутся кол-
готки?!”

Счастливец. Стихи отменные, но не угадали-с.

Несчастливцев. Тогда концерт предлагает в каком-нибудь
Нижегородске...

Счастливцев. Ей-богу, первый раз слышу...

Несчастливцев. Врешь! Между прочим, из этого Нижегородска мне тоже звонили... Не знаю, что ты им наобещал, но я не поеду!

Счастливцев. И я не поеду! Какие могут быть концерты, когда спектакль выпускаем?

Несчастливцев. Ты не иронизируй!

Счастливцев. А я и не иронизирую...

Несчастливцев. Нет, иронизируешь! Но плохо! Не смешно! В кои-то веки театр создал нам условия почти бенефисные... Дал сцену для репетиций. Построил такие декорации — деревья лучше натуральных! Вон бабочки летают... *(Тронул "бабочку" на дереве, та свалилась.)* Черт возьми! Все — на соплях!.. *(Кричит кому-то наверх.)* Сережа! Я же просил прицепить бабочек правильно, на пружинках!

Голос сверху. Так вроде сделали...

Несчастливцев. Вроде... Все — "вроде"... Я же всем объяснял: "Лес" Островского... Пьеса особая! Здесь именно лес как образ очень важен!

Голос сверху. Да знаем мы...

Несчастливцев. Ни черта вы не знаете... *(Аркашке.)* Ты-то хоть понимаешь, что это вообще за пьеса такая — "Лес"?!

Счастливцев *(поморщился)*. Да понимаю...

Несчастливцев. Ни черта ты не понимаешь, раз такую рожу скроил!.. Счастливцев-Несчастливцев! Подумай, кто до нас эти роли играл?.. Рыбаков... Ильинский!

Счастливцев. Да кто ж спорит?

Несчастливцев. Ты! Внутренне все время споришь. Я же чувствую! Сколько лет тебя знаю... Любую причину придумываешь, лишь бы не репетировать. Послушай меня, я зла тебе не пожелаю: пропащий человек, Аркашка, будешь, если такую роль не сыграешь! Совсем пропащий!

Счастливцев. Да я понимаю, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев *(глянул Аркашке в глаза, обнял)*. Врешь! Но я тебе верю. Давай все сначала...

Они расходятся по краям сцены. Начинают эпизод заново.

Несчастливцев *(мрачно)*. Аркашка!

Счастливцев *(вбегая)*. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть — весь тут.

Несчастливцев. Куды и откуда?

Счастливцев. Из Вологды — в Керчь, Геннадий Демьяныч. А вы-с?

Несчастливцев. Из Керчи — в Вологду... Ты пешком?

Снова звонок.

Пауза.

Счастливец потянулся за телефоном.

“Пешком”, спрашиваю?!

Счастливец. “На своих”. *(Телефон звонит, Аркашка в замешательстве.)* Давай прервемся, а? Дело очень срочное!..

Несчастливец. По тексту говори... “А вы-с?”

Счастливец. Чего — “а мы-с?”

Несчастливец. Ты должен спрашивать — “а вы-с?” По тексту говори, осел!!

Счастливец *(обиделся)*. Да чего ты ругаешься? Сам-то не по тексту говоришь!

Несчастливец. Не “сам”, а “сами-с”... Дурья голова! Я тебе “тыкаю” по роли, а ты мне обязан — “вы” и “Геннадий Демьяныч”! Понял?! Коли сорвал репетицию, так не губи хоть начавшую возникать атмосферу... Когда погружаешься в образ — мучительно прерываться... Это словно с любимой женщиной в постели, размяк, расчувствовался — и вдруг...

В глубине сцены появился какой-то человек со стремянкой.

Кто это?! Почему во время прогона человек на сцене?

Голос сверху. Так вы ж сказали: бабочку прицепить!

Несчастливец. Не сейчас! Заранее надо бабочек цеплять... Вы же сбиваете актера. Сколько лет работаете в театре, а ни хрена не понимаете, что значит атмосфера!! *(Аркашке.)* О чем я говорил?

Счастливец. Об атмосфере...

Несчастливец. Это сейчас!.. А тогда, до этого чего говорил?!

Счастливец. И тогда об атмосфере... Мол, как с женщиной, расчувствуешься — и вдруг...

Несчастливец. Именно! Расчувствуешься и вдруг... входит вот такой мудила со стремянкой... *(Достает курительную трубку.)* Все! Не отвлекаемся... А то я совсем распахуюсь! Идем дальше по тексту!.. Какой там у меня дальше текст?

Счастливец *(заглянул в текст)*. “У тебя табак есть?”

Несчастливец. Хороший текст. Очень кстати. У тебя табак есть?

Счастливец. Какой табак, помилуйте, Геннадий Демьяныч! Крошки нет.

Несчастливец. Как же, Аркашка, ты в дорогу идешь, а табаком не запасся? *(Задумался.)* ...А денег-то хоть много?

Счастливец. У меня и сроду много-то не было, а теперь копейки за душой нет...

Несчастливцев. Текст помнишь! Молодец... Но я тебя, Аркашка, сейчас как раз не по пьесе спрашиваю... Я про поклонника твоего дурацкого все думаю... Чего ему надо? Деньги предлагает, что ли?

Счастливцев. Их-с...

Несчастливцев. Много ли?

Счастливцев. Хватит всем-с!

Несчастливцев. Конкретней!

Счастливцев. Вам-с, мне-с, и даже всей стране-с!

Несчастливцев (*задумался*). Банк будем грабить?

Счастливцев. Наоборот!

Несчастливцев. Как это? Создавать, что ль? Денег не хватит.

Счастливцев. А чего гадать? Позвать бы поклонника, он расскажет... Вот, между прочим, его визитка. (*Достал визитку, передал Несчастливцеву. Тот долго рассматривает ее, щуря глаза.*)

Несчастливцев. Ни хрена не вижу... Вензеля одни... (*Читает по слогам.*) "...Заведующий сектором... психогенно-аналитического исследования..." Жулик!

Счастливцев. Да почему ж жулик-то?!

Несчастливцев. Да по визитке ясно... У настоящих людей все просто и кратко: "Растропович — музыкант!" "Эйнштейн — физик"! И все! А если вот визитка с вензелями, да еще "вице-президент-зав-психогенно-афигенного сектора", значит, либо — фуфло, либо — жулик!

Счастливцев. И что у вас за характер, ей-богу, Геннадий Демьяныч? Ни визитку не видели, ни человека, а уж все в пух-прах изругали. А он, между прочим, очень серьезный человек!.. И дело не в визитке. Визитка, вообще, — так, прикрыттие. (*Таинственно.*) Он из "органов"!

Несчастливцев. И что?

Счастливцев. Ничего. Давайте позову, придет — все сам расскажет...

Несчастливцев. Стану я на твоих поклонников, да еще из органов, репетиционное время тратить. Сам рассказывай... (*Счастливцев делает многозначительный жест, мол, выйдем.*) Ты что мигаешь? Здесь и рассказывай!

Счастливцев. Тайна-с!

Несчастливцев. От родного театра-с?! Совсем с ума сошел?.. Говори при всех!

Голос из осветительской будки. Так, может, мы уйдем ненадолго?.. Вы и поговорите...

Несчастливцев. Куда это вы уйдете во время репетиции?

Голос из осветительской будки. Так не завтракали же...

Несчастливцев. Почему "не завтракали же"?

Голос из осветительской будки. Так репетиция же...

Несчастливцев (*Счастливецу, тихо*). Вот. Результат! Разлагаешь коллектив... Им же лишь бы не работать! (*Кому-то наверх*.) Ладно, Сережа! Перерыв — пятнадцать минут. Но не больше! Свет — в зал! Звук уберите! Можете сходить в буфет!

В зале загорается свет.

Пауза.

Все ушли! Рассказывай!

Счастливцев. Проверю! (*Оглядывает зал, затем даже сбегает вниз, возвращается*.) Вроде и правда, никого! Ладно. Рассказываю. История невероятная, поэтому — с самого начала... (*Достал сигарету*.) Снимаюсь тут на днях в кино...

Несчастливцев. Погоди! Ты, никак, курить начал, Аркашка? Брось!.. Тебе и по здоровью, и по роли нехорошо. (*Аппетитно курит трубку*.) Нам, трагикам, дым загадочность придает, а комикам — вульгарность! А вульгарность вам ни к чему! Этим вы и так одарены от природы...

Счастливцев. Да будет вам язвить... “Комик!” Это я при вас — комик-с... А в других местах дают серьезные роли.

Несчастливцев. Это где? В кино, что ль?

Счастливцев. Да хоть бы и в кино...

Несчастливцев. Небось опять Ворошилова?

Счастливцев. Да почему уж так сразу и Ворошилова?

Несчастливцев. А кого?

Счастливцев (*подумав*). А хоть бы и Ворошилова?..

Несчастливцев. Сколько же можно?

Счастливцев. Сколько потребуют! Похож — приглашают... Что здесь плохого? Все-таки народный герой!

Несчастливцев. Да по мне — хоть Берию играй! Но убедительно! Я штампа не терплю!! Придумал, понимаешь, себе ампула — Ворошилов!! Усики наклеил, френч застегнули и — здрасте, Климент Ефремыч! А садись на коня — мешок мешком... Народ-то — он все видит! Не девятнадцатый год!..

Счастливцев. Вы только от имени народа не надо!! Народ ценит. Письма, между прочим, со всех городов приходят. На конвертах так и пишут: “Театр Сатиры — Климу Ворошилову!”

Несчастливцев (*с усмешкой*). Землю просят? Раздай, Аркашка, не жмись!

Счастливцев (*обиделся*). Все! Не буду рассказывать! Охота глумиться — давайте по тексту Островского! И так от Несчастливцева Аркашке достается, чтоб еще от товарища по работе терпеть...

Несчастливцев. Потому и говорю, что товарищ! Кто ж тебе еще правду скажет, глупенький? Конкуренты хвалить станут, родственники — облизовать... А я тебе всегда укажу на дерьмо и скажу: “дерь-

мо!” Потому что — товарищ! (*Нарочито театрально.*) Потому что люблю тебя, дурака!.. Давай поцелуемся, душа моя, Павел Иванович! Купи у меня бречку! (*Надвигается на Аркашку, потом останавливается.*) Слушай, а чего нам и правда Гоголя не играть? Ты — Чичиков, я — Ноздрев!

Счастливец в. Чтоб вы меня кулаками мутузили? Увольте-с!

Несчастливцев в. Разве Ноздрев его мутузил? Я и позабыл. Ладно. Не хочешь покупать бречку — рассказывай дальше про кино!

Счастливец в. Еще раз перебьете, Геннадий Демьяныч, или станете насмеяться — уйду! Ей-богу, уйду!

Несчастливцев в. Договорились! Молчу!

Счастливец в. Так вот, снимаюсь я в телевизионной картине... Играю Ворошилова... (*Напряженный взгляд на Несчастливцева.*)

Несчастливцев в. Молчу!..

Счастливец в. И правильно делаете... Потому как играю — хорошо! Режиссер доволен. Публика тоже... Натурная съемка, и толпу, как не гони, — стоит... Смотрят. После съемок, как обычно, просят фотографироваться на память... Автографы... И вот подходит ко мне один старичок... Напряженный весь такой, я это сразу прочувствовал...

Протягивает мне руку, представляется: “Бодаенко — тридцать второй...” Я уже знаю: это — старый большевик! Они имя-отчество не говорят, просто: фамилия и год вступления в партию. Дальше сует мне открыточку для подписи. Открыточка тоже старая — работа художника Герасимова — Ворошилов со Сталиным утренней Москвой идут... Протягивает он мне открыточку, я ее подписываю: “Бодаенко с комприветом! Клим Ворошилов”. Это у меня стандарт такой... Для поклонников. Я и подпись копировать научился, со всеми завитушками. Он на подпись глянул, побледнел... и тихо так говорит: “Климент Ефремович, вы в ближайшие дни свидитесь с товарищем Сталиным?” Я говорю: “Обязательно. Завтра утром! На Политбюро”. Между прочим, я ему чистую правду сказал — у нас съемка этой сцены на утро назначена... Но он, вижу, юмора не понял... Тогда, говорит, очень прошу меня принять! Я должен сделать вам сообщение чрезвычайной важности!.. Я говорю: “Очень хорошо, товарищ!.. Созвонимся... завтра с утра. Телефон вам сообщат!” Я, вообще, этих “чайников”, Геннадий Демьяныч, побаиваюсь... То он тебя любит, как революционера, то, как “закипит его разум возмущенный”, вдруг возьмет да и полоснет по морде за ревизионизм. Поэтому на всякий случай всегда говорю: “созвонимся!” Он на меня так с прищуром поглядел, мол, я все понял, и отошел.

Несчастливцев в. И что?

Счастливец в. Далее! Иду домой, догоняет машина... И не просто машина, а “Вольво”! Оттуда выскакивает мужчина... Плотненький... С выправкой! В лицо мне удостоверение сует. Представляется: “Сотрудник ФСБ. Интересуюсь, что вам сообщил гражданин Бодаенко?”

Несчастливцев в. А ты?

Счастливцев. Я говорю: “Да ничего интересного... Просится на Политбюро”. Это я шутку даю. Вижу этот “фээсбешник” не смеется, а говорит: “Очень хорошо. Раз просится, надо его срочно принять!..” Тут уж и я почувствовал, что и моя крыша едет... Он это тоже видит, сажает меня в машину и все объясняет... (*Достал сигарету.*) Я все-таки закурю, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев. Теперь, по ситуации, имеешь право...

Счастливцев (*затянулся*). И что оказалось?.. Этот Бодаенко — типичный “кукумуня”...

Несчастливцев. Кто?

Счастливцев. “Кукумуня”... Так, оказывается, на Украине в деревнях чокнутых зовут... Так вот этот Бодаенко, до того, как стать “кукумуней”, работал в аппарате ЦК... Имел доступ к партийным кассам. После бурных событий в августе девяносто первого уволился и поехал умом... Правда, был лечим! Успешно, но неоднократно! Вылечившись, сообщил, что знает, где находится партийное золото, но готов эту информацию предоставить только лично вождям партии... Ленину, Сталину, Ворошилову... и так далее по списку... Сначала подумали — бред! Потом проверили по фактам — не бред! Информацией он владеет! Тут же ФСБ с ним начала работу, но — безрезультатно. И допрашивали, и к экстрасенсам его водили. Молчит дед!.. Тогда пошли на крайнюю меру — решили попробовать, как говорится, чарующую силу искусства! Подзюбировали его малость и повели на встречу с вождями на киносъемки... Слава Богу, про Сталина сейчас столько кино снимается, как при его жизни.

Несчастливцев. А если короче?

Счастливцев. Короче: кто первым из нас, членов Политбюро, получит от Бодаенко нужную информацию, тот будет награжден... (*Достает конверт, вынимает оттуда две стодолларовые купюры.*) Между прочим, аванс!

Несчастливцев. А ну покажи! (*Берет купюры, проверяет их на подлинность.*) Новенькие?

Счастливцев. Я ж говорю: думали — бред, оказалось — не бред!!

Несчастливцев. А если не бред, почему ты, Клим, не на съемке?!

Счастливцев. Потому что я кому — Клим, а кому — Аркашка! Верный товарищ по сцене! Я подумал, ежели надо сыграть по-настоящему, да еще за серьезные деньги, так лучше уж в родном театре и с проверенным партнером!.. Что, у нас Сталина не найдется? Роль-то какая? Только истинному трагику и по плечу!

Несчастливцев (*начиная понимать*). Ты сам не “ку-ку”, Аркадий?

Счастливец в. При ясном уме! Поэтому и аванс на вашу долю уже взял-с... *(Суровый взгляд Несчастливецова.)* Из лучших намерений. Очень вы похожи-с...

Несчастливец в. Кто?

Счастливец в. Вы-с!

Несчастливец в. И ничуть мы не похожи-с! Сталин — маленького роста был... И рябой...

Счастливец в. Вы только при Бодаенко этого не скажите. Враз полоснет!! Сталин был высокий и красивый!

Несчастливец в. Да пошел ты со своим Бодаенко! Тоже мне, гастрольку соорудил! Стыдись! Чтоб я, народный артист России, перед сумасшедшими дурака валял? На чужой беде наживался?! Да не будет этого! *(Швырнул конверт с деньгами.)*

Счастливец в *(поднял конверт)*. Чужой беды, Геннадий Демьяныч, не бывает, как хорошо говорилось в одной плохой советской пьесе! Я, между прочим, в партии состоял и взносы регулярно платил. А вы, хотя в партии и не состояли, ввиду нестойкости вашего морального облика, все равно должны понимать, что деньги там запрятаны общенародные!.. И ваш гражданский долг — их вернуть! А то, что вся Россия сегодня на психдиспансер смахивает, не моя вина!.. Какой зритель есть, перед таким и играем-с!..

Телефонный звонок. Счастливец достает трубку. Несчастливец хмуро наблюдает за ним, но разговора не прерывает...

Алло! Да!.. Ну, вот разговариваем... Обсуждаем!.. Это ж так просто не делается, товарищ Милонов. Надо же ко всему творчески подходить!.. Кстати, какое вы говорите будет нам вознаграждение? *(Дает послушать трубку Несчастливецову.)* Десять процентов, я вас правильно понял?! Ну, это, понятно, вдохновляет... А объект уже здесь?.. *(Несчастливецову, шепотом.)* Объект уже здесь... Ну, что, Демьяныч? Рискнем?

Несчастливец в *(шептит)*. Я тебе рискну! Без грима? Без костюмов? Халтурщик!

Счастливец в. Обижаете! У артиста — все с собой! *(Бросил свой узелок Несчастливецову.)*

Несчастливец в *(поймал узелок)*. Нет, мерзавец, ты все-таки купишь у меня брочку!! *(Несколько раз стукнул Счастливецова узелком по голове.)*

Счастливец в *(увернувшись, невозмутимо, в трубку)*. Ну, в общем, он согласен! Только вы не сразу вводите старичка-то... Нам надо подготовиться, вжиться в образ... Серьезная работа требует психологического погружения... Короче, минут через десять. *(Выключает телефон, Несчастливецову.)* Все, Иосиф Виссарионович! Отступить некуда! Позади — Москва!

Несчастливец секунду смотрит на Счастливеца, потом, вздохнув, развязывает узелок, достает помятый китель.

Несчастливец. Это у тебя что?

Счастливец. Френч!

Несчастливец (*пытается пробовать грузинский акцент*). Это — не френч, Клим! Это — жеваная гимнастерка. В таком виде даже Поскребышева стыдно играть, не то что вождя народов... (*Без акцента*.) Кто в костюмерной?

Счастливец. Никого. Выходной в театре...

Несчастливец. Ладно! Поищем у себя в гардеробе... (*Открывает свой чемодан*.) Хорошее платье есть, еврей шил... Нет, все не то! Эх, жаль, фрака нет. Был фрак, так в Кишиневе выменял...

Счастливец (*нетерпеливо*). Да не носил Сталин фрака, Геннадий Демьяныч! Пошли! Найдем у пожарников шинель какую-нибудь...

Несчастливец. Не какую-нибудь, а надо — настоящую, длиннополую... (*Неожиданно снимает пальто, выворачивает его наизнанку. С изнанки пальто напоминает шинель*.) Молодец еврей, экономно шьет. (*Выходит на авансцену, обращается к осветителям*.) Сережа, мы пойдем подгримируемся! К нам тут придут люди... из киностудии. Мы с ними один эпизод должны срепетировать. На революционную тему... Что?.. Да прямо здесь... В лесу, на дороге... Подсвети нам по ходу для настроения!.. (*Счастливецу*.) Ну, Клим, вперед! Шашки наголо!..

Несчастливец и Счастливец уходят.

Некоторое время сцена пуста. Свет в зале постепенно гаснет. На сцене красиво высвечивается дорога. Зашумели листьями деревья. Начинают петь птицы.

Полетели бабочки. Слева на дороге появляется старик Б о д а е н к о.

Его сопровождает М и л о н о в — мужчина лет двадцати пяти.

Б о д а е н к о. Сюда, что ль?..

М и л о н о в. Сюда.

Б о д а е н к о. Здесь у них что?

М и л о н о в. Здесь у них прогулочная тропа...

Б о д а е н к о (*оглядываясь*). Ах, красота!.. И птички поют! Это как же место называется?

М и л о н о в. “Спецлес”.

Б о д а е н к о. Молчу. Никогда б не заметил... В самом центре Москвы и такая роща!.. Мабуть, и грибы им здесь разводят?

М и л о н о в. Не уверен! (*Строго*.) Вы, диду, ничего руками в роще не трогайте!.. Сядьте на пенек и ждите... К вам подойдут!

Б о д а е н к о. Понял.

М и л о н о в. В вашем распоряжении — пятнадцать минут... Изложите суть. На вопросы отвечайте кратко и четко: где деньги? сколько? на чье имя?..

Бодаенко. Так я уже все и в докладной написал... *(Сунул руку в карман, достал листок. Милонов приблизился, как бы желая получить бумагу, Бодаенко отпрянул, спешно порвал листок на мелкие кусочки.)* Шпаргалочка. Шоб не позабыть. Но я все помню и так!.. Поэтому записываю и рву... Записываю и рву! Так надежней!

Милонов *(раздосадованно)*. Молодец, диду!.. Ну, я пошел. Буду ждать у машины во дворе. *(Хочет уйти.)*

Бодаенко *(огляделся)*. Погоди. В этом лесу, наверное, жучки имеются?

Милонов. Какие жучки?..

Бодаенко. Не те, шо кусают, а шо подслушивают.

Милонов *(теряя терпение)*. Нету здесь никаких жучков, дед!

Бодаенко *(подозрительно)*. Куда ж подевались?

Милонов *(зло)*. Охрана склевала!.. *(Уходит.)*

Оставшись один, Бодаенко оглядывает местность, подозрительно простукивает муляж дерева, затем садится на пенек. Слева и справа на дороге появляются Несчастливцев и Счастливец, загримированные под Сталина и Ворошилова.

Несчастливцев *(с кавказским акцентом)*. Клим! Ты?

Счастливец. Я, Иосиф Виссарионович. Весь — тут!..

Несчастливцев. Куда и откуда?

Счастливец *(подумав)*. Оттуда... и... сюда! Прогуливаюсь.

Несчастливцев. Молодец! Четко отвечаешь!.. Будем вместе прогуливаться. *(Берет Счастливец под руку.)* Расскажи мне, Клим, как дела в стране? Только честно!

Счастливец. Если честно, то плохо, товарищ Сталин.

Несчастливцев *(строго)*. Что такое?!

Счастливец. Распущенность кругом. Обман! Коррупция!!!

Несчастливцев. Коррупцию будем беспощадно подавлять!..

Вот так! *(Достал из-за пояса пистолет, поцелился куда-то в глубь леса.)* Но я не верю, Клим, что в нашей партии нет больше честных людей! Наверняка есть!

Счастливец. Конечно, есть, товарищ Сталин! И вот один из них, товарищ Бодаенко, очень хочет с вами встретиться. Собрался сделать на Политбюро важнейшее сообщение!..

Несчастливцев. Приведите товарища!

Счастливец *(увидев Бодаенко)*. Так вот же он... Весь — тут!

Несчастливцев направляется к Бодаенко, тот почтительно встает ему навстречу.

Несчастливцев. Здравствуйте, товарищ Бодаенко!

Бодаенко *(радостно улыбаясь)*. Здравия желаю! Здоровеньки булы, товарищ артист!

Пауза.

Несчастливцев растерянно поворачивается к Счастливицу.

Несчастливцев. Это как будем понимать, Климентий?.. Ты кого привел?!

Бодаенко. Все правильно, товарищ артист. Мы с товарищем, который вот Ворошилова изображает... (*Жест в сторону Счастливице-ва.*) на киносъёмке познакомились. Он мне открыточку подписал. (*Достает открытку.*) А я попросил, чтоб вы тоже, значит... И если можно — сфотографируемся. Память будет! Я сам-то из Киева, проездом. Но очень люблю наших известных артистов...

Несчастливцев (*секунду смотрит на Бодаенко в упор, потом устало отклеивает усы, говорит, обращаясь к Счастливицу*). Разберись, Климентий!.. Что хочет от нас товарищ “кукумуня”?

Бодаенко (*засмеялся*). Ни! “Кукумуня” как раз не я. Это уж скорей Генка — “кукумуня”...

Счастливцев. Какой Генка?

Бодаенко. Ну, который меня стережет. Генка Филонов. Зять мой... внучатый... Он, поди, задурил вам голову, будто служит в ФСБ?

Счастливцев (*растерянно*). А на самом деле, где служит?

Бодаенко. А на самом деле — сукин сын. Придурок “новокиевский”... У вас — “новые русские”, у нас — “новые киевские”. Хотя, шоб деньги на них с неба враз посыпались. “Дождики — ливнями, да еще с рублями и гривнами...” Пристал с ножом к горлу — куда партия деньги сховала? На чье имя?! Я говорю: какие деньги, Гена? Откуда мне-то знать? Если тебя в детстве ушибли — лечись!.. Не верит!.. Алчность обуяла! Загонял допросами! Очные ставки придумал. Людей вот уважаемых беспокоит зря...

Несчастливцев и Счастливцев переглянулись.

Счастливцев. Подождите... дедушка, что значит “зря”?.. Вы, вообще-то, кто сами будете? Вы в ЦК работали или нет?

Бодаенко. А как же? Конечно, работал. Двенадцать лет у самого Кручины...

Счастливцев. “Кручины...” В каком смысле?

Бодаенко. В смысле — управделами ЦК... Кручина — фамилия известная. Его еще в окно выкинули в девяносто первом году... Не, я не утверждаю, може, и сам он выкинулся?.. Тогда у нас много народу сгнуло... Туманное дело — расследуется до сих пор... Да вы его должны знать, Климент Ефремыч!

Счастливцев (*оторопев*). Кого?

Бодаенко. Кручину. Он же до пятьдесят шестого у вас в аппарате Верховного Совета работал. До самой вашей отставки... с поста Президента.

Пауза.

Несчастливцев и Счастливых снова многозначительно переглянулись.
Несчастливцев незаметно вновь приклеил усы.

Счастливцев. Пойдем сначала, товарищ Бодаенко! Вы нас много запутали... Давайте договоримся конкретно: кто с кем сейчас в эту минуту ведет разговор? Мы для вас — Политбюро или не Политбюро?

Бодаенко (*заволновался*). Да что вы, Климент Ефремович?! Как можно так вопрос ставить? Конечно, вы — Политбюро, артисты мои дорогие...

Несчастливцев (*с акцентом*). Хватит! По-моему, Клим, товарищ Бодаенко, что называется, дурака валяет! Запутывает следы!.. А зачем — не ясно! Но уверен — есть какая-то цель!

Бодаенко (*вдруг печально*). Это — точно. Есть, товарищ Сталин!.. Это вы верно сказали... Цель одна — выжить! Потому что классовая борьба идет, что называется, не на жизнь, а на смерть. Когда я в ЦК работал, он, Генка-то, за мной на цыпках ходил, пылинки с пиджака сдувал... А как меня на пенсию вытолкнули, так сразу обнаглел. С глаз деда долой и — в дурдом!.. И то спасибо, не убив, ему ж главное квартиру мою было заполнить...

Счастливцев. Дедушка, вы зачем нам это рассказываете?

Бодаенко. А кому про это рассказывать, Климент Ефремыч? Кому?

Несчастливцев. Не перебивай, Клим! Рассказывайте, дедушка. Значит, вы — в дурдоме, и что?

Бодаенко. А то! Ни еды, ни медперсонала настоящего... И все — на взятках! Все — за деньги! Хоть подыхай...

Несчастливцев (*грозно*). Запиши, Клим! Поименно! Весь медперсонал!!

Бодаенко (*испуганно*). Не! Там не все, конечно, плохо... Были и хорошие люди... Тоже из персональных пенсионеров... Приблизись друг к другу, чтобы выстоять! Короче, первичная ячейка самообороны! ... Сначала голодовку хотели объявить, да при их харчах на нее бы и не посмотрели.

Вот тогда-то один умный мужик из ЦК про золото партии и вспомнил!.. И родственничкам намекнул: будете себя с нами хорошо вести — отблагодарим впоследствии... А мой Генка, псих, завелся! Примчался в палату, вывел меня в коридор: скажи, диду, где деньги, у кого? А я говорю: хочешь знать — сначала потрудись, голубчик! Вези меня отсюда по ленинским местам! К вождям мировой революции! Только им одним Бодаенко скажет, где спрятано золото нашей славной партии!

Счастливцев. И где?

Бодаенко. Вам, так и быть, откроюсь! (*Огляделся*.) Никто не подслушивает?.. (*Заглянул за дерево, вернулся, рванул рубаху, ткнул себя пальцем в грудь*.) Вот тут — золото! В сердцах людей!!

Пауза.

Несчастливец устало смотрит на Счастливеца.

Несчастливец. Интересная мысль, Климентий!

Счастливец *(вздыхнув)*. Мысль интересная! *(Бодаенко.)* А вы не боитесь, диду, что зять в конце концов узнает, как вы его дурите, и порешит вас революционным судом?!

Бодаенко. Побоится! Он же теперь не один меня ведет по этой тропе... С ним целая шайка дружков в доле. “Красные следопыты”, сукины дети!.. Они ж большие деньги дали в кредит под меня... Теперь, если что, Генке первому голову за обман и отвинтят... Так что он пока меня бережет, як писану торбу! В Питер два раза ездили, теперь в Москву... На съемку водил. Нынче — в театр. Я люблю театр... Сам когда-то в самодеятельности участвовал... Вы как к самодеятельности относитесь?

Счастливец *(зло)*. Плохо мык ней относимся! Особенно когда она на профессиональную сцену лезет!.. Давайте прощаться, дедушка! Поговорили! Побеседовали! ...Все! У нас — репетиция...

Бодаенко *(испуганно)*. Я понимаю... Понимаю... Извиняйте! *(Начинает пятиться к выходу.)*

Несчастливец. погоди! Если позвонит этот тип, что сказать-то?

Бодаенко. Все в вашей воле...

Несчастливец *(вздыхнув)*. Пришибут тебя, дед! И нас — заодно...

Бодаенко. А вы-то при чем? Ваше дело — сторона... Вы вот что, вы ему скажите, мол, пока Бодаенко не раскрылся... Мол, все знает про капитал, но пока не раскрылся... Ильич именно так сказал!

Счастливец. Какой “Ильич”? Кому?

Бодаенко. Генке! С Театра на Таганке... Фамилию забыл. Вот снимок с ним на память сделал... *(Достал из сумки фотоаппарат.)* С вами бы тоже хотелось... Но вам — некогда, понимаю. А может, не откажитесь, товарищи? Может, больше и не свидемся?

Счастливец. С какой радости фотографироваться?! Для следствия, что ль?

Бодаенко. Для памяти! Сгину, так хоть правнуки будут вспоминать, с кем их дед встречался... У Генки-то, мерзавца, такая славная дочурка родилась... Правнучка, стало быть, моя... Аленка! Ей все и оставлю! Пусть гордится предком! Не зря он жизнь прожил, не зря небо коптил. Отметила его держава... *(Жалобно.)* Очень вас прошу, товарищи вожди!...

Несчастливец и Счастливец переглядываются.

Счастливец. Ну, хорошо! Давайте я вас вдвоем шелкну.

Несчастливцев. Почему это ты? И почему нас — вдвоем?! Ты его привел, ты с ним и фотографируйся!

Бодаенко. Да не беспокойтесь! У меня — автоспуск! Сам все сделает, только фокус навести! Полароид “Сони”! Генка купил. Он понимает, сучонок, денег на меня не жалеет... *(Подвешивает фотоаппарат к сучку.)* А мы втроем — здесь! *(Берет Несчастливцева и Счастливцева под руки.)* Ус поправьте, Иосиф Виссарионович, а то малость отклеился!

Втроем они замирают, тупо глядя в объектив.

Несчастливцев *(нетерпеливо)*. Ну?

Бодаенко. Сейчас... Сейчас... Он сработает... Батарейки слабые. *(Неожиданно достал портативный магнитофон, включил его и тихо запел.)*

По долинам и по взгорьям

Шла дивизия-а вперед...

(Протянул магнитофон актерам. Те от неожиданности подхватили песню.)

Счастливцев и Несчастливцев *(вместе)*.

Чтобы с боем взять Приморье —

Белой Армии оплот!

Вспышка. Щелчок затвора.

Бодаенко. Вот спасибо! С такими людьми — и на фото, да еще с песней... Это уж подарок так подарок! Я ведь в хоре пел. И в Большом всегда для нас, для работников ЦК, — отдельная жога... А теперь такие цены кусачие — и не попадешь. Жаль, товарищи Ленин-Сталин не поют... Я б точно заставил Генку себя в Большой сводить...

Несчастливцев *(с интересом посмотрев на Бодаенко)*. Почему не поют? Товарищ Ленин уже поет.

Бодаенко. Где?

Несчастливцев. В Амстердаме. В Голландии.

Бодаенко. Не слышал.

Несчастливцев. Отсюда трудно услышать....

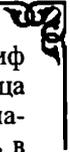
Телефонный звонок.

Бодаенко. Это он...

Счастливцев *(зажав трубку ладонью)*. Ну, так чего все-таки говорить?

Бодаенко. Пока, мол, не выяснили... Пусть завтра по новой к вам приведет. У вас завтра, извиняюсь, что намечено по афише?..

Несчастливцев. У нас завтра, дедушка, покой намечен... И отдых! Передай-ка мне телефон, Клементий. *(Счастливцев протягивает ему телефон.)* Аллю! Это товарищ Милонов?.. Слушайте меня, Ми-

лонов, внимательно и записывайте! Кто — я?.. Можно просто — Иосиф Виссарионыч... Да! Мы поговорили с товарищем Бодаенко... До конца еще не все ясно, но по интересующему вас вопросу кое-какая информация есть! *(Переходя на шепот.)* Придется вам вместе с ним поехать в Голландию... Там, в Амстердаме в Королевской Опере исполняется сочинение композитора Альфреда Шнитке. Называется “Жизнь с идиотом”... Вы записываете?.. Партию Владимира Ленина исполняет негр. Я не шучу!.. Какие с партией шутки? Это и по телевизору показывали, можете дополнительно проверить по своим источникам... Что говорите? Почему негр?.. Не знаю! Думаю, по заданию Коминтерна. Кстати, я уверен, что все наши партийные деньги спрятаны именно у этого негра... в определенном месте! Поезжайте и разберитесь — где!.. Желаю успеха! *(Выключает телефон.)* Ну, все, товарищ Бодаенко. Ваш вопрос о зарубежной командировке решен, положительно!

Б о д а е н к о. От не думал не гадал... Вот спасибо... товарищ артист!.. *(Достал фотографию.)* Автограф бы все-таки получить. Не от Сталина, от любимого артиста. На память! Имя-отчества, извините, не знаю...

Н е с ч а с т л и в ц е в *(берет фотографию)*. Да какое у артиста имя-отчество? Кого играет — так и прозывают!.. В настоящий момент — Несчастливец Геннадий Демьяныч! Так вот и подпишу: “Несчастливец! Трагик!” А это — Аркашка Счастливец... Комик! Всегда что-нибудь дурацкое придумает, лишь бы не работать...

Б о д а е н к о. Но Ворошилова он здорово изображает...

С ч а с т л и в ц е в. Да что вы, диду?.. Умные люди говорят: штамп! Куда нам с нашей-то физией героев-то играть?.. *(Надел детскую шапочку.)* Комик-с... Не то что вот они-с — благородные трагики! Уж такие они добрые, такие возвышенные, смотришь на них да и думаешь: а не удавиться ли остальным людям от их собственного несовершенства?!.. Кстати, чуть не забыл... *(Достал конверт с деньгами.)* Геннадий Демьяныч презентует вам командировочные из своего личного гонорара... *(Протягивает стодолларовую купюру.)*

Б о д а е н к о. Да вы что?.. Не... Не возьму!

С ч а с т л и в ц е в. Обидите художника!.. Это ему для роли важно! У них, у трагиков, — первое дело свои деньги отдать! Вы “Лес” Островского давно читали?

Б о д а е н к о. Давно...

С ч а с т л и в ц е в. Перечтите! Отличная пьеса! Там Геннадий Демьяныч тоже все свои деньги в припадке благородства жертвует бедной девушке... Так что сюжет менять не станем. *(Кладет деньги в карман Бодаенко.)*

Н е с ч а с т л и в ц е в *(мрачно)*. Отдает-то все-таки “бедной девушке”, а не “дедушке...” Но не в этом суть!.. *(Открывает свой чемодан, достает пистолет.)* Ты прав, брат мой Аркадий! За все в жизни надо платить! За минутную слабость. За годы измены своему назначению... Жаль, вспоминаем о нем только в роковую минуту, перед смертью...

Счастливец в *(неожиданно как-то жалобно и серьезно)*. Может, не стоит сегодня, Геннадий Демьяныч?..

Несчастливец в. Стоит, Аркадий... *(Взводит курок. Поворачивается к Бодаенко.)* Хороший пистолет... У черкеса в Пятигорске выиграл... Старинный... дульный... На многих спектаклях палил. Вот вы — театральный, диду, и должны знать: у оружия на сцене своя судьба. В первом акте висит ружье, в четвертом — стреляет... А у таких пистолетов роль еще важнее... Может сто раз вхолостую бабахать, но один раз вдарит — всерьез!.. Если артист слишком долго фальшивит, пистолет это не выдерживает... Мы с Аркадием иногда так друг друга и проверяем... То он — меня, то я — его... *(Наводит пистолет на Счастливецеву.)*

Счастливец в *(занервничал)*. Не стоит! Геннадий Демьяныч!.. У меня настрой нынче нет... И при дедушке — нехорошо...

Несчастливец в. Сам говорил: какой есть зритель — перед таким и играем... Не суетись, Аркашка, умри достойно!

Счастливец в *(почти кричит)*. Да не хочу я... С ума сошел?.. У меня давление поднялось! Убери дуло, неприятно смотреть! Дед, помоги, он же не в себе!.. За что?!

Несчастливец в. За измену, брат мой!

Грохнул выстрел. Счастливец схватился за грудь.

Повторный выстрел. Счастливец упал, затих...

Бодаенко *(чуть испуганно)*. Это чего?.. А?!.. Вы балуете или как?.. *(Пошел к лежащему Счастливецеву, наклонился.)* Да он вроде и не дышит... Вы что? Господа-товарищи...

Несчастливец в *(бросился к Счастливецеву)*. Аркашка! Аркадий! О господи! *(Трясет Счастливецеву. Выхватывает из-за пояса телефон.)* Алло! “Скорая”?... Это из театра... Срочно! У нас тут несчастье случилось — актеру плохо!.. Очень плохо! Слышите?!

Бодаенко. Может, воды ему?

Несчастливец в. Уходи, дед... Уходи, не путайся! И о том, что видел, никому ни слова! Никому!!.. Понял?

Бодаенко. Как не понять? О господи! Доигрались, психи?!.. *(Плывет к кулисам, исчезает.)*

Несчастливец встает, снимает шинель, накрывает молча лежащего

Счастливецеву, стоит над ним, опустив голову...

Пауза.

Затем Счастливец в “оживает”, сбрасывает шинель, жадно глотает воздух.

Несчастливец в *(глянул на часы)*. Семнадцать секунд... Раньше и тридцать выдерживал...

Счастливец в. И пятьдесят... Возраст не тот, Геннадий Демьяныч... Но дед вроде поверил... Как думаете, зятю расскажет?

Несчастливец в. Расскажет! Для него и старались! Пусть знает, бандюга, что здесь тоже люди крутые... Если что — “замочить” мо-

гут!.. Но вообще, Аркашка, честно сказать, умирать ты стал неважно! Помнишь, как с этим этюдом мы в ГИТИС поступали?! Я — в обмороке, ты — бездыханный... Приемная комиссия чуть с ума не сошла!.. А теперь я слишком ору, ты — дергаешься, как эпилептик, а внутреннего проникновения нету... Рано или поздно ведь придется сыграть нам этот этюд по-настоящему! Какой-нибудь спектакль украсим! Давай еще разок пройдем!.. Стрельни-ка теперь в меня! *(Передает пистолет Счастливецву.)*

В тот же момент раздается театральный звонок и свет на сцене начинает гаснуть..

Несчастливцев *(выходит на авансцену, обращается к кому-то в осветительской будке)*. Это еще что? В чем дело, Сережа?

Голос сверху. Все! Время. Репетиция закончена...

Несчастливцев. Дайте хоть финал пройти! Вот люди! “Служители Мельпомены”, мать вашу! Минуту боятся переработать!.. *(Счастливецву.)* Ладно, пока поживем, Аркашка! Финал!

Счастливец *(взял узелок)*. Со слов “нас гонят”?

Несчастливцев. Можно и со слов “нас гонят”... *(Поднял шинель, вывернул ее наизнанку и вновь надел привычное пальто.)* ...Нас гонят! И в самом деле, брат Аркадий, зачем мы зашли, как попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов? Что им мешать? Пусть их живут, как им хочется!.. *(Берет чемодан-ранец, закидывает его за спину.)*

Счастливец. А говорили, на тройке поедem! Вот тебе и тройка!..

Несчастливцев. Молчи, Аркашка! Мы — благородные артисты! Мы коли любим — так уж любим, коли не любим — так ссоримся и деремся... Коли помогаем — так последним трудовым грошом... *(В зал.)* А вы? Всю жизнь толкуете о благе общества, а что сделали? Кого накормили? Кого утешили? Тешите только самих себя, самих себя забавляете... *(Счастливецву.)* Руку, товарищ!

Счастливец. Куда ж мы теперь, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев. Туда, куда ведет наш жалкий жребий.. Как говорил благородный Моор: “О люди, люди!.. Порождение крокодилов!.. Ваше слезы — вода!! Поцелуи — кинжалы в грудь!..”

Неожиданно звонит телефон. Счастливец достает трубку и начинает тихо и по-деловому с кем-то разговаривать. Слышны отдельные фразы.

Счастливец. Алло!.. Нижний Арзамас? Алло! ...Какие концерты, я ж вам объяснял... Ну, пожалуйста, поговорите с ним сами...

Передает трубку Несчастливцеву. Тот неохотно берет ее.

Несчастливцев. Алло! Да. Это — я! Кто?! Миля?!.. Какой Миля? Администратор Миля?! А... Так бы и говорил. Привет, старик! Да какие концерты, у нас репертуара нет... Опять, что ль, Лепорелло с

Дон Жуаном?.. Мы с этим у вас были... Как это “вы не слышали”?.. Вся страна наизусть знает, а вы не слышали... Ну, хорошо. Подумаем... Когда вылетать?.. Завтра?! Вы что, с ума сошли? У нас репетиции нового спектакля... Да мне плевать, что афиши расклеены... Сколько, ты говоришь, сколько?!.. Минутку! (*Счастливецеву.*) Мы в Нижнем Арзамасе работали “Дон Жуана”?

Счастливецев. В Нижнем — “Дон Жуана” не работали.

Несчастливцев. Как это — не работали?.. Там еще клуб такой красивый... неотапливаемый...

Счастливецев. Это — Верхний Арзамас. В Нижнем мы точно не были. Помню отлично!

Несчастливцев. Если не были, что ж ты помнишь отлично? Совсем заврался! (*В трубку.*) Хорошо, Миля. Только ради тебя. Но два концерта — не больше. Нет! Больше мы не потянем ни по здоровью, ни по репертуару...

Счастливецев. Какие там куплеты в этой сценке? “Дон Жуан и Лепорелло возникают то и дело, ля-ля-ля-тарантелла...”

Несчастливцев. Да подожди с куплетами! Халтурщик! Сначала сцену из “Леса” договори! (*Кричит наверх.*) Сережа! Свет убираем на словах: “...О, если б я мог быть гиеною! О, если б я мог остервенеть против адского поколения кровожадных обитателей лесов! О! О!..” Понял?

Голос сверху. Понял. “О! О!”

Свет начинает гаснуть.

Счастливецев. А... Вспомнил! (*Весело запел.*) “Дон Жуан и Лепорелло возникают то и дело, безответственно и смело возмущая этот мир...”

Несчастливцев. Не “возмущая”, а “возбуждая этот мир”... Иной смысл! Эх, Аркашка, пропащий ты человек! Одно не доиграл, уже другое портишь... Никуда я с тобой не поеду!

Счастливецев (*уже как бы примеряя образ Лепорелло*). Ах, синьор, дон Гуан, вам лишь бы обругать своего бедного слугу...

Несчастливцев. Я тебе русским языком говорю: не поеду!

Счастливецев. А по-испански?

Несчастливцев. И по-испански: не поеду. И по-английски. “Ноу”! Никогда!

Счастливецев. Тогда уж — “невермор”. Нижний Арзамас — “невермор”!

Несчастливцев. Пошел к черту!

Счастливецев. Один?! Никогда...

Так, переругиваясь, они уходят по лесной дороге.

Шумят деревья. Поют птицы. Летают бабочки.

Свет медленно гаснет.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На гастролях

Помещение областного театра. Сцена оборудована для концерта московских гастролеров.

Вначале — киноролик, кадры из фильмов, где снимались актеры.

Затем зажигается свет.

Появляется администратор М и л я — пожилой человек с галстуком-бабочкой.

М и л я. ...Итак, продолжается творческий вечер наших дорогих гостей!.. От кино вновь переходим к театру. Среди многочисленных несыгранных ими ролей есть две — особо желанные... Дон Жуан и Лепорелло. Пьес про этих легендарных персонажей написано немало, но артисты сочинили еще одну... новую... Впрочем, еще даже и не сочинили, а будут сочинять прямо здесь, вместе с вами... дорогие нижегорчане и нижегорчанки...

...Поэтому просьба ко всем: проявить активность... напрячь фантазию... и для начала представить, что мы все вдруг оказались в солнечной Испании!

Сцена преобразовалась в нечто экзотическое — пальмы, яркие цветы, пестрые птицы. Зазвучала музыка.

Под звуки мандолины, пришпорив театральных лошадок, на сцену выезжают Д о н Ж у а н и Л е п о р е л л о.

Дон Жуан величествен и сосредоточен в своих мыслях, Лепорелло, наоборот, весел и готов общаться с публикой.

Зазвучала песенка:

Ночь приходит, звезды гаснут,
Но не спит, не спит Севилья!
Двое всадников прекрасных
На дороге появились...
Стук копыт зацокал четко,
В такт ему сердца забились...
Может, где-то нет красоток,
Но в Севилье — избылье!...

Припев:

Дон Жуан и Лепорелло
Возникают то и дело,
Безответственно и смело
Возбуждая этот мир!
Чтобы дать сердцам усладу,
Чтобы спеть им серенаду,
Чтоб погибнуть, если надо,
Черт возьми!

Лепорелло (*в зал*).

Привет вам, дивные красотки-синьорины!
Привет вам, доблестные рыцари-синьоры,
Рискнувшие явиться к нам сюда,
Чтоб вновь увидеть, как их жен и дочерей
Здесь будут обольщать коварный Дон Жуан
И преданный ему слуга и спутник — Лепорелло!

Круг почета.

Вас, конечно же, интересует, как говорится, “ху из ху”? То есть кто — Хуан, кто — слуга? Нас часто путают. Красотой, как видите, оба не обижены!.. (*Гарцует.*) Ладно. Не стану вас мучить... Различать можно просто — по лошадям! Дон Жуан — черный жеребец, Лепорелло — сивый мерин. А если по всадникам, то Дон Жуан — который длиннее, Лепорелло — который умнее...

Дон Жуан отвлекся от мыслей, сурово глянул на слугу и поскакал к нему, размахивая плеткой. Лепорелло испуганно заметался по сцене, уклоняясь от ударов.

Синьор! Синьор!.. Вы же не дослушали... Я не хотел никого обидеть! Я хотел сказать: слуга — это который умнее... Многоточие... Становится день ото дня, запятая, потому что служит такому знаменитому на весь мир господину... запятая, каким является синьор Дон Жуан из Севильи... Восклицательный знак!

Дон Жуан тупо посмотрел на слугу, как бы продумывая услышанное, затем его взгляд переместился куда-то в сторону деревьев, он развернул коня и направился в чащу, не обращая внимания на возгласы Лепорелло.

Синьор!.. Куда вы?.. Это — не женщина! И не лань! И даже не коза... Синьор, нельзя же набрасываться на все, что шевелится! Синьор!!!

Дон Жуан скрылся в чаще. Лепорелло тяжело вздохнул, спешился, вышел на авансцену, обратился к залу.

Вот такой сумасшедший темперамент!.. Бедная зайчиха! Ей — конец!.. Единственное утешение перед погибелью в том, что она отдается самому Дон Жуану!.. (*Таинственно.*) Впрочем, если говорить по-честному, никакой он и не Дон Жуан!

Настоящий Дон Жуан жил пятьсот лет назад в Испании... Действительно, обольщал женщин... А потом с ним произошла знаменитая история, когда он вдруг увидел красавицу Дону Анну... Соблазнил... а потом явился ее каменный муж — Командор и — р-раз! — голубчика за руку и — в ад... Жариться за грехи на сковороде!..

Но самое-то интересное в том, что история на этом не закончилась! Оказалось, и в аду Дон Жуан совратил всех чертенок женского пола... Потом — чертей... потом и чертенят... то есть буквально и детей не пожалел, мерзавец! Короче, ад застонал, завыл и выгнал его к чертям собачьим, то есть обратно к нам... С тех пор его грешная душа так и мечется между Тем и Этим светом — здесь поблудит, там подымится... Одним словом, говоря по-научному, происходит “реинкарнация” — переселение душ...

Так вот мой хозяин — последнее воплощение этого безобразия. До этого был нормальный человек, отличный семьянин, дедушка... Работал в солидном министерстве, был уважаем коллективом... И вдруг, что называется, — бес в ребро, вселяется в него донжуанова душа, входит, как говорится, в самую плоть... И пошло-понеслось! Коллектив застонал. Никому нет от него житья!.. В смысле, наоборот — всем житье!.. В общем, вы меня понимаете? Пробовали лечить, водили к сексопатологу... Так он — и сексопатолога!! И весь медперсонал!.. Короче, осталось одно средство — изгнание дьявола! Но как это сделать?! Оказалось, можно только старым дедовским способом... По Пушкину: *(показывает схему)* “Дона Анна — Свидание — Обольщение — Шаги Командора — Сам Командор: “Дай руку мне!” — “О, тяжело пожатье каменной его десницы! Я гибну — кончено — о, Дона Анна!..” Помните?.. Я к тому, что лечить так можно только здесь, на театре... Поэтому мы вас и пригласили... Надеюсь, никто не откажется помочь страдающему человеку?..

Для начала, конечно, надо выбрать Дону Анну... *(Оглядывает зал.)* Есть желающие отдаться злодею... разумеется, из чисто гуманных соображений?.. Все готовы?!.. Какое благородство! Тогда, прекрасные синьорины, извините, придется провести небольшой конкурс...

Каждый окунь любит свою блесну!.. Мой хозяин тоже отдает предпочтение... *(оглядывает первые ряды)* блондинкам... брюнеткам... и шатенкам... Нет! Не могу! Как труден выбор! И все-таки намечу претенденток, чей чудный облик, может быть, напомнит ему черты прекрасной Доны Анны... *(Достаёт несколько красных вееров.)* Вы, синьорина... Вы!.. И вы!.. *(Раздает женщинам в зале веера.)* Когда появится пред вами Дон Жуан, взмахните веером... вот так... на красное он падок!..

Теперь нам нужен Командор! Есть в зале рогоносцы?.. Конечно, нет! А если долг потребует? И Родина? Тогда, я думаю, найдутся? *(Комутит в зале.)* Вы, сударь, не желаете? А жаль! В вас что-то каменное есть... Тогда, быть может, станете “Шагами Командора?”... Прошу вас, это так несложно... Когда дам знак, вы ножками — бух! бух!.. У вас получится... *(Очередному зрителю.)* А Командором — вы! Злодей вас как увидит, так

и вздрогнет!.. А вам лишь протянуть ему десницу... (*Достает огромную бутафорскую руку.*) И текст произнести... “Все кончено... Дрожишь ты, Дон Гуан! (Тут вы его не Жуаном, а Гуаном называйте, — так будет ему обидней...) Дай руку, Дон Гуан!...” А дальше дым, огонь... Короче, все, что есть в театре!.. Договорились?

Звук трубы.

Он возвращается! Устроим ему встречу! Все дамы хлопают, мужчины — рвут и мечут!

Из глубины леса, под аплодисменты и свист, появляется Д о н Ж у а н.

Д о н Ж у а н (*оглядывая зал*). Кто эти люди? Где мы, Лепорелло?

Л е п о р е л л о. В Севилье, где ж еще? Достигнуты пределы земли, где любят вас и ненавидят страстно. Поэтому и оставаться здесь опасно... Давайте скроемся в лесу...

Д о н Ж у а н. О, нет, глупец! Опасность для меня и пламенных сердец — что ветер для костра... Вмиг вспыхнут искры страсти и польхнет пожар любви...

Л е п о р е л л о. Или несчастья! (*В зал, тихо.*) Веерочками обмахиваемся... Веерочками!..

Д о н Ж у а н (*увидев женщин с красными веерами*). О, Боже! Неужели? Дона Анна?

Л е п о р е л л о. Где, сударь? Где? Вон там или вон там?..

Д о н Ж у а н. Не смею верить я своим глазам... Вот же она — прелестное создание... Ее глаза... улыбку... и дыханье... я узнаю, пройдя через века...

Л е п о р е л л о (*в зал*). Все! Окунь взял блесну... Теперь лишь подсекай! (*Дон Жуану.*) А может, не она? Быть может, та? Другая?..

Д о н Ж у а н. Молчи, дурак! Мне небо помогает свой выбор сделать... Срочно к ней ступай! Скажи, что Дон Жуан назначил ей свиданье...

Л е п о р е л л о. О нет, синьор! Опасное задание... Там рядом — муж сидит... Вон — каменная глыба! Соперника попроще не могли бы... вы подыскать?!.. Ведь он вас в ад отправил!..

Д о н Ж у а н. Бояться Дон Жуану — против правил! Я встрече с Командором буду рад! После его жены — мне раем станет ад!..

Л е п о р е л л о (*в зал*). Все! Наркоз действует... Можно начинать операцию... (*Спускается в зал к зрительнице.*) Синьора Дона Анна, выбор сделан! Прошу вас в рощу! (*тихо*) ...Да не бойтесь вы его... Он с виду грозен, а на деле — ничего... Я говорю, на самом деле разврата в этом теле — еле-еле... (*Выводит зрительницу на сцену.*) Разрешите представить — Дон Жуан, коварный соблазнитель!

Дон Жуан. Да, Дона Анна!.. Так!..

Разврата

Я долго был покорный ученик,
Но с той поры, как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас поллюбя, люблю и добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колени преклоняю...

(Встает на колени, опускает голову.)

Ле порелло *(зрительнице)*. Вы обмахивайтесь... Обмахивайтесь!.. И пушкинский текст говорите... Не помните? Ладно! Я — за вас. Ему сейчас все равно... *(Прячется за веер, говорит женским голосом.)* О, Дон Жуан красноречив, я знаю... Вы — сущий демон. Сколько бедных женщин вы погубили? *

Дон Жуан. Ни одной доньне из них я не любил.

Ле порелло *(из-за веера)*. И я поверю, чтоб Дон Жуан влюбился в первый раз, чтоб не искал во мне он жертвы новой!..

Дон Жуан. Когда б я вас обманывать хотел, признался ль я, сказал бы я то имя, которого вы можете не слышать?.. За сладкий миг свиданья безропотно отдам я жизнь!

Ле порелло. О, Дон Жуан, как сердцем я слаба...

Дон Жуан. В залог прощенья — мирный поцелуй! *(Встает с колен, протягивает руки зрительнице.)*

Ле порелло *(испуганно, зрительнице)*. Тут уж я вас заменить не смогу, синьора... *(Соединяет руки Зрительницы и Дон Жуана.)* За дерево летите, голубки, я вас посторожу...

Дон Жуан уводит Зрительницу в чащу леса.

Ну, все! Минуты полторы им на любовь... И наступает час возмездия!!.. *(Достаёт песочные часы.)* О, время из песка! Пока ты молод, швыряешь его щедрыми мешками в пустыне... В старости оно посыплет из тебя едва заметной струйкой, но все ж песчиночки до счастья и не хватит... *(В зал.)* Все! Приготовились!..

Пошли шаги! *(Кричит в глубину леса.)* Синьор! Атас! К нам кто-то приближается... *(В зал.)* Громче шаги командора!.. Громче!.. Помогите, мужики!.. Бум-бум! Теперь — сам Командор! Пошел! Пошел!.. *(Выводит Зрителя на сцену, прилаживает к нему бутафорскую руку.)* Текст помните? “Все кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан? Дай руку”... Ну-ка, скажите! *(Зритель повторяет реплику.)* Здорово! Верю! Мурашки аж побежали... *(Кричит в глубину леса.)* Синьор! К вам тут пришли! Гости у нас, синьор!

Дон Жуан *(появляется)*. Кто смел меня тревожить в такой момент?

Ле порелло *(с иронией)*. Кто? Ейный муж... Забыли статую? А вот она явилась... *(Зрителю.)* Текст давайте...

Зритель. Все кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан? Дай руку!

Дон Жуан (*обиженно*). Кто я? Кто я?

Лепорелло (*подсказывая*). Сказал он: “Дон Гуан”.

Дон Жуан. Что надо этому нахалу?

Лепорелло. Руки он вашей просит!..

Дон Жуан. Вот она! (*Берется за бутафорскую руку*.) “О, тяжело пожатые каменной его десницы! Оставь меня, пусти, пусти мне руку... Я гибну! Кончено! О, Дона Анна!”

Лепорелло делает знак пиротехникам. На сцене раздается грохот, мелькает “адский огонь”, валит дым. Дон Жуан падает бездыханный. Лепорелло помогает Зрительнице и Зрителю вернуться в зал, затем возвращается к Дон Жуану, пробует пульс на его руке.

Дон Жуан (*приходя в себя*). Где я?

Лепорелло. В театре, дорогой!..

Дон Жуан. В театре?.. Зачем?.. А вы — кто?

Лепорелло. Отвечаю по пунктам... Вы, сударь, тяжело болели.

Диагноз: психозос донгуаноз третьей степени... Теперь идете на поправку... А я — в прошлом ваш слуга, Лепорелло, а на самом деле — фельдшер психдиспансера номер 6...

Дон Жуан. Лепорелло... Дон Жуан. Да-да! Что-то припоминаю!..

Лепорелло (*истуганно*). А вот этого не надо, дорогой! Не припоминайте! Вылечились, и точка!.. И пусть душа этого развратника, Жуана-Хуана-Гуана... пусть она подольше пребывает в аду, а не вселяется, понимаешь, в уважаемых граждан... не мутит их разум, не взбурляет их кровь... не возбуждает их плоть... (*Его взгляд начинает неожиданно приобретать безумное выражение, штаны напрягаются, он начинает оглядывать зал глазами хищника*.)

Дон Жуан. Что с вами, фельдшер?

Лепорелло. Какой я фельдшер?!

Дон Жуан. Ну, доктор?..

Лепорелло (*с пафосом*). Молчи, глупец! При чем тут доктора, когда зажегся взгляд? Забухало в висках! Огонь пошел по членам!.. Теперь мне небеса и море — по колено!..

Пыгается сесть на коня, второпях попадает только в одно стремя, тащит коня к лесу.

Дон Жуан (*в отчаянии хватаят своего “коня” на руки, направляется за Лепорелло*). Куда, синьор? Да что вы, в самом деле?.. Ведь это просто ветерок траву шевелит... (*В зал*.) Да, чувствую опять пришла беда! В дурдоме станет больше пациентом... Синьоры! Срочно! Попрошу аплодисменты! Иначе мы не кончим никогда!..

Музыка. Аплодисменты.

Занавес.

На сцену выскакивают Поклонницы с цветами. Берут автографы. Здесь же несколько фотокорреспондентов шелкают блицами.

Усталые артисты вместе с “лошадками” кружат по сцене, спасаясь от тех и от других. Вбегает радостный Миля.

Миля (*выпроставивает Поклонниц*). Все, девочки! Все! Артистам нужен отдых. Через час — второй концерт! (*Артистам.*) Дорогулечки! Поздравляю! Такой успех! Такой успех!

Дон Жуан (*держась за поясницу*). Миля! Где можно полежать?

Миля. Полежать? В каком смысле? А... понял! В ресторанчике... Тут рядом... За час обернемся.

Дон Жуан. Какой ресторанчик? Я говорю: мне полежать надо!

Миля. Хорошо, дорогуля. Можно в моем кабинете. Там, кстати, солидные гости... Уже накрыли стол...

Дон Жуан. Я не хочу лежать на столе... Я еще живой... Э! Черт! Устроили гастрольку! (*Хватается за поясницу*.) Все! Тут ложусь! (*Замечает ширму, быстро расставляет ее, ложится за ее прикрытием на полу.*)

Миля. Да вы что? Роднуля! На полу!!

Дон Жуан. Уйдите, Миля! Иначе — отменяю второй концерт!

Миля. Как — отменяю? Не пугайте! У меня — переаншлаг!

Дон Жуан. А у меня — радикулит. Я на коня не влезу! Понимаете? Не влезу!

Миля. Хорошо. Выведете под уздцы...

Дон Жуан. Халтура! Дон Жуан должен быть на коне!

Миля. Не обязательно, дорогуля... Зритель же в театр идет, а не на ипподром... (*Лепорелло.*) Ну, так нельзя. Скажите ему...

Лепорелло. Не могу! (*Тихо.*) Миля, у нас с синьором сейчас несколько напряженные отношения... Пусть лежит, где хочет! Капризен до невозможности! Я ему — не нянька! (*Расставляет рядом вторую ширму.*) Я такой же артист, мне тоже нужен покой.

Миля. Покой будет! Роднулечки, это гарантирую! Поставим милицейский пост, ни одна живая душа сюда... (*Замечает появившуюся юную Поклонницу.*) Так! Девочка! Тебе чего?

Поклонница. Автограф! И вот еще письмо передать...

Миля. Все! Никаких писем! (*Пытается ее выпроводить.*)

Поклонница (*уворачиваясь*). Ну, пожалуйста... Ну, очень надо! (*Сопротивляется, визжит.*)

Дон Жуан (*стонет*). Отменяю! К чертовой матери... Отменяю!

Лепорелло. Перестаньте голосить!! (*Подбегает к Поклоннице.*) Какое письмо? От кого?

Поклонница. Прочтете — узнаете. В общем, это письма вам, двум сразу!..

Лепорелло. Девочка, надо говорить: не “двум”, а “двоим”...

Поклонница. Я и говорю: “обеим...” (*Отдает письмо.*)

Лепорелло (*поправляя*). “Обоим”!

Поклонница. Да. Я и говорю... И еще автограф! (*Достает программки.*) Вот здесь... Вот здесь...

Лепорелло. Куда тебе столько?

Поклонница. Это не только мне... нас там много, в зале... Мне — вот здесь! (*Оголила предплечье.*) На руке!

Лепорелло. Зачем?

Поклонница. Наколку сделаю...

Лепорелло. С ума сошла?

Поклонница. Почему? Просто люблю эстраду... (*Оголила правое предплечье.*) Здесь у меня — Леонтьев! Здесь вот — Винокур с Лещенко...

Лепорелло. Прямо не тело, а альбом!.. (*Ставит подпись.*) Только, синьора, Дон Жуана не беспокойте... Он отдыхает! ...Или давай я за него подпишу...

Дон Жуан (*из-за ширмы*). Не надо за меня! Не надо! Да еще после Винокура! Уж пожалуйста!!

Лепорелло. Я думал, вы себя плохо чувствуете, синьор.

Дон Жуан (*вскочил над ширмой*). Зато вы, синьор, — хорошо! Совсем одурели от дешевой популярности! Я — не эстрадник, на телах не расписываюсь!..

Миля. Роднучечки! Только не ругайтесь! Только не ругайтесь!

Дон Жуан. Мы не ругаемся! Просто мы — разные люди! И это — последняя гастроль!

Лепорелло. Не надо меня пугать!

Дон Жуан. Я не пугаю! Я прошу покоя и тишины!

Миля. Все! Уходим. (*Поклоннице.*) Все из-за тебя, глупая!..

Поклонница. А я-то при чем?.. Просила, что ль? (*Дон Жуану.*)

Если хотите знать, у меня уже есть ваш автограф!

Дон Жуан (*упавшим голосом*). Откуда?

Поклонница. Из Вологды... Вы там один выступали... Я на концерте была. Вот! (*Оголила левое плечо.*)

Лепорелло (*с ехидцей*). Почерк ваш, синьор! Уж извините...

Дон Жуан (*гневно*). Так! Или немедленно все исчезнут, или отменяю второй концерт к чертовой бабушке!!

Миля. Все! Уходим... Уходим... Отдыхайте, роднули...

Миля и Поклонница уходят.

Дон Жуан ложится за ширму, стонет.

Лепорелло ходит рядом, прислушивается к стонам.

Лепорелло. Синьор! Может быть, сделаю массаж?

Дон Жуан. Спасибо! Уж сам как-нибудь...

Лепорелло. Ну, как знаете... *(Ходит у ширмы.)* Там письмо от поклонницы. Прочитать?

Дон Жуан. Сам прочту.

Лепорелло. Как знаете... *(Бросает письмо за ширму.)* Я вот думаю: когда ж это вы были один с концертом в Вологде?

Дон Жуан. Давно...

Лепорелло. Как давно?

Дон Жуан. Давно. До встречи в лесу с Аркашкой.

Лепорелло. Не скажите!.. Девочка молодая, надпись свежая. Стало быть, один недавно ездили?

Дон Жуан. И что?

Лепорелло. Ничего... Просто я думал, что есть какие-то обязательства. Мы — театр двух актеров!

Дон Жуан. В прошлом! Был театр двух актеров, будут два театра — одного... Привыкайте к монологам!

Лепорелло. А чего мне привыкать? Я люблю монологи.

Дон Жуан. Вот и произносите...

Лепорелло. И произнесу... И хватит меня перебивать!

Дон Жуан. Давно не перебиваю... Бессмысленно! Вы — свое, я — свое! Полная автономия! И прекрасно!..

Лепорелло и Дон Жуан *(вместе)*. И пожалуйста! И ладно! Ох, как страшно!.. В конце концов — не сиамские близнецы... Да уж!.. И не такое делилось!.. *(И так далее и тому подобное.)*

Несколько секунд Дон Жуан и Лепорелло говорят в унисон,
не слушая друг друга.

Появляется Алик, молодой бородатый фотокорреспондент. Некоторое время слушает этот странный диалог-монолог, потом делает снимок.

Лепорелло *(вздрыгнул)*. Вы кто? Откуда? Кто пустил?

Алик. Из молодежной газеты... Хотел снимок для первой полосы... Вы... с лошадами...

Лепорелло. Зачем? Отдыхают лошади... Заездились!

Алик. Вот и хорошо! Трогательно... Я и подпись придумал: “Кентавры на привале”.

Лепорелло. Какие еще “кентавры”? Кто пропустил? *(Кричит за сцену.)* Миля!

Алик. Не надо Милю! Ради Бога! Ухожу!.. Извините... *(Направился к выходу, остановился.)* Я, вообще-то, не только фотограф. Я — немного экстрасенс!

Лепорелло. И что?

Алик. Сказали, что у кого-то радикулит... Могу помочь... У меня от руки тепло идет... Вот, попробуйте! *(Проводит рукой над головой Лепорелло.)*

Лепорелло (*испуганно*). Не надо меня теплом!.. У меня — давление!

Алик. А давление я запросто понижаю... (*Протянул руку.*)

Лепорелло (*отшатнувшись*). Я сказал: не надо! Мы сами себе и экстрасенсы, и невропатологи. Уходите, пожалуйста!!

Алик (*достал из портфеля визитку*). На всякий случай — визитка. Маринин. Алексей. Она, кстати, заряжена...

Лепорелло. В каком смысле?

Алик. Энергетически! Заряжена! Можно приложить к пояснице или к голове.

Лепорелло. И психиатры мы — тоже... Но сегодня прием закончен! До свиданья!

Алик. Вы все шутите, а я серьезно... Ну, извините... До свиданья!

Пошел к выходу, но тут же вернулся.

Совсем забыл. У меня ж вам подарки от редакции... (*Достает из портфеля.*) Альбом с видами города. Банка меда. Мед у нас особый, целебный... При радикулите тоже помогает. А это — “Набоков”. (*Ставит на стол бутылку.*)

Лепорелло. Какой “Набоков”?

Алик. Писатель был такой.

Лепорелло. Знаем, что не флотоводец. Грамотные! Почему у вас водка — “Набоков”?.. Он здесь жил, что ли?

Алик. Никогда! А если б и жил — все равно глупо и пошло! Обыкновенный провинциальный идиотизм! У нас в городе — новый хозяин ликеро-водочного завода. Жену зовут — Лолита. Кто-то ему, очевидно, сказал, что у Набокова есть одноименный роман. А он, вместо того, чтоб прочесть, сразу водку гонит в честь автора! Ну, не пошлость?!.. Владимир Владимирович, наверное, в гробу переворачивается... (*Саркастически улыбается.*)

Лепорелло. Какой Владимир Владимирович?

Алик. Набоков... Я вам нарочно принес бутылку, чтоб в Москве посмотрели, какую культуру несут новые хозяева жизни в глубинку! Водка, между прочим, неплохая... Тройной перегонки...

Лепорелло. Ладно. Оставьте “Набокова”. Почитаем. Только сейчас, правда, голубчик, дайте передохнуть. Нам еще работать и работать!

Алик (*мнется*). Специально и зашел узнать: не отменяется второй концерт? Я ведь днем его почти и не видел... Когда смотришь на сцену через объектив — не то. Вечером хотел вместе с женой... Билеты вот купил, во втором ряду...

Лепорелло. И что?

Алик. Подумал: у моей жены сегодня — день рождения. Вот бы ей — подарок, если б вы ее на сцену... Как Дону Анну... Понимаете?.. Вам ведь непринципиально — кого выводить?..

Ле порелло. В некотором смысле — принципиально.

Алик. Она — красивая... У меня и фотографии с собой... *(Поспешно достает фотографии.)* Вот! Смотрите!

Ле порелло *(отмахиваясь)*. Я вам верю... Сами ракурс выбрали? *(Алик кивнул.)* Вот! И у артиста тоже есть свой ракурс, свободная фантазия... Уж позвольте художнику самому как-то решать: кто в зале — Дона Анна, кто — нет... Так что подарочки свои заберите! До свиданья! *(Укладывает в портфель водку.)* Совсем народ обнаглел! Дон Жуана, как водопроводчика, за бутылку подряжают...

Алик. Зачем вы так? Я могу и гонорар... *(Полез в карман.)* У меня, правда, с собой немного...

Ле порелло *(резко)*. А вот эти купеческие замашки вы бросьте! Мы — артисты и по заказу не работаем! Не продаемся, не покупаемся! И все зрители для нас — равны! *(Неожиданно схватился за голову.)* Ох! Черт возьми! Голова! Ой, мама!.. Синьор! Помогите!

Дон Жуан вскочил, уронив ширму, бросился к Лепорелло.

Дон Жуан. Что? Что случилось?

Ле порелло *(стонет)*. В затылке сдавило... И в глазах — точки! Первый признак... Там где-то в сумке — аппарат для давления.

Дон Жуан. Знаю. *(Усаживает Лепорелло на диванчик, извлекает из сумки аппарат.)*

Алик *(участливо)*. Давление я очень хорошо понижаю... Просто меняю полярность в руке — и уже холод! *(Протягивает руку к Дон Жуану.)*

Дон Жуан *(отскочил)*. Зачем мне холод? У меня — радикулит!

Алик. Я в качестве примера...

Ле порелло *(плачет)*. Пусть этот человек исчезнет! Умоляю!

Дон Жуан *(Алику)*. Дорогой, сделайте милость!.. Вы как доктор действуете на нас аллергически...

Алик. Я — не доктор. Но если, действительно, нужен уход врача...

Дон Жуан *(перебивая)*. Уход врача нужен! Уход! *(Выталкивает Алика.)*

Алик *(с отчаянием)*. Как-то глупо и пошло все получилось...

Уходит.

Ле порелло *(стонет)*. Хорошенькая гастролька!..

Дон Жуан *(развернул аппарат, начинает мерить давление)*. Помолчи!.. Ого!.. Сто шестьдесят на сто.

Ле порелло. Это нормально.

Дон Жуан. С каких это пор?

Ле порелло. Для Лепорелло — нормально сто шестьдесят. Для Счастливецва — сто семьдесят, для Санчо Панса — двести!

Дон Жуан. Надо дирекции сказать, чтоб в программках указывали анализы исполнителей... Повысит интерес публики.

Лепорелло. Самое приятное, что ты — вскочил... Отпустило? Дон Жуан. Ненадолго. Очевидно, на нас с тобой природой выделен какой-то общий процент болезненности... Как в сообщающихся сосудах: тебе — хуже, мне — лучше... Тебе — лучше, мне... *(Поморщился.)* Вот опять у меня начинается...

Лепорелло. Успокойся. Мне не лучше! Я полежу...

Дон Жуан. Молодец. *(Заботливо укладывает Лепорелло на диван, накрывает пальто.)* Закрой глаза и помолчи. *(Ложится рядом.)* Всегда мечтал Обломова сыграть... Чтоб лежать в халате все два акта на диване...

Лепорелло. А я всегда мечтал — Герасима глухонемого из “Муму”... Текст учить не надо.

Дон Жуан. Еще лучше — саму “Муму”. И чтоб ее утопили в первой же картине первого действия...

Лепорелло. Да... Это — мечта так мечта!.. *(Неожиданно всхлинул.)* Синьор! Давайте помиримся...

Дон Жуан. А мы что сделали?

Лепорелло. Официально... Ради последней гастролы.

Дон Жуан. Хорошо.

Лежа, пожимают друг другу руки.

Лепорелло. Знаете, вот когда так всерьез прищемит, то начинают в голову лезть всякие мысли... Друзей вспоминаешь, тех, что ушли навсегда...

Дон Жуан. Да! Между прочим, на гастролях...

Лепорелло. Именно. Гастроли — страшная вещь по напряженности... Это мало кто понимает!.. Если уж со мной такое вдруг случится, вы, синьор, меня уж тут не бросайте...

Дон Жуан. Почему — с тобой?.. Может, со мной?

Лепорелло. Все равно, с кем бы из нас... Все равно! Поклянемся: оставшийся в живых должен довести неоставшегося до Москвы... В родной театр. Чтоб музыка из спектаклей... Слова!.. Критики, сволочи, — чтоб со слезами на глазах, и уж потом — прямо на Кунцевское...

Дон Жуан. Почему на Кунцевское? Договаривались на Ваганьково?

Лепорелло. “Кунцевское” — солидной... Я через знакомых в Моссовете уже все устроил. Прекрасное место. И плитку можно большую — двойную. Это — красиво: “Здесь нашли вечный приют Несчастливец и Счастливец”.

Дон Жуан. Почему это я первым найду приют?

Лепорелло. По алфавиту.

Дон Жуан. Тогда лучше “Дон Жуан и Лепорелло”. Нет, получается то же самое... “Дон Кихот и Санчо”... Да что ж такое? Как ты ловко устроился с алфавитом!

Ле пор е л л о. Можно, конечно, написать: “Здесь нашли приют Ворошилов и Сталин”, но, боюсь, не утвердят текст!..

Переглянулись, засмеялись.

Д о н Ж у а н. Господи! Сколько ролей — и ничего не сыграно настоящему.

Ле пор е л л о. Сыграем еще! Главное — быть вместе!

Д о н Ж у а н. Конечно, вместе... Куда мы друг от друга денемся? Вот, смотри, какое письмо... *(Взял со столика письмо.)* “Здравствуйте, дорогие, любимые артисты! Пишет вам ваша дочь — Маша...”

Ле пор е л л о *(не открывая глаз)*. Чья дочь Маша?

Д о н Ж у а н. Наша дочь Маша... *(Читает.)* “Вас, наверное, это удивляет?”

Ле пор е л л о. Нисколько...

Д о н Ж у а н *(продолжает чтение)*. “Но в жизни все случается. Двадцать лет назад вы были с концертами в Керчи, там познакомились с моей мамой, Тамарой Одинцовой”...

Ле пор е л л о. Не помню...

Д о н Ж у а н *(продолжает чтение)* “...высокая блондинка... с большими карими глазами...”

Ле пор е л л о. Не помню!

Д о н Ж у а н *(читает)*. “Она была вашей поклонницей! Влюбилась в вас двоих! Всюду за вами ездила. Наконец, в Керчи вы ответили на ее чувства...”

Ле пор е л л о. Стоп! Это какая Тамара? Такая курносенькая?

Д о н Ж у а н. Это — Нина. Город — Самара! А это — Тамара, город Керчь.

Ле пор е л л о. Город Керчь не помню. Я, вообще, не посещал город Керчь!

Д о н Ж у а н. А куда Аркашка Счастливец шел из Вологды?

Ле пор е л л о. Он шел на Одессу, а вышел к Херсону...

Д о н Ж у а н. Это — матрос Железняк. Актер Счастливец в пьесе Островского шел из Вологды в Керчь. И, как видишь, дошел. *(Читает.)* “...Вы уехали, а через положенное время родилась я, с прочерком в метрике, а на самом деле — с двумя знаменитыми отцами, о которых узнала, только став взрослой. Когда вас показывали по телевизору, я бросала все дела, садилась у экрана и, затаив дыхание, слушала ваши выступления, а иногда и не могла удержаться, чтоб не крикнуть: “Папа! Папа!...”

Ле пор е л л о *(с иронией)*. Два раза — “папа”? Я сейчас заплачу!

Д о н Ж у а н *(проглядывая письмо)*. “Материальной помощи мне от вас не надо!”

Ле пор е л л о. И на том спасибо!

Д о н Ж у а н *(продолжает чтение)*. “Наоборот! Может, еще в старости пригожусь... А пока у меня к вам одна просьба: пригласите меня

на концерте на сцену как Дону Анну! Для меня же это будет как воспоминание о маме, которую вы заметили со сцены много лет назад... Ваша дочь Мария. Второй ряд, место тринадцать..." Ну, что скажешь?

Л е п о р е л л о. Аферистка!! Наверняка такое же письмо Винокуру послала.

Д о н Ж у а н. Не думаю... Здесь и фотография детская...

Л е п о р е л л о. Чья?

Д о н Ж у а н. Ее. Марии Лепорелловны... Хочешь глянуть? Пожож...

Л е п о р е л л о (*подскочил*). Почему "Лепорелловны"? Не надо так шутить! Синьор, я старый больной человек. Мои дочери живут в Москве, внучки — там же... В завещание я больше вносить никого не собираюсь!.. И вообще, если не хотим снова поссориться, давайте хоть пять минут соснем... (*Накрылся пальто, демонстративно захрапел.*)

Д о н Ж у а н (*разглядывая фото*). Бесчувственный ты человек, Лепорелло... А я стал сентиментален! И понимаю, что обман, но когда вижу вот такое юное создание, которое колетса автографами, то набегает непрошенная слеза... (*Смахнул непрошеную слезу, начал декламировать очередную роль, постепенно увлекаясь.*) "Я пью за матерей, которые бросают своих детей... Пусть пребывают они в веселии и радости..."

Лепорелло еще громче захрапел.

Дон Жуан понизил голос и еще несколько секунд беззвучно, мимически выразительно исполнял монолог Незнамова из пьесы "Без вины виноватые".

Тихо открывается дверь, вновь появляется А л и к, внимательно наблюдает пантомиму Дон Жуана.

Наконец, Дон Жуан замечает его, прижимает палец к губам, решительно оттаскивает в сторону.

Д о н Ж у а н (*шепотом, но гневно*). Что вас снова принесло?! Какого черта?

А л и к (*шепотом*). Извиниться пришел...

Д о н Ж у а н (*шепотом*). Мы вас прощаем! (*Пытается вытолкнуть Алика, тот сопротивляется.*)

А л и к. Подождите!.. Я не хотел, но все получается почему-то глупо и пошло... То, что ненавижу больше всего. Глупо и пошло! Смотрите! (*Хватается за свою бороду и, к изумлению Дон Жуана, отклеивает ее.*) Вот! Фарс! Глупейший!.. Фарс!

Д о н Ж у а н (*удивился*). Допустим, фарс... И что?

А л и к. А то, что по сути — трагедия... Два любящих человека страдают и мучаются. Понимаете?

Д о н Ж у а н. Ничего, что в трусах?

А л и к (*не слушая*). И помочь, как ни странно, можете вы — столичные знаменитости, со своими дурацкими лошадаками... Еще раз извините!.. Мне действительно важно, чтоб вы обратили внимание на мою жену...

Дон Жуан. Я в трусах, вы, что, не видите?

Алик (*взвился*). Не смейте так шутить!

Дон Жуан. Я не шучу. Мне холодно...

Алик. У нее — стресс! Депрессия! Понимаете? Винават я, не спорю... Я! Изменял, выпивал, уходил, всякое было... Потом вернулся, но она уже была надломлена... Стала нервничать, думать, что некрасива. Сделала пластическую операцию... Нос укоротила. Зачем? Почему?! Мне как раз ее нос нравился... Теперь считает, что еще хуже стала. Сидит дома. Зеркала завесили, как при покойнике...

Дон Жуан (*теряя терпение*). Слушайте, как вас там?..

Алик. Алик.

Дон Жуан. Алик, мы-то при чем?

Алик. Вы — столица, вы — телевидение! Знаменитость! А теперь представьте: Дон Жуан из Москвы среди всех женщин нашего города выбирает Марину. Это — событие. Снимки в газетах. Завистливые глаза подруг!..

Дон Жуан. Марина, это — кто?

Алик. Марина — моя жена.

Дон Жуан. А вы — Маринин?

Алик. Фамилия — другая. Маринин — литературный псевдоним... Я, вообще-то, режиссер и драматург... У меня здесь студия театральная... Между прочим, мы начали как раз работать над моей пьесой о Дон Жуане. Хотите прочитать? (*Открыл портфель*.)

Дон Жуан. Не сейчас... Пришлите в Москву, к нам в театр.

Алик. Я посылал... Гиблое дело, никто не читает! Поставлю сам. Свободная фантазия на тему... Современная история, но с включениями из Мольера... из Терсо де Молина... Фриша... И такое перетекание жанра — от классики к импровизации, к хэппинингу... Я очень бы просил вас прочитать. Мне кажется, вы сможете сыграть Дон Жуана.

Дон Жуан. А я чем здесь занимаюсь?

Алик. Нет. Не эстрадно... Всерьез! Понимаете, для меня Дон Жуан — прежде всего фигура трагическая...

Дон Жуан. Для меня — тоже... (*Схватился за поясницу*.) У меня ноги заковчели.

Алик. Вы опять шутите?

Дон Жуан (*взорвался*). Я шучу на работе! А сейчас — отдыхаю! (*Взял себя в руки*.) Черт с вами! Давайте пьесу. Посмотрю... (*Берет из рук Алика рукопись. Тут же раздается сухой треск, словно пробежала искра. Дон Жуан отдергивает руку, листки пьесы рассыпаются по полу*.)

Алик. Аккуратней!! Ну, что вы наделали? (*Садится на листки*.)

Дон Жуан. Вы ее сейчас заряжаете или разряжаете?

Алик. Примета плохая... если рукопись упала, то надо на ней посидеть...

Дон Жуан. Надеюсь, не на каждом листке?

Алик. Лучше — на каждом... *(Пересаживается с листка на листок.)*

Дон Жуан *(печально)*. О господи!.. *(Подходит к Лепорелло.)*
Не спишь?

Лепорелло *(скидывает пальто, которым укрывался, поднимается)*. Уснешь тут с вами, черт вас всех подери... *(С удивлением смотрит на Алика, пересаживающегося с листка на листок.)* Он чего это делает?

Дон Жуан. Исполняет ритуальный танец!

Лепорелло *(испуганно)*. Сектант, что ль? А где борода?

Дон Жуан. Побрился... У него вместо руки — электробритва... Короче, чтоб покончить с этим кошмаром, придется позвать его жену на сцену...

Лепорелло *(заволновался)*. Почему — придется?.. Что за шантаж? Это каждый будет приходиться за кулисы, понимаешь, прыгать задницей по листкам... и что-то требовать? *(Алику.)* Завтра — пожалуйста. Завтра у нас концерт в Верхнем Арзамасе. Приходите с супругой, с детьми. Всех пригласим на сцену. Сегодня, извините, — никак-с!

Дон Жуан *(строго)*. Это ты брось, Аркашка! Почему “никак-с”?!

Лепорелло. А потому, Геннадий Демьяныч, что вы сами расправили мою душу... Я говорю про письмо “дочурки” нашей! Жалко девочку! Она ведь надеется! Позвала, наверняка, подружек, мальчика любимого... Все будут сидеть с лапшой на ушах, ждать... *(Жалобно смотрит на Дон Жуана.)* Не вы ли учили меня благородству, Геннадий Демьяныч? Или мы уже не люди, а порождение крокодилов?

Дон Жуан *(подозрительно посмотрел на Лепорелло)*. Ты про эту девочку?

Лепорелло. Про нее. Про Марию Жуановну-Лепорелловну!! *(Алику.)* Понимаете, дорогой, мы тут получили одно трогательное письмо. У нас с синьором здесь обнаружилась дочь...

Алик. Второй ряд, место тринадцать? Маша?!

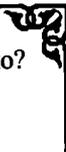
Лепорелло *(растерялся)*. Маша...

Алик *(смеется)*. Да вы что? Эта Маша — не ваша... Фу! Пошлость, да еще в рифму! Ну, как объяснить? Она — из моей студии... Способная актриса... Но на главную героиню не годится... И потому у нас с ней довольно непростые отношения...

Дон Жуан. Вы сказали, у вас с женой — непростые...

Алик. С женой — сложные, с Машей... непростые... В жизни все может быть, но в театре Доной Анной будет Марина! Машку я с роли снял! А она вон что придумала...

Лепорелло. Слушайте, что вы нам голову морочите? Разбирайтесь сами: кто кому — жена, кто кому — дочь! Устроил, понимаешь, нам “Санта Барбару”!

Женский голос (*откуда-то издалека*). Извините, к вам можно?

Алик (*заметался*). Это — она! Это — она!

Лепорелло. Кто — она? “Санта Барбара?”

Алик. Марина. Я не хочу, чтоб она меня здесь видела...

Женский голос. Можно к вам?

Дон Жуан. Нельзя! Я без штанов... (*Поспешно надевает брюки.*)

Алик. Без штанов!.. “Санта Барбара”! Ах, как все глупо и пошло! (*Прячется за одну из ширм.*)

Быстро входит Марина, милостивая молодая женщина.

Лепорелло и Дон Жуан внимательно рассматривают ее.

Пауза.

Марина. Извините, что врываюсь... Но после спектакля к вам вообще не пробьешься... Я — от театральной общественности... Марина Алешина... Актриса. Работала в этом театре... А что вы на меня так смотрите?

Дон Жуан. Так просто... А что? Нельзя?

Марина. Нет, почему?.. Мне просто показалось, что вы как-то по-особенному смотрите... А если просто... Пожалуйста! О господи, что я несу? Это от волнения... Когда видишь людей только по телевизору, а потом вот так — глаза в глаза... как-то непривычно... Ирреальность какая-то. (*Нервно смеется.*) Не буду время тратить... Вам тут сувениры от коллег... Альбом с видами города... Банка меда. Мед у нас особый, целебный... (*Замечает такую же банку меда на столике.*) Впрочем, вижу, вам уже его подарили... Фантазия у нас в городе на подарки, конечно, убогая... Ну, ничего. Будет две банки... Две ведь лучше, чем одна?

Лепорелло. Вдвое лучше.

Марина (*нервный смех*). Ну, вы скажите... Люблю, когда вы шутите... Капустники ваши... (*Дон Жуану.*) Нет, мне все-таки кажется, что вы на меня как-то по-особенному смотрите.

Дон Жуан. Красивое у вас лицо. Вот и смотрю по-особенному... Очень красивое лицо!

Марина. Вы так считаете?.. Спасибо... Я вам — подарки, вы мне — комплимент, можно уходить... И все-таки еще минуточку... Мне надо знать... (*Указав на банку.*) Скажите честно, это — Алик?

Лепорелло. Это — мед!

Марина. Не надо шутить... Это — Алик! Зачем вы обманываете? Зачем?.. Это же наша банка. Я сама крышечку завинчивала... А вот его портфель! Теперь ясно вижу, он был и что-то вам наговорил... насочинял. Наверное, попросил вывести меня на сцену? Я угадала?!

Дон Жуан (*многозначительно переглянулся с Лепорелло*). Алик?.. Что-то припоминаю... По-моему, был. Молодой человек. С бородой...

Марина. С бородой? (*Нервно смеется.*) Как пошло!

Дон Жуан. Или без бороды... не помню. Помню, что у вас день рождения сегодня. Так что примите, как говорится... *(Ищет глазами, что бы подарить, замечает букет цветов, протягивает Марине.)*

Марина. Спасибо!.. Красивые цветы. Я постарюсь, чтоб стояли до января... У меня день рождения — в январе... Как все стыдно! Как глупо и пошло... Как он не понимает, что это только унижает?.. Поэтому, пожалуйста, не ставьте ни меня, ни себя в глупое положение... Не вызывайте на сцену. Я не выйду! Будете настаивать — нахамлю! Предупреждаю!

Ле порелло. Не надо хамить! Не надо! Договорились. Ни вас, ни вашего мужа никто не заметит...

Марина *(испуганно)*. Про мужа я не говорила! За Алика я как раз и пришла просить... Даже умолять! Ему очень важно появиться на сцене!

Ле порелло *(с отчаянием)*. Чтоб Алик был Доной Анной? Я — категорически против!

Марина. Это смешно! *(Смеется.)* Но сейчас не надо... Просто пригласите на сцену и объявите: Алик! Талантливый режиссер! *(Дон Жуану.)* Он же учился у вас в Щукинском училище... Разве не говорил? Значит, постеснялся... Вот глупый! Он, вообще, застенчивый... Но про вас много рассказывал... В смысле, как вы им, студентам, рассказывали про Мейерхольда... Вы ведь его лично знали, да?

Дон Жуан. Кого?

Марина. Всеволода Эмильевича?

Дон Жуан. Девочка, по-вашему, на сколько же лет я выгляжу?..

Марина. Выглядите вы нормально... В смысле — замечательно. Ну, не важно. Главное, что вы заразили Алика “биомеханикой”. Алик как безумный увлекся, собрал ваших учеников и открыл здесь театральную студию, чтоб развить вашу идею...

Дон Жуан *(искренне удивлен)*. Мою идею?

Марина. Вашу... и Всеволода Эмильевича. Ваша “биомеханика” у Алика превратилась в “биоэнергетику”. Понимаете? Когда используются не только физические возможности тела, но и энергетическое поле тоже... Арто, Крейч, Брук, Гротовский — они тоже подошли к этой системе, но только вы с Аликом открыли ее реальное воплощение...

Ле порелло *(Дон Жуану)*. Про что она говорит? Ни черта не понимаю!

Дон Жуан *(иронично)*. Ходил бы на мои лекции — понимал бы! *(Марине.)* Так! И что, вы говорите, мы ... с Аликом вам открыли?

Марина. Глаза! Шутка! *(Смеется.)* А если серьезно — в любой пьесе есть напряженные моменты, которые нельзя играть в обычном биоэнергетическом режиме, просто бегая по сцене... “Люди... звери... птицы!” Это лишь — слова... Текст! А театр — зримое искусство. Энергия слов должна переходить в реальность... *(Внимательно смотрит на*

свою пустую ладонь.) Вы, например, видите эту птичку?.. Нет! Но если вдуматься, она уже существует... С ней можно разговаривать. (*Протянула руку Дон Жуану.*)

Д о н Ж у а н. Да не хочу я — с птичкой! (*Поймав жалобный взгляд Марины.*) Ну, пожалуйста. (*Нерешительно свистит.*) Фьють! Фьють!

М а р и н а. Фьють! Фьють! (*Протянула руку Лепорелло.*)

Л е п о р е л л о (*жалобно*). Фьють!.. Фьють!!

М а р и н а. Фьють! Фьють! (*Смеется.*) Вот. Чувствуете? Возникает общее энергетическое поле. А теперь уже можно нащупывать и первые слова... Знаете, так дети лепечут, когда увлекаются игрой. (*Забормотала.*) Ляпушки-ляпушки... лебели у бякушки... Люмкали гляшку... зюмкали... гляшку... полюля-полюляли-полюляли!.. (*Напрягается, ее лицо искажает гримаса, на глазах выступают слезы. Желая помочь, Дон Жуан и Лепорелло насвистывают. И вдруг показалось, что с руки что-то вспорхнуло и улетело.*)

С грохотом упала ширма. Выскочил Алик.

А л и к. Не так! Все не так! Что за профанация?! Зачем ты пришла?

М а р и н а (*не очень удивилась*). А ты, интересно, зачем пришел? Мы же договорились, что сделаем все сами...

А л и к. Вижу, как “сами!” Машка письма дурацкие пипет... Ты — Заречную свистишь! Опошляете саму идею! Если хочешь, чтоб люди прониклись, чтоб пошла энергетика, надо их вначале погрузить...

Д о н Ж у а н. Куда это еще нас надо погрузить?

А л и к. В предлагаемые обстоятельства... (*Схватил портфель.*) У меня же все написано в пьесе. Вот послушайте! (*Достал рукопись.*)

Д о н Ж у а н (*испуганно*). Умоляю! Не надо читку! Только не читку!

М а р и н а. Ну, одну-две сцены... Остальное — конспективно... (*Мужу.*) Алик, людям некогда! Конспективно!

А л и к. Конспективно. Картина первая. “Театр в маленьком городе Н”.

М а р и н а (*поясняя*). Хороший театр... Очень! Критики со всей страны приезжали... И даже из-за рубежа!

А л и к (*сердито*). Не надо комментариев! Играла бы хорошо — люди бы поверили, что театр хороший... А теперь молчи! (*Дон Жуану и Лепорелло.*) В общем, представьте: Театр-студия “Биосистема”. Едино-мышленники... Репетируют, ставят спектакли. Живут общиной, все — как одна семья!

Д о н Ж у а н. Про это мы уже догадались. Дальше!

А л и к. Картина вторая. “В театр неожиданно врываются Силы Зла...”

М а р и н а. Коммерческие структуры!

А л и к (*взвился*). Ну не надо конкретики! Я прошу! Это — пьеса, а не фельетон! Именно — абстрактные Силы Зла... (*Дон Жуану.*) У меня и сцена решена пластически, как балет!

М а р и н а. В фойе театра — казино открыли, в репзале — ночной клуб с проститутками!

А л и к. Ты замолчишь или нет?

М а р и н а. А ты объясняй так, чтоб люди поняли...

А л и к. Творческие люди поймут!.. По всей стране — одно и то же...

М а р и н а. Такого безобразия, как в нашем городе, — нигде!

А л и к. Уйди, Марина! Ты мне мешаешь!..

М а р и н а. Никуда я не уйду!

А л и к. Вон из театра! Иначе — вышвырну!

М а р и н а. Попробуй!

А л и к. Убью!! *(Бросается на Марину, та визжит.)*

Дон Жуан и Лепорелло кидаются их разнимать.

А л и к *(неожиданно спокойно)*. В общем, картина третья. “Борьба”!

М а р и н а *(подхватила)*. Мы протестовали... Жаловались! Даже проводили голодовку...

А л и к *(морщится)*. Не утопай в подробностях...

М а р и н а. Для тебя — подробности, а для всех нас — кошмар! *(Дон Жуану.)* Они вызвали омонцовцев. Алика выкинули из театра через главный вход, прямо на глазах у публики!..

А л и к. Перестань! Я эту пошлую сцену вычеркнул...

М а р и н а *(гневно)*. А допросы в милиции тоже вычеркнул? А пятнадцать суток в КПЗ?!

Д о н Ж у а н. Стоп! Ребятки... Все ясно. Вас обидели. Сочувствую... Но при чем тут мы?

А л и к. А вот же... *(Взял рукопись.)* Картина четвертая. “В город Н приезжают Дон Жуан и Лепорелло...”

Пауза.

Л е п о р е л л о *(решительно)*. Так!.. Я тоже, кажется, начинаю понимать... Думаю, чего они тут дурака валяют? А, оказалось, дураки — мы с вами, синьор! *(Марине.)* Дорогие коллеги! Не надо нас впутывать в ваши местные разборки! Не надо! Мы — люди посторонние.

М а р и н а. Сами же говорите — коллеги! Существует же актерское братство! Так нас учили!

Л е п о р е л л о. Правильно! Любое заявление в поддержку... Письмо в газету подпишем! Это — пожалуйста!

М а р и н а. Кто сейчас читает газеты? Все заявления — в корзине! Никаких других средств не осталось! Только театр! “Экшн”! Акция прямого действия!

Л е п о р е л л о. Я сюда не для акций ехал!

А л и к. Конечно!! Мы и не хотим портить ваш скетч... Ну, я имею в виду то, что вы исполняете... Думали органично подключиться... всей студией... из зала... И “экшн” перевести в “хеппининг”...

Лепорелло. Мы в “хеппининг” не играем! У нас — другой жанр. Да! Исполняем эстрадную шутку... “Скетч”, как вы его обозвали. Но и здесь есть свои законы искусства. И свое вдохновение! Когда я иду по сцене и смотрю в зал, то прислушиваюсь только к внутреннему голо-су, который вдруг толкнет из-под сердца и скажет: “Вот! Вот же она — Дона Анна!”

Дон Жуан (*прерывая этот страстный монолог*). Погоди! Чего ты уперся? Договорился уже с кем-то?

Лепорелло. Я??

Дон Жуан. Ты.

Лепорелло (*смутившись*). Да ни с кем я не договаривался...

Дон Жуан. А если конкретней?

Лепорелло. Ну, если ты так ставишь вопрос...

Дон Жуан. Так ставлю!

Лепорелло (*нутаясь*). Ну, пожалуйста... Ну, действительно... так уж получилось... жена... попросила позвонить своей здешней приятельнице... Я позвонил, передал привет... Та обрадовалась, пригласила в гости... У нее оказался день рождения... А я позвал ее на концерт и в качестве подарка пообещал...

Дон Жуан. Меня?

Лепорелло. В каком смысле?

Дон Жуан. Меня пообещал в подарок? Одного или с конем?

Лепорелло. Хорошая реприза... Запомню!

Алик. Извините. Как зовут вашу приятельницу?

Лепорелло. Какое это имеет значение?.. Ну, не помню имя...

Алик. Может быть, фамилию?

Лепорелло (*Дон Жуану*). Что это он меня допрашивает?

Дон Жуан (*зло*). Фамилия?!

Лепорелло. Что вы как в милиции, ей-богу! Черт ее знает, какая у нее фамилия? Кажется, Кордюмова или Кордюкова! Это что, важно?

Марина (*испуганно*). О господи! Не может быть!

Алик (*саркастически*). Все может быть, дорогая, в наше подлое время! Все! Жаль, они пьесу не читали — там это написано! (*Обращаясь к Лепорелло*.) “Лолита” зовут вашу знакомую? Лолита! Муж — Кордюков. Он-то и есть здешний мафиози, что народ “Набоковым” спаивает!

Марина. И театр он выкупил... И хочет весь город захватить! В мэры баллотируется... “Силы Зла”!

Алик. И ведь пройдет!! Выборная кампания в разгаре... Приехала группа поддержки из Москвы!

Лепорелло. Понятия не имел.

Алик. Бросьте! Все имели, а если нет, то будете иметь!.. Пошли, Марина, отсюда! ...Финита ля комедия! Занавес! (*Рвет страницы.*)

Дон Жуан (*бросился к Лепорелло, отвел его в сторону*). Какая “группа поддержки”? Во что ты меня втянул?

Лепорелло. Понятия не имел. Клянусь! Просто хотел сделать приятное знакомой женщине. Миля, кстати, тоже очень просил за нее!..

Дон Жуан. Ты и деньги взял?

Лепорелло. Я?! Деньги? Как можно, синьор?!

Дон Жуан. Сколько?

Лепорелло. Откуда я знаю? Миля сунул какой-то конверт. Я даже и не открывал еще... *(Достает конверт.)*

Дон Жуан. Открой! Или нет. *(Схватил конверт.)* Я его запечатанным в прокуратуру отправлю!

Лепорелло *(отступая)*. Синьор! Не сходите с ума! Вы у нас Дон Жуан или Дон Кихот? И в чем, собственно, дело? Даже если выборы... Солидный коммерсант хочет поднять свой имиджмент за счет жены.

Дон Жуан *(наступая)*. Что он хочет поднять за счет жены?! Ты во что меня впутываешь? Я президенту имиджмент не поднимал... Мы же поклялись: в политику не лезем! Занимаемся настоящим искусством! И надо ж было приехать в этот забытый Богом город Н., чтобы вляпаться!

Лепорелло. Да ладно... Как будто в первый раз ваш выбор оплачен!

Дон Жуан *(в гневе)*. Что? Что ты сказал?

Лепорелло *(оттащил Дон Жуана в сторону, зашептал)*. Правду сказал!.. И не надо так округлять глаза! Все закономерно... Артистам жить надо или нет? Здоровье нам на женщин надо?! Надо! Красивым быть не запретишь? Нет! А это все денег стоит..

Дон Жуан *(пораженный)*. Так ты мной торгуешь? Убью! *(Схватил Лепорелло за воротник.)*

Лепорелло. Синьор! Вы что?! *(Хрипит.)*

Марина *(испуганно)*. Алик! Он его задушит!

Алик. Учись! Хорошая сцена на публику. Сейчас уйдем — они съдут чай пить!..

Дон Жуан *(отпустил Лепорелло, двинулся к Алику)*. Слушайте, юноша, вы мне поднадоели с репликами! Как педагог хочу напомнить: я вас породил — я вас могу и убить!

Алик. Извините, но я вас педагогом больше не считаю! И сподвижником Всеволода Эмильевича тем более...

Дон Жуан. Только не надо от имени Всеволода Эмильевича!

Алик. Надо! Всеволод Эмильевич жил театром и не уважал тех, кто с театра живет! Особенно московских гастролеров!..

Лепорелло. И что за провинциальная манера — слова не сказать, чтоб москвичей не зацепить?

Алик. Это как раз у вас, москвичей, — столичный шовинизм... Все, что дальше Садового кольца, для вас — провинция... Для вас — и фестивали, и презентации... Нам же оставили только одно право: любоваться вами и благоговеть!..

Лепорелло *(неожиданно грубо)*. Да пошел ты отсюда!..

Алик (*орет*). Сам пошел! Я — в своем родном городе, Нижегородске!

Лепорелло (*орет*). Это для вас — Нижегородск! Для нас — Севилья!

Неожиданно гаснет свет.

Это еще что? “Хеппининг”? Алик! Немедленно включите!

Марина. При чем тут Алик? Чуть что — Алик виноват! Наверное, авария на станции?..

Алик. Да уж. Извините!.. В нашей Севилье часто случаются перебои с электричеством.

Грохот упавшего тела.

Лепорелло. Кто-то упал?

Дон Жуан. Не кто-то, а я.

Лепорелло. Не разбился?

Дон Жуан. Не знаю... Не вижу ни черта!.. Ну да ладно! Все к лучшему, ребята. Вопрос, как говорится, отпал сам собой... Отменяем концерт!

Лепорелло. Почему — отменяем??

Дон Жуан. Совсем с ума сошел? Хочешь Дону Анну в темноте на ощупь выбирать?..

Неожиданно в углу сцены, с фонарями в руках, появляются Мужчина и Женщина.

Женщина. Здравствуйте, товарищи артисты!

Лепорелло (*испуганно*). Здравствуйте.

Мужчина. Вас приветствует забастовочный комитет профсоюза энергетиков в лице председателя Звягинцевой Веры Степановны и ее заместителя Судакова Виктора Петровича, то есть меня.

Лепорелло. Это вы свет вырубili?

Мужчина. Так точно!

Женщина. Разрешите сделать официальное заявление?

Дон Жуан. Кому?

Мужчина. Вам.

Дон Жуан. Нам — не надо! Алик, не валяйте дурака. Ваши “биоэнергетики?”

Женщина. Мы — не “био”. Мы — просто энергетики! Светите, Виктор Петрович!

Мужчина светит, Женщина читает, мучительно вглядываясь в текст.

Женщина. “Заявление! Профсоюз энергетиков от имени всех работников отрасли заявляет свой решительный протест в связи с постоянными невыплатами зарплаты. У городских властей находятся сред-

ства на рестораны, казино и на что угодно, включая московских артистов (*Осветили фонарями артистов.*), но нет желания погасить задолженности перед трудящимися. Значит, гасить будем мы!..”

Мужчина. Не обижайтесь, товарищи артисты... Народ доведен буквально до крайности... Буквально!

Лепорелло. Да мы все понимаем, дорогой товарищ. И полностью поддерживаем... Но что из этого?

Женщина. Теперь вы читайте, Виктор Петрович! Мне неудобно...

Мужчина (*читает*). “В качестве общественной поддержки забастовочный комитет просит артистов пригласить на сцену в роли Доны Анны председателя комитета товарища Звягинцеву Веру Степановну и, тем самым, продемонстрировать собравшимся и по телевидению солидарность нашим законным требованиям”.

Дон Жуан. Сумасшедший дом!

Алик (*радостно*). Театр абсурда! Замечательно! Я это обязательно вставлю в пьесу...

Женщина. Не надо меня никуда вставлять. Я в примадонны не лезу... У меня и возраст не тот, и внешность... Посветите на меня, Виктор Петрович.

Мужчина подсвечивает ее лицо фонарем.

Вот!

Лепорелло (*испуганно*). Что — “вот”? Каждая женщина по своему прекрасна...

Мужчина. Да уж не хуже Кордюковой или Нечипоренко.

Лепорелло. Ничепоренко? Это еще кто? Я сейчас с ума сойду!

Мужчина. Ничепоренко — от ЛДПР! Что вы, ей-богу, прикидываетесь? А то мы не знаем, что с вами все кандидаты договариваются?.. У нас городок небольшой... Света нет, но связь у нас — быстрая...

Алик (*торжествующе*). ЛДПР! Ха-ха! Прекрасно! Я это вставлю.

Марина. Товарищи! Подождите... Это же не митинг! Актерам для сцены нужна актриса...

Женщина. Это вы, что ль? Посвети, Виктор Петрович! (*Мужчина светит на Марину.*) Тоже — не Пугачева! Повторяю: в примадонны я не лезу. Но если коллектив решил — я к людям выйду!

Дон Жуан (*вскочил на стул, в отчаянии орет*). На меня светите! На меня! (*Мужчина и Женщина направляют на него фонари.*) А теперь, когда меня хорошо видно и слышно, я всем говорю: идите отсюда к такой-то матери!!

Неожиданно вспыхивает свет.

В гримборную быстро входят двое милиционеров, один — с собакой. Затем — Капитан милиции и Миля.

Капитан. Здравия желаем! Актеров прошу спокойно отдыхать, посторонних прошу идти... по указанному адресу!.

Женщина. Мы — не посторонние, Степан Егорыч! Вы требования профсоюза знаете.

Алик. Я тем более не посторонний... в своем родном театре.

Милля. Вот наглый!.. (Алику.) Ох, какой же вы наглый, роднуля!

Капитан. Спокойно, Эмиль Борисыч! Сейчас со всеми персонально разберемся! (Женщине.) Звягинцева, у вас разрешение на демонстрацию есть? Нет?! Тогда — факт нарушения общественного порядка, статья двенадцатая...

Мужчина. Какая демонстрация? При чем тут демонстрация?.. Просто зашли к артистам...

Милля. Просто в темноте только разбойники заходят. А порядочные люди рубильники не вырубают, город не позорят.

Капитан. Попрошу немедленно покинуть помещение!.. Очень прошу! Иначе... собака у нас нервничает!

Женщина. Кордюкова у вас нервничает, а не собака! Так бы и говорили... (Мужчине.) Пошли, Петрович! Здесь правды не добьешься! Все схвачено!..

Мужчина (Дон Жуану). И все-таки мы на вас надеемся, товарищи артисты! Наш комитет в зале — десятый ряд!.. И помните: искусство у нас принадлежит народу.

Уходят вместе с Милиционером и собакой.

Капитан (Алику). Теперь с вами, Маринин. Давайте не будем устраивать сцену у фонтана... Попрошу взять свои вещи — и на выход!

Алик (дерзко). Никуда не пойду! Я уже сказал: я здесь не посторонний.

Капитан (с угрозой). Верно. Вы — подозреваемый...

Марина. Ох, господи! Опять все начинается? Уйдем, Алик! Милый! Уйдем!

Алик. Подожди! ...Мне интересно... Что на этот раз они придумали... Какую комедию разыграют?

Капитан. Давайте не перед гостями. Поговорим наедине.

Марина. Он уже бывал с вами наедине! Бывал! Хватит! У вас “наедине” — когда вас много, а он — один! Говорите здесь! Прилюдно!

Алик. Хотите меня посадить? Пожалуйста! Сам сяду. (Вызывающе садится в центре комнаты, убирает руки назад.)

Капитан. Не надо сцен у фонтана, Маринин. Ой, не надо... И руки назад — это ни к чему! Уж лучше вперед — наручники удобнее надевать.

Дон Жуан. Стоп, капитан! Какие наручники? Пошел какой-то дурацкий детектив... Не наш жанр! Что вы хотите от этого молодого человека? Я его хорошо знаю... режиссер Маринин — мой ученик... Коллега.

М и л я. Тамбовский волк ему коллега, роднуля! По нему давно тюрьма плачет.

Д о н Ж у а н (*зло*). Тюрьма, Миля, по многим рыдает... Вы — первый в списке!

К а п и т а н. Напрасно вы их защищаете, товарищи артисты. Ваше дело — отдохнуть после концерта, набраться сил... А мы сами тут... разберемся... в создавшейся ситуации...

М и л я (*быстро отвел Капитана в сторону*). Капитан... Родненький! Артистам — никакой лишней информации. Через час — концерт. Ради Бога, не пугайте артистов...

К а п и т а н. Я не пугаю...

М и л я. Нет, пугаете...

К а п и т а н. Наоборот...

М и л я. Нет, пугаете...

Д о н Ж у а н (*кричит*). Все! Успокоили! Рассказывайте, что случилось?

К а п и т а н. Да ничего не случилось... Пока... В общем... у нас тут... маленькое ЧП!

М и л я. Даже не ЧП, дорогие. А так... “чепушечка”...

К а п и т а н. Но был звонок...

М и л я (*поправляя*). Звоночек.

К а п и т а н. Но по телефону... Короче, предупреждение поступило... В общем, бомба!

Л е п о р е л л о (*упавшим голосом*). Где?

К а п и т а н. Может, и нигде! А может, в зале или здесь... Выясняем!

М и л я (*нарочито бодро*). Да уверен я — ничего нет... Дурацкая шутка. Школьники... поклонницы... сумасшедшие... А может, политические разборки? Как выборы — так в городе сразу напряженная обстановка.

К а п и т а н. Или когда вот гастролеры из Москвы — тоже надо быть начеку! (*Миле*.) Помнишь, Гурченко... Людмила Марковна приезжала? Так два раза концерт прерывали для проверки...

М и л я. Но она, молодец, не дрогнула... Концерт довела до конца! Огромный был успех! Огромный! Недаром она фронтовые песни поет!

Д о н Ж у а н (*зло*). Мы, Миля, фронтовых песен не поем! Мы — мирные люди, и наш бронепоезд... (*Глянул на часы*.) через час пятнадцать отходит! Короче — отменяйте концерт!

М и л я. Да вы что, дорогулечки? Аншлаг! Руководство города придет... Вы ж меня без ножа...

Л е п о р е л л о. Лучше мы тебя, Миля, — без ножа, чем ты нас — гранатой!

К а п и т а н. Какая граната? Без паники, товарищи! Подождем отменить! Это ж значит город опозорить! Сейчас разберемся... Все проверим. Виновный понесет заслуженное наказание...

Достаёт миноискатель и начинает проверять предметы и людей.

Все с ужасом наблюдают за этой процедурой.

А л и к. Какой пошлый фарс! “Виновный понесет...” Уже заранее установили — “ви-нов-ный”.

М а р и н а. Молчи, Алик! Умоляю.

К а п и т а н. Пусть говорит. Только погромче, пожалуйста... *(Подходит к портфелю, миноискатель издаёт писк.)* Так. Звук пошел. Чей будет портфельчик?

А л и к. Мой.

К а п и т а н. Чей? Погромче...

А л и к. Что вы пристали? Почему я должен громче?

К а п и т а н. Голос хотелось бы идентифицировать... Тот, что звонил, — тоже с хрипотцой... Так, что в портфеле?... Оружие? Взрывчато-воспламеняющие средства имеются?

А л и к. Что вы ерунду-то несете? Там — мои пьесы!

К а п и т а н. Бумаги? Тоже горючий материал... А это что? *(Достаёт бутылку водки.)*

А л и к. А то не узнаете?! Пойло вашего Кордюкова...

К а п и т а н. Не надо так оскорблять уважаемых людей... “Набоков” — водка местная, но хорошая. Мы, кстати, и артистам ее презентуем... *(Один из милиционеров достаёт пару бутылок, ставит на столик.)* Вот. Самая чистая водка в мире! А ваша бутылочка, гражданин Маринин, она какая-то странная... нестандартная. *(Сравнивает бутылки, переставляет их с места на место.)* Чувствуете разницу?... Проверим на тест. *(Откупоривает одну из бутылок, нюхает.)* Извиняюсь... Это — не “Набоков”. Это, похоже, вот что! *(Наливает жидкость в пепельницу, поджигает. Яркая вспышка.)* Так! Коктейль “Молотов”. Горючая смесь... Производство и хранение — статья двадцать вторая “в”...

Пауза.

М а р и н а. Да что ж это, господи?!.. Почему все молчат? *(Дон Жуану и Лепорелло.)* Почему вы молчите, артисты? Родные мои! Ведь это провокация!! Они же Алика засудят!

К а п и т а н. Предупреждаю: оскорбление органов при исполнении — статья девятнадцатая...

А л и к *(упавшим голосом)*. Нет, Марина. Это не провокация. Это — хуже! Бесовщина!.. И напрасно ты ищешь защиты у этих... *(Жест в сторону Дон Жуана и Лепорелло.)* Кончилось актерское братство. Осталась “братва”! Гастролеры приехали в Севилью! Ну, ладно! Устроим веселый карнавал! *(Рванулся к столу, схватил бутылку, отскочил.)* Увидите небо в звездах!

К а п и т а н *(испуганно)*. Ты что? Псих! Маринин! Сопrotивление органам при исполнении... это знаешь...

Алик. Не будет сопротивления, капитан. Сил не осталось! (*Льет из бутылки жидкость на голову и одежду, достает зажигалку.*) И не вздумайте мне мешать! Хоть фейерверк на сцене будет настоящим!

С зажигалкой в руке двигается в глубину сцены.

Дон Жуан (*орет*). Сто-оп!

Алик останавливается.

(*Тихо.*) Все хорошо! Хорошо сыграл, Алик... Но идти надо на меня! На Дон Жуана! Мы же вместе должны сгореть в этом адском огне! (*Милиционерам.*) Все вы... Ворвались на репетицию посредине... сбили парня... Он текст и перепутал. (*Алику.*) На меня идешь, Командор! На меня! Как договаривались! Ну?! (*Лепорелло.*) Что ждешь ты, Лепорелло? Ступай к нему... Проси пожаловать ко мне!..

Лепорелло (*в ужасе*). Я?

Дон Жуан. А кто же еще помочь мне должен?

Лепорелло. Ей-богу, не могу... Синьор! Мне страшно!

Дон Жуан. Как жалованье получать — ты первый, а как синьору службу сослужить — в кусты? Трус! Вот я тебя!.. (*Замахнулся.*) Ступай!

Лепорелло на полусогнутых от страха ногах движется к Алику.

Тот стоит, опустив голову.

Лепорелло.

Преславная, прекрасная статуя!

Мой барин Дон Жуан покорно просит

Пожаловать к нему...

Кивните в знак согласия!

Пауза.

Марина (*плача шепчет*). Алик... Миленький... Христом Богом умоляю! Кивни!

Милля. Кивните, Маринин, вам же лучше будет!

Алик молча, с безумным взглядом, начинает надвигаться на Дон Жуана.

Лепорелло бросается к Дон Жуану, падает перед ним на колени.

Лепорелло. Синьор! Внемлите бедному слуге! Уйдем отсюда, умоляю! Зачем испытывать судьбу?! Зачем искать погибель?

Дон Жуан (*с усмешкой*). Глупый, Лепорелло. Ты с каждым словом пробуждаешь у меня желание поступка! Стыдно нам дарить свои услуги наивным женщинам в уюте и тепле... С согласия их мужей! Пусть этим промыслом живут пройдохи, которые зовутся "альфонсами"... Того же, кто рискнул назваться Дон Жуаном, влечет в любви лишь гибельный азарт! Реальность смерти — вот что может оплатить внимание прекрасной Доны Анны! Так могу ли я здесь упустить свой судьбоносный жре-

бий и стать достойным имени, которым назван?! (Алику.) Ну, Командор, ты слышал, что сказал я?.. Все правильно? Кивни! (Алик молча опустил голову.)

А л и к. Все кончено... Дрожишь ты, Дон Жуан?

Д о н Ж у а н. Я? Нет! Я звал тебя и рад, что вижу... Вот моя рука! (Осторожно протягивает руку, пытается забрать зажигалку у Алика.) О! Тяжело... пожатые каменной десницы... Оставь меня! Пусти! Пусти мне руку... (С трудом вырывает у Алика зажигалку и бутылку, рассматривает ее.) Я гибну? Конечно?.. Э!.. Где наша не пропадала! Была не была! (С отчаянной смелостью делает глоток, его дыхание перехватывает, затем — шумный выдох.) Коктейль “Молотов”, говорите?.. А похож на самогон! Огурчика ни у кого не найдется?.. (Устало опускается на стул.)

Марина и Лепорелло тихо ашлодируют.

Милиционеры недоуменно переглядываются.

Миля подошел к Капитану, шепчет что-то на ухо.

К а п и т а н. Чего-то я не понял?

Д о н Ж у а н. Ну, так репетируем еще... Милиционерам полработы не показывают. Вы б нас оставили с режиссером... Мы бы все подработали и потом на сцене показали... Верно, Миля?

М и л я (Лепорелло). Насколько я уловил смысл этого произведения, дорогуша, не было никакого теракта?

Л е п о р е л л о. Конечно, не было! Шутка все... Так в докладной и напишите. Артисты из Москвы решили повеселить публику вместе с местной... театральной молодежью...

М и л я. Понял. (Подходит к Капитану, что-то шепчет ему на ухо.)

К а п и т а н. Ну, может, так оно и лучше... А то комиссии понаедут, газеты раззвонят... Зачем нам всем головная боль?.. Так что, Эмиль, может, начнем концерт?

М и л я. Мы здесь не командуем. Как артисты скажут...

Д о н Ж у а н. Артисты свое сказали... (Уходит за ширму, ложится.)

К а п и т а н. Ну... Понятно... (Достал рацию.) Егоров... Это я... Как у тебя дела? Все “тип-топ”?.. Ничего не нашел? У меня тоже — порядок! Давай, потихоньку запускай в зал... Запускай людей, говорю... Заждались!

Милиционеры и Миля, тихо переговариваясь, уходят.

Дон Жуан по-прежнему лежит за ширмой..

Раздается шум заполняемого публикой зала.

М а р и н а (заглянула за ширму и, испуганная, вернулась). Ему, кажется, плохо...

Л е п о р е л л о. Кому? (Заглянул за ширму.) Ничего... Ему хорошо. Наконец, отдохнет... (Накрывает Дон Жуана плащом.)

М а р и н а. А я испугалась... Показалось, не дышит...

Ле пор е л ло. А зачем? Дыханию тоже нужен перерыв. Это у нас этюд такой на “релакс”. По системе внутреннего погружения... Не волнуйтесь! Идите в зал.

А л и к. Может, это по́шло, но я бы хотел сказать вам “спасибо”!

Ле пор е л ло. Это — не по́шло! Говорите.

А л и к. Тогда еще раз спасибо за все. Но главное — за монолог Дон Жуана. Он, в общем, правильно его исполняет... как я и задумывал. Еще бы чуть подработать... добавить энергетики...

Ле пор е л ло. В следующий раз атомную бомбу держите в руке. Добавим!

Марина и Алик уходят. Лепорелло смотрит на часы, подходит к Дон Жуану, накрытому плащом, трогает его за руку.

Шум зала усиливается.

Ле пор е л ло (*взглянув на часы*). Сорок восемь... Сорок девять... Молодец! Пошел на мировой рекорд! Пятьдесят... Пятьдесят один... (*Дон Жуан издает странный звук, похожий на хрип.*) Синьор! Вы живой? Синьор!.. Геннадий Демьяныч, что с вами? Мильгый... Очнись! (*В отчаянии трясет бездыханное тело Дон Жуана, сдерживает плащ. Из-под плаща вылезает Бодаенко.*)

Пауза.

Ле пор е л ло (*обалдело*). Б-бодаенко?!

Бо да ен ко. Так точно! Как есть — весь тут!

Ле пор е л ло. А где... сам?

Бо да ен ко. Пошел к финалу переодеваться... Мне, говорит, противно мертвого играть... Да еще рыдания Лепорелло слушать! Он, говорит, сейчас на полчаса страдания засандалит! А тебе, Бодаенко, все равно во втором акте делать нечего... Полежи за меня!

Ле пор е л ло. Халтурщики!!! (*Замахнулся на Бодаенко.*)

Бо да ен ко (*отпрянув*). Да что вы? Разве Геннадий Демьяныч позволит? Финал все-таки... Дело серьезное... Вам тоже бы переодеться. (*Достает смокинг, начинает одевать Лепорелло.*)

Ле пор е л ло (*хнычет*). За что мне такая судьба?.. Уйду! К чертовой матери... Уйду!.. Один буду бродить из Керчи в Вологду... Один!

Бо да ен ко (*обряжая Лепорелло*). Вот и славно... Горюйте! Горюйте!.. Очень трогательно! (*Всхлипнул.*)

Ле пор е л ло. Иди к черту!

Оба всхлипывают.

Появляется А к т е р - Д о н Ж у а н, тоже в смокинге.

А к т е р - Д о н Ж у а н. Хватит ныть! Финал! (*Куда-то наверх.*) Сережа! Посвети сюда... для настроения. (*Лепорелло.*) Готов?

А к т е р - Л е п о р е л л о. Я с тобой больше не разговариваю!

А к т е р - Д о н Ж у а н. И правильно! Будем петь!.. Музыка! Все на сцену!

Зазвучала музыка.

На сцене появляются все участники спектакля.

У частники спектакля (*поют*).

Зажигаются огни. Затемняются кулисы.

Забываются заботы. Запираются дома.

Появляются на сцене все актеры и актрисы,

Чтоб немного поработать... и слегка сойти с ума!

Припев:

Театральные безумства!

Нет пленительней и слаще!

Кто почувствовал, тот знает.

А иначе — не понять,

Что мы ищем? Что обрящем?

Почему хотим все чаще,

То ли в пьесе, то ли — в ящик,

Но сыграть!

Сыграть!

Сыграть!

Что за странная болезнь? Что за чудо, наважденье?

Ноги гнутся... Сердце давит...

Кровь ударила в висок!

Но какое наслажденье! Ах, какое наслажденье!

Хоть на вечер стать глупее! Побезумствовать часок!

А к т е р - Д о н Ж у а н. Припев! Поет весь зал...

Припев:

Театральные безумства!

Нет пленительней и слаще!

Кто почувствовал, тот знает.

А иначе — не понять,

Почему глаза таращим,

Почему хотим все чаще,

То ли в пьесе, то ли — в ящик,

Но сыграть!

Сыграть!

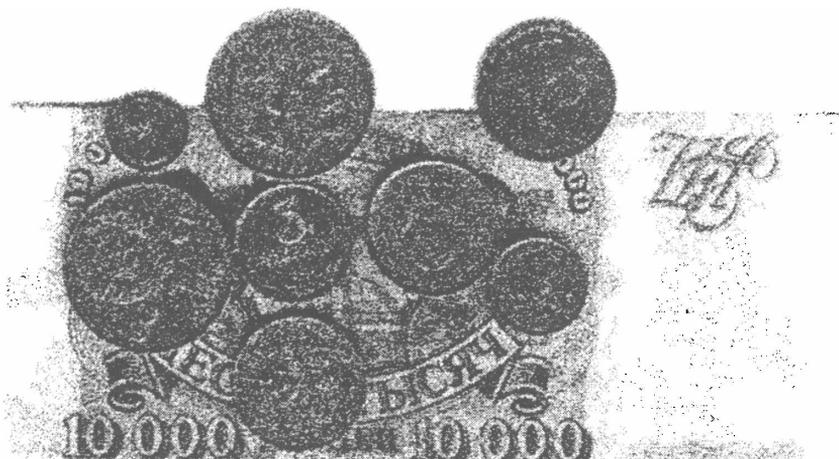
Сыграть!

ЗАНАВЕС

ПРЕХРУБЛЕВАЯ ОПЕРА

Киноповесть

*“Актёр. ...У оперы всегда должен быть счастливый конец!
Нищий. ...Ваше возражение справедливо, сэр... И дело легко по-
править! Вы не можете не согласиться, что в произведениях такого
рода совершенно неважно, логично или не логично развиваются собы-
тия...”*

Джон Гей. “Опера нищего”

ПРОЛОГ

Подземный переход современного города. Ларьки. Киоски. Толпа прохожих.

У одной из стен встал юноша в темных очках. В руках — скрипка. У ног — открытый футляр. Заиграл лирическую мелодию... Толпа привычно бежала мимо...

Юноша поклонился, глянул на пустой футляр, затем, подумав, заиграл первые ноты знаменитой мелодии К. Вайля из “Трехгрошовой оперы”...

Кто-то из прохожих остановился. Улыбнулся. Бросил первую монетку... Затем вторую, третью...

Павильон киностудии.

Надпись мелом на дощечке-хлопушке: Джон Гей. “ОПЕРА НИЩЕГО”.

Дым начинает заполнять кадр.

Голос ассистента:

— Улица старого Лондона. Дубль первый!

Хлопушка.

Голос оператора:

— Стоп!

Голос режиссера:

— В чем дело?

— Камера не пошла...

— Ой, плохая примета...

Голос режиссера:

— Без глупостей! Мотор!

— Старый Лондон. Дубль первый.

— Стоп!.. — кричит звукооператор. — Звук не идет... Я не слышу микрофон.

— Пить вчера меньше надо было! — сердится режиссер.

— Услышал! Нормальный звук! Снимаем!..

Голос режиссера:

— Мотор!

Ассистентка в очередной раз объявляет:

— Лондон старый! — хлопает хлопушкой и взвизгивает. — О, черт!

Режиссер в отчаянии:

— Что еще?!

— Извините... По пальцу...

— Уберите хлопушку! Уйдите из кадра и с глаз! — приказывает режиссер. — Снимаем! Что бы ни случилось, не останавливаться!..

Дым перерастает в типичный лондонский туман.

В тумане вырисовываются персонажи: полисмен, торговка цветами, уличные музыканты.

Нищие дети, словно сошедшие с иллюстраций диккенсовских книг, жалобно тянут руки к богатым прохожим.

Полисмен повесил плакат, стилизованный под полицейские плакаты прошлого века: рисованный портрет преступника — Мэкки, и трехзначная цифра — сумма, установленная за его поимку.

Все рассматривают плакат.

Подъехал кэб. Остановился.

Из него царственно выплыл на мостовую бандит Макхит. Он — весь в белом: костюм, туфли, кепи.

Для полной гармонии у уличной торговки цветов покупает букет белых роз.

Макхит подошел к плакату, достал из кармана толстый грифель, нахально пририсовал к портрету усы и бороду.

Наблюдавший за этим полисмен улыбнулся, отдал Макхиту честь.

Макхит сделал знак уличным музыкантам в темных очках. Те послушно заиграли.

Музыкальный номер 1

У акулы — зубы остры
И торчат, как напоказ!
А у Мэкки — нож и только,
Да и тот укрыт от глаз.

У пантеры — когти цепки,
Горло вмиг берут в кольцо.
А у Мэкки из-под кепки
Смотрит доброе лицо...

Но не дай бог дать вам повод,
Чтобы он нахмурил бровь!..
Где-то грохнет! Кто-то охнет!
И, вообще, — прольется кровь!..

Каждый лондонский мальчишка
Постоянно ловит кайф,
Видя в жизни, а не в книжке,
Как гуляет “Мэкки-наиф”!..

Мальчишки подхватили песенку по-английски.

Песня переросла в танцевальный номер, в который включилась вся улица...

Макхит закончил его, швырнув мальчишкам мелочь, а букет роз — в окно дома коммерсанта Пичема.

Там букет ловко поймала какая-то девушка, в белой шляпке и белой вуали, таинственно прикрывающей ее лицо.

“Девушка” отошла от окна с букетом. Сорвала шляпку и вуаль.

Под вуалью оказался мистер Пичем, пожилой джентльмен с пышными бакенбардами.

— Селли! — крикнул мистер Пичем.

Появилась пожилая женщина с печальными глазами и давно нечесанной головой — миссис Селия Пичем.

— Отнесешь уличной цветочнице! — строго сказал Пичем, отдавая букет жене. — И не забудь получить обратно десять пенсов!

— Двадцать! — сказала миссис Пичем.

— Не зарывайся, Селли! Такой букет стоит десять...

— А за доставку?!

— Логично!.. — одобрил Пичем.

— Меня бы тоже не мешало спросить! — в комнату ворвалась Полли Пичем. Она подошла к матери и решительно вырвала из ее рук букет. — Это мои цветы!

— Ошибаешься, дочка! — Мистер Пичем подошел к Полли, сжал ее кисть так, что шипы стали колоть руку. — В этом доме все принадлежит мне... И цветочки! И ягодки! И твое будущее! — Он вырвал, наконец, букет, вновь вернул его жене.

— Ну вот — стебли сломаны! — проворчала Селия. — Теперь за них и пенса не получишь!.. — Чтоб не пропало добро, она смахнула цветами пыль с подоконника и бросила их в угол комнаты...

Полли подошла к окну, слегка отдернула штору и увидела... как Макхит, помахав рукой окну, сел в экипаж и уехал.

— Папа, тебе не нравится Мэкки потому, что он гангстер?

— Дурочка! — Пичем обнял дочь за плечи. — Это как раз характеризует его с правильной стороны.

— Говорят, он убил несколько человек! — заметила миссис Пичем.

— Ну и что? — Пичем пожал плечами. — Разве лучше, если несколько человек убьют тебя? Нет! У этого джентльмена неплохие рекомендации... Я смотрел его дело в Скотланд-Ярде: три побега из тюрьмы, два вооруженных ограбления банка... Казалось бы, идеальная партия для дочери Пичема. Но!.. — Пичем сделал многозначительную паузу. — Я не уверен, что этот мерзавец влюблен!

— Он мне сам говорил! — сказала Полли.

— На допросах люди врут! — отрезал Пичем. — Когда человек влюблен, он должен давать, а не брать! Где это видано: получать такую девушку в жены и еще просить какое-то приданое? Мне должны за дочь! Мне! Я ее растил двадцать лет! Вкладывал в нее, как в банк, и теперь имею право на проценты! — Мистер Пичем подошел к кассовому аппарату и начал считать, прокручивая ручку. — Красивая! — Поворот. — Музыкальная! — Поворот. — Невинная! — Поворот. — непохожа на меня! — Три раза крутанул ручку, оторвал чек. — Итого: пятьдесят тысяч фунтов! — Бросил чек дочери. — Если жених готов его оплатить, я бегу за священником!

— Пятьдесят! — присвистнула миссис Пичем. — Это ты загнул, муженек!
 — Прошу пятьдесят, отдам за сорок! — отреагировал Пичем. — Торговля только началась, я открыт для предложений...

Полли взяла чек, разорвала его на кусочки, бросила в окно.

— Скоро я стану старая, некрасивая, а невинность отдам первому встречному!!! — Сообщив эту угрозу, Полли выбежала из комнаты... едва не сбив совершенно седого старика на каталке...

Это был девяностолетний отец Селии — мистер Хооп.

Несмотря на преклонный возраст, мистер Хооп довольно ловко подъехал к буфету и налил себе рюмку.

Мистер Пичем попытался помешать и вырвал рюмку.

— Не обижай папочку! — крикнула миссис Пичем и вырвала рюмку из рук мужа. Возникла легкая потасовка, во время которой старик Хооп с возгласом “хоп!” все-таки отнял рюмку и успел ее выпить первым.

Взволнованные борьбой, мистер и миссис Пичем, подумав, тоже выпили...

Возникла пауза.

— Значит, ты меня никогда не любил?! — неожиданно плаксиво спросила миссис Пичем.

— Идиотский вопрос на двадцатом году совместной жизни! — отмахнулся Пичем.

— Не любил! — повторила Селия. — Где выкуп за меня?

— Ну, ведь я и не брал ничего!

— А этот дом?

— Собачья конура! И в придачу получил твоего папашу-алкоголика!

Пичем в сердцах толкнул папашу, отчего тот покати́л на коляске в другой конец комнаты.

— Ты знал, что папочка долго не протянет! — съязвила Селия, возвращая папочку на место. — На это и рассчитывал?

— Да! Рассчитывал!.. Но он не оправдал моих надежд. И продолжает пить мою кровь и виски!.. Но я его все-таки не пришил, Селия! — папаша поехал от толчка в другой угол.

— Но хочешь пришить! — крикнула Селия, с трудом затормозив движение родителя.

— Да! — признался Пичем. — Эта светлая мысль посещает меня... Но я ее гоню! Потому что не гангстер! Не Мэкки-нож! Этот мальчик прирежет нас всех не задумываясь! Их брачная ночь станет нашей “Варфоломеевской”! Вот почему я требую выкуп! Залог нашей безопасности! И доказательство моей любви к тебе! — Он поднял цветы, валявшиеся на полу, отряхнул пыль и протянул их жене. — Возьми! Это — от чистого сердца!

Селия поморщилась:

— За десять пенсов?

— За двадцать! — обиделся Пичем. — Но кто считает?..

Он распахнул окно и крикнул слепым музыкантам:

— “Серенада”! За три пенса! Плиз!

Музыканты стали поспешно настраивать инструменты.

Вперед вышел “слепой” дирижер, взмахнул палочкой...

Зазвучала музыка.

Мистер и миссис Пичем с пением вышли из дверей своего дома.

Возник

Музыкальный номер 2

По своему характеру этот дуэт был странным сочетанием лирической серенады и жестко-ритмизированной песенки о деньгах “money-money”!

К номеру присоединились прохожие...

Номер закончился швырянием денег музыкантам, которые те, довольно ловко для незрячих, ловили на лету.

Аплодисменты.

Поклонившись, мистер Пичем широким жестом пригласил музыкантов к себе в дом...

Музыканты вошли в дом Пичема.

Миссис Пичем села за кассу.

Сам Пичем достал коробку из-под сигар, стал обходить музыкантов.

Те со вздохом выворачивали карманы, высыпая содержимое.

Некоторые пытались спрятать деньги в укромных местах, но Пичем довольно ловко доставал их из брюк, из-под стелек рваных туфлей, даже из трусов.

Последним цепочку музыкантов замыкал худой чернявый юноша со скрипкой. (Мы его видели в Прологе.)

Пичем вывернул ему карманы, но, к своему удивлению, ничего не обнаружил.

— Деньги, друг мой?

— Извините, у меня нет! — сказал юноша.

— Мошенник! — поморщился Пичем и взял палку. — Сейчас я начну пилить этим смычком по твоей голове!

— Но у меня, правда, с собой нет, — сказал юноша, растерянно роясь в карманах. — Рублей двести всего...

Возникла пауза.

— Стоп! — раздался голос откуда-то сверху, и свет погас.

Камера отъехала, и стало ясно, что мы присутствуем на съемке...

В кадре появились Директор фильма и Режиссер (это исполнитель роли Макхита. Он уже — в джинсах и рубахе.).

— Что за идиотский текст?! Какие рубли? Почему нет шиллингов? — заорал Режиссер. — Кто этот юноша?

— Да просто... — испуганно забормотала Ассистентка — ...Уличный музыкант... Из перехода... Попросился на съемки!..

— Из какого еще перехода? — ахнул режиссер. — Чтoб духу его не было! Черт знает что у вас творится! Перерыв!!!..

Неожиданно в павильон вошли омовцы в пятнистых костюмах охранников.

— Почему опять посторонние на площадке? — крикнул Режиссер.

— Это кто — “посторонний”? — усмехнулся один из омовцев.

Режиссер повернулся, пошел в глубь павильона. Музыкант со скрипкой двинулся за ним.

— Извините, — бормотал он, — я, вообще-то, композитор... У меня есть музыка для вашей оперы...

— Вас зовут Курт Вайль? — отмахнулся Режиссер. — Нет? Другие композиторы мне не требуются...

На этих словах в павильон с шумом въехал шикарный джип...

— Да что ж это такое? — ахнул Режиссер. — Сумасшедший дом!

— Зря вы не хотите послушать! — бормотал Музыкант. — Я понимаю, вы заняты... Но, может быть, можно кому-то показать ноты?

— Можно! — заорал Режиссер. — Обратитесь в “Кашенко”!

— Зачем вы так? — обиделся Музыкант, и глаза его сделались печальными. — Я уже был в “Кашенко”...

Режиссер вздрогнул.

В павильон, ломая декорации, въехал второй джип.

— Мне тоже туда пора! — мрачно пошутил Режиссер. — Дадите адрес?..

По длинным коридорам киностудии быстро идет Режиссер. Как уже было сказано, это артист, игравший Макхита.

Но теперь он совсем не выглядит суперменом. Скорее наоборот, вид довольно жалкий: взъерошенные волосы, на носу — круглые очки.

За ним, едва поспевая, хромает пожилой Директор фильма. Замыкает процессию — испуганная Ассистентка.

На их пути, справа и слева, — заколоченные кабинеты, перемежающиеся с коммерческими киосками. Всюду мусор: сваленные в кучи коробки, таблички от прежних названий фильмов, разорванные сценарии и прочий кинематографический хлам.

Издредка попадают люди из массовки — “лондонские нищие и бродяги”. Где-то на полу спят “бомжи”, очень похожие на современных бездомных.

— Поймите, друг мой! Все так сложно... — бормотал Директор. — У нас нет средств. Об этом речь!.. Но все же истинный художник обязан нервы поберечь!

— Так музыкальное кино не делают! — возмущался Режиссер. — Вместо кордебалета — жалкая самодеятельность! В массовку берете психов... Вместо костюмов — какие-то тряпки!..

— Не сказано ли у поэта про “нищих, в рубище одетых?!”

Режиссер остановился у лежащего на полу “бомжа”, схватил его за свитер с огромными дырками:

— Это не рубище! Это грязный жилет, найденный на помойке!

— “Жилет — лучше для мужчины нет!” — попытался отшутиться Директор.

— Перестаньте рифмовать, черт вас подери! — заорал Режиссер.

— Чтоб не сказать все напрямую, от безысходности рифмую, — вздохнул Директор. — Ну хорошо... Вам суровую прозу? Пожалуйста! Мы — в дерьме! Смета кончилась, кредит не дают... спонсор сбежал! “Опера нищего” обнищала!.. Веселый каламбур, но мне хочется плакать: сегодня нас выгнали из павильона!

— Что?!!

— Аренда кончилась! Автомобили! Все павильоны заполонили... — он обвел рукой окружающее пространство, занятое торговыми точками.

В соседний павильон, превращенный в автосалон, въезжали джипы...

— Почему с утра не сказали?!

— Была съемка!

— Какая к черту съемка? Зачем?!

— А вот тут я вам отвечу в рифму: “Снимать всегда! Снимать везде! До смертного объятия! Снимать — и никаких гвоздей! Вот лозунг мой и братьев!” Я имею в виду Люмьер! Они говорили: наше дело — крутить ручку аппарата, “фильма” сама склеится!

— Они этого не говорили.

— Вам не говорили! — Он подчеркнул слово “вам”. — Вы — молодой режиссер, а я работаю в кино со дня основания!

Они остановились перед обитой кожей дверью.

Лицо Директора стало серьезным:

— Теперь — внимание! Дельное предложение! Надеюсь на понимание! Выход из положения!..

Он поднял с пола валявшуюся табличку с надписью “ВЫХОД”, приклеил к двери и вежливо постучал...

Они оказались в просторном кабинете, явно принадлежавшем чиновнику из городской управы: на стенах — какие-то вымпелы, карты, почему-то многочисленные фотографии бегунов, метателей молота, тяжелоатлетов и прочих участников олимпиад.

Сам хозяин кабинета, широкоплечий полноватый мужчина с завораживающей улыбкой, двинулся гостям навстречу, извергая поток слов и опуская знаки препинания:

— Маэстро... прошу... вот рад так уж рад... найс ту си ю... Пантеров... префект... северо-южный округ... да вот и визитка... там, правда, телефон старый... никак не закажу... донт хев тайм... суета, маета..... мотня, одним словом, “понимаш”... — хихикнул, подмигнул, сделал многозначительный жест в сторону потолка, затем продолжил: — С директором-то вашим “вась-вась” майфрэнд давно... а с вами, маэстро, никак... хотя поклонник... все ваши фильмы... что называется, “от корки до корки”... особенно этот... как его... — неожиданно запел, задвигался в странном ритме, — “ля-ля-ля, шаб-дуба-даб”... я ведь сам когда-то Институт культуры... от звонка до звонка... массовые зрелища... пиелешпоу... спартакиада народов... эх, какую страну на эсен ге сченчили, козлы... — и неожиданно запел, подражая известной песне Маши Распутиной: “Была страна, необъятная моя Россия, была страна, где встречала с мамой я рассве-ет!..”

Режиссер уныло посмотрел на часы и двинулся к выходу.

Директор схватил его за руку, умоляюще зашептал:

— А терпение? А понимание?

— Да пошел бы он!.. — огрызнулся Режиссер.

— Пойдем вместе! — откликнулся Префект и торжественно скрестил руки на груди. — Господа! Я пригласил вас, чтоб сообщить приятнейшее известие... Наш славный город имеет реальный шанс получить на грудь... пять дырочек, — он покрутил пальцем, изображая колечки: — Ю андестенд фор ми, май фрэнды?..

И, заметив, что “фрэнды” не все понимают, пояснил:

— Пять колец! Олимпиада! “Прилетай к нам, наш ласковый Миша!” Почти договорено... Выходим в финал претендентов. Конечно, не безвозмездно... “Игрык банк” готов отстегнуть крупную сумму!

— Поздравляю! — буркнул Режиссер. — А я при чем?

— “Не спи, не спи, художник, не предавайся сну!” — посоветовал цитатой Префект. — Мы э хэв проблем! К нам едет ревизор! Комиссия... принц Узельский,

лорды-милорды... А у меня в округе бомжи спят на стадионах, олимпийские объекты дерьмом загадили... А ю андестенд ми?

— Сэр! Говорите понятней! Плиз! — заорал Режиссер.

— Тогда попрошу к карте! — Префект подбежал к карте, висевшей на стене, достал указку. — Вот — город. Вот — залив. Вот — островок. Называется “Чумовой”! Сказочное место. Замок. Лиман. Минеральные источники. Грязь целебная и не только... Короче, лучше места для съемок вам не найти. Вы снимаете “Оперу нищих”? Я правильно информирован? Берем на Госзаказ! В двадцать четыре часа милиция собирает по всему городу массовку для вас... Бомжи, путаны, шпана! Все по сценарию... Даже переодевать не надо! Просто пускайте камеру, и — первый приз в Каннах! Очищаем город, помогаем искусству! У вас донт проблем, у нас нот проблем!

— А как насчет “прав человека?” — неожиданно спросил Директор. — “Граждане — в неволе, Запад — недоволен!”

— Обижаете, гражданин начальник! — возмутился Префект. — Это ж не исправительный лагерь. Не “Беломорканал”... Русский Голливуд строим! “Бомжлэнд”!.. Раз уж сидим с голым задом, давайте его хоть показывать за деньги! Самокупаемость! Мы не только себя прокормим, мы ж еще и на туристах заработаем! Европа нас одобрит! Дадут кредит! Ну, что задумались?.. Творцы-художники, мать вашу!.. Пепел олимпийского огня стучит в мое сердце!!!

Он в запале выхватил зажигалку, запалил газету и, размахивая ею, двинулся навстречу колонне спортсменов с разноцветными щитами, возникшей неизвестно откуда.

Зазвучали позывные Олимпиады.

Грянули фанфары.

Возник

Музыкальный номер 3

во время которого, под маршеобразную песню взвились флаги, взлетела стая голубей, спортсмены прикрылись щитами, и Префект легко побежал по этому разноцветному живому полю навстречу надутому воздушному шару с нарисованным медведем, который через секунду унес его в поднебесье...

Кто-то сквозь подзорную трубу разглядывал морской залив.

По заливу быстро неслась моторная лодка. В ней расположилась киногруппа: на носу сидели Режиссер, Директор и актриса, исполнявшая роль Полли.

Директор что-то пытался кричать на ухо Режиссеру. Тот явно не слышал и со страхом взглядывался в появившийся на горизонте крохотный островок, с полуразрушенной крепостью...

Они некоторое время ходили по кирпичным коридорам бывшей крепости, переходя из одного загаженного помещения в другое.

Гулкую тишину нарушали лишь крики чаек и шуршанье крыльев летучих мышей.

Всюду валялись какие-то пустые банки, бутылки.

Чернели круги загашенных туристских костров.

Две огромные крысы вышли из щели и усталились на кинематографистов.

Полли взвизгнула и испуганно прижалась к Режиссеру.

— “Чума-остров, чума-остров! — попытался пошутить Директор и кинул в крыс остатками бутерброда. — Жить на нем легко и просто”...

— Но снимать нельзя! — сказал Режиссер.

— Но почему?! — запротестовал Директор.

— “По кочану”, если в рифму! — огрызнулся Режиссер. — Мы снимаем мюзикл, а не документальный репортаж из серии “Разруха в России”. У нас в сценарии — Лондон! Эти развалины ни один художник не переделает в Англию!

— Некоторые хотя бы пытаются!.. — Директор показал на кирпичные стены, исписанные в основном английскими текстами стандартного содержания: “I love you! I fuck you!” и пр...

— Если здесь что-то и снимать, — продолжал Режиссер, — то уж, скорее, “Гамлета”. Типичный замок Эльсинор. Мрачно! Страшно!.. — Он поднял обглоданную кем-то берцовую кость, начал декламировать: — “Бедный Йорик! Где теперь твои шутки? Твои дурачества? Твои песни? Ничего не осталось, чтоб посмеяться над собственными ужимками? Ступай же в комнату к какой-то даме и скажи, что если она и будет краситься каждый день на целый дюйм, все равно кончит тем же!..”

Он протянул кость Полли, та, вздрогнув, подыграла:

— “Принц! Мне страшно!”

— “В монастырь, Офелия! — приказал Режиссер. — А если непременно хотите замуж, то выходите замуж за дурака. Потому что умные люди хорошо знают, каких чудовищ вы, женщины, из нас делаете!”

— О, силы небесные! Как я страдаю! — Полли-Офелия картинно вскинула руки и сделала несколько танцевальных па. Режиссер сделал балетный “батман” и опустил перед ней на колени...

— Bravo! — похвалил Директор. — Но чтобы “быть или не быть”, надо средства раздобыть! Все это из другой оперы, ребятки! На принцев никто денег не даст!

— А на призрак? — неожиданно прошептал Режиссер, указывая куда-то вдаль.

Все обернулись и с ужасом увидели надвигающуюся на них группу странных существ, действительно напоминающих “призраков” и “покойников” из фильмов-“страшилок”.

Зазвучала зловеющая музыка.

Из зияющих глазниц крепости выглянуло несколько страшных физиономий с клыками вурдалаков. Полли взвизгнула... Режиссер обнял ее, закрыв своим телом от чудовищ.

В арке ворот появился страшноватый “домовой”, сопровождаемый парочкой юных ведьм, заверещал, закружился в бесовском танце.

Закончив этот свой

Музыкальный номер 4

содержанием которого могла бы служить строка В. Высоцкого “Страшно! Аж жуть!”, “домовой” и ведьмы, обнажив клыки и когти, двинулись на киногруппу.

Все с ужасом отступили.

Лишь Директор невозмутимо остался на месте и, протянув руку, сначала, на всякий случай, осенил страшилищ крестным знамением, потом крикнул: “Стоять!! Я — от Пантерова!”

Фамилия префекта подействовала как пароль. “Домовой” убрал когти, вынул изо рта вставные клыки, заулыбался:

— А я смотрю, лица знакомые... Разрешите представиться: Синичкин... То есть, конечно, псевдоним... Но играл Льва Гурьча неоднократно... Вот и прозвали-с... Да вы меня, может, помните, коллега? — обратился он к Режиссеру. — Областной драмтеатр... Приезжали к нам на гастроль... Вы — Хлестаков... А я — Земляника... попечитель.. Взятку вам давал еще так незаметно... вам понравилось...

— Ну, как же... как же, — вежливо ответил Режиссер. — А здесь-то вы кто? Нечистая сила?

— Ну, вроде! — заулыбался Синичкин. — В театре-то зарплату третий месяц не платят... Да и ролей нет. А тут устроился в береговую охрану... Набрал студию... Леших играем, упырей! Диках туристов отпугиваем, а то ведь совсем загубят остров...

“Ведьмы” и “вурдалаки” в подтверждение закивали.

— Платят за “испуг” или почасово? — делово поинтересовался Директор.

— Оклад небольшой!.. Но еще халтурка набегает... Иностранцы любят фотографироваться совместно! Моряки с соседней базы на праздник Нептуна зовут... Короче, на “том свете” жить можно.

— Учтем! — подумав, заметил Директор.

— А вы, слышал, “Оперу нищих” будете снимать? — продолжил Синичкин, обращаясь к Режиссеру. — Отличная пьеска... Всегда мечтал мистера Пичема сыграть...

— Есть у нас Пичем! — сказала Ассистентка.

— Ну, хоть дочку мою посмотрите! Доченька у меня, Поленька Синичкина, талант отменный... ГИТИС недавно закончила... Устроили бы пробу!

— Полли тоже есть! — забеспокоилась Полли. — Все пробы давно сделаны! — и для убедительности взяла Режиссера под руку.

— Вот и славно, барышня! — обрадовался Синичкин. — А другие рольки? Наперсница?.. Как там ее?.. “Дженни-малина”... Проституточка... Поленька моя всегда мечтала воплотить... — он повернулся к одной из юных ведьм. — Да что ж ты стесняешься, глупенькая?! Такой шанс! Ну-ка покажи, чему учили в институте?..

“Упыри” одобрительно зашумели.

Поленька Синичкина робко вышла на помост...

— Мне партнеры нужны! — сказала она. — Подыграете если что?

Зазвучала музыка.

Возник

Музыкальный номер 5

во время которого Поленька сначала робко скинула с себя лохмотья ведьмы, совершив нечто похожее на пародийный стриптиз, затем, оказавшись в черных кружевных чулках, довольно неплохо исполнила призывный танец.

Режиссер, поддавшись ее обаянию, вскочил на помост, подыгрывая ей в эротической музыкальной сцене...

Полли гневно наблюдала за ними, затем выскочила на помост и попыталась отогнать соперницу.

Страсти, разыгранные в танце этим любовным треугольником, всем понравились.

Раздались аплодисменты.

Директор тоже вежливо поаплодировал, но вдруг, повернувшись в сторону моря, с ужасом прошептал:

— Едут!

По направлению к острову на веслах шло несколько лодок, набитых нищими, бомжами и оборванцами.

Их давно немые лица заросли щетиной.

Тут же шла лодка с девицами явно сомнительной репутации, которую они дополняли еще более сомнительными жестами...

Отдельной лодкой плыл уличный оркестр, исполнявший какую-то странную мелодию: помесь "Мурки" и знаменитой дворовой песни 50-х годов:

В нашу гавань заходили корабли,

Большие корабли из океана...

Солировала в этой песне актриса, игравшая жену Пичема.

Сам мистер Пичем стоял на носу лодки с мегафоном и командовал гребцами:

— Р-раз! И! Р-раз! Суши весла! Улыбки на кинокамеру!

Он первым соскочил в воду и пошел навстречу Режиссеру, удивленно наблюдавшему за этой странной флотилией.

— Пополнение, сэр! — крикнул Пичем, соединяя в себе как бы персонаж и актера. — Лихой народец подобрался! Чайки кричат от страха!

— Почему без милиции? — возмутился Директор. — Они же разбегутся!

— Куда? — удивился Пичем. — Да я половину желающих на том берегу оставил!

— Так это не настоящие... нищие? — начал понимать Директор.

— А то какие же?! — обиделся Пичем. — Подбирали в театрах по теме: из Достоевского, из Диккенса...

— Но мэрия собиралась иначе, — начал было Директор, но его перебила возмущенная миссис Пичем:

— Собирались? В тюрьму им пора собираться! Жулье! Я им так и сказала: профессионалы всю жизнь ходят с протянутой рукой на сцене, а вы их хотите заменить на самодеятельность? Да в Америке актерский профсоюз вам бы голову оторвал!

И, схватив у мужа мегафон, крикнула:
— Коллеги! Выходи строиться! Проститутки — налево, нищие — направо, ворье — посредине!

Прибывшие, шлепая по воде босьми ногами, с шумом побежали на берег и начали строиться согласно установленному ранжиру...

Массовка выстроилась на помосте, как на плацу.

Режиссер, Директор и мистер Пичем обходили шеренги, разглядывая персонажей.

Те заискивающе смотрели на Режиссера.

Мистер Пичем давал пояснения:

— “Обитатели лондонских трущоб”... это — “петербургские”... “парижские клошары”... “московские босяки”, из “На дне”, которые... юродивый — из “Бориса Годунова”...

Юродивый вдруг рухнул на колени, протянул руку, заголосил:

— “Мальчишки копеечку отняли! Вели их казнить!...”

— Достаточно! — оборвал Режиссер и бросил юродивому монетку.

— Сцен не надо! Только обозначайте характер!..

Они двинулись дальше, подошли к группе девиц.

— Ну, это сами понимаете... — продолжал Пичем. — “Жрицы любви”!

Жертвы социальной несправедливости...

“Жертвы” игриво заулыбались.

— Здесь и “Пышка”... мопассановская... и наши: от Сонечки Мармеладовой до “Соньки — золотой ручки”...

Девушки, каждая обозначив свой типаж, все вместе сделали довольно старомодный “книксен”.

— А вот и ваша лихая компания, мистер Мэкки! — Пичем подвел к бандитскому строю. — Хотите — “Разбойники” Шиллера... хотите — налетчики Бени Крика!

Бандиты радостно поприветствовали Мэкки.

— А этот почему здесь? — Режиссер вдруг заметил среди музыкантов юношу в черных очках. Того самого, что сорвал съемку в павильоне. — Это что, “Слепой музыкант”? Короленку?!

— Я — Мышкин! — с достоинством произнес юноша и снял очки.

Секунду они смотрели друг другу в глаза — Режиссер — неприязненно, музыкант — отрешенно.

— Князь, вам бы встать рядом с Бароном из “На дне”! — посоветовал Пичем и добавил, обращаясь к Режиссеру: — Я разорившихся аристократов тоже позвал... Вдруг пригодятся?

— Все ясно!! — строго сказал Режиссер и взял в руки микрофон. — А теперь, коллеги, выслушайте меня все внимательно! Снимаем — “Оперу”, но про нищих. И смета — соответственная! Самый большой гонорар — копеечка юродивому... Других денег нет! Поэтому желающим разбогатеть советую сразу же плыть отсюда вон на том катере... Подробности у нашего Директора, он умеет рифмовать!

Все понимающе промолчали. Никто из строя не вышел.

— Хорошо! — сказал Режиссер. — Тогда продолжим... Снимаем про нищих, но мюзикл!.. В мюзикле главное — кордебалет! В кордебалете главное — слаженность! Общий успех — твой успех! Кто считает иначе и будет тянуть в кадре на себя одеяло — счастливого пути!

И снова никто из строя не вышел.

— Тогда за работу! — Он сбросил пиджак, вскочил на помост, дал знак музыкантам. — Раз-два-три-четыре! Раз-два-три-четыре! Повторяем за мной! Легкий жанр — самый трудный! Петь, двигаться, улыбаться, не потеть! Четыре задачи по Станиславскому! Раз-два-три-четыре!

Режиссер начал показывать танцевальные движения.

Массовка с трудом пыталась их повторять...

— Раз-два-три-четыре! — командовал Режиссер и участникам, которые не выдерживали ритма, приказывал: — Все! Спасибо! Переходите на второй план! Не мешать! Вы — отдыхайте! И вы!.. И вы!..

Часть массовой, среди которой оказался и юноша — уличный Музыкант, с выражением досады отходили в сторонку. Остальные старательно выполняли команды.

Темп стал усиливаться. С Режиссером осталась небольшая группа пластичных актеров. Их движения на глазах делались более слаженными, переходя в особый вокально-танцевальный

Музыкальный номер 6

Номер напоминал репетиции кордебалета из фильмов “Corus Lane” и “All that Jazz” Боба Фосса, и пелось в нем об удивительном жанре киномузыкла, когда диалог, вокал и танец неразрывны.

В мюзикле все условно! И все по-настоящему, как в жизни...

Во время этого номера массовка, как бы исполняя и роль декораторов, выстроила на наших глазах “Улицу Лондона” и все необходимое, что нужно было для съемок фильма о похождениях капитана Махсита.

Поздно вечером на берегу залива разожгли костры.

У костров расположилась часть киногруппы.

Ужинали. Пили вино. Отдыхали.

Слушали песню заезжего гостя — возможно, А. Розенбаума или А. Макаревича.

Возле Директора сидела Корреспондентка с магнитофоном.

Чуть поодаль — юноша, уличный Музыкант. Рядом лежала скрипка в футляре.

Музыкант листал режиссерский сценарий, но сам иногда посматривал на актрису, играющую Полли.

Та, в свою очередь, бросала косые взгляды на Режиссера и Поленьку Синичкину, о чем-то тихо беседовавших в сторонке...

Корреспондентка брала у Директора интервью:

— Это про что будет фильм?

— Ну, как сказать... Про бандитов, проституток... много песен, много шуток! — привычно срифмовал Директор. — В общем, музыкальное кино... по песне... Джон Гей. Писатель был такой, английский. Прочтите!

— Да некогда! — вздохнула Корреспондентка. — Мне материал завтра сдавать... Вы вкратце...

— Ну, если вкратце... Мэкки-нож бандитом был... Разных девушек любил... Жил довольно весело... В конце его повесили...

— Не фига себе, сюжетик! — ахнула Корреспондентка. — Интересно!

Музыкант не выдержал, вмешался в разговор:

— Вы извините... Мне кажется, это не совсем так! Опера — высокий жанр.

Там все глубже и серьезней...

— Уйдите, князь! — сказал Директор. — Не возникайте!..

Юноша вздохнул, снова полистал сценарий, потом подошел к Полли:

— Извините... Вы меня не помните?

— Нет! — сухо ответила Полли. Она была уже довольно известной актрисой и к назойливым приставаниям поклонников привыкла.

— Я — музыкант! Я вам съемку еще сорвал в павильоне... Не нарочно...

— Очень приятно! И что?

— Да вот спросить хочу: сцену свадьбы Полли и Макхита снимают завтра?

— Опять сорвать думаете?

— Наоборот! — не поняв шутки, ответил Музыкант. — Я в консерватории учусь! — пояснил юноша. — Музыку сочиняю. У меня есть настоящий свадебный хорал. Хотел вам показать...

— Мне зачем? Режиссеру покажите!..

— Пытался! — вздохнул юноша. — Он всегда занят!..

В это время Режиссер взял Синичкину за руку, направился к морю.

— Он всегда занят! — повторила Полли, сердито глядя им вслед. — А вы — решительней! В кино надо быть пробивным! Вот идите сейчас и покажите... Он будет рад!

— Вы так думаете? — юноша посмотрел на Полли, затем направился вслед за Режиссером и Синичкиной.

Догнал их на дорожке...

Полли вглядывалась в темноту... Увидела, как юноша что-то говорил Режиссеру, тот нетерпеливо слушал, потом громко спросил:

— Ваша фамилия — не Мендельсон? Нет? Тогда исчезните! Другой музыки для свадьбы не требуется!

После чего Режиссер решительно взял Синичкину за руку, и они скрылись в темноте...

Музыкант вернулся к Полли.

— Не понравился хорал? — вздохнула Полли, кивнув в сторону ушедшего Режиссера.

— Он — грубый! — сказал Музыкант.

— Он — гангстер! — сказала Полли.

— Вжился в образ! — согласился Музыкант. — Только поэтому я его прощаю! Иначе бы — застрелил...

Полли вздрогнула, впервые с любопытством глянула на Музыканта.

— Как это "застрелил"?.. В каком смысле?

— На дуэли! — пояснил Музыкант.

— А... Ну, другое дело! — успокоилась Полли. — А я подумала — всерьез. Слышала, вы князя Мышкина играли?

— Почему "играл"? Я и есть — Мышкин, — спокойно ответил юноша. — Хотя, может быть... и князь. У Достоевского не зря наша фамилия использована. У меня, знаете, иногда бывает такое аристократическое бешенство... Страшно!

Полли снова с испугом глянула на Музыканта и чуть отсела:

— А на съемки как попали?

— Я вам объяснил: музыку сочиняю. В том числе и оперную... Но пробиться трудно. А здесь все-таки — опера. Про нищих, но — опера! Высокий жанр! И автор — Джон Гей, аристократ... Он понимал! Не только принизить власть, но и возвысить неимущих — вот была его цель! Это уж потом Брехт все опошил своей марксистской философией... А в подлиннике — восемнадцатый век! Я изучал. Впрочем, лучше я вам сыграю, если позволите?

— Ладно! Сыграйте! — вздохнула Полли.

— Спасибо! — глаза Музыканта вспыхнули нездоровым блеском, он нырнул в темноту и тут же появился с инструментом. — Я вас недолго задержу! Я только... — он поспешно расстегнул футляр скрипки...

...и замер.

Футляр был пуст.

— Украли? — ахнула Полли.

— Сперли! — убитым голосом подтвердил князь Мышкин.

— Ах, сукины дети! — взорвалась Полли. — Да и вы — слабоумный! Разве можно оставлять инструмент без присмотра? Это же — съемка! Черт-те какой народ здесь шастает!...

— Да... Конечно... Сам виноват...

— Дорогая скрипка была?

— Не очень... Впрочем, нет... Сам инструмент дешевый... Стандарт. Но музыка... Она — замечательная! — Он вдруг стал мучительно растирать виски. — Теперь вот забуду...

— То есть, как “забуду”? — изумилась Полли. — Вы еще ее и не записали даже?

— Я всегда импровизирую... Фиксированная музыка мертва! А возникающая вдруг — живая! И сейчас... я так хотел вам... Ах! — он бешено стал тереть виски.

— Жаль, что вы не слышите! А сыграть — не на чем...

— Ладно... Чего вы? Не мучайтесь! — испуганно заговорила Полли. — Напайте...

— Попробую! — Музыкант запел начало мелодии, потом остановился. — Глупость! Голоса нет... И все это сразу примитивно... Пойдемте! Я попробую исполнить это на крепости!

— На чем?!!

— На крепости!!

Они вошли в один из дворигов крепости.

Сквозь зияющие глазницы окон сияли луна и звезды...

Длинные каменные коридоры, перекрытые арочными воротцами, убежали в темноту.

— Это, конечно, не восемнадцатый век! — приговаривал Музыкант. — Но все-таки архитектура! “Застывшая музыка”, как говорил Гете. Я давно разрабатываю эту тему. Любое историческое здание можно заставить звучать! Надо только его настроить!..

Он делово прикрыл пару окон фанерой, проверил, как скрипит сорванная с одной петли дверь...

— Сейчас! Сейчас! — пояснял Музыкант. — Я уже днем пробовал... Здесь арки хорошие... И коридоры гулкие, как трубы... Вот подует ветер с моря, и крепость превратится в орган... Да вы присядьте... Вон там, в первых рядах...

Полли, усмехнувшись, села на поломанную коробку из-под апельсинов. Музыкант вскочил на камень и поднял руку дирижерским жестом...
 Стая летучих мышей вспорхнула из темноты...
 Ветер... Плеск волн... Скрежет дверей...
 Постепенно из звуков и шорохов стал возникать

Музыкальный номер 7

Та самая, главная, музыкальная тема, которая пробивалась к нашему уху с самого начала фильма, с первого кадра, когда Музыкант в городском подземном переходе пытался изобразить ее на скрипке...

И при свете луны в многочисленных коридорах крепости стали возникать люди, в белых париках, белых шелковых чулках и туфлях со сверкающими пряжками...

Они выстроились в почетный строй, а затем напомаженный Макхит, скорее напоминающий Фигаро из одноименной оперы, повел под руку Полли, похожую на всех оперных невест в пышных кринолиновых юбках.

Хор гостей, извергая из глубин вокала самые высокие ноты, начал славить новобрачных...

В утреннем морском небе стрекотало несколько военных вертолетов.

Сквозь оптическое наблюдение им были видны островок Чумовой и киногруппа, проводившая подготовку к съемкам... Через треск лопастей доносились обрывки переговоров летчиков:

— Восьмой! Восьмой! Я — девятый! Что за народ на острове? Чего они делают? Прием!

— Девятый! Я — восьмой! Вижу людей... Вроде пляшут! Прием!

— Восьмой! Я — девятый! Спрашиваю: на хрена они пляшут спозаранку?! Прием!

— Девятый! Я — восьмой! А... — треск в наушниках — ...их знает! Разберись! А то нам выйдет боком! Генерал вз... — треск в наушниках — устроит! Как слышишь? Прием!

— Восьмой! Слышу хорошо! Задание понял!

Один из вертолетов направился в сторону острова.

Это, собственно, очередной

Музыкальный номер 8

повествующий словесно, музыкально и зримо о натуральных съемках любого кинофильма и включающий в себя привычные для зрителя кинокадры: актеры гримируются прямо на площадке, коней запрягают в экипаж, каскадеры проверяют кинотрюк, помощник режиссера раздает кофе, группа рабочих сколачивает большой помост с виселицей, кто-то

спит, лежа на траве, кто-то сидит в наспех сколоченном туалете без крышки и т. д. и т. п.

Все это при показе сверху очень напоминает встревоженный муравейник, но наши кинематографические муравьи, двигаясь в определенном музыкальном ритме, превращали эту привычную картинку в особое музыкальное действие, которое увидеть, правда, может только камера, установленная под небесами...

Идет съемка.

Улица Лондона. Дом с красным фонарем над дверью.

На стене — плакат, стилизованный под объявления прошлых времен: на нем — рисованный портрет Мэкки, надпись по-английски и трехзначное число — сумма, назначенная за его поимку.

Вдоль стены разгуливает полисмен.

Высоко над фонарем — окна, из которых выглядывают проститутки, свободные от своих утомительных занятий. Они негромко напевают, что-то лирическое и сентиментальное типа:

“Ах, для чего на рассвете
Есть на цветочках роса?
Ах, для чего нежной деве
Слезы туманят глаза?”

Голос Ассистентки:

— Женщины Макхита. Дубль первый.

Хлопушка.

Девочки в окнах тихо запели:

“Пчелка цветы собирает.
Милый целует в уста.
Пчелка к цветочку вернется.
Милый ко мне — никогда...”

К дому с красным фонарем миссис Пичем тащила за руку упирающуюся Полли.

— Идем! — говорила она. — Сумела выйти замуж за мерзавца, умей быть счастливой до конца!

Она решительно постучала в дверь, а когда та открылась, спряталась в укрытие.

В проеме двери появилась заспанная Дженни, в ярком китайском халате. Секунду она с интересом разглядывала Полли, потом спросила:

— Что вам угодно, сударыня?

— Извините... — забормотала Полли. — Хотела узнать: нет ли случайно среди ваших посетителей джентльмена... по имени мистер Макхит?

— У нас тут не музей, милочка! — ответила Дженни. — “Посетителей” не бывает. Есть гости... Причем инкогнито!..

Она попыталась закрыть дверь, но тут миссис Пичем выскочила из укрытия и потянула дверь на себя:

— Не дури, Дженни! — сказала она. — Нам и нужен инкогнито... Макхит!.. Муж моей дочери Полли!

— Муж? — изумилась Дженни. — И давно это с ним?

— Мы вчера повенчались! — сказала Полли.

— А сегодня его уже ищете в нашем заведении? — Дженни многозначительно улыбнулась. — Видно, темперамент новобрачной оставляет желать лучшего!

— Замолчи, дрянь! — Полли сжала кулачки. — Если мой муж случайно и спрятался у вас, то, уверена, только потому, что его ищет полиция... — она указала на плакат с портретом Макхита, висевший на стене.

— Тем более стыдно сюда приходите! — гордо сказала Дженни. — Мы не торгуем мужчинами!

— Вот и глупо! — сказала миссис Пичем. — Они делают нас продажными, а мы такие гордые, что стыдимся воздать им той же монетой! Где наша женская солидарность? Он вам платит за ночь десять шиллингов, а я предлагаю сто фунтов!..

— Здесь написано: двести! — заметила Дженни, переведя взгляд на объявление полиции.

— Сто — вам! Сто — нам! — сердито сказала миссис Пичем. — Это все-таки наш зять...

— И вы готовы сделать дочь вдовой? — ахнула Дженни.

— Дура! — вздохнула миссис Пичем. — Если б хотела, то взяла бы все двести... Каждый получает свое! Я делаю официальное заявление полиции, ты предупреждаешь Мэкки... Волки сыты, овцы целы!..

— Никогда бы не подумалась до такой гадости... — сказала Дженни. — Ладно... Пойду попробую поискать!

Она закрыла за собой дверь.

— Господи! — взмолилась Полли, обращаясь к небу. — Сделай так, чтоб его там не было.

— Господи, не слушай глупостей! — вмешалась миссис Пичем. — Делай, как считаешь нужным!..

В этот момент к миссис Пичем подошел один из полисменов.

— Извините, леди! — сказал Полисмен, отдавая честь. — Краем уха слышал ваш разговор. Вы хотите сделать официальное заявление по поводу разыскиваемого преступника?

— Стойте на посту! — строго сказала миссис Пичем. — Когда потребуется сделать официальное заявление, я подойду к вам...

— Я к тому, что и мои парни интересуются своей долей... — продолжил Полисмен. — Овцы целы, волки сыты... А овчарки? Им тоже надо кушать! Ведь будет погоня... Стрельба... Трудно промахнуться!

— Сколько хотите за промах?

— Из пистолета — шиллингов пять... Из ружья — пятнадцать! Там более точный прицел!

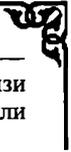
— Десять фунтов за весь салют, и ни пенса больше! — отрезала миссис Пичем.

Тут в окне второго этажа появился Макхит.

— Извините, что помешал! — сказал он с улыбкой. — Но, мне кажется, разговор касается моей персоны?

— Мистер Макхит! — недовольно заворчал Полисмен. — Вы меня подводите! Я же просил не показываться!

— Мэкки! Ты все-таки здесь? — ахнула Полли. — Какой позор! Я так надеялась...

— Голубка! Я же не у любовницы... Я — в официальном заведении! — успокоил ее Макхит. — Где еще спрячешься, если за тобой такая погоня? В связи с этим у меня вопрос к миссис Пичем... Овцы целы, волки сыты, собаки получили кость... А что достанется оленю, за которым охотятся?

— Трепетная лань! — сказала миссис Пичем. — Моя девочка! К несчастью, она вас любит... Если вы этого не видите, вы не олень, а шакал...

Зазвучала фонограмма лирической мелодии. Полли направила взгляд, полный нежности, к своему супругу...

На глаза миссис Пичем навернулись слезы.

— Похоже, это так, Мэки! — сказала Дженни, появляясь в окне. — Девчонка и вправду влюблена...

— Не вмешивайся, Дженни! — сухо остановил ее Макхит, с любопытством глядя на Полли. — Ты-то умная женщина и знаешь, что всякая любовь имеет свою таксу...

— Может быть! — вздохнула Дженни. — Но иногда так хочется быть дурочкой. Поэтому я отказываюсь от своей доли в пользу миссис Пичем! Беги, Мэки!

— Вы — благородная девушка! — сказала Полли, чем приятно удивила Дженни. — А ты, мама? Неужели мы хуже?

— Папа меня убьет! — вздохнула миссис Пичем. — Но благородства нам не занимать... Беги, Мэки!

— Минуточку, леди! — заволновался Полисмен. — А наша доля? Миссис Пичем, вы делаете официальное заявление или нет?.. Если деньги останутся в казне, мы будем стрелять прицельно!.. Предупреждаю!

— Черт с вами! Стреляйте! — сказал Макхит. — Платить за любовь — так по-крупному!..

Он легко выпрыгнул из окна, чмокнул Полли в щеку и вскочил на подножку проезжавшего мимо экипажа...

— Стой! — Полисмен выхватил пистолет, нажал на курок.

Грохнул выстрел.

Макхит схватился за плечо, из-под пальцев потекла кровь...

— Стоп! — крикнул Оператор... — Снято!

Макхит соскочил с подножки, бодро вернулся на площадку.

— Погоню будем снимать завтра! — сказал он. — А теперь — крупные планы. Мне нужны плачущие лица женщин... Дайте лук или нашатырь!

Ассистентка уже несла очищенную луковицу. Протянула ее миссис Пичем.

— Не надо! — устало отмахнулась актриса, исполнявшая роль миссис Пичем. — Я — профессионал... Снимайте!

Она подставила лицо камере, чуть напряглась... и по ее щеке покатились слеза...

— Снято! — скомандовал Режиссер. — Теперь Дженни...

— Я тоже попробую без лука, — робко сказала Синичкина. — Когда-то получилось...

Она подставила лицо камере, чуть пошмыгала носом для разбега, и... ее глаза увлажнились.

— Хорошо! Умница! — одобрил Режиссер и нежно погладил Синичкину по голове... Та машинально прижалась щекой к его руке...

Полли с отчаянием наблюдала за этой сценой.

— Теперь Полли! — спохватился Режиссер и, обернувшись, увидел, что по щекам актрисы текут слезы.

— Годится! — одобрил Режиссер — Зафиксируем!

— Нет! — крикнула Полли и закрыла лицо рукой. — Это не снимайте!!! Тебе нужен мюзикл... — Она вытерла слезы, высморкалась. — Дайте лук!..

И, сердито глядя на Режиссера, с остервенением стала тереть луковицей щеки...

На нее печально смотрел Музыкант. Его глаза тоже увлажнились...

К острову приближался яркий воздушный шар. В его корзине стояли с подозрными трубами Префект и белокурый Гость в тирольской шляпке.

Морем шар сопровождала кавалькада моторных лодок, наполненная охраной, оркестрантами, с духовыми инструментами и коробками с пивом.

Всю эту процессию снимала группа телеоператоров.

Шар завис над прибрежной полосой.

Префект выбросил трап и первым спустился на землю.

За ним начал спускаться Гость.

Здоровенные молодцы-охранники выстроили почетный караул.

Оркестр грянул нечто бравурное...

Из крепости к ним уже спешил Директор.

За ним — Режиссер, выражение лица которого явно свидетельствовало, что он плохо понимает происходящее...

— Гутен морген, майне либен херц! — закричал радостно Префект, демонстрируя некоторое владение немецким языком. — Их фрое мих зер зи цу зеен!.. Короче — рад видеть! Знакомьтесь: дер директор, дер режиссер... остальное — дер киногруппа. А это, — он указал на Гостя, — наш дорогой компаньон, херр Отто Мария Браун из Германии... Частное телевидение... “Филиппс-грюндик и Ко”... Одним словом, крутой мужик, настоящий новый русский немец!

— Все-таки, русский или немец? — тихо спросил Режиссер.

— И еще маленько казах! — сказал Браун. — Город Кустанай. Май либен хаймат... Немецкий театр. Дойче фольклор ансамбль...

— Его мутер и фатер — оба были наши артисты! — подхватил Префект. — И тоже, понимащ, играли когда-то “Трехгрошовую оперу”...

— Йа! — подтвердил довольный Браун. — Бертольт Брехт! Май либен аутор!

— Во, геноссе, какое совпадение! — радовался Префект.

— Но у нас не совсем Брехт! — пояснил Режиссер. — У нас — английский вариант.

— Не принципиально! — тихо вмешался Директор.

— То есть, как не принципиально? Очень даже принципиально! — заспорил Режиссер.

— Ты — Мэски-Мессер? — спросил Браун, разглядывая Режиссера. — Май фатер был Мэски-Мессер...

— А мутер — Полли? — угожливо поинтересовался Директор.

— Йа! — подтвердил Браун. — Она была беременный Полли, а я еще сидел там, — он показал на живот, — и все слушал... музыку... Ейн-цвай-драй-фир... — Он сверкнул глазом, задвигался, зашел песенку Мэски по-немецки...

Телеоператоры дружно направили на него камеры.

— Ну, заводной мужик! — похвалил Префект. — Вот, Россия-мать! Человек простым зародышем в ней был, а все помнит... А чего мы стоим?.. Негостеприимно! Херр Директор! Давай! Приглашай гостя! Мы “биир” привезли!

— Какой к черту “биир”? — возмутился Режиссер. — У нас с утра — съемка!

— Ну, не все же за рулем? Да здесь и ГАИ нет! — своеобразно отреагировал Префект.

— Вот именно! — сказал Директор и широким жестом пригласил гостей в крепость. — Всех берем на бордаж! Битте-дритте к нам в шалаш!..

Они прошли в небольшое помещение, служившее своеобразным штабом киногруппы. Здесь стояли видеомагнитофон и старенький телевизор...

На стенах висели график съемок и множество фотографий с кадрами отснятого материала. Портреты исполнителей.

Гость начал их с интересом разглядывать, давая комментарии и оценивая:

— О! Гут! Дас ист Полли..... Джени... Дас ист бандитен! Мафия! Гут! О, майн либен Брехт!

— У нас не Брехт! — снова попытался объяснить Режиссер. — У нас мюзикл по Джону Гею. Джон Гей — первоисточник...

— Да не спорьте вы, херр Режиссер! — зашипел Директор, отводя Режиссера в сторонку. — Какой к черту первоисточник? Теперь он — наш первоисточник!

— Нам обещали Госзаказ!

— Госзаказ — капут!.. — заметил Префект. — Накрылся... олимпийским знаменем!

— Слава богу, есть спонсор! — подхватил Директор. — Да еще какой! Дает технику, пленку... Компьютерные эффекты... И практически ничего не требует взамен!

— Практически или ничего? — подозрительно спросил Режиссер.

— Да ерунда... — сказал Префект. — Пиво для рекламы... Сосиски! Нищие любят сосиски? Натюрлик!

— Для немецкого телевидения, — добавил Директор, — придется дать роль ихней телезвезде!

— Что?! — спросил Режиссер так громко, что немецкий гость оторвался от рассматривания фотографий. — Вы уже стоворились?! Кто здесь режиссер, в конце концов?.. Все утверждено! Какую роль? Мужскую? Женскую!

— Йа! — подтвердил Браун.

— И кто ее будет играть?

— Йа! — повторил Браун.

— В каком смысле “йа”? — оторопел Режиссер. — Переведите!

— “Йа” — это по-ихнему — “он” — , вздохнул Директор. — У них так принято...

— Йа! — подтвердил Браун и неожиданно перешел на довольно четкий русский язык. — Вот фотопробы! — он разложил на столе фотографии, где был изображен в женских платьях. — Полли... Джени...

— Это в китайской опере мужчины играют женщин! — сказал Режиссер, разглядывая фотографии.

— У нас тоже! Зритель это любит! — сухо сказал Браун и достал кассету. — А теперь — видеопробы... Это у вас что? — спросил он, указывая на телевизор.

— Телевизор.

— Отправьте в Кустанай. В сиротский дом.
 Он сделал жест. Мгновенно охранники внесли огромный телевизор, компьютер и видеоприставку.
 — Музыкальный номер: Мэкки и одна из его женщин!
 — Кто — Мэкки? — спросил Режиссер.
 — Вы! — сказал Браун. — Компьютерный монтаж!..
 Он нажал кнопку, и на экране возник

Музыкальный номер 9

в котором компьютерный “Режиссер—Мэкки” довольно лихо на псевдонемецком языке пел и танцевал с полногрудой женщиной, которую забавно изображал мистер Браун.

Все это происходило в типичной баварской пивной и сопровождалось пением посетителей и стуком огромных пивных кружек...

Номер закончился восторженными восклицаниями Префекта и Директора. Охранники радостно поаплодировали.

Режиссер был мрачно-задумчив.

— Кого из женщин вы хотите заменить? — наконец, спросил он.

— Это уж вам решать! — господин Браун неожиданно ласково потрепал Режиссера по щеке. — Майне либе Мэкки!..

Над островом кружил вертолет.

Сверху было видно, как вдоль крепости вывели несколько карет.

Трюкачи, одетые в форму английских полисменов, приготовились к съемке.

Помощник Режиссера раздавала ружья и пистолеты...

— “Погоня! Дубль первый!” — скомандовала Ассистентка Режиссера.

Хлопушка.

Макхит вскочил на подножку кареты...

— Стой! — крикнул полисмен, и раздался выстрел.

Макхит схватился за плечо. Из-под пальцев засочилась кровь...

Превозмогая боль, он столкнул кучера и погнал лошадей... Карета с полисменами понеслась за ним...

Грохотали выстрелы...

Полисмены картинно падали в придорожную пыль...

Вертолеты кружились над островом, наблюдая за съемкой.

Сквозь грохот лопастей прорывались отрывки переговоров:

— Восьмой! Я — девятый!.. Что у них за разборка? Совсем ох... — треск — ...ели?

— Я — восьмой! Вижу разборку! Вижу! Но, думаю, — холостыми бьют!

— Восьмой! Я — девятый! Думать будет трибунал! А ты что видишь, то и принимай решение! Не то — чревато боком! Как понял?

— Девятый! Я — восьмой! Понял хорошо. А что именно — не понял!
— Даю сигнал к зачистке территории!
— Уй... Е!..
— Восьмой! Отставить разговоры! Я кому — тебе сказал?!
Вертолеты перестроились и приготовились к снижению...

Экипаж с Макхитом, сопровождаемый автомобилем с операторами, выскочил на дорогу перед открытой площадкой...
На площадку с грохотом опустился вертолет.
Кони сбились... Встали на дыбы...
Сзади подлетел экипаж с полисменами...

Из вертолета высыпал взвод вооруженных десантников в масках...
Впереди бежал Майор с мегафоном и пистолетом. Из пистолета он периодически палил в воздух. В мегафон выкрикивал короткие команды:
— Бросай оружие!.. Всем лежать!.. Лицом в землю!..
— Вы что, с ума сошли? — крикнул Режиссер. — У нас — съемка!
— Ща всех сниму от пуза веером! Лежать!!! Взвод! Занять территорию!
Окопаться!!!

Помещение крепости было мгновенно переоборудовано в своеобразный блиндаж.

Поставили стол. Лавку. Керосиновую лампу. Небольшой сейф.

Повесили карту острова со стрелками боевой операции.

Десантники свалили в угол реквизированное оружие: пистолеты, ружья.

Майор сел за стол. Закурил.

Десантники ввели Режиссера и Директора.

— Я протестую! — сказал Режиссер. — Мы — кинематографисты.

Снимаем кино...

— Разберемся! — мрачно перебил его Майор. — Кинематографисты...

Вам только бы армию чернить!.. Где разрешение на съемку?

— Вот! Пожалуйста... — Директор поспешно достал бумагу. — И подпись

Префекта...

— При чем тут “префект-дефект?” — Майор отшвырнул бумагу. — Мне от коменданта ксива нужна. Это — секретный военный объект.

— Остров?

— Не остров, а “база особого назначения”...

— Господи... Ну, откуда мы могли знать? — ахнул Директор.

— И не должны знать... Военная тайна!.. Откуда оружие?

— Да какое оружие? — засуетился Директор. — Муляжи... Восемнадцатый

век.

— Какой век? — усмехнулся Майор и, подойдя к куче оружия, извлек оттуда пистолет. — Это — “Макаров”... С полным боекомплектом! — К удивлению Директора и Режиссера, он вынул из пистолета обойму. — Что вы мне лапшу вешаете?! Она в армейский паек не входит!!

— А... — начал соображать Директор. — Это, наверное, у кого-то из охранников немца отобрали...

— У кого?! — замер майор.

— Немец к нам прилетел. На воздушном шаре... Спонсор...

— То есть, как это “прилетел”?.. Как Руст, что ли?! — У Майора гневно заходили желваки. — Ну, мужики, вы даёте... Думал — просто инцидент. А это — “ЧП” по всем штабам! Вам это будет чревато боком!.. — Он повернулся к десантникам. — Взять немца! Живым!

Десантники надвинули маски на глаза и исчезли.

— Так! — продолжал Майор, расхаживая перед арестованными. — Кино, значит, снимаете? Зря! Я, когда был пацаном, всегда в экран из рогатки стрелял. Как чувствовал, от него добра не жди. Ну ничего! На то и голова у солдата, чтоб думать, а мозги, чтоб соображать! Я — где нормальный, а где беспощадный! Я могу и в чистом поле стенку найти и к ней приставить!

Десантники ввели Отто Брауна.

Немец был слегка помят, но смотрел холодно и спокойно.

— Так! — оглядел его Майор. — Гутен морген, гутен таг!

— И вам того же! — дерзко ответил немец.

— Документы попрошу!

— Сначала вы!

Наступила пауза. Майор начал багроветь.

— Мои до-ку-менты, — сказал, растягивая слово по слогам и надвигаясь на Брауна, — вот тут... на плечах! — и ткнул пальцем в свои погоны.

— А мои документы, козел ты эдакий, — на груди! — неожиданно лихо, по-блатному крикнул немец и рванул на груди рубаху, обнажив перед собравшимися огромную татуировку. — Ты, фраер набушмаченный, помой фары и не при бугром! Ты кому ломаешь вытирку?! На кого варганку крутишь?! Да у меня такие рогачи беспредельные шопена лабали за две птюхи с тюмени на караганду!!!

Далее немец неожиданно перешел на резкий гортанный казахский язык, что выглядело еще страшнее...

Майор оторопел и сделал шаг назад.

— Так... Аллес ферштеен! — забормотал он и, нагнувшись, схватил оружие, которое, к сожалению, оказалось картонным пистолетом. — Это тебе, гад, будет чревато... За такие слова!

Он стал с отчаянием жать на курок, который не нажимался.

— Отставить!

В помещение бодро вошел пожилой генерал, в высоких резиновых сапогах. За ним — адъютант с большим чемоданом и спиннингами.

Десантники встали по струнке.

Майор отдал честь:

— Товарищ генерал! Разрешите доложить! На острове задержана вооруженная группа...

— Киногруппа! — поправил Режиссер.

— Отставить! — оборвал его Генерал и добавил, обращаясь к Майору: — Докладывайте!

— ...вооруженная группа, — продолжал Майор, — в числе которой иностранный... германец... перелетевший границу... путем воздушного шара...

Генерал перевел взгляд на Брауна, и его лицо озарилось простодушной улыбкой:

— Отто! Ты ли? Ядреный корень!

— Михальч! — крикнул Браун, и они бросились друг другу в объятия.

Собравшиеся изумленно уставились на них.

— Вот так сюрприз! Е-ка-ле-ме-не! Я ж тебя сколько лет не видел? — радовался Генерал и пояснял: — Это — Отто! Наш партнер по ГДР-е! Западная группа. Танки покупал... списанные! Не чаял с ним встретиться и вдруг... Ну, улет! Майор, молодец! Подарок мне устроил!

— Стараемся, товарищ генерал! — быстро перестроился Майор.

— Как ты здесь, Отто? Каким ветром?

— Западным! — пошутил Браун. — Кино хочу купить.

— Кино? Это здорово... А я смотрю — лица знакомые! — радовался Генерал, глядя на Режиссера. — И актрисочки симпатичные бегают!

— Но не дают снимать. Говорят — секретный объект, — робко заметил Директор.

— Секретный! — подтвердил Генерал. — Я сюда на рыбалку ежу. Окунь здесь клюет, как чумовой... Поэтому и остров так прозвали! Чумовой! Но вам разрешаю, по дружбе... Снимайте! Вот нас с Отто снимите на память! Боевые друзья... “Встреча на Эльбе”...

Он обнял Брауна.

— Конечно... Конечно! — обрадовался Директор. — Сейчас оператора приглашу...

— Подождите вы... — недовольно остановил его Режиссер. — Какая “Эльба?” У нас — другой фильм. Мюзикл.

— Что еще за “мюзикл”? — поморщился Генерал. — Песни-танцы? Это я люблю. Сам в самодеятельности начинал... Где инструмент? — Адъютант мгновенно раскрыл чемодан, в котором оказался аккордеон. Генерал быстро водрузил его на себя, провел пальцами по клавиатуре. — По телику все рокеров с гитарами показывают... Пузочесы!.. А настоящей песни не дожدهшься! Эх!.. — он развел меха и запел.

Адъютант и Майор подхватили. Десантники быстро перестроились в традиционный военный хор.

В дверях появился оператор с камерой, начал снимать

Музыкальный номер 10

По характеру это было нечто среднее между традиционной русской песней типа “На муромской дороженьке стояли три сосны” и “Служили два товарища у нас в одном полку...”

Режиссер ошалело несколько минут слушал ее, потом тихо вышел из блиндажа...

...на вечернюю набережную острова.

Мрачный Режиссер шагал к морю.

Его мгновенно окружили несколько корреспондентов с магнитофонами и видеокамерами.

Сыпались вопросы, на которые Режиссер сквозь зубы ронял ответы...

— Фильм покажут под Новый год?

— Не знаю...

- А в чем его концепция?
 — Не знаю...
 — А если в двух словах?
 — Я и сказал в двух: “Не знаю”!
 — Финал скоро?
 — Надеюсь, что да...
 — А что по сценарию в финале?
 — Мэки арестуют и повесят!
 — Это будет смешно?
 — Да уж куда веселей?!
- Корреспонденты отстали, зато обступили “нищие и убогие”, тянули руки...
 — Рольку бы нам! Рольку!
 — Нету у меня ролей! Кончились...
 — Ну, хоть реплику...
 — И реплики кончились!
 — А мы и молча согласны...
 — Вот и молчите!!

Нищие отцепились.

Но появились взбурдаженные проститутки... Их вела разгневанная миссис Пичем.

— Это как понимать? Вместо нас мужики будут сниматься? — кричала она. — Все у нас отняли! Юбки! Колготки! Роли! Тогда отдайте свои причиндалы, раз не нужны!

Женщины со смехом попытались ухватить Режиссера за штаны, он с трудом вырвался. Побежал к морю.

За ним бежал декоратор:

- Товарищ режиссер! Мы эшафот сколотили...
 — Какой эшафот?
 — Ну, где Мэки вешают... Вам бы надо утвердить!..
 — Не хочу... Я вам доверяю!

Декоратор отстал, но на пути Режиссера вдруг появилась Полли, с чемоданчиком в руках.

— Ты не мучайся... — тихо сказала она. — Раз надо кого-то заменить, пусть это буду я... Я исчезну...

— Почему это вы? — рядом появилась Дженни. — Жена важнее, чем любовница!..

— Только не в этом фильме! — сказала Полли.

— Но вы как актриса — лучше! — настаивала Дженни.

— Кто это вам сказал? Я в кадре плакать не умею... — пробормотала Полли и расплакалась...

Режиссер молча смотрел на женщин.

И тут к нему подскочил Музыкант:

— Это — издевательство!! — забормотал он. — ...Вы художник или нет?..

Плкните на этих мафиози... Что они понимают в опере?! Опера — высокий жанр. В ней главное — любовь! У меня есть музыка... Вот ноты! — он стал совать Режиссеру исписанные нотные листы.

— Ты меня достал, мальчик! — зарычал Режиссер и схватил Музыканта за ворот. — Для кино нужны деньги! У тебя есть деньги? Нет? Тогда исчезни! У кого деньги, тот и заказывает музыку!

Музыкант отпрянул. Листки с нотами рассыпались по песку.

— Хорошо! — забормотал Музыкант, собирая разлетевшиеся листки. — Я вас заставлю выслушать. Я найду средства!!

— Вот тогда и поговорим!

Режиссер на бегу стянул рубаху, штаны и с разбега нырнул в морскую волну...

Зазвучала музыка. Засеребрилась вечерняя морская вода.

Странные причудливые блики закружились вокруг плывущего под водой Режиссера...

И он сам, погружаясь в глубину, стал принимать какое-то причудливое очертание... Почти рисованное... Рядом возникли обнаженные женщины, напоминавшие русалок.

Они закружили рисованного Режиссера в каком-то плавном эротическом танце.

Впрочем, это уже и был

Музыкальный номер 11

проще говоря, “клип”, выполненный в жанре компьютерной графики.

Рисованный танец закончился. Тело Режиссера, сплетенное с грудой женских тел, замерло в оргазме на экране компьютера... Вода вспенилась разноцветными пузырьками. Появился улыбающийся Нептун, с лицом, напоминающим лицо Генерала. В руках он держал пивную кружку.

— “Unzere beer — ihre fantazion!” — сказал Нептун и подмигнул...

— Наше пиво — ваша фантазия! — перевел Браун, сидевший за монтажным столом, и выключил экран. В “блиндаже” кроме него у экрана сидели Генерал, Префект, Директор. Чуть в сторонке — Режиссер.

— Ну, улет! — одобрил Генерал и глотнул из кружки реального пива. — И ты можешь любого туда, — он указал на экран, — запузырить?

— Натюрлих! — ответил за продюсера Префект. — Двадцать первый век! Компьютер — он и “фатер”, он и “мутер”! Верно рифмую, пан директор?

— В общем, да! — неуверенно сказал Директор и повернулся к Режиссеру. — Вы поняли идею, маэстро?

Режиссер не ответил. Отрешенно смотрел на экран.

— Наш коопродюсер... господин Браун предлагает нарезать отснятый материал на клипы... — Директор достал счетную машинку. — Отснято тысячи метров... Если нарезать по сто... сто пятьдесят — зашелкал машинкой... — Получаются... хорошие деньги... На них можно отснять оставшуюся часть фильма...

— И по новой нарезать! — радостно добавил Префект.

— Кого нарезать?! — ошалело спросил Режиссер. — Зачем нарезать?

— Чтоб выпускать в кассетах! — пояснил Директор. — Если вы, маэстро, конечно, согласны...

— Я? А при чем здесь я? Я вообще не нужен! Без меня берут мое лицо, голос... Спаривают с кем хотят!

— На все есть авторское право... За это он готов платить! — заметил Директор. — “Копи райт, копи райт — кого хочешь выбирайт!”

Режиссер тупо посмотрел на Директора, потом вдруг зло произнес:

— Хорошо! Но — в банке!..

— Найн проблем! — кивнул Браун. — “Дойчбанк”? “Сити-банк”?

— В банке с пивом!! — крикнул Режиссер. — Чтоб открыли, а оттуда — я с гольями бабами!..

Наступила пауза.

— Улет! — ахнул Генерал. — И такое, оказывается, можно?!

Никто не успел ему ответить. Дверь “блиндажа” распахнулась, и влетел взволнованный Майор.

— Товарищ генерал! — закричал он. — На острове “ЧП”! Террорист!!!

Звучала тревожная музыка.

Во дворе крепости замелькали фонари и факелы. Испуганные обитатели острова бежали к центральному дворику, где были сколоченны высокий помост и виселица. Выскочившие из “блиндажа” смешались с толпой.

Взволнованный Майор докладывал на бегу Генералу:

— Псих какой-то, товарищ генерал! Обмотал себя взрывчаткой и грозитя рвануть, сука!

— Откуда взрывчатка? — рявкнул Генерал.

— Так на рыбалку ж летели... — пробормотал Майор. — Думал: вдруг клева не будет?..

— Ну, майор! — задохнулся Генерал. — Это тебе будет чревато!..

Они протиснулись во двор.

На помосте, в лучах прожекторов, стоял Музыкант, обвешанный пакетами. В руках он держал гранату и пачку бумаг.

— Князь! — закричал Директор. — Слазь! Я кому сказал... Князь!

— Перестаньте рифмовать, черт вас подери! — Режиссер жажал Директору рот... — Всем молчать! Говорите, Музыкант! Ваши условия!

Толпа смолкла.

— Я ничего особенного не прошу... — тихо сказал Музыкант. — Я хочу, чтоб прозвучала моя музыка... Я написал для финала... Апофеоз! Это — опера...

— Хорошо! — сказал Режиссер. — Оркестранты, возьмите ноты!

“Слепые” музыканты стали робко протискиваться к помосту, Музыкант кинул им пачку бумаг.

— Надо, чтоб все участвовали! — сказал Музыкант. — Я иду по сценарию... Это ведь и ваш замысел...

— Договорились! — сказал Режиссер. — “Финал”. Дубль первый!

Он снял пиджак и оказался в белоснежной рубахе, в которой преступников обычно ведут на казнь.

— Не пушу! — повис на Режиссере Директор, но Мэкки — а это был уже Мэкки — оттолкнул его и решительно направился к эшафоту...

Его хватили за руки нищие и бродяги, пытались что-то говорить любившие его женщины, но он отшучивался и решительно продвигался к помосту...

Легко вспрыгнул.

Подошел к петле.

Встал на лавку.

Сунул голову в петлю...

— Что дальше? — спросил он у Музыканта. — Командуйте!

— Это вы командуйте! — тихо сказал Музыкант. — Вы — режиссер. Я умею только дирижировать...

— Я те подирижирую! Брось гранату, сука! — крикнул Майор, но Генерал заткнул ему рот ладонью...

— Всем приготовиться к съемке! — скомандовал Режиссер. — Надеть парики и костюмы... У нас — восемнадцатый век!

— Правильно! — тихо сказал Музыкант. — И пусть пойдет снег. Это — важно! Ведь все случилось под Новый год!

— Совсем охренел! — тихо изумился Генерал. — Какой снег в августе?

— Это как раз “ноу проблем”! — сказал Директор. — Чего-чего, а снега у нас по дешевке всегда достать можно...

— Пошел снег! — крикнул Режиссер.

Завыли ветродуи, на двор посыпался и начал кружить белый снег...

Толпа нищих начала поспешно переодеваться в камзолы и парики...

— Ну, улет! — похвалил Генерал...

— Свет — на меня! — скомандовал Режиссер.

Прожектор высветил его бледное лицо.

— Камера!

— Есть камера!

— Звук!

— Есть звук!..

— Бери меня средним планом! — крикнул Режиссер. — Я текст не помню...

Потом переозвучим... А сейчас — последнее слово... Буду говорить всякую лабуду...

Он оглядел преобразившуюся массовку, улыбнулся:

— Леди и джентльмены! Господа артисты! В общем, ребята! Это у нас финал! И снять его надо слаженно, четко, не переигрывая... И чтоб было весело! Такая у нас работа! Не тяжелее других и не легче... Просто кино с музыкой... Вот все, что хотел вам сказать Мэкки в последнюю минуту... А теперь, Музыкант, давай!.. Чего ты там насочинял?..

Музыкант взмахнул руками...

Музыкальный номер 12

Это и был тот оперный финал с хором, оркестром и танцем, в котором соединились мелодия Музыканта и танец, который репетировал Режиссер.

Дворик задвигался, затанцевал...

Снег усиливался.

Музыкант вдохновенно размахивал руками, пока не подошла кода... Тогда он в азарте вскинул руки, и... граната полетела куда-то в сторону...

— Ложись! — крикнул Генерал.

Все в ужасе упали на землю.

Но граната, как и положено на съемках, взорвалась сотней новогодних петард и фейерверками во всех окнах крепости...

Все, смеясь, начали подниматься со снега...
Счастливым Режиссер шагнул к своей киногруппе, забыв, что у него на шее петля...

Лавка выскочила из-под ног.

Раздался общий крик, но... виселица не выдержала и свалилась на помост.

Директор первым вскочил на помост, помог Режиссеру подняться.

— Халтура! — крикнул Режиссер. — Кто ставил виселицу? Всех уволю!..

И массовка ужасно двигалась! Я же показывал! Раз-два-три-четыре!.. Раз-два-три-четыре! А ну, еще дубль! — Он вместе с Директором вновь поставил виселицу, влез на скамейку, сунул голову в петлю.

— И запомните, будем снимать, пока не получится, как надо... Начали!..

Вновь грянула музыка.

Пошли титры.

А Режиссер все совал голову в петлю... а виселица падала... а он снова и снова лез на скамью...

ИРОНИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ

От мемуариста:

В преклонном возрасте Фаина Георгиевна Раневская сказала: “Ах, я становлюсь такой старой, что уже забываю собственные мемуары”.

Так вот, пока память мне не изменяет, я решил делать мемуарные записи об артистах, режиссерах, писателях, с которыми мне повезло работать и дружить...

При этом мне хотелось избежать излишней серьезности. Потому что про живых надо рассказывать только весело... Во всяком случае, чтоб посторонние люди, услышав, тоже улыбнулись...

Поэтому мемуары у меня иронические. Друзья, о которых я пишу, на меня не обижаются, поскольку сами люди остроумные и всегда готовы дать мемуаристу сдачи в виде эпиграммы, анекдота или забавной байки по его адресу...

Поэтому у нас довольно весело проходят юбилеи друзей. Ибо поздравлять человека с серьезным лицом в нашей компании считается дурным тоном. Сказал же один остроумный француз (или не француз?): “Мрачное лицо у живого человека также противоестественно, как веселое у покойника!”...

"Иронические мемуары" — название простое и, собственно, и не требовало бы предупреждения. Почему "мемуары"? — Потому что автору уже за 50... Почему "иронические"? — Потому что еще не за 80, и нет оснований для слишком серьезного отношения к собственным воспоминаниям... Кроме того — вспоминаю только об артистах талантливых и остроумных, с которыми и прошла моя жизнь в кино.

ГАЛИНА ВОЛЧЕК

Слово, определяющее ее профессию, не имеет женского окончания ("режиссерша" — звучит пренебрежительно). Но сказать про Галло "режиссер" — тоже неверно. Слишком сильно в ней женское начало, чтобы она согласилась им поступиться. Поэтому театр придумал ей особый титул: "главный режиссер".

"Главный режиссер" — это не название, не должность. Это — судьба. Применительно к театру "Современник" — доля.

"Долошка русская, долошка женская, вряд ли труднее сыскать..." Уверен, Некрасов не возражал бы против этого определения применительно к Галине Борисовне. Он не был антисемитом, издавал журнал "Современник", без добавления "наш" в жестком невзоровском понимании...

От мужского режиссерского ремесла она взяла все необходимые профессиональные навыки: хриплый голос, сигарету в зубах, твердый характер, умение вовремя и по делу употребить те самые запретные слова, без которых, как выяснилось, в России не может руководить никто, даже президент. Это ведь он, Михаил Сергеевич, назвал после путча своих бывших соратников "мудаками". Слово настолько расхожее в театральном закулисье, что, вероятно, отсюда пошла гулять версия: а не режиссер ли он этого спектакля?

Впрочем, Бог с ними, с мужскими качествами. Поговорим лучше о ее женских достоинствах. Они бесспорны: красота, элегантность, остроумие. Но главное не в этом. "Сила наша — в наших слабостях", — говорит шекспировская Катарина из "Укрощения строптивой".

Это и про Галло. Женских слабостей у нее достаточно, и она их не скрывает... Расплакаться из-за неудачной прически, расстроиться, если нужная шмотка уплыла к подруге, порадоваться, если шмотка оказалась той мала...

Какое счастье быть естественной и знать, что твои друзья тебя не осудят.

С родным театром у нее сложнейшие взаимоотношения, недоступные пониманию даже фрейдистов. "Современник" для нее — отец, супруг и дитя одновременно... "Крутой маршрут" ее жизни, "Смирненное кладбище" не сыгранных ею ролей...

И если понравится новый спектакль — не будьте занудами, не ищите блох и "концепций", просто позвоните Волчек и скажите:

— Спектакль, Галина Борисовна, потрясающий! — И чтобы доставить истинное наслаждение, добавьте: — И выглядела ты, Галка, в этом синем костюме — шикарно!

Р. С. Через несколько лет после опубликования этого портрета Галины Борисовны мне пришлось добавить к нему несколько существенных штрихов.

Случилось это на ее юбилее в “Современнике”... Мы с Марком Захаровым должны были выступить по поручению Театра Ленком. Но Захаров неожиданно заболел, был отвезен в Германию и там прооперирован...

Буквально едва-едва выйдя из-под наркоза, он позвонил мне и напомнил, что у уважаемой и любимой нами Гали Волчек юбилей, и было бы хорошо, если б я написал какое-нибудь вежливое письмо от его имени...

Я так и сделал.

Письмо имело столь сильный резонанс, что, думаю, его будет правильно поместить здесь для дополнения облика Галины Борисовны...

ПИСЬМО ГАЛИНЕ ВОЛЧЕК

(Написано по мотивам телефонного разговора с М. Захаровым, находящимся на лечении в Мюнхене.

Зачитано 19 декабря 1993 г. в Театре “Современник”.)

Уважаемая Галина Борисовна! Дорогая Галя!

Майне либен швестер ауф фон дер искусство!

Письма из зарубежного далека в традициях российской истории.

Как Ленину из Цюриха, как Солженицыну из Вермонта, так мне из Мюнхена кажется ясней, как обустроить Россию.

Если Америку из кризиса вывел президент-актер, нам необходим — режиссер. И хорошо бы — главный. И обязательно — женщина!

Мужик — он всегда либо болтлив, либо выпивает, либо быстро стареет и впадает в маразм.

Вы — всегда трезвы, немногословны, не имеете возраста, т. е. можете выбираться пожизненно.

Ваша анкета — идеальна! Пятый пункт не должен никого смущать!

Во-первых, все царицы в России, начиная с Екатерины Первой, — не из великороссов.

Во-вторых, после успеха Жириновского на выборах, наш народ доказал, что он, народ, — не антисемит!

Кроме того, если он — сын юриста, русский по матери, то вы — дочь оператора, русская по сыну. Этого более чем достаточно!

Вообще, успех ЛДПР отсюда, издалека, видится по-иному! Интеллигенции не надо впадать в отчаяние и посыпать головы пеплом моего сожженного партбилета.

ФАШИЗМ В РОССИИ НЕ ПРОЙДЕТ!

Почему? Да по той же причине, по которой у нас не прошли ни социализм, ни капитализм!

Все сравнения с Германией 33-го года неправомерны! Немцы и тогда были удивительно работающими, послушными, экономными... У нас, слава Богу, всех этих страшных предпосылок фашизма нету!

Сказано же классиками: что русскому — здорово, то немцу — смерть! И наоборот!

Русские, как известно, долго запрягают, но потом... никуда и не едут.

Просто запрягают и распрягают, распрягают и запрягают!..

Это и есть наш **ОСОБЫЙ ПУТЬ!**

Наш крутой маршрут судьбы, по которому Вы приведете нас к финалу и аплодисментам! Соглашайтесь, майне либен Галина!

А я и мои друзья всегда готовы отдать Вам свой голос, сердце и душу!

От всей души — тринкен Ваше здоровье!

Ваш(и) Марк Захаров (и Григорий Горин).

ИГОРЬ КВАША

Игорь Кваша — здоровый мужик высокого роста. Только не все знают об этом. Я тоже узнал совсем недавно.

20 августа 1991 г, в самый тревожный день путча, Кваша был на митинге возле Белого дома вместе с женой. Неожиданно кто-то сверху, со ступенек прокричал в мегафон:

— Товарищи! Срочно нужны здоровые высокие мужики в отряд самообороны!

Кваша сразу понял, что это про него, и не раздумывая сделал шаг вперед. Два дня и две ночи он был там, в самых первых рядах, с противоголозом на случай газовой атаки... Он даже надевал его несколько раз...

Теперь вы понимаете, почему у Янаева дрожали руки от страха?

Некоторые знакомые удивились, что Кваша пошел на баррикады. Я — нисколько. Я, вообще, считаю, что он и не сходил с них никогда. Еще с 60-х!.. Там он провел основную часть времени, воюя с тиранами и несправедливостью.

Идеальная роль, которую он еще сыграет на сцене, — Дон Кихот! Почему-то принято давать эту роль длинным долговязым актерам. Чуть! Это копье должно быть длинным, чтобы гнуться, а актер должен быть невысоким и негниваемым. Впрочем, Игорек вам это лучше все объяснит! Спорить с ним трудно, переспорить — невозможно. Даже друзьям. Некоторые из них, кстати, не выдержали и из-за этого эмигрировали из страны. Теперь, когда Кваша стал выездным, он достает их по месту нового жительства...

А вообще-то, Игорь Кваша тихий, добрый, нежный человек. Только не все об этом знают. Может быть, вообще никто не знает, кроме его внучки. Внучке всего месяц от роду... Но квашевские гены сильны, и она кричит, выражая, очевидно, какие-то свои взгляды на жизнь. Игорь смотрит на нее нежным взглядом и пока не ввязывается в спор...

ГАФТ

..Ну что за странная фамилия? Да и фамилия ли?.. Похоже на аббревиатуру: “ГОСТ... ГАБТ... ГАФТ...” Ломаю голову над приемлемой расшифровкой... **ГЛАВНЫЙ АКТЕР ФАНТАСМАГОРИЧЕСКОГО ТЕАТРА... ГНЕВНЫЙ АВТОР ФИЛОСОФСКИХ ТИРАД...** Не, не то. Листаю словари. В русском словаре Даля слова “гафт” нет. Есть — “гафтопсель”, т. е. “парус над гафелем”... “Гафель” — “полурей над мачтой”... Что такое “полурей” — не знаю. “Полуеврей” — понятно, “полурей” — нет. Смотрю “Еврейскую энциклопедию”. “Гафта” опять нет. Зато есть “гафгара”... “Гафгара” — глава из Книги Пророков, читается по субботам и праздникам. Близко, но не то...

По-немецки “хафт” — “арест”, по-английски “гифт” — “подарок”... Опять не то. Не “арест” он никакой, а уж не “подарок” — точно.

Беру медицинский справочник. Какое-то слово по-латыни, похожее на сочетание “гафт”, и пояснение: “**ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**”...

Ну конечно! И как я не мог сразу догадаться? “Гафт” — не фамилия, а диагноз!

Особое состояние организма, когда нервы обнажены и гонят через себя кровь, слова, мысли.

Я лично болен “Гафтом” еще с юности. Когда увидел его в спектаклях у Эфроса. Потом — в Сатире. Потом опять у Эфроса. Потом в “Современнике”... Потом он меня уже преследовал всюду. Когда я вижу его на сцене, у меня начинает стучать сердце, слезятся глаза, мурашки бегут по коже. От общения с ним кружится голова, всякий разговор — шаг в безумие...

— Валя, как прошел вчерашний спектакль?

— Гениально, старик! Гениально! Первый акт я вообще сыграл на пределе возможного. Многие даже ушли в антракте, думали — конец! Но второй я сыграл еще лучше...

— При полупустом зале?

— Да нет, старик... Зал заполнился... Народ со сцены полез в зал, чтобы посмотреть... Спектакль я практически один заканчивал, — и сразу, без паузы: — Но вообще-то, старик, честно. Я стал плохо играть. Растренирован. Не с кем же у нас работать... и пьеска эта, конечно, фельетон. Там нет глубины! Старик, напиши для меня, я хочу играть в твоей пьесе.

— Валя, но вчера была тоже моя пьеса!

— Ну да... Я и говорю. Пьеса гениальная! Мы играем не то. И я стал плохо играть. Вот в кино сейчас сыграл здорово. По-моему, гениально. Видел мой последний фильм?

— Видел.

— Плохо я там играю... Потому что сценарий — дерьмо. Не твой случайно?

— Нет.

— Вот поэтому и — дерьмо. А пьеса твоя гениальная. И та, что вчера играл... Ты только напиши ее, старик. Я сыграю. Я смогу. Тут он прав. Он сможет, сможет свести с ума и сделать счастливым.

Я готов писать для него. Я болен “Гафтом” неизлечимо...

СЛАВА ЗАЙЦЕВ

...Не мне писать о Зайцеве-художнике. Есть специалисты — искусствоведы, есть коллеги, есть женщины, в конце концов...

Я скажу о Славе как о художнике слова.

Зайцев у микрофона — это тоже явление незаурядное. Особенно когда приходит вдохновение. А судя по его многочисленным выступлениям и интервью — ораторское вдохновение его посещает часто.

Он и не говорит. Он как бы пенится словами. Он как бы поет... Он как бы менестрель и акын одновременно...

Знаменитый мольеровский герой не знал, что говорит прозой. Когда ему объяснили, он был крайне удивлен. Слава, возможно, не знает, что говорит стихами. К поэзии он обращается интуитивно, как бы отыскивая дополнительный материал для своих идей в условиях полного дефицита. Нет тканей, нет ниток, нет пуговиц... Что остается в таких условиях художнику моды? Только слова...

Чудные, напевные слова: “батист”, “крепжоржет”, “шифон”... И Слава сыплет ими, как знаменитый портнов в сказке про голого короля в нищей стране, пытаясь хотя бы из слов сшить хоть что-то в воображении людей, и довершает свой ансамбль кружевами эпитетов и метафор...

От его фантазий кружится голова. Особенно у женщин. Когда он вдохновенно живописует какой-то новый наряд, женщины пьянеют, безумеют и готовы либо тут же иметь такое платье, либо, по крайней мере, немедленно скинуть свое...

Впереди у Зайцева трудные времена. Впрочем, как и у всех нас. Если процесс одичания общества пойдет с такой же скоростью, как сегодня, то впереди у нас — мода на шкуры, перья и набедренные повязки... Но и тут, я уверен, он что-то придумает и попробует сделать всех нас хоть чуть-чуть привлекательней. Может, сплетет какие-нибудь особые лапти, может, сочинит разноцветные портянки, может, повесит кольцо в нос и — пожалуйста: русская мода вновь покорит мир. И опять все будут им восторгаться. Тем более что это так несложно: надо лишь многократно повторять его имя: “Слава! Слава! Слава!”

МИХАИЛ КОЗАКОВ

...Миша Козаков — самый юный Гамлет России. Помню его еще молодым красавцем с пышной прической, всегда окруженным восторженными поклонницами, славой и сплетнями. Сплетни для актеров всегда были важнее рецензий, выдумки — предпочтительнее “правды”, я имею в виду одноименную газету...

О Мише Козакове сплетничали всегда.

После грандиозного успеха фильма “Убийство на улице Данте” прошел слух, что Миша — обрусевший француз, любовник Бриджит Бардо, побочный сын Шарля де Голля... Потом почему-то стали говорить, что он — итальянец, отсюда, мол, и “улица Данте”, и вообще его подлинная фамилия — не Козаков, а “Казанов...”

После многосерийного фильма, где он снялся в роли Феликса Дзержинского, пошел слух, что Козаков — поляк, тайный агент нескольких разведок, и на своих вечерах, читая стихи, передает шифром секретные сведения тем, кто понимает...

(Говорят, были даже случаи, когда тех слушателей, которые понимали Бродского в исполнении Козакова, вызывали “куда следует” для дачи объяснений...)

Известие о том, что Козаков — еврей и уезжает в Израиль, потрясло всю общественность... Казаки насмерть обиделись... По Дону прокатились волнения... В синагогах ликовали!

Потом поползли слухи о его необыкновенных успехах на Земле Обетованной... Рассказывали, что он выучил иврит за неделю, играет на нем много ролей (в том числе и женских под фамилией “Селезнева”). А в свободное время выступает с речами и чтением стихов в кнессете.

И еще говорили, что он сказочно богат, — купил огромную квартиру и теперь выгодно сдает ее же по двойной цене самому себе.

И вот я сижу в квартире Миши в Тель-Авиве на улице Боруха Спинозы. Квартира, действительно, большая, но, как выясняется, слишком дорогая, и ее, очевидно, придется сменить. На иврите Миша говорит мало, в основном, употребляя слово “лехаим”, понятное мне без перевода... На русском — живо интересуется новостями из Москвы, рассказывает о своем житье: с шести утра учит язык, потом учит роль, потом снова учит язык, потом репетирует роль, потом играет спектакль, потом — короткий сон, во время которого разговаривает на двух языках сразу... Он совсем не изменился с момента нашей последней встречи в Москве — разве что стал сосредоточенней и добрей: ни о ком из своих коллег не говорит плохо. Качество редкое для служителей театра в Израиле и в России...

Я смотрю на него, слушаю и думаю, какую же новую легенду привезу о нем в Москву. А расскажу я вот что: оказалось, Миша Козаков — не полуеврей, не полурусский, не четвертьфранцуз, а самый что ни на есть чистокровный АРТИСТ — со всеми достоинствами и недостатками, присущими людям этого особого, Богом избранного, народа...

ШУРА ШИРВИНДТ

Начинаю писать портрет Шуры Ширвиндта... и рука останавливается. Слишком давно знакомы, слишком плотно общаемся. Тот случай, когда знание деталей только мешает. Как говорится: лицом к лицу — лица не разглядеть. Да и не с моими жалкими возможностями браться за

такую модель. Здесь нужны сочные краски, рембрандтовская кисть. Фантазируя, закрываю глаза и вижу портрет Шуры — в домашнем халате, в кресле, с бокалом вина и с Саскией на коленях... Или даже с двумя Саскиями... или тремя... (Сразу оговорюсь: ревнителей домашнего очага прошу не возмущаться. Уверен, Таточка Белоусова, жена Шуры, простит мне эту фривольную композицию. Она мудрая женщина и понимает, что силуэты двух-трех Саский на полотне не затмевают ее лик мадонны и царицы семейного очага. В свое время я подтвердил это стихами в ее честь, где есть и такие строки: “Как самый счастливый билет в лотерее, так русская женщина — в доме еврея!”) Впрочем, не отвлекаемся. Итак, рисуем Шуру с несколькими Саскиями... Это — стереотип, который навязал ему кинематограф: сердцеед, соблазнитель, бабник!..

Иногда, правда, давали сыграть роли меньшевиков. Особенно в застойные годы. Кто-то наверху решил, что типичный меньшевик — это Ширвиндт в пенсне... Большевика разрешили сыграть только один раз, в фильме Карасика, и то — в гробу!

А он еще наиграл бесчисленное количество иностранцев: эlegantный француз, суматошный итальянец и, конечно, невозмутимый англичанин, с неизменной трубкой во рту.

О, эта несчастная судьба артиста с космополитически правильными чертами лица!

И мало кто знает, что начинал Шура свою жизнь в искусстве как простой русский мужик в спектакле Театра имени Гоголя в пьесе Салынского... Шура с нежностью вспоминает эту этапную роль, когда целый акт надо было лежать в валенках в избе на печи, а потом произнести всего одну реплику: “ПОШТО, МУЖИКИ, ЗАЗРЯ ПО СТЕПУ МЫКА-ЕМСЯ?!”

Представляю, как замирал зал от неожиданности!..

К сожалению, позже ничего близкого по силе выражения глубины народного чувства драматургия ему не предлагала.

А зря! Ведь если приглядеться повнимательней: Александр Ширвиндт — явление в нашем искусстве удивительно российское, почвенное, сермяжное, если хотите, недаром же его так обожают и принимают простые люди: рыбаки, егеря, шофера да и просто ханьги у магазинов. Спотыкаясь о его фамилию, именуя его то “Ширлингом”, то “Шилингом”, они все-таки моментально признают его стопроцентно своим, надежным мужиком.

Вообще, убежден: владение Шурой так называемыми “подцензурными выражениями” — искусство неповторимое, музыкальное, если вдуматься! Не удивлюсь, если со временем меломаны и знатоки будут организовывать специальные концерты в залах филармонии, чтобы прийти и послушать, как звучит какое-нибудь низкое “бля” в Шурином исполнении...

А впрочем, может, я ошибаюсь, российского мужика ему уже не сыграть. Потому что впереди у него роли из библейских сюжетов... пастух Авраам... Или строитель ковчега Ной. А может, и Моисей, ведущий толпы людей через пески? Картина, достойная кисти Иванова: идет Шура

с развевающейся бородой по барханам, дымит трубкой, подбадривает слабых, осаживает нахальных. И так он естественно вписывается в эти библейские пейзажи... И лишь печально-иронический взгляд выдает вечный вопрос, волнующий его с молодости: “Пошто, мужики, зазря по степу мыкаемся?!”

МИХАИЛ ДЕРЖАВИН

У Миши Державина нелегкая актерская судьба — о нем почему-то не сочиняют сплетен. Это вам не Гафт, не Козаков... Не Ширвиндт, наконец, хотя они появляются на экранах телевизоров почти всегда вместе. Но про Ширвиндта сплетничают, про Державина нет — вот такая загадка зрительской психологии.

Даже в зените своей славы, когда Миша был Ведущим популярнейшего “Кабачка 13 стульев”, о нем не сочиняли слухов и анекдотов. Про пана Директора — да (женился на пани Монике), про пана Гималайского — пожалуйста (“У Гималайского родилась тройня. Все три матери чувствуют себя хорошо...”). Про пана Ведущего ничего подобного никто не припомнит.

Просто — симпатичный Ведущий и песенка “Закрýt... закрыт кабачок...” Мало! Непростительно мало для известного артиста, каким Державин и является на сегодняшний день.

Пора исправлять превратности судьбы. Пора посплетничать о Державине, тем самым переведа его из разряда “широкоизвестных” в разряд “знаменитых”, где ему и приличествует быть соответственно таланту и заслугам.

При этом ничего и не надо выдумывать. Здесь подойдет грибоедовское: “...Я правду о тебе порасскажу такую, что краше всякой лжи...”

Итак... Во-первых, его настоящая фамилия не Державин. (Антисемитов прошу не волноваться.) Настоящая фамилия его предков — Захаров. Это так же точно, как то, что настоящая фамилия Захарова — Ширинкин... (И опять прошу антисемитов не становиться в стойку. И Михаил Державин, и Марк Захаров — абсолютные великороссы, что не мешает им к этому факту своей биографии относиться спокойно, а к шовинистам — презрительно...)

Итак, Михаил Державин — сын известнейшего вахтанговского актера Михаила Державина, с детства был окружен знаменитостями и популярнейшими личностями (Щукин, Симонов, Целиковская, Максаква, Завадский...). Список, который иному хватит на целый том мемуаров и интервью, Миша скромно умолчал, не сделав друзей отца своими покровителями...

Ну, ладно. Можно это и как-то понять и простить. Но, выйдя из знаменитой семьи, он, женись неоднократно, попадал в еще более знаменитые семьи... И снова — никакого резонанса в обществе.

Сообщаю любопытным: первый тесть — Аркадий Райкин.

Не ахайте! Да, об этом не писали... Да, вы не знали! А как вы могли знать, если Михаил никогда не стоял на сцене рядом с великим

родственником и никогда не сообщал журналистам, что, мол, “вот тут... как-то с женой Катей и с... Аркадием Исааковичем мы пьем чай на кухне... и он меня спрашивает... Миша, а в чем смысл жизни?”

Не было таких интервью. И, естественно, народ не знал ни дня свадьбы, ни часа развода... Что, конечно, не способствовало славе Михаила Державина.

Второй тесть был еще более знаменит... Легендарная личность. Герой гражданской войны. Фольклорный персонаж... Что вы говорите? “Чапаев?!”

Почти угадали... Буденный!

И опять никакой утечки информации. Про то, что Миша Державин — зять легендарного маршала, знали лишь очень близкие люди да еще, может быть, “классные следопыты”. Это их мужественные отряды, бредущие по запутанным маршрутам Первой Конной, добирались наконец до поселка Переделкино, где располагалась маршальская дача и где их рапорт должны были принять сам Семен Михайлович, или его жена, или член его семьи, которым обычно и оказывался, к их изумлению... Ведущий “Кабачка”.

Походы Первой Конной заставляли их любить учителя. “Кабачок” они любили сами, со всей страстностью чистых пионерских сердец. Поэтому, когда выяснялось, что после многодневного бессмысленного перехода по болотам и топам надо салотовать и рапортовать пану Ведущему из “Кабачка”, они понимали, что труды и лишения были напрасны и счастливое детство, которое обещало государство, уже наступило.

— ПИОНЕРЫ! — говорил им Державин, поднятый охраной с постели и потому застенчиво запахивающий полы домашнего халата, из-под которого выглядывали пижамные штаны. — ЗА ДЕЛО ПАРТИИ БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

— ВСЕГДА ГОТОВЫ! — отвечали пионеры и тут же, без паузы: — ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ ПАНУ ЗЮЗЕ! УР-РА!!!

Седой маршал наблюдал эти сцены с балкона, прислушивался к раскатному “ура” и смахивал скучную слезу...

Он, вообще, очень любил зятя-артиста. Часто играл для него на гармонике и давал ему творческие советы типа:

— В театре, Миша, я думаю, как в бою... Надо доверять первому решению. Увидел Человека — и руби его к ядрене матери! А то, Миш, он тебя зарубит!

Советы тестя в прок не пошли.

Михаил никого не порубал из своих коллег, никого не оттолкнул, даже локтем.

Так и жил, обходя сплетни и скандалы. Поэтому настоящая слава обходила его...

И сегодня он “выгодно” женат с точки зрения прибавки популярности. Его жена — популярная певица Роксана Бабаян, но поет с ней почему-то нахальный эстонец Урмас Отт, а Миша даже не аккомпанирует...

К чему я все это рассказываю?!

К тому, что мы равнодушны и нелюбопытны... И судьбой артиста не интересуемся, пока он не запьет, не повесится или в отчаянии не начнет публично перетряхивать постельное белье...

Я смотрю на Мишу Державина, на те роли, какие ему достаются в театре и кино, и с горечью думаю:

— Господи! Как бы он сыграл Чичикова?! А мистера Пиквика? А какой это мог бы быть Несчастливцев?!!

Ау, режиссеры, где вы?!

Ну что ему, убить кого-нибудь или банк грабануть, чтоб заинтересовались?..

Не может он, в силу застенчивого характера. Поэтому я и стремлюсь привлечь к нему внимание, как умею...

Кстати, говорят, он приватизировал Московский ипподром имени Буденого... И в связи с распадом Великой Державы свою роскошную фамилию сократил и отзывается на кличку “Держик”...

Ну, что еще? Остальное сами придумайте...

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ ПРО ШИРВИНДОВА И ДЕРЖАВИНДТА

Как я уже писал, Александр Ширвиндт, несмотря на сложность своей фамилии и анкетных данных, явление удивительно русское, почвенное. Недаром он так тянется к земле. Купил в деревне Синцово дом, завел корову по имени Фира (в девичестве — Ночка). Я побывал в этой деревне, встречался с селянами — ширвиндчанами. Они очень гордятся своим земляком. Рассказывают о нем байки и анекдоты. Причем в байках переименовывают его трудную фамилию на Ширвиндов, как бы чувствуя в нем своего смекалистого мужика.

В отличие от Михаила Державина. Который (вероятно, от того, что в интермедиях часто играет зарубежного гостя) в народе именуется по чужеземному — “Державиндт”.

Вот парочка коротких сказок, которые мне удалось записать...

КАК ШИРВИНДОВ С ДЕРЖАВИНДТОМ КАЙФ ЛОВИЛИ...

Собрались раз Ширвиндов с Державиндтом на рыбалку кайф ловить.

Державиндт взял удочки, Ширвиндов — закуску. Пошли.

Ширвиндов как пришел, так сразу на бережок сел, выпил, закусил и кайф словил.

А Державиндт вдоль реки бегаёт, руками машет, дорогие блесны в воду бросает, но кайф никак поймать не может.

Подбегает к Ширвиндову, а тот уже сидит в кайфе, трубку курит. Державиндт и спрашивает:

— Ширвиндов, на что кайф ловишь?

— Не скажу! — говорит Ширвиндов. — Сам догадайся!

Побегал Державиндт еще вдоль речки, спиннинги побросал, возвращается, а Ширвиндов уже столько кайфу словил, что даже прилег и одним глазом смыкает... Заплакал бедный Державиндт, взмолился:

— Ну, будь другом, Анатолич! Скажи, на что кайф ловишь?

— Ладно, как другу скажу, — говорит Ширвиндов ласково и нецензурно. — На тебя, Державиндт, и ловлю... Если б ты только знал, какой кайф на тебя смотреть, как ты вдоль реки туда-сюда бегаешь и ничего не ловишь...

— Вот оно что?! — ахнул Державин. — Я тоже так хочу...

С тех пор его часто на реке одного видят: побегает-побегаёт, в воду на себя посмотрит... Кайф словить пыгается...

КАК ШИРВИНДОВ С ДЕРЖАВИНДТОМ С АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВОЙ РАЗГОВАРИВАЛИ

Приезжала к нам тут недавно аглицкая королева. Поздоровкалась она за руку с Ельциным, походила туда-сюда с Черномырдиным да с Лужковым, закручинилась.

— Я, — говорит, — не могу долго на эти лица смотреть... Они на меня действуют хуже английской соли. Неужели нет здесь личности, чтоб хоть малость на лорда смахивала? Чтоб и стать была, и аромат, и, вообще, чтоб был джентльмен?

— Есть! — обрадовался Лужков. — Есть, Ваше величество, и именно такой. Ширвиндов — фамилия! И статный, и трубку курит, и лицом даже красивой меня...

— Ах! — обрадовалась королева. — Позвать его скорей ко мне! Надеюсь, он “спик инглиш?”

— Не совсем! — отвечает Лужков. — Это Державиндт по-аглицки, действительно, “спик”... А Ширвиндов нет, но в остальном полный “ферштеен”...

— Ладно! — вздохнула королева. — Хрен с вами! Зовите обоих!

Ну, вот! Срочно кличут Ширвиндова с Державиндтом во дворец. Надели они, согласно этикету, чистое белье, сверху — смокинг и предстали перед королевскими очами.

Королева как Ширвиндова увидела, так затряслась:

— Ах, — говорит, — хау ду ю ду, мистер Ширвиндов. Айм глет ту мит ю! Найс ту си ю!

Ну, Державиндт начал губами шевелить, перевод слов искать...

А Ширвиндов сразу понял и отвечает:

— Спасибо, Ваше величество! Не откажусь!..

Наливают им по полной, все выпивают, королева продолжает:

— Хау ар ю, мистер Ширвиндов? Вери вел?

Державиндт к словарям бросился, а Ширвиндов все сразу понял и говорит:

— Ваше величество! В любое удобное для вас время!

Тут королева совсем расплылась, говорит:

— Да! Это джентльмен так джентльмен! Я желаю его наградить и делаю почетным членом палаты лордов!

— Спасибо, Ваше величество! — говорит Ширвиндов. — Но я для этой должности уже староват. Поэтому, ежели такая Ваша царская воля, то сделайте меня по четным членом, а по нечетным — Державиндта!

— Ладно! — засмеялась королева. — Хрен с вами! Гуд бай!

Тут и Державиндт все понял и тоже сказал по-английски: “Гуд бай!” Сдуру!

А Ширвиндов, как и положено, ушел “по-английски” — не попрощавшись!..

САВЕЛИЙ КРАМАРОВ

Феномен популярности Крамарова будет еще долго волновать киноведов. Разглядывая его фотографии, потомки вряд ли смогут представить, каков был Савва и какова была его слава... А слава была бешеной, я тому свидетель...

Вспоминаю: конец 70-и годов. Харьков, дни советского кино на стадионе.

Среди гостей: Рязанов, Санаев, Смоктуновский и другие знаменитости. Впрочем, зал это мало волнует. Всем выступающим дается понять, что они — гарнир, приправа к горячему блюду. “Горячее” подадут, естественно, позже... Одним словом, Савелий запаздывает. Точнее — самолет, на котором он, может быть, прилетит... Радиосвязь с командой установлена, и ведущий программу ко нферансье периодически успокаивает публику сообщениями об этапах следования авиалайнера. Народ благоговейно смотрит в небо и скандирует имя приближающегося божества:

— КРА-МА-РОВ! КРА-МА-РОВ!

...И вот — оно случилось! Звуки фанфар!!

На сцену выезжает мотоцикл начальника харьковского ГАИ. В люльке — Савелий, со шлемом на голове, что придает его неповторимой внешности особый шарм.

Публика неистово аплодирует.

Крамаров оглядывает ряды, как Цезарь легионы, и громко выкрикивает первый тезис своей тронной речи:

— ДРУЗЬЯ! БЛАГОДАРЮ ВСЕХ! ВЫ ЗНАЕТЕ: В КИНО Я ИГРАЮ В ОСНОВНОМ ЖУЛИКОВ, АЛКАШЕЙ И ПРИДУРКОВ. НАВЕРНОЕ, ПОЭТОМУ МЕНЯ ВЕЗДЕ И ПРИНИМАЮТ КАК РОД-НО-ГО!!!

Радость публики не поддается описанию... Люди обнимаются, хлопают друг друга по спине, целуются.

Савелий невозмутимо продолжает:

— МЕНЯ ЧАСТО СПРАШИВАЮТ ПОКЛОННИКИ: “А СКОЛЬКО ВАМ ЛЕТ?”

Я ГОВОРЮ: “А СКОЛЬКО ДАДИТЕ?”

ОНИ ГОВОРЯТ: “ВАМ ДАДИМ... ОТ ТРЕХ ДО ПЯТИ ЛЕТ... СО СТРОГОЙ ИЗОЛЯЦИЕЙ!”

Тут публика издает вой, вскакивает с мест, плачет от счастья...

(Позже, познакомившись с Савелием поближе, я с удивлением обнаружил, что он — довольно образованный молодой человек, любит литературу, мечтает сыграть Хлестакова и всерьез изучает основы иудаизма. Впрочем, все это скрывалось от публики. Народ имел такого Крамарова, которого хотел видеть...)

— МЕНЯ ЧАСТО СПРАШИВАЮТ: “А КТО, САВЕЛИЙ, ВАША ЖЕНА?”

Я ГОВОРЮ: “А ВЫ КАК ДУМАЕТЕ?”

ОНИ ГОВОРЯТ: “ДУМАЕМ, ОДНА ИЗ ДВУХ... ЛИБО — АВДОТЯ НИКИТИЧНА, ЛИБО — ВЕРОНИКА МАВРИКИЕВНА!!.”

Обвал. Вой, стон. Первые обмороки...

Вот какова была его слава. И вот от чего он однажды решил отказаться, подав документы на выезд в Америку.

Начальство ахнуло: и чего такому человеку не хватало?

Интеллигенция тут же сочинила злую остроту насчет очередной “утечки мозгов”.

Простой народ просто отказался верить, восприняв происходящее как очередную хохму:

— Савелий явреем заделался? Ну, молодец... Ну, дает... Ну, наливай!

Фильмы с его участием еще некоторое время продолжали показывать по телевизору, хотя фамилию из титров аккуратно вырезали. Идиотизм нашей цензуры! Как будто Крамарова можно было с кем-то перепутать!

Потом интерес к нему стал ослабевать, хотя иногда советскую общественность и будоражили слухи о его судьбе: снимается в Голливуде, сделал операцию по исправлению косоглазия и теперь играет исключительно агентов КГБ. Очевидно, американцы уверены, что у агентов — исключительно прямой и ясный взгляд на мир.

Перестройка вернула Крамарова стране. Сначала в титрах, потом — в газетных интервью, потом он возник перед нами во плоти.

1992 год. Кинофестиваль в Сочи. Дирекция готовится к встрече голливудской кинозвезды. ...Бронированный лимузин, несколько плечистых телохранителей... Однако, к удивлению организаторов, всякие предосторожности оказались ненужными. Крамарова никто не атаковал, не похищал, толпы поклонников не разрывали его на части.

На встречах со зрителями он повторял еще классическую репризу:

— ДРУЗЬЯ! КАК ВЫ ПОМНИТЕ, Я ВСЕГДА ИГРАЛ ЖУЛИКОВ, АЛКАШЕЙ И ПРИДУРКОВ! ОЧЕВИДНО, ПОЭТОМУ ВЫ И ВСТРЕЧАЕТЕ МЕНЯ КАК...

Шутка не работала. Встречали спокойно.

Страна изменилась: алкаши стали наркоманами, жулики ушли в коммерцию, придурки возглавили партии и беспрерывно митинговали. Крамарову некого стало представлять, кроме самого себя. А это и есть самое сложное в судьбе артиста.

Иногда он рассказывал зрителям о своих грандиозных успехах в Голливуде, но делал это как-то неуверенно... И о толпах своих новых поклонников на бульварах Лос-Анджелеса тоже повествовал как-то нечетко, без подробностей. При этом в его округлившись глазах стала появляться скрытая печаль...

Меня лично это порадовало. “Теперь он сможет сыграть Хлестакова”, — подумал я, и даже представил, как трагически и достоверно прозвучит в его устах фраза про “сорок тысяч одних курьеров...”

А слава, в конце концов, — дело наживное.

Его и сегодня все-таки узнают на улицах.

Помню, мы договорились встретиться у театра “Ленком”. Он вышел из такси. Проходившие по улице две девушки и мужчина остановились как вкопанные.

— Смотри-ка! — сказала первая. — Это ж ...артист! Ну... как его... В Америке живет который... Еще лицо переделал который...

— Джексон?! — подсказала вторая.

— Ну! Не... А может, и не Джексон...

— Ладно! — сказал мужчина, обрывая спор. — “Жексон-Фуксон!”
Пошли! Магазин закроется!

И они быстро побежали прочь, не оглядываясь на бывшего кумира.

Э. А. РЯЗАНОВ

С Эльдаром Александровичем Рязановым мы дружим давно. Поэтому я принимал участие во всех его многочисленных юбилеях, презентациях и фестивалях, посвященных его творчеству. Всякий раз сочинял шуточные послания...

Но неутомимый Эльдар живет такой бурной творческой жизнью, что никакой фантазии уже не хватает.

Поэтому я заготовил в компьютере стандартное послание, которое можно подредактировать для любого торжественного случая в жизни Рязанова.

Это послание, кстати, могут использовать и другие многочисленные поклонники Эльдара Александровича...

Уважаемый товарищ Рязанов! (Дорогой Эльдар Александрович! Милый Эльдар! Элик! и т. д. Нужно обращение подчеркнуть, в зависимости от степени близости к юбиляру.)

Разрешите от всей души поздравить Вас (тебя) с юбилеем... (презентацией... открытием новой программы... годовщиной со дня выхода на экран... годовщиной со дня запрета выхода... на экран... с окончанием строительства гаража и т. д. и т. п.) и просто с хорошей погодой, поскольку плохой, как поется в песне, и не бывает, за что огромное Вам спасибо!

Все мы бесконечно любим и ценим фильмы (книги, стихи, песни, передачи, роли, интервью, созданные Вами, а также слухи,

сплетни, домыслы, созданные нами про Вас, Ваших родных и друзей), за что Вам тоже огромная народная благодарность!

Старшее поколение нашей страны, которое помнит Вас давно... еще со времен Кутузова в исполнении Игоря Ильинского, глубоко Вам признательно за заботу и внимание.

Взять хотя бы любимую народом “Иронию судьбы!”

В трудные годы антиалкогольного маккартизма, в подполье, люди собирались группами по трое, чтоб посмотреть этот фильм или даже просто понюхать кассету, после чего наступало то “хорошее настроение, которое не покинуло наш народ до сих пор в предновогодние дни!”

Юное поколение училось у героев Ваших фильмов, у легендарного Деточкина... который, как известно, воровал машины, а деньги отдавал детским приютам.

Сегодня бывшие приютские дети уже выросли и, наконец-то, сами воруют машины, а в приюты отдают взрослых!

За ту Большую дорогу, на которую Вы их вывели, огромное спасибо Вам, дорогой Эльдар Александрович!

А сколько новых женских имен Вы открыли за свою кинематографическую судьбу! Людмила Гурченко! Алла Пугачева! Светлана Немоляева! Татьяна Догилева! Лия Ахиджакова! Всех не перечислишь!..

В таком цветнике у многих творцов закружилась бы голова, но Вы, как истинный художник, видели в женщинах прежде всего товарища по работе, и ни на ком из них даже не женились ни разу, за что и огромная Вам благодарность от всей общественности! Мы бы могли и дальше говорить о Ваших заслугах в свете очередного непонятно какого Вашего юбилея, но лучше всего об этом поет сам народ в стихах, которые Вы ему подсказали...

**У ПРИРОДЫ НЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ!
ВСЯКАЯ ПРИРОДА — БЛАГОДАТЬ!
ХОРОШО В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА
ЗА ЭЛЬДАР АЛЕКСАНЬЧА ПОДДАТЬ!**

(Далее — пожатие рук, объятия, поцелуи, совместная выпивка, поспешное бегство со сцены и т.д., в зависимости от ответных чувств, охвативших юбиляра после такого приветствия.)

М. В. МИРОНОВА В ПАРИЖЕ

Этот монолог был написан давно, лет двадцать назад.

М. В. Миронова и А. С. Менакер были приглашены с выступлениями в знаменитый парижский концертный зал “Олимпия”. Стали думать над соответствующим репертуаром. И пришли к выводу, что лучшие сатирические монологи и сценки не могут быть использованы, поскольку французы их просто не поймут.

Мне показалось это несправедливым. “Как это не поймут? — негодова! я. — Хорошенько объяснить — поймут!”

И для примера предложил вступительное слово Ведущему зала “Олимпия”, предваряющее знаменитый “Монолог колхозницы”, который Мария Владимировна с огромным успехом исполняла во многих концертных залах Советского Союза...

По прошествии времени я вижу, что сегодня такие пояснения нужны уже и нынешним юным зрителям, для того чтоб и они знали, над чем смеялись советские люди совсем недавно...

Итак, представьте: концертный зал в Париже! Появляется Ведущий и на чистом французском языке обращается к залу:

“Мадам и месье!

Сейчас вы увидите выступление ведущей комической актрисы советской эстрады мадам Мироновой. Наши небольшие пояснения помогут вам ощутить всю прелесть и своеобразие специфического русского юмора...

Итак, мадам Миронова исполняет монолог простой русской женщины, колхозницы, приехавшей в Москву за покупками.

Сразу поясняем, что поездки из провинции в столицу за покупками — это старая добрая традиция, существующая в России. И, разумеется, в столице едут вовсе не потому, что в провинции чего-нибудь нет, а исключительно потому, что в столице хоть что-нибудь есть...

Поэтому мадам Миронова и появляется на сцене с двумя большими странными саквояжами, или, говоря по-русски, “авоськами”.

Авоська — это специфическая безразмерная ажурная русская сумочка, названная так в честь знаменитого спектакля Театра Ленком “Юнона и Авось”, гастроли которого с успехом прошли в Париже.

Выйдя на сцену, мадам Миронова начинает добродушно сетовать на “очереди” в магазинах. Русское понятие “очередь” можно перевести на французский как слово “ле тайон”, и означает оно огромное скопление людей, которое можно наблюдать в магазинах Парижа, скажем, в канун праздника Рождества. Так вот в Москве такой праздник — каждый день!

Это и создает постоянную, знакомую многим, специфическую атмосферу веселой толкотни, дружеский обмен репликами и пуговицами от пальто.

Далее мадам Миронова говорит об особенностях московского такси. В отличие от парижского, московское такси обычно едет не по маршрутам, нужным пассажирам, а в особом направлении, именуемом в России единым словом: “В-п-а-р-к!” “Парк” по-французски — “ле жардэн” — место прогулок и отдыха граждан.

Поэтому, если почему-либо пассажир не захочет ехать в парк, “ле жардэн”, ему и советуют гулять пешком или отдыхать прямо здесь, сидя на тротуаре...

Далее мадам Миронова жалуется, что не может попасть в московскую гостиницу, ибо всюду стоят таблички: “СВОБОДНЫХ МЕСТ НЕТ”...

Здесь комизм положения объясняется особенностями русского языка, в котором не существует выражения “СВОБОДНЫХ МЕСТ ЕСТЬ”.

Такое, как говорят русские, просто язык не повернется сказать. Поэтому везде и стоят таблички “свободных мест нет”, которые вовсе не означают, что мест нет, и вообще — ничего не означают, а просто являются частью интерьера.

На самом деле в Москве много гостиниц, в том числе и суперсовременных отелей, построенных шведами, финнами и турками, которые, построив эти отели, там и живут...

Заканчивая свой монолог, мадам Миронова прощается со столицей, при этом у нее на глазах наворачиваются слезы. Такое сочетание смешного с грустным — тоже особенность русского юмора. У них бытует даже поговорка: “У нас где смех, где слезы — без поллитра не разберешь”.

Поэтому желающим почувствовать все очарование русского юмора мы и посоветуем обратиться к спиртному и при этом помнить, что “поллитрой” в России именуют обычно литр или два, короче столько, сколько нужно, чтоб заставить себя смеяться и плакать одновременно...

На этом я заканчиваю свои пояснения и советую всем скорее перейти к пониманию...

Благодарю всех! Гран мерси! А вотр де санте!”

ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ

(Репортаж из будущего)

2 ДЕКАБРЯ 2005 года.

АГЕНТСТВО “ИТАР-ТАСС”.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

РУССКАЯ АВТОНОМНАЯ РЕСПУБЛИКА КИПР.

“Сюда на частном самолете неожиданно прилетел знаменитый актер, народный артист РСФСР, СНГ, ЮАР, Израиля, Анталии и других русскоязычных территорий Геннадий Хазанов.

В аэропорту состоялась пресс-конференция. Артист вышел к журналистам, как всегда, в наряде “от Зайцева” — белый льняной костюм, шлепанцы на босу ногу, ондатровая шапка.

Замысел прославленного кутерье легко угадывался: российский человек на выезде должен выглядеть элегантно, но как бы все-таки... и чуть-чуть с мороза.

Первый вопрос журналистов:

— Геннадий, откуда у вас самолет?

— От верблюда! Вот этого! — с улыбкой отвечает Геннадий и показывает для рекламы пачку сигарет “Кемел”.

Все смеются. Приятно, что разговор начался такой изящной шуткой... Виктора Шендеровича.

(Хазанов всегда после удачной репризы называет ее автора, а после неудачной — сообщает зрителям его, автора, домашний адрес и телефон...)

ВОПРОС: Геннадий, сможем ли мы увидеть ваши новые работы в театре и кино?

ОТВЕТ: А это вам к окулисту надо! Он скажет: сможете вы еще что-то увидеть или нет? (Шутка Лиона Измайлова, Москва, Рижский проезд, телефон: 282-93-06.)

Отсмеявшись, журналисты настаивали:

— И все же, в какой театральной роли вы появитесь? Фигаро? Хлестаков? Гамлет?

ОТВЕТ: Не угадаете... Начал репетировать Дон-Кихота!..
Общее изумление.

— Но ведь Дон-Кихот, он, все-таки, — традиционно — очень длинный, — робко замечает один из корреспондентов.

— Как говорила одна знакомая девица, — парирует Хазанов, — дело не в размерах! Был бы резвый и веселый...! (Шутка неизвестного автора, за нее он был убит и похоронен на Востряковском кладбище.)

ВОПРОС: Геннадий, вы прибыли сюда, на Кипр, в качестве гастролера или в качестве отдыхающего?

ОТВЕТ: В качестве заложника!

Общий смех. Просят указать автора.

— Он — за спиной! — говорит Хазанов и тихо добавляет: — Дураки! Это уже серьезно!

Только тут все замечают за спиной артиста хохочущего человека, с безумным глазами и острым ножом в руках.

— Псих из местных патриотов-киприотов! — поясняет Хазанов. — Взял меня в заложники, а в качестве выкупа потребовал устроить веселый концерт!..

Повисла тяжелая пауза.

— Чего затихли? — улыбается Хазанов. — Обстановка нормальная... Я давно привык так работать!..

— Караул! На помощь! — простонал один из корреспондентов.

— Без паники! — крикнул Хазанов. — Группа “Альфа” уже вылетела! Надеюсь, у нее найдутся гранаты с веселящим газом!.. А вы, если хотите помочь, то — смейтесь! И как можно громче! Иначе — мне хана!

Он сделал шаг вперед.

Зритель-террорист, с ножом, двинулся за ним, освещая путь своей идиотской улыбкой... Корреспонденты, смеясь и рыдая, пристроились сзади...

Эта странная процессия, под музыку, направилась в сторону моря...

Хазанов шагал уверенно, непрерывно острил, строил рожи, разбрасывал нищим деньги и репризы...

Сейчас он, действительно, был чем-то похож на маленького Дон-Кихота! Или на большого Чаплина!.. А может, просто на себя, молодого, пятидесятилетнего?.. Глядя ему вслед, так и хотелось крикнуть:

— СЧАСТЛИВОГО ПУТИ ТЕБЕ, АРТИСТ!

(Информация из будущего получена по факсу специально для Театра эстрады, где праздновалось 50-летие Г. В. Хазанова 2 декабря 1995 года.)

ПОРТРЕТ ЖВАНЕЦКОГО

(на фоне его 60-летия)

Дорогой Миша!

Выходить с шутками на твоём юбилее — самоубийство!

И все-таки я добровольно вливаюсь в число камикадзе, таранящих этот микрофон, поскольку нет выхода: выступить — страшно, не выступить — стыдно!

Миша! Ты столько людей веселил на столько юбилеях, что, казалось, можно из твоих старых реприз скроить послание и тебе. Не получилось!

Твои шутки не трансплантируются, они отвергают чужой организм!

Что ты сделал с нашим жанром, Миша? Десятки сатириков с красивыми книжками стояли у микрофонов и веселили советскую публику, пока не возник ты, с мятыми листочками, исписанными детскими каракулями...

Народ понял, что смеялся неправильно, и помрачнел. Это был взлет и падение жанра одновременно!

Сатирики затосковали.

Арканов от безвыходности запел. Саша Каневский и Семен Лившин вообще уехали из страны, но ты их достаешь по новому месту жительства и своими шутками мешаешь получать причитающиеся эмигрантские пособия... Чиновники социальных отделов морщат лбы и задают им неприятные вопросы: “Почему этот, со старым драным портфелем, такой веселый и — ТАМ, а вы грустные, с такими новыми чемоданами, и — ЗДЕСЬ?”

Нельзя бесконечно повышать уровень, Миша! Там, где летаешь ты, уже разряжен воздух, и нормальные люди задыхаются.

“Какое счастье, что Жванецкий не играет на скрипке!” — сказал Спиваков.

“И не танцует!” — добавил Барьшников...

От себя добавлю: слава Богу, Миша, ты не пишешь пьес, и даешь, тем самым, возможность пристойного существования. Но поскольку у тебя характер неумный и ты после 60-ти вдруг надиктуешь какое-нибудь “Горе от ума”, драматургам приходится подумать о куске хлеба на будущее...

Поэтому я решил заняться живописью. И первый портрет, который я нарисовал, — твой. Вот он!!

Метода моей работы известна с детства: я рисовал по клеточкам. Взял твою фотографию, разделил на клеточки и перенес на бумагу... Клеточка за клеточкой... Изнурительный труд, Миша, так мучалась, наверное, та слепая женщина, которая ткала ковер вождю...

Клеточка — ресничка, три клеточки — нос... Я впервые видел тебя за решеткой, Миша, и мне захотелось сделать что-то приятное для узника.

Во-первых, я добавил тебе волос... Учítывая твой неослабевающий интерес к женщинам, подумал, что это будет неплохо...

Во-вторых, чуть-чуть подправил глаза. Мне давно не очень нравятся твои глаза, Миша... В них поселилось много грусти и беспокойства. Даже когда ты читаешь очень смешное, глаза не успевают повеселеть.

Я, вообще, давно обратил внимание, что у тебя и остальной организм не успевает за твоими же собственными мыслями... Мысли — под небесами, а организм все еще сидит на вчерашнем банкете и доедает салат... Я сделал тебе спокойные глаза, полные созерцательного достоинства. Поэтому в трудную минуту советую смотреть не в зеркало, а на мой портрет...

Еще я пририсовал немножко разных деталей, для символизма... Кусочек моря, это — Одесса. Немножко Петербурга, немножко Москвы, немножко Калифорнии, немножко Тель-Авива... Земля, которая тебе дорога! Глупые люди утверждают, что земля должна быть одна. Она и есть у тебя одна, Миша, только она большая...

И Родина — огромная: весь мир, где понимают по-русски...

Так что летай над ней, Михаил... И над Москвой, и над Нью-Йорком, и над Череповцом, посылая... всех завистников куда подальше!

И звони, когда сможешь.

И на мои вопросы о твоей жизни ты всегда отвечай мне одной и той же любимой цитатой:

— Нормально, Григорий! Нормально!...

6 февраля 1994

ПЕРЕПИСКА С АРКАДИЕМ ХАЙТОМ!

К моему шестидесятилетию мой друг писатель Аркадий Хайт написал мне письмо... Нет, вру! Писал он его к 50-летию, т. е. в 1990-м году... Но зная, как плохо работает наша почта, решил, что дойдет письмо только через десять лет... Причем я в этот момент (так он посчитал), возможно, окажусь где-то в эмиграции и мне будет интересно узнать, как идут дела в стране...

Аркадий Хайт — писатель с удивительно веселым воображением! Перечитывая его письмо и поражаюсь, как он многое предвидел...

Да и в моем ответе, написанном тогда же, почти десять лет назад, что-то сегодняшнее явно угадано.

Одним словом, считаю возможным обнародовать нашу сугубо личную писательскую переписку из... непонятно какого времени!

АРКАДИЙ ХАЙТ — ГРИГОРИЮ ГОРИНУ

(Зачитано 12.03.1990 г. Дом архитекторов. Москва.)

Гриша, дорогой, здравствуй!

Вот и двухтысячный год на дворе. Вспомнил, что тебе стукнуло 60, и решил черкнуть письмо, рассказать о нашем житье-бытье.

Событий у нас много. Как говорится, живем плохо, но интересно.

Вчера, например, провожали в эмиграцию последнего еврея. Их теперь принимает только Конго, со столицей в Браззавиле. Народу в Шереметьево собралось уйма. Было много цветов и прощальных речей. Очень тепло говорил Станислав Куняев. Даже плакал. Его тоже можно понять. На кого теперь валить все беды страны?

83 годовщину Октябрьской революции отметили скромно. Не было никакого военного парада. Только не подумай, что у нас нет больше армии. Армия есть. Нет бензина. Так что в этот день по телевизору показали только прием в Кремле. Было довольно мило, много послов из разных стран: мордовский посол, якутский посол, временный поверенный Тюмени и... генеральный консул Химки-Ховрино.

Кстати, помнишь Ельцина? Он тоже выступал. Говорил, что у его правительства разработана новейшая программа к цивилизованному рынку. На этот раз переход к рынку предполагается сделать *подземным*, так что, боюсь, опять никто ничего и не заметит.

Впрочем, Бог с ним, с рынком. Тут у нас дела поинтересней. В прошлом месяце, наконец-то, похоронили Владимира Ильича Ленина. Так что мавзолей освободился.

Союз театральных деятелей борется, чтоб помещение отдали им, поскольку есть Михаил Ульянов... В некотором роде — прямой наследник. Но, думаю, шансов у них мало... Скорей всего там откроют еще один "Макдоналдс"...

Что еще? КПСС побеждает на выборах и заявляет, что она немедленно выполнит свою продовольственную программу.

Дело в том, что в обещаниях их партии, оказалось, была допущена ошибка! Мы считали, что нормой будет считаться 4 кг мяса на человека, а они считали, что будет 4 кг мяса на человеке!

Ну вот, а теперь разобрались и все очень довольны!

Гриша, тебя, конечно, интересует, что происходит в мире искусства?

В литературе — затишье. В Театре, как обычно, бурная жизнь.

Знаешь, МХАТ еще раз разделился! Теперь их у нас четыре. Все — академические.

Ефремов настоял, чтоб эмблему хотя бы частично оставили ему. Так что у него на занавесе — скелетик чайки.

В кино приятная новость. Эльдар Рязанов помирился с Войновичем и, кажется, будет, наконец, ставить новый фильм про Чонкина. (Помнишь его конфликт с английской кинофирмой? Они финансировали фильм, но требовали, чтобы Чонкина играл Барышников.) Теперь все изменилось. Они финансируют фильм, но требуют, чтобы Чонкина

играл... Растропович. Причем на виолончели! По-моему, будет оригинально...

Гриша, дорогой! Очень часто вспоминаем твоё 50-летие в ресторане Дома архитекторов. Было тепло, сердечно, а главное, в последний раз хоть поели по-человечески. Сейчас, по прошествии десяти лет, вспоминаешь, сколько замечательных людей сидело за столом. Наверное, это и есть — главное в жизни. Были и остаются только верные друзья. Будь же счастлив, Григорий. Где б ты ни был.

Но лучше всего — рядом с нами!

ГРИГОРИЙ ГОРИН — АРКАДИЮ ХАЙТУ

Осень 2001 года.

Дорогой Аркадий!

Ты даже представить не можешь, как я обрадовался твоему письму! Весточка с Родины — что может быть дороже для нас, эмигрантов, особенно таких, как я?

Ты ведь слышал, наверное, что и за рубежом я оказался не по своей воле: этим летом, слуду, поехал отдохнуть в Коктебель, а в это время Украина полностью отделилась, наконец, от СНГ, а Крым, в свою очередь, отделился от Украины, а затем уже и от материка.

Сбылось пророчество Васи Аксенова, и Крым стал островом.

Но даже Аксенов, с его фантазией, не мог предположить, что отделение на этом не закончится и Крым тоже распадется на ряд независимых районов, лагун и утесов, на одном из которых я сейчас и нахожусь, с видом на жительство, на высоте двадцать метров над уровнем моря.

Впрочем, не жалею, утес как утес, условия по нынешним временам неплохие: есть вода, рыба, водоросли... Рыба, правда, радиоактивна, зато водоросли содержат фосфор. Поэтому рыба, поедая водоросли, нейтрализуется, превращаясь в фосфор, а я, питаясь рыбой, свечусь во тьме, отчего проходящие мимо пароходы принимают меня за маяк и обходят стороной...

Но не в этом главные трудности! Главная беда для нас, эмигрантов, — отсутствие вестей с Родины. Поэтому, Аркадий, можешь представить, какой крик радости я испустил, когда обнаружил в проплывавшей мимо бутылке твое письмо.

Спасибо, друг! Проглядывая размытый текст, обнаружил всего несколько знакомых слов... Что-то про Ельцина... про МХАТ... Сердце застучало. Я чуть не расплакался.

Боже мой, подумал я, как интересна ваша жизнь на пятнадцатом году перестройки, на десятом году осуществления знаменитой экономической программы в 500 дней!

Только отсюда, с высоты утеса, сидя голой задницей на камне, начинаешь понимать, как мы были несправедливы к собственной перестроечной жизни конца 80-х, как не умели ценить ее достоинств.

Разве это было не счастье — зайти в пустой магазин и поболтать со скучающим продавцом о жите-бытье?

Разве это не радость — в дождливую погоду сесть в свой старенький автомобиль, в котором давно нет бензина и колес, но зато еще работают дворники, и, включив их, можно подолгу наблюдать, как красиво сбегают серебристые капли со стекол.

А вечером, придя в нетопленный дом, выпить рюмку одеколона, закурить чинарик, найденный в подъезде, и сесть у телевизора, где по всем программам выступают депутаты. И уже совсем ночью, обалдев от мнений и прений, юркнуть в теплую постель, которую нагрела жена, спящая там в шубе...

Все это — огромное счастье, Аркадий! Запомни!

Я пишу это письмо с болью, ибо выцарапываю его обломком гранита на скале и боюсь, что набегающая волна смоет это послание вместе со мной.

Если это случится и археологи найдут мою наскальную надпись, я бы хотел, чтоб они не искали ее расшифровку в культуре древних этрусков, а знали, что она была написана свободным постсоветским человеком, чья свобода достигла абсолюта. Подскажи им это, Аркадий!

И еще. Растолкуй людям, что не бывает трудностей, которые не становились бы удовольствиями, переходя в разряд воспоминаний.

За сим прощай, друг! Держитесь там, на материке... Мысленно с вами!

Если рискнешь написать еще, брось бутылку по такому адресу:

“Бывший СССР. Бывший Крым. Бывший Пик социализма, ныне — Вторая демократическая впадина. Пещера номер один. Копать до упора...”

Если кто-то откликнется — спросить Гришу”.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Автобиография	7
Рассказы	12
Монологи	66
Одноактные пьесы	87
Соло для дуэта	137
Маленькие комедии большого дома	138
Кот домашний средней пушистости	182
О бедном гусаре замолвите слово	229
Театр — в театре! Кино — в кино!	293
Прощай, конференсье!	295
Счастливых-Несчастливых	347
Трехрублевая опера	398
Иронические мемуары	429

*По вопросам
приобретения и распространения
книги Г. Горина*

*"Прощай, конференсье!"
обращаться по телефонам:
(095) 912 1898 и 911 1598
ООО "Комэкспортторг"
(оптовые партии),
"Книжная лавка у Сытина"
Пятницкая, 73
(095) 230 8900, 230 8863
(мелкооптовые поставки)*

**Издательство готовит к выпуску
вторую книгу Г. Горина
"Королевские игры".**

*В розницу
книгу Г. Горина
"Прощай, конференсье!"
можно приобрести
в следующих магазинах г. Москвы:*

*Москва, ул. Новый Арбат, 8
"Московский Дом Книги"
(095) 290 4507*

*Москва, ул. Мясницкая, 6
"Библио-Глобус"
(095) 928 8621*

*Москва, ул. Большая Полянка, 28
"Молодая Гвардия"
(095) 238 5001*

Горин Г. И.

Прощай, конференсье! —

Издательство "Стоок" Москва, 1997. - 32 илл., 456 стр.

ISBN 5-89549-010-7

В первую книгу избранных сочинений Григория Горина включены юмористические произведения, написанные в разные годы и с успехом исполнявшиеся на эстраде, радио, телевидении, в театре и кино нашими самыми популярными артистами — М. Мироновой и А. Менакером, А. Мироновым, А. Папановым, Т. Пельтцер, В. Гафтом, А. Ширвиндтом, М. Державиным и др.

Горин
Григорий Израилевич

**ПРОЩАЙ,
КОНФЕРАНСЬЕ!**

Ответственный за выпуск А. Осолоков
Художественный редактор Г. Вардапетян
Редактор С. Бредис
Технический редактор К. Беляков
Корректор Т. Сологуб
Художник А. Сарьян
Оформление обложки К. Симочкина
Дизайн и компьютерная верстка С. Закарян

Л. Р. № 065054 от 07.03.1997г.

Сдано в набор 7.06.97г. Подписано в печать 20.08.97г.

Формат 60х90/16. Гарнитура Таймс.

Отпечатано с оригинал-макета издательства

"Стоок" по заказу фирмы "Экобизнес"

Марийским полиграфическо-издательским

комбинатом республики Марий Эл. 424000,

г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

Тираж 10000 экз.

Григорий Горин
Прощай, конференсье !